

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

М. Л. Титаренко

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Россия, Китай
и другие страны Азии

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2008

**ББК 66.4 (2 рос)+65.9(2рос)8
Т45**

Ответственный редактор
доктор экономических наук *В.И. Шабалин*

Титаренко М. Л.

Т45 Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.: Памятники исторической мысли. 2008. – 624 с.

ISBN 978-5-88451-237-5

Новый фундаментальный труд академика РАН М.Л.Титаренко является продолжением многолетней комплексной исследовательской работы автора по широкому спектру проблем междивизиационных отношений, а также вопросам международной безопасности, политических, экономических и гуманитарных отношений России с Китаем, двумя корейскими государствами, Японией. В книге анализируется трехсторонний формат взаимодействия России, Индии и Китая.

В центре внимания находится тема интеграции нашей страны в экономическое и цивилизационное пространство АТР, места и роли РФ, ее дальневосточных регионов в Азии.

Последовательно отстаивая и развивая теорию нового евразийства, академик М.Л. Титаренко анализирует феномен уникальной геополитической самоидентификации России.

ББК 66.4(2рос)+65.9(2рос)8

ISBN 978-5-88451-237-5

© Титаренко М.Л., 2008
© Институт Дальнего Востока, 2008
© Яковлев В. Ю., оформление, 2008

В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить...

Н.С. Трубецкой

Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава.

Л.Н. Гумилев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в середине XVIII века, когда консолидировалось централизованное российское государство в виде Российской империи, основоположник российской науки, образования и реформатор русского языка Михайло Ломоносов впервые комплексно сформулировал три стратегические задачи, которые должно решить российское государство, чтобы обеспечить устойчивое и нормальное развитие и играть отведенную ей историей роль. Эти три программных задачи сводятся к следующему.

Во-первых, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹.

Во-вторых, «когда ему... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»².

В-третьих, одной из ключевых задач российской власти великий ученый считал «сбережение» и «приумножение российского народа» не менее чем по 1 млн новорожденных в год. В этой связи он придавал важное значение налаживанию добрых отношений сотрудничества русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока.

Прошло почти 300 лет, но выдвинутые М.В. Ломоносовым три стратегических задачи, как условия успешного развития России, по-прежнему остаются исключительно актуальными. Нужно отметить, что выдающиеся умы России и в последующие времена также неоднократно подчеркивали исключительную важность развития и освоения Сибири и решения вышеназванных задач.

При этом особо указывалось на необходимость осознания политиками и всей российской элитой геополитической реальности, крайне необычного евразийского географического положения России. И в этом плане указывалось на важность использования международного фактора – сотрудничества с нашими дальневосточными соседями в освоении Сибири и Дальнего Востока.

Особое внимание при этом обращалось на необходимость укрепления взаимодействия, взаимопонимания и даже союзнических отношений с Китаем. Великий ученый и патриот России Д.И. Менделеев в своем труде «Заветные мысли» делал особый акцент именно на важность российско-китайского сотрудничества. Он указывал, что оно имеет непреходящее значение для создания благоприятных условий соразвития наших стран. Ученый писал: «...всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени»³.

Касаясь значения российско-китайского сотрудничества для общего мироустройства, Д.И. Менделеев отмечал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли»⁴.

Поэтому национальное самосознание граждан России и его суперэтноса – русских не может не учитывать того непреложного факта, что русская и российская цивилизации сложились, развиваются и проявляют свое животворное действие на том геополитическом пространстве, где пересекаются и взаимовлияют друг на друга такие великие мегацивилизации, как великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угро-финская, мусульманская, китайская, индийская, тюркско-монгольская, а также цивилизации малых коренных народов, живущих в Сибири и на Дальнем Востоке. История последних двух столетий свидетельствует, что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то в сторону Европы или Востока, неизбежно ведут к раскачке базиса общества и подрывают основы идентичности общества. Страна, ее культура и экономика в этом случае вновь оказываются в состоянии «шпагата». Лишь осознание неразрывной целостности двух этих важнейших

сторон государственной идентичности позволяет России уверенно и стабильно двигаться вперед.

В первое пятилетие после распада Советского Союза российская политика приобрела уродливую и односторонне прозападную ориентацию в экономической, гуманитарной и других сферах. Разрушительные последствия такой неоправданной односторонней ориентации известны и не требуют подробных комментариев. Постепенное выправление этого тяжелого одностороннего крена началось с кратковременного премьерства Е.М. Примакова. Затем выправление политической линии получило постепенное развитие в течение восьми лет президентства В.В. Путина. Позитивные итоги этого курса – укрепление внутренней стабильности в России и ее международного положения – наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации.

По сути дела, моя новая книга является продолжением, развитием, дополнением, уточнением и кое в чем исправлением прежних исследований и возникших в ходе этой работы идей и прогнозов. Я по-прежнему настаиваю, что для внутреннего и международного благополучия необходимо последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначимости внимания как западному, так и восточному азимуту внутренней и внешней политики. Другими словами, неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России.

В книге «Россия лицом к Азии» (1998 г.) автор решительно оспаривал тезис российских либералов и радикал-патриотов, которые усердно хоронили Россию, делили ее территории, отрицали самобытность российской цивилизации, рассматривали вестернизацию России как неизбежное и необходимое включение России в некую «мировую цивилизацию». «Иного не дано» – провозгласили они. Поскольку, по их словам, мир стоит перед лицом столкновений цивилизаций. Автор же утверждал, что иное дано. «Оно заключается в возрождении России через возрождение национального самосознания ее граждан, всех ее народов и наций, в укреплении на такой основе их сотрудничества, взаимопонимания и дружбы с целью концентрации своих усилий на развитии экономики, культуры и образования, науки Отечества. Иное состоит в неустанном заботливом пестовании отечественных корней культуры, ибо только тогда воспрянувшая демократическая Россия предстанет не жалким слепком Запада, не его заурядным эпигоном, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»⁵.

Дальнейшее развитие и обогащение эти идеи получили в моих книгах: «Китай: цивилизация и реформы» (1999 г.), «Россия. Безопасность через сотрудничество: восточно-азиатский вектор» (2003 г.) и в совместном труде с Б.Н. Кузыком «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития» (2006 г.).

Конечно, прошедшие годы подтвердили обоснованность высказанной веры в силы нашего народа, нашего Отечества. В последних заявлениях покинувшего свой пост президента России В.В. Путина и в выступлениях президента Д.А. Медведева на XII Петербургском международном экономическом форуме 7 июня 2008 г. последовательно проводится идея о том, что «...Россия сегодня – глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых «имперских амбиций», а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями и соответствующими ресурсами»⁶.

Представляемый читателям труд дополнен обстоятельным анализом состояния и перспектив развития российско-китайского стратегического партнерства, правовой основой которого является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Большое внимание в работе уделено 30-летнему опыту проведения политики реформ и открытости в КНР, раскрывается многотрудный поиск китайских политиков и ученых оптимальных решений сложных проблем развития страны и преодоления возникших в ходе реформ противоречий.

Анализируя различные аспекты теории и практики социализма с китайской спецификой, поиски китайских руководителей новых теоретических и методологических обоснований этой теории, автор показывает грандиозные трудности, стоящие на пути Китая, и одновременно подчеркивает исключительное международное значение этих поисков для будущего страны и развития мира в целом.

Неслучайно ряд глав этой книги посвящены аргументированному опровержению концепций неизбежности краха китайского эксперимента, якобы неизбежности повторения Китаем судьбы Советского Союза. Особое внимание во многих разделах книги уделяется показу эффекта резонансности развития Китая и России, необычайно богатого потенциала соразвития двух стран.

Большое место в книге занимает раздел, связанный с деятельностью Шанхайской организации сотрудничества и теми сложны-

ми вопросами, которые приходится решать многим государствам Центральной Азии вместе с Россией и Китаем в условиях глобализации. Поиск оптимальных путей соблюдения и согласования национальных интересов, выработка взаимоприемлемых решений по обеспечению безопасности, борьба против «трех зол» – экстремизма, терроризма, сепаратизма, выработка совместных мер по обеспечению экономического подъема на основе углубления всестороннего сотрудничества – вот главные задачи, которые решают страны – члены ШОС.

Особое место в книге занимает раздел, посвященный новой форме стратегического взаимодействия – диалогу трех великих держав евразийского континента – России, Индии и Китая. Укрепление взаимопонимания и сотрудничества этих стран приобретает особо важное значение в условиях нынешнего международного кризиса и подрыва международно-правовых основ нового порядка. Равноправный диалог трех держав не направлен против третьих государств. Он базируется на общности или близости интересов развития и обеспечения безопасности. Взаимодействие трех великих евразийских держав играет и будет играть возрастающую роль в выработке новых принципов международной безопасности и нового международного порядка, гармонизации и демократизации международных отношений.

Автор исходит из того, что коллективные миротворческие усилия России, Китая, Индии и других стран в современных условиях имеют неопределимое и судьбоносное значение. Ныне человечество переживает сложный, переломный, критический этап своей истории, когда происходит изменение парадигмы цивилизационного развития.

Нынешний этап глобализации привел во многом к непредвиденной ситуации. Она характеризуется взрывным ростом производительных сил в тех регионах мира, которые прежде веками пребывали в отсталости в доиндустриальной фазе развития. Развивающиеся страны, которые прежде были поставщиком сырья и дешевой рабочей силы, превращаются теперь в мировые фабрики и становятся крупными потребителями энергетических и продовольственных ресурсов. Прежнее разделение труда между западной метрополией и бывшими колониями отходит в прошлое.

Известный политолог и журналист, член Европарламента Джульетто Кьеза не без оснований утверждает: «Мир приблизился к той черте, которая в докладе Римского клуба 70-х годов

умозрительно была обозначена как пределы роста»⁷. Главный вывод эксперта заключается в том, что «прежнее долгое преуспевание «золотого миллиарда» может застопориться. Нашла кося на камень: сама природа как ресурс пользования ненасытных экономик «взбунтовалась», ограничив нашу жажду потреблять жесткими пределами. В следующие 10, 15, 20 лет это станет совершенно очевидно»⁸. По утверждению Дж. Къеза, дальнейшее развитие ситуации ведет к самым угрожающим последствиям: «Такому контрапункту линейного и геометрического развития, конфликту среды обитания и техносферы, по моему убеждению, будут сопутствовать большие войны. Надо быть готовыми к этому»⁹.

В этой ситуации не исключено, как утверждает известный российский ученый, геополитик, генерал армии М.А. Гареев, может произойти так, что «вместо солидарного компромиссного решения проблемы выживания те, кто обладает превосходящей силой, пойдут на насильственный захват ресурсов развития, а все остальные окажутся перед необходимостью защитить себя, свои национальные ресурсы»¹⁰.

Есть ли выход из этой чрезвычайно опасной ситуации? Выход один. И его настойчиво предлагают Россия, Китай, Индия и Бразилия. Мировое сообщество должно согласованными солидарными усилиями ответить на драматический вызов судьбы, противопоставить попыткам узаконить кулачное право и двойные стандарты систему безопасности на основе сотрудничества, новый справедливый, демократический мировой порядок, укрепить правовые основы международных отношений на базе Устава ООН. Чтобы избежать катастрофы, необходим открытый искренний диалог на всех уровнях политики с привлечением интеллектуальных сил планеты. Именно этим целям служат российские инициативы, направленные на выработку концепции безопасности на основе сотрудничества, создания новой структуры энергетической, экологической, культурной безопасности. Этим же целям служат китайские идеи гармонизации мира, совместные инициативы стран – членов ШОС, усилия стран по предотвращению распространения ядерного оружия.

Одной из форм неконфронтационного сдерживания наступления агрессивных сил НАТО стало стратегическое партнерство и взаимодействие России и Китая, а также создание различных новых коллективных форм сотрудничества и защиты своих национальных интересов, таких, как Шанхайская организация сотрудни-

ничества и другие формы обеспечения коллективной безопасности. Новым специфическим форматом поиска компромиссных неконфронтационных форм защиты своих национальных интересов в условиях силового доминирования НАТО и США стал многоступенчатый диалог России, Индии и Китая, к участию в котором проявляют заинтересованность и некоторые другие страны, например, Бразилия.

Последний раздел книги посвящен актуальным проблемам, связанным с ситуацией на Корейском полуострове и решением вопросов ядерной безопасности, созданием безъядерной зоны на Корейском полуострове. Автор исходит из того, что эта проблема имеет политическое решение на основе признания реальности существования двух суверенных государств, уважения интересов безопасности всех участников диалога и невмешательства во внутренние дела корейских государств.

Итак, предлагаемая читателям книга затрагивает широкий комплекс вопросов межгосударственных и межцивилизационных проблем и новых вопросов теории международных отношений в условиях глобализации. Автор откровенно высказывает свою точку зрения и открыт к диалогу и дискуссии. Разумеется, как и во всяком научном поиске, в книге возможны недостаточно обоснованные идеи или выводы. Автор искренне будет благодарен за любую конструктивную критику.

В заключение автор должен признать, что без большой помощи своих друзей и коллег эта книга едва ли бы появилась. Административная текучка, командировки, конференции, симпозиумы и т.п. оставляют мало времени для сосредоточенной научной работы. Многие подготовленные вечерами или в выходные заготовки, размышления порою становятся частями докладов или выступлений на различных конференциях и симпозиумах или уходят в архив.

Большую помощь в работе мне, безусловно, оказали деловые советы и суровая редакторская правка моего старого друга и коллеги д.э.н., главного научного сотрудника ИДВ Шабалина В.И., а также с.н.с., редактора Демченко М.В., к.и.н. Уянаева С.В., к.и.н. Ганшина В.Г., к.и.н. Сафроновой Е.И., к.филол. н. Румянцева Е.Н.

Автор считает своим долгом выразить благодарность замечательному специалисту, главному библиографу Синологической библиотеки (Отдел библиотечно-библиографического обслуживания ИНИОН РАН в ИДВ РАН), подвижнику и ветерану библиотечного дела в России Валентине Петровне Журавлевой.

Трудно оценить огромную техническую работу, которую пришлось проделать моей помощнице Галушко Н.И. Значительную техническую работу провела также Плошкина С.Ю.

Автор будет счастлив, если этот труд поможет россиянам укрепить их веру в свое Отечество, а нашим зарубежным друзьям и партнерам понять Россию и убедиться еще раз в искренности устремлений граждан нашей страны к дружбе, добрососедству, взаимовыгодному сотрудничеству и доброжелательному равноправному диалогу.

Примечания

- ¹ Ломоносов М. Записки по русской истории. М., 2003. С. 392.
- ² Там же. С. 388.
- ³ Менделеев Д. Заветные мысли. М., 1995. С. 375.
- ⁴ Там же. С. 376.
- ⁵ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 6.
- ⁶ Выступление Д.А. Медведева 7 июня 2008 г. на XII Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type122346_202221>shtm
- ⁷ Европа и Россия в сумерках «договорного капитализма» // Отечественные записки: [Прил. к газ. «Советская Россия» 19.06.2008]. № 13 (159). С. 14.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 15.

РАЗДЕЛ I

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОСНОВЕ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АТР. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ МОСКВЫ В РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА

Россия имеет фундаментальные интересы в Азии прежде всего в силу своего геополитического положения – евроазиатской принадлежности, которую осознавали еще наши предки, когда шли на Восток, принося в этот мир высокую техническую и просвещенческую культуру.

Внешне никто не оспаривает и порою даже цитируют пророческие слова основателя русской фундаментальной науки и университетского образования М.В. Ломоносова о том, что могущество России Сибирью и Северным океаном прирастать будет¹. Однако на практике при определении стратегии развития нашей страны эти слова или забываются, или трактуются в сугубо квазиколониалистском смысле – как право на бесконтрольное выкачивание ресурсов региона, не оставляя ничего взамен. Настало время осознать крайнюю опасность продолжения такой практики.

Накануне поездки в Бруней на саммит форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) в ноябре 2000 г. президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть»². В этих словах не только ретроспективный взгляд на прошлое, но и обращение к задачам будущего по определению роли и места нашей страны в азиатском сообществе.

Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляют для России сферу жизненно важных интересов, занимая все более важное место в иерархии внешнеполитических приоритетов в силу исторического опыта, традиций, экономических и культурных связей. Две трети нашей страны находится в Азии. Здесь проживают более 30 млн российских граждан, сосредоточено от 60 до 80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения – от леса, пресной воды, цветных и редких металлов до нефти, газа, каменного угля, алмазов и т.д.

В настоящее время АТР превращается в самый мощный центр мирового экономического и культурного развития, где сосредоточены самые крупные в мире финансовые ресурсы, что открывает возможность их использования для ускорения экономического и социального развития российского Дальнего Востока, взаимовыгодного его соразвития с соседними странами Восточной Азии.

Следовательно, при формулировании и претворении в жизнь политики РФ в отношении стран АТР, в частности в области экономических связей, необходимо принимать во внимание специфику исторического опыта становления России в качестве евроазиатского государства, не допуская «отставания» азиатского вектора внешней политики от европейского «собрата», обеспечивая сбалансированную «бинаправленность» – европейскую и азиатскую – внешней политики нашей страны. Только видение Российского государства в евразийском контексте дает необходимую методологическую основу для разработки геополитически и геоэкономически сбалансированной реалистичной стратегии развития.

Вместе с тем, определяя место РФ в АТР, необходимо учитывать еще одну ее «двойственность», а именно исторически сложившуюся двухуровневость российской экономики. В связи с тем, что в ходе взаимодействия России со странами Восточной Азии (Тихоокеанская Азия)* на авансцену выходят ее дальневосточные районы, при определении внешнего курса РФ в отношении государств этого региона представляется крайне важным сочетать общероссийские интересы и интересы нашего Дальнего Востока.

Политические аспекты взаимоотношений России со странами Восточной Азии

Динамизм и противоречивость общественно-политических процессов государств громадного, все еще «беспокойного» региона Восточной Азии в условиях глобализации, серьезные изменения в их международной жизни порождают многообразие политических, экономических, гуманитарных проблем и вопросов. Перед российской дипломатией возникают как новые вызовы, так и новые возможности для инициативных акций.

Сложный, переходный характер системы международных отношений на глобальном и региональном уровнях, чреватый неопределенностью, тревогами и даже конфликтами, заметно усложняет разработку и принятие внешнеполитических решений, требует поиска новых, нестандартных подходов к новым, не имеющим прецедента, проблемам, накладывает особую ответственность на тех, кто их формулирует и проводит в жизнь. Выигрыш в новой международной обстановке определяется способностью быстро и гибко адаптироваться к ее требованиям и вызовам, используя передовые интеллектуальный, информационный, коммуникационный и технологический потенциалы, опираясь на совокупную мощь государства, которая во все большей мере определяется экономическими факторами, уровнем развития человеческого потенциала и информационных технологий. В последнее время международные отношения в Восточной Азии, которые являются неотъемлемой частью глобальных связей, проходят стадию значительных изменений, трансформации основных параметров – структуры, конфигурации, состава участников.

Эти изменения, естественно, носят противоречивый, многоплановый характер. Впервые за многолетнюю историю международной жизни АТР произошла нормализация контактов, были установлены дипломатические отношения между основными державами региона, что открыло возможность для развертывания как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества. В частности, уход в прошлое биполярной конфронтации предопределил перемены в Юго-Восточной Азии – позволил вступить в члены АСЕАН Лаосу, СРВ и Камбодже. Это способствовало превращению Ассоциации в подлинно региональную организацию, повысило ее устойчивость, вес на региональной и мировой аренах. В Северо-Восточной Азии становление отношений России и Китая с Южной Кореей устранило односторонность корейской

политики этих двух великих держав и открыло реальную возможность для мирного диалога между двумя корейскими государствами³.

Развитие производительных сил стран региона, интернационализация их хозяйственной жизни, улучшение международной политической обстановки способствовали интенсификации интеграционных связей между государствами региона, что благоприятствует их дальнейшему социально-экономическому развитию.

Вместе с тем по числу конфликтных ситуаций, застарелых и новых проблем, вызовов и угроз регион АТР, прежде всего Северо-Восточная Азия, пожалуй, идет «впереди планеты всей». Достаточно перечислить некоторые из них, чтобы иметь общее представление о сохраняющемся уровне конфликтности в регионе. Незатухающее противостояние Севера и Юга Кореи, политическая напряженность во взаимосвязях Китая и Тайваня при сохраняющейся тенденции к развитию экономических контактов, что объективно создает предпосылки стабилизации отношений между ними, территориальные споры вокруг Южнокурильских островов и архипелага Спратли, сохранение внутривнутриполитической напряженности в Гонконге в связи со сложностями процессов его адаптации к социально-экономическим реалиям континентального Китая⁴.

В сфере безопасности на первый план выходят новые либо не стоявшие столь остро проблемы и вызовы, прежде всего это касается противостояния международному терроризму. В этом же ряду находится проблема межэтнических противоречий, сепаратистских настроений, нередко подогреваемая экстремистскими элементами. Сохраняется память о последствиях японской агрессии против стран Восточной Азии в 1930-е годы. Война США в Ираке внесла напряженность в общественную жизнь стран региона со значительной мусульманской прослойкой. По-прежнему острыми являются вопросы разоружения, контроля над вооружениями, нераспространения ядерного оружия и оружия массового поражения. Их актуальность определяется тем, что два крупных азиатских государства – Индия и Пакистан стали обладателями ядерного и ракетного оружия. Сохраняющееся недоверие между странами региона стимулирует наращивание вооружений. Кризис вокруг ядерной программы Северной Кореи обострил проблему нераспространения ядерного оружия.

Вместе с ростом значения экономического фактора во внутренней и внешней жизни стран региона все большее значение

приобретают задачи проведения экономических реформ, социально-экономического развития государств Восточной Азии, обеспечения стабильности стран с переходной экономикой.

В целом, международные политические и экономические отношения в Восточной Азии находятся в состоянии перехода к новой модели, которой еще предстоит сформироваться окончательно и «отстояться». Строго говоря, отход от биполярной структуры в этом регионе, похоже, начался раньше, чем в других районах, скажем, в Европе, в связи с выбором Китаем более самостоятельного внешнеполитического курса с 1970-х годов. Высказывается мнение, что многосторонность современного мира зародилась со времени побед национально-освободительных революций и движений и появления крупных независимых государств в развивающемся мире.

Прекращение раздела мира на два противостоящих блока открыло для многих стран региона, прежде всего средних и малых, возможность проведения самостоятельного внешнего курса. В становлении и развитии интеграционных процессов в Восточной Азии в целом решающее слово, как правило, принадлежит государствам, объединившимся в группировку АСЕАН⁵.

В последнее время все более активно и определенно звучат высказывания представителей политических и научных кругов в пользу так называемого «азиатского пути» развития, под которым понимаются – в общих чертах – преобладающее влияние восточно-азиатских стран на принятие решений по основным вопросам жизнедеятельности региона и создание механизма принятия решений, в основе которого лежат социокультурные ценности азиатского политического и общественного истеблишмента. В основе «азиатского пути» лежит традиционная философия подхода к решению возникающих проблем на основе обсуждения, взаимной помощи, поиска компромиссов, движения по темпу «последнего верблюда в караване». Особое значение в этой связи имеет изречение Конфуция: «Не делай другим того, чего не желаешь себе». Еще раньше это же сказал Будда Шакьямуни. Позднее почти буквально эта мысль воспроизведена в Евангелии и в Коране. Такие принципы, в том числе и положение о недискриминации «третьих стран», не являющихся участниками данного регионального экономического объединения, представляют собой один из краеугольных камней теории «открытого регионализма», выступающего в качестве концептуальной основы движения за развитие интеграционных процессов в Восточной Азии.

В архитектонике современных международных политических и экономических отношений государств Восточной Азии с точки зрения состояния и перспектив развития и в будущем сохранится преобладающее влияние комплекса взаимоотношений «четырёхугольника» США–КНР–РФ–Япония.

Произошли серьезные изменения в соотношении и расстановке сил внутри «четырёхугольника». Заметно усилились позиции и влияние Китая. Руководство КНР выдвинуло и начало осуществлять стратегию «мирного возвышения» Китая. Россия и другие соседи КНР, а также США с большим вниманием следят за развитием реального содержания этой стратегии. Пекин подчеркивает, что он учел негативный и позитивный опыт возвышения Германии, Японии и Советского Союза. На XVI съезде КПК в 2003 г. была сформулирована идея укрепления международных позиций КНР не путем диктата, гегемонизма и политики силы, а на основе развития сотрудничества, политики открытости и соразвития. По-прежнему сохраняется выдвинутая Дэн Сяопином стратегия сдержанного поведения на международной арене, суть которой состоит в том, что КНР «не должна высовываться», не должна стремиться быть первой и возглавлять какие-либо международные действия, которые непосредственно не затрагивают китайские интересы, что следует избегать конфронтации, проводить самостоятельный и независимый курс, не вступать в союзные отношения с крупными странами.

Однако объективно процесс возвышения КНР неизбежно будет порождать те или иные новые противоречия с ее партнерами. Что касается России, то ей отводится важная роль стратегического партнера и надежного тыла, важного рынка и источника технологий и сырья. Опираясь на успехи в хозяйственном строительстве, используя усиление тенденций многостороннего сотрудничества в рамках «треугольника» Китай–Япония–Южная Корея, КНР шаг за шагом вытесняет США с позиций главного торгового и инвестиционного партнера Японии и Южной Кореи. После финансового кризиса в Восточной Азии 1997–1998 гг., когда Пекин фактически оказал поддержку странам ЮВА, отказавшись девальвировать юань, последние все чаще смотрят в сторону Пекина при необходимости решения тех или иных проблем внешнего и внутреннего порядка. КНР становится инициатором большинства интеграционных формирований в Восточной Азии, бросая вызов Японии, которая традиционно считалась лидером интеграционных процессов в этом регионе.

Сохраняя преобладающие военно-политические позиции, Вашингтон в конкурентной борьбе с Китаем начинает сдавать ему экономические позиции в регионе. США оказываются вне растущего числа региональных объединений, инициированных КНР, а это чревато тем, что рано или поздно Америке придется столкнуться с высокоинтегрированным рынком стран Восточной Азии, где ключевую роль будет играть Пекин. США уступили КНР право быть главным магнитом притяжения внешних инвестиций в мире. США проигрывают КНР и на рынке сравнительно дешевых, но качественных товаров. Вашингтон считает, что Китай и Япония «ответственны» за 35% дефицита торгового баланса США, и хотел бы возложить решение этой проблемы на Пекин, настаивая на повышении курса китайского юаня.

Проводя прагматический внешнеполитический курс, активизируя его азиатское направление прежде всего на путях стратегического партнерства с Китаем, опираясь на известные позитивные сдвиги в экономическом и государственном строительстве, Россия смогла выйти из зоны политического небытия в Восточной Азии, хотя остаются серьезные проблемы по обретению и упрочению экономических позиций в регионе.

Укрепление долговременных позиций России в Восточной Азии, усиление ее веса в структурах многостороннего экономического сотрудничества во многом зависят от дальнейшего углубления взаимоотношений с КНР, которая последовательно и основательно осваивает лидирующие позиции в делах Восточной Азии, получая все более полное признание этой тенденции со стороны членов восточно-азиатского сообщества. Важным вкладом в развитие двусторонних отношений явился визит президента России В.В. Путина в Китай в октябре 2004 г. В Совместной декларации закреплена необходимость «непрерывного наполнения новым содержанием российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства⁶». Особое значение в этом направлении имеет утверждение сторонами «Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005–2008 годы)». Прорывной характер российско-китайской встречи на высшем уровне во многом связан с достижением окончательного урегулирования пограничных вопросов между двумя странами. В экономической области акцент делается на переломе в деле инвестиционного сотрудничества, стыковке китайских планов развития Северо-Западных и Северо-

Восточных районов и российской программы подъема Сибири и Дальнего Востока, на широком взаимодействии в высокотехнологических областях, освоении космоса, создании передовых технологий при сохранении значения сотрудничества в топливно-энергетическом комплексе, атомной энергетике. Отмечена необходимость диалога и координации действий по обеспечению мира и стабильности в АТР, взаимодействия на двусторонней и многосторонней основе с другими государствами и региональными форумами. Было подчеркнуто значение Регионального форума АСЕАН в качестве «самого главного официального многостороннего канала в Азиатско-Тихоокеанском регионе по вопросам, связанным с безопасностью, диалогом и сотрудничеством»⁷.

Видимо, урегулирование пограничных вопросов с Китаем навело российских дипломатов на мысль о возможности использования опыта российско-китайского пограничного урегулирования при постановке вопроса о продвижении территориальной проблемы в отношениях России с Японией. Сейчас преждевременно говорить о результатах переговоров по данному вопросу, но хотелось бы привлечь внимание к серьезному различию в характере двух вышеназванных проблем⁸. Хронические экономические и финансовые трудности Японии последних лет, сохраняющиеся проблемы прошлого, связанные с агрессией Японии против стран Восточной Азии в 1930-е годы, не позволяют Токио рассчитывать на повышение своего политического и иного веса в странах Восточной Азии при сохранении значительных экономических позиций в регионе.

Углубление российско-китайского партнерства придает РФ более прочные позиции, что, думается, побудит Японию искать расположения России и Китая для того, чтобы сохранить хотя бы нынешний уровень независимости и позиции в мире.

На характер взаимоотношений между США–Китаем–Россией–Японией будет оказывать взаимопроникновение двух основных тенденций. Первая из них – углубление взаимодействия, уплотнение сети контактов и связей. В определении характера двусторонних отношений между каждой парой стран «четырёхугольника» присутствует термин «партнерство», хотя конкретное содержание этого термина в ряде случаев заметно различается. Вместе с тем геополитические факторы будут и впредь определять разный уровень сотрудничества, выявлять сферы соперничества и известного противостояния стран-партнеров. Речь, прежде всего, идет о разногласиях США и Китая по достаточно широко-

му кругу вопросов, США и Японии – по экономическим проблемам, об американо-российских расхождениях, связанных с попытками Вашингтона следовать курсом «односторонности» в этом регионе и на мировой арене.

Тенденция к многосторонности проявляется в подходах к поиску урегулирования ситуации на Корейском полуострове. При определенных условиях встречи шести стран по проблеме ядерной программы Северной Кореи имеют перспективу перерасти в многосторонний диалог в целом по вопросам безопасности и стабильности на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии. В пользу такого развития событий высказался ряд участников шестисторонних переговоров. Это отвечает интересам России, ибо возрождает ее роль в этом регионе в качестве одного из ведущих факторов.

В рамках поливекторной дипломатии России все более важный и самоценный характер приобретают ее отношения с АСЕАН, которая во все большей мере становится центром влияния в АТР. Пожалуй, наиболее активно идут взаимодействие и консультации России со странами АСЕАН в политической сфере, при этом учитывается растущий авторитет этих государств, выступающих с инициативных и деловых позиций в международных связях, прежде всего в Тихоокеанской Азии. Члены АСЕАН рассматривают Россию в качестве одной из ведущих держав региона, одного из основных партнеров диалога, важного субъекта политического взаимодействия в АТР. Некоторые страны не скрывают, что хотели бы видеть в России противовес замыслам США по формированию однополюсного мира, а также выступают против доминирования любой державы в Юго-Восточной Азии.

Активизация в последние годы террористической активности, в том числе и в странах АСЕАН, выдвинула на передний план задачу совместной борьбы с терроризмом. Россию и страны АСЕАН сближают общие подходы к противодействию международному терроризму и другим видам транснациональной преступности. Вместе с тем при проведении линии на расширение взаимодействия с АСЕАН в данной сфере целесообразно учитывать религиозно-этнический состав этих государств, в которых значительна мусульманская часть населения. Видимо, в этом плане выигрышным может стать акцент на многосторонние – в противовес односторонним – акции и не силовые, а экономические, финансовые, культурно-образовательные, пропагандистские методы действий.

В июле 2004 г. президент России В.В. Путин подписал закон «О присоединении Российской Федерации к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», тем самым была подчеркнута причастность России к проблеме обеспечения стабильности и безопасности в этом регионе. Принимая во внимание, что с аналогичной акцией выступила КНР, можно говорить о нарастании предпосылок обеспечения стабильности и безопасности в этом регионе⁹.

Интересы России в экономической сфере отношений со странами АТР

Динамичное экономическое развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона, позволившее им в основном преодолеть последствия финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., дальнейшее развитие их производительных сил, регионализация внешнеэкономических связей дают основания для прогнозирования продолжения и углубления интеграционных процессов в регионе, организационным ядром которых в настоящее время выступает АТЭС.

В последнее время на субрегиональном уровне здесь возникают одна за другой новые региональные организации, такие как АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), Восточно-азиатский форум, АСЕАН+1 и др. Активизировался процесс подписания соглашений о свободной торговле на двусторонней основе. Главным инициатором этих процессов выступает КНР. Они оказывают серьезное влияние на расстановку сил в регионе, на формирование здесь конфигурации международных экономических и политических отношений. Представляется, что при определении внешнеполитического курса России необходим внимательный учет этих факторов.

Дальнейшее развитие Россией экономических связей со странами АТР на двусторонней и многосторонней основе, активизация участия РФ в интеграционном поле АТР, прежде всего Северо-Восточной Азии, имеет прямое отношение к планам подъема восточных районов РФ.

При оценке положительных и проблемных аспектов дальнейшей вовлеченности России в интеграционные процессы в АТР, в том числе в АТЭС, прежде всего, видимо, следует исходить из того, что эти процессы имеют характер объективного явления, подготовленного глубинными процессами экономического разви-

тия региона, формированием международного разделения труда на базе развития производительных сил стран региона. Они будут идти и дальше – с возможными подъемами и спадами – независимо от субъективной политической воли и желаний, оставляя на обочине тех, кто выпадает из этих процессов.

Главная проблема *на пути активизации участия России в интеграционных процессах Восточной Азии – низкий уровень российской вовлеченности в экономическую жизнь региона*. Доля России во внешнеторговых операциях стран АТР находится в районе 1%, ее инвестиции в этих государствах незначительны. До тех пор, пока российские компании, российский капитал во взаимодействии с государством не выйдут основательно на рынки и в другие сферы экономики стран АТР, трудно говорить о реальных процессах интеграции России в экономическое пространство этого региона, равно как неуютным и неполноценным будет самочувствие российских представителей в рабочих органах АТЭС.

В настоящее время формируются основные направления, по которым российские компании при поддержке государства могут внести реальный вклад в развитие многостороннего экономического сотрудничества с государствами АТР, – это область энергетики, использование геостратегического положения России как естественной транспортной, коммуникационной связующей между Западом и Востоком, весомый научный потенциал. Наиболее масштабным видится сотрудничество в области энергетики, потребность в котором вызывается быстрым ростом спроса на энергоносители в странах СВА. При этом парадокс энергетической ситуации в этом регионе состоит в том, что при наличии значительных залежей энергетического сырья, прежде всего в Восточных районах России, основные потребители – Япония, Южная Корея, Тайвань подавляющую его часть привозят из других регионов. В связи с этим объективно открывается возможность для России инициировать проекты многостороннего энергетического сотрудничества в Восточной Азии на базе запасов нефти и природного газа Восточной Сибири и Дальнего Востока, что способствовало бы укреплению как глобальных, так и региональных позиций нашей страны.

Отправными позициями в этом направлении могли бы служить достаточно продвинутые и крупные Сахалинские проекты, в частности, «Сахалин-2», который не только находится на стадии реализации, но и приносит доходы, программа освоения газо-

вых месторождений Восточной Сибири, в том числе Ковыктинского в качестве одного из наиболее перспективных и часто обсуждаемых.

В послании Федеральному собранию РФ от 26 мая 2004 г. президент В.В. Путин назвал явно перезревшим вопрос об определении приоритетов в реализации экспортных поставок нефти. При этом было подчеркнуто, что ориентиром для принятия решений должно быть осуществление общегосударственных задач, а не интересы отдельных компаний. Действительно, решение проблемы ориентации нефтепроводов за рубеж имеет долгую и многотрудную историю. Неоправданное затягивание решения этой проблемы имеет негативные последствия для геополитического, внешне- и внутриэкономического имиджа России. Неопределенность и медлительность в принятии решений по нефтегазовым проектам, имеющим, казалось бы, важное хозяйственное значение, уже выплескивается и в политическую сферу отношений с соседними государствами, как это произошло, к примеру, в случае с многолетними переговорами с Китаем о прокладке нефтепровода Ангарск–Дацин.

В связи с намерением Японии подключиться к разработке нефтяных запасов Восточной Сибири в прессе встречаются заметки об усиливающейся борьбе между Токио и Пекином за доступ к нефтяным богатствам этого края. На наш взгляд, речь должна идти о взаимодействии, сотрудничестве трех крупных восточно-азиатских держав в освоении нефтяных ресурсов Восточной Сибири, что должно стать стержнем многостороннего энергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

Предпринимаются серьезные шаги в деле совершенствования транспортно-технологического обеспечения движения экспортных грузов по Транссибу и разработки вопросов стыковки с ним Транскорейской ветки, что приведет к созданию Трансевразийской магистрали, способной конкурировать с морскими путями из Азии в Европу. Однако, несмотря на известное увеличение перевозок по этой магистрали, их объем все еще далек от потенциальных возможностей осуществления транзитных потоков в силу нехватки капитальных вложений, сохраняющихся элементов бюрократического управления движением грузов на этой дороге.

В связи с расширением интеграционного поля в Восточной Азии, появлением новых региональных организаций представляется важным выработать формы и методы нашего участия в них, не принижая ценность сотрудничества с давно признанными реги-

ональными организациями, в том числе с теми, которые в силу разных причин остались вне российского поля зрения.

На развитие ситуации в Северо-Восточной Азии и в Центрально-Азиатском районе (ЦАР) не может не оказывать влияние создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшееся по инициативе двух влиятельных участников интеграционных процессов в Восточной Азии – России и Китая. Призванная заполнить политический «вакуум» в критический момент жизни стран Центральной Азии, когда активизация сил экстремизма, терроризма и сепаратизма стала представлять угрозу не только для государств региона, но и их соседей, ШОС превращается в настоящее время в многопрофильный механизм политического сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму во всех их проявлениях, а в перспективе – и в области экономического сотрудничества для содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию, повышению уровня и условий жизни народов стран этого региона.

Успешный старт ШОС – президент В.В. Путин назвал эту Организацию в числе «принципиально новых механизмов позитивного влияния на эволюцию системы международных отношений» – не должен заслонять немало число проблем, все еще разделяющих государства ЦАР на пути дальнейшего развития организации. В настоящее время это вызывает потребность в постепенных, осторожных, без забегания вперед, тщательно взвешенных шагах по закреплению взаимопонимания, воспитанию «чувства соседа», сближению и гармонизации интересов центрально-азиатских стран, в шагах, сопровождаемых осторожным поиском взаимовыгодных экономических проектов на основе согласия всех без исключения сторон, в том числе проектов, касающихся, например, острого вопроса пользования водными ресурсами¹⁰.

В связи со становлением новых региональных образований, таких, как АСЕАН+3, России приходится считаться с вновь складывающейся ситуацией в сопредельном районе. Практически к югу от российско-китайской границы до северного побережья Австралии создается громадная зона свободной торговли с населением около 2 млрд человек и совокупным национальным продуктом в 2 трлн долл., с формирующимся специфическим режимом и правилами. России, которая находится вне этой зоны, предстоит ответить на вызовы, связанные с ее возникновением, равно как определить открывающиеся возможности. В политическом

плане РФ позитивно оценила создание новых региональных организаций. Между Россией и Китаем достигнуто соглашение, что Пекин будет содействовать Москве в установлении отношений сотрудничества с АСЕАН+3. Однако основная работа еще впереди – определение конкретных направлений, форм этого взаимодействия.

Задача активизации участия и повышения внимания к новым региональным образованиям не должна отодвигать на второй план вопросы российского участия в традиционно действующих в регионе организациях, прежде всего в деятельности Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Это крупнейшая среди региональных комиссий ООН – в регионе ЭСКАТО проживает 3,8 млрд человек, или около 60% населения планеты, она универсальна по составу государств – членов организации и призвана содействовать социально-экономическому развитию стран Азии и Тихого океана, субрегиональному, региональному и межрегиональному взаимодействию. Особое значение и актуальность участие России в ЭСКАТО приобретает в связи с тем, что в рамках Комиссии возможно содействие разработке тех направлений сотрудничества, которые являются приоритетными для вхождения России в экономическое сообщество АТР: транспорт, энергетика, сфера информационно-коммуникационных и космических технологий.

Давно перезрел вопрос о вступлении России в члены Азиатского банка развития (АзБР), что могло бы дать возможность участвовать в реализации финансируемых банком проектов. Россия вправе претендовать на успешное участие в тендерах по таким проектам, особенно в странах, которые используют российские технологии – например, в среднеазиатских республиках СНГ – членах Банка. В целом, это открывало бы дорогу для более активного вовлечения российских предприятий в предпринимательскую деятельность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Целесообразно также активизировать поиски и разработку формата возможного участия России в АСЕМ.

Постепенное включение азиатской части России, прежде всего Дальнего Востока и Сибири, в систему мирохозяйственных связей представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития региона и государства в целом, устойчивого наращивания экономического потенциала и укрепления позиций России в мировой экономике. Поэтому *азиатско-тихоокеанское направление должно стать основным в страте-*

гии взаимодействия Дальнего Востока как неотъемлемой части России с мировым хозяйством, что одновременно отражало бы тесную взаимосвязь общегосударственных и региональных интересов РФ.

Как известно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют три основных центра экономического притяжения: 1) Япония и Южная Корея; 2) «Большой Китай» – КНР, включая Гонконг, Тайвань; с ним тесно взаимодействует Сингапур; 3) группа стран АСЕАН. Внимательный анализ возможного партнерства России с тремя основными центрами показывает, что наиболее перспективным как для России в целом, так и для Дальнего Востока, в частности, является «Большой Китай», экономическая роль которого будет повышаться по мере экономического роста КНР и присоединения к ней ее отдельных территорий, таких как Гонконг (присоединен в 1997 г.), Макао (присоединен в 1999 г.) и Тайвань (видимо, в ближайшие 5–10 лет).

Китай является оптимальным партнером для российского Дальнего Востока по многим показателям: наличие взаимодополняемости экономик – энергоресурсы, тяжелая промышленность, наукоемкие отрасли и добывающая промышленность – у России, легкая промышленность и наличие избыточной рабочей силы – у Китая; значительный объем валютных резервов у КНР, Гонконга, Тайваня и Сингапура и потребности Дальнего Востока в инвестиционном капитале; близость КНР, прежде всего Северо-Востока Китая, по уровню развития производительных сил и уровню технико-технологического развития производственной базы к уровню российского Дальнего Востока; географическая близость и наличие у Китая необходимой инфраструктуры для быстрого развертывания торгово-экономических отношений с российским Дальним Востоком. Кроме того, в политическом плане экономическая интеграция российского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем позволит найти оптимальное решение проблемы миграции из Китая в Россию и создать в перспективе новые рычаги давления на Японию и США как в рамках тихоокеанской политики, так и в масштабах глобальной мировой политики.

Для развития российского Дальнего Востока и Сибири наиболее предпочтительными сферами являются такие, как энергетика, транспорт, финансы, использование на контрактно-договорной основе иностранной рабочей силы для освоения Дальнего Востока и Сибири, особенно строительство объектов инфраструктуры – дорог, жилья, соцобъектов.

Среди этих проектов следует выделить четыре основных направления, которые и будут определять как дальнейшие перспективы развития российской экономики, так и возможности России для интеграции в экономику АТР. К ним относятся: 1) транспортировка нефти из России в Китай; 2) освоение Ковыктинского газового месторождения под Иркутском и поставка газа в КНР, Монголию и Корею, осуществление проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» и поставка газа в Корею и Японию; 3) переброска электроэнергии из Иркутской области в Китай и из Сахалинской области в Японию; 4) воссоздание и реконструкция Транссибирского контейнерного моста «Европа–АТР» за счет реконструкции Транссиба и БАМа, морских портов – Восточный в СЭЗ Находка, Владивосток и Зарубино и магистральных автомобильных дорог¹¹.

Осуществление этих проектов позволит оживить производственный спрос в азиатской части России, даст возможность предприятиям энергетики и транспорта путем активизации своих производственных связей обеспечить экономическое возрождение большого количества предприятий региона в различных отраслях народного хозяйства и, соответственно, создать большое количество новых рабочих мест. Реализация хотя бы части этих инфраструктурных проектов может обеспечить растущий антикризисный спрос на товары и услуги не только в районах Дальнего Востока и Сибири, но и неминуемо отразится на экономической ситуации в России в целом. Кроме того, позволит значительно улучшить инфраструктуру экономики в азиатской части России и сделать более привлекательным инвестиционный климат для иностранных бизнесменов.

Некоторые выводы и предложения

1. В перспективе можно ожидать усиление подвижности международной ситуации в регионе, тенденции к многосторонности в международных отношениях, развития интеграционных процессов, что будет означать новые вызовы и вместе с тем открывать возможности для свободы маневра, проявления инициативного подхода.

2. Принимая во внимание новые реалии в международной обстановке в регионе, целесообразно рассмотреть возможность разработки концепции внешнего курса России в качестве евроазиатской державы, оптимизации российского участия в интег-

рациональных процессах в регионе, которая предусматривала бы комплексный, всесторонний подход, координацию действий всех российских участников, взаимосвязь внешних и внутренних факторов.

3. В связи с новыми явлениями в интеграционных процессах в АТР представляется своевременным обновить Концепцию участия России в форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), одобренную президентом РФ в 2001 г.

4. ИДВ РАН в прогностическом материале о развитии Сибири и Дальнего Востока в 1994 г. выдвигал целый ряд практических рекомендаций по вопросам координирующей роли правительства в развитии новых районов и миграционной политике, сформулированных с учетом опыта Японии, Австралии, Канады, Израиля, Аргентины и Китая. Эти предложения, на наш взгляд, сохраняют свою актуальность. Среди этих рекомендаций высказывается мысль о необходимости дополнить вертикаль власти специальным правительственным высокоавторитетным органом, министерством по развитию Сибири и Дальнего Востока, которое бы возглавлялось авторитетным государственным деятелем на уровне первого заместителя премьера.

Необходимость в едином общегосударственном координационном центре по делам Сибири и Дальнего Востока представляется очевидной. Наличие подобного правительственного института в координации с деятельностью полномочных представителей и губернаторов стимулирует решение многих ныне трудно решаемых проблем развития Сибири и Дальнего Востока.

5. Представляется также важным восстановление самостоятельно действующей структуры на государственном уровне, координирующей участие российских организаций в деятельности АТЭС, АСЕАН.

6. Полезно предпринять шаги по завершению разработки нашей позиции в отношении формата сотрудничества с АСЕАН+3. Одним из наиболее реалистичных вариантов может быть следование прецеденту АСЕАНовских «постминистерских встреч», когда участники группировки после окончания своей конференции ведут консультации по отдельности с представителями заинтересованных стран региона.

7. В целях конкретизации путей вхождения России в интеграционное пространство Восточной Азии целесообразна углубленная проработка выдвинутых российскими и зарубежными специалистами конкретных проектов и предложений – создание Резерв-

ного фонда нефтяных ресурсов, Банка развития стран Северо-Восточной Азии.

8. Учитывая стратегическую важность укрепления позиции России в ЦАР и взаимодействия со странами-участниками ШОС, полагали бы целесообразным рекомендовать учредить в рамках РАН специальный исследовательский Центр по изучению проблем ШОС. Такие центры созданы в Китае и Казахстане. ИДВ РАН имеет контакты с этими центрами и сформировал проблемную группу по данной тематике, которая при необходимой кадровой и финансовой поддержке может превратиться в Центр научного сопровождения российской политики в ШОС.

9. Важное значение в практическом продвижении азиатской политики России в экономической сфере в АТР и привлечении внимания российского и зарубежного бизнеса к вопросам освоения и развития Сибири и Дальнего Востока имеет Байкальский экономический форум. Целесообразно придать ему не узко местническое иркутско-областное, а подлинно общерегиональное звучание как общего Сибирского и Дальневосточного форума. Это требует особого внимания к нему как со стороны Совета Федерации, так и Федерального Собрания в целом, включая Государственную Думу, а также правительства и администрации президента, всех сибирских и дальневосточных полпредов и губернаторов. В подготовке этого форума необходима помощь МИДа, посольств и торговых представительств России в странах Азии, особенно в соседних.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Время, прошедшее после подписания Россией и Китаем (16 июля 2001 г.) Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве показало, что он отвечает долговременным интересам укрепления безопасности и создания благоприятных внешних условий для развития каждой из сторон и поддержания стабильности не только в Азиатском регионе, но и в мире в целом.

В последние годы между РФ и КНР сложилась эффективно действующая многослойная система регулярных контактов на

высшем уровне и постоянно действующих встреч в рамках глав правительств и министров, на которых решаются актуальные проблемы развития двустороннего сотрудничества.

Визит президента В.В. Путина в Китай в октябре 2004 г. стал этапным событием в деле закрепления российско-китайских отношений на базе Договора и углубления стратегического взаимодействия двух стран. В ходе визита был окончательно решен пограничный вопрос, завершены переговоры о вступлении РФ в ВТО, утвержден план практических действий на 2005–2008 гг. по реализации Договора, намечены пути расширения инвестиционного сотрудничества, развития долгосрочного взаимодействия в области энергетики, банковской сфере, образовании. Стороны договорились вести совместную борьбу с контрабандой наркотиков и других товаров, незаконным оборотом оружия, нелегальной миграцией, преступлениями в сфере экономики, выразили готовность наращивать взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Визит подтвердил, что дальнейшее последовательное углубление сотрудничества между Россией и Китаем может стать одним из существенных факторов экономического соразвития восточных регионов России и западных и северо-восточных регионов Китая. Одновременно это сотрудничество играет важную роль в оздоровлении международной ситуации, нейтрализации мирового гегемонизма и политики силы.

Вместе с тем изменения внутри КНР и подвижки на мировой арене побуждают российскую сторону не предаваться самоуспокоенности по поводу позитивного развития ситуации в двусторонних отношениях. Стоит задача – неустанно бороться за Китай и китайский рынок. Речь идет о необходимости радикальных мер и серьезных шагов не просто по активизации стратегического партнерства двух государств, но прежде всего о наполнении его полномасштабным не только международно-политическим, но экономическим и гуманитарно-культурным содержанием.

Новое руководство Китая демонстрирует традиционное доброжелательное и заинтересованное отношение к России. В этом плане Пекин придерживается следующих четырех принципов развития двусторонних китайско-российских отношений: углубление взаимопонимания и доверия на политическом уровне, укрепление торгово-экономического сотрудничества, тесные консультации по стратегическим проблемам, расширение общественных обменов.

Россия объективно заинтересована в нормальном развитии Китая и сохранении там социальной стабильности. Выход российской экономики на траекторию роста 6–7% в год расширяет поле нашего двустороннего экономического и политического сотрудничества.

Существуют три возможных варианта сравнительного экономического развития РФ и КНР.

Вариант А. *Параллельный экономический рост Китая и России явился бы оптимальным сценарием с точки зрения российско-китайского сотрудничества и укрепления позиций Российской Федерации в мире.* Реализация такой перспективы требует немалых усилий со стороны как России, так и Китая, благоприятной международной обстановки и мировой экономической конъюнктуры. Здесь следует особо подчеркнуть необходимость проявления российским руководством и российской общественностью политической воли к широкому привлечению рабочей силы и инвестиций из КНР для освоения Сибири и Дальнего Востока, включая разработку полезных ископаемых и развитие инфраструктуры, в том числе на условиях концессии. Здесь требуется преодоление всякого рода наслоений прошлого и предубеждений.

Вариант Б. *Быстрый экономический рост и качественные сдвиги в народном хозяйстве Китая не сопровождаются структурными сдвигами и адекватным ростом экономического потенциала России.* В этом случае стратегическое партнерство России с Китаем будет мало-помалу заменяться доминированием последнего и попытками рассматривать РФ исключительно как сырьевую базу и рынок для КНР.

Вариант В. *Как Китай, так и Россия оказываются не в состоянии обеспечить высокие темпы экономического роста в течение достаточно длительного исторического срока.* В этом случае существующий мировой экономический и политический порядок с господством США и Запада получил бы дальнейшее укрепление и развитие, а Россия оказалась бы перед угрозой массового наплыва китайских беженцев.

Российско-китайские торгово-экономические отношения. Последние годы отмечены позитивными сдвигами в двусторонних торгово-экономических связях. Об этом говорит ежегодное увеличение объемов взаимной торговли.

Вместе с тем российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество нуждается в наращивании масштабов и совершен-

ствовании структуры. Так, например, в 2004 г. объем нашей торговли даже с учетом «серой зоны» был существенно ниже торговли Китая с ведущими партнерами – США (126 млрд долл.), Японией (134 млрд долл.), ЕС (125 млрд долл.). Малы объемы взаимных инвестиций – всего по несколько сот миллионов долларов. Во время визита премьера КНР Вэнь Цзябао в Москву (сентябрь 2004 г.) было объявлено, что Китай намерен до 2020 г. инвестировать в Россию не менее 20 млрд долл., т.е. по 800–900 млн долл. в год. Очевидно, что и в этом случае качественного сдвига в инвестиционном сотрудничестве не просматривается. В структуре российского экспорта в КНР доминируют сырье и продукция первичного передела, а доля машин и оборудования продолжает сокращаться – даже с учетом поставок по линии военно-технических связей.

Особого внимания требует решение проблемы поставок сырья в Китай. В России нередко звучат предостережения против превращения страны в сырьевой придаток КНР, а в КНР в свою очередь регулярно ставят вопрос о пробуксовке ряда крупномасштабных проектов в сфере энергетического сотрудничества. Подобные тенденции чреваты негативными последствиями для российской стороны. Во-первых, взаимодействие с РФ в энергетической сфере относится к числу приоритетов современной экономической политики КНР. Во-вторых, Китай постепенно превращается в экономического гиганта Восточной Азии, и поэтому перспективы вхождения России в экономические и политические структуры региона вскоре, возможно, в значительной степени будут зависеть от Пекина. В-третьих, наряду с северными проектами КНР активно ищет альтернативные каналы получения нефти и газа (в том числе из Центральной Азии). В этой ситуации отказ России от крупномасштабных поставок нефти Китаю мог бы лишь углубить существующие противоречия между двумя странами и поставить в целом под вопрос стратегическое партнерство между РФ и КНР. Соглашение об увеличении поставок российской нефти Китаю по железной дороге, несомненно, правильное решение, однако его можно расценивать лишь как промежуточное и временное.

Динамичное развитие двусторонних торгово-экономических связей служит гарантией общего поступательного продвижения вперед российско-китайских отношений в целом. В ходе визита президента В.В. Путина в КНР (октябрь 2004 г.) запланировано увеличение товарооборота между КНР и РФ до 60 млрд долл. в течение ближайших 5–6 лет.

Перспективы наращивания объемов и диверсификации форм торгово-экономического сотрудничества между РФ и КНР имеют вполне реальную материальную основу. Базой их реализации служат:

– стабильно высокая заинтересованность Китая в ряде ведущих товаров российского экспорта, особенно в нефти, газе, лесе, некоторых цветных металлах, а также в сбыте китайской продукции на российском рынке;

– заинтересованность россиян с невысокими доходами в поставках товаров ширпотреба из КНР, которые играют важную социальную роль, особенно в восточных российских районах;

– объективная потребность России в активном использовании «китайского фактора» для подъема азиатской части страны и для ее полноценной интеграции в регион Северо-Восточной Азии и АТР в целом.

Можно сказать, что в настоящее время РФ находится на критическом рубеже: либо мы проявляем политическую волю и идем на широкое сотрудничество с Китаем в освоении Сибири и Дальнего Востока (параллельно с участием в подъеме западных и северо-восточных регионов КНР), либо, поддавшись предрассудкам и мифам о «китайской угрозе», упустим этот шанс и объективно сохраним геополитическую уязвимость азиатской части страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подчеркнем в этой связи, что проблема «китайских мигрантов» ныне искусственно политизирована, а реальное количество китайцев в РФ невелико – порядка 200–300 тысяч. Важно ставить привлечение рабочих из Китая (в котором Россия объективно нуждается) на прочную правовую основу, воспитывать российское население в духе межэтнической толерантности.

Военно-техническое сотрудничество является одним из важнейших индикаторов доверия в российско-китайских политических отношениях. В этой сфере, однако, также существует ряд проблем, требующих своего решения. Это, в частности, опасения по поводу возможного нарушения общего военно-стратегического баланса между РФ и КНР; опасения относительно массового, в том числе незаконного или почти бесплатного перетока российских научных разработок и технологий, интеллектуальной собственности в Китай; потенциальная ответственность РФ как основного экспортера вооружений в КНР в случае возникновения вооруженного конфликта между Пекином и Тайбэем; опасения скорого свертывания Китаем крупномасштабного импорта вооружений из России¹².

Сотрудничество России и Китая на международной арене и влияние различных факторов на отношения двух стран. Новое китайское руководство подтвердило приверженность прежней стратегической линии «независимой и самостоятельной внешней политики», дополнив ее установками «брать человека за основу», «мирного возвышения Китая» и «борьбы с терроризмом во всех его проявлениях». Тем самым Пекин стремится учесть требования меняющейся международной обстановки, проявляет готовность к известной демократизации своей деятельности на международной арене, повышает ответственность государства в защите интересов своих граждан за рубежом, укрепляя патриотизм китайцев.

Особо следует подчеркнуть, что в КНР всемерно акцентируют внимание на мирном характере своего грядущего возвышения, которое трактуется как гармоничное соразвитие и сотрудничество со всеми государствами мирового сообщества. В целом внешнеполитическая доктрина Пекина и общая международная среда на данном этапе благоприятствуют сотрудничеству РФ и КНР на международной арене. Однако и на глобальном, и на региональном уровнях, и в рамках двусторонних отношений существуют факторы, как стимулирующие прогресс российско-китайских связей, так и осложняющие взаимодействие двух великих соседей.

На глобальном уровне некоторое потепление в отношениях между основными державами и появление новых глобальных угроз создают предпосылки для закрепления позитивных моментов во взаимосвязях России и КНР. К параллелизму действий Москвы и Пекина в борьбе за создание нового международного политического и экономического порядка в многополярном мире добавилась задача совместного противодействия международному терроризму и милитаризации космоса.

В то же время наметилась некоторая нестыковка позиций КНР и РФ по проблеме глобализации. В настоящее время активное включение в этот процесс создает больше возможностей для Китая (лучшие условия продвижения на мировые рынки широкой гаммы товаров и трудовых услуг), нежели для России, у которой только экспорт углеводородного сырья оказался высоко конкурентоспособным на мировом рынке. Соответственно, конкретные интересы стран в борьбе за получение выгод от углубления процесса глобализации нередко противоречат формальным декларациям Москвы и Пекина об их единстве в этом вопросе. И все же в целом на гло-

бальном уровне потенциал позитивного взаимодействия России и Китая зримо превышает асимметричность их позиций.

Ситуация на региональном уровне – в Северо-Восточной и Восточной Азии – сложнее. Это связано с тем, что в последние годы позиции Пекина в регионе заметно окрепли, и КНР уже оценивается здесь не как региональный фактор, а как великая держава, претендующая на роль глобальной силы. Порой это ведет к отходу Китая от параллелизма действий с Россией и недоучету ее интересов. Сохраняющаяся слабость экономического и военного присутствия РФ в регионе ведет к тому, что китайские аналитики в геополитическом и в геоэкономическом плане отдают приоритет конфигурациям Китай–США–Япония и Китай–США–Япония–Корея, подчас «забывая» о России. Для радикального изменения такого положения нужен прежде всего реальный подъем российского Дальнего Востока.

Хотя связи РФ и КНР сегодня в целом самодостаточны, тем не менее их «температура» и уровень в немалой степени зависят от характера политики США в отношении КНР и России.

Опыт прошедших десятилетий свидетельствует, что подчас Китай в случае обострения отношений с США старался компенсировать это форсированием связей с СССР/Россией. Однако подобная простая зависимость действует далеко не всегда. Пекин ныне по своей инициативе не пойдет на такое ухудшение контактов с Вашингтоном, которое поставило бы под сомнение возможность сохранения преимуществ в приоритетных областях торгово-экономических и научно-технических связей. Соединенные Штаты, которые весной 2001 г. нацелились было на материковый Китай как на главную угрозу своим интересам в Азии, после 11 сентября 2001 г. сосредоточили свои усилия на борьбе против «нетрадиционных угроз», в том числе против терроризма, и в попытках создания антитеррористического фронта стали рассматривать КНР как важного партнера. При этом представляется, что коренные противоречия Китая и США, их амбиции и соперничество на глобальном уровне неизбежны. Речь идет о таких долговременных факторах, как несовпадение, а во многом антагонизм цивилизационных, социально-политических и идеологических ценностей; неуклонный процесс подъема Китая, способного в перспективе бросить вызов глобальной американской гегемонии, соперничество с США и другими странами за энергоресурсы.

Несколько особняком стоит Тайваньская проблема, несущая в себе одновременно элементы и конъюнктуры, и фундамен-

тальности. Она является инструментом, при помощи которого Вашингтон способен регулировать уровень контактов с Пекином. При всем нежелании портить отношения с Западом Пекин должен определиться с этой проблемой в достаточно узких исторических рамках. Очевидно, что она не может оставаться вечно в подвешенном состоянии. Что касается России, то существенного пространства для маневрирования по тайваньскому вопросу у нее нет. Общая позиция Москвы могла бы быть сформулирована в триединой формуле: тайваньская проблема – внутреннее дело Китая; мы против ее интернационализации; выступаем за ее мирное решение, не подрывающее стабильности в АТР. Пекин ценит поддержку Москвой политики «одного Китая».

Касаясь влияния американского фактора на политику Китая, нельзя также не обратить внимания на приоритетность для Пекина отношений с Вашингтоном не только в силу их громадного материально-финансового наполнения, но из-за способности последнего в значительной степени блокировать возможность успешного выполнения стратегических целей экономического, научно-технического развития, а также внешней политики КНР.

По сути дела, Пекин вновь демонстрирует подходы классической китайской дипломатии – уступать стратегическую инициативу в обмен на удобное промежуточное положение, предполагающее балансирование между основными носителями противоречий. Это, в частности, подтверждается участвующим в последнее время появлением в китайской политической печати тезисов, что Китаю «не следует брать на себя роль главного ниспровергателя существующего международного порядка», что «борьба против гегемонизма не является стратегической задачей сегодняшнего дня», что Китай еще развивающаяся страна и не должен претендовать быть первым, что, наконец, КНР не стремится «выступать конкурентом США за преобладание в мире». Для китайского руководства необходимо сохранить эти позиции в отношении Вашингтона не на месяцы, а по крайней мере на десятилетия.

Все это говорит о том, что лидеры КНР склоняются в своей дипломатии к тому, чтобы придерживаться стратегией «наблюдать за пожаром с другого берега реки» и «позиции мудрой обезьяны, наблюдающей с вершины горы за боем тигров в долине».

Втягивание США в многочисленные конфликты с мусульманским миром, Северной Кореей, углубление противоречий США с Японией и Европой отвлекает Америку от Китая, позволяют Пекину сосредоточиться на долговременной политике само-

усиления КНР и «мирного возвышения» или «мирного развития» в соответствии с известным заветом Дэн Сяопина.

Укрепление стратегического сотрудничества между КНР и США наряду с параллельным ухудшением отношений каждой из этих двух стран с РФ было бы для нашей страны наихудшим сценарием. В этой связи чрезвычайно важным представляется устранение всех негативных наслоений, мешающих нормальному прогрессу, расширению стратегических направлений российско-китайских взаимоотношений партнерства и взаимодействия.

Если коснуться военно-политических аспектов отношений с Китаем, то основания для недовольства Пекин усмотрел в российской политике на глобальном уровне и в треугольнике РФ–КНР–США, как это ни парадоксально, уже в 2001 г., сразу вслед за подписанием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Сам факт его подписания как события важнейшего международного значения сомнению не подвергался. Наоборот, Договор во многом благоприятствовал Пекину, так как явился одной из основных причин, подтолкнувших Вашингтон к выравниванию своей китайской политики. Однако затем позиция Москвы по проблемам расширения НАТО на Восток, размещения американцами НПРО и ПРО ТВД, выхода США из Договора по ПРО была оценена как в определенной степени затрагивающая интересы Китая. Вслед за этим последовала дислокация военных баз США в Центральной Азии, которую китайцы рассматривали как свой глубокий тыл и сферу влияния Москвы. Издержки подобного развития событий для России и ее отношений с КНР были очевидны. Хотя это и не нашло прямого отражения в официальных заявлениях Пекина, однако поспешные односторонние уступки Москвы, сделанные без надлежащих консультаций с Пекином, были расценены в Китае как отход России от самостоятельной позиции и рецидив усиления прозападного влияния в российской дипломатии. Очень вероятно, что именно этим в определяющей степени объяснялась некоторая дистанцированность Пекина от российской позиции по иракской и некоторым другим проблемам¹³.

Растущее позитивное влияние индийского фактора на российско-китайские отношения выражается в двух основных областях – собственно трехстороннем сотрудничестве крупнейших стран Евразии и в известной соревновательности Дели и Пекина в стремлении «не отстать» друг от друга в налаживании сотрудничества с Москвой, прежде всего в военно-политической и между-

народной сферах. Проводимые по инициативе ИДВ РАН ежегодные конференции ученых трех стран превратились в фактор укрепления взаимопонимания и партнерства России, Китая и Индии¹⁴.

Влияние японского фактора на российско-китайские отношения носит однозначный характер. Хотя имеется некоторый позитивный потенциал, но он позицией Токио блокируется, а негативные моменты выступают на первый план. Это и провоцирующая роль в вопросе о строительстве трубопровода Ангарск–Дацин, и противодействие вступлению России в институциональные структуры АТР и в АСЕМ. Это проявляется и в том, что Токио обостряет переговоры с Пхеньяном второстепенными проблемами. Одновременно именно Токио пытается игнорировать и пересмотреть итоги Второй мировой войны и выдвигает территориальные притязания ко всем своим соседям: к России, к Китаю, к Корее.

Позитивное влияние на развитие сотрудничества России и КНР оказывает институционализация ШОС. Создание в рамках ШОС антитеррористического центра позволит в перспективе РФ и КНР совместно бороться с угрозами на проблемных участках близ их границ (сепаратизм, экстремизм, терроризм, наркотрафик и др.). Разрабатываются крупные экономические проекты сотрудничества.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в целом можно вполне оптимистически оценивать перспективы российско-китайских отношений. Оптимальным для наших стран вариантом является всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран. Главные плюсы этого варианта – придание долгожданного мощного импульса подъему Сибири и Дальнего Востока, усиление позиций России в Северо-Восточной Азии и АТР, подключение страны к получению реальных выгод от глобализации мировой экономики.

В ближайшее десятилетие акцент должен быть сделан на полной реализации очевидных сравнительных преимуществ России в энергоносителях, обладании обширной территорией и исполнении транзитных функций, которые в полной мере востребованы Китаем. Крупномасштабное привлечение китайских инвестиций в Сибирь и на Дальний Восток и подключение российских производителей к решению задач подъема Северо-Востока и Запада КНР способны существенно оживить российский маши-

ностроительный комплекс – поначалу на инновационном направлении, а затем и в форме массового производства современной продукции.

Межцивилизационное взаимодействие России и Китая объективно подпитывается не только традициями научно-образовательных и культурных связей 1950-х годов, но и все более глубоким осознанием в обеих странах несхожести их национальных духовных ценностей с западными, стремлением их руководства отойти от некритического восприятия иностранных методов и рецептов переустройства общества. Межцивилизационный диалог российской, русской культуры и китайской имеет солидную базу и приобретает широкий масштаб и в Китае, и в России, где в 65 и 30 вузах соответственно изучаются русский и китайский языки в качестве основной специальности.

Особое значение приобретает расширение международных социально-экономических и лингвокультурных контактов на уникальном Евразийском континенте в Сибири и на Алтае. Примечательны в этом отношении прошедшие в 1998 и 2002 гг. в Пекине, Москве, Иркутске, Владивостоке, Барнауле международные научные конференции, посвященные проблемам политических и социокультурных диалогов, ориентированных на изучение проблем, связанных с социально-экономическим, культурным и политическим положением наших стран, с языковым фактором в культуре и культурным фактором в языке. Аналогичные конференции и симпозиумы проводятся Институтами России в Пекине, Харбине, Чанчуне, Даляне, Шэньяне, Тяньцзине, Шанхае, Ухани, Нанкине, Чунцзине, Урумчи, Гуанчжоу и других городах КНР.

История российско-китайского культурного, научного и экономического сотрудничества и взаимодействия неразрывно связана с позитивной деятельностью российского китаеведения. Благодаря трудам российских ученых наука, культура и жизнь нашей страны обогатились многими достижениями, заимствованными из сокровищницы китайской культуры и цивилизации. В последние годы по мере укрепления взаимного доверия между Россией и Китаем, расширения политических, научных и культурных контактов интерес к Китаю, китайскому языку, его культуре в российском обществе значительно вырос. Свидетельством обогащения российской культуры элементами китайской культуры является широкая популярность среди россиян китайской медицины, иглотерапии, китайских видов оздоровительного массажа, бое-

вых искусств, дыхательной гимнастики цигун и т.д. Российские политики и ответственные деятели очень часто, пытаясь продемонстрировать глубину своих мыслей и воздействовать на сознание своих слушателей, цитируют высказывания многих китайских мудрецов от Конфуция до Дэн Сяопина.

Выдающиеся представители русской культуры неизменно с огромным вниманием и уважением относились к Китаю. М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин, великий русский китаевед Н.Я. Бичурин (Иакинф), В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский, Д.И. Менделеев и многие другие особое внимание обращали как на вклад китайского народа в мировую культуру, так и на духовную близость мировосприятия русскими и китайцами. В этом плане особенно показательны следующие высказывания великого ученого Д.И. Менделеева.

«Для русского человека совершенно безразлична китайская кичливость, прозывавшая все народы варварами, потому что в этой кичливости мы участвуем рядом со всеми прочими некитайскими народами, и наше добродушие никогда не оставляло нас в сношении с китайцами, мы даже не раз им помогли в критических положениях... Едва ли какой другой народ в мире отдает столько справедливости, как мы, китайцам. Ведь они сумели сохранить семейственную благодушность и миролюбивое следование за своими мудрецами при всех исторических передерягах, с ними бывших. Другие народы совсем исчезли или слились с пришельцами в обстоятельствах и условиях гораздо менее тяжелых, чем китайские. Их не понимают правильно, когда полагают, что это народ по природе косный и принципиально одряхлевший, потому что судят о китайцах только по современному Китаю в его внешних проявлениях, забывая, что народ этот раньше европейцев изобрел не только письмо и бумагу, но и печать, что он противник войн, великий и передовой земледельец, умеющий обходиться без аристократических привилегий, почитающий мудрецов и лиц ученых, добродушный и верный, изобретший и компас и астрономические счисления, сумевший сам по себе хлопок превратить в ткани, которыми мы пользуемся, открывший искусство получать шелк из червяка, изобретший фарфор, давший всем людям чай, нашедший порох и т.д. ...У русского народа нет и тени того высокомерного отношения, с каким к китайцам относится большинство других европейцев, и китайцы, сколько пришлось узнать, когда различают «варваров», к русским дружат больше, чем к иным народам. Это потому, конечно, что русские по приро-

де уживчивы, миролюбивы и благожелательны, как сами китайцы. Это все уже крупные задатки в деле союза, но прошлое и особенно неизбежное будущее содержит еще крупнейшие...

...У мудрых китайцев должно существовать ясное сознание того, что без содействия России Китаю не уцелеть бы в его современном положении, а также и того, что в близком будущем без помощи России или без опоры на союз с ней Китаю многое грозит, в союзе же все это может быть обеспечено в большей мере, чем без него. Но если в предстоящем Китае есть поводы ожидать пользы от союза с Россией, то у нас они и подавно есть....

...Всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени. Китайцы и русские миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и к учению склонны. У русских есть то преимущество, что они раньше китайцев прорубили окно в Европу, а у китайцев то, что они раньше и тверже всех народов стали следовать за мудрецами, проповедовавшими великое влияние добрых нравов, не заразившись никакой слащавостью, а потому твердо, даже до жестокости встречая зло и борясь с ним.

Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли»¹⁵.

Мы сознательно воспроизвели пророческие слова великого ученого-патриота, так как они чрезвычайно глубоки и актуальны, хотя тезис о «союзе России с Китаем» выглядит крупным авансом будущему развитию дружеских связей двух стран.

Взаимодействие ханьской и русской культур, православия и конфуцианства, а также православия с буддизмом и исламом могло бы быть дополнено диалогом национально-культурных меньшинств двух стран.

Разумеется, вариант поступательного прогрессивного развития российско-китайских отношений не является автоматически гарантированным. Он требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, учета интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыт-

кам внешних сил играть на реальных и мнимых трениях и противоречиях между нашими странами. Однако реализация именно этого варианта развития российско-китайских отношений воздастся сторицей. Можно сказать, что именно на китайском направлении сегодня лежит наиболее естественный и эффективный путь усиления России.

Китай в настоящее время не только окончательно утвердился в роли сильной региональной державы, имеющей шанс претендовать на лидерство в АТР, но и все основательней выдвигается и уже порой явно выступает как новая мощная глобальная сила. Именно этим определяется его приоритетная роль для реализации национальных интересов России. Этот аспект значения двусторонних российско-китайских дружеских связей высоко оценивал, как это убедительно показано выше, еще сто лет назад Д.И. Менделеев.

Глобальный уровень международной политики, где интересы России и Китая совпадают в наибольшей степени, предоставляет им широкое поле для сотрудничества. КНР сравнительно новый игрок на таком уровне и нуждается в накоплении опыта и поддержке, которую наиболее эффективно способна оказать ему именно Россия. Кроме того, две страны объединяют стратегические ориентиры построения многополярного мира и нового международного порядка, развития многообразия цивилизации и поддержания конструктивного диалога между ними.

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ФОРМАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СОРАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ

В XXI век Китай и Россия вступили как две великие державы – стратегические партнеры, во многом решающие сходные задачи развития и оказывающиеся в условиях глобализации перед сходными вызовами и угрозами.

Рост геополитического влияния КНР делает китайский фактор одним из ключевых компонентов долгосрочного политического глобального и регионального прогнозирования. Следуя курсу на мирное развитие и возвышение, Китай шаг за шагом превращается в один из крупнейших факторов мирового развития и роста экономического потенциала планеты. В мире появляются

разнообразные сценарии, самые крайние из них либо рассматривают дальнейшее усиление КНР как рост «китайской угрозы», либо же предрекают неминуемый крах Китая в недалеком будущем. Прогнозы относительно будущего России западных советологов, перековавшихся в русистов, также не отличаются особым оптимизмом и доброжелательством.

Чтобы верно оценить и учесть значение китайского фактора для России в его долгосрочной динамике, необходимо дать ответ, по меньшей мере, на две основные группы вопросов. Первая из них касается движущих сил и условий дальнейшего прогресса КНР, а также сил и обстоятельств, ей противостоящих или сдерживающих ее развитие. Вторая группа вопросов связана с воздействием успешной или, напротив, неуспешной реализацией Китаем поставленных им перед собой целей и задач на судьбы других стран, на глобальную ситуацию. Прежде всего важно уяснить значение КНР для будущего России, для решения ею своих национальных задач, определения своего достойного места в мире, для выявления потенциала сотрудничества, соразвития двух держав, а также возможных, а порой неизбежных препятствий и противоречий, которые необходимо преодолевать. Методология прогнозирования, разработанная учеными Института экономических стратегий РАН под руководством члена-корреспондента РАН, профессора Б.Н. Кузика, дает возможность создать и использовать достаточно солидную базу для поиска ответов на поставленные вопросы путем комплексного анализа девяти базисных факторов, определяющих внутреннюю и международную стабильность развития Китая. Эти же девять компонентов позволяют с высокой степенью достоверности определить комплексную мощь не только Китая, но и любого другого государства¹⁶. Здесь представлены в кратком виде некоторые результаты этого анализа.

1. Управление. Решающую роль для успешного продвижения КНР по пути всесторонней модернизации и наращивания экономического потенциала играет сильная государственная и партийная власть. Авторитет этой власти опирается на ее поддержку абсолютным большинством общества и населения страны. Сохранение этого важнейшего фактора является, на наш взгляд, важнейшим условием дальнейшего «мирного возвышения» Китая.

Китайский опыт убедительно демонстрирует тот факт, что сильная власть, которая учитывает вызовы времени и обладает высокой степенью адаптивности, способна поддерживать соци-

ально-экономическую стабильность в стране, ставить и решать задачи, отвечающие насущным и перспективным интересам общества.

2. Территория. С точки зрения обеспечения территориальной целостности Китая важнейшим направлением деятельности в первой половине XXI века остается задача воссоединения Тайваня с КНР. Достаточно острым остается и вопрос размежевания Китая с рядом соседних стран в акваториях Восточно-Китайского (Япония и Корея) и Южно-Китайского морей (Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Бруней и Индонезия), в особенности в связи с прогнозом о наличии там значительных залежей нефти и газа.

На этом фоне, чреватом возникновением региональных и даже глобальных конфликтов, успешное завершение российско-китайских переговоров о прохождении границы стало исключительно важным фактором, способствующим не только дальнейшему позитивному развитию двустороннего стратегического партнерства, но и укреплению безопасности и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии. В этом же направлении действует и договорное закрепление территориального размежевания КНР со странами Центральной Азии – бывшими республиками Советского Союза.

3. Природные ресурсы. Рассматривая перспективное развитие Китая, необходимо учитывать то обстоятельство, что заданные объемы и темпы экономического роста КНР по совокупным данным разведанных и освоенных источников природных ресурсов на настоящее время не обеспечены в необходимой мере собственными природными ресурсами, исключая каменный уголь, олово, вольфрам и редкие металлы. Особенно остро ощущается недостаток пахотных и лесных угодий, которые быстро сокращаются под натиском урбанизации. Растет также дефицит пресной воды в северных районах страны. Дефицит некоторых видов сырья и энергии усугубляется ресурсозатратной моделью экономического роста. Сохранение высоких темпов роста неизбежно ведет к усилению зависимости КНР от импорта сырья и энергии.

Поэтому Китай рассчитывает на то, что возрастающие поставки нефти из других регионов, включая Россию и Центральную Азию, помогут ему диверсифицировать импорт нефти и тем самым укрепить свою безопасность. Этим же целям, как представляется, может служить и налаживание кооперации между КНР, Россией и Индией в энергетической области. Такое сотруд-

ничество может стать одним из краеугольных камней их стратегического партнерства. Именно на это было обращено внимание в Совместной декларации, подписанной лидерами двух стран по итогам визита президента В.В.Путина в Китай в марте 2006 г.

Следует также учитывать влияние высоких темпов экономического роста Китая на состояние окружающей среды. К сожалению, идет процесс загрязнения окружающей среды, который все больше выходит за национальные границы КНР, приобретая региональные и планетарные масштабы, что требует скоординированных усилий по их преодолению.

Стремление Китая обеспечить свою стратегию долговременного развития надежными внешними источниками сырья и энергии, в том числе в рамках двусторонней и многосторонней кооперации, может служить одной из важных опор как долговременного двустороннего российско-китайского экономического и иного сотрудничества, так и их более широкого взаимодействия в Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире.

4. Население. Руководство и общественность Китая особое внимание уделяют тому, чтобы *избежать демографического кризиса*, при котором увеличение численности населения резко затруднило бы обеспечение его продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами. Поэтому численность населения КНР приходится жестко контролировать. С начала 1970-х годов Китаю удалось поставить под контроль чрезмерный рост численности населения и предотвратить рождение не менее 300 млн младенцев. В условиях сравнительно еще отсталой экономики за относительно короткие сроки произошел исторический переход к новому типу воспроизводства населения – с умеренной рождаемостью, низкой смертностью и низким приростом населения.

Торможение роста населения сопровождается возникновением серьезных социально-демографических проблем. Речь идет, прежде всего, о старении народа, сокращении его численности в рабочем возрасте и серьезной ломке традиционных семейных ценностей и критериев морали.

5. Экономика. Оценка перспектив экономического развития КНР требует учета как минимум четырех факторов, способных непосредственно повлиять на перспективы модернизации: эффективности политического руководства, масштабов технического прогресса, цикличности экономического развития и внешней реакции на возвышение Китая.

Дать детальный прогноз влияния будущего политического руководства на экономический рост в КНР с позиций сегодняшнего дня не представляется возможным. Можно, однако, сделать ряд естественных предположений. Очевидны последовательные усилия нынешних лидеров по реализации основных целей развития КНР, намеченных на период до 2020 г. Нынешнее поколение китайских руководителей хорошо представляет себе пагубность как левацких авантюр, так и неподготовленных политических реформ.

Конкретное воздействие фактора научно-технического прогресса на особенности экономического роста в долговременной перспективе мало предсказуемо. В принципиальном плане наибольшее значение будет иметь способность КНР из страны, имитирующей и воспроизводящей главным образом заимствованные технологии, стать создателем и производителем собственных новых технологий и массовых изделий на их базе. В повестку дня поставлена задача производства продукции мирового класса собственных торговых марок и превращения страны из «мирового центра переработки и сборки» в мировой центр «создания новой продукции».

В КНР осознают, что внешняя реакция на возвышение страны, даже самое мирное, далеко не всегда, не во всем и не единодушно будет благоприятной. Курс Пекина на формирование все более глубокой экономической взаимозависимости между Китаем и ведущими экономическими центрами мира можно рассматривать как своего рода упреждающую меру, которая позволит ограничить их вероятное давление на КНР. Однако оборотной стороной медали является угроза ослабления экономической безопасности перед лицом возможных потрясений на мировом рынке и экономики крупных держав.

6. Культура и религия. Если Китай сохранит нынешние темпы экономического развития, в ближайшие десятилетия он может стать влиятельной в культурном отношении региональной державой и начать движение к обретению атрибутов великой глобальной культурной державы. Успех КНР повысит популярность «китайской модели» перехода к рыночной экономике, что поможет обеспечить влияние Пекина среди развивающихся стран далеко за пределами региона.

Традиционная культура становится частью комплексной национальной мощи Китая, обеспечивающей стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного

внешнего проникновения. Конфуцианский акцент на гармонии различных сил при сохранении их множественности и многообразия имеет шанс оказаться привлекательным для многих развивающихся стран, недовольных западным доминированием в международных делах. Внутри страны давние и устойчивые культурно-нравственные традиции придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. Эти стабилизаторы препятствуют попыткам «раскачать» Китай извне.

Укоренение политического курса в традиционной культуре страны при одновременной открытости позитивным глобальным тенденциям – это хороший пример, достойный подражания Россией. Развитие этой тенденции не может стать препятствием для углубления российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерства. Напротив, при адекватном обоюдном восприятии собственных традиций она может и будет придавать нашему партнерству основательность и устойчивость.

7. Наука и образование. В Китае в ходе реформ все большее внимание уделяется укреплению национальной системы развития науки и образования. Прогресс в этих сферах рассматривается как главная предпосылка созидания экономики знания.

Сфера науки, техники и высоких технологий может и должна стать одной из важнейших в российско-китайском сотрудничестве. Китайская сторона весьма заинтересована в таком сотрудничестве и готова брать на себя значительную долю финансирования совместных разработок с учеными российских научных центров. Для России развитие кооперации с КНР в научно-технической сфере также может стать средством укрепления материальной базы собственных исследований и разработок, сохранения и приращения отечественного интеллектуального и инновационного потенциала и продвижения российских технологий на китайский и мировой рынок.

8. Вооруженные силы. Стратегия КНР в сфере военной безопасности направлена на предотвращение войны путем превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) служит гарантом безопасности страны как важнейшего условия реализации национальной стратегии развития. Наряду с выполнением функций защиты от внешней опасности, в силу исторических и институциональных традиций НОАК остается опорой политической власти в обеспечении внутривнутриполитической стабильности и целостности страны. Коммунистическая партия

Китай полностью контролирует армию. В свою очередь НОАК является стальным стержнем КПК. Сохранение этого положения является надежной гарантией продвижения КНР к намеченным целям национального развития.

Китайский ВПК реализует программы производства вооружений и военной техники во всех секторах и выпускает широкий спектр военной продукции. Однако многие программы находятся в определенной зависимости от поставок важнейших компонентов из-за рубежа. Это определяет устойчивый интерес Китая к военно-техническому сотрудничеству с развитыми в военном отношении странами, включая Россию, государства СНГ и Запада.

9. Внешняя политика. Оценивая влияние международных факторов на взаимоотношения РФ и КНР, приходится признать, что важнейшими из них являются их позиции в отношениях с США. Приоритетность для Пекина отношений с Вашингтоном определяется способностью последнего блокировать успешное достижение стратегических целей внутренней и внешней политики КНР. В своей стратегии китайское руководство всемерно стремится избежать лобового противостояния с США и развивать с ними всестороннее взаимовыгодное сотрудничество.

Укрепление стратегического сотрудничества между КНР и США при параллельном ухудшении отношений каждого из этих двух государств с Россией было бы для нашей страны самым плохим сценарием. Нельзя исключать того, что, при всем нынешнем благополучии отношений Москвы и Пекина, прозападно ориентированные китайские круги в Китае (а они реально существуют, хотя пока не проявляют себя в полной мере) могут попытаться подтолкнуть руководство КНР к тому, чтобы «перевести стрелки» на Россию, как это в свое время было осуществлено Мао Цзэдуном в отношении СССР.

В ходе глобализации и регионализации на первый план выходят экономические аспекты, в которых Россия в ближней перспективе едва ли сможет играть ведущую роль. В отличие от России, США и КНР достаточно комфортно чувствуют себя в условиях доминирования экономических факторов, между ними существуют пусть и не безоблачные, но тесные и насыщенные торгово-экономические отношения, и находить общий язык на данном поле им несравненно проще, чем с Россией. В этих условиях чрезвычайно важным представляется устранение всех негативных наслоений, мешающих взаимопониманию и нормальному прогрессу отношений России и КНР.

Подобные наслоения присутствуют и в политической, и в экономической, и в информационной областях двусторонних отношений. Для успешной работы в этом направлении нам необходимо четко представить, что ожидает Китай от нас, а что мы вправе ожидать от него, сколь далеко можно идти навстречу китайским ожиданиям без ущерба для собственных интересов, разделить проблемы, носящие объективный и субъективный характер. Именно этим целям в значительной мере служит принятый по инициативе лидеров двух стран «План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве...». Этим же целям служит и проведение Года России в Китае (2006 г.) и Года Китая в России (2007 г.)¹⁷.

Позитивное влияние на развитие отношений России и КНР оказывает развитие ШОС. Совместное участие двух стран в работе организации сглаживает вероятные шероховатости, связанные с возможным соревнованием за лидерство в регионе Центральной Азии. Существование ШОС в известной степени подрывает долгосрочные планы США закрепиться в Центральной Азии не только в форме точечного военного базирования, но и путем сколачивания из местных государств региональной группировки, потенциально враждебной и России, вынуждает Вашингтон выступать в непривычной для него роли стороннего наблюдателя, лишённого права решающего голоса. Наконец, создание в рамках ШОС антитеррористического центра позволит в перспективе России и КНР совместно бороться с нетрадиционными угрозами на проблемных участках близ их границ (сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом, наркотрафиком и др.). На этой основе весьма позитивно может развиваться и многостороннее сотрудничество России, Китая, Индии, а также Ирана.

Изложенные выше итоги комплексного «девятипараметрового» рассмотрения состояния и возможных перспективных сценариев развития КНР позволяют указать на огромный, пока не задействованный потенциал соразвития, взаимодополняемости, взаимного стимулирования отношений между Москвой и Пекином, дать общую оценку и прогноз развития российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерства в двустороннем и глобальном контексте.

Следует подчеркнуть, что совпадение, сходство и резонансность коренных национальных интересов двух стран в сфере обеспечения безопасности и дальнейшее последовательное наращивание взаимовыгодного сотрудничества с Китаем может стать

одним из главных факторов экономического развития России, особенно ее восточных регионов, и укрепления ее международных позиций. В такой же мере это относится и к КНР. Это сотрудничество может способствовать укреплению национальной и международной безопасности, суверенитета и территориальной целостности обеих стран. Существующие и потенциальные различия в интересах, возможные противоречия не носят антагонистического характера; при наличии политической воли и гибкости они могут быть преодолены и разрешены на основе принципов добрососедства и дружбы.

Появление новых глобальных угроз создает новый импульс для позитивного развития в отношениях РФ и КНР. К императиву параллельных действий Москвы и Пекина по таким приоритетным мировым проблемам, как построение многополярного мира, создание нового международного политического и экономического порядка, добавилась необходимость совместной борьбы с международным терроризмом, раскольничеством и сепаратизмом.

Хотя на региональном уровне влияние России за последние годы несколько укрепилось, но этого явно недостаточно для того, чтобы она могла выступать в качестве важного регионального фактора, в то время как Китай и другие наши соседи демонстрируют завидные темпы роста своей мощи и влияния в АТР.

Сохраняющаяся слабость экономического и военного присутствия РФ в Восточной и Северо-Восточной Азии связана, в частности, с плачевным положением российского Дальнего Востока, которое пока не компенсируется искусством дипломатии, но порою еще более усугубляется заявлениями доморощенных «европеистов» о некоей обремененности России Сибирью и Дальним Востоком. Это ведет к тому, что американские, японские, южнокорейские и даже некоторые, как отмечалось выше, китайские аналитики и в геополитическом и, естественно, геоэкономическом плане все чаще рассматривают как приоритетные конфигурации Китай – США – Япония, Китай – США – Япония – Корея, а порой и многоугольники с участием единой Европы, забывая или игнорируя реальную глобальную и региональную роль России.

Парадоксально, но на глобальном уровне у России и Китая из-за наличия треугольника пересекающихся интересов РФ – США – КНР и появления новых острейших международных проблем и угроз наблюдается больше точек соприкосновения и сфер

реального сотрудничества, чем в области двустороннего взаимодействия на региональном уровне.

С учетом вышеизложенного «девяtifакторного» анализа гипотетически можно предположить несколько основных возможных сценариев развития *российско-китайских отношений* в ближайшей и среднесрочной перспективе, вплоть до 2050 г.

1. Сравнительно легко достижимой является экстраполяция нынешней в целом благоприятной модели российско-китайских отношений, когда достаточно интенсивные политические контакты будут перманентно опережать уровень торгово-экономических, культурных и общественных связей. В этом случае, однако, на качестве двусторонних отношений будут сказываться как нерешенные проблемы в собственно российско-китайских связях, так и размывающее воздействие политики основных мировых центров силы – США, Европы, Японии. С точки зрения России такой вариант чреват «ползучим» ослаблением ее геополитических позиций и, по большому счету, не отвечает долговременным национальным интересам РФ.

2. Вообще говоря, в перспективе 15–20 лет в случае отсутствия глубокого взаимопонимания и доверия между элитами двух стран нельзя исключать появления в российско-китайских отношениях и конфронтационных элементов. Такая тенденция может возникнуть в результате внезапного обострения противоречий по одному из не до конца решенных или возникших вопросов. Определенные, ориентированные на Запад силы в наших странах могут спровоцировать всплеск необоснованных антироссийских настроений в Китае и антикитайских – в России. Нельзя не учитывать и то, что определенный сегмент существующей китайской элиты в силу инерции 1960–1980-х годов настроен по отношению к России предубежденно и недружелюбно. Эти силы при активной поддержке Запада могут использовать столь же предвзятые нападки на КНР в российских СМИ и политических кругах для усиления антироссийских позиций. Дальнейшее развитие многовекторной направленности российской дипломатии и политики призвано помочь избежать и не допустить такого развития событий, когда реализация перспективных целей России по углублению сотрудничества с ЕС и США была бы достигнута за счет «жертв» на китайском направлении.

3. Оптимальным для РФ и, надо полагать, для КНР вариантом является всестороннее углубление российско-китайского добрососедского сотрудничества, переход, на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразви-

тия двух стран. Главные плюсы этого варианта – придание долгожданного мощного импульса подъему Сибири и Дальнего Востока, укрепление позиций России в Северо-Восточной Азии и АТР, подключение страны к получению реальных выгод и от глобализации мировой экономики, и от реального взаимодействия и сотрудничества с нашим великим дальневосточным соседом.

В ближайшее десятилетие акцент должен быть сделан на полной реализации очевидных сравнительных преимуществ России в энергоносителях, обладании культурным, интеллектуальным и научно-техническим потенциалом, обширной территорией и транзитными возможностями, которые в полной мере на взаимовыгодной основе могут быть востребованы Китаем. Крупномасштабное привлечение китайских инвестиций и подключение российских производителей к решению задач подъема Северо-Востока и Запада КНР способны существенно оживить российский машиностроительный комплекс – поначалу на инновационном направлении, а затем и в форме массового производства современной продукции.

Крупномасштабное развитие торгово-экономических связей облегчит решение ряда обостренно воспринимающихся сегодня проблем в двусторонних отношениях (миграция, антидемпинговые расследования и т.п.), а также будет способствовать решению социальных проблем населения Сибири и Дальнего Востока и прилегающих к этим регионам провинций Китая.

Разумеется, данный вариант развития не является стихийным процессом. Однако подлинная заинтересованность Москвы и Пекина в реализации этого варианта может обеспечить наиболее естественный и эффективный путь возрождения и усиления России и Китая.

Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо еще и еще раз подчеркнуть резонансный характер коренных интересов и целей двух стран.

Ускоренное экономическое развитие Китая, России, а также Индии, центрально- и южноазиатских стран может в среднесрочной перспективе привести к существенным сдвигам в глобальной конфигурации международных экономических отношений, создав реальную основу для формирования нового, на деле многополюсного мирового экономического и политического порядка.

Основополагающий вывод нашего исследования таков: только развивая и углубляя добрососедство, дружбу, стратегическое взаимодействие и сотрудничество, наши страны способны уверенно продвигаться по пути соразвития с учетом самостоятельного выбора, сделанного российским и китайским народами.

РОССИЯ И КИТАЙ В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ

П. Сорокин дает следующее определение: «В безграничном «океане» социокультурных явлений существуют крупные культурные системы, иначе называемые культурными суперсистемами или же цивилизациями, которые функционируют и как реальное единство. Они не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной группой. Обычно границы этой культурной сущности перекрывают географические границы национальных, политических или религиозных единиц»¹⁸. Это определение цивилизации уточняет и развивает теорию Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах как основе локальных цивилизаций.

Цивилизация, как большая суперсистема, определяет большую часть изменений, происходящих на поверхности социокультурного «океана». Каждая цивилизация базируется на определенной философской концепции или религиозной системе, которая реализуется на протяжении всей истории ее существования. Развитие цивилизации идет не линейно, а ритмически, волнообразно, циклично. Каждая цивилизация следует собственным курсом, проходя этапы генезиса, роста, расцвета, увядания, упадка и, возможно, возрождения. По Данилевскому, Гумилеву и Тойнби, век цивилизации насчитывает около двух тысяч лет. Исключение составляет китайская цивилизация – более 5 тыс. лет непрерывной истории.

Рамки большинства цивилизаций не сводятся к культурным системам, а включают и социальные системы, ядром которых являются культурные смыслы, системы духовных, нравственных, религиозных и материальных ценностей, новых интересов. Цивилизации бывают открытые – экстравертные и закрытые – интровертные, или смешанные. Цивилизации делятся на несколько типов. Одни из них объединяются общим языком, этническим происхождением, общностью этнической базы, сосуществуют на большом пространстве нескольких государств. Другой тип цивилизации существует в рамках определенных государственных объединений, третий – базируется на общности религиозных ценностей, четвертый – основывается на социокультурной смеси

общности языковых, государственных, экономических и материальных общностей. Исходя из этого деления, российская, русская цивилизация носит смешанный характер, относится к категории евразийских цивилизаций, базирующихся на принципах государственного объединения. Китайская цивилизация, как и индийская, также относится ко второму типу, то есть своеобразному государственному типу цивилизации.

В настоящее время действуют две модели глобализации.

Одна из них базируется на укреплении господства транснациональных компаний (ТНК) при доминирующей роли США во всех направлениях. Государственным культурно-политическим объединением этого типа организации выступает Европейский Союз (ЕС), военно-политической базой его является НАТО. Эта система глобализации взаимодействует с цивилизациями на основе иерархических принципов западноевропейской и американской цивилизаций, утверждении однополярности и унификации региональных метацивилизаций на основе вестернизации. Степень и глубина проникновения вестернизации, то есть степень утраты самобытности и размытости самоидентичности и замены коренной системы духовных ценностей заимствованными из западноевропейской и американской культур ценностями, являются критерием иерархизации цивилизаций в рамках этой системы глобализации. Первая модель взаимодействия глобализации и цивилизации неизбежно ведет к конфронтации, столкновению цивилизаций, теорию которой изложил проф. Хантингтон. Выдвижение западноевропейской и американской систем ценностей в качестве единой матрицы мировой культуры рассматривается идеологами вестернизации как конец истории, как «завершение» исторического прогресса человеческой культуры (Ф. Фукуяма)¹⁹.

Другая модель развития глобализации выражается в модернизации и интернационализации экономики, взаимодействии культур на базе многообразия, в утверждении многополярности политических центров влияния, равноправном сотрудничестве и соразвитии. Русская цивилизация на протяжении своей более чем тысячелетней драматической истории впитала присущие евразийству и выработанные в течение столетий качества симфоничности, взаимодополнения, развития отношений с инородными цивилизациями по горизонтали на основе сосуществования, взаимообогащения и взаимовлияния. Это создает прекрасную принципиальную основу для построения идеологической системы взаимодействия цивилизаций.

Тезис об общецивилизационном кризисе стал тривиальным и часто повторяемым постулатом. К сожалению, он частично фиксирует реальное положение дел. *Единственным разумным выходом из складывающейся ситуации, единственным путем поиска ответов на вызовы, порождаемые нынешним цивилизационным кризисом, служит диалог цивилизаций.* Альтернативой ему является только выдвинутая Хантингтоном концепция столкновения цивилизаций. Кстати говоря, столкновение фактически уже началось, и мы стоим перед угрозой опасного, если не сказать – катастрофического, расширения и углубления этого столкновения. Ситуация усугубляется тем, что некоторые участники столкновения заинтересованы в его обострении с тем, чтобы оправдать утверждение своего доминирования в мире и обосновать использование военных, насильственных методов ликвидации своих оппонентов, конкурентов, не согласных с их взглядами и с их системой ценностей, социумов и цивилизаций. Что произошло в Югославии, в Ираке, что происходит на Ближнем Востоке, в Палестине? Что означает объявление целых древнейших наций изгоями? Они подвергаются остракизму и их пытаются исключить из мирового сообщества.

Все возникшие 5–6 тысяч лет назад различные типы человеческих цивилизаций складывались под влиянием особенностей окружающей среды и особенностей своих отношений с другими народами и человеческими сообществами. Все цивилизации включают некие общие компоненты и общие нормы, которые обеспечивали бы осуществление желаний человеческого рода. Вместе с тем каждая цивилизация и каждый этнос вкладывают в свою культуру и свою цивилизацию особенности, которые оптимально позволяют адаптироваться к естественно-историческим условиям развития, местоположению и окружению того или иного социума. *С этой точки зрения многообразие систем культурных ценностей является условием выживания, условием развития общечеловеческой цивилизации*²⁰.

Человеческая культура и сознание серьезно отстают от осмысления опыта и уроков истории. Только этим можно объяснить тот факт, что период бурного, интенсивного развития научно-технического прогресса, комплексной глобализации всех процессов экономических, социальных, культурных обменов используется для того, чтобы ликвидировать различия и насадить сплошную унификацию систем ценностей, представлений о культурных, социальных, политических критериях справедливого и здорового общества и т.д. С этой точки зрения попытки насаждать везде и вся без учета исто-

рических условий развития тех или иных обществ западную, американскую систему демократии являются чрезвычайно опасной тенденцией. Именно такие действия поощряют развитие терроризма, внутренних социальных и международных конфликтов.

В специальной резолюции Генеральная Ассамблея ООН признала важность диалога между цивилизациями: «Диалог между цивилизациями – это процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога».

Диалог – не только слова, но и дела, направленные на разрешение споров, на предотвращение конфликтов, а также, при условии взаимопонимания, на солидарные действия. Диалог не нужен тем странам и их лидерам, которые в своих намерениях всецело полагаются на силу.

Чтобы подчеркнуть наличие общности, единства коренных интересов существующих локальных цивилизаций, генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выдвинул термин «глобальная цивилизация». Это, видимо, оправдано, если учитывается и не преуменьшается наличие серьезных различий между локальными цивилизациями.

Диалог цивилизаций относится к локальным цивилизациям, являясь одной из форм многообразных взаимодействий между ними на том или ином этапе их исторического развития. Диалог – это не что иное, как *активная, мирная, конструктивная по своей направленности форма взаимодействия локальных цивилизаций*. Ему противостоят такие деструктивные и негативные формы взаимодействия, как идейное противостояние, политическая конфронтация и их крайнее проявление – военное столкновение цивилизаций, которое может завершиться поражением одной из них, а с распространением оружия массового уничтожения – и самоуничтожением, по выражению Питирима Сорокина, «самокремацией человечества» в пламени ядерной войны. Диалог – безальтернативная форма для развития сотрудничества и его высшей формы – партнерства цивилизаций в решении общих глобальных проблем.

Кризис общечеловеческой цивилизации или глобальной цивилизации (по Кофи Аннани) порождается и усугубляется тем, что так называемый глобальный диалог пытаются заключить в жесткие концептуальные рамки западных цивилизационных ценностей. Такой, с позволения сказать, «диалог», говоря словами

Хайдеггера, есть не что иное, как «полная европеизация планеты и человечества».

Диалог российской цивилизации, стержнем которой является русская цивилизация, и китайской цивилизации, выступающих за диалогичную модель взаимодействия глобализации и цивилизации, к которым может примкнуть по сходству своих принципов и целей индийская цивилизация, дает здоровую альтернативу вестернизационной модели.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей китайской и российской, русской цивилизаций и выявлению их общности, необходимо также отметить еще один важный момент, связанный с глобальным процессом взаимодействия цивилизаций, а именно – постепенное формирование огромного пространства мусульманской цивилизации, объединяющей многие этносы и базирующейся на общности религиозных принципов в системе исламских ценностей. Важно в этом плане обратить внимание на то, что российско-русская и китайская цивилизации, в меньшей степени индийская, имеют многообразный конструктивный опыт межкультурного, межцивилизационного диалога и поиска компромисса с мусульманской цивилизацией. Это укрепляет потенциал культурно-идеологической альтернативы ныне доминирующей атлантической модели глобализации и развития цивилизаций.

Диалог российской и китайской цивилизаций, их роль в мировом глобальном межцивилизационном диалоге – проблема многогранная. Хотел бы сосредоточиться на трех аспектах. Во-первых, показать специфику и общность двух цивилизаций. В этой связи возникает вопрос, какова платформа для межцивилизационного диалога российской и китайской цивилизаций. Во-вторых, показать, как этот диалог реализуется на практике и что является базой, предметом диалога. Это позволит ответить на вопрос о том, является ли диалог безальтернативным шагом для соразвития двух государств и двух культур. При этом намерен показать, что любая синофобия, распространение тезиса о «китайской угрозе» является угрозой для России и наносит огромный ущерб развитию российско-китайских отношений, служит интересам третьих стран и ничего общего с реальной перспективой развития российско-китайских отношений не имеет. Наконец, в-третьих, следует коснуться роли, которую играет российско-китайский межцивилизационный диалог в глобальном плане как альтернатива сплошной вестернизации и гегемонизму «золотого миллиарда», как реальная возможность перехода мировой человеческой культуры в ноосферу.

Общей чертой российской и китайской цивилизаций является их масштабность, многоликость, самодостаточность, адаптивность, готовность к диалогу, богатый исторический опыт развития и взаимодействия между собой и с другими цивилизациями. Обе цивилизации сближает приоритетное внимание к традиционным духовным ценностям в сочетании с вниманием к научно-техническим ценностям. Однако самодостаточность китайской цивилизации сочетается с глубокой самоидентичностью, высоким самоуважением и чувством собственного достоинства. Интерес к другим партнерам в китайской культуре сочетается со строжайшим соблюдением собственных интересов, с попытками найти общность выгоды, как ныне говорят в Китае, создать условия для соразвития. Тысячелетия эта цивилизация развивалась на базе китаецентризма, который начал постепенно преодолеваться лишь в XX веке. Китай ныне активно учится, он синтезирует все лучшее из зарубежной науки, техники и культуры, однако не утрачивает, не размывает своей самоидентичности, самобытности и самоуважения.

Соседство, евразийская природа русской культуры, ее открытость создают весьма благоприятные предпосылки для сосуществования, сотрудничества и конструктивного диалога цивилизаций двух стран.

Однако ныне складывается несколько иная картина. По существу, с XVIII века получилось так, что высшие слои руководящей интеллектуальной прослойки российского общества в значительной мере утратили или серьезно размыли национальную идентичность. Курс Петра I на учебу у Запада трансформировался в пренебрежение к отечественному языку, отечественной культуре. Критериями культуры стали ценности Запада, патриотизм – ругательным словом, вплоть до того, что патриотизм стали считать «уделом подлецов». В этих условиях российская культура и граждане России в глазах наших западных партнеров и соседей выглядят в лучшем случае в качестве бедных родственников, живущих снисхождением и похвалами со стороны западных миров. Все это ведет к утрате и подрыву национального достоинства и национальной идентичности представителей российской культуры. Современная российская культура усилиями подобных «интеллектуалов» приобретает вторичный, второсортный, подражательный характер.

Очень удачно и убедительно, на наш взгляд, показал несостоятельность и ущербность антипатриотических высказываний

представителей просвещенной части общества еще в начале XX века Д.И. Менделеев. Он писал: «Любовь к отечеству, или патриотизм, как, вероятно, неизвестно читателям, некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуну), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественности и похваляется тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Лживость такого учения становится, на мой взгляд, ясною не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния.

Для народов, подобных русскому, сложившихся и окрепших еще сравнительно недавно и еще занятых своим устройством, т.е. еще молодых, дикость учения о вреде патриотизма до того очевидна, что не следовало бы об нем даже упоминать, и если я делаю это, то имею в виду лишь тех еще не переводящихся соотечественников, про которых написано: «Что книжка последняя скажет, то сверху и ляжет», прибавляю, однако, что лечь-то ляжет, но улежится недолго»²¹.

С учетом вышеизложенного трудно не согласиться с Д.И. Менделеевым и в том, что наша страна, наконец, действительно доросла до понимания свободы как осознанной необходимости подъема и развития страны. Участие в этом великом труде Д.И. Менделеев считал «выполнением долга» перед Родиной. «Россия, взятая в целом, думается мне, доросла до требования свободы, но не иной как соединенной с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямо статьями, а надо еще немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной»²².

Эти мысли, которые высказал Д.И. Менделеев, в 1905 г. после поражения России в войне с Японией и в начале революции 1905–1907 гг., звучат, как будто они произнесены не сто лет назад, а сегодня.

В свете вышеизложенного сотрудничество и взаимодействие с Китаем в области культуры и межкультурного диалога может оказаться полезным для более адекватной адаптации российской, русской цивилизации к вызовам и особенностям глобализации. К сожалению, именно российские «западники» выступают ярыми пропагандистами «китайской угрозы» и противниками сотрудничества с КНР.

Ныне стало более очевидным, что российская и китайская цивилизации сталкиваются со сходными вызовами со стороны глобализации по-американски, что перед ними стоят сходные задачи в преодолении и в ответе на эти вызовы. К числу этих вызовов относятся:

- создание всяких экономических препятствий и барьеров для экономического и торгового сотрудничества;
- двойные стандарты политических партнеров Запада;
- культурная и политическая экспансия;
- стремление навязать западную систему ценностей и западные стандарты демократии и прав человека;
- вестернизация и размывание национальной самобытности культуры и вытеснение ее западной поп-культурой.

Ответом на эти вызовы может быть только углубление стратегического партнерства и взаимодействие, взаимная учеба и развитие РФ и КНР.

В целом Китай весьма удачно использует возможности глобализации для своего развития. Так, он на выгодных для себя условиях вступил в ВТО, столь же благоприятно расположился на международных рынках Европы, Азии, Австралии, США, Канады и Латинской Америки. Он получает невиданные по масштабам внешние инвестиции. У него мощное активное внешнеторговое сальдо в несколько десятков миллиардов долларов, объем внешней торговли заметно превысил 1 трлн долл.

Важнейшая проблема в КНР – трансформация модели экономического роста, то есть переход от экстенсивной модели к интенсивной, инновационной, а также «эффект чрезмерности» экономической и финансовой глобализации. Что касается «эффекта чрезмерности», то речь идет о том, что увеличивается количество факторов неопределенности и рисков, связанных с получением

ем выгод от глобализации (рост цен на нефть, увеличение процентной ставки, девальвация американского доллара, международные конфликты, войны, введение ограничений на ряд китайских товаров).

Запад в целом, США и Япония прилагают огромные усилия для привлечения в свои «объятия» Китая (огромные инвестиции – более 600 млрд долл. за 15 лет), относительно терпимое отношение к дисбалансу в торговле (позитивный баланс в торговле КНР с США достигает суммы более 200 млрд долл.), большое количество грантов для китайских студентов, аспирантов (ежегодное число китайцев, обучающихся за границей, держится на уровне 500 тыс.; в США ~ 200 тыс., в Англии – 90 тыс., в Западной Европе ~ 100 тыс., в Японии ~ 100 тыс., в России ~ 10 тыс.). Это отражает новую стратегию Запада. После развала СССР ставится стратегическая задача не допустить появления новой сильной державы или группы стран, которая могла бы угрожать интересам США или бросать им вызов.

Действия США в отношении Китая носят двойственный характер, но в долговременном плане они в основном рассчитаны на ослабление и на дезинтеграцию КНР, подрыв ее изнутри. Вместе с тем на какой-то период, если «советская модель» дезинтеграции Китая не сработает, не исключается создание некоего американо-китайского кондоминиума – коррелируемого управления миром с разделом сфер влияния.

Судя по всему, в Пекине видят и осознают стратегические замыслы Вашингтона, учитывают их в своей стратегии подъема, возрождения, мирного развития Китая. Китайская дипломатия исходит из того, что отношения с США необходимо строить на основе сотрудничества, партнерства, соперничества, исключаящего, по крайней мере в настоящее время, конфронтацию. Самая большая трудность – убедить США уступить Тайвань Китаю. В этой связи Пекин готов не противодействовать открыто доминированию США и учитывать и другие их глобальные интересы; «не высовываться», не создавать и не возглавлять никаких антиамериканских блоков или союзов; не стремиться к гегемонии, предоставить США китайский рынок, создать определенную экономическую взаимозависимость; в международных, межблоковых и междержавных спорах не вступать в союз ни с одной крупной державой, следовать, как уже отмечалось ранее, стратегеме: «мудрая обезьяна сидит на вершине горы и наблюдает за боем тигров в долине».

Вместе с тем руководство КПК и КНР серьезно и бдительно относится к планам США с помощью вестернизации, навязывания своих критериев демократии, «свободы информации», прав человека подорвать руководящие позиции КПК, провоцировать сепаратистские настроения и межнациональные противоречия в Тибете, Синьцзяне, Внутренней Монголии, в южных провинциях Китая, а также в Гонконге и т.д. Против таких планов США Пекин принимает следующие меры:

- укрепление КПК, расширение ее идеологической и социальной базы («три представительства»);

- усиление социальной направленности реформ, внимание к трем крестьянско-аграрным проблемам – *саньнун*;

- укрепление чистоты рядов КПК и госаппарата, борьба с коррупцией;

- сглаживание социальных противоречий и разрыва между властью и народом (гармонизация политики реформ, сглаживание пяти разрывов, лозунг построения гармоничного общества – *хэсе шэхуэй*);

- усиление руководящей роли и управленческих функций 70-миллионной КПК (повышение роли парткомов и активизация работы низовых парторганизаций, особенно на частных предприятиях и в деревне, усиление работы с демократическими партиями – в рамках Единого фронта, активизация информационно-культурного и экономического влияния на Тайвань и на международной арене, создание конфуцианских институтов);

- политическая реформа: борьба с бюрократизмом, усиление законотворческой работы ВСНП и повышение роли местных собраний народных представителей, регламентация руководящей роли КПК конституционными рамками;

- углубление идейно-воспитательной и идеологической работы. Новая компания по изучению марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина и установок о «трех представительствах» и строительстве гармоничного общества.

Нынешний опыт Китая – это действительно великий эксперимент всемирного значения, поиск модели конвергентного общества, объединяющего идеи социальной справедливости и экономической эффективности (социалистическая рыночная система), государственной и личной ответственности и заинтересованности в социально-экономическом и культурно-цивилизационном развитии в направлении создания гражданского общества, многослойной политической надстройки и смешанной экономи-

ки). Главное – не мешать Китаю, уважать его право на выбор своего пути.

Чтобы понять сущность диалога российской и китайской цивилизаций, обеспечить его эффективность, необходимо отдавать себе отчет, в частности, и в том, насколько имеющийся понятийный языковой инструментарий соответствует поставленной цели. И здесь, ведя диалог, переговоры, дружескую беседу, следует проявлять деликатность и тщательность, учитывать, что фонемо-азбучные языки и иероглифический китайский язык существенно отличаются друг от друга формой выражения мыслей. В европейских языках существует целый арсенал средств, которые конкретизируют значение фонем-слов и понятий, обозначают смысловые рамки употребляемых слов. В китайском языке также существуют такого рода знаки, ограничивающие и конкретизирующие смысловое поле иероглифов (учение Мо Ди и поздних моистов), однако в любом случае иероглиф несет одновременно многослойное содержание: и смысловое, и образное-картинное, и ассоциативное. Поэтому при переводе, при беседе часто приходится сталкиваться с тем, что переводимый с китайского языка на русский язык текст что-то утрачивает в окраске смысла, ассоциации. При переводе с русского на китайский язык также возможна определенная трансформация смысла. Разумеется, основная идея, главный смысл передаются. Но в зависимости от того, какой иероглиф используется, в каком окружении других знаков он подается, передаваемый на китайский язык смысл и особенно его эмоциональная окраска приобретают нередко очень измененный характер. Примеров тому тьма. Ограничусь одним.

В середине 1950-х годов Мао Цзэдун, возможно, с подачи своих переводчиков, используя многозначимость термина «ведение», истолковал китаеведение как попытку Советского Союза с помощью китаеведения руководить, **ведать** Китаем. Мао Цзэдун провокационно воспользовался этим и устроил сцену объяснения с советским послом в Китае. Из Пекина в Москву пришла телеграмма, на которой Н.С. Хрущев начертал резолюцию «Разобраться». Разобрались и «порядок» навели: Институт китаеведения АН СССР, успешно трудившийся на благо дружбы и взаимопонимания между нашими народами, был закрыт. Старейшее учебное заведение – Институт востоковедения, где готовились высококвалифицированные специалисты-востоковеды по различным странам Азии, Африки, тоже был закрыт. Был закрыт и журнал «Советское китаеведение». В результате советская об-

ственность и руководство страны в значительной мере лишились объективной научной информации о происходящих в Китае процессах. Это привело к тому, что в готовящемся Мао Цзедунском расколе в советско-китайских отношениях руководство СССР не получало полной информации. Урок был извлечен лишь в середине 1960-х годов. В 1966 г. был создан Институт Дальнего Востока, которому были вменены задачи объективного изучения процессов, происходящих в соседних странах, в том числе в Китае. Однако время было упущено. И по сей день наше китаеведение, и не только китаеведение, но и востоковедение в целом, страдает от последствий необдуманного волюнтаристского шага о закрытии учебного Института востоковедения и исследовательского Института китаеведения²³.

В межкультурном диалоге приходится также иметь в виду то, что в китайской традиции и культуре, китайской философии многие стереотипы духовности, связанные с религией, философией жизни, искусством, отличаются от тех стереотипов, которые действуют в нашей культуре. Формула традиционной китайской духовности звучит так: «Даосизм – это сердце, буддизм – кости, конфуцианство – плоть» (*дао синь, фо гу, жу жоу*). Например, понятие религии и вся система мифологии носит не столько религиозный характер, сколько доктринально-мифологический и даже философский. Термин «религия» переводится как учение, направление мысли. И христианский Бог в китайском религиозно-мистическом сознании выступает не как высшее божество, наказывающее зло и излучающее добродетель, а как одно из высших духовных существ в ряду с такими мудрецами, как Лао-цзы, Конфуций, Будда, Мухаммед и др. В Китае никогда не было религиозных войн, и это связано с религиозной толерантностью китайцев. Китаец может одновременно или последовательно верить в Будду, в Конфуция, в Лао-цзы и в духов предков, и в Иисуса Христа. Эта особенность мироощущения позволяет китайцам быть благоприятным партнером в диалоге с представителями всех цивилизаций и религий.

Многие российские и западные синологи приходят к выводу о том, что попытки объяснить специфику китайской культуры через западные исторические аналогии, категорические императивы, философские поучения не только не продуктивны, но и деструктивны, порождают немало путаницы. В самом деле, как закрытое, сакральное, алогичное и иррациональное перевести на язык западной логики и рационализма?

Одна из важных особенностей китайской цивилизации – это ее нормативность, церемониальная расписанность всех сторон социальной и индивидуальной жизни человека. В этом плане китайская культура в известной мере перекликается с нормативностью иудейской Торы.

Вся жизнь и ситуации человека и общества схематически «схвачены», обобщены в «Каноне перемен» («И цзин»). В этой книге типологически описаны почти все возможные ситуации в развитии государства, общества, семьи и человека и их отношение к развивающему миру сведены к 64 гексаграммам, которые, в свою очередь, построены на основе сочетания 8 триграмм. Книга и учение являются своего рода «шахматами жизни», в шахматах тоже 64 клетки.

Вот, например, как в каноне «И цзин» интерпретируется ситуация начальных трудностей в новом деле в гексаграмме № 3: «Начинается новый цикл. Это означает, что вам не удастся избежать перемен в некоей сфере вашей жизни. Вещи, которые ранее казались важными, могут потерять свою значимость; вы подвергаете сомнениям убеждения, которым раньше слепо следовали; вы смущены и расстроены. Из области привычного и безопасного комфорта вы прибываете на неизвестную территорию. Так много разных возможностей, что трудно определить, что предпочесть. Совет опытного и знающего вашу проблему человека был бы сейчас очень кстати. Но в конце концов именно вам решать, что лучше сделать. Пока же вы блуждаете в потемках, и кто-нибудь мог бы пролить свет на ситуацию, в которой вы оказались. Более компетентный взгляд поможет прояснить ваши мысли и чувства».

Или ситуация поворотного момента в развитии ситуации. Гексаграмма № 24: «Новый цикл готов начаться. После периода застоя или неразберихи поток начинает прибывать. Ситуация будет разворачиваться по своим правилам. Не старайтесь форсировать события. Ваше положение еще не настолько сильное, чтобы продолжить путь. Точка поворота связана с месяцем зимнего солнцестояния, когда после зимней темноты снова рождается новый свет. Как говорит гексаграмма, все движение проходит шесть стадий и седьмая стадия приносит возврат – семерка является символом завершения цикла. В основе всех природных изменений лежит регулярный ритм: ночь приходит к концу – свет загорается с зарей; зима оканчивается – мы знаем, что весна близко. Все, что вам нужно сделать, – это подстроиться под природный ритм – так,

как он проявляет себя в вашей жизни. Сейчас для вас это означает ослабление и сохранение энергии».

А вот заключительный, счастливый конец. В гексаграмме № 64, которая называется «Почти что дома и сухой (Еще не конец!)» содержится следующее толкование ситуации: «Наступили непростые времена. Существуют серьезные предпосылки для значительных перемен к лучшему, но ничего еще не определено. Вы должны проявить решительность в достижении своей цели. Проблема заключается в выборе верного пути. Вас бросает из стороны в сторону, вам следует сделать выводы из создавшейся ситуации и навести порядок. Пришло время принимать решения. Но у вас не хватает необходимого опыта для того, чтобы справиться с ситуацией, но не пугайтесь. Главное, чтобы вам было абсолютно ясно, чего вы хотите добиться. Убедитесь, что каждый шаг, который вы делаете, ведет вас в выбранном направлении. Действуйте с максимальной осторожностью. Руководствуйтесь здравым смыслом. Будьте готовы воспользоваться добрым советом и адаптироваться к меняющимся условиям. Внимательно следите, как развиваются события, чтобы не пропустить знаки, которые могут сигнализировать о грядущих осложнениях: возможно, вы пользуетесь неверными методами. Если это случится, остановитесь и подумайте, что могло бы подействовать более эффективно. Будьте очень осторожны. Если вы не пустите ситуацию на самотек, успех гарантирован».

Нормы поведения человека и его социальных и межличностных отношений, понятия китайской церемонии четко и однозначно расписаны в конфуцианском «Каноне ритуалов» («*Ли цзи*»). Понятие *ли* – ритуал является одним из центральных принципообразующих стержней китайской культуры, китайской цивилизации, системы нравственного поведения. Ритуал – это синоним должного поведения, правильного поведения, воплощающего в себе принципы жизни. Поэтому Конфуций говорил: «Правитель должен быть правителем, родитель – родителем, чиновник – чиновником, а сын – сыном», то есть каждый член сообщества должен соответствовать требованиям и критериям того статусного положения, которое он занимает. Выполнение ритуала есть долг человека, и ради выполнения своего долга, как учил Мэн-цзы, человек может и должен пожертвовать своей жизнью. Конфуций подчеркивал: превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и тогда в Поднебесной воцарится порядок и гуманность.

Главный принцип поведения человека, стратагемы умеренности и расчетливости в поведении определяются канонами «Учение о середине» («Чжун юн»). Принципы духовного и нравственного совершенствования определены канонами «Великая учеба» («Да сюэ»). Развитие духовных способностей человека, его знаний об окружающем мире и обществе также определены «Канонами исторических преданий» («Шу цзин»), «Канонами песнопений», или «Книги песен» («Ши цзин»). Дополнением к ним в качестве духовного и нравственного образца являются книги изречений Конфуция «Лунь юй», «Мэн-цзы» и сборники изречений других великих наставников. Живучесть этой традиции и формы проявилась в наше время в «Цитатнике Мао», «Цитатнике Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой».

Присущая китайской культуре многогранность, многовариантность реализуется в том, что альтернативой конфуцианским нравоучениям выступает учение даосов о естественности, «О пути и благодати», которые изложены в книге, приписываемой Лао-цзы – «Дао дэ цзин», учение Мо Ди о всеобщей любви и взаимной выгоде, записанном в книге «Мо-цзы», учение о правильном сочетании нравственного и правового регулирования, о роли наказаний, которые изложены в книгах «Шан шу», «Хань Фэй-цзы», «Сюнь-цзы», а также в канонических поучениях буддийских мудрецов.

В отличие от европейской цивилизации и русской цивилизации и даже, пожалуй, индийской, китайская цивилизация развивалась в течение нескольких тысячелетий, в основном изолированно, опираясь на собственные принципы и собственный опыт. Вместе с тем она оказала решающее влияние на формирование культур Кореи, Японии, Вьетнама.

Характерно, что до середины XIX века, до поражения Китая в опиумных войнах, в этой стране господствовала *китаецентристская концепция*, воплощенная в самоназвании «Срединное государство», окруженное варварами, культура которых рассматривалась как более низкая и могущая существовать лишь в условиях заимствования и учебы у китайской культуры. Конфуцию принадлежит такое изречение: «Мне приходилось слышать, что культура Ся влияла на культуру соседних варваров (И), но я не слышал, чтобы варвары И влияли на культуру Ся».

Когда в середине XIX века англичане неоднократно отправляли своих послов к китайскому императору, их заставляли проходить унижительную церемонию земных поклонов – *кэтоу*

и приближения к трону императора ползком на четвереньках. То же пытались делать и в отношении русских послов, но они не соглашались на это унижение. Неслучайно отношениями с иностранными государствами вплоть до конца XIX века в китайском правительстве ведал департамент связей с варварами. Вот как в отчете этого департамента Юань описываются визиты английских послов и военачальников к китайскому императору: «Варвары-англичане при нынешней династии несколько раз прибывали ко двору с данью (данью называли ценные дары, которые подносили императору. – М.Т.). Табель о рангах у них заимствована из нашего государства, и все должностные лица у них говорят по-китайски» (!) (выделено мною. – М.Т.)²⁴.

Высокопоставленный китайский дипломат в Европе в 1877 г. докладывал китайскому императору: «Англичане во всех отношениях являют прямую противоположность китайцам. В государстве подданные стоят выше правителя, в семье жена властвует над мужем, девочек же ценят больше, чем мальчиков. Все это оттого, что англичане живут в нижней половине земного шара, отчего небо и земля у них переставлены местами. А потому и обычаи у них вывернуты наизнанку...»²⁵.

Известным примером довольно курьезного китаецентристского подхода к иностранцам может служить следующая хрестоматийная история, приводимая в нашем учебнике для вузов. «В 1793 г. в Китай прибыл английский представитель Макартнея с целью установления дипломатических отношений между Китаем и Англией... Члены миссии Макартнея были приняты цинскими властями как представители вассалов. На кораблях, которые везли англичан по китайским водам, были подняты флаги с надписью «Носитель дани из английской страны». Макартнею был вручен эдикт императора Цяньлуна, адресованный английскому королю Георгу III, в котором говорилось: «Вы, о государь, живете далеко за пределами многих морей и тем не менее движимый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, послали миссию, почтительно доставившую нам ваше послание. Серьезные выражения, в которых оно составлено, обнаруживают почтительное смирение с вашей стороны, что весьма похвально. Что касается вашего ходатайства об аккредитовании одного из ваших подданных при моем небесном дворе для наблюдения за торговлей вашей страны с Китаем, то такая просьба противоречит всем обычаям моей династии и никоим образом не может быть принята. Если я распорядился, чтобы дары дани, присланные ва-

ми, о государь, были приняты, то это было сделано, исключительно принимая во внимание чувства, побудившие вас прислать их издалека. Великие подвиги нашей династии проникли во все страны Поднебесной, и государи всех наций суши и морей посылают свои ценные дары. Как ваш посол может сам убедиться, мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны. Трепеща, повинуйтесь, и не выказывайте небрежности»²⁶.

Ровно через 50 лет англичане, развязав опиумную войну против Китая, продемонстрировали, как они «трепещут», «повинуются» и почитают эту страну.

Когда же Китай в XIX веке увидел определенное превосходство иностранцев, особенно техническое, появилась теория о том, что Китай может заимствовать технические вещи, оставляя незыблемыми свои нравственные и духовные ценности, которые «несравненно более высокие, чем у западных варваров».

Вместе с тем необходимо учитывать исторический фон нынешнего лозунга о возрождении и возвышении Китая. В конце XVIII – начале XIX века Китай был одним из самых могущественных государств мира. По некоторым оценкам, ВВП страны в то время в несколько раз превосходил совокупный ВВП Англии и Франции, население в несколько раз превышало население Европы. Большинство крупных городов с числом жителей свыше 1 млн человек в тот период находилось тоже в Китае. В середине XVIII века китайская культура пришла в Европу. Фарфор, чай, шелк, различные экзотические изделия из лака и камней, садовые беседки, каменные сады стали повальной модой в Европе и России.

После опиумных войн, развязанных Англией в середине века, и поражения Китая Поднебесная империя стала приходить в упадок. Огромный удар по единству страны был нанесен Тайпинским восстанием, а затем войной Китая с Японией, Францией. В начале XX века вспыхнувшее в Китае восстание ихэтуаней, направленное против иностранного засилья, было жестоко подавлено объединенными усилиями 8 европейских государств, среди которых была и Россия. Попытки западных держав реализовать политику колониальных захватов на территории Китая поставили перед российской дипломатией сложную задачу осуществления своей политики на Востоке. Сложность этой задачи усугублялась тем, что Россия потерпела тяжелейшее поражение в Крымской войне. Царская Россия не была заинтересована в расчленении Китая, но в традициях того времени она также проводила имперскую по-

литуку во имя своих интересов. Россия воспользовалась ситуацией с тем, чтобы ранее находившиеся под совместной юрисдикцией как неопределенные территории вдоль Амура, которые заселялись русскими казаками и переселенцами, полностью перешли под ее юрисдикцию. Тогдашнее китайское правительство согласилось с этими требованиями России в качестве компенсации за ее поддержку сохранения единства и территориальной целостности Китая. Однако позднее заключенные в это время юридически оформленные договоры китайские политики объявили «неравноправными». Этот ярлык за ними сохраняется в китайской политической и исторической литературе и по сей день, что дает повод некоторым российским политикам и средствам массовой информации утверждать, что Китай со временем, став могучим, потребует пересмотра подписанных договоров о границах. В последние годы китайское руководство официально неоднократно заявляло и заявляет о том, что рассматривает нынешнее решение пограничной проблемы как окончательное, и в основе его лежат в том числе и ранее подписанные договорные документы²⁷.

Одна из важных черт российско-китайского межкультурного диалога в XX веке в основном заключалась во взаимной учебе и сопряжении китайского китаецентризма, русского интернационализма, соборности, всечеловечности, космизма. В этом сопряжении китайская культура постепенно училась преодолевать ксенофобию, рассматривать другие народы и их культуры не как «варваров», у которых можно заимствовать лишь технический опыт. Русские учили китайцев относиться к другим народам как к равным. Китайская культура преодолела многие рубежи интровертности, закрытости и взглянула на мир открытыми глазами, без предубеждения. Что же касается русской культуры и русских как нации, они учились у китайцев чувству самоуважения, умению отстаивать свои интересы, опыту самовоспитания и самосовершенствования. Именно эти черты высоко ценили в китайской культуре Н. Бичурин, А. Пушкин, Л. Толстой, М. Горький.

XX век стал в значительной мере веком подлинного конструктивного всестороннего взаимообогащающегося сотрудничества, взаимной учебы и диалога между нашими культурами, между культурой Советского Союза, России и Китая. Ныне этот диалог продолжается и углубляется. Советская политика 1920–1940-х годов была политикой прямой поддержки патриотических сил Китая в борьбе против внутренней реакции, феодализма, а затем против японской агрессии. Этот период характеризовался глубоко-

чайшим взаимодействием культур. Великий китайский писатель Лу Синь, выдающийся деятель освободительного революционного движения в Китае Цюй Цюбо, великий китайский актер Мэй Ланьфань и многие другие были трансляторами русской и советской культуры и литературы в Китае. В КНР признают, что именно взаимодействие и сотрудничество китайской культуры с советской оказало огромное влияние на современный характер китайской культуры и позволило ей преодолеть узкий этноцентризм – китаецентризм, интровертность, сделать ее открытой.

После образования КНР 1950-е годы характеризовались необыкновенной интенсивностью советско-китайского сотрудничества и духовного взаимодействия, что получило образное выражение в словах песни: «Русский с китайцем – братья навек». К сожалению, рост китаецентризма и национализма в КНР в конце 1950-х – начале 1960-х годов, идеологом и вдохновителем которых выступил Мао Цзэдун, а также ряд ошибок советского руководства во главе с Н.С. Хрущевым, которые в свою очередь были в основном порождены непониманием национальной специфики и национальных чувств китайцев, привели к обострению советско-китайских отношений и многолетнему периоду конфронтации и враждебности. Это оказало крайне негативное влияние на развитие двух стран. Китайское руководство в начале 1970-х годов, по существу, чуть ли не вступило в союз с США против СССР, на деле осуществило то, в чем до этого обвиняло Советский Союз, то есть «в сговоре с американским империализмом». Политика Мао Цзэдуна вынудила Советский Союз пересмотреть свои внутренние планы, а завышенная оценка возможной угрозы со стороны Китая толкнула руководство СССР в 1970-е годы на отказ от целого ряда программ внутреннего развития и концентрацию значительных материальных ресурсов на наращивание военно-политической мощи на два фронта – на Западе и на Востоке. Это привело к истощению ресурсов Советского Союза, застою в развитии страны, падению благосостояния населения и стало, в конечном счете, одной из причин краха СССР²⁸. В беседах с китайскими коллегами мне приходилось подчеркивать, что политика антисоветизма, развернутая Мао Цзэдуном, тоже внесла «вклад» в распад Советского Союза.

В конце 1980-х годов, убедившись, что США преследуют в Китае сугубо свои узконациональные цели, руководство КНР критически пересмотрело политику Мао Цзэдуна в отношениях с другими странами и пришло к выводу о необходимости норма-

лизации отношений с соседними странами, включая СССР, Индию и Вьетнам, «проведения самостоятельной и независимой внешней политики», невступления в военные союзы с крупными державами. По предложению Чэнь Юня, Ху Яобана и крупных военных начальников Дэн Сяопин и китайское руководство в целом приняли стратегическое решение о необходимости нормализации отношений с Советским Союзом.

Распад СССР был неоднозначно расценен в КНР. Националистически и антисоветски настроенные деятели Китая с радостью восприняли это известие, полагая, что это открывает стране огромные возможности для возвышения на мировой арене, позволяет «выйти из тени» бывшего старшего брата – СССР. Но Пекин не имел опыта прямых отношений с США и всю тяжесть конфронтации с лидером западного мира Советский Союз все эти годы, даже в годы конфронтации с Китаем, брал на себя. И все эти годы СССР неизменно выступал за признание КНР единственным законным представителем китайского народа, за восстановление места Китая в ООН. Он неизменно отстаивал принцип территориальной целостности Китая и принадлежности ему Тайваня, Гонконга, Аомэня и, конечно, Тибета.

Ныне, в конце XX и начале XXI веков, ситуация изменилась. Китайские лидеры поняли, что им необходим прочный тыл и взаимопонимание с нашей страной, так как их главный конкурент и потенциальный противник – США. На этой основе после распада СССР и образования Российской Федерации Пекин всячески поддержал заинтересованность Москвы в нормализации отношений с Китаем в целях укрепления своих позиций на Западе. Так, вслед за нормализацией двусторонних отношений и признанием за Россией правопреемства СССР Китай встал на путь ускоренного развития отношений с Российской Федерацией, и в течение 6 лет формула этих отношений поднялась от простой нормализации и добрососедства до добрососедства, дружбы, сотрудничества, стратегического партнерства и взаимодействия, что нашло свое международно-правовое закрепление в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном в Москве 16 июля 2001 года. Договор является правовой основой российско-китайского межкультурного диалога. Это документ, потенциальное значение которого будет раскрываться по мере нарастания объемов российско-китайского сотрудничества и взаимодействия двух стран на мировой арене.

Продолжая характеризовать особенности китайской цивилизации, необходимо также сказать, что одним из важнейших качеств китайского характера является то, что называется термином «сичжи». Это слово не имеет однозначного аналога в русском языке. Иероглиф *си* состоит из двух знаков – «нить» и «поле», что означает тонкое искусство ткачества и тщательное возделывание рисового поля. Иероглиф *чжи* означает совершеннейшее мастерство, тоже включает два знака – «предел» и «удар», то есть руки, обладающие исключительным искусством. Словари дают этому термину такое толкование: тщательность, искусность, кропотливость, обстоятельность и терпеливость, внимательность, детальность, внимание к мелочам и дотошность. Характерно, что иероглиф *си* является неотъемлемой частью знаков, обозначающих тончайшие вещи и ювелирное мастерство: *сибао* – «бактерии», *сигун* – «искусная, филигранная, ювелирная работа».

Что сделает русский человек, получивший, например, в руки кусок мамонтового или слоновьего бивня – набалдашник трости, фигурку какого-либо зверя или какую-то другую фигурку. С точки зрения китайцев это употребление материала не по назначению, это упрощенный подход. Что сделает китаец? Он может сделать шар, состоящий в свою очередь из 36 шаров, вращающихся внутри, и на каждой из этих сфер будет изображена история мира, символы жизни, будут изображены горы и водопады, цветы и птицы, иероглифы пожелания счастья, благоденствия, благополучия, долгих лет жизни и т.д. Чтобы сделать такой шар, потребуется несколько лет кропотливейшей работы лишь двумя инструментами – дрелью, которой будет просверлено несколько отверстий в этом шаре, и кривым ножом, который кусок бивня будет превращать во вращающиеся сферы, где будут искусно выгравированы мельчайшие детали вышеупомянутых изображений. Из этого куска может быть сделан корабль или целый сонм божеств-бодисатв в различных позах и с различными пожеланиями. Другим примером *сичжи* являются китайские фарфор, зеркальная вышивка на шелке, живопись, каллиграфия и многое другое.

В китайской культуре человек – неотъемлемая, органическая часть живой природы, космоса, включающая три компонента: Небо – Человек – Земля, где человек транслятор, воплощение воли Неба на Земле. Человеческое поведение, принципы его жизни кодируются символами природы: горы – вечность и стойкость, ива – гибкость, живучесть, кипарис – стойкость и выносливость, сосна – устойчивость и долголетие, слива – стойкость и нежность.

О сложности понимания китайской цивилизации неоднократно говорил основоположник российского китаеведения Н.Я. Бичурин. Он отмечал, что в китайской цивилизации есть все, и очень похожее, что есть в западной цивилизации, в том числе в русской цивилизации. Однако в ней за внешней схожестью скрывается принципиально иное, требующее понимания путем проникновения в суть и, как говорил Конфуций, «расчленения вещи – получения знаний» (*гэ у чжи чжи*).

Китайская цивилизация, как отмечалось выше, отличается необычайной устойчивостью, поразительной адаптивностью и одновременно огромным разнообразием культурных форм в рамках этой цивилизации. Это многообразие иногда мешает внешним наблюдателям воспринимать Китай как некое единое целое. Кстати, это было присуще первому западному открывателю Китая Марко Поло, который не воспринимал Китай как единую страну. Однако разнообразие региональных форм культуры, быта, верований, тем не менее, не мешает жителям Поднебесной осознавать себя неким единым целым, питать неизбывную привязанность к земле предков. Глубочайшая самоидентичность и привязанность к Родине – одна из особенностей китайской культуры. Мне неоднократно приходилось отмечать: где бы китаец ни находился, к какому гражданству он бы ни принадлежал, высшей мечтой его является признание на Родине и быть похороненным в священной земле Отечества.

Возникает вопрос, не означает ли интеграция Китая в процессы глобализации растворения китайского культурного типа в некой любимой российскими либерал-демократами «мировой цивилизации»? Оказывается, ничего подобного не происходит. Да, Китай многое заимствует, многому учится, но он сохраняет свою самоидентичность, свой культурный тип. Да, китайцы мигрируют, разъезжают по всему белому свету, но везде они, как капельки ртути, соединяются в нечто единое и образуют локальный маленький Китай – чайна-тауны. Они законопослушны, трудолюбивы, уважают местные законы, демонстрируют преданность семье и проявляют политическую индифферентность. Мой французский коллега рассказывал о чайна-тауне в Париже. Он говорил, что это самое безопасное место в городе, там живут, по его словам, «бессмертные», потому что паспорт умершего передается следующему китайцу, и стоит очередь среди китайцев в ожидании получения паспорта своего соплеменника, который уйдет в мир иной. Китайцы не утруждают местную по-

лицию своими заботами, сами решают свои вопросы внутри своей общины.

Актуальность диалога российской, русской и китайской цивилизаций состоит в том, что он безальтернативен. Он – единственный выход, только этот диалог открывает конструктивный выход из кризиса общечеловеческой цивилизации. Примером нормализации и развития российско-китайских отношений, уважения выбора друг друга, признания многообразия форм сосуществования человеческих сообществ, признания многообразия в единстве, конвергенции и дивергенции локальных цивилизаций является построенная на этих принципах модель российско-китайских отношений, модель стратегического партнерства, взаимодействия и соразвития двух стран и двух народов – это модель будущего. Это – альтернатива концепции столкновения и войны цивилизаций. Русский космизм и китайское учение о *Дао* и единстве человека, Неба и Земли создают духовно-философскую основу для перехода человеческой культуры в ноосферу, преодоления негативных аспектов одностороннего технократизма западной цивилизации.

Конечно, история наших прямых взаимоотношений, по существу, начинается в результате продвижения русских на Дальний Восток, создания ими различных укреплений, таких как крепость Албазин на Амуре и др. Первым договором, который вошел в нормативные приграничные отношения, был Нерчинский договор (1689 г.). В силу исторических условий, когда переговоры шли через посредничество иезуитов, договоры на маньчжурском, русском и латинском языках отличаются в деталях друг от друга и даже создают неясности в разграничении территорий.

Исторически сложилось так, что на долю русской цивилизации выпала роль медиатора в отношениях между различными цивилизациями и культурами, а на собственно российском пространстве – роль примирителя, старшего брата и покровителя более слабых. Русская культура восприимчива к культурам других народов. Однако чрезмерная открытость русской культуры и суровый геополитический ландшафт ее существования и развития породили среди верхушки высшей элиты зависть и желание подражать условиям бытия более благоприятных и комфортабельно устроившихся цивилизаций Запада.

России и ее культуре выпала тяжелая миссия быть стеной от нападений агрессивных кочевых племен степи. У нее не было времени и достаточных сил для того, чтобы заняться собственным

обустройством, созданием своего благополучия и развития. Она должна была сконцентрировать внимание на самоусилении, самосохранении, на самозащите, объективно играя роль защитника других. В силу присущей ей христианской сострадательности к горю и страданиям других – по Достоевскому, «всечеловечности» – у нее не оставалось сил для сострадания к себе и своим близким. Она не могла занять и позиции самоизоляции, безразличия, так как ежедневно встречала вызовы, а ныне те, кто получили возможность за широкой спиной России благополучно устраивать свою жизнь, упрекают ее в отсталости, варварстве, мессианстве, великодержавии, империализме.

Д.И. Менделеев отмечал, что разумный путь России – путь постепенных преобразований, сочетания своих традиций с новацией мирового развития. В этом плане он указывал на возможность и необходимость мирного сотрудничества России и Китая в деле создания промышленности на Дальнем Востоке и соединения его с другими частями света. Менделеев, говоря о сходстве национальных характеров китайцев и русских, указывал, что оба этих народа «миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и к учению склонны»²⁹.

Обобщая, можно сказать, что китайский идеал – богатый народ, сильное государство. Русские большие идеалисты, космисты – они за Царство Божие на земле, за сверхземное абсолютное господство добра.

Серьезные трудности для развития и углубления отношений РФ и КНР и межкультурного диалога создала дезинтеграция Советского Союза, которая еще больше усилила процессы размывания идентичности, национального самосознания граждан России. Достижения отечественной культуры и науки, вся наша история подвергались невероятному очернению и дискредитации. Среди западнически настроенных либералов и даже радикал-патриотов модой стало хоронить Россию, пророчить гибель русского народа и его культуры, чернить, вырывать из исторической памяти нации славные страницы ее истории, а историю страны представлять как историю рабства и произвола.

Россию стали всячески тянуть на Запад, представлять ее как сугубо западное явление и «подделывать» ее под так называемую «мировую цивилизацию». Унизительное попрошайничество о приеме в западное сообщество, отсутствие самоуважения и принижение национального достоинства привели к падению притягательной силы русской науки и ее культуры в России среди наро-

дов бывшего СССР и падению международного престижа нашей страны. Многие либералы-западники стали доказывать, что у России нет иного выхода, как проситься в качестве постояльца на задворки Запада. Даже южнокорейская газета «Чосон ильбо» как-то назвала ельцинскую Россию «аморфным географическим понятием». Китайцы не опустили до этого. В ответ клеветникам, порочащим российско-китайские добрососедские отношения, можно привести вывод, который был опубликован в журнале «Хэпин юй фачжань» в один из самых трудных периодов российского государства – в 1996 г. «Россию следует анализировать в долговременном плане. Ее сегодняшняя деградация носит относительный характер, а характер абсолютный имеет ее научно-технический потенциал, мощная индустриальная база, богатые природные ресурсы, мощные вооруженные силы, превосходные географические условия, а также высокое качество населения»³⁰.

Китай был первым, кто в условиях распада СССР и становления нового российского государства установил с Россией равноправные отношения, признал ее правопреемником Советского Союза на международной арене. Сотрудничество РФ и КНР, диалог российской и китайской цивилизаций стали важнейшим фактором соразвития двух великих государств и сохранения мира во всем мире. Российско-китайский диалог и его взаимодействие с индийской и мусульманской цивилизациями являются альтернативой сохранения мировой цивилизации. Общность принципов, ценностей и вызовов глобализации стимулируют диалог российской и китайской цивилизаций. Россия заинтересована в Китае и не должна дать запугать себя так называемой китайской угрозой, необходимо учиться у Китая и сотрудничать с ним. Обстоятельно и комплексно это принципиальное, имеющее стратегическое значение, положение анализируется в ряде монографий, подготовленных ведущими учеными ИДВ РАН.

Чтобы выстроить политику сотрудничества и диалога с Китаем, надо попытаться прояснить вопрос и о так называемой тайне русской души, причинах непонимания русской культуры и в Китае, и на Западе.

Раскрывая особенности русского духа, русской культуры – способность к редкому самоосуждению, сочувствованию, всечеловечности, сопереживанию, – Достоевский в свое время писал о том, что присущее русским самоосуждение удивляет всех иностранцев. «Они упрекали нас за это, называли нас безличными, людьми без отечества, не замечая, что способность отрешить-

сы на время от почвы... есть уже сам по себе признак величайшей особенности...»³¹

Своеобразие русской культуры и русской литературы, как ее важнейшей части, отмечали и такие, казалось бы, общепризнанные западники, как П.Я. Чаадаев и В.Г. Белинский. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» (1837 г.) писал: «Никогда ни один народ не был менее пристрастен к самому себе, нежели русский народ... Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества»³². В письмах Чаадаева к А.И. Тургеневу в 1835 г. он вновь и вновь возвращается к мысли о высшей миссии русской культуры, которая, по его словам, «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки». И далее: «Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами... Оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества... Все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить... В этом наше будущее... Наша вселенская миссия началась»³³.

Подхватив эти мысли Чаадаева, В.Г. Белинский в 1846 г. писал: «Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод... Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца. Одни видят в этом наше превосходство перед всеми другими народами; другие выводят из этого весьма печальные заключения о бесхарактерности, которую воспитала в нас реформа Петра; ибо, говорят они, у кого нет своей жизни, тому легко подделываться под чужую, у кого нет своих интересов, тому легко понимать чужие.... В последнем мнении много правды, но не совсем лишено истины и первое мнение, как ни заносчиво оно...»³⁴

Развивая эти идеи всечеловечности, один из основоположников теории евразийства как основной черты русской цивилизации, князь Н.С. Трубецкой пришел к выводу о равноценности больших и малых народов и культур, считал, что к культуре неприменимо иерархическое деление на высших и низших. В письме Р. Якобсону от 7 марта 1921 г. он писал: «Понять ... что все на-

роды и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга от читателя». В его книге «Европа и человечество» есть такой вывод: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие...»³⁵.

Указанные особенности русской культуры и цивилизации дают хорошую основу для сравнительного анализа китайской духовности и цивилизации. С этой точки зрения необходимо отметить, что история возникновения и развития китайской культуры, в отличие от российско-русской культуры, с самого начала выражала глубочайший эгоцентризм, что объясняется тем, что эта культура развивалась в окружении этносов и племен, которые находились на более низких стадиях экономического, культурного развития, в основном кочевники или племена, жившие еще в каменном веке. Китайская культура была самодостаточной, с исключительно сильной самоидентичностью, порой переходившей в ксенофобию.

Все внешние заимствованные факторы культуры Китая перерабатывает, «китаизирует» (*чжунгохуа*). Это произошло с буддизмом, с другими пришедшими извне учениями, включая марксизм-ленинизм. Учет этого обстоятельства позволяет раскрыть причины непонимания китайцами русской «всечеловечности», мессианства, которые ими воспринимаются как проявление национального высокомерия, претензий на гегемонизм и потому даже отождествляются с шовинизмом.

Неслучайно даже китайским коммунистам не был понятен интернационализм КПСС. Они усиленно искали тайные корыстные мотивы советской помощи Китаю в 1920–1940-е годы и помощи СССР Китаю в 1950-е годы. Сверхинтернационализм Л.И. Брежнева был истолкован и объявлен в Китае как «социал-империализм» и «социал-шовинизм». После распада СССР и КПСС Компартия Китая не сочла для себя необходимым взять лидерство в мировом коммунистическом движении и народно-демократическом движении, на которое так страстно претендовал Мао Цзэдун. В Китае вообще редко упоминается лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вместо него провозглашается лозунг сплочения народов всего мира. Международные дела и споры КНР решает через призму своих текущих интересов и стратегических целей подъема и возрождения Китая.

В 1920–1940-х годах СССР был главной опорой и моральной поддержкой Китая в освободительной войне и в войне против Японии. Освобождение Маньчжурии и разгром Квантунской военной группировки советскими войсками, а затем передача вооруженным силам КПК японского военного снаряжения позволили ей создать в Дунбэе опорную военно-революционную базу, а затем разгромить вооруженные силы Гоминьдана и изгнать Чан Кайши на Тайвань. В 1950-е годы СССР оказал Китаю огромную экономическую, научно-техническую и культурную помощь. В 1970–1980-е годы и вплоть до распада СССР наша страна выступала в диалоге с Китаем как могучая сверхдержава.

Ныне ситуация принципиально изменилась. Совокупная мощь Китая почти в несколько раз превышает потенциал Российской Федерации и только в области военной техники, космоса и фундаментальной науки РФ занимает по сравнению с КНР лидирующее место. Но Китай проявил уважение и понимание положения России и строит с ней отношения на равноправной, дружеской, добрососедской основе.

Особую роль в углублении взаимопонимания и придания конструктивного характера диалогу цивилизаций играло и играет российское китаеведение и Общество советско-китайской, а ныне российско-китайской дружбы. Российское китаеведение начало складываться в конце XVIII века и возникло как наука в начале XIX века. Пионерами были А.Л. Леонтьев (1716–1786) и ряд других молодых китаеведов, работавших в Российской духовной миссии в Пекине. Роль Российской духовной миссии в становлении отечественного китаеведения и изучении Китая неопределима. Основателем российского китаеведения стал Н.Я. Бичурин (1777–1853), глава 9-й духовной миссии. Ему принадлежат более 100 трудов, имеющих энциклопедическую ценность. Высоко оценив значение его работ, императорская Петербургская академия России избрала Бичурина своим членом-корреспондентом. Многие из его монографий сохранили свое научное значение и по сей день. В.П. Васильев (1818–1900) составил первую в мире историю китайской литературы, дал комплексный анализ истории китайского буддизма. П.И. Кафаров (Палладий, 1817–1878) вместе с П.С. Поповым (1842–1913) составили китайско-русский словарь, были сделаны переводы основных канонических трудов китайской философии и литературы, описаны достижения китайской медицины, архитектуры. В XIX веке в России сложились центры по изучению востоковедных дисциплин.

лин, включая китаеведение. В Санкт-Петербурге – Азиатский музей Академии наук и факультет восточных языков в университете во главе с академиком В.П. Васильевым. Во Владивостоке – Восточный институт. В Казанском университете на восточном факультете открылась кафедра китайского, а затем и маньчжурского языков. В Кяхте, в училище китайского языка, основанном Бичуриным, велась подготовка переводчиков китайского и маньчжурского языков. Активное участие в издании трудов китаеведов принимал Азиатский департамент МИД. В этих центрах воспитана целая плеяда выдающихся китаеведов, философов, экономистов, историков, лингвистов.

Особо следует сказать о сложности процесса диалога китайской цивилизации с западными культурами. Как уже отмечалось, китаецентризм мешал объективно взглянуть на сильные и слабые стороны китайской культуры и адекватно оценить другие культуры. Лишь в начале XX века стало складываться движение за новую культуру. Но и оно проходило в рамках прежней китайской традиции, было сугубо нормативным, все вновь было китаизировано и разложено по полочкам. Убежденность в нравственно-духовном превосходстве китайской цивилизации над западной практически сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. Освоение западных стандартов культуры в быту, гигиене часто приобретало в глазах западных наблюдателей курьезный характер. Осталась в истории Китая трагикомическая страница борьбы с воробьями. Туристы, посещающие ныне Китай, бывают потрясены, как ранним утром парки и скверы наполняются людьми всех возрастов, которые под музыку делают традиционную зарядку, как 60–70-летние старики сражаются на деревянных мечах, как после окончания работы по улицам идут демонстрации пенсионеров, исполняющих песни в стиле янгэ, танцы около гостиниц и в скверах городов, которые должны гармонизировать движение и оздоравливать нацию. Нация действительно оздоровилась, китайские юноши и девушки значительно прибавили в росте. Об этом свидетельствуют достижения китайских спортсменов на различных соревнованиях. В 1950-е годы советским инструкторам, работавшим в китайской армии, приходилось настаивать на специальной диете для китайских воинов, поскольку они не могли летать на самолетах и водить современные танки.

Китайцы создают реальную, эффективную и плодотворную альтернативу технократической, моноцентристской модели западной цивилизации.

Серьезным препятствием для развития конструктивного и творческого диалога между цивилизациями России и Китая в перспективе могут стать следующие два обстоятельства.

1. Наметившаяся деинтеллектуализация России на фоне роста интеллектуального потенциала Китая. В России наблюдается огромная «утечка мозгов», разрушение образовательной системы, формирование элитарной структуры высшего образования. Более 100 тыс. российских ученых покинули Родину за последние 10 лет. Финансирование науки, образования, культуры сократилось в десятки раз и ведется по остаточному принципу. Пока что фундаментальная наука, образование и культура поддерживают свой авторитет, опираясь на достижения периода Советского Союза. Движение вперед идет по инерции, научные кадры стареют. Средний возраст членов Российской академии наук приближается к 70 годам, большинство докторов наук ныне в возрасте старше 60 лет, количество молодых ученых резко сокращается.

В противоположность этому в Китае наблюдается колоссальный подъем науки, образования и стимулирования развития культуры. Большие успехи достигнуты в ликвидации неграмотности, расширяется сфера доступности образования не только для городского, но и сельского населения, хотя образовательная система, начиная с 7-го класса средней школы, носит коммерческий характер. Развитию науки придается инновационный характер, ассигнования на фундаментальные исследования в КНР более чем в 6 раз превышают аналогичные ассигнования в России. Неуклонно растет количество учащихся, студентов, ученых. Разнонаправленные тенденции могут ограничить, сузить интеллектуальный потенциал межкультурного диалога.

2. Изменения внутренней ориентации развития цивилизаций, попытка правящей элиты России размыть евразийскую самоидентичность российско-русской цивилизации, придать ей сугубо западные ориентиры, перевести ее на систему ценностей западной культуры, что приведет к расколу русской цивилизации, расслоению ее и общему ослаблению и утрате притягательности и комплиментарности в отношении других культур России.

В противоположность этому китайская цивилизация ориентируется на укрепление самоидентичности, специфически китайских почвеннических тенденций, укоренение заимствованного из зарубежного опыта в национальную почву. Насажение тезиса «о китайской угрозе», синофобии среди российской элиты создаст серьезные препятствия на пути ведения конструктивного меж-

цивилизационного диалога, более того, может стать источником нового витка конфронтации между Россией и Китаем.

Оценивая диалог российской и китайской цивилизаций, необходимо подчеркнуть, что он имеет глобальное значение, а русская и китайская культура внесла неопределимый вклад в сокровищницу мировой культуры, и это влияние продолжается.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глубокое освоение наследия китайской и других восточных философий, особенно философий стран конфуцианского ареала, становится ныне особенно актуальным. Именно здесь – в Китае, Японии, Корее, Вьетнаме – происходил и происходит процесс рецепции культур, осуществляется синтез мировоззрений и самосознаний, выражающийся в оригинальных формах неоконфуцианства, китайского буддизма, индуизма, японского дзен-буддизма, даосизма, синтоизма и т.д. Изучение этих культурно-цивилизационных явлений имеет глобальное значение. Поскольку Россия выступает своеобразным географическим и геополитическим мостом между цивилизациями Европы и Востока (прежде всего Северо-Восточной Азии), для нее овладение знаниями о традиционных культурах ее азиатских соседей – главная предпосылка конструктивного участия в межкультурном диалоге и важнейшее условие культурной самоидентификации. Это выдвигает важнейшую задачу разработки новой методологии межкультурного общения. Такой методологией, на мой взгляд, может быть идеология нового евразийства, которая органически сочетает ценности русской и европейской философий, русской и европейской цивилизаций с ценностями цивилизаций и систем мышления стран Востока. И то, как это происходит, какое влияние Восток, Россия и Запад оказывают друг на друга, что заимствуется и что отвергается, какие при этом открываются перспективы – мирного или немирного развития – все это требует самого пристального внимания и изучения.

У нового евразийства как трансцивилизационного феномена есть существенное преимущество перед другими формами цивилизаций. С одной стороны, евразийство способствует самоидентификации

фикации национальных культур, то есть сохранению их этнических особенностей, с другой – гарантирует симфонизацию культур, их содружество, взаимное обогащение, взаимовлияние и со-развитие³⁶. В этом контексте следует отметить, что новая евразийская идеология выступает альтернативой идеологии сплошной вестернизации, которую пытаются осуществлять определенные силы, используя свое доминирование в экономическом, политическом и военном отношениях. Глобализация, возникшая в основном как экономическое явление, используется ими для распространения и навязывания тех взглядов на демократию и права человека, которые доминируют в западных странах, прежде всего в США. Теоретически – как дидактическая и «пророческая» модель – гуманитарная часть такой глобализации разработана, как отмечено выше, известными американскими политологами и культурологами Хантингтоном и Фукуямой.

Попытка «подстричь» все культуры и цивилизации под одну гребенку чрезвычайно опасна. И вот восточная философия, прежде всего китайская, соприкасающаяся с неоевразийской философией, дает альтернативные ответы на эти вопросы. Она сохраняет богатство прошлого для настоящего и открывает новые перспективы для человека будущего. Такие перспективы носят рациональный и иррациональный, то есть успокоительно-религиозный характер (имеется в виду китайский буддизм), что хорошо освещено в исследованиях сотрудников Института Дальнего Востока. Но в той и другой форме это – альтернатива идеологии терроризма и насилия, которая сейчас поднимается на государственный и международный уровень. В частности, то, что делают США в рамках «превентивной дипломатии», есть самая настоящая легализация насилия и террора. По-другому это назвать трудно, хотя подобные действия демагогически прикрываются флагом борьбы с терроризмом и даже защитой прав человека и продвижением «демократических ценностей».

Очевидно, что активную роль в противостоянии гегемонистскому глобализму в Китае, Корее, Вьетнаме, Японии и других странах Востока играет, прежде всего, конфуцианская философия. Вместе с тем, как представляется, нельзя сводить традиции и богатый культурный и философский опыт этих стран только к конфуцианским ценностям. Помимо конфуцианства в национальном самосознании концептуально оформляются новые идеи, которые приобретают особую ценность именно в цивилизационном плане. Особенно это сказывается в реализации концепции *дэ*

чжи, то есть гуманного правления, соединяющего в теории и практике нравственность и гуманность с политикой. Данная концепция подкрепляется не столько конфуцианской идеологией, сколько идеологией моизма, непосредственно десятью принципами Мо-цзы (V век до н.э.): «всеобщая любовь и взаимная выгода», «сильный помогает слабым», «справедливость и польза [для общества]» и т.д. Эти принципы моизма помогают понять внутреннюю логику восточных политических систем и восточной модели демократии, а не теократии и не тоталитаризма, которые на каждом шагу мнятся российским доморощенным либералам³⁷.

Поэтому освоение нравственной философии, выявление ее нынешнего влияния чрезвычайно важно для того, чтобы наладить и укрепить взаимопонимание с нашими дальневосточными соседями, прежде всего с Китаем. В практике нынешнего, равно и предыдущего, состава китайского руководства четко прослеживается традиция, которая выражается формулой: «отбрасывать старое и выдвигать новое» – *туйчэн чусинь*. Это не механическое отрицание, как это было в период «культурной революции», а отрицание в рациональном гегелевском смысле, когда отбрасывание происходит методом диалектического снятия: все положительное сохраняется, все устаревшее, отжившее отбрасывается. Появление целой серии модернизированных понятий, заимствованных из традиционной культуры, таких как *чжэнчжи* («политика»), «правильное управление»), *дэ чжи* («нравственная политика»), *да тун* («великое единство» как синоним гармоничного общества), *сяо кан* («общество малого благоденствия»), *дао дэ* («нравственный путь»), *хэ эр бу тун* («единство при сохранении различий»), *хэсе* («гармоничность») и других, подтверждает идею диалектической взаимосвязи традиции и современности.

Еще один вопрос, ответ на который тоже очень важен для понимания процессов, проходящих в нынешнем Китае. Многие наши коллеги и ряд авторитетных западных и российских политологов утверждают, что социально-экономические реформы в КНР есть не что иное, как строительство капитализма под знаменем социализма. По их мнению, китайский социализм – не более чем эфемеризм, упреждающий возмущение народа. Ему, мол, только подсовывают социалистические лозунги, а на самом деле вся практика сугубо капиталистическая. Да, действительно, в условиях нынешнего переходного периода в Китае немало явлений, которые с провозглашаемыми лозунгами социализма (пусть даже «социализма с китайской спецификой») плохо сочетаются или вообще не соче-

таются. Но с точки зрения исторических закономерностей это положение вполне естественное, потому что Китай одновременно решает многие сложнейшие буржуазно-демократические проблемы *предыдущего этапа* капиталистического производства и рыночной экономики, которые он не прошел. Нужно с пониманием отнестись к тому, как осторожно китайские руководители и идеологи стали оперировать термином «социализм». Неслучайно они пошли на терминологические заимствования из древней китайской философии для обозначения той практики, которая имеет мало общего с обществом справедливости. Рыночные законы безжалостны и жестоки, жестоки и пути накопления первоначального капитала. Это накопление идет и будет впредь идти неравномерно. В этих условиях естественна и легитимна эксплуатация труда, естественна и легитимна конкуренция, естественна победа одних и гибель других. Все это естественно в рамках того этапа, который ныне проходит Китай. Но это, понятно, не сочетается с идеологией равноправия, справедливости, всеобщей любви, взаимной выгоды, коллективизма, с идеологией, которая определяется категориями *будущего социализма*. Поэтому наши китайские коллеги называют переходное общество обществом *сяо кан*, что переводится как «общество малого благоденствия» или «общество малого достатка»³⁸. В данном случае это выглядит рационально и с мировоззренческой, и с идеологической, и с духовной сторон. Мне думается, в этом проявляется умение китайской философии и китайской мудрости сочетать, казалось бы, несочетаемое. Это конвергенция на высшем уровне, где старое и новое, традиция и новация, традиция и совершенно новые формы политической и культурной жизни соединяются и образуют своеобразную целостность. И это отнюдь не эклектика, а теория, под которую подведена соответствующая методология. Концентрированно она выражается в принципе философа Фань Ичжи (1611–1671): «сочетание разнородного в нечто единое» – *хэ эр эр и*. Идея сочетания в единое (*хэ эр эр и*) семантически включает в себя и другую сторону: «раздвоение единого на противоположности» – *и фэн вэй эр*. Например, первый период истории КНР Мао Цзэдун в методологическом плане рассматривал в ключе раздвоения единого. С конца 1950-х до 1970-х годов он призывал «создавать противоречия» и решать их самым последовательным образом. В результате неантагонистические противоречия доводились до степени антагонистических и апофеозом этой методологии стали лозунги «американский империализм – бумажный тигр», «вести советско-китайскую полемику 10 тысяч лет»

и «перманентно осуществлять великую пролетарскую культурную революцию». Нынешнее китайское руководство берет другую семантическую сторону формулы *хэ эр эр и* – «сочетание противоположностей в единое». Многоукладность, присущая китайскому обществу, сочетание традиционных китайских ценностей и соответствующих условиям страны западных ценностей, сочетание старого и нового – все это как раз и базируется на методологии даосской диалектики Лао-цзы – «сочетания противоположностей в единое» – *хэ эр эр и* и «следования пути гармонизации» – *хэсе*.

Следующий момент, который в условиях углубления экологического кризиса не может не привлекать внимание, – пронизывающая всю историю китайской философии и культуры идея единства человека и природы. Согласно этой концепции человек (*жэнь*) выступает связующим, последующим звеном в космологии взаимодействия Неба (*Тянь*) и Земли (*Ди*): *Тянь – Жэнь – Ди*. Ранее она рассматривалась в мировой синологии как частный фактор мироустройства, в настоящее же время эта идея конституировалась в критерий сохранения планетарной жизни и существования человечества, как основополагающий принцип новой экологической этики. Реализация этих постулатов требует взращивания и воспитания нового человека, или, как говорит древнекитайская философская классика, воспитания мудрого человека, способного органично и гармонично совместить социальный и природный космосы. Пути решения этой задачи – дальнейшая философская разработка проблем экологии. А это вызов, на который положительный ответ может дать теория нового евразийства. Заслуживает всяческого одобрения то, что отечественное китаеведение обозначило эту задачу в качестве одного из основных своих направлений творческого поиска.

РОЛЬ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ В РАЗВИТИИ И УГЛУБЛЕНИИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЕМ

История российско-китайских отношений насчитывает почти 400 лет. Однако поиски подлинного взаимопонимания и путей сотрудничества на общегосударственном уровне двух великих империй начались значительно позже – в начале XVIII века. В 1700 г. император Петр I издает указ об изучении восточных

языков. Этим указом Российской духовной миссии в Пекине предписывалось готовить переводчиков китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков.

Российская духовная миссия возникла в 90-х годах XVII века с согласия императора Канси для духовного окормления русских, бывших защитников крепости Албазин, взятых императором после их пленения на службу в состав своей гвардии. По сути дела, Российская духовная миссия в течение более чем 300 лет со дня основания и до закрытия в 50-е годы XX века была одним из важнейших центров подготовки китаеведческих кадров для России и всестороннего изучения духовной культуры и истории Китая. Из ее недр вышли высококлассные ученые: первые китаеведы – члены и сотрудники Российской императорской академии наук А.Л. Леонтьев (1716–1786), И.К. Россохин (1720–1770), Н.Я. Бичурин (1777–1853), В.П. Васильев (1818–1900), П.И. Кафаров (Палладий, 1817–1878) и много других исследователей истории, экономики, культуры, медицины и языков Китая.

Китаеведение как университетская академическая наука начала развиваться в России на основе той солидной историографической и источниковедческой базы, которая была подготовлена Н.Я. Бичуриным и его последователями в первой половине XIX века³⁹. В 1855 г. при Санкт-Петербургском императорском университете открывается восточный факультет, который становится главным университетским центром подготовки кадров китаеведов со знанием китайского, маньчжурского, тибетского и старомонгольского языков. Одновременно подготовка китаеведов начинается в Казанском университете, затем создаются школы переводчиков в Урге (ныне Улан-Батор), Кульдже, а затем и в Восточном институте, основанном в 1899 г. во Владивостоке. Созданные в Сибири и на Дальнем Востоке России центры подготовки китаеведов были призваны профессионально обслуживать интересы развития торгово-экономических и приграничных связей между Россией и Китаем.

Во второй половине XIX века в России сложилась школа изучения и преподавания китайского языка, которая заняла передовые позиции в мире. Именно в России была создана одна из первых грамматик китайского языка, выработана система транскрипции китайской иероглифики, сохраняющая свое значение до сих пор. Кстати, русская транскрипция пекинского диалекта по сравнению со всеми другими европейскими языками передает фонограмму китайского языка наиболее адекватно и узнаваемо.

Российские китаеведы создали солидные китайско-русские и русско-китайские словари и уникальный китайско-русский словарь в двух томах, научное и практическое значение которого сохраняется по сей день⁴⁰.

Особенностью российского китаеведения являлось то, что оно с самого начала было пропитано духом уважительного отношения к Китаю, его трудолюбивому народу, культуре. Порой даже создавался идеализированный образ Китая и его упорядоченной, согласно конфуцианским нравственным нормам *ли* («ритуал»), *жэнь* («человеколюбие»), *сяо* («почтительность к старшим»), *чжун* («верность долгу»), системе взаимоотношений верхов и низов. «Правитель должен быть правителем, чиновник – чиновником, отец – отцом, а сын – сыном». Такой образ Китая использовался российской интеллигенцией для косвенной критики царского деспотизма и религиозного фанатизма. Одним из примеров идеализации китайской культуры дает нам великий русский писатель Л.Н. Толстой, который активно пропагандировал учения Конфуция, Лао-цзы и Мо-цзы как основу новой педагогической системы и подтверждение его взглядов о «непротивлении злу насилием». Постулат Конфуция о главенствующей роли нравственного критерия *ли* в управлении страной и развитии культуры Л.Н. Толстой использовал для критики царизма, модернизма и декадентской культуры конца XIX и начала XX века. Даже музыка Бетховена, драмы Шекспира были подвергнуты Толстым «нравственной чистке» через призму конфуцианских доктрин. Достаточно вспомнить его повесть «Крейцера соната».

В советский период в 1920–1930-е годы китаеведение заняло передовые позиции в российском обществоведении и стало одной из самых популярных наук. Китайский язык, история, культура, философия, положение в Китае изучались во многих научных и университетских центрах советской России. Как писал один из крупных русских китаеведов XX века академик В.М. Алексеев (1881–1950), «китаист оказался полезен и нужен далеко за пределами своей закупоренной университетской аудитории, и на него сыпались заявки со всех концов: и в редакционном совете издательства «Всемирная литература», и в Государственном театре оперы и балета, и в Государственном театре драмы, и в Театре юного зрителя, и в школах, и в Политехническом институте и т.д. Оказалось возможным заинтересовать китайской культурой общество, не собирающееся ею всецело интересоваться, и вынести

за пределы университетской аудитории ряд тем в довольно обширном перечне»⁴¹.

Важной новой чертой российского китаеведения XX века становится то, что по своим методологическим целевым установкам оно *перекликается с российским евразийством*, которое начало складываться с конца XIX века и сформировалось в 20–30-х годах XX века. Объективной предпосылкой этой переклички идей русской и китайской культур является то, что важнейшей содержательной частью азиатского аспекта русского евразийства, помимо персидско-тюркского, индийского компонентов, является именно компонент китайской политической, духовной и материальной культур, частично воспринятый русской культурой через татаро-монгол в XII–XIV веках. Методологически и идейно эта перекличка основывается на том, что евразийство рассматривает мировую культуру как симфонию равноправных и равноценных культур, отношения между которыми строятся по горизонтали на основе взаимовлияния, взаимной учебы, соразвития и сопроцветания. Важным условием развития мировой цивилизации и развития каждой нации, согласно евразийской теории, является признание единства многообразия, неразрывность связи культуры, культурного наследия с особенностями местоположения этноса и его исторического развития. Такой подход совпадает с концепцией развития китайской культуры, выдвинутой еще Конфуцием 2,5 тысячи лет назад. В главе «Цзы Лу...» в книге «Лунь юй» содержится очень важная мысль. «Учитель сказал: Благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание...»⁴². В той же книге, являющейся духовной основой китайской культуры, проводится идея о том, что лишь гармония в сочетании с многообразием является условием развития и обогащения всего сущего.

С учетом вышеизложенного российская синология и на ранних этапах своего становления, и в более зрелый период развития в конце XIX – начале XX века, и в настоящее время служила, служит и, можно с уверенностью сказать, будет служить содействию, обогащению русской и китайской культур, взаимной учебе, взаимному совместному развитию. Добрососедство, научные, культурные и политические контакты, торгово-экономические отношения требуют глубокого взаимного понимания и знания особенностей эволюции каждого из партнеров. Можно привести множество примеров из истории российско-китайских отношений в той или иной сфере, которые являют во всем многообразии роль ки-

таеведения как фактора взаимопонимания и подлинного дружеского диалога. В 1940–1950-е годы именно блестящие переводы повестей и эссе Лу Синя, сделанные русским китаеведом В.Н. Роговым (1906–1988), познакомили русскую общественность с творчеством великого китайского писателя-патриота. Лу Синь стал одним из самых популярных писателей Востока в Советском Союзе. Его труды миллионными тиражами издавались в СССР. Благодаря огромной работе, проведенной академиком В.М. Алексеевым по ознакомлению российской общественности с особенностями китайского театра, живописи *гохуа*, китайских представлений о прекрасном, превратили визиты в Москву и Ленинград великого китайского артиста Пекинской оперы Мэй Ланьфаня, а затем замечательного художника Сюй Бэйхуна в середине 1930-х годов в поистине общенациональную кампанию солидарности с китайским народом, начавшим борьбу против японского милитаризма.

Многочисленные труды целой плеяды ярких ученых китаеведов – историков, философов, экономистов, филологов, языковедов – сделали неотъемлемой частью русской культуры и культуры многих народов бывшего Советского Союза огромный, многотысячелетний пласт великой китайской культуры. Многие научные исследования и научно-популярные издания 1920–1950-х годов знакомили народы СССР с историей и особенностями развития Китая, в них выражалась солидарность с борьбой китайского народа в период антияпонской войны. Все это стало важным морально-политическим фактором, который повлиял на выработку Советским Союзом стратегии активной поддержки освободительной борьбы китайского народа против японского милитаризма, дружеского сотрудничества с новым Китаем и оказания ему всесторонней помощи.

Российские китаеведы и историки в результате изучения 400-летней истории российско-китайских отношений сделали фундаментальный вывод о том, что коренные национальные интересы Китая и России не только не сталкиваются, но обладают резонансным эффектом, могут при разумной политике и установлении добрососедства и дружбы служить мощным стимулом развития и взаимодополняемости экономик двух стран и взаимообогащения культур и взаимной поддержки на мировой арене.

Разумеется, на протяжении столь длительной истории наших отношений было всякое. Однако столкновения и временные конфликты интересов обуславливались, как правило, теми или ины-

ми внешними привходящими обстоятельствами, не вытекали из противостояния коренных интересов развития и безопасности сторон. Исходя из этого базового понимания истории российско-китайских отношений, российская сторона активно поддержала выдвинутое Пекином предложение о подписании Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, которое произошло 16 июля 2001 г. в Москве.

Оглядываясь назад, можно сказать, что советское китаеведение в 1940–1950-х годах слишком восторженно и некритически восприняло начальный этап становления Китайской Народной Республики и тем самым (это следует признать) создало в Советском Союзе оторванный от реальной действительности образ Китая-брата. Как помнят люди старшего поколения, в Советском Союзе и в Китае пели: «Русский с китайцем братья навек». Однако «жаркое лето» в советско-китайской дружбе сменилось драматическим четвертьвековым «ледниковым периодом».

Несмотря на восторженные высказывания советских китаеведов о Китае, которые, к сожалению, были результатом, скорее, идеологической ангажированности, чем серьезного научного анализа реальности развития КНР в первом десятилетии ее существования, некоторые представители высшего китайского руководства, особенно Мао Цзэдун, крайне предубежденно и негативно относились к советскому китаеведению, рассматривая его как «пережиток колониализма» в науке. Вновь подчеркнем, что под его нажимом Москва в конце 1950-х годов (как раз тогда, когда Мао Цзэдун, как это становится известно из трудов китайских историков, начинает коренной пересмотр всей стратегии отношений Китая с СССР) закрыла китаеведческие исследовательские центры в России и даже центры подготовки китаеведческих кадров. Тяжелые последствия этого необдуманного волюнтаристского шага российское китаеведение ощущает и по сей день. После произошедшего советско-китайского раскола руководство нашей страны осознало необходимость восстановления объективного комплексного изучения нашего великого восточного соседа. В 1966 г. в рамках Академии наук СССР был учрежден Институт Дальнего Востока, сыгравший конструктивную роль в создании научных предпосылок для понимания причин, приведших к советско-китайскому расколу и поиску путей сопоставления и балансировки национальных интересов двух стран, восстановлению нормальных отношений между двумя великими державами.

История российско-китайского культурного, научного и экономического сотрудничества и взаимодействия неразрывно связана с позитивной деятельностью российского китаеведения. Благодаря трудам российских ученых наука, культура и жизнь нашей страны обогатились многими достижениями, заимствованными из сокровищницы китайской культуры и цивилизации. Здесь прежде всего следует назвать выдающихся ученых, членов Академии наук СССР и РАН – В.М. Алексеева, Н.И. Конрада, чл.-корр. М.И. Сладковского, бывшего посла СССР в КНР, исследователя истории древней китайской философии А.А. Петрова, литературоведа и писателя чл.-корр. РАН Н.Т. Федоренко, проф. А.П. Рогачева, проф. В.А. Кривцова, проф. В.И. Глунина, В.Н. Рогова, Л.З. Эйдлина, проф. Л.Д. Позднееву, проф. истории М.Ф. Юрьева, Ян Хиншуна, чл.-корр. РАН, историка-международника М.С. Капицу, проф. А.Г. Яковлева, А.А. Москалева, В.Ф. Феоктистова, посла, д.и.н., историка российско-китайских отношений Б.Т. Кулика, проф. А.В. Меликсетова, В.Я. Сидихменова, В.Н. Никифорова, Е.А. Коновалова. Огромный вклад в изучение истории Китая и истории российско-китайских отношений, истории становления идей модернизации и возрождения Китая вносит выдающийся российский ученый-востоковед, главный научный сотрудник ИДВ РАН академик С.Л. Тихвинский. В сотрудничестве с академиком В.С. Мясниковым и целой когортой учеников С.Л. Тихвинский уже много лет ведет огромную работу по изданию документов по истории российско-китайских, советско-китайских отношений начиная с XVII века.

Не освещая здесь подробно тот колоссальный объем работы, который проведен в общем не столь уж многочисленным отрядом ученых-синологов, насчитывающим около тысячи человек, хотелось бы отметить, что благодаря их трудам на русский язык переведены все классики китайской философии, литературы и истории. В прекрасных переводах русский читатель может изучать и «Шицзин» и «Шуцзин», «Лунь юй» и «Чунь цю», «Мо-цзы» и «Сюнь-цзы», «Сунь-цзы» и «У-цзы», ханьских и сунских философов, наслаждаться поэзией Ду Фу, Ли Бо, Тао Юаньмина, Бо Цзюйи и читать труды Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна, Лу Синя и Мао Дуня, Го Можо, Лао Шэ, Ван Мэна и других современных китайских писателей, политиков, философов.

Настоящим научным подвигом ученого является осуществленный проф. Р.В. Вяткиным перевод многотомного свода древней китайской истории Сыма Цяня «Ши цзи» – «Исторических за-

писок». В трудные годы советско-китайской ссоры по инициативе и под редакцией М.Л. Титаренко и В.Г. Булова была издана двухтомная антология «Древнекитайская философия». В те же годы академик Б.Л. Рифтин издал уникальный труд Юань Кэ «Мифы древнего Китая». В эти же годы проф. А.П. Рогачев вместе со своими коллегами и учеными из Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова осуществил перевод классических романов «Троецарствие» и «Речные заводы». Тогда же были переведены и изданы романы «Сон в Красном тереме» (перевод В.А. Панасюка) и «Путешествие на Запад», повести Пу Сунлина. Проф. Л.З. Эйдлин осуществил исследование и перевод стихов Тао Юаньмина. Много можно сказать, как был впервые в нашей стране подготовлен и издан в 4 томах «Большой китайско-русский словарь» под редакцией проф. И.М. Ошанина, инициатором создания которого был еще академик В.М. Алексеев, как авторский коллектив под руководством С.Л. Тихвинского подготовил труд по новой истории Китая, как проф. Л.Д. Позднеева осуществила перевод ряда классиков древнекитайской философии, как проф. Л.С. Переломов сделал достоянием русской науки книгу Шан Яна, подготовил и издал академический перевод труда Конфуция «Лунь юй» и т.д., и т.д.

По мере укрепления взаимного доверия между РФ и КНР, расширения политических, научных и культурных контактов интерес к Китаю, его культуре, китайскому языку в российском обществе значительно вырос. Если в конце 1980-х годов в Советском Союзе существовало немногим более десятка научных и университетских центров, где изучался Китай и готовились китаеведческие кадры, то в настоящее время таких центров в России насчитывается более 50. Лишь в одной Москве китайский язык и Китай изучают более чем в 10 научных и университетских центрах. География интереса к Китаю стала поистине всероссийской. В большинстве крупных университетов России в настоящее время созданы или создаются факультеты или отделения китайского языка, формируются группы изучения китайской культуры, любителей китайской музыки, китайских оздоровительных систем – ушу и тайцзицюань.

История языка, культуры Китая до образования КНР изучается во многих научных центрах, но наиболее крупным среди них является московский Институт востоковедения и его санкт-петербургский филиал (ныне Институт восточных рукописей РАН), чья уникальная коллекция приобрела всемирную известность.

Главным центром современного изучения Китая, 400-летней истории российско-китайских отношений, его культуры, философии, экономики и политики является Институт Дальнего Востока, где имеется также уникальное хранилище книг о Китае – Синологическая библиотека ИНИОН РАН, насчитывающая более 200 тыс. единиц хранения.

Институт осуществляет две государственные программы издания документов: по истории русско-китайских отношений с XVII века до настоящего времени, а также документов из архива Коминтерна и президентского архива о китайской революции. Издано 5 томов в 7 книгах ранее неизвестных секретных документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай»⁴³.

Институт выпускает в свет фундаментальный труд «Духовная культура Китая». Это первое в российской и западной синологии издание такого типа. Вышли в свет уже 2 тома энциклопедии. Работа над этим 5-томным изданием с дополнительным томом справочного типа будет завершена в 2009 году⁴⁴.

Кроме того, Институт осуществляет непрерывный мониторинг развития и прогнозирования российско-китайских отношений, знакомит российскую общественность с ходом экономической реформы и модернизации Китая, достигнутыми успехами на этом пути китайским народом.

Российские китаеведы познакомили нашу общественность с переводами древних и современных китайских писателей и поэтов. О том, с каким трепетным вниманием российские писатели относились к переводам китайских поэтов, свидетельствует то, что в числе соавторов переводов выступали такие известные русские поэты, как А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Сурков, К. Симонов и многие другие. Исключительно большую работу по доведению до российской общественности богатейшего литературного наследия китайского народа провел член-корреспондент РАН Н.Т. Федоренко (1912–2000). Еще в 1940-е годы академик Н.И. Конрад (1891–1970) перевел и дал обстоятельные комментарии книги «Сунь-цзы».

Богатые традиции имеет российская историческая школа, основоположником которой является Н.Я. Бичурин. Большой вклад в изучение ее наследия и сохранение традиций внесли труды выдающегося российского библиографа и историка науки П.Е. Скачкова (1892–1964). В 1920-х – начале 1930-х годов он начал работу по сбору всей русской литературы о Китае, которая завершилась изданием «Библиографии Китая» (М., 1932). Это

был первый систематический указатель, включивший литературу о Китае за 200 лет (1730–1930). Спустя 28 лет П.Е. Скачков издает заново переработанный и дополненный сведениями за 1931–1957 гг. указатель «Библиография Китая» (М., 1960), который по своим размерам и содержанию является одной из крупнейших специальных библиографий, опубликованных в нашей стране (она содержит 19551 библиографическое описание книг и статей). В 1975 г. библиография была перепечатана в США (N.Y.: AMS Press), а в нашей стране она превратилась в библиографическую редкость. Одновременно П.Е. Скачков трудился над очерками по истории русского китаеведения. В 1977 г. была издана его уникальная книга «Очерки истории русского китаеведения» (отв. ред. акад. В.С. Мясников). Известный китаевед В.Н. Никифоров (1920–1990) назвал это событие праздником для специалистов по Китаю.

Академик С.Л. Тихвинский за свою более чем 60-летнюю плодотворную научную деятельность внес огромный вклад в российскую историческую науку о Китае. Им переведены многие труды Сунь Ятсена, исследовано творчество Кан Ювэя, дан общий анализ основных тенденций развития исторической науки Китая. Одним из крупнейших трудов С.Л. Тихвинского является его комплексное исследование «Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Энлая». В 2006 г. вышло в свет собрание его избранных трудов в пяти томах⁴⁵. Плодотворно трудятся над изучением истории Китая и русско-китайских отношений многие ученики С.Л. Тихвинского.

Российское китаеведение проявляет большую заинтересованность в развитии сотрудничества не только со своими коллегами в Китае, но и исследователями на Западе. Крупным событием, свидетельствующим о подъеме мирового интереса к Китаю, явилась XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведов, состоявшаяся в Москве в 2002 г., в которой приняли участие свыше 400 ученых-китаеведов из 55 стран мира⁴⁶.

Институт Дальнего Востока и другие востоковедческие центры России регулярно проводят научные конференции, посвященные Китаю, Институт востоковедения – общероссийскую конференцию «Государство и общество в Китае». Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета организует общероссийскую конференцию по историографии Китая. Широкую известность приобрели международные конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность,

перспективы», а также «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация», которые регулярно проводит Институт Дальнего Востока⁴⁷.

Вместе с тем существуют и иные подходы к изучению Китая.

Высокие темпы экономического развития Китая и рост его совокупной мощи нередко вызывают у его соседей и конкурентов опасения. Это активно используется определенными кругами на Западе, в Японии и в России для некоего обоснования тезиса о так называемой китайской угрозе. Думается, что наши китайские коллеги понимают сущность этого тезиса и опасность для имиджа Китая на международной арене, которую он таит в себе. Как свидетельствуют официальные заявления руководящих деятелей КНР, Пекин решительно отмежевывается от политики гегемонизма, великодержавия. На XVI съезде КПК была подчеркнута идея о том, что рост мощи и влияния Китая отвечает интересам мирового развития и становится фактором соразвития.

Идейно-философской основой создания благоприятного образа Китая выступает идеология конфуцианского гуманизма, терпимости, сотрудничества и традиционного миролюбия. Широкое распространение получил конфуцианский тезис о «единении без унификации» (*хэ эр бу тун*). Этот тезис имеет многоцелевое назначение. Он позволяет КНР выступить ревнителем как сближения и диалога цивилизаций, так и сохранения культурного многообразия. В последнее время китайская сторона по примеру западных стран стала все активнее выступать за создание китайских культурных и выставочных центров. Объявлена программа строительства 25 таких центров, в том числе два будут созданы в России. Эта идея представляется чрезвычайно полезной и плодотворной. Хотелось бы попросить наших китайских коллег обратить внимание на то, чтобы подчеркивание коммерческих аспектов деятельности этих центров и коммерческий подход к пропаганде лучших китайских традиций не были доминирующими. Это важно, так как порою задачу популяризации китайской культуры, ее лучших традиций, китайского языка и достижений кое-кто в Китае хотел бы решить путем коммерциализации культуры, превращая китайские традиции и наследие (от китайской медицины до китайской оздоровительной гимнастики, китайских национальных праздников и т.д.) в своеобразные «культурные товарные марки» (*вэньхуа пиньпай*).

Мы уверены, что наши китайские коллеги добьются новых успехов в популяризации многих действительно выдающихся

достижений китайской культуры, которые обогатили культуру многих народов нашей планеты и способствовали укреплению позитивного, миролюбивого и гуманистического образа Китая.

Постепенное поэтапное решение стоящих перед КНР задач: преодоление чрезмерного разрыва между бедными и богатыми, между городом и деревней, подъем благосостояния и культуры сельского населения и совокупный опыт КНР в решении сложнейших проблем модернизации и развития – будет работать на укрепление международного авторитета и мирное возвышение Китая. Этот опыт имеет огромное международное, глобальное значение, особенно для стран с переходной экономикой (как Россия) и развивающихся стран.

Российское общественное мнение в целом позитивно относится и, безусловно, поддерживает идею модернизации Китая. Мы заинтересованы в процветании Китая и рассматриваем КНР как долговременного партнера для сотрудничества в соразвитии, как важнейшего стратегического партнера в этом деле.

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Ученые России, Китая, многих стран мира с удовлетворением отмечают выход в свет подготовленной китаеводами России энциклопедии «Духовная культура Китая». Энциклопедия «Духовная культура Китая» – первое в российской и западной синологии издание, в котором предпринимается попытка показать самобытность, целостную многоцветность, богатство духовной цивилизации этой страны с древнейших времен до наших дней. Энциклопедия создавалась как ответ на научные и образовательные запросы современности в связи с необычайным ростом общественного интереса к китайской культуре. Авторы и составители энциклопедии учитывали не только общепризнанное значительное влияние китайской цивилизации на формирование культур многих соседних с Китаем стран, но и тот факт, что древняя и современная китайская культура составляет весомую часть сокровищницы мировой культуры. Читывалось и то, что быстро меняющийся в ходе осуществления политики реформ и открытости Китай становится одной из мировых держав, определяющих во многом будущее человечества.

В отличие от обычных очерковых справочников и словарей, изданных в последние годы в России и на Западе, издание энциклопедии ставит цель дать масштабное, комплексное представление о китайской духовности и ее роли в мировой духовной культуре. Наряду с энциклопедическим словарем «Китайская философия» (Москва, 1994) энциклопедия «Духовная культура Китая» является, по существу, выполнением духовного завещания основоположников отечественного востоковедения – Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова, В.П. Васильева, М.В. Алексеева, которые показали пример в изучении и издании фундаментальных трудов о нашем великом соседе. Энциклопедия, как надеются ее составители, призвана также способствовать решению просветительских задач: впервые на русском языке в столь большом объеме публикуются материалы, раскрывающие перед читателем глубинные слои китайской духовности и культуры в широком смысле слова. Энциклопедия воспроизводит целостный духовный лик Поднебесной и снимает покров неизвестности и сакральной таинственности с многих своеобразных культурных феноменов, нередко не вписывающихся в рамки западных и российских представлений и ценностных систем.

Становление китайской государственности и цивилизации начинается с эпох Ся (XXI–XVI вв. до н.э.) и Шан (~XVI – середина XI в. до н.э.) в основном на базе развития орошаемого земледелия. Проведение колоссальных ирригационных и водорегулирующих работ требовало не только общегосударственной концентрации экономических и политических ресурсов, но и коллективных усилий больших масс людей государств Поднебесной, которыми управляла родовая аристократия. Сохранению господства этой родовой аристократии способствовал сложившийся культ предков (*фацзу*), почитание неба (*цзинтянь*) как высших авторитетов и источников власти в стране, в роде и семье. Небесный правитель (*шан джи*) и дух основателя рода (*цзу цзун шэнь*) выступали как некое органически связанное единство. Почитание Небесных владений и духа родоначальника рода заложило основы религиозной концепции небесной судьбы. Отношения внутри родовой аристократии, между правителем и его чиновниками и слоями родовой аристократии, а также между различными прослойками простолюдинов и государственными чиновниками регулировались жесткими правилами и нормами ритуала *ли*. Эта ритуальная нормативность сложилась в цельную систему политических идей управления на основе культа Неба, «выдающего» мандат на выс-

шую власть и почитание предков. При этом сохранялись правила почитания «близкого родства». Патриархальный культ отцовской добродетели, братская любовь младшего брата в отношении старшего, братская дружба и т.п. выступали регуляторами внутрисемейных, внутрисемейных и межсемейных отношений.

История китайской духовной культуры XI–III в. до н.э., то есть эпохи Чжоу (XI в. – 256 г. до н.э.) и периодов Чуньцю (770–476 гг. до н.э.) и Чжаньго (475–221 гг. до н.э.), непрерывно связана с дискуссиями и острой идейной борьбой вокруг интерпретации правил и норм ритуала *ли*, роли Неба как высшего источника власти, судьбы – *мин* как реализации воли Неба, отношения к традиционному праву следования примеру предков, вопросов о приоритетности традиционных ритуалов или новых законоуложений. Острая полемика также шла и вокруг трактовки прав носителей унаследованных родовых титулов и посягавших на эти права новых разбогатевших землевладельцев и торговцев. В этой связи особую актуальность приобрели идеи об «упорядочении имен» – упрочении позиций родовой аристократии, восстановлении их политического статуса и упорядочении высшей власти новыми хозяевами жизни, требовавшими своего места в рамках существующей политической системы, регулируемой нормами традиционного ритуала. В книге «Чжуан-цзы» в главе «Тянься» эта ситуация представлена в виде следующей идеологической формулы:

«Небо – прародитель»,

«добродетель [правителя] – первооснова»,

«почитай духов, возливай чистое вино Небу и Земле (сохраний нерушимость ритуала жертвоприношений. – *М.Т.*), способствуй возвращению всего сущего, гармонизируй Поднебесную».

Все сложные связи человека с одухотворенным космосом (Небом) и окружающим миром (Землей) описывались в сюжетах диалектики превращения эфира – *ци*, взаимного порождения и уничтожения, взаимоположения пяти первостихий: *му* («дерево»), *хо* («огонь»), *ту* («земля»), *цзинь* («металл»), *шуй* («вода»), высшего закона – Пути (дао), «Высшего предела» – *тай ци*, взаимодействия противоположных энергий *инь* и *ян*. Процесс их превращений, взаимовлияний, взаимопереходов, перерождений и преодолений друг друга описывается с помощью целой серии специфических категорий и понятий китайской философии, взаимоотношения которых также носят диалектический характер взаимовлияния, взаимопревращения: небо – человек, гармония (сочетание различного) – единство (тождественность противополож-

ных начал), одно (единичность) – двоичность (множественность), подлинное (прямое) – еретичное (кривое), стабильное – меняющееся, древнее (традиционное) – современное (актуальное), постоянство – изменчивость, [текучесть] эфира – [неизменность] закона, наличие – отсутствие, овеществленное – духовное, *Дао* (Путь) – Предмет (путник), знание – действие, душа (*синь*) – природа (*син*).

Китайская цивилизация, носителем которой выступает самый многочисленный суперэтнос планеты Земля, последовательно прошла ряд стадий исторического развития, а потому может служить одним из классических примеров генезиса цивилизаций восточного типа и представлять их в диалоге культур Востока и Запада. На всем протяжении своей пятитысячелетней истории она характеризуется необычайной жизнестойкостью, способностью к самообновлению и учебе.

Китайская духовная цивилизация сложилась на одном географическом пространстве и на основе одной этнической общности (внутренние племенные и языковые различия при доминанте ханьцев лишь подчеркивали единство). Это способствовало возникновению устойчивого чувства любви к своей исторической родине и развитию традиций глубокой внутриэтнической солидарности.

Китайская цивилизация мировоззренчески, идеологически и политически конституировалась как единая культура Срединного Государства Поднебесной. Пространственные и временные 60-летние ритмы и циклы его сложились так, что если в нем были и есть центробежные тенденции, то они всегда уравнивались и уравниваются центростремительными, сфокусированными на социоприродный центр. Этот центр воплощает идею национальной самоидентификации, самодостаточности, устойчивости и задает ориентиры центростремительному цивилизационному спиралевидному движению и волнообразному развитию.

Китайская цивилизация выработала методы восприятия, переваривания *хуа*, синтеза и освоения достижений других культур без разрушения самобытности собственной культуры.

Важнейшей предпосылкой того, что китайская цивилизация сохраняет постоянную способность к самообновлению, выступает ее высочайшая адаптивность, ориентированность на самосовершенствование и переваривание, изучение и освоение опыта других культур. Со времен Конфуция (551[552] – 479 г. до н.э.) основная константа самосознания человека Срединного Государст-

ва выражается в принципах «совершенствования себя» (*сю шэнь*) и «любви к учебе/мудрости» (*хао сюэ*).

Местоположение китайского этноса, определяемое в его самосознании как срединное, характеризовалось тем, что Китай в течение многих столетий фактически до грани нашего времени развивался на собственной основе без тесного и прямого взаимодействия с другими центрами цивилизационного развития – Древней Греции, Древнего Рима, Индии, Персии, арабских стран.

Лишь в эпоху объединителя древних царств императора Цинь Шихуана китайская империя Цинь столкнулась с центральноазиатскими государствами и кочевниками. До этого ханьский этнос общался с другими племенами и этносами, находясь по уровню цивилизационного развития значительно выше своих соседей. С этими племенами и этническими образованиями ханьские государства вели обмены, устанавливали даннические отношения, завоевывали и ассимилировали многие из них. Другие, как, например, гунны (*сюнну*) покинули соседство с ханьским государством и совершили грандиозный переход из Азии в Европу. Ассимилируясь по пути со многими другими племенами, они стали родоначальниками ряда угро-финских этносов в Европе.

В I в. н.э. в Китай через Центральную Азию из Индии пришел буддизм. Однако на китайской почве буддизм претерпел серьезнейшую трансформацию, впитав в себя многие компоненты китайских народных суеверий, идеологию даосизма и конфуцианства. Именно китайский вариант буддизма был воспринят в Корее, Японии и во Вьетнаме. Буддизм под влиянием китайской духовной традиции самосовершенствования (*сю шэнь*) выработал глубокую философско-психологическую систему духовного и телесного саморегулирования и физического и духовного самосовершенствования. Эта система получила широкое распространение и развитие в средневековой Японии. Из Японии она под именем дзэн-буддизма распространилась в Европе и Северной Америке, особенно в интеллектуальной среде. В IX–X веках в Китай проник ислам. Часть ханьцев восприняла его. Синтез традиционной китайской и исламской культур привел к формированию целой этнической группы – дунган в рамках китайского суперэтноса.

Перечень превращений и трансформаций можно продолжить, сославшись на идеологию суньятсенизма, которая в духе китайских традиций перерабатывала и объединила в некое единое учение либеральные идеи западного модернизма и популист-

ские социалистические идеи. Аналогичная история произошла и с идеями Маркса и Ленина. Эти идеи стали мобилизационной идеологией борьбы за национальное освобождение, возрождение величия Китая и развития китайской цивилизации.

В КНР этот процесс от идеи «китаизации» марксизма по Мао Цзэдуну перерос в формирование концепции «социализма с китайской спецификой», новой концепции развития, построения «гармоничного общества» на основе развития и расцвета трех культур:

- материальной культуры (подъем и развитие экономики и рост благосостояния населения);
- духовной культуры (всестороннее развитие культуры, науки, образования);
- политической культуры, что означает совершенствование политической системы и развитие демократии с учетом особенностей Китая.

Одной из отличительных особенностей китайской духовной культуры является ее веткость, значительная независимость от религии. Китаец может одновременно сочувствовать или разделять ритуалы и обряды нескольких религий – даосизма, буддизма, христианства (сразу несколько его конфессий) и т.п. В этой связи китайской духовной культуре присуща веротерпимость, готовность к диалогу.

Хотя традиционные и народные верования и суеверия, культ Неба, культ предков, анимизм, даосизм, буддизм, ислам, католичество, протестантизм, православие так или иначе оказывали влияние на китайскую философскую, общественную мысль, но они никогда на протяжении пятитысячелетней истории Китая не были идеологической доминантой.

Нынешнее состояние и перспективы международного экономического, политического и культурного развития показывают, что *китайский фактор* и опыт китайской цивилизации играют ныне все более важную роль в поддержании конструктивного межцивилизационного диалога. В этой связи можно полагать, что цивилизационный подъем Китая, рост его влияния и уровня развития станет в целом важным стимулом подъема и соразвития всей человеческой цивилизации в XXI веке.

Понятие духовной культуры Китая

Без понятия «культуры» сегодня не обходится ни одна серьезная гуманитарная дисциплина. Однако каждая из них определяет культуру по-своему в зависимости от целей, познавательных возможностей и ценностной ориентации. Вследствие этого в современной исследовательской литературе фигурируют несколько десятков дефиниций, которые, к сожалению, не дают полного определения культуры. Такое положение дел отражается и на понимании категории «цивилизация», определяемой через культуру. Цивилизацию называют «культурой в широком смысле слова», «культурной целостностью», «собранием культурных характеристик и феноменов», «культурой городов», «судьбой культуры» и т.д. В результате возникает такое многообразие определений понятия цивилизации, которые не углубляют и не дополняют друг друга, а вносят сумятицу и путаницу в теорию и практику. Вопрос еще более усложняется и вырастает в проблему, когда предметом исследовательского интереса становятся явления духовной культуры, духовной цивилизации.

Как представляется, решение этой проблемы в значительной степени может быть облегчено путем выявления ключевого принципообразующего подхода в восточных культурах, например, в китайской цивилизации – принцип Дао, индийской – Ом, западноевропейской – Логос или русской – Глагол. Такой метод определения культур и цивилизаций берет за основу структурно-функциональный архетип цивилизации. Примером тому в данном случае и служат китайская культура и цивилизация, базируются на принципе Дао.

Китайские мудрецы и философы детально описывают органическое строение и функции культуры *Дао*. Согласно древним письменным источникам, культура Дао представляет собой живой организм, наполненный телесным, духовным и идеальным (мыслительным) качествами. Его жизненные процессы стимулируются вселенскими энергиями – женской, отрицательной, слабой силой *инь* и мужской, сильной, положительной силой *ян*, от которых, согласно «Канону перемен» («И цзин»), и произошло название китайской культуры: «То *инь*, то *ян* – это и называется Дао». *Инь* и *ян* формируют из каждой качественной составляющей по пять иньских и по пять янских элементов. Из телесного качества сепарируются физические элементы *му*, *хо*, *ту*, *цзинь*, *шуй* – дерево, огонь, земля, металл, вода. В совокупности они называются у *син* – буквально «перекрестие [двух] пятерок». Из духовного качества получаются *дэ*, *жэнь*, *и*, *ли*, *синь* – добродетель,

человеколюбие, долг, ритуал, доверие. Они называются у *чан* – «постоянство [двух] пятерок». Из идеально-мыслительно-го качества происходят числовые элементы – пять нечетных и пять четных чисел в пределах десятки: янские – 1, 3, 5, 7, 9; иньские – 2, 4, 6, 8, 10. Они называются *тянь шу* – «небесными числами» и *ди шу* – «земными числами», которые в совокупности также в двух ипостасях (нечетных и четных) чисел называются у *шу* – «числа [двух] пятерок». Внутри культуры *Дао* янские элементы располагаются один над другим по вертикали, иньские – в виде креста по горизонтали (один элемент в середине и четыре на концах крестообразно пересекающихся отрезков). Те и другие элементы соотносятся по парам как зеркальные аналоги и движутся по замкнутым круговым траекториям. В центре образуемого ими объема они сходятся и в полном цикле сопряжения сплетают триединую телесно-духовно-идеальную спираль. Последняя играет роль структурно-функционального архетипа культуры *Дао* и воплощает в себе ее генетический код. Спираль элементов «постоянства [двух] пятерок» в общей спирали архетипа культуры *Дао* и есть ее *духовный архетип*. Каждая архетипическая составляющая – у *син*, у *чан*, у *шу* – выступает основанием своей космической сферы: у *син* служит основанием материальной сферы (сферы вещей), у *шу* (сферы разума) – ноосферы, у *чан* (духовно-нравственной сферы) – эосферы.

В процессе сопряжения элементов архетипа *Дао* выстраивается космос Поднебесной: из идеально-мыслительного качества образуется Небо и сфера разума (ноосфера по В.И. Вернадскому), из телесного – земля и материальная сфера, из духовного – центр и духовно-нравственная сфера (этосфера). Одновременно с этим осуществляется и органический синтез людей, вещей и предков (родовых тотемов), которые рассредоточиваются по космическим уровням: предки возносятся на Небо и превращаются в небожителей, вещи оседают на землю, а человек утверждается в духовном центре Поднебесной. Отсюда и проистекает антропологическая максима древнекитайских философских учений, изреченная устами философа Ян Чжу (между 440–334 до н.э.): «Среди всего живого самый одухотворенный – человек». Стоит человеку хоть на йоту изменить в духовном Центре ритм пульсации энергий *инь* и *ян*, это мгновенно вызывает изменение всего духовного, а вместе с ним телесного и мыслительного настроения *Дао*. Вот почему китайцы издревле так

берегли гармоничный ход своего духа и назвали пять духовных качеств «постоянствами» у *чан*).

Уже здесь, на архетипическом уровне, обнаруживается ряд свойств, характеризующих духовную культуру и цивилизацию, базирующихся на принципообразующей основе *Дао* – Пути, по китайским представлениям – высшего закона Вселенной.

Во-первых, в культуре *Дао* наблюдается изначально присущее ей тождество человека и космоса (Неба): «Небо и человек – едины, Небо и человек взаимно преодолеваются (вливают друг на друга)» – утверждают древние писания. Это тождество разворачивается в основную рефлексивную модель мышления, согласно которой живой космос мыслит себя в подобии человеку, а человек мыслит по законодательствующему образцу космоса и достигает искомого интеллектуального единства и просветления, что хорошо иллюстрирует «Канон перемен»: «Учитель (Конфуций) сказал: «Поднебесная как мыслит, как думает? Поднебесная приходит к одному и тому же [результату], идя разными путями. Единство достигается множеством разных мнений. Поднебесная как мыслит, как думает? Солнце уходит, луна приходит, луна уходит, солнце приходит. Солнце и луна друг с другом чередуются, и просветленность рождается»⁴⁸.

Во-вторых, архетип культуры *Дао* закладывает логическую и нормативно-поведенческую основу слова и дела субъекта цивилизации: «Слово и дело – высший метод управления благородного мужа... Слово и дело – это то, посредством чего благородный муж движет Небо и Землю». Так говорят авторы «Канона перемен» и тем самым подтверждают социоантропоморфный статус космоса, то есть протекание жизни человека по социальным законам, отлитым в природных матрицах Неба и Земли.

В-третьих, основным носителем духовной сущности в культуре *Дао* является человек. Он медиум, в котором сходятся, объединяются и от которого расходятся на свои места небесное идеальное и земное телесное качества. Без срединной человеческой духовности вся гармоничная конструкция культуры *Дао* рассыпается. Поэтому можно заключить, что культура *Дао* в выражении себя в статусе единого есть *развивающаяся духовная культура с антропоморфным центром*. Конфуций укрепил это своим словом: «Человек может развить *Дао*, но не *Дао* человека»⁴⁹.

Со временем по причине безграничной свободы и активности человека, вызвавших произвол и анархию, еще не устоявшаяся цивилизационная гармония разрушается. Мироззренчески это

выражается в том, что человек выключается из срединного звена Поднебесной. Он попадает на Землю и в собственном мировосприятии уравнивается с «десятью тысячами вещей», то есть сущим. Связи человека и космоса разрываются, духовный центр пустеет, и вся Поднебесная ввергается в хаос. В желании воссоздать былую гармонию человеческая Поднебесная выделяет из своей массы духовных предводителей («совершенномудрых людей») – *шэн жэнь*. Они закрывают собой зияющую духовную брешь, организуются в союзы по модели архетипа *Дао*, встраиваются в природные ритмы, согласовывают их с новыми социальными ритмами, открывающими перспективу государственного устройства общества, и разрабатывают новую модель архетипа культуры *Дао*. Результатом их творчества стала графическая система горизонтально-вертикального сопряжения зеркальных рядов восьми янских и восьми иньских (8×8) триграмм с построенной на них спиралью 64 гексаграмм.

Это была первая попытка духовной реставрации гармонии культуры *Дао*, отображенная в «Каноне перемен». Совершенно мудрым людям наследовали философы, сохранившие в себе черты своих учителей – мудрость, дар пророчества, поэтичность. Они заняли место совершенномудрых и осуществили вторую попытку духовной реставрации культуры *Дао*, положив начало даосизму и конфуцианству. Учение даосизма, основателем которого считается Лао-цзы (VI в. до н.э.), базируется на горизонтальной составляющей архетипа *Дао*. Мировоззренчески оно сориентировано на родовое прошлое. Даоский метод реставрации *Дао* – «деяние недеяния и не – недеяние» (*вэй у вэй эр у бу вэй*) при опоре на естественность – *цзы жань*; средство – постоянное дэ (нравственный аналог *Дао* и обобщенное выражение духовного архетипа *у чан*); духовный предводитель – совершенномудрый человек (*шэн жэнь*); конечная цель – достижение утраченного единства человека с природой и первопредками. Философское кредо даосизма выражено в термине *цзюэ сюэ*, имеющем двойное значение: «отрицание учености-мудрости» («афилософия») в отношении к конфуцианской учености и «совершенная ученость-мудрость» в отношении к самосознанию школы даосизма.

Конфуцианство (*жуцзя*), основателем которого является Конфуций, базируется на вертикальной составляющей архетипа *Дао*. Мировоззренчески оно сориентировано в будущее – на идеалы гражданского общества. Конфуцианский метод реставрации *Дао* – индивидуальная и коллективная, социальная и трудовая ак-

тивность человека, развивающего *Дао* по духовно-нравственным образцам древности; средство – расширяемое человеком *дэ* (нравственный аналог социоморфного *Дао* и обобщенное выражение духовного архетипа у *чан*); духовный предводитель – благородный муж (*цзюнь цзы*); конечная цель – построение общества «всеобщего благоденствия» (*да тун*) через промежуточную ступень общества малого достатка (*сяо кан*). Философское кредо конфуцианства выражено в понятии *хао сюэ* – «любовь к учению/мудрости» («философия»), стоящем в оппозиции к даоскому понятию *цзюэ сюэ* – «отрицание учения/мудрости» («афилософия»).

Даосизм и конфуцианство на основе архетипа родовой культуры разработали свои архетипы *Дао*. В полном виде они отражены в памятниках «Хуайнань-цзы» – «Философы из Хуайнани» (II в. до н.э.) и «Бо ху тун» – «Диспут в Зале Белого Тигра» (I в. до н.э.), которые подытожили развитие древнего даосизма и конфуцианства. Будучи мировоззренчески разнонаправленными, эти два учения, однако, могли бы при условии объединения на основе матрицы «Канона перемен» дать гармоничное синтетическое учение, попытки к чему в длительной истории Китая делали та и другая стороны, о чем, в частности, свидетельствуют найденные в могильниках Годяна тексты, вырезанные на бамбуковых планках.

Помимо даосизма и конфуцианства, в период Сражающихся царств существовал и активно вел дискуссии с представителями даосизма, конфуцианства и моизма целый ряд других школ.

Особое место среди них занимает великий мудрец и первооснователь начал китайской логики и теории познания Мо Ди (479–400 г. до н.э.) и его последователи – «поздние моисты», которые для воплощения в жизнь принципов своего учителя создали своеобразный орден борцов за идеалы «всеобщей любви и взаимной выгоды». Моисты были выразителями возникшей в эти годы многочисленной прослойки ремесленников, торговцев, бродячих учителей и грамотеев.

Мо Ди и его последователи выступали за регулирование отношений между верхами и низами не на основе чрезмерной регламентации ритуалов, а на основе внедрения в общество договорных принципов «совершенномудрых правителей» прошлого, почитания не родства аристократических кланов, а «почитания единства» народа и мудрого правителя, выдвигание их в качестве правителей и администраторов на разных уровнях управления страной, установления в качестве принципа отношений между

людьми не принципов соблюдения традиционных ритуалов и господства родовой аристократии, а на основе принципа «всеобщей любви и взаимной выгоды». Мо Ди пытался отождествить свое учение с «Небесным мандатом» – *тяньмин*, где воля Неба выступала карающей силой в отношении тех, кто нарушал требования Неба, одновременно Мо Ди критиковал конфуцианский взгляд о предопределенности судьбы каждого, утверждал, что деятельность человека, его усилия, приверженность всеобщей любви определяют судьбу человека.

На грани III и II веков до н.э. моизм лишился социальной и интеллектуальной базы для продолжения своего существования и исчез. Лишь в конце XVIII века и особенно в первой половине XX века популистские протохристианские утопические идеи Мо Ди вновь привлекли внимание исследователей и моралистов в Китае и в Европе, например, Л. Толстого. Некоторые исследователи сравнивают идеи Мо Ди с христианским социализмом.

Реставрация гармонии культуры *Дао* – истинного Пути космоса и человека – после гибели основных «славных школ» периода Чжаньго пошло по трем моделям архетипов *Дао* – конфуцианство, даосизм и ицзинистика (по «Канону перемен» – «И цзину») с частичным использованием духовных ценностей, универсалий и категорий других школ мудрости, существовавших в Китае. Это и стало по своей сути основой *духовной культуры или цивилизации Китая*. Эта сознательная и целенаправленная реставрация обернулась самым настоящим творчеством. Оно превратило мифо-космологический узор-*вэнь* (образно говоря, узор дракона) в культуру-*вэнь* (узор *Дао*), просветило (*мин*) ее, модернизировало (*хуа*) в соответствии с требованием времени и воплотило ее в *духовную цивилизацию Китая (вэнь мин, вэнь хуа)*.

Обычно понятие духовной культуры и область ее бытования ограничиваются философией и религией, то есть теми сферами разума и веры, где фигурируют дух и душа. В энциклопедии «Духовная культура Китая» эти рамки значительно и, как нам кажется, оправданно расширены: каждый из разделов этого фундаментального труда отражает развитие духовной культуры *Дао* соответственно специфике своего предмета и метода. Литература, например, отталкивается от мифо-ритуального родового *Дао*, овладевает его тайной в духовном слове («Канон перемен»: «Дух то, что тайну мириад вещей вбирает и воплощает в слове»)⁵⁰, разворачивает его в музыкально-поэтической ритмике в модели архетипа *Дао*, тклет объемное полотно духовной книги *Дао* («Канон

перемен»: «Перемены» – это такая книга, где целиком наличествует широкое и высокое, где содержится *Дао* Неба, содержится *Дао* человека, содержится *Дао* Земли»⁵¹, умножает свои направления, жанры, стили, воплощает ицзиньское, даоское и конфуцианское *Дао* в теоморфных, зооморфных и антропоморфных образах, оживотворяет их родовым и социальным ритуалами, выплескивает их в устном и письменном слове на народные широты и иерархические чиновничьи высоты Поднебесной, онтологизирует их в человеке и его природном окружении и такими своими литературными волнами насыщает действительность духовным *Дао*.

Историческое сознание тоже работает в ключе духовных перемен. Сыма Цянь (145 – 86 до н.э.), один из основоположников китайской исторической науки, рассматривает процесс истории в виде замкнутых циклов. Используя положения Цзоу Яня (305–240 до н.э.), ведущего представителя философской школы *иньян-цзя*, Сыма Цянь проецирует эти циклы на пять первоэлементов (*у син*), то есть физическую конструкцию архетипа *Дао*. Соответственно количеству пяти физических элементов Сыма Цянь берет пять династийных эпох, действительно сменивших друг друга ко времени жизни историка: правление героя Юя соотносится им с элементом земля, династия Ся – с деревом, династия Инь – с металлом, династия Чжоу – с огнем, династия Цинь – с водой. Династия Хань, следующая за династией Цинь, начинает новый исторический цикл с элемента земля.

Так располагаются Сыма Цянем династии в архетипической модели. Но это только еще слепая физическая плоть истории, вписанная посредством архетипической конструкции в космографию Поднебесной. Одновременно нравственные смыслы истории выражаются в пяти духовных добродетелях у *чан*, циркулирующих вместе с физическими элементами пяти первоэстий у *син* и династийными наименованиями по связям архетипа *Дао*. Среди них фигурируют прямодушие, почитание старших, духовная культурная образованность и т.д. Метод такого архетипического осмысления истории прочно занял свое место в мировоззрении китайской Поднебесной. Он использовался при построении средневековых исторических концепций. Этот метод используется и в современности. Таким образом, раздел исторического сознания с полным правом включается в состав духовной культуры.

Меньше всего читатель мог бы ожидать включения экономической мысли Китая в область духовной культуры, но между тем именно здесь, начиная с древности, наблюдается теснейшая связь экономического принципа «выгоды» и духовного принципа «долга/справедливости». В целях усмирения хаоса Поднебесной конфуцианство, например, выдвинуло две взаимосвязанные социальные концепции. Первая из них называется *да тун* («великое единение»), когда «Поднебесная принадлежала всем» и находилась в состоянии гармонии. После *да тун* наступило время смуты, когда «великое *Дао* сокрылось во мраке» и «Поднебесная стала принадлежать отдельным семьям». Для преодоления этого состояния на пути к утраченной гармонии была выдвинута промежуточная концепция *сяо кан* («малое благоденствие»). Она полностью основывалась на духовном архетипе *Дао*, что отчетливо видно по описанию ее в трактате «Ли цзи» («Записи ритуалов»):

«Ныне Великое *Дао* сокрылось во мраке. Поднебесная стала принадлежать отдельным семьям. Каждый родственник стал только чьим-то родственником. Каждый ребенок стал только чьим-то ребенком. Ценности и труд стали личными. У знатных людей наследование по старшинству стало правилом. Городские стены, рвы и пруды стали крепостью. Теперь ритуал (*ли*) и долг (*и*) стали путеводной нитью. Посредством них определяют ранги государя и подданных, укрепляют преданность отцов и сыновей, налаживают дружбу старших и младших братьев, добиваются согласия мужей и жен, утверждают режим правления, устанавливают размеры земных наделов, воздают почести мужественным и мудрым, награждают за личную доблесть.

Вот почему – и замыслы строились по ритуалу и долгу, и войска в соответствии с ними поднимались. Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чэн-тан, Чжоу-гун – все в соответствии с ними избирались на трон. Из этих шести благородных мужей не было ни одного, кто бы ни радел о ритуале. Посредством него проявляли свой долг (*и*), [на нем] основывали свою веру (*синь*), [по нему] определяли совершённые промахи (*го*), блюли человеколюбие (*жэнь*) и ратовали за уступчивость (*жан*), тем самым являли народу постоянство (*чан*). Будь такой, кто не последовал бы этому, во власти потерпел бы крах. Народ счел бы его за бедствие. Это и есть *сяо кан*»⁵².

Названные концепции, теперь уже в последовательности от *сяо кан* к *да тун*, проявляются в современной жизни Китая, но не как памятные факты далекой архаики, а как официально приня-

тые культурная, политическая и экономическая программы построения гармоничного и развитого общества. Например, построение «социализма с китайской спецификой» в КНР осуществляется в контексте обновленной концепции *сяо кан*, в которой сочетаются «достижение среднего достатка» для каждой семьи и «построение духовной цивилизации» для всего народа. «Духовная цивилизация» должна впитать все лучшее из духовной культуры *Дао*. При этом ее влияние простирается за границы Срединного государства. Для Азиатско-Тихоокеанского региона становится реалией такая категория, как «страны конфуцианского культурного ареала», где ведущую роль социального и экономического прогресса играет конфуцианская духовная культура *Дао*. Таким образом, проблемы экономической мысли находят свое законное место в энциклопедии «Духовная культура Китая».

Новое евразийство и симфония культур

Создание энциклопедического труда о духовной культуре Китая актуализируется современными процессами, протекающими как в КНР, так и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Прежде всего это напрямую касается культурно-цивилизационной антропологии. Программа построения в Китае духовной цивилизации поставила перед образовательной системой, учеными и властью задачу *создания нового человека*, емко сформулированную в тезисе «корень всему – человек» (*жэнь вэй бэнь*). Как показывает история, без решения такой задачи не обходилась и не обходится ни одна цивилизация при переходе с одного уровня развития на другой.

Так, уже древний трактат «Шань хай цзин» («Канон гор и морей»), фиксирующий переход от рода к государству, говорит о новых категориях людей – «способных» и «неспособных» к экономической и политической деятельности: «Когда в мире началось размежевание плодородных земель, пошли в ход мечи и копыя и появились металлические деньги, тогда способные получили прибыль, а неспособные понесли убыток. Тех, кто приносили жертвы на Тай-горе, и тех, кто приносили жертвы на Лянфу-горе, было 72 семьи и среди них все те, кто всходил на престол и уступал его. Это и были правители царств»⁵³.

Конфуций, реализуя идею построения цивилизации на духовно-нравственной основе, в качестве идеала выдвинул новый тип совершенного человека – *цзюнь цзы* («сына государя»), «благо-

родного мужа»), гармонично сочетающего «ученость» и «естественность»: «Если естественность превосходит культуру, то это похоже на дикость. Если культура превосходит естественность, то это похоже на книжную ученость. Когда культура и естественность составляют внутренне-внешнюю целостность, вот тогда получается качество благородного мужа»⁵⁴.

Основатель даосизма Лао-цзы, выдвинув идею единства человека и природы, создал новый тип совершенномудрого человека – духовного вождя Поднебесной, использующего спонтанно формирующиеся способы управления: «Духовная природная простота рассеивается и воплощается в правила, совершенномудрый человек использует их и становится чиновным вождем. Вот почему великое правление не разрушается»⁵⁵.

Все эти новые типы людей предлагались обществу в качестве образцов человека для всех этносов Срединного государства.

Минули столетия, китайская цивилизация перешла на следующий исторический виток, что в очередной раз вызвало необходимость создания нового человека. Народам пограничных с Китаем стран, да и вообще всему человечеству интересно знать, что же это будет за человек? Какие методы и какой духовный материал используются для его создания? Утверждается ли его идеал в вечности космического центра между небом и землей, то есть в его духовной прародине, или этот идеал помещается внизу, на земле, в области господства материальных ценностей и морального зла? Кто он по типу: только китаец или новый землянин? Как и на каких духовных основаниях строить с ним отношения? Какие гуманитарные требования он предъявит к нам и какие мы к нему? По всему видно, что это не локальная национальная, а общая проблема. Китай делает свой *антропологический вызов* планете, и решать проблему этого вызова предстоит сообща.

Китайская культура *Дао* – автохтонная культура. Она имеет архетипическую основу и продолжает на этой основе генерировать национальные духовные ценности. Примером тому можно назвать *гун минь даодэ* – программу выработки принципов общественной морали, куда включаются ценности высокой духовности тысячелетних традиций. Конкретным воплощением этого явления служит выдвижение председателем КНР Ху Цзиньтао морального кодекса «Восьми славных и восьми позорных дел», которому должны следовать все граждане КНР. Этот кодекс включает:

Первое. Считать делом чести и доблести горячую любовь к Отечеству; считать позором и постыдным делом нанесение вреда Отечеству, создание угрозы для Отечества.

Второе. Считать делом чести и доблести служение народу, обслуживание народа; считать позором и постыдным делом действия вразрез с интересами народа.

Третье. Считать делом чести и доблести стремление к науке; считать позором и постыдным делом невежество и отсутствие знаний.

Четвертое. Считать делом чести и доблести усердный труд; считать позором и постыдным делом стремление к безделью и неприязнь к труду, лень.

Пятое. Считать делом чести и доблести сплочение и взаимную помощь; считать позором и постыдным делом нанесение ущерба другим ради своей выгоды, стремление поживиться за чужой счет.

Шестое. Считать делом чести и доблести честность и верность слову; считать позором и постыдным делом утрату чувства долга ради собственной выгоды.

Седьмое. Считать делом чести и доблести соблюдение дисциплины и уважение законов; считать позором и постыдным делом нарушение законов и дисциплины.

Восьмое. Считать делом чести и доблести упорную борьбу; считать позором и постыдным делом барское поведение, стремление к роскоши, разгулу и праздности.

В условиях политической и экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона и включения Китая в процесс глобализации национальные духовные ценности китайского *Дао* могут приобрести тенденцию к перерастанию в общечеловеческие и повлиять на духовную жизнь других народов. Что с ними делать: отрицать или принимать, молчать или отыскивать архетипы собственных культур и выстраивать диалог? Несут ли они опасность «китаизации» или стимул развития национальных культур? До каких географических пределов простирается граница их действия и вообще граница китайской Поднебесной? «Своим» ли является ландшафт для китайского *Дао* за пределами Срединной страны или «чужим»?

Китай расположен на евразийском континенте и потому неизбежно участвует в формировании евразийского мировоззрения. В связи с этим знание духовной культуры Китая имеет принципиальное значение и для России, вырабатывающей

в сложнейший для нее период идею национальной самоидентификации. По своему положению Россия находится на стыке многих крупнейших цивилизаций мира: европейско-германской, американской, греческой, китайской, японской, арабско-исламской, угро-финской, тюркской. Россия сомкнула Восток и Запад на «Оси Истории», задающей циклы формированию и развитию цивилизаций, ей досталась роль связующего звена живого организма евразийского континента. История не раз уже показывала, что от духовного самочувствия России в значительной мере зависит духовное, а вместе с ним интеллектуальное и физическое самочувствие всех континентальных цивилизаций – и тех, в которых духовное превалирует над интеллектуальным и физическим, и тех, в которых интеллектуальное и физическое превалирует над духовным. Вследствие этого знание духовных культур других цивилизаций в их внутренней сущности и внешнем выражении является необходимым условием симфоничного сближения цивилизаций – их равенства и единства при сохранении самобытности.

Для России знание соседней духовной культуры и взаимодействие с ней имеют особое значение.

Во-первых, духовная культура Китая укоренена географически и этнически, она глубоко традиционна, прошла долгий путь непрерывной эволюции, сделала существенный вклад в арсенал мировых духовных ценностей, дала живые импульсы духовным культурам Японии, Кореи, Вьетнама, Монголии. За ней духовный опыт тысячелетий, владение способами коллективного воспроизводства духовных универсалий. Открытие подлинного лика этой культуры помогает России совершить акт духовной саморефлексии и высветить ряд азиатских черт в собственной духовной культуре. Читатель, может быть, удивится, но, например, *гуманизм (человеколюбие)* как качество русской духовности первоначально имел широко разветвленные *азиатские* корни. Это положение вытекает из того, что идея человеколюбия и основанные на ней гармония отношений между людьми, гармония человека и окружающего его естественного мира, гармония человека и государства – эти фундаментальные мировоззренческие ценности являются общими и российскому евразийству, и национальным идеологиям наших азиатских соседей. В контексте этого замечательно звучат слова из древнекитайского трактата «Чжун юн» («Следование Середине»): «Человеколюбие – суть человечности».

Во-вторых, духовная саморефлексия России актуализирует и конкретизирует идею *нового евразийства*. Следует специально отметить, что современное российское евразийство – объективный планетарный факт, географическая, гуманитарная и социальная реальность. Россия охватывает части европейского и азиатского пространства и соединяет их в Евразию, она включает в свою сферу элементы европейской и азиатской культур и синтезирует духовную культуру высшего антропокосмического качества. Генетическому коду Российской Евразии соответствует и определенный тип мировоззрения, концентрированно выражающийся в идее нового евразийства. Она существовала всегда с момента рождения России, однако была достоянием небольшого круга мыслителей и, к сожалению, в своем истинном смысле удерживалась на уровне подсознания народа или выражалась в неадекватных религиозных формах, подминалась пришлыми спекулятивными политическими доктринами, третировалась европоцентристски односторонне западнически ориентированной властью. В настоящее время эти доктрины выдохлись, и идея евразийства в обновленном виде выходит на поверхность самосознания российских этносов. Субъектами ее возрождения, категориального оформления и укоренения в национальную почву выступают представители отечественной научной и духовной элиты – наследники выдающихся мыслителей русского философского и религиозного евразийства.

Для России идея нового евразийства является ключом к решению проблемы не только геополитической, но и духовно-гуманистической самоидентификации русской нации и раскрытия духовной тайны русской цивилизации, ее телеологии и принципообразующих основ, без чего не может быть достигнуто взаимопонимание ни с одной цивилизацией. Идея нового русского евразийства придает русской культуре новые силы, притягивающие в ее симпатическое поле другие культуры народов России, открывает для них новые горизонты соразвития.

Идея нового русского евразийства задает имманентную российской культуре парадигму консолидации и расцвета российской цивилизации, формирует мировоззренческую основу возрождения великой демократической России и служит идеологией ее державного строительства. Она концентрированно и адекватно отражает наиболее общие, жизненно важные интересы всех наций, всех социальных слоев, всех конфессий, восстанавливает пассионарность российской нации и утверждает принципы собор-

ности, взаимопомощи и сотрудничества людей и народов России, сплоченных общей исторической судьбой.

Идея нового евразийства в статусе *всеобщего принципа евразийства* имеет не только чисто русские и российские, но и глобальные характеристики. Евразийство показывает альтернативу поглощению одних культур, цивилизаций и этносов другими, оно является одной из составляющих будущего нового порядка планетарных межцивилизационных отношений, обеспечивающих экологию культур и цивилизаций, сохранение этнического и цивилизационного многообразия. Утверждая это, евразийство служит фактором мирового развития и делает акцент в понимании исторического прогресса именно на равноправии и взаимном обогащении различных культур.

Новое евразийство выступает восприемником, продолжателем и хранителем великих гуманистических соборных традиций русской культуры. Оно дает возможность преодолеть извечную поляризацию по линиям Восток – Запад, Север – Юг и открывает путь процветанию всех наций на евразийском пространстве. Новое евразийство несет в себе уникальный механизм работы, согласования, соразвития и сопроцветания азиатской и европейской культур, который поднимает, оживотворяет и одухотворяет глубокие национальные традиции, раскрывает их истоки, показывает их единство и различие и формирует способы их созвучия.

На теоретическом и практическом срезах новое евразийство несет генетический код всей евразийской культуры, оно заземляет его на этническую почву и цивилизационную действительность («местоположение», «месторазвитие» цивилизации) и таким образом десакрализует священную тайну духовного ядра цивилизационных систем, преодолевает, «снимает» рефлекс закрытости и предрасполагает к открытости, гарантируя при этом бесконфликтность, сохранность и процветание каждой этнической культуры.

Эти закономерности евразийства отчетливо просматриваются и в культуре Китая начиная с древности. Например, они отображены в идеологии моизма и непосредственно в десяти принципах Мо-цзы, таких как «всеобщая любовь и взаимная выгода», «сильный помогает слабым», «справедливость и польза [для общества]» и т.д. Современность обозначила их в провозглашенном в 80–90-х годах XIX века принципе *янфу* (соединение совершенной духовно-нравственной культуры Китая с «заморской технологией и техникой»), в разрабатывавшемся Сунь Ятсеном в нача-

ле XX в. принципе творческого заимствования иностранного опыта – *хуаси* («китаизация западного»), в построении в настоящее время «социализма с китайской спецификой» на основе открытости, реформ и модернизации, вместе с «построением социалистической духовной культуры» и «созданием человека из материала высокой духовности».

Все это подтверждает планетарную объективность евразийства, его глобальный характер, показывает, что духовная культура Китая не чужда новому евразийству и есть его национальная культурологическая модификация.

В мировоззренческом измерении новое евразийство создает планетарное поле, в котором каждая культура, во-первых, конкретизирует свое место в отношении к другим культурам; во-вторых, осуществляет новое открытие собственных традиций, стимулирующих активность сознания в направлении самоидентификации; в-третьих, соответственно своей природе обретает собственный путь существования и развития; в-четвертых, совместно с другими культурами участвует в выработке умственного словаря человечества; в-пятых, все культуры обретают единство, в котором погашается возможность межкультурных конфликтов и достигается состояние симфонии и конструктивного взаимообобщающего диалога культур.

В этом поле уже идет и будет углубляться подлинный диалог китайской и российской культур. Со стороны Китая здесь встает человек *высокой духовности*, со стороны России – человек *духовности нового евразийства*, которые и поведут диалог на языке умственного словаря человечества. Этому в стратегии симфонии культур способствует и энциклопедия «Духовная культура Китая».

Энциклопедия «Духовная культура Китая» охватывает важнейшие аспекты богатейшей культуры этой страны на протяжении ее более чем 5-тысячелетней истории развития. Сама эта история, как известно, полна глубокого драматизма, она включает не только эпохи и периоды подъема и расцвета китайского (точнее ханьского) этноса, но и периоды упадка и даже распада единой китайской государственности, трагических междоусобиц, когда брат воевал с братом. Яркую поэтическую картину этого дает знаменитый «Стих семи шагов» Цао Чжи (192–232 гг.), который он сочинил перед братом, угрожавшим ему смертной казнью.

Пятитомник включает важнейшие цивилизационные феномены, предметы китайской культуры (важнейшие исторические

архитектурные памятники, философские, художественные, поэтические и научные трактаты), биографии и краткое изложение взглядов известных китайских мыслителей – мудрецов, политиков, ученых, летописцев – историков, экономистов, литераторов, поэтов, религиозных деятелей. Энциклопедия охватывает все основные отрасли гуманитарной культуры и обществознания – философию, этику, политику, историю, юриспруденцию, экономику, военную мысль, искусство, литературу, религию, науку, искусство взращивания жизни (физкультуру) и искусство врачевания.

Вместе с тем составители энциклопедии в полной мере отдают себе отчет в том, что и эти 5 томов как с точки зрения содержания, так и глубины анализа еще весьма далеки от того, чтобы раскрыть в полном объеме все богатство и своеобразие великой и самой древней *живой* культуры китайского народа. Мы надеемся, что следующие поколения китаеведов в более тесном сотрудничестве с учеными Китая усовершенствуют эту работу.

Примечания

- 1 Ломоносов М.В. Записки по русской истории. 2003. С. 392.
- 2 Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы [Официальный веб-сайт Президента РФ. Речи и выступления. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2002.kremlin.ru/events/98.html>
- 3 См.: Савельев Р.В. Российско-южнокорейские отношения: политические аспекты и экономическая составляющая // Корея: взгляд из России: Докл. на XI науч. конф. корееведов России и стран СНГ. М., 2007. С. 59–71.
- 4 См.: Степанов Е.Д. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели // Пробл. Дал. Востока. 2006. № 2. С. 55–70.
- 5 См.: Васильев Л.Е. Основные аспекты деятельности Регионального форума АСЕАН // Пробл. Дал. Востока. 2006. № 4. С. 45–56.
- 6 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики: [Подписана 14 окт. 2004 г.] // Пробл. Дал. Востока. 2004. № 6. С. 6.
- 7 Там же. С. 12.
- 8 См.: Киреев Г.В. Россия – Китай: неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006; Титаренко М.Л. Де-факто дезавуирован так называемый «Реестр Мао Цздуна» // Междунар. жизнь. 2004. № 11/12. С. 29–30.
- 9 Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2004. № 30. С. 6428.
- 10 Путин В.В. ШОС – новая модель успешного международного сотрудничества // Российская газета. 2006. 14 июня; Он же. Выступление Президента Российской Федерации на заседании Совета глав государств–членов ШОС в расширенном составе (Шанхай, 15 июня 2006 г.) // Шанхайская организация сотрудничества: Документы и материалы (март 2005 – август 2007 гг.). М., 2007. С. 67–70. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 12); Он же. Выступление Президента Российской Федерации на расширенном заседании Совета глав государств–членов ШОС (г. Бишкек, 16 августа 2007 г.) // Там же. С. 75–79; Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006.
- 11 См.: Титаренко М.Л. Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР // Пробл. Дал. Востока. 2002. № 6. С. 98–105; Симония Н.А. Восточная Сибирь и Дальний Восток: энергетическое сотрудничество с Азиатско-Тихоокеанским регионом //

- Дальневосточный международный экономический форум, Хабаровск, 5–6 окт. 2006 г. Хабаровск, 2006. Т. 3. С. 140–154.
- 12 См.: *Каменнов П.Б.* Оборонное строительство // Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг.: Политика, экономика, культура. М., 2006. С. 232–243; *Шлындов А.В.* Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем // Россия и Китай: Сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005. С. 372–399.
- 13 См.: *Кулик Б.Т.* Фактор США в российско-китайских отношениях // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. М., 2005. С. 123–139; *Ларин А.Г.* «Большой треугольник» Россия – США – Китай и иракский кризис // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004. С. 377–385.
- 14 См.: *Титаренко М.Л.* О значении взаимодействия России, Китая и Индии на фоне нынешних глобальных и региональных перемен // Пробл. Дал. Востока. 2005. № 5. С. 12–21; *Уянаев С.В.* Россия – Китай – Индия: под знаком встреч в Санкт-Петербурге и Владивостоке // Там же. 2007. № 1. С. 16–18.
- 15 См.: *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М., 1995. С. 205–206, 374, 375–376.
- 16 *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
- 17 План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005–2008 годы) // Пробл. Дал. Востока. 2004. № 6. С. 13–25; *Внуков К.В.* Год России в Китае и Год Китая в России – две половинки единого целого // Там же. 2007. № 1. С. 33–37.
- 18 Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. М., 1998. С. 47.
- 19 См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, № 3. P. 22–49; *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992; *Титаренко М.Л.* От Хантингтона и Фукуямы к подлинному диалогу цивилизаций // V Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 1999. С. 9–16. (Информ. материалы. Сер.: Идеино-теорет. тенденции в соврем. Китае: нац. традиции и поиски путей модернизации; Вып. 4).
- 20 См.: *Титаренко М.Л.* Глобализация: Проблемы глобальной цивилизации взаимоотношений цивилизий западного и восточного типа // V Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2001. С. 6–11. (Информ. материалы. Сер. Г / РАН. Ин-т Дал. Востока; Вып. 7/8); *Феоктистов В.Ф.* Глобализация, диалог культур и конфуцианство // X и XI Всероссийские конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2001. С. 19–21 (Информ. материалы. Сер. Г / РАН. Ин-т Дал. Востока; Вып. 13, ч. 1); *Ань Цяньюнь.* Проблемы глобализации в Китае // Вестн. Рос. филос. о-ва. М., 2005. № 4. С. 143–148; Россия и глобализация: международные аспекты. М., 2006.
- 21 *Менделеев Д.И.* Указ. соч. С. 194.
- 22 Там же. С. 402.
- 23 Подробнее см.: *Тихвинский С.Л.* Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды: Информ.-библиогр. справочник. М., 2006. С. 7–15.
- 24 Цит. по: *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001. С. 604.
- 25 Там же.
- 26 История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 188–189.
- 27 См.: *Гончаров С., Ли Даньхуэй.* О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Пробл. Дал. Востока. 2004. С. 117–130. С коммент. акад. *С.Л. Тихвинского* (с. 127–130).
- 28 См.: *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000; *Ли Даньхуэй.* Некоторые вопросы китайско-советских отношений в 1960-е годы // Пробл. Дал. Востока. 2005. № 1. С. 104–119.
- 29 *Менделеев Д.И.* Указ. соч. С. 375.
- 30 Хэпин юй фачжань. 1996. № 3. С. 18–22.
- 31 Цит. по: *Кожин В.* О русском национальном сознании. М., 2002. С. 134.
- 32 Там же. С. 137–138.

- ³³ Там же. С. 137.
- ³⁴ Там же. С. 136.
- ³⁵ Цит. по: *Аверинцев С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С.Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2. С. 141.
- ³⁶ См.: *Титаренко М.Л.* Евразийство и цивилизованность // Информ.-аналит. бюл. М., 1996. № 16: Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции (Материалы «круглого стола»). С. 21–24; *Он же.* Духовные ценности Православия, евразийство и христианство в Китае // Китайский благовестник. 2002. № 2. С. 40–60; *Он же.* Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения // Пробл. Дал. Востока. 2002. № 1. С. 6–22; *Он же.* Формирование азиатской политики России в первой половине XXI века и идеология нового евразийства // Евразия. 2005. № 1/2. С. 75–81.
- ³⁷ Подробнее см.: *Чжан Юни.* Мо-цзы юй чжунго вэньхуа [Мо-цзы и китайская культура]. Гуйчжоу, 2001. С. 38–78; Мосюэ юй дан цзин шицзе цуншу [Собрание книг «Учение моистов и современный мир»]: В 10 кн. / Гл. ред. Чжан Чжихань. Пекин. 1997.
- ³⁸ См.: *Наумов И.Н.* Понятие «сяокан» и проблемы подъема уровня жизни населения КНР // Пробл. Дал. Востока. 1997. № 6. С. 83–92; 1998, № 1. С. 69–81; *Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* Конфуцианский социализм и концепция «сяокан» // Мир Востока. 2003. № 1. С. 29–35.
- ³⁹ [*Бичурин Н.Я.*] Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение: Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840; *Он же.* Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти листах: В 2 ч. СПб., 1842. То же. М., 2002; *Он же.* Китай в гражданском и нравственном состоянии: Сочинение монаха Иакинфа: В 4 т. СПб., 1848. То же. М., 2002; *Он же.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха *Иакинфа*, удостоенное императорской академией наук Демидовской премии: В 3 ч. СПб., 1851; То же. М., 1950–1953; *Он же.* Описание религии ученых. Пекин, 1906.
- ⁴⁰ *Бичурин Иакинф.* Хань-вынь-ци-мын: Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Напечатана по высочайшему повелению. СПб., 1838; *Палладий [Кафаров], Попов П.С.* Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым: В 2 т. Пекин, 1888; *Дацышен В.Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2000.
- ⁴¹ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1988. С. 180.
- ⁴² *Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй». М., 1998. Гл. 13, стих 23. С. 396.
- ⁴³ См.: Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды. М., 2006; *Ипатова А.С.* На приоритетном направлении // Люди и идеи: [К 50-летию ИДВ РАН]. М., 2006. С. 129–138; *Тулина И.А.* О многотомной серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» // Там же. С. 361–371.
- ⁴⁴ Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006. Т. 1. Философия. 2006; Т. 2. Мифология. Религия. 2007.
- ⁴⁵ См.: *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: В 5 т. М., 2006.
- ⁴⁶ См.: *Титаренко М.Л.* Встречу европейскому форуму китаеведов // Пробл. Дал. Востока. 2002. № 4. С. 179–181; *Калкаева А.* XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения // Там же. 2002. № 5. С. 177–180; Chinese Traditional Civilization and Contemporary World: XIV EACS Conference, 26–28 Aug. 2002. Moscow, 2002.
- ⁴⁷ См.: Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее): Тез. докл. XVI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы». М. 2006; XII Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2007. (Информ. Материалы. Сер. Г. / РАН. Ин-т Дал. Востока; Вып. 14).
- ⁴⁸ Сицзы чжуань [Комментарий приложенных слов]. Нижний раздел. Чжан 5 // Чжоу и [Чжоуские перемены]. Тяньцзинь, 1988. (Сы шу у цзин [Четыре книги [и] Пять канонов]; Т. 1).
- ⁴⁹ Лунь юй [Беседы и суждения]. Гл. 15, стих 29 // Чжуцзы цзи чэн [Собр. соч. всех философов]. Т. 1. Шанхай, 1986.

- 50 Шогуа чжуань [Комментарий суждений о триграммах]. Нижний раздел. Чжан 6 // Чжоу и [Чжоуские перемены]. Тяньцзинь, 1988. (Сы шу у цзин [Четыре книги [и] Пять канонов]; Т. 1).
- 51 Сицы чжуань [Комментарий приложенных слов]. Нижний раздел. Чжан 10 // Там же.
- 52 Ли цзи [Записки о ритуалах] // Шисань цзин чжу шу [Тринадцать канонов с комментариями и пояснениями к ним]. Пекин, 1983. Т. 2. С. 1413.
- 53 Шань хай цзин [Канон гор и морей]. Шанхай, 1985. С. 148.
- 54 Лунь юй [Беседы и суждения]. Гл. 6, стих 18 // Чжу цзы цзи чэн [Собр. соч. всех философов]. Т. 1. Шанхай, 1986.
- 55 Дао дэ цзин. Чжан 28 // Там же. Т. 3.

РАЗДЕЛ II

О МИРНОМ РАЗВИТИИ И ВОЗВЫШЕНИИ КИТАЯ

ХУ ЦЗИНЬТАО: С НОВОЙ КОМАНДОЙ ПО НЕИЗВЕДАННОМУ ПУТИ

Оценивая главные особенности нынешнего развития КНР, трудно обойти отдельным вниманием 2002 г. Этот год, по существу явился для Китая годом подведения итогов осуществления политики реформ и открытости на предшествующих ее этапах и определения долговременных задач развития на новом историческом этапе, который характеризуется в целом сменой парадигмы экстенсивного индустриально-аграрного роста на парадигму интенсивного развития на базе стратегии индустриализации нового типа, включающей инновационный подход и создание основ экономики знаний. Центральным политическим событием, обозначившим этот процесс, стал XVI съезд КПК, проходивший в Пекине в ноябре 2002 г. Решения съезда получили юридическое оформление на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2003 г.

По сути дела, на съезде китайское руководство третьего поколения подвело итоги своей реформаторской деятельности за 13 лет и вместе с новым, четвертым поколением руководителей КНР определило долгосрочные перспективы развития страны в XXI веке. С присущей восточной политической культуре персонализацией корректировка курса нашла свое выражение в передаче эстафеты партийного и государственного руководства, лидером которого был Цзян Цзэминь, новой, более молодой команде во главе с Ху Цзиньтао. Одной из особенностей новой команды лидеров страны является то, что все они, начиная с генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао, прошли китайскую школу воспитания – от начального до высшего образования. В той или иной степени все они были непосредственными участни-

ками сложных драматических перипетий становления новой китайской государственности. Лишь трое из членов высшего руководства обучались или проходили стажировку за рубежом (СССР, ГДР и КНДР). Примечательно, что свыше 98% членов ЦК КПК и 100% членов Политбюро и членов правительства имеют, как правило, не одно, а два и даже три высших образования. Большинство из них по своему опыту – профессионалы высокого класса, отличающиеся технократическим и прагматическим подходом к решению проблем. Они не обременены старыми шаблонами идей Мао Цзэдуна. Они гибко и корректно вырабатывают реалистическую политику в рамках весьма широкой идеологической платформы, включающей как формулы классического марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, так и прагматическую, реформаторскую теорию конвергенции Дэн Сяопина – «социализма с китайской спецификой», а также новые идеологические установки, получившие название «трех представительств» Цзян Цзэминя.

Новая команда четвертого поколения руководства партии и страны сформирована на принципах преемственности. Ее костяк составили более молодые известные в стране деятели, прошедшие под заботливой опекой лидеров предшествующего поколения длительную многоступенчатую школу участия в руководстве государством. При этом на переходный период была обеспечена прямая связь новой и прежней команд лидеров. По примеру Дэн Сяопина за бывшим генеральным секретарем и председателем КНР Цзян Цзэминем были временно сохранены посты председателя Военного Совета ЦК КПК и Центрального Военного Совета КНР, то есть позиции, играющие ключевую роль в определении стратегии развития страны и ее вооруженных сил. Это важное решение повысило уверенность внутри и вне страны в преемственности курса реформ и стабильности Китая.

XVI съезд КПК объявил, что *в социально-экономическом плане* приоритетной задачей является обеспечение высоких темпов экономического роста. Именно этот путь рассматривался в качестве главного средства «великого возрождения китайской нации», превращения Китая в процветающую державу.

Съезд констатировал, что, исходя из существовавшего к тому этапу объема ВВП (1,2 трлн долл.), среднедушевого уровня доходов – 1000 долл., можно было считать, что страна в основном вступила в «общество малого благоденствия» – *сяо кан*.

Однако, как было подчеркнуто, этот процесс идет крайне неравномерно. Более 15 регионов Китая из 23 провинций и 5 авто-

номных районов с населением, составляющим более одной трети (более 420 млн человек) еще не достигли уровня малого благоденствия, в то время как в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу средний уровень доходов населения в несколько раз превышает базовый критерий средней зажиточности в Китае. Уровень жизни большинства крестьян, за исключением сельских жителей нескольких приморских провинций (Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Гуандун), остается достаточно низким. Во многих внутренних провинциях (Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай, Шэньси), а также в Тибетском автономном районе и автономном районе Внутренняя Монголия доходы крестьян нередко не превышают 300 долл. в год на человека.

На Всекитайском совещании по экономической работе, которое проходило в декабре 2002 г. под руководством председателя КНР Ху Цзиньтао, были отмечены выдающиеся достижения и выдвинуты долговременные задачи устойчивого развития страны, преодоления возникших новых противоречий. Так, Китай в течение 2002 г. добился рекордного роста внешней торговли – более чем на 22%, получил 52 млрд долл. иностранных инвестиций. Инвалютные запасы страны поднялись за предыдущее пятилетие со 130,9 до 286,4 млрд долл. В научно-технической сфере символом прогресса китайской науки и техники явилось создание на основе отечественных технологий суперкомпьютера со скоростью операций 1,027 трлн в секунду. Об экономических возможностях свидетельствовали осуществление грандиозных проектов строительства самого крупного гидрокомплекса на реке Янцзы – Санься, более чем 5-тысячекилометровой высокогорной Сычуань-Тибетской железной дороги и начало реализации плана переброски вод южных рек на север, что может иметь глобальное влияние на климат в Восточно-Азиатском регионе.

Наибольшее впечатление производят подвижки в политике открытости. Это наглядно проявилось во вступлении КНР в ВТО и успешном прохождении адаптационного периода. Китай с 10-го места перешел на 5-е место в мире по объему внешней торговли. Произошла дальнейшая диверсификация структуры экспортной продукции, возросло ее качество. Громадный размах получили туризм и сфера услуг. В 2002 г. чистый доход страны от туризма превысил 17 млрд долл.

О стабильности китайской экономики свидетельствовали следующие факты. Валовой внутренний продукт в 2002 г. поднялся до 10 трлн 200 млрд юаней (1 трлн 200 млрд долл.). Заметно выросли финансовые доходы, они составили в 2002 г. 1 трлн

891,4 млрд юаней по сравнению с 865,1 млрд юаней в 1997 г. Другими словами, финансовые доходы за это пятилетие увеличились более чем в два раза.

Вложения в общенациональные основные фонды, как доложил на 1-й сессии ВСНП премьер Чжу Жунцзи, за истекшую пятилетку составили 17 трлн 200 млрд юаней. Столь громадные инвестиции стимулировали новый подъем капитального строительства в стране.

Вопреки широко распространенному мнению об идеологическом диктате КПК, разработка стратегии китайских реформ осуществляется на основе широчайшего обследования реального положения в экономике и деловых дискуссий, в которых участвуют практики, политики, хозяйственники и ученые. Выдвинутые XVI съездом КПК задачи учетверения ВВП к 2020 г. и построения в середине XXI века в Китае «общества среднего достатка» вызвали серьезные дискуссии среди разработчиков конкретных путей и стратегии решения этих задач. В центре дискуссий стояли две точки зрения, две концепции.

С одной стороны, концепция всемерного стимулирования развития экономики высокими темпами – максимального наращивания совокупной мощи страны и обеспечения на этой основе достижения к середине XXI века нынешнего уровня высокоразвитых стран.

С другой стороны, выступили сторонники более сдержанного отношения к подстегиванию темпов роста ВВП, делавшие упор на использование прежде всего сравнительных преимуществ Китая и считавшие главной целью не рост абсолютных показателей экономического развития, а повышение благосостояния и качества жизни народа. Сторонники этой точки зрения считают, что слишком быстрое развитие само по себе порождает немалые проблемы как экономического, так и социального плана: перегрев экономики, в психологическом плане – завышенные ожидания населения. Некоторые китайские теоретики не без основания утверждают, что увлечение грандиозными проектами преобразования природы и экономического строительства, требующими огромных инвестиций, чрезмерно повышает долю накопления, негативно влияет на рост благосостояния населения. Фактически это приводит к тому, что нарушается один из принципов, который обеспечивал широчайшую массовую поддержку политике реформ в течение десятилетий: «экономическая реформа осуществляется так, чтобы абсолютное большинство населения ощу-

щало от этого непосредственную выгоду». Иначе реальную выгоду получает лишь узкая прослойка лиц.

На упомянутом выше совещании по экономике признавалось, что в экономическом строительстве страна сталкивается с рядом острых противоречий и проблем, а также факторами неопределенности в мировой экономике. Эти противоречия и проблемы связаны в основном с перегревом экономики, слишком быстрыми темпами развития. Видимо, те, кто отдает приоритет ускоренному наращиванию совокупной мощи Китая, высоким темпам экономического развития (не менее 7,7% в год) и высокому уровню накопления (до 40%), не могут не ощущать актуальности отмеченных проблем и необходимости принятия неотложных мер по увеличению занятости, снижению уровня безработицы, которая в городах колеблется от 8 до 10%, а в сельской местности число незанятых достигает 200 млн человек.

Как свидетельствуют слова и дела лидеров КПК, они уделяют серьезное внимание решению социальных проблем, рассматривая это как главное условие сохранения общественной и политической стабильности и, следовательно, успешного продолжения политики реформ и открытости. Именно этим, на наш взгляд, следует объяснить тот факт, что задача наращивания максимальными темпами совокупной мощи страны осуществляется в рамках концепции «всестороннего строительства общества среднего достатка». Очевидно также, что и доктрина «трех представительств» Цзян Цзэминя появилась не без учета этих проблем.

Китайское руководство ищет ответы на новые вызовы на путях продолжения политики реформ и открытости, построения общества средней зажиточности в ходе ускоренной модернизации и наращивания совокупной мощи страны, повышения ее международной конкурентоспособности и привлекательности для внешних инвестиций, а также реализации конкретных программ комплексного развития отсталых районов Запада и Северо-Запада Китая, стимулирования национальной буржуазии и предпринимательства, совершенствования системы и структуры рыночной экономики, расширения внутреннего спроса путем повышения доходов и стандартов качества жизни населения.

Для обеспечения необходимых условий решения экономических и социальных проблем поставлена задача к 2020 г. увеличить ВВП в 4 раза по сравнению с 2000 г. В этом случае – с учетом стабильно низкого прироста населения – среднедушевой доход

в стране превысит 3000 долл., что, по мнению китайских ученых, обеспечит окончательное решение проблемы бедности.

Китай серьезно проанализировал и извлек уроки из азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Особое внимание в Пекине стали обращать на расширение внутреннего спроса, возможности самостоятельного развития экономики, активизацию финансовой политики и проведение умеренной монетарной политики, обеспечивающей быстрый экономический рост.

Переход от экстенсивной модели развития к интенсивной потребовал изменения общей стратегии развития китайской экономики. От стадии, когда решающую роль в экономическом росте играла правительственная поддержка и громадные государственные инвестиции, происходит переход к стадии *гармоничного взаимного стимулирования политики развития экономики государственной поддержкой и собственной энергией рынка*. Таким образом, возможности спонтанного самостоятельного роста рыночной экономики заметно возрастают. Однако в ближайшее время вряд ли осуществляются предположения некоторых китайских экономистов (Ху Аньган и др.) о том, что «правительство больше не будет выступать в роли субъекта урегулирования структуры».

Новые возможности спонтанного самостоятельного роста рыночной экономики проявляются в трех аспектах. Во-первых, в сфере инвестирования. Об этом свидетельствует рост доли негосударственных инвестиций, которая достигла в 2002 г. почти 45%. Во-вторых, крупные предприятия все активнее выступают в качестве экономических субъектов, заметно растет их эффективность и доходы. В-третьих, происходит заметный рост внутреннего спроса на потребительском рынке. Автомобили, жилье, высокотехнологичные предметы быта стоимостью свыше 10 тыс. долл. быстро входят в быт значительных слоев китайского населения. В 2002 г., например, продажа автомобилей увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 50% и составила 3 млн автомобилей. Наблюдается бум на рынке жилья, крупные вложения делает население в образование и культуру.

Важным элементом в экономической стратегии, определенной XVI съездом КПК, является и то, что ныне особый акцент делается на *всемерное стимулирование развития национального капитала и мобилизацию его ресурсов*. До последнего времени устойчивое экономическое развитие страны опиралось на два фактора: государственные капиталовложения (они достигли за

последнее пятилетие астрономических размеров – более 17 трлн юаней) и весомые иностранные инвестиции (только за два года они превысили 100 млрд долл.). В Китае, судя по всему, осознали, что чрезмерное усиление влияния внешних инвестиций зарубежного капитала и ТНК сдерживает развитие национального капитала, особенно чувствительно сказывается в социальной сфере, стимулируя рост безработицы, имущественной дифференциации и переток наиболее квалифицированных инженеров и рабочих в зарубежные фирмы.

Особое внимание специалистов, изучающих опыт экономических реформ и политики открытости в КНР, привлекают *серьезные изменения в социальной структуре китайского общества*. Обследования, проведенные учеными Академии общественных наук Китая, говорят о том, что прежние формулы о союзе рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции как политической основе китайского общества устарели. Становление многоукладной системы собственности, уравнивание частной собственности с общественной и кооперативной, легализация не только трудовых доходов, но и доходов, получаемых за счет эксплуатации и деятельности предприятий частных форм собственности, привели к серьезному изменению социальной структуры китайского общества, реального положения и политического влияния различных социальных групп.

Наиболее явственно трансформация социальной структуры китайского общества выразилась:

во-первых, в возрастании и автономизации социально-политической и экономической роли прослойки управленцев – *ганьбу* в сфере партийного, государственного и хозяйственного строительства. Неслучайно в Китае стали говорить: «Власть – это капитал». Именно это является главной питательной почвой коррупции и разложения;

во-вторых, в серьезном расслоении традиционных классов трудящихся – социальной опоры КПК: рабочих и крестьян, а также творческой интеллигенции и формировании из наиболее преуспевших выходцев из этих слоев нового среднего класса, ранее не существовавшего в КНР;

в-третьих, в ускоренном (порой чрезмерно) процессе урбанизации, преобразовании сельских поселений в мелкие города и поселки городского типа, изменении сельского образа жизни, превращении значительной части сельских жителей: одних – в собственников, фермеров, других – в мигрантов-рабочих или наемных

работников у сельских хозяев-фермеров, третьих – в многомиллионную армию лиц, вообще не имеющих работы или занятых лишь 2–3 месяца в году;

в-четвертых, в формировании все более политически структурированного и осознающего свои интересы слоя крупных и мелких собственников – класса национальной буржуазии.

XVI съезд и его решения, касающиеся нового определения социальной базы и общественной роли КПК, а также ее идеологических основ, безусловно, продиктованы стремлением учесть глубокие изменения, которые произошли за годы реформ в социально-классовой структуре китайского общества и росте его духовной и политической культуры. Вместе с тем КПК сохраняет свою долговременную стратегическую цель построения в Китае в течение 10 поколений или более «социализма с китайской спецификой», а затем и коммунизма.

Новым моментом нынешней политической культуры КНР является также призыв «управлять страной не только на основе законов (*фа*), но на основе добродетельной нравственности (*да*)». Этот подход включает в себя попытку сочетать две традиционные линии китайской культуры – легизм, настаивающий на первенстве законов, и конфуцианство, отдающее приоритет традиционным нравственным ценностям.

Решения XVI съезда КПК, концепция «трех представительств» и характер передачи власти от третьего к четвертому поколению лидеров свидетельствуют о глубоко продуманном стратегическом решении китайского руководства в поисках путей преодоления определенного разрыва между экономическими и политическими реформами.

Концепция «трех представительств» уточняет и приспособляет социальные и идеологические основы КПК к нынешним китайским реалиям. Она сводится к следующему: 1. партия является представителем передовых производительных сил; 2. партия является представителем передовой культуры; 3. партия является представителем интересов абсолютного большинства населения Китая.

Проведенное ранее конституционное уравнивание политических прав и социального статуса всех видов собственности создало правовые предпосылки для осуществления концепции «трех представительств».

Следующий крупный шаг был сделан на XVI съезде КПК: в Устав КПК была включена концепция «трех представи-

тельств». Этот факт означает, что дело строительства «социализма с китайской спецификой», «общества малого благоденствия» – (*сяо кан*) является общенародным делом, и все граждане страны, обладающие конституционными правами, имеют равные возможности для активной политической деятельности и участия в тех или иных политических организациях, в том числе имеют право вступать в Коммунистическую партию Китая, быть избранными в ее руководящие органы.

Ряд ветеранов китайской революции высказали по этому поводу опасения, полагая, что допуск представителей эксплуататорских классов в КПК может привести к ее перерождению, утрате социалистической перспективы. С учетом этого на съезде особый акцент был сделан на том, что концепция «трех представительств» является гарантией сохранения политической стабильности китайского общества, гарантией продвижения по пути «социализма с китайской спецификой» и осуществления высоких идеалов социализма и коммунизма.

В области внешнеполитической 2002 г. для Китая также был успешным. Главной задачей внешней политики и своего участия в международной деятельности Пекин по-прежнему считает обеспечение долгосрочного мирного окружения и благоприятных внешних условий для продолжения программ реформ и модернизации страны.

Гибко проводя политику самостоятельности и независимости, КНР не вовлекалась непосредственно ни в какие международные очаги напряженности, смогла укрепить свою роль не только как региональной, но и глобальной державы путем «развертывания всесторонней дипломатии». Китаю удалось сохранить в целом ровные партнерские отношения практически со всеми ведущими державами мира и стать наиболее привлекательной страной для внешних инвестиций. Об этом свидетельствует то, что Китай смог перехватить у США роль главного магнита иностранных инвестиций, успешно адаптироваться к требованиям ВТО и использовать правила ВТО для расширения своего экспорта и защиты своих рынков от чрезмерной агрессии внешних конкурентов. Поучительно также, что Шанхай в жесткой конкуренции с Москвой завоевал право провести «Экспо-2010».

Пекин неизменно подчеркивал определяющую роль ООН, Совета Безопасности и норм Устава ООН и международного права в решении конфликтных ситуаций. Китай настаивает на создании нового справедливого международного политического и эко-

номического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования. КНР высказалась за уважение суверенитета и территориальной целостности Ирака. Пекин, как и Москва, выступал за сохранение безъядерного статуса Корейского полуострова, решение всех спорных проблем путем прямых политических переговоров между КНДР и США. Китай организовал встречу представителей двух сторон в Пекине. Одновременно китайская сторона выступает за обеспечение гарантий безопасности КНДР. Активную позицию занимал Пекин по вопросам организационного укрепления и развертывания деятельности Шанхайской организации сотрудничества, повышения ее эффективности не только в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и наркобизнесом, но и в плане создания условий для экономического соразвития и взаимной безопасности. Китай принял предложение разместить секретариат ШОС в Пекине и выразил желание провести первые совместные военные учения стран-участниц ШОС – КНР, России и Казахстана.

Весьма конструктивно развивались в 2002 г. *двусторонние российско-китайские отношения*, долговременной правовой основой которых стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 г. Наиболее значимыми событиями были обмены официальными визитами глав государств: председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву и президента РФ В.В.Путина в Китай. Углубление доверия между странами обеспечивало эффективное взаимодействие дипломатии двух стран по острейшим международным вопросам, углубление и реальное стратегическое сотрудничество по вопросам взаимной безопасности и глобальной стабильности. Наглядным свидетельством прогресса в области экономического сотрудничества стал рост объемов двусторонней торговли, согласование долгосрочных проектов экономического и научно-технического сотрудничества в области энергетики, космоса, обороны. Важную роль в развитии российско-китайского сотрудничества играет взаимодействие в области науки и техники. Визит президента АОН Китая Ли Теина в Россию и ответный визит президента РАН академика Ю.С.Осипова в КНР стали важным стимулом оживления научных обменов между нашими странами. В ходе этих встреч президентов двух академий были подписаны новые соглашения о сотрудничестве и обменах учеными.

РУКОВОДСТВО КНР: ПЕРВЫЙ ГОД НА НОВЫХ ПОСТАХ

Политическая практика последовавшего за XVI съездом КПК периода явилась подтверждением ряда новых идейных установок.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на усилия новых лидеров Китая, направленные на создание скорректированной идеологической и правовой основы своих действий и политики. В этом плане принципиальное значение имел 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва и сессия ВСНП. Сессия ВСНП перевела на язык законодательных формул и государственной политики принципиальные решения XVI съезда КПК, взявшего курс на продолжение реформ с учетом поиска ответов на те вызовы, которые возникли в ходе преобразований. Эта корректировка, прежде всего, проявилась, во-первых, в углублении социальной составляющей реформ, во-вторых, в придании более комплексного характера реформам и преодолении определенных и в известной мере неизбежных на начальных этапах политики реформирования недостатков и противоречий, когда внимание в силу отсутствия средств, опыта, кадров и других обстоятельств концентрировалось на отдельных направлениях и сферах, а другие оставались «на потом», хотя они тоже требовали и серьезного внимания, и реформирования, и капитальных инвестиций. Как говорится, не до всего доходили руки.

Особое значение имеет подход нового китайского руководства к законодательному оформлению «правил игры», долговременных правил осуществления политических реформ. При этом следует обратить внимание на два момента, два тезиса. Первый был сформулирован прежним руководством, выдвинут еще Цзян Цзэмином. Речь идет о концепции «трех представительств». Концепция ныне претерпевает определенные уточнения, хотя суть ее остается неизменной. Главное содержание концепции «трех представительств» – расширение социальной базы правящей партии, уточнение – можно, пожалуй, даже сказать определенный пересмотр – идеологических основ КПК. Положение о «трех представителях» включено в Конституцию КНР. Это придает им

другое качество – конституционную формулу политической культуры современного Китая.

Второй тезис – подчеркивание линии преемственности и углубления экономической и социальной составляющей реформ. Он означает укрепление основ общества смешанной экономики и определенную плюрализацию не только экономической, но и социальной базы, политической системы. Фактически завершен процесс легитимизации частной собственности. Поправки, которые раньше вносились в Конституцию КНР, направленные на формальное уравнивание в правах и государственной, и негосударственной форм собственности, теперь юридически оформлены не только в чисто экономическом, но и в политическом плане. Владельцам предприятий частной собственности предоставлено право политического голоса, право участвовать во властных структурах, в деятельности правящей партии и защищать свои интересы в государственных структурах. Это принципиально новый момент, новый и крупный шаг в сторону демократизации государственности в КНР и политической системы власти в целом.

Мы наблюдаем углубление политики конвергенции рыночных, «капиталистических» принципов хозяйствования и принципов социально-ориентированной экономики, нацеленной на поддержание социалистических тенденций. Акцент сделан на защиту интересов широких слоев наемных работников во всех сферах и отраслях экономики – и государственной, и негосударственной, в промышленности, аграрной сфере и в сфере услуг.

Такой подход дал основание значительной части аналитиков поспешно заявить, что в КНР сделан новый шаг по капиталистическому пути. По их мнению, под флагом сохранения неких социалистических формул и лозунгов происходит переход к другому социально-экономическому строю. Известно, что немало весьма авторитетных специалистов за рубежом и в России придерживаются такой точки зрения.

Представляется, что подобные выводы не только являются поспешными, но серьезно упрощают ситуацию. Они порождены по преимуществу технократическими подходами и, если хотите, устаревшими схемами и представлениями о социализме и сути переходного периода к новому обществу. Есть основания считать, что в данном случае китайские теоретики, практики и политики реализуют поставленную в свое время В.И. Лениным и не решенную до сих пор задачу о переосмыслении социализма как естественно-исторического этапа развития общества, порождаемого всем пред-

шествующим развитием человеческой цивилизации, а не как предмета некой социальной инженерии. Тезис, который неоднократно высказывался учеными и классиками насчет того, что это общество рождается как бы внутри высокоразвитого общества рыночных отношений. Повторим, что ранее этот тезис не реализовывался. Выдвигался другой тезис – о социальной инженерии, когда переоскакивали через целые этапы исторического и социально-экономического развития. «Рождение ребенка» происходило не за естественные 9 месяцев, а за 5–6 месяцев, а потом он выращивался как бы в инкубаторе. Роль «инкубатора» играла поддержка и помощь СССР. Но трагедия заключалась в том, что этот «социалистический инкубатор» сам с социально-экономической, культурной точки зрения нуждался в еще более мощном и объемном инкубаторе.

Похоже, что концепция «социализма с китайской спецификой» и проведение своеобразной конфуцианской линии *чжэн мин* («исправление имен»), то есть приведение политических установок и социальных категорий в соответствие с реалиями жизни, с экономическими возможностями и проведение адекватных преобразований, – это, по сути, революционный процесс, осуществляемый эволюционно. Это, как представляется, и есть переосмысление социализма, обогащение его научно-техническим, культурологическим, управленческим опытом капитализма. Новый опыт должен быть наработан в переходный период: новые, свободные от эксплуатации, отношения между людьми должны сложиться в сознании людей как жизненное требование, а не как навязанная путем индокрикации и искусственного идеологического и культурного давления идея. Такой новый подход еще в должной мере не осмыслен, что возрождает старые схемы и идеи о некой «тихой контрреволюции», реставрации капитализма и т.д.

Реальная практика нынешнего китайского руководства свидетельствует о том, что оно идет как бы «на двух ногах». Одна нога – это рыночно-капиталистические отношения, а другая – это социально-ориентированные реформы и подходы. Именно наличие подобного внутреннего противоречия побудило Пекин пойти на замену термина «социализм» или «начальный этап социализма» (они сохраняют свое гражданское право в идеологической культуре общества) близким, более понятным и адекватным реальностям Китая термином *сяо кан* – «общество малого благоденствия». Это снимает определенные противоречия в восприятии концепции социализма, переживающего начальный этап своего развития.

Новое китайское руководство, продолжая линию реформ, добилось на этом пути немалых, весьма ощутимых результатов. Главным достижением является сохранение преемственности политического курса, доверия населения в целом власти и политике КПК. Об успехах КНР свидетельствует высокий процент роста ВВП, колоссальный рывок в увеличении валютных запасов и объемов внешней торговли.

Вместе с тем нужно отметить трезвый, реалистический подход лидеров КНР к оценке положения в стране, что делает честь нынешнему составу китайского руководства. Подчеркивая успехи, оно видит проблемы, вызовы и противоречия развития. А вызовы эти весьма серьезные. Политика реформ требует очень высокой платы, социальной цены.

На фоне успехов политики реформ произошло своеобразное «воспарение» партии над обществом; разрыв между практикой и настроениями масс – очень серьезная проблема. Нынешнее китайское руководство понимает ее. В докладе премьера Вэнь Цзябао на сессии ВСНП содержалось откровенное признание: «На пути продвижения вперед все еще немало трудностей и проблем, в работе правительства все еще немало недостатков, народ все еще чем-то недоволен (такая формула в последние годы впервые употребляется в китайском политическом жаргоне. – *М.Т.*) и для коренного разрешения многолетних глубинных противоречий все еще требуется довольно много времени». Перечисляются эти трудности: крестьянские доходы растут медленно, не решены задачи занятости и социального обеспечения, неравномерно идет региональное развитие, чрезмерно большой разрыв в уровне доходов, увеличивается ресурсно-экологический прессинг. И целый ряд других проблем отмечены в этом докладе. Концепция «трех представительств», легитимизация частной собственности, а также усиление социальной ориентированности политики как раз и призваны решить существующие проблемы и противоречия, преодолеть отрыв политики от жизни, чтобы консолидировать и укрепить социальную стабильность в обществе.

В этом плане привлекают внимание некоторые новые подходы и акценты в практике новых лидеров КПК. Дэн Сяопин и в последующем его преемник Цзян Цзэминь главный упор делали на рост экономической мощи страны, все другие аспекты как бы отходили на второй план, рост экономической мощи был абсолютным приоритетом. Речь шла о концентрации внимания именно на экономических аспектах реформ в КНР. Ныне же в связи с возникновением

социальных «разрывов» и неравномерностей в развитии экономики предпринимается попытка сбалансировать политический курс: наряду с задачей наращивания экономической мощи усиливается внимание к социально-политическим и цивилизационно-культурным компонентам политической практики китайского руководства.

Очень важное, принципиальное значение для укрепления политических позиций нынешнего китайского руководства имеет возвращение к осознанию социальной реальности Китая: крестьянство было, есть и еще длительное время будет одной из краеугольных опор социальной стабильности и развития Китая. В докладе Вэнь Цзябао и в выступлениях во время экспедиционных поездок генерального секретаря и председателя КНР Ху Цзиньтао подчеркивалось, что проблема крестьянства, проблема села была, есть и будет главной проблемой, решение которой обеспечит стабильное развитие китайского общества.

Еще один принципиально новый момент, отражающий социальную направленность и вместе с тем определенную противоречивость китайской модели развития. О повышении благосостояния народа говорилось неоднократно, это верно. Однако о том, чтобы задача не только роста, но и увеличения доли села в потреблении ВВП рассматривалась как стратегическая цель, как стержень макрорегулирования – такая формулировка появилась впервые. В докладе Вэнь Цзябао эта мысль сформулирована как стратегическая идея. Ставится задача так: рациональное регулирование отношений между капиталовложениями и потреблением является одним из важных аспектов макрорегулирования и контроля. Докладчик признал, что удельный вес потребления в ВВП сравнительно низок, это мешает устойчивому расширению внутреннего спроса, длительному и относительно быстрому росту народного хозяйства. Важно всемерно увеличивать доходы городского и сельского населения, поднимать его покупательную способность.

Хотелось бы подчеркнуть, что обеспечение поступательного, стабильного развития Китая, о котором говорилось на сессиях ВСНП и пленумах ЦК КПК, будет иметь серьезное влияние на международное положение, внешнюю политику КНР, на российско-китайские отношения.

Документы сессии ВСНП свидетельствуют о том, что нынешнее китайское руководство намерено продолжать стратегический реформаторский курс Дэн Сяопина, внося в него коррективы, соответствующие требованиям времени, преодолевая те или иные односторонности, придавая реформам комплексный характер.

Вместе с тем есть основания утверждать, что нынешняя модель развития Китая пока не имеет (это очень важный момент) внутренней идейно-политической, методологической целостности. Она включает в себя как элементы стратегии догоняющего развития, стратегии использования сравнительных преимуществ (концепция «социализма с китайской спецификой» и курс на реформы), так и значительные компоненты модели развития, ориентированной на западные схемы рыночной экономики и потребительского общества, коммерциализацию всех сторон экономической, политической, культурной и социальной сфер общества.

Адаптация реформаторской политической доктрины к условиям Китая далека от завершения, и ее реализация будет неизбежно порождать немало внутренних противоречий и вызовов. Такова жизнь во всем ее многоцветии. До последнего времени позитивные достижения от реализации этой доктрины преобладали над отрицательными моментами и вызовами. Но дальнейшее повышение качества реформ и эффективности политической системы, видимо, потребует новых подходов. Китайское руководство пока еще не завершило поиск собственного пути движения Китая в будущее. То, что делается сейчас, это во многом поиск, приспособление к условиям страны внешних моделей. Раньше была модель Советского Союза, теперь – в основном модель развитого западного потребительского общества. Эта модель вряд ли полностью соответствует реальным условиям КНР по причине сопровождающих ее очень серьезных социальных противоречий и потрясений.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что опыт реформ, обобщенный на XVI съезде КПК и последующих пленумах ЦК КПК, в выступлениях представителей нового китайского руководства, представляет немалую ценность, свидетельство чему – выдвигание Китая в число наиболее динамично развивающихся крупных мировых держав. Есть основания полагать, что тенденция позитивного поступательного развития страны сохранится, хотя накопление значительного количества внутренних противоречий, если они не будут своевременно разрешаться, может поставить страну перед серьезными вызовами.

КНР нуждается в благоприятной мирной внешнеполитической обстановке, всестороннем развитии отношений со всеми высокоразвитыми странами, а также с богатыми ресурсами развивающимися государствами. Глобальные экономические потребности Китая определяют, в условиях сложившейся международной ситуации, курс концентрации усилий на внутреннее разви-

тие, сдержанность и осторожность во внешнеполитической сфере во избежание слишком обременительных внешних обязательств по проблемам поддержания международной безопасности и разоружения, которые сдерживали бы развитие страны или втягивали ее в международные конфликтные ситуации.

Исключительная заинтересованность Китая в использовании широких внешних рынков развитых стран, прежде всего США, Японии и Западной Европы, будет и впредь побуждать Пекин непрерывно крепить свои отношения с развитыми странами, при этом стараться находить и увеличивать точки слияния общих интересов, посредством равноправных переговоров постоянно устранять существующие разногласия, стимулировать устойчивое развитие взаимных отношений.

Заинтересованность КНР в сохранении благоприятной международной обстановки и получении широкого выхода на российский рынок, а также в импорте из России целого ряда стратегически важных энергоносителей (нефть, газ) и других сырьевых товаров (лес, цветные металлы), а также высоких технологий двойного и оборонного значения будет и впредь служить основой для развития и укрепления российско-китайских партнерских отношений. Важнейшая проблема, стоящая перед обеими сторонами, – преодоление разрыва между высоким уровнем политического взаимодействия и ограниченностью масштабов сотрудничества в инновационной, инвестиционной, торгово-экономической, культурной и гуманитарной сферах. Главными звеньями решения этой проблемы являются углубление взаимной информированности, преодоление определенной предубежденности и неблагоприятных стереотипов в общественном сознании двух стран в отношении друг друга, порожденных отчуждением 1960–1970-х годов, наращивание усилий как Москвы, так и Пекина по формированию благоприятного имиджа каждой из сторон.

Определенные внешние круги, опасаясь укрепления российско-китайского стратегического партнерства, пытаются подтолкнуть РФ и КНР на путь взаимного сдерживания, раздувая миф о «китайской угрозе» и «неизбежности распада РФ». Реально существующая проблема демографического давления в условиях депопуляции России и огромного роста народонаселения в Китае используется недоброжелателями российско-китайского сотрудничества для разжигания в сознании россиян опасений в отношении КНР, распространения инсинуаций о так называемой «китайской угрозе» и «демографической экспансии» Пекина.

В практическом плане вопрос о так называемой «демографической угрозе» имеет вполне реальные перспективы взаимоприемлемого политического решения на основе взаимной договоренности об использовании китайской рабочей силы на основе существующей международной практики контрактов и разумной миграционной политики. Раздувание китайской «демографической угрозы» мешает развитию двусторонних отношений, отравляет атмосферу взаимных связей.

Нельзя не видеть, что выступления китайских руководителей нового поколения возвращают страну к уже испытанной в КНР системе внешнеполитических связей и приоритетов. Китай вновь подчеркивает, что приоритетным является развитие и поддержание дружеских отношений с развивающимися странами на основе принципов сосуществования и соразвития. Это новый момент, который появился в последние годы. Следом называются соседние страны и третьими по порядку – развитые страны. В политических декларациях сейчас приоритеты обозначены именно таким образом. Это, однако, не значит, что отношениям с развитыми странами Китай уделяет меньше внимания. На практике все выглядит нередко как раз наоборот.

Российские ученые серьезно изучают новые явления в развитии российско-китайских отношений. Главным является правильное понимание и разумное отношение к порождаемым жизнью противоречиям. Возникновение противоречий – естественный процесс развивающихся связей и сотрудничества двух стран. Они будут возникать, потому что, помимо совпадения стратегически важных интересов, есть и расхождения в интересах стран, есть разные национальные характеры, есть разная социальная психология и отличия в понимании и оценках ситуации, которая складывается в мире. Поэтому наличие разночтений, наличие противоречий – это *стимул к углублению сотрудничества, к углублению диалога, а не фактор для того, чтобы бросать односторонние обвинения по поводу возникновения противоречий.*

Одной из причин советско-китайского идеологического раскола 1960–1970-х годов было то, что стороны не поняли естественно-го процесса возникновения противоречий и не искали путей разумного их преодоления. «Ах, вы не согласны с нами, ах, у вас другой подход, значит, вы против нас, значит, вы – наши враги». Словом, логика известная: «Кто не с нами, тот – против нас!» Примененный не по адресу и не к месту, сей постулат очень серьезно в свое время осложнил ситуацию. Россия и Китай должны не допустить по-

вторения этой ошибки. В предстоящие годы им предстоит приложить максимум усилий для того, чтобы укреплять взаимные связи и взаимопонимание, способствовать созданию в общественном мнении благоприятного имиджа каждой из сторон. Нынешнее поколение китайских руководителей объективно и субъективно заинтересовано в развитии российско-китайского сотрудничества. Мы должны научиться уважать и стремиться идти навстречу пожеланиям и интересам наших китайских партнеров, ожидая такого же желания идти навстречу интересам России со стороны Китая.

КИТАЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

В 2004 г. исполнилось 55 лет не только со дня образования КНР, но и с момента установления дипломатических отношений между нашими странами. Для КНР этот год был важен тем, что он явился первым годом осуществления новой стратегии развития страны.

Нынешняя стратегия развития Китая в XXI веке, как уже выше отмечалось, была выдвинута на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) и получила системное изложение в документах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.). Из заявлений руководителей КПК, а также трудов китайских экономистов и политологов явствует, что эта стратегия стала результатом критического осмысления 25-летнего опыта политики реформ и открытости, итогом комплексной оценки внутренних и внешних факторов развития. Новые подходы предусматривают максимальное использование сравнительных преимуществ Китая для преодоления и разрешения возникших на нынешнем этапе модернизации страны проблем и противоречий. Вместе с тем эти новые подходы учитывают изменение геополитической ситуации вокруг КНР, вызовы и новые шансы, которые возникли в результате углубления экономической глобализации, изменений в международном положении Китая, связанных с ростом его совокупной национальной мощи и авторитета в мире.

За годы экономических реформ и политики открытости *Китай совершил гигантский скачок в своем экономическом развитии*. Его пример дает надежду развивающимся странам в поисках

эффективных путей преодоления отсталости, достижения развитости и процветания, пример гибкой адаптации к глобализации и использования ее для стимулирования саморазвития и «самоусиления». Факты убедительно подтверждают эти выводы. Китай уже в 2003 г. по объему ВВП вошел в первую пятерку ведущих стран мира. В 2020 г. планируется учетверить ВВП и достичь современного уровня среднеразвитых стран, а по абсолютным показателям основных видов продукции к тому времени превзойти США, Японию и ЕС. Показатели экономического развития Китая весьма впечатляющи.

Годовой рост промышленной продукции в 2004 г. составил 17%. При этом производство высокотехнологичной продукции росло самыми высокими темпами – 20,6%. За год было выпущено 4,4 млн автомобилей всех марок, 182,3 млн шт. мобильных телефонов, 32,2 млн шт. микрокомпьютеров (рост 119,8%).

Особо следует сказать о позитивных сдвигах в области образования, культуры и науки. Китай в ближайшие годы намерен, наконец, в основном покончить с безграмотностью. Еще недавно число неграмотных в КНР превышало численность населения России. Ныне Пекин поднял знамя самой читающей страны, оброненное распавшимся Советским Союзом. В 2003 г. в стране выходили журналы тиражом более 3 млрд экз., было издано книг общим тиражом 6,75 млрд экз. Быстрыми темпами растет численность научных работников. Годовой набор в аспирантуру превысил 269 тыс. человек, а число студентов за год увеличилось на 3 млн человек. Расходы на науку составили более 19 млрд долл. Количество научных работников и инженеров превысило 28,3 млн человек.

Опасения по поводу того, что вступление в ВТО приведет к стагнации китайской экономики, особенно сельского хозяйства, не оправдались. Так, объем внешней торговли в 2003 г. увеличился почти на 38%. В результате правительство подсчитало, что такие темпы стимулируют «перегрев китайской экономики».

Китай создал весьма привлекательный климат для внешних инвестиций. По количеству привлеченных и использованных инвестиций в 2003 г. (более 53,5 млрд долл.) КНР вышла на 1-е место в мире, обогнав Японию и США. Золотовалютные резервы Китая более чем в 2 раза превышают внешнюю задолженность страны (193,6 млрд долл. на начало 2004 г.).

Вместе с тем было бы иллюзией полагать, что путь Китая в будущее беспроblemно и усеян лишь розами, он труден и извилист.

Впечатляющие показатели роста иностранных инвестиций отражают одну важную черту быстрых темпов развития КНР, а именно: это развитие в течение всех лет реформ шло главным образом за счет экстенсивного наращивания капиталовложений, а не за счет повышения эффективности их использования и роста производительности труда.

Тот факт, что Китай производит и сжигает свыше 1,6 млрд т у.т. при производстве чугуна и стали – это не только свидетельство возросшей экономической мощи страны, но и показатель огромного индустриального и антропогенного разрушительного давления, которое оказывают сжигание углей и выбросы металлургической промышленности на окружающую среду и здоровье населения. Высокие темпы развития КНР связаны не только с громадными внешними инвестициями, но и с чрезвычайно высокой нормой накопления, превышающей 40%, что позволяет осуществлять колоссальные внутренние инвестиции в экономику страны. Вместе с тем эти же показатели свидетельствуют о том, что доля ВВП, идущая на повышение благосостояния населения, растет значительно медленнее, чем темпы производства. Это серьезно тормозит рост покупательной способности населения, особенно сельского, ведет к ограничению внутреннего рынка, торможению развития социальных программ, программ подъема культуры, образования, здравоохранения.

Основная стратегия реформ и политики открытости предусматривала ранее концентрацию усилий на отдельных отраслях и регионах, которые могли значительно вырваться вперед, создавать новый уровень производства, обеспечить значительный рост доходов населения, занятого в этих отраслях и регионах, при сохранении более низких показателей роста благосостояния и качества промышленного производства в других регионах и отраслях. В результате прежней экстенсивной стратегии реформ возникли значительные диспропорции и нездоровые черты экономического роста, образовался разрыв между уровнем развития и социального обустройства регионов, резко увеличились диспропорции между богатыми и бедными, между отдельными слоями трудящихся. Дифференциация доходов приблизилась к опасной черте социальной поляризации. Быстрый уровень развития приморских районов и городов, где происходило основное вливание средств и за счет внутренних капиталовложений, и за счет внешних инвестиций, контрастирует с более медленным развитием и низким уровнем благосостояния населения западных и внутрен-

них провинций Китая. В 2003–2004 гг. по среднестатистическим показателям КНР уже преодолела установленную Дэн Сяопином в 1980-е годы планку роста доходов населения до 800 долл. на человека в год. Однако при анализе роста доходов по провинциям и городам центрального подчинения выясняется, что в большей части провинций и автономных районов, расположенных в западных и северо-восточных регионах, этот показатель уровня «сяо кан» – малого благоденствия еще не был достигнут. В силу неравномерного распределения ВВП между различными слоями населения и регионами показатель роста ВВП не дает полного представления о социальном и экономическом благополучии народа, тем более – о качестве жизни населения.

Наращивание экономических мощностей тех отраслей промышленности, которые оказывают наиболее негативное влияние на окружающую среду, таких как металлургия, добывающая промышленность, нефтяная, химическая, привели к резкому ухудшению экологической среды и нарушению традиционного принципа китайской культуры, рассматривающего человека как органическую часть природы («единство человека и природы»), к резкому противопоставлению человека природе, достижению критических показателей негативного антропогенного воздействия человека на окружающий мир.

Концентрация капиталовложений и инвестиций в промышленных отраслях, высокий уровень накопления вынуждали государство экономить на инвестициях в сельское хозяйство, поставили границу между уровнями образования и здравоохранения в городе и деревне, что привело к усилению разрыва между ними. Интенсивное разрастание крупных городов за счет ликвидации пригородных деревень и сельских уездов, широкомасштабное дорожное и жилищное строительство, а также создание специальных экономических зон, научно-технических полисов и т.д. потребовали изъятия у крестьян огромного количества пахотных земель. Из-за отсутствия правового регулирования этого процесса более 7 млн крестьян оказались без земли и без средств к существованию, поскольку компенсации за отторгнутую землю носили до последнего времени чисто символический характер.

Новое руководство страны во главе с Ху Цзиньтао предприняло целый ряд шагов для решения возникших проблем и выработки новой стратегии развития. Внимание к крестьянству и аграрному сектору экономики объявлены главной заботой Пекина. В качестве целеполагающей основы развития рассматрива-

ется человек, забота о качестве его жизни, повышении его культуры. В целом развитие, согласно новому подходу, должно быть сбалансированным, комплексным, устойчиво долговременным и предусматривать, по словам генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао, сказанным на совещании Политбюро по совершенствованию экономической работы в июне 2003 г., «5 единых планирований», или «5 гармонизаций»: согласованное гармонизированное развитие экономики и социальной сферы, города и деревни, регионов, человека и природы, то есть необходимость усиления природовосстановительных мероприятий, гармоничного сбалансированного внутреннего развития и политики внешней открытости.

Таким образом, новый подход к стратегии развития смещает акцент с наращивания чисто экономических показателей ВВП *на комплексное всестороннее развитие социально-экономической структуры общества* с упором на потребности человека и преодоление возникших противоречий. Гармонизация внутреннего развития и внешней открытости предусматривает более эффективное использование в интересах наращивания национальной мощи Китая и улучшения качества жизни граждан благоприятных шансов экономической глобализации, расширения рынков для китайских товаров в результате вступления Китая в ВТО.

Новые подходы к стратегии и реалистический взгляд нынешнего руководства КНР на проблемы, возникшие в ходе экономической реформы, свидетельствуют о том, что Пекин стремится застраховаться от неожиданных поворотов и зигзагов как внутреннего развития, так и международной ситуации. Это также свидетельствует о том, что китайские лидеры, китайское общество извлекли уроки, сделали соответствующие практические выводы для себя из азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. и эпидемии атипичной пневмонии (SARS) 2003 г. К чести нового руководства страной следует отнести и то, что оно продемонстрировало эффективную способность справиться с кризисными ситуациями, с валютно-финансовым кризисом и эпидемией SARS. Об опасной возможности возникновения системного кризиса в случае продолжения прежней стратегии реформ говорит проведенный учеными АОН Китая в конце 2003 г. опрос среди представителей науки, экспертов, делового мира и управленцев. Согласно результатам исследования, 45,2% опрошенных признали вероятность возникновения в КНР в течение 5–6 лет общего системного кризиса, 11% сочли

такую возможность в высшей степени вероятной, но 24,8% такую перспективу отвергли¹.

Согласно новой стратегии, руководство страны поставило задачу расширить потребительский рынок и повысить покупательную способность населения, повернулось лицом к практическому решению проблем, связанных со значительной безработицей в городах и деревне, резкой дифференциацией доходов между различными слоями населения, разрывами между городом и деревней, преодолением бедности и ликвидацией неграмотности.

Возвращаясь к так называемым проблемам *сань нун* (деревня, крестьянство, сельское хозяйство) и сокращения разрыва между городом и деревней, следует еще раз отметить, что решение именно этих проблем ныне считается первоочередной задачей, поскольку они касаются почти 700 млн жителей страны. Дальнейшее увеличение разрыва между городом и деревней и бедственное положение значительной части крестьянства, несмотря на заметное улучшение его материального положения в ходе реформ, чревато серьезными социальными осложнениями.

Среди комплекса мер, нацеленных на улучшение социально-экономического положения деревни, крестьянства и качественного улучшения аграрного сектора, предусматривается прежде всего изменение гражданского статуса крестьян и устранение элементов неравноправия между жителями города и деревни. Крестьянам предоставляется равный с горожанами социальный статус в области образования, свободы перемещения, равный доступ к рынку и трудовой занятости. Намечается разработка мероприятий по социальной защите и демократизации жизни деревни и обеспечению подлинной выборности органов власти населением. Ставится вопрос об изменении структуры финансирования образования и здравоохранения на селе, бремя расходов на которые до сих пор государство перекладывало на самих крестьян. Разрыв в уровнях образования между городом и деревней, по сути, консервирует отсталость деревни, резко сужает доступ к высшему образованию сельским жителям, тормозит культурное строительство в сельских районах.

Серьезные изменения намечаются *в правовой сфере*, прежде всего в обеспечении гарантий защиты прав собственности, правового и социального уравнивания статуса общественной, государственной и частной собственности, которые ныне рассматриваются не как противостоящие, а как дополняющие друг друга. Китайский частный национальный капитал уравнивается в пра-

вах с иностранным капиталом и государственным сектором. Кроме того, предусматривается система льготных мер, защищающих права национальных капиталистов на законное частное имущество и обеспечивающих им доступ к необходимым фондам развития.

В политике экономических реформ все большее внимание уделяется проблеме управления государственным имуществом и банковским сектором. Главным путем активизации и повышения эффективности деятельности государственных предприятий является акционирование и продажа части их активов различным, в том числе иностранным, субъектам. Одновременно предприятия частного сектора и акционированные госпредприятия выступают как равноправные участники рынка, что стимулирует повышение конкурентоспособности и эффективности каждого из этих видов собственности. В ходе реформы ныне особое внимание обращается на создание крупнейших китайских корпораций с конкурентоспособной на мировом рынке продукцией, обладающих собственной интеллектуальной собственностью и торговыми марками.

В связи с вступлением КНР в ВТО Китаю предстоит открыть банковский сектор для иностранного капитала. Поэтому в стране активно проводятся реформы финансовой системы, прежде всего четырех крупнейших государственных коммерческих банков, включая Банк Китая и Стройбанк Китая. Правительство и его премьер Вэнь Цзябао особый упор делают на то, чтобы экономическая рыночная система освободилась от вмешательства госбюрократии и чтобы субъектами экономической активности выступали сами предприятия.

Смещаются акценты работы правительственных органов в центре и на местах – большее внимание уделяется социальной сфере. Особое внимание обращается на максимальное расширение занятости, формирование системы социального обеспечения в городах и своевременную выплату зарплат сельским мигрантам в городах. Правительство прилагает усилия к тому, чтобы показатель зарегистрированной безработицы в городах не превышал уровень 4,7%. О внимании к социальной сфере свидетельствуют и изменения в бюджете страны. На социальные цели, к примеру, в 2004 г. было направлено 5,8% расходной части бюджета, то есть более 100 млрд юаней (13 млрд долл.). Однако следует иметь в виду, что эти расходы касались лишь городских жителей.

Важным показателем серьезности подхода китайского руководства к проблемам развития страны в новых условиях является их внимание к *правовому обеспечению, правовой защите основных направлений новой стратегии*. Об этом свидетельствуют поправки к Конституции КНР, принятые на мартовской (2004 г.) сессии ВСНП и поддержанные Народным политическим консультативным советом Китая. В Конституцию КНР 1982 г. внесены изменения в 14 статей. Важной частью этих изменений является уточнение идеологических основ китайского общества и политической системы государства. Учитывая тот факт, что Китай остался единственной большой страной, ставящей целью своего развития социализм, в Конституции термин «социализм с китайской спецификой» заменен на термин «китайский социализм», точнее – «специфический китайский социализм».

Таким образом, Пекин подчеркивает свое теоретическое новаторство в выполнении исторической миссии переосмысления социализма, поставленной в свое время еще В.И.Лениным, но так и не реализованной. Руководители КНР пытаются разрешить эту задачу на путях синтеза, интегрирования социалистических идеалов и целей и рыночных законов, своеобразной конвергенции опыта социализма и капитализма, когда рынок рассматривается не только как экономическая система, но и метод решения социально-экономических задач.

Конституция закрепляет в качестве теоретической основы государства не только марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теорию Дэн Сяопина, но и концепцию «трех представительств», выдвинутую в 2000 г. бывшим генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином. Концепция «трех представительств», как уже сказано выше, провозглашает, что КПК представляет передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы всех слоев народа, и рассматривается как новый шаг в развитии марксизма применительно к условиям Китая и реалиям XXI века. Весьма общий характер принципов «трех представительств» открывает некоторую свободу для их интерпретации. Нынешняя официальная трактовка этих принципов провозглашает гармоничность интересов всех слоев населения Китая, в том числе и тех, которые в прежнем толковании выступали в качестве эксплуататоров; их деятельность рассматривается как полезная для развития страны, и они объединяются вместе с трудовыми слоями населения в одно понятие «строитель социализма». Этот термин также включен в корпус основного закона страны.

Новые подходы китайского руководства к стратегии развития потребовали дополнить формулировки о четырех модернизациях, выдвинутые в начальный период реформ Дэн Сяопином, словами о «сбалансированном развитии материальной, политической и духовной сфер китайской цивилизации». Такое дополнение создает гибкую правовую основу для поисков новых путей продолжения политической реформы и политики в области культуры, идеологии и образования.

Важнейшим дополнением к правовому выравниванию статуса частного и государственного видов собственности является включение в текст Конституции положения о том, что «государство поощряет, поддерживает и направляет развитие индивидуального частного сектора экономики». В Конституции четко закрепляются права на частную собственность, ее экономическое равноправие с общественной собственностью. Причем частная собственность предусматривает не только личную собственность, но и собственность на средства производства. Полноценная юридическая защита распространяется на все виды законно полученных доходов как трудовых, так и нетрудовых. Вместе с тем в Конституции в корректной форме подтверждено право государства в общественных интересах экспроприировать или ликвидировать все виды собственности, в том числе частную и коллективную, в установленном законом порядке с выплатой компенсаций. Это дополнение создает правовую базу для урегулирования спорных вопросов с крестьянами в связи с изъятием земельных участков у крестьян и массовым выселением сельских жителей с изымаемых земель.

Глубокая вовлеченность Китая в процесс глобализации и вступление в ВТО побудили Пекин укрепить свои политические позиции в дискуссиях с Западом по вопросу о демократии и правах человека. В основной закон включены положение об уважении и гарантиях прав человека, а также обязательство государства создавать совершенную систему социального обеспечения. Кроме того, важным дополнением основного закона является формулировка о том, что председатель КНР выполняет не только протокольные и организационные функции, но и «осуществляет государственную деятельность».

Словом, изменения, внесенные в текст основного закона, создают правовую базу для осуществления новой стратегии развития страны, отражают повышение роли частного сектора в китайской экономике и связанных с ним социальных групп населения.

Немалое влияние на выработку новой стратегии развития оказывают внешние факторы. В Китае прежде всего исходят из того, что в нынешних условиях геополитической, научно-технической и экономической глобализации мира, по крайней мере на ближайшие 20 лет, для КНР складываются исключительно благоприятные условия для мирного подъема страны и превращения ее в могучую современную державу. На состоявшемся в Пекине в мае 2004 г. международном форуме китайских предприятий по теме «Выход за рубеж» (*цзоу чуцьюй*) видный китайский деятель Чжэн Бицзянь подчеркнул, что Китаю необходимо хорошо использовать принесенные глобализацией три крупных шанса для мирного подъема.

Первый шанс связан с благоприятной геополитической средой, когда КНР получает «драгоценную паузу для мирного подъема страны», так как из-за событий 11 сентября и войны в Ираке США вынуждены внести корректировку в свою глобальную стратегию и не только отвлечься от противостояния с Китаем, но и искать его помощи во многих делах, в том числе в решении ядерной проблемы КНДР, ситуации в Ираке и т.д. Корректировка стратегии США, полагают в Пекине, снимает опасения, что сопредельные с КНР страны будут вовлечены «в создание кольца окружения и сдерживания развития Китая», поднимает статус КНР в мире, повышает привлекательность и роль китайского рынка в экономическом развитии Азии, и в этом плане Пекин в глазах Вашингтона становится сопоставимым с Токио.

Одновременно Китай активно создает новые структурные системы экономического сотрудничества с АСЕАН (АСЕАН+1), странами Центральной Азии и Россией на многосторонней основе в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также на двусторонней основе. Масштабно наращиваются торгово-экономические связи с ЕС и государствами Латинской Америки. Об этом свидетельствуют, в частности, участвовавшие визиты руководителей КНР в страны этих регионов.

В свете вышеизложенного стратегическая ценность партнерства Китая с Россией может претерпеть некоторые изменения. Нерасторопность и непоследовательность российской стороны в развитии торгово-экономического сотрудничества с КНР, особенно по тем направлениям, где Китай наиболее рассчитывал на взаимодействие и понимание России, вызывают озабоченность в Пекине. Проволочки и неопределенность в подходах российских ведомств к осуществлению предварительно оговоренных на выс-

шем уровне направлений, форм и схем сотрудничества в топливно-энергетической и других сферах вызвали в КНР разочарование, нанесли ущерб атмосфере доверия к России, которая сложилась после подписания Договора 2001 г. Китай серьезно ищет альтернативные российскому рынку получения топливно-энергетического сырья и современного военно-технического снаряжения.

Второй шанс предоставляет КНР новая научно-техническая революция с акцентом на электронику и получаемые из-за рубежа новейшие технологии, которая масштабно стимулирует все стороны модернизации Китая, прежде всего модернизацию традиционных производств первого этапа индустриализации – машиностроение, станкостроение, транспорт, металлургия, лесная промышленность, сфера услуг и т.д. Это уже сегодня серьезно продвигает КНР по пути новой индустриализации и перехода в общество экономики знаний, информационное общество.

По темпам компьютеризации, освоения новых средств мобильной связи, использования Интернета Китай вместе с США и Японией входит в первую тройку ведущих стран. Количество пользователей Интернета в стране приближается к 50 млн абонентов, число мобильных телефонов в 2,5 раза превышает все население России. Информатизация открыла новые возможности ускоренной и опережающей новой индустриализации, сокращения разрыва между городом и деревней, коренного изменения интеллектуализации среды обитания человека в обществе.

Наконец, *третий шанс* для мирного экономического прорыва Китая в сообщество развитых стран с новым качеством жизни своих граждан создается умелым использованием китайским бизнесом возможностей экономической глобализации и широкой адаптацией китайского рынка к требованиям и условиям эффективного функционирования механизмов мировых рыночных каналов, к международному разделению труда, выявлению своей ниши на мировом рынке ресурсов и рабочей силы.

Критикуя домыслы сторонников тезиса о «китайской угрозе» по мере укрепления могущества КНР, пекинские стратеги подчеркивают, что механизмы ВТО предоставили Китаю «каркас систем, с помощью которого он может, осуществляя стратегию «выхода за рубеж», пользоваться перемещением мировых рыночных факторов и участвовать в мировой рыночной конкуренции. Через участие в сотрудничестве и составлении правил этого каркаса будут системно гарантированы общие интересы КНР и разных стран, будут системным путем регулироваться экономиче-

ские трения страны с другими странами, поэтому налицо не только крупный шанс для Китая, но и важнейший шанс для мира во всем мире»².

Пекинские аналитики уверенно говорят о том, что «Китай может мирными формами и через рыночные каналы найти новый выбор международного разделения труда и новое размещение стратегических ресурсов, *ему нет необходимости добиваться своего развития и подъема путем вооруженного захвата ресурсов других стран*, как в прошлом действовали державы, запоздавшие в своем подъеме (выделено мною. – М.Т.)³.

Бесспорным достижением китайских теоретиков является то, что они сделали важный шаг в преодолении романтических и утопических представлений о социализме, строительство которого якобы может быть начато даже на основе полufeодальной, полуколониальной базы. Теория Дэн Сяопина отвергла как концепции военного коммунизма, так и концепции «социализма бедности». Тем самым Пекин фактически отвергает и концепцию перескакивания исторических этапов развития, то есть теорию, популярную в 1960–1970-е годы в СССР о так называемом некапиталистическом пути развития. Ныне в Китае социализм трактуется как идеал общества всеобщего благоденствия, справедливости и процветания. При этом широко заимствуются идеи раннего конфуцианства о «гуманном управлении», обществе «великого единства» (*да тун*) как долгосрочной цели развития. В качестве ближайшей ставится задача завершить построение до 2020 г. общества *сяо кан* и достичь среднего благоденствия (достатка)*.

В 1980-е годы, критически осмыслив предшествующий опыт, Дэн Сяопин внес серьезные коррективы в теорию переходного периода, заявив о том, что КНР находится на начальной стадии строительства социализма и что задача построения общества всеобщего благоденствия и справедливости как синонима социализма потребует усилий десятка, а может быть, и больше поколений. Такое реалистически-прагматическое переосмысление представлений о социализме нашло свое выражение в известной формуле Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, белого или черного, важно, чтобы она ловила мышей. Неважно, социализм или капитализм, важно, чтобы развивалось производство и улучшалась жизнь народа».

Отказ от шаблонных и затасканных формулировок о социализме оживил идеологическую и политическую ситуацию в стране, вызвал подъем социальной активности населения. Раз-

вал мировой социалистической системы и распад Советского Союза потребовали от Пекина переосмысления исторического опыта социализма в целом. Китай признал временное поражение социализма, но не отказался от целей созидания общества справедливости и благоденствия как синонима социализма. Неотложность задачи подъема и неуклонного развития экономики, преодоления экономической и культурной отсталости потребовали от китайских руководителей смелости и принципиального пересмотра прежних представлений о стратегии и тактике развития страны. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) китайское руководство выдвинуло новые принципы экономического развития, основывающиеся на создании в стране рыночной системы и многоукладной экономики. Этот процесс шел трудно, протекал в острой внутренней борьбе разных идей и подходов, завершившись созданием в условиях Китая многоукладного общества, сочетающего многообразие видов собственности – от государственной, кооперативной до различных форм частной собственности. Это неизбежно породило серьезные изменения социальной структуры общества, глубокое имущественное и социальное расслоение. Создание многоукладной экономики, легализация права на эксплуатацию и получение нетрудовых доходов привели к формированию новых классов и страт в китайском обществе. Цель развития страны – социализм, идейным вдохновителем которого выступает правящая Коммунистическая партия Китая, потребовала от нее не только серьезного переосмысления экономических основ развития страны и путей модернизации, но и переосмысления социальной и идеологической платформы КПК, в новых условиях выступающей не только лидером рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции, но и представителем всех тех слоев, которые принимают активное участие в экономическом строительстве нового государства, будь то простой трудящийся или крупный предприниматель, бизнесмен, торговец, менеджер и т.д. Представителей всех этих слоев, занятых в процессе модернизации КНР, обобщенно называют «строителями нового Китая», «строителями китайского социализма».

После горячих дискуссий генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвинул в 2000 г. концепцию «трех представительств», которая призвана в политическом и идеологическом плане стать консолидирующей платформой сплочения китайского общества вокруг Компартии Китая и идеологически обос-

новать легитимность руководящей роли КПК. Эта концепция, сформулированная весьма общо, позволяет гибко интерпретировать ее и адаптировать к изменяющимся условиям страны, к сегодняшнему уровню развития китайского общества. КПК, сохраняя свои долгосрочные цели, выступает на данном этапе как партия национального возрождения, национального единства, партия общего прогресса и благоденствия народа, всей китайской нации.

Нынешняя идейно-политическая платформа КПК исторически преемствует не только мировой опыт и уроки мирового коммунистического движения, но и уроки национально-освободительной революции в Китае, уроки Сунь Ятсена. В этом плане концепция «трех представительств» по своему содержанию частично перекликается с известными «тремя народными принципами» Сунь Ятсена.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ КНР

КНР – одна из крупнейших экономик мира. Последовательно, из года в год, рассматривая рост показателей Китая в первые годы нового столетия, уместно обратиться к «Докладу о торговле и развитии – 2004», опубликованному Конференцией ООН по торговле и развитию. Документ не без оснований утверждает, что Китай превратился в один из двигателей мировой экономики. Согласно данным Азиатского банка, в 2003 г. 13% прироста мировой экономики было обеспечено за счет Китая, в 2004 г. этот показатель увеличился до 15%. Влияние КНР на развитие мировой экономики осуществляется прежде всего через внешнюю торговлю. Внешнеторговый оборот страны в 2003 г. составил почти 850 млрд долл. Таким образом, Китай уже к этому времени занял 4-е место в мире по объему внешнего товарооборота, ему удалось установить глубокую экономическую взаимозависимость с основными крупнейшими странами. На долю Китая в 2004 г. приходилось больше 22% экспорта США, 28% – Германии и 32% – Японии. Доля товарооборота КНР с Россией занимала 1,8% общего объема торговли КНР. По количеству привлеченных в течение года инвестиций Китай с 2002 г. занимает 1-е место в мире, сумма этих ежегодных инвестиций превышает 53 млрд долл. О влиянии китайской экономики на мировые процессы свидетельствует и то,

что более 500 крупных транснациональных корпораций разместили свои представительства в Китае, а некоторые перенесли свои штаб-квартиры из других стран региона в Пекин. Последовательно облагораживается структура китайского экспорта. 90% вывоза КНР составляют готовые изделия, в том числе 25% – высокотехнологичная продукция.

Неуклонно растет доля Китая в мировой экономике. По расчетам экспертов ВТО, к 2020 г. доля страны в мировой торговле достигнет 10%, то есть она станет второй после США крупнейшей торговой державой. Китай наращивает свои валютные резервы и в целом успешно справляется с обслуживанием довольно крупного внешнего долга (220 млрд долл. на середину 2004 г., в том числе 40% – краткосрочная задолженность).

Экономические успехи КНР бесспорны. Валовой внутренний продукт страны в 2000 г. увеличился по сравнению с 1980 г. не в 4, как изначально планировалось, а в 6,4 раза, к 2020 г. вновь намечается учетверение ВВП. О непрерывном росте международного престижа Китая свидетельствует и то, что он добился проведения Олимпиады-2008 в Пекине и выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

О мирном возвышении Китая и превращении его в глобальную сверхдержаву. Процесс возвышения и рост международного влияния Китая, движение в сторону превращения его в новую сверхдержаву совпадает с процессом перемещения центра силы в мировой системе с Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Одним из аспектов курса на возвышение КНР в мире является, говоря словами Цзян Цзэминя, «содействие завершению той ситуации, когда на протяжении нескольких столетий США и Европа главенствовали в международных политических, экономических делах». Китайское руководство интерпретирует возвышение своей страны и превращение ее в сверхдержаву как выход Китая в мир, то есть как новый этап политики открытости. Лидеры КНР подчеркивают, что выход страны в мир должен осуществляться мирными средствами. В официальных выступлениях и в научных исследованиях по этому вопросу отмечается, что Китай учел исторические уроки возвышения Японии, Германии и Советского Союза и намерен осуществлять «стратегию вхождения в мир» исключительно мирными средствами, используя рыночные механизмы, международное разделение труда, конкуренцию, методы всестороннего сотрудничества и *соразвития*, которое рассматривается как одна из важнейших предпосылок вхождения Китая в мир.

В этой стратегии особое место отводится сотрудничеству с Россией, которое расценивается как один из важнейших приоритетов китайской политики и фактор сохранения стабильности в регионе, экономического соразвития и сопроцветания. Экономический подъем РФ, освоение Сибири и Дальнего Востока, сотрудничество с Россией в области энергоресурсов и в других ресурсных и наукоемких сферах считаются важными предпосылками стабильного развития китайской экономики. В стратегическом плане КНР выражает готовность к широкому инвестиционному сотрудничеству с Россией в целях освоения и разведки ресурсов, а также социально-экономического подъема регионов Сибири и Дальнего Востока на взаимовыгодной основе. Разумеется, расчеты Китая видеть в лице России стабильный источник различных сырьевых ресурсов (нефть, газ, лес, цветные металлы) просматриваются весьма четко.

Обращает на себя внимание также и то, что Китай в достижении статуса мировой державы делает ставку прежде всего не на наращивание военной мощи, а на постепенное накапливание преимуществ в экономической, гуманитарной, научно-технической сферах. Примечательно, что об этом говорят и некоторые влиятельные политики Запада. Так, Г. Киссинджер отмечал, что *«Китай будет стремиться к приобретению влияния, соответствующего его росту, с помощью дипломатических и политических средств»* (выделено мною. – М.Т.)⁴.

Вместе с тем нельзя не видеть, какую потенциальную опасность для политики Китая могут представлять рост национализма, своеобразное возрождение маоцзедуновских националистических устремлений среди части населения КНР. Новые китайские националисты довольно агрессивно атакуют нынешний прагматический курс Ху Цзиньтао. Они занимают крайне жесткие бескомпромиссные позиции как в отношении пограничного урегулирования Китая с его соседями, включая Россию, так и по тайваньскому вопросу. Примечательно, что эти силы активно используют старую маоцзедуновскую антисоветскую и антиамериканскую аргументацию. На фоне всего этого конструктивный диалог с нынешним поколением китайских лидеров, возглавляемых Ху Цзиньтао, имеет исключительное международное значение. Ситуация побуждает руководство КНР проявлять особую заинтересованность в поддержании конструктивного диалога и с Россией, и с США. Это обстоятельство играет, надо полагать, немаловаж-

ную роль в создании благоприятной атмосферы для переговоров с китайскими лидерами.

Китай – арена борьбы двух парадигм развития. Рассматривая ситуацию в Китае и пытаясь сделать прогноз развития этой страны, оценить ее политический курс и курс ведущих держав в отношении КНР, необходимо учитывать, что Китай все явственнее становится ареной борьбы двух политических парадигм развития: парадигмы «социализма с китайской спецификой» и парадигмы капитализма с конфуцианской спецификой.

Нынешнее руководство КПК и КНР прилагает огромные усилия, чтобы придать облику китайского социализма и перспективам его построения к концу XXI века привлекательный и притягательный облик. Однако это трудный и рискованный путь преодоления прежних представлений, которые отягощены драматическими воспоминаниями о маоцзэдуновском коммунизме «общего нищенского котла», жесткого регламентирования всей жизни каждого китайца. Стремление представить нынешние колоссальные достижения в экономической сфере как результат конвергенции – удачного сочетания опыта социализма и достижений капитализма, твердого следования по пути строительства китайского социализма в соответствии с учением марксизма-ленинизма, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и «тремя представительствами» Цзян Цзэминя – далеко не всегда адекватно воспринимается простыми китайскими гражданами и даже членами КПК. Об этом свидетельствуют многие факты и официальные признания. Например, 4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва выразил большую озабоченность и тревогу по этому поводу. Пленум признал, что «засахаренные снаряды» буржуазной идеологии пользуются популярностью в стране, особенно среди интеллигенции и молодежи.

Запад и Япония, широко раскрыв объятия Китаю, фактически пытаются удушить в них КНР. Они стремятся создать такую систему экономической и политической взаимозависимости, из которой Пекин не сможет вырваться. Цзян Цзэминь эти устремления Запада комментировал так: «Развитие государства Запада... пытаются посредством экономической глобализации осуществить объединение всей Поднебесной под управлением капитализма»⁵. Именно эти устремления Запада отражаются в утверждениях тех ученых и обозревателей, которые говорят, что происходящее в Китае – есть строительство капитализма под красным знаменем социализма.

Проведенный учеными ИДВ РАН комплексный анализ социально-экономических и культурологических, этнопсихологических изменений в китайском обществе в ходе реформ свидетельствует о весьма серьезных и опасных для стабильного развития КНР сдвигах. Наиболее опасным представляется расслоение и поляризация китайского общества, подталкивающие страну на грань системного кризиса. Бурное развитие строительства и малого бизнеса в городе и деревне в известной мере пока нейтрализует остроту противоречий. Однако Китай ныне напоминает разогнавшегося под уклон велосипедиста. Пока он едет, он держится в седле, но любая колдобина на дороге или резкое замедление может оказаться роковым.

К аналогичному заключению приходят и многие социологи в США и Японии. Американский социолог Дж. Глэдстон считает, что «Китай с каждым годом все больше приближается к всеобъемлющему кризису: население деидеологизируется и выбирает материальные ценности, растет эмиграция в развитые страны, увеличивается пропасть между городом и деревней, между богатыми и бедными, сельскому хозяйству все сложнее удовлетворять растущие потребности богатееющего населения. Это приводит к снижению эффективности государственной власти, и в итоге наступит новый период хаоса и нестабильности»⁶.

Именно поэтому китайское руководство в качестве абсолютного приоритета рассматривает поддержание внутренней стабильности режима и обеспечение разумно высоких темпов развития экономики. Именно потому, что снижение поставок российской нефти в Китай негативно сказывается на обеспечении быстро растущих потребностей страны в углеводородах и может привести к снижению темпов развития экономики, китайская сторона нервно восприняла события, связанные с пересмотром договоренностей о строительстве нефтепровода Ангарск–Дацин. О нарастании факторов нестабильности свидетельствует углубление диспропорций в экономике и имущественно-социальная дифференциация.

Складывающаяся социально-политическая ситуация превращает Китай в некую мозаику социальных контрастов. По словам видного китайского экономиста Ху Аньгана, в едином государстве фактически сосуществуют два общества – городское и сельское. Крестьянство, составляющее около 70% населения страны, лишено де-факто политического представительства и каналов влияния на политику государства. У крестьян ограничен доступ к образованию, нет системы социальной защиты, государствен-

ные инвестиции в сельское хозяйство весьма скромны. Разрыв между городом и селом не сокращается. О противоречиях в развитии китайского общества свидетельствует и то, что оно как бы делится по уровню доходов, качеству жизни и уровню культуры на «четыре мира».

«Первый мир» составляют Пекин и Шанхай, которые часто иностранцами ошибочно отождествляются со всем Китаем. Здесь проживает 2,2% населения КНР. По паритету покупательной способности (ППС) подушевой ВВП в Шанхае был равен в 1999 г. 11516 долл., в Пекине – 9996 долл., что выше уровня стран со средними доходами – 8320 долл. В зоне Пудун в Шанхае в 1999 г. подушевой ВВП составил 25472 долл., или 83,2% от уровня США.

«Второй мир» – город Тяньцзинь, провинции Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь, Ляонин. Здесь проживает 21,8% населения КНР, подушевой ВВП (по ППС) равен 3960 долл. Это соответствует уровню стран со средненизкими доходами.

«Третий мир» – центральная часть провинции Хэбэй, а также Дунбэй, Хуабэй. 26% населения КНР, проживающего здесь, по уровню доходов находятся на 100–139 местах в мире.

«Четвертый мир» – половина регионов КНР – более 50% населения страны (630 млн). В среднем доход здесь на уровне 140-го места в мире. Например, в Гуйчжоу подушевой ВВП – 1247 долл., что ниже уровня бедных стран (1790 долл.).

В целом в Китае до сих пор доминирует крестьянское традиционное общество. Сельские жители составляют 70% населения и более 50% трудозанятых. Это сопоставимо с 1870 г. США, Германии, Франции. Низкая производительность труда, низкая товарность, низкая культура хозяйства. Население, охваченное процессом индустриализации и сферой услуг, составляет соответственно 23% и 22%, то есть в целом 45%. Интеллектуальная часть общества (работники системы образования, медицины, культуры, науки, техники, банков, органов власти) составляет около 5%. Они вовлекаются в формирование «общества экономики знаний».

О глубоком имущественном расслоении китайского общества в ходе реформы говорят и оценки Всемирного банка, согласно которым коэффициент Джини в Китае приблизился к критической отметке 0,4 и составляет 0,437. Ряд авторитетных китайских экономистов считают, что вышеназванная оценка не учитывает «неофициальные доходы»: уклонение от налогообложения и коррупцию. Как утверждает Ху Аньган, с учетом «неофици-

циальных доходов» коэффициент Джини «будет 0,51 и выше», «за время реформ, то есть за одно поколение, КНР, – отмечает Ху Аньган, – прошла путь от коэффициентов 0,2 до 0,5. Переход от справедливого к подчеркнуто несправедливому обществу очень заметен». Известный социолог Лу Сюэн в 2004 г. писал: «В Китае теперь появились миллионеры, а в деревне еще есть нищета и голод».

Китайское руководство отдает себе отчет о существующих острых проблемах и противоречиях. Оно активно занято выработкой мер и поиском путей если не разрешения этих противоречий, то, во всяком случае, смягчения их остроты.

а) Для повышения эффективности руководящей роли КПК в рамках Конституции введен принцип «управления на основе законов». Выдвинутая Цзян Цзэмином концепция «трех представительств» преследует цель расширить социальную и идеологическую базу правящей партии.

б) В целях сокращения межрегиональных и социальных разрывов выдвинута программа подъема отсталых западных районов и старой промышленной базы в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия).

в) Принята новая концепция развития на основе гармонизации экономической и социальной сфер, развития городов и сельских районов. Ху Цзиньтао скорректировал ранее утвержденную концепцию «трех представительств»: тезис о том, что КПК представляет интересы абсолютного большинства народа, ранее занимавший 3-е порядковое место, поднят на 1-е место. Одновременно заявлено о необходимости преодолеть экономическую однобокость политики и перенести акцент на человека, его потребности. Впервые в качестве руководящей идеи объявлен тезис «Человек – основа всего». На второй план отодвинута идея Дэн Сяопина о поощрении первоначального обогащения отдельных районов и отдельных лиц. Подъем благосостояния должен быть гармонизирован, чрезмерный разрыв между богатыми и бедными должен быть сокращен, полагают новые лидеры КПК.

НОВЫЙ ЭТАП РЕФОРМ. КУДА ИДЕТ КИТАЙ?

Феноменальные успехи Китая за последние два с половиной десятилетия стали важнейшим фактором мировой политики и международных отношений. Страна совершила мощный экономический рывок. В самом деле, ВВП КНР с 1978 по 2005 г. увеличился более чем в 12 раз. Уровень доходов населения в среднем возрос почти в 7 раз – с 260 долл. в 1978 г. до 1760 долл. в 2005 г. В сельской местности он также значительно увеличился – с 60–100 долл. до 600–900 долл.

Китай превратился в «магнит притяжения» иностранных инвестиций, которые обеспечивают быстрый рост экономики и внешней торговли. За 25 лет внешнеторговый оборот страны вырос более чем в 70 раз – с 21 млрд долл. в 1978 г. до 1 трлн. 550 млрд долл. в 2005 г. КНР выступает как один из главных факторов стабильности мирового валютно-финансового рынка. Перед юанем начинает маячить перспектива превращения в общеазиатскую валюту.

По абсолютным показателям производства многих важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай вышел на передовые позиции в мире. Он стал всемирной фабрикой производства ширпотреба по западным брэндам, мировым сборочным цехом. Китай, еще недавно бывший одной из самых отсталых стран мира, ныне находится среди мировых лидеров по производству стали, угля, цемента, телевизоров, персональных компьютеров, мобильных телефонов, часов, велосипедов, приближается к высшим показателям по производству и сборке легковых автомобилей почти всех ведущих марок мира (около 6 млн в год). По данным ВТО, продукция с маркой «Made in China» составляет почти 14% товаров на мировых рынках и более 15% прироста мирового ВВП. Страна, располагающая всего 7% пашни на планете, дает 20% мирового производства зерновых, лидирует по производству хлопка, шелка-сырца, масличных культур, мяса, молока, яиц. Улучшилось качество жизни и состояние здоровья китайской нации. КНР вошла в группу стран с высокими показателями по ожидаемой продолжительности жизни населения – свыше 76 лет.

По сути дела, страна возвращает себе сегодня то место в мире, которое она занимала до эпохи колониализма. На рубеже XVIII и XIX веков, то есть два столетия назад, Китай был одним из самых процветающих государств планеты.

В течение почти полутора столетий совокупная мощь России, а позже – СССР в несколько раз превышала совокупную мощь Китая. После распада СССР наблюдается обратная картина: совокупная мощь КНР превосходит нашу, в зависимости от методик подсчета, в 3–4 раза.

Ныне Китай стал одним из лидеров мирового развития. Его успехи дают хороший шанс для стабильного движения вперед мировой экономики. Пекину принадлежит важная роль в преодолении валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. Именно позиция Китая, его отказ подчиниться американско-японскому нажиму девальвировать юань спас от краха экономику стран АСЕАН, особенно Таиланда, Вьетнама, Индонезии, Филиппин. КНР ради поддержания стабильности только гонконгского доллара пришлось истратить свыше 50 млрд долл., но благодаря этому страна упрочила свое политическое и экономическое влияние в развивающихся странах Азии.

Китай шаг за шагом вновь обретает статус великой экономической державы – не только региональной, но и глобальной.

Опыт, накопленный Китаем за годы реформ, его политика максимального использования собственных сравнительных преимуществ для реализации национальных целей развития и модернизации приобрели большое международное значение. Они представляют значительный интерес и для России, хотя бы в таких областях, как использование своих сравнительных преимуществ, проведение реформ и модернизации с учетом национальных условий, усиление национальной самоидентичности как мощной мобилизационной силы развития, привлечение внутренних и внешних инвестиций, создание специализированных экономических зон и технопарков, привлечение средств населения, создание мощной транспортной инфраструктуры как двигателя развития регионов и т.д.

Опыт Китая во многом проясняет вопрос о перспективах социалистической модели развития, способствуя решению проблемы превращения социализма из прекрасной утопии в науку.

Достижения Китая общепризнанны. Многие аналитики, в том числе в крупнейших финансово-инвестиционных компаниях мира, предрекают китайской экономике дальнейший поступательный

рост на протяжении последующих десятилетий, пусть и не такими высокими темпами, как в истекшие годы, но тем не менее достаточными, чтобы обеспечить КНР мировое первенство. С таким выводом согласны, однако, не все. Ряд серьезных экспертов Китая, а также России, США, Японии, Германии задаются вопросом: насколько гарантировано продолжительное поступательное социально-экономическое развитие страны, имея в виду те острые проблемы, с которыми она в настоящее время все больше сталкивается практически во всех основных сферах жизнедеятельности современного китайского общества: экономической, политико-идеологической, культурно-цивилизационной.

Приходится признать, что наряду с несомненными успехами быстрое развитие страны породило ряд новых проблем и противоречий. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в докладе о работе правительства на сессии ВСНП в марте 2006 г. назвал некоторые из них:

- нерациональность экономической структуры (сочетание крайне отсталых предприятий наряду с современными);
- недостаточность собственных инноваций (не более 5–10%);
- медленное изменение экстенсивной модели экономического роста и трудности перехода к интенсивной модели развития;
- расточительное расходование энергетических и иных ресурсов;
- сильное разрушение и загрязнение окружающей среды.

6-й пленум ЦК КПК 16-го созыва констатировал, что особую остроту в последние годы приобрели социальные проблемы и «пять разрывов»: увеличение безработицы (около 30 млн человек в городе и 200 млн – в деревне); дисбаланс в развитии города и деревни, а также восточных и западных регионов; имущественная и социально-политическая поляризация общества; недовольство широких слоев общества, особенно в деревне, состоянием дел в области социального обеспечения, здравоохранения и образования.

Действующая экстенсивная модель экономического роста в Китае за последние десятилетия опиралась главным образом на два фактора: 1) массовое использование крайне дешевого труда, дешевых или бесплатных естественных ресурсов для максимального наращивания экспорта и 2) всемерное привлечение иностранного капитала для увеличения производства экспортных товаров, получения доступа к современным технологиям и накопления валютных ресурсов.

Активное включение страны в процессы модернизации и глобализации требует использования квалифицированного, а потому

и недешевого труда. Это неизбежно повлечет за собой немалые вложения в человеческий капитал, что в краткосрочной перспективе может снизить конкурентные преимущества КНР. Серьезные пределы продолжению экстенсивного развития экономики ставят ограниченность природных ресурсов и резкое ухудшение окружающей среды (опустынивание 20% территории, отравление 80% водоемов, острый дефицит воды в Северо-Восточном и Центральном Китае). Необходимость увеличить расходы на осуществление достаточно дорогостоящих природоохранных проектов может ограничить способность государства и предприятий вкладывать капитал в ускоренный экономический рост.

Наступление китайских дешевых экспортных товаров на рынки развитых и развивающихся стран встречает растущее сопротивление со стороны местных производителей и потенциально чревато обострением межгосударственных отношений.

Далеко не всегда оправдываются расчеты и на получение новейших ключевых технологий от иностранных инвесторов в лице прежде всего транснациональных компаний. На состоявшемся в июне 2006 г. в рамках Года России в Китае Пекинском форуме обществоведов двух стран китайские докладчики констатировали, что в области высоких технологий зависимость КНР от Запада особенно велика. Интеллектуальная собственность иностранных фирм в отраслях высоких и новых технологий абсолютно доминирует, доходя до 90%. Хотя, например, Китай и вышел на 1-е место по производству DVD, мобильных телефонов, персональных компьютеров, однако собственной ключевой техники в этих сферах производства он по-прежнему не имеет. Иностранные фирмы стремятся к монополизации китайского рынка, прибирая к рукам – путем недружественных слияний и поглощений – национальные китайские компании, с их брэндами и каналами сбыта. Так, «Моторола» монополизировала китайский рынок мобильных телефонов и персональных ЭВМ.

Создание в Китае благоприятного инвестиционного климата обеспечивается прежде всего стабильностью политической обстановки и курсом на государственное регулирование и гарантии вкладчикам, а также различными преференциями по доступу к дешевым ресурсам, гибкой налоговой политикой. В 2005 г. было привлечено и фактически использовано 72,4 млрд долл. прямых инвестиций. Всего за прошедшие годы реформ было реализовано свыше 630 млрд долл. внешних инвестиций. Вместе тем нельзя не заметить, что примерно третья часть инвестиций, счи-

тающихся иностранными, поступает из оффшорных зон. Фактически в определенной мере это капитал, репатриированный из континентального Китая и сменивший национальную принадлежность, чтобы обрести льготы.

Иностранный капитал прямо или косвенно контролирует более 80% китайского экспорта и импорта. Под патронажем более 500 крупнейших транснациональных корпораций Китай превратился во всемирную мастерскую *не по производству собственной, оригинальной продукции, а по сборке ее по иностранным образцам*. В стране изготавливаются различные виды техники, одежды, обуви западных, японских и южнокорейских брендов. В то же время используется для производства предназначенных на экспорт товаров все больше собственного и привозного сырья и энергии, подвергается рискам отечественная среда обитания.

Ухудшение экологии становится все более сложной проблемой, и для ее решения Китаю, по оценкам экспертов, придется тратить много больше, чем те 1,5% от ВВП, которые Пекин расходует сегодня на восстановление природной среды. Платой за экстенсивную модель экономического роста является катастрофическое разрушение среды обитания населения. В стране, испытывающей дефицит сельхозугодий, ежегодное опустынивание охватывает 3,4 тыс. кв. км. Сжигание 2 млрд т сернистых углей ставит Китай на второе место после США по объему наиболее вредных выбросов в атмосферу. Бассейны трех рек (Хуанхэ, Янцзы и Чжужцян), где проживает более половины населения страны, утратили способность к естественной регенерации.

Благодаря опережающему росту экспорта профицит внешней торговли в 2005 г. превысил 100 млрд долл., а по золотовалютным запасам, которые превысили 1 трлн долл., Китай опередил Японию и вышел на первое место в мире. Стремительный рост золотовалютных резервов, конечно, благоприятствует притоку иностранных инвестиций, укрепляет юань, защищает страну от возможных финансовых потрясений в мире, способствует инвестициям китайского капитала за рубежом (они превысили 40 млрд долл.). Вместе с тем чрезмерное возрастание золотовалютных резервов ослабляет эффективность монетарной политики, вызывает давление на национальную валюту со стороны США. Стремясь уберечь свою валютную систему от рисков, связанных с обесцениванием доллара, Пекин диверсифицирует состав своего золотовалютного запаса, увеличивая в нем долю золота, что привело к резкому росту цен на него.

С учетом этих обстоятельств неизбежно встает ряд закономерных вопросов: сколь устойчивую базу имеет долговременное развитие Китая? Достаточно ли гарантирована экономическая безопасность страны в ситуации нарастающей экономической и научно-технической зависимости китайской экономики от экспорта и импорта, от влияния ТНК, западных интеллектуальных и деловых центров?

В этой связи хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями о нынешнем этапе реформ в Китае и попытаться дать ответ на две группы вопросов, важных для развития нашей страны и ее международной деятельности.

Во-первых, какова природа достижений Китая, какими средствами и какой ценой они добыты?

Во-вторых, куда идет Китай? Как прогнозируемые перспективы развития КНР будут влиять на Россию, угрожает ли интересам РФ рост совокупной мощи Китая, как развитие этой страны будет сказываться на состоянии отношений сотрудничества с ней?

Ряд других вопросов касается социальной и политико-идеологической области, они связаны с прагматическим подходом руководства КНР к конвергенции разных социальных систем. Как долго китайское общество сможет находиться в дуалистической позиции «шпагата» между рыночным экономическим базисом и «нерыночной» политической надстройкой? Между рыночным базисом и однопартийной политической надстройкой советского типа? Как долго может мирно ужиться доминирование частнокапиталистических, либеральных тенденций в экономике с жесткой руководящей ролью КПК, провозглашающей цель «строительства социализма с китайской спецификой» и государственную собственность в качестве стержня экономики?

Как согласуется лозунг о строительстве справедливого «общества малого благоденствия» – *сяо кан* и гармоничного общества, этими эвфемизмами «социализма с китайской спецификой», с тем фактом, что более 25 млн сельских жителей страны находятся за чертой бедности, а 150 млн неграмотны? В то же время 15% населения, зажиточная и богатая прослойка собственников предприятий, фирм и менеджеров, владеют свыше 85% всех банковских вкладов и большей частью создаваемого ВВП.

Как измерить градус социальной напряженности между теми, кто представляет из себя «дешевую рабочую силу», и теми, кто больше всего выигрывает от ее эксплуатации? С высокими сред-

ненными данными об экономическом росте и повышении общего благосостояния населения резко контрастирует углубляющееся расхождение между городом и деревней, между богатством и бедностью, между относительно процветающим восточным и южным приморьем и отсталым Западом. Этот разрыв особенно остро сказывается на судьбах более чем 200 млн вчерашних крестьян, сельских жителей, которые в результате бурного роста промышленного и дорожного строительства лишились земли, жилищ. Не имея социальных гарантий, они вынуждены бродить по стране в поисках временной работы без особой надежды где-либо обосноваться и создать семью. В 2005 г., по сведениям прессы Сянган, произошло свыше 75 тыс. протестных выступлений крестьян.

Словом, цена реформ огромна. Но Китай достиг такой динамики развития, что остановить процесс реформ и модернизации невозможно. Он должен продолжать движение вперед по ухабистой дороге прогресса.

Куда поведет Китай новое поколение китайской элиты, в которой растущее влияние начинают оказывать несколько миллионов бывших воспитанников американских, западноевропейских, японских университетов? Эту элиту сегодня в большой мере составляет вестернизирующаяся прослойка молодых кадров и менеджеров, новых хозяев жизни, ее в массовом плане подпитывает около полумиллиона китайской молодежи, *ежегодно* обучающейся и стажирующейся на Западе. Их в Китае именуют *хайгуй*, то есть «вернувшиеся из-за моря», им открыты все двери для роста.

Ответы на перечисленные вопросы (а их число можно увеличить) чрезвычайно существенны для верной и взвешенной оценки выдающихся успехов, качества, внутренних и внешних последствий китайских реформ. В этой связи, прежде всего, необходимо выявить *движущие силы и условия дальнейшего прогресса Китая*, включая анализ благоприятных и неблагоприятных факторов такого прогресса. Тем более что в КНР подчеркивают, что *Китай стоит на новой стартовой позиции в своей истории*.

В 1940–1950-е годы в Китае говорили: «идти по пути русских», «СССР сегодня – наше завтра». В КНР эти лозунги стали достоянием архивных документов, но цель свершения величайшего социально-экономического эксперимента – построение «общества малого благоденствия» (*сяо кан*), «общества среднего благоденствия» и «гармоничного общества» (*хэсе шэжуэй*) – сохранилась. Именно об этом шла речь на XVI съезде КПК в 2002 г. и последующих пленумах ЦК КПК. Очевидно, что теперь Китай

идет своим путем. Проблемы экономической безопасности, диверсификации источников сырья и энергоресурсов, проблемы поддержания внутренней стабильности находятся в центре внимания китайских лидеров.

Одна из проблем связана с последствиями и влиянием реализации Пекином поставленных им перед собой грандиозных социально-экономических, политических и цивилизационных задач на внешний мир, в том числе на Россию. Этим определяется потенциал сотрудничества и соразвития между РФ и КНР. Одновременно рассмотрение этой проблемы дает возможность объективно представить трудности, препятствия и противоречия, которые могут возникнуть в этой сфере.

Итак, как китайское руководство реагирует на новые проблемы и противоречия, возникшие на пути дальнейшего продвижения реформ, в осуществлении которых наступил новый этап? Куда все-таки идет эта страна?

Следует отметить, что в конце 1990-х годов, то есть на завершающем этапе руководящей деятельности Цзян Цзэминя, лидеры страны после упоения успехами начали осознавать появление новых острых актуальных социально-политических проблем. Философия «черной и белой кошек» в какой-то мере перестала устраивать и левых, и правых, особенно новый мощный слой собственников и менеджеров. Авторитет более чем 70-миллионной партии оказался под угрозой. Нередкими стали беспрецедентные случаи выхода из партии. Партячейки в деревне фактически существовали лишь формально. Влияние и эффективность работы партийных комитетов и авторитет партии в целом подверглись серьезному испытанию.

В 2000–2001 гг. Цзян Цзэминь на совещаниях Политбюро ЦК КПК с особой остротой говорил об опасном размахе коррупции и угрозах внутренней стабильности страны. Борьба с коррупцией была объявлена одной из главных задач. В политику партии были внесены существенные поправки и приняты меры по расширению социальной базы Коммунистической партии.

Была дана новая трактовка идеологических, организационных и социальных основ КПК в виде концепции «трех представительств». Еще раз напомним, что согласно этой концепции, КПК выступает как партия, представляющая интерес развития передовых производительных сил, передовой культуры и защищает интересы абсолютного большинства народа. Эта новация отменила определение классового характера КПК как авангарда рабочего

класса и объявила ее партией «всего китайского народа и всей китайской нации».

За годы реформ в Китае произошла резко очерченная социальная стратификация общества, появился многочисленный и влиятельный класс собственников, управленцев и многомиллионная армия менеджеров. Постепенно складывается средний класс. В какой степени теория «трех представительств», которая признает китайскую буржуазию – владельцев предприятий и фирм, прослойку менеджеров этих предприятий участниками строительства «социализма с китайской спецификой» и открывает перед ними возможность вступления в коммунистическую партию, может удовлетворить растущие политические амбиции этих прослоек в обществе, влияние которых во всех сферах жизни страны неуклонно растет? Судя по проходящей подспудно дискуссии по этому вопросу, концепция «трех представительств» не вполне удовлетворяет новых хозяев жизни. С другой стороны, партийная номенклатура, приверженцы идей Мао Цзэдуна и сторонники неомарксизма рассматривают допущение капиталистов и представителей среднего класса в КПК как отступление от пути социализма, как уступку либерализму.

Было объявлено, что впредь КПК в своей деятельности будет строго придерживаться норм Конституции страны. В Конституцию были внесены положения, определяющие руководящую роль КПК в обществе и роль ее идеологии как руководящей идеологии китайского общества. Одновременно сделаны существенные дополнения по вопросам о собственности, которые в правовом и политическом смысле уравнивают общественно-государственный и частные виды собственности.

В эти же годы произошла в целом плавная смена руководителей третьего поколения во главе с Цзян Цзэмином руководящей командой, возглавляемой Ху Цзиньтао.

Обращают на себя внимание сложные и весьма противоречивые процессы, которые протекали в духовно-идеологической сфере Китая на фоне принципиальных изменений идейно-политических, социальных и организационных основ КПК и, следовательно, политики страны.

По мере продвижения реформ и политики открытости, сближения с Западом и осуществления де-факто курса на конвергенцию социальных систем возникла и стала усиливаться тенденция вестернизации, либерализации и коммерциализации всех сфер общественной жизни, культуры, системы образования и социальной

политики. Конфуцианские ценности уважения традиций, почитания родителей, законопослушания и сохранения иерархической системы внутригосударственных, внутрисемейных и межличностных отношений стали утрачивать свою действенность и замещаться либеральными идеями приоритета прав личности и индивида перед правами общества, коллектива и семьи. Серьезный ущерб традиционным культурным ценностям нанесли также анархистская идеология времен «культурной революции» и политика ограничения рождаемости.

Рост разложения общества, коррупция в органах власти, неэффективность бюрократии послужили поводом для выступлений части интеллигенции и студенчества за политические реформы, за ликвидацию монополии КПК на власть, за легальное создание оппозиционных партий и движений. Концентрированным выражением и пиком обострения борьбы стали известные события весны 1989 г., в том числе на площади Тяньаньмэнь, завершившиеся трагедией 4 июня 1989 г. Руководство КПК, как показали последующие события, учло уроки этих волнений.

Новая попытка легализации открытой политической оппозиции в Китае при активной закулисной поддержке США произошла в 1999 г., через 10 лет после событий на площади Тяньаньмэнь, в виде акций еретической буддийской секты «Фалуньгун». Секта была объявлена вне закона, ее лидеры скрылись в США и продолжают активную деятельность за границей, в том числе в России.

В конце 1990-х годов и начале XXI века рядом с официальной идеологией, выраженной формулой «марксизм-ленинизм – идеи Мао Цзэдуна – теория Дэн Сяопина – концепция трех представительств», в Китае сформировались более или менее четко еще три идейно-теоретических течения. Так или иначе, они признают руководящую роль КПК, но подвергают ее политику критике справа и слева.

Поскольку эти течения в большей или меньшей степени влияют на содержание идеологической платформы и политики КПК и правительства, стоит, очевидно, коротко сказать о них. Это тем более важно, что именно на их фоне наиболее рельефно вырисовываются основные тенденции и черты официальной идеологии и стратегии китайского руководства. Столь же выпукло проявляется и возможное влияние этих течений на будущее и Китая, и российско-китайских отношений.

Речь идет о китайском *либерализме*, *новом национальном патриотизме* и *неомарксизме* (течение «новых левых»).

Все эти течения, с одной стороны, фактически так или иначе сосуществуют с официальной идеологической доктриной, а с другой – выступают каждое со своими программными требованиями.

Что касается *либерализма*, то он духовно, финансово и информационно подпитывается Западом через многочисленные фонды, гранты для китайских ученых, преподавателей вузов, для многих сотен тысяч китайских студентов в университетах США, Европы, Японии. Китайские либералы отражают настроения и формируют идеологию новых собственников и части партийно-государственных кадров высшего звена, непосредственно связанных с бизнесом, с проведением рыночных реформ, политики открытости, созданием специальных экономических зон и тесно сотрудничающих с многочисленными иностранными компаниями в Китае.

Практическое влияние представителей этого идеологического течения в ходе реформ происходило волнообразно. Порой это течение приобретало доминирующее влияние, как это было во время премьерства Чжао Цзяяна, вплоть до 1989 г. События 1989 г. на площади Тяньаньмэнь сильно дискредитировали главных идеологов китайского либерализма. Наиболее влиятельные из них эмигрировали на Запад, премьер Госсовета Чжао Цзяян был смещен. Но это не означало полного краха китайского либерализма. Во-первых, кризис мировой социалистической системы и распад СССР дали либералам пищу для многих идейных постулатов, прежде всего для утверждений о том, что социализм – это утопия и тупиковый путь. Во-вторых, ряд основополагающих идей либералов в той или иной степени разделяли Дэн Сяопин и некоторые высшие партийные лидеры, включая Цзян Цзэминя. В-третьих, идеи китайских либералов об эффективности политики открытости и сотрудничества с Западом, необходимости правового уравнивания государственной и частной собственности, преобразования и акционирования крупной госсобственности, упор на развитие городов, полный отказ от административно-плановой экономики, заимствованной из практики СССР, и ряд других экономических установок и идей, действительно, эффективно работали на первоначальных этапах проведения реформы в Китае и принесли весьма позитивные результаты.

Вместе с тем эти идеи и установка на то, что рынок может сам по себе устранить трудности, что роль руководящей партии и государства должна с течением времени сокращаться, привели к обострению ряда серьезных социально-экономических и поли-

тических проблем. Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало порождению в Китае двух противостоящих китайскому либерализму течений. Каждое из них имеет свои социальные и гносеологические корни.

Первое можно условно назвать *национально-патриотическим*. В его основе лежит усиливающееся недовольство растущей экономической зависимостью КНР от Запада, прежде всего от США, разрушением китайских традиционных культурных ценностей под натиском западного образа жизни, потребительства, массовой культуры. Такие настроения достаточно широко распространены среди низовых слоев городских трудящихся, студентов, в низшем и среднем звеньях партийно-государственных служащих, низшей и средней части офицерского состава НОАК и милиции. Концентрированным выражением таких настроений и такой идеологии стала вышедшая в конце 1990-х годов книга «Китай может сказать “Нет!”», отражавшая разочарование молодого поколения китайской интеллигенции в американской демократии и политике США и Японии по отношению к возрождению Китая. Книга вызвала большой резонанс в стране и за рубежом, широкую дискуссию и инициировала целую серию аналогичных публикаций. Сегодня такие настроения распространены достаточно широко, хотя немалая часть общества придерживается противоположных взглядов. Согласно опросу, проведенному газетой «Хуаньцю шибао» совместно с Институтом США Академии общественных наук Китая в пяти крупнейших городах страны, свыше половины респондентов считают, что Вашингтон стремится препятствовать развитию Китая, в то время как примерно четверть респондентов в большей или меньшей степени готова к сотрудничеству с Америкой, а пятая часть считает США дружественной державой и даже стремится учиться у них.

Рост коррупции, резкое обострение имущественной дифференциации вследствие рыночных реформ, слабость системы социального обеспечения, труднодоступность качественного медицинского обслуживания для широких масс населения стали почвой для укрепления позиций другого течения – *неомарксистов*, или *новых левых*, отражающих взгляды многих представителей академической интеллигенции, особенно университетских профессоров и ученых-обществоведов, которые в прошлом были активными пропагандистами марксизма-ленинизма, опыта Советского Союза и идей Мао Цзэдуна.

ЦК КПК публично до сих пор не выразил своего отношения к этим течениям. Официальная линия позволяет тому или иному из этих течений в зависимости от приоритета решаемых задач более активно и явно участвовать в общем идеологическом диалоге. Однако при этом все они находятся под строгим наблюдением и контролем со стороны ЦК КПК.

Идеологическая линия руководящего тандема Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао и проводимая ими политика свидетельствуют о том, что они продолжают генеральный курс Дэн Сяопина с дополнениями, внесенными в него Цзян Цзэмином и нацеленными на проведение политики реформ и открытости в течение всего XXI века. Этот курс предусматривает построение в Китае «общества среднего благоденствия» (как начального этапа построения «социализма с китайской спецификой») и достижение уровня социально-экономического развития, сопоставимого с уровнем и качеством жизни экономически развитых государств. С недавних пор особое внимание обращается на построение в стране гармоничного общества, а во вне – на содействие гармонизации мира.

Учитывая новую ситуацию, команда китайских лидеров во главе с Ху Цзиньтао настойчиво ищет ответы на вызовы внутри и вне страны. Руководство КПК стоит перед необходимостью найти новые пути и средства, которые бы обеспечили продолжение мирного подъема страны и возрождение нации.

Можно кратко обрисовать основные контуры китайской стратегии и тактики нынешнего руководства КПК:

1. Продолжение политики реформ и открытости, гармонизация противоречий и сохранение в качестве стратегической задачи на XXI век строительства гармоничного общества, или «социализма с китайской спецификой». В тактическом плане в качестве первоочередной выдвигается задача построения к 2020 г. «общества среднего благоденствия», или начального этапа китайского социализма. Предполагается учетверить ВВП Китая по сравнению с 2000 г., довести его в среднем до 3000 долл. на человека в год, имея в виду, что в стране будет насчитываться около 1,5 млрд жителей. По оценкам российских и зарубежных экспертов, в период между 2020–2030 гг. по общим масштабам экономики КНР может догнать США.

2. Руководство КПК учло уроки событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и восприняло рациональные моменты критики политики КПК со стороны тех, кто указывал на социальную несправедливость и глухоту к чаяниям народа, порождаемые

рыночной ориентацией экономического курса партии. Вместо прежнего упора на наращивание объемов ВВП ныне подчеркивается, что в основе социально-экономического развития должны лежать интересы человека («человек – основа политики»), что реформы должны способствовать повышению благосостояния народа. Поэтому идея Дэн Сяопина о строительстве «общества малого благоденствия» (*сяо кан*) трансформировалась в значительной мере в идею *строительства гармоничного общества* на основе научной концепции развития, выдвинутой Ху Цзиньтао.

Вместо тезисов о поощрении обогащения первоначально отдельных групп или слоев общества выдвигается задача гармонизации и справедливого распределения социальных благ, «совместного обогащения». Политика преимущественного развития приморских городов и специальных экономических зон дополнена политикой подъема отсталых районов Внутреннего Китая, Западного и Северо-Восточного регионов. Недостаточное внимание к преодолению отсталости деревни и крестьянства сменяется более позитивной аграрной политикой, направленной на строительство новой социалистической деревни. Увеличиваются государственные инвестиции в аграрный сектор. Впервые за всю историю страны отменен сельскохозяйственный налог с крестьян. Разрабатывается долговременная программа урбанизации, которая порой носит радикальный характер и напоминает советские прожекты 1950-х годов по созданию агрогородов. Намечается постепенное создание системы социальных гарантий, прежде целиком отсутствовавших в китайской деревне. Возрастает внимание к резкому подъему уровней образования и здравоохранения на селе.

3. В целях сокращения технологической и экономической зависимости от иностранного капитала делается все больший акцент на развитие отечественных инноваций. Ставится задача построить «инновационное государство». В 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) намечено увеличить долю расходов на НИОКР в ВВП с 1,2% до 2%. В 2006 г. расходы по этой статье из центрального бюджета составили около 9 млрд долл. (рост на 19,2%). Особое внимание уделяется развитию фундаментальных наук. На целевые проекты, связанные с разработкой космических, энергетических проблем и нанотехнологий выделено свыше 19 млрд долл. Нынешнее китайское руководство укрепило также и Академию общественных наук, выделив более 100 млн долл. целевых средств на развитие исследований в области теории развития ки-

тайского общества. Создана Академия марксизма и научного социализма.

4. В КНР быстро развивается система высшего и среднего специального образования. В 2006 г. в вузы были приняты около 6 млн студентов. Общее число обучающихся в вузах достигло 23 млн человек. По этому показателю Китай занял 1-е место в мире.

О КОНЦЕПЦИИ УСИЛЕНИЯ МОЩИ, ВОЗВЫШЕНИЯ И МИРНОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Годы после XVI съезда КПК были временем развернутой реализации новой концепции развития страны по пути комплексной модернизации и индустриализации нового типа, поисков наиболее эффективных, отвечающих национальным особенностям и специфике КНР путей построения гармоничного общества, были временем продолжения и углубления политики реформ и открытости, значительного роста международного престижа страны. В целом Китай достиг значительного прогресса в реализации поставленных перед собой задач. С полным основанием можно утверждать, что в основном страна идет в ногу со временем стремительных перемен и громадных потрясений.

Начавшийся XXI век знаменуется ускоренным развитием мировой экономики, углублением процесса глобализации не только в хозяйственно-экономической сфере, но и в области культуры, международных отношений. Такое развитие, с одной стороны, предоставляет многим странам благоприятный шанс, например, позволяет Китаю и России раскрыть свой потенциал развития, вносить достойный вклад в мировую цивилизацию. Это требует дальнейшего совершенствования сотрудничества и взаимодействия двух великих государств не только между собой, но и с мировым сообществом в целом. С другой стороны, подобный процесс бросает серьезные вызовы будущему наших стран и многих развивающихся государств.

В докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК отмечалось: «Первые 20 лет XXI века, если говорить о Китае, – это период, в течение которого мы должны теснейшим образом взяться за свершение великих дел, потому что этот период создает для нас исключительно важный стратегический шанс»⁷.

Одна из особенностей нынешней международной обстановки, в которой происходит возвышение КНР, по оценкам китайских ученых, состоит в том, что государственные интересы всех крупнейших держав достигли высоких темпов взаимопереплетения и взаимозависимости. Между ними существуют отношения конфронтации и сотрудничества и вместе с тем потребность друг в друге. Их отношения – это сочетание острого соперничества, конкуренции и мирного сотрудничества. Ни одна из сторон не может вытеснить и заменить другую. Наладить всеобъемлющее гармоничное сотрудничество ныне пока не представляется возможным. Бесперспективна в нынешней ситуации и полная конфронтация. Поэтому Китай может воспользоваться этой ситуацией как благоприятным шансом, чтобы добиться возвышения своей страны. Только учитывая сложную диалектику международных отношений, КНР может обеспечить свою активную позицию⁸.

Эта система рассуждений, к которым прибегают китайские ученые, деликатно выражает мысль о том, что США, втянутые в целую сеть сложных внутренних и международных конфликтов и дел, заинтересованы в поддержке и сотрудничестве с Китаем и не готовы ныне к открытому обострению отношений с ним.

Следует признать, что политика реформ и открытости, проводимая Пекином в течение более чем четверти века, позволила стране достаточно глубоко и всесторонне адаптироваться к вызовам глобализации мировой экономики, запросам мировых рынков и глубинных тенденций развития человеческой цивилизации, успешно нейтрализовать возникающие в этой связи угрозы. Об этом свидетельствуют выдающиеся успехи страны в различных сферах и прежде всего в области экономики и международной политики. Более четверти века КНР лидирует в обеспечении высоких темпов роста ВВП, внешней торговли и золотовалютных запасов. С 1979 г. среднегодовые темпы роста составили 9,4%. Китай успешно преодолел последствия азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и выступил одним из главных факторов стабилизации региональной экономики в целом. Несмотря на трудности и стихийные бедствия, китайская экономика продолжает сохранять устойчиво высокие темпы роста.

В последние годы в политическом курсе Пекина и проведении экономической реформы все больший акцент делается на социальные и экологические аспекты развития. Одновременно с сохранением высоких темпов роста экономики относительно высокими темпами увеличивается потребление населения.

Крупнейшим достижением, которым заслуженно гордятся в Китае, является решение проблем нескольких предыдущих столетий: обеспечение питанием, жильем и одеждой самого многочисленного населения планеты, которое ныне, по оценкам экспертов, колеблется между 1,3–1,5 млрд человек.

По производству важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции КНР в течение последних лет уверенно занимает лидирующее место в мире. Авторитетные международные финансовые организации признают вклад страны в мировое развитие. По данным ООН, вклад Китая в рост мировой продукции превысил 15%. Это огромное достижение.

Развитие внешней торговли, активное продвижение на мировые рынки основных товаров стимулируют не только рост внешней торговли, но и быстрый рост золотовалютных запасов страны.

Китай создал исключительно благоприятный инвестиционный климат. Реформируется банковско-финансовая сфера, успешно создаются эффективные механизмы макроэкономического регулирования и системы социалистической рыночной экономики. По некоторым показателям Китай фактически не только догнал, но и перегнал многие высокоразвитые страны. Степень коммерциализации китайской экономики составила, по некоторым оценкам, более 70%, в то время как в высокоразвитых государствах она колеблется в районе 60%, хотя в целом Китай по-прежнему остается развивающейся страной с рыночной экономикой⁹.

Наряду с экономическим ростом Пекин серьезно укрепил свои международные позиции. Хотя по инерции западные и некоторые российские политологи нередко рассматривают Китай как региональную державу, на деле КНР начинает выступать как великая глобальная держава, влияние которой неуклонно растет. Весьма заметной является ее роль в различных экономических, политических и международных организациях. В этом плане Пекин эффективно, с выгодой для себя использует возможности, предоставляемые глобализацией, и успешно нейтрализует негативные аспекты этого процесса.

Китай – полноправный член крупных международных организаций, он также играет весомую и ключевую роль в важнейших азиатских объединениях – Азиатском банке развития, АТЭС и т.д. Если Россия, будучи крупнейшим евроазиатским государством, до сих пор не вовлечена в диалог «Азия – Европа» (АСЭМ), то КНР является одним из важнейших субъектов этой авторитет-

ной организации и выступает одним из инициаторов подключения к ней России.

Выдающиеся успехи Китая в различных сферах вселяют чувство гордости, укрепляют патриотические настроения китайской общественности.

Идея мирного усиления или возвышения Китая – *хэпин цзюэци* возникла отнюдь не по прихоти кабинетных идеологов. Она формируется на фоне бурного экономического роста совокупной мощи КНР, высоких темпов развития, углубления и расширения масштабов политики реформ и открытости. Концепция возвышения КНР – это развитие идеи возрождения страны, проявление роста национального самосознания, национальной самоидентичности, национальной гордости самого многочисленного народа на планете.

Эта идея отражает интересы абсолютного большинства китайского населения, она способна мобилизовать патриотические чувства самых широких слоев китайского этноса как на материке, так и на Тайване и среди китайской диаспоры. Концепция усиления и возвышения Китая отвечает также интересам китайского национального капитала, прежде всего крупного бизнеса, связанного с международными транснациональными корпорациями, как форма самоутверждения, высшая гарантия надежности.

Тезис об усилении и возвышении Китая как долговременной стратегии появился в выступлениях руководителей КНР и ведущих аналитиков в 2003 г. в качестве антитезы постулатам «о китайской угрозе» и «крахе Китая». На состоявшемся в апреле 2003 г. Азиатском форуме в Боао (о. Хайнань) этот тезис впервые получил всестороннее научное освещение в докладах китайской делегации. В том же году во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в США это положение впервые было высказано на высоком государственном уровне. Затем его включил в свое выступление генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао: «Китай будет твердо придерживаться курса мирного возвышения, курса самостоятельности и независимости внешней политики». В апреле 2004 г. на очередном Хайнаньском форуме Ху Цзиньтао вновь коснулся проблемы мирного возвышения китайского государства и подчеркнул: «Китай твердо будет придерживаться мирного пути развития»¹⁰.

Нынешний замысел возвышения государства имеет серьезные предпосылки в исторической памяти народа. Во-первых, Китай – носитель древнейшей современной цивилизации, внесшей огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. Во-вторых,

он является державой с самым многочисленным населением, значительной территорией и богатыми природными ресурсами. История страны свидетельствует о том, что в глубокой древности Китай, наряду с Грецией, Римом и Византией, арабским миром и Индией, являлся одним из крупнейших и древнейших центров мировой цивилизации. История страны насчитывает много периодов, когда государство в течение ряда столетий было влиятельнейшей в азиатском регионе державой. Империя Цинь Шихуана охватывала огромные пространства азиатского материка. В Танскую эпоху (VI–IX века н.э.) Китай был одним из самых высокоразвитых и процветающих государств мира. В XVIII веке во времена правления трех императоров Цинской династии Канси, Юнчжэна и Цяньлуна «в полиэтнической Цинской империи царил социальный мир, происходил рост экономики и расцвет культуры. Огромная феодальная империя обладала богатейшими ресурсами и многочисленным населением. К 1800 г. Китай по совокупности ВВП в 5 раз превышал ВВП Англии и Франции, вместе взятых. Урожай зерновых был достаточным, чтобы прокормить одну треть населения мира – 300 млн жителей Китая. Из 10 городов мира с населением свыше полумиллиона человек 6 городов тогда были в Китае»¹¹. «Цинский император Цяньлун претендовал на верховенство в этом регионе, выдавая себя за наследника империи Чингисхана. При правлении Цяньлуна границы Цинской империи расширились до Кашгарии на юго-западе...»¹²

Хранимые в исторической памяти китайского народа представления о былой славе страны и громадные нынешние достижения КНР дают основания для гордости и ставят задачу возрождения величия Китая. Следует особо подчеркнуть, что нынешняя постановка этой проблемы принципиально отличается от прошлых представлений о величии Китая и путях его достижения, которые выдвигались китайскими реформаторами во второй половине XIX века (Кан Ювэем, Ян Фу, Тан Сыгунюм, Сунь Ятсеном и его последователями в Гоминьдане). Нынешние лидеры КНР и китайские ученые ставят вопрос таким образом, что возрастание мировой глобальной роли Китая должно протекать мирно, с учетом интересов других стран, на основе сотрудничества и соразвития, уважения других цивилизаций и конструктивного диалога с ними. Таким образом, в современных условиях продвижение идеи усиления Китая, в отличие от прошлого, ведется так, чтобы не противопоставлять страну и ее культуру другим странам и цивилизациям.

Начало XXI века знаменуется активизацией усилий лидеров КНР в проведении политики подъема и усиления Китая. Это совпало со сменой руководящей команды правящей партии. К чести китайских лидеров, эта смена прошла бесконфликтно и демократическим путем. Новая команда более молодых высших лидеров страны, возглавляемая Ху Цзиньтао, продемонстрировала высокую политическую компетентность, профессионализм и преемственность в подходе к решению многих проблем. Вместе с тем она показала понимание возникших проблем и стремление к продолжению линии реформ с учетом новых реалий как внутри страны, так и на международной арене.

КНР достигла на пути усиления национальной мощи немалых успехов. Однако пока они не меняют коренным образом облик Китая как развивающегося государства, хотя создают фундаментальные предпосылки для новых коренных изменений и дальнейшего поступательного развития страны, качественного изменения уровня жизни населения.

Выступая на Азиатском форуме в Боао 2005 г. с докладом «Мирный подъем Китая и новая роль Азии», видный китайский ученый, председатель Китайского форума реформ и открытости Чжэн Бицзянь подчеркнул, что мирный подъем и мирное развитие Китая являются не только решением проблемы качественного изменения жизни страны с населением 1,3–1,5 млрд человек, но и вкладом в обеспечение развития современного мира, поддержание мира во всем мире.

Проблема мирного подъема Китая связана с преодолением трех видов фундаментальных противоречий, возникших в условиях глобализации.

Первое из них касается колоссального роста ресурсопотребления, прежде всего энергоресурсов. Невиданный рост потребностей страны в сырье привел к значительному взлету цен на нефть и к перемещению центра потребления энергии в Азию, в Китай. Вопрос обеспечения ресурсами становится коренным вопросом обеспечения планов мирного подъема страны.

Второе связано с той громадной ценой, которую приходится платить КНР за ускоренное развитие, прежде всего в сфере экологии. Быстрыми темпами происходит угрожающее жизни людей загрязнение окружающей среды и общее ухудшение состояния экосистемы. Устойчивое развитие КНР требует принципиальных изменений в подходах к методам потребления энергии, введения ресурсосберегающей системы экономического развития, трудной

и огромной воспитательной работы среди населения в духе норм экологической этики.

Третье противоречие порождается серьезным дисбалансом между экономическим и социальным развитием. Прежний акцент на экономический рост привел к серьезным разрывам в социальном развитии Китая, породил глубокую имущественную дифференциацию между богатыми и бедными, превысившую международные критерии, увеличению разрыва между городом и деревней, между индустриальным и аграрным секторами экономики, между быстро развивающимися приморскими районами и внутренними районами страны, объективно превратившимися в своеобразные квазиколонии, откуда выкачиваются природные, человеческие ресурсы и интеллектуальный капитал¹³.

Суммируя эти противоречия и сложные дилеммы, стоящие перед страной, Чжэн Бицзянь сказал: «Мы должны поддерживать высокие темпы роста ВВП, но одновременно поддерживать и высокие темпы социального строительства; необходимо продвигать вперед процесс совершенствования технологий и подъем уровня промышленности, однако в то же время должна быть увеличена и занятость; требуется поддерживать высокие темпы развития в восточной части страны, но одновременно необходимо принять меры и к стимулированию экономического развития центральных и западных районов; нужно ускорить процесс урбанизации, однако он должен способствовать и процветанию сельских районов; необходимо добиваться справедливости в перераспределении в целях сокращения разрыва между городом и деревней, однако это не должно оказывать негативного влияния на жизненные силы и эффективность экономики; необходимо привлекать еще больше иностранных инвестиций, однако их структуру следует оптимизировать; должен осуществляться обмен рынка на технологии, но необходимы и собственные инновации; процесс реформ требуется и далее углублять, но нужно сохранить и социальную стабильность; должна стимулироваться рыночная конкуренция, но внимание необходимо уделять и жизни тех, кто находится в сложном экономическом положении и т.д. Эти противоречия не могут разрешаться с креном в какую-то одну сторону. Нужна серия скоординированных мер, направленных на обеспечение быстрого и здорового развития»¹⁴.

Осознавая остроту обнажившихся противоречий и вызовов, в Пекине стремятся выработать соответствующую стратегию их преодоления.

Одним из элементов этой стратегии является выдвигание новой концепции развития и выработка новых подходов в решении проблем индустриализации, которые предусматривают отказ от индустриализации старого типа и инновационный путь развития с опорой на высокие технологии, экономическую эффективность, ресурсосбережение, охрану окружающей среды и использование сравнительных преимуществ.

Другим элементом стратегии подъема страны являются также пристальное изучение исторических уроков подъема и гибели великих держав в прошлом столетии, отказ от менталитета «холодной войны» и идеологизированной политики, максимальная адаптация к условиям экономической глобализации и использование предоставляемых ею шансов для завоевания новых внешних рынков и привлечения внешних инвестиций в Китай. Касаясь изменений в подходах к внешней политике, китайское руководство постоянно и неизменно подчеркивает, что «КНР не будет стремиться к гегемонии, не будет вести себя в качестве лидера, станет проводить самостоятельную независимую политику и не будет становиться чьим-либо сателлитом»¹⁵. Китай нацеливается на максимальное использование возможностей экономической глобализации, на учебу и извлечение выгоды из достижений общечеловеческой цивилизации, отбрасывая идеологические предвзятости и шаблоны.

Третий элемент стратегии связан со стремлением выдвинуть концепцию опережающего социально-экономического развития в виде теории и практики строительства «социализма с китайской спецификой», строительства гармоничного социалистического общества. В этой связи китайское руководство стремится взвешенно и поэтапно решать проблему укрепления внутренней стабильности общества с постепенной демократизацией различных аспектов политической жизни страны, повышения политической культуры и правосознания китайских граждан.

Все три элемента стратегического подхода Китая призваны в практическом плане реализовывать возможности и преимущества страны на современном этапе развития мира в условиях углубляющейся глобализации. К числу этих преимуществ относятся: огромный потенциальный рынок, гигантские людские ресурсы (численность населения Китая в городе и деревне в возрасте от 20 до 60 лет превышает 750 млн человек), социальная стабильность, высокие темпы экономического роста, успешное продвижение реформы экономической системы, расширяющиеся связи с внешним миром, базирующиеся на политике открытости,

широком привлечении иностранных инвестиций, иностранных специалистов и тщательном изучении и применении зарубежного опыта с учетом национальных условий, растущая конкурентоспособность ряда отраслей китайской индустрии и сельского хозяйства, постоянно совершенствующаяся инфраструктура и законодательная система, которая уравнила в правах государственную и частную собственность, максимальное использование традиций скромности и бережливости, позволяющие сохранять невиданно высокий уровень накопления – до 40%, способность привлечь в качестве инвестиционного резерва сбережения населения (объем инвестиций населения достиг в 2005 г. почти 1 трлн долл.), а также большой объем частного капитала как внутри страны, так и со стороны китайской диаспоры за рубежом.

Китайское руководство с пристальным вниманием относится к иностранному опыту экономического и политического строительства. Одна из причин успеха политики реформ и открытости заключается именно в способности учиться и применять опыт других с учетом национальной специфики, избегая механического копирования.

Выступая на круглом столе вышеупомянутого Азиатского форума в Боао, Чжэн Бицзянь заявил: «Изучение и использование международного опыта является обязательной, долгосрочной и объективной необходимостью для мирного подъема Китая. Однако мы полностью осознаем существование в этой сфере «четырёх вещей, которым учиться не следует»: во-первых, нам не следует копировать варварские акты развязывания войн с целью грабежа ресурсов других стран; во-вторых, нам не следует копировать менталитет «холодной войны» с его экспортом идеологии и системы ценностей и проведения блоковой политики; в-третьих, нам не следует копировать в процессе индустриализации такие действия, как чрезмерное потребление невозобновляемых ресурсов; в-четвертых, нам не следует копировать такие экспансионистские действия, как массовый экспорт эмигрантов и основание заморских колоний. Наша страна очень сильно пострадала в последние 100 лет, и мы понимаем вопрос следующим образом: нам не следует в наших собственных интересах делать ничего вредного для других. Как гласит китайская поговорка, 'не делай другим того, чего себе не желаешь'».

Китайская стратегия мирного подъема страны одной из важных своих политических целей считает «практическими делами опровергать широко распространяемый на Западе, а также в России тезис «о растущей китайской угрозе». В этом плане Пекин

ставит перед собой задачу вырастить и воспитать китайских граждан в духе таких взглядов на мир и будущее развитие КНР и человечества, которые бы не противопоставляли интересы Китая интересам других стран, а интегрировали бы его в мир, согласовывали его интересы с интересами других стран и народов и рассматривали развитие КНР в глобальном плане как процесс соразвития. Это выражается в том, что Пекин рассматривает собственный прогресс как расширение и открытие своего рынка для других государств, прежде всего стран Азии. Поэтому речь идет, как выражаются китайские эксперты, не о китайской экспансии, а об «универсальной взаимной экспансии» и мирном подъеме Китая, что означает для Азии и всего мира новые возможности для развития. Разумеется, это не исключает элементов конкуренции, не исключает соревновательности и борьбы за рынки и инвестиции. Справедливость подобного подхода подчеркивается тем, что, как уже отмечалось по данным ООН, мирный подъем Китая дает почти 1/6 мирового подъема экономики, он содействует развитию экономики стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Особо наглядно это проявилось в период валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. Новым подтверждением является углубляющийся процесс интеграции Восточно-Азиатского региона на базе концепции 10+3 (АСЕАН+Япония+Китай+Республика Корея), бурный подъем экономики Восточно-Азиатского региона. Важно подчеркнуть, что Китай и Корея не возражают против более глубокого вовлечения России в этот процесс. Более того, китайское руководство выразило готовность поддержать более активное участие РФ в интеграционном сотрудничестве в регионе. Что касается других стран, то Пекин также подчеркивает свою заинтересованность в участии в экономическом сотрудничестве и США, и ЕС, полагая, что это участие будет способствовать подъему регионального сотрудничества в Азиатском регионе и продвижению американских и европейских товаров.

Подъем Китая привел к колоссальному росту объемов внешней торговли КНР как с азиатскими странами, так и с европейскими странами. Все это говорит о том, что подъем Китая открывает для мирового сообщества обширнейший китайский рынок, создает новые рабочие места и возможности для развития других стран, выступающих в качестве экономических партнеров КНР.

Понятно, что политика усиления и возвышения КНР неизбежно, особенно на начальных этапах, будет сталкиваться с це-

лым рядом подводных камней как внутри самого Китая, так и на международной арене. Перед Пекином стоит задача активно пробуждать патриотические чувства своих граждан, укреплять национальное самосознание китайского народа в рамках концепции возвышения таким образом, чтобы эта идея вновь, как во времена Мао Цзэдуна, не толкнула национальное самосознание в сторону китаеццентризма, гегемонизма, ксенофобии и великодержавного шовинизма. Это могло бы нанести огромный ущерб Китаю на международной арене, его взаимоотношениям сотрудничества с другими странами.

Другой аспект состоит в том, что китайской дипломатии придется прилагать серьезные усилия к тому, чтобы освоить методологию и практику перехода от защиты только сугубо собственных национальных интересов к методологии и практике поиска баланса интересов, взаимного учета интересов других. Реализация провозглашенного XVI съездом КПК тезиса о соразвитии позволит Китаю укреплять свои позиции на мировой арене и добиваться взаимопонимания с другими странами именно на позициях мирного сотрудничества и соразвития.

Опыт Советского Союза и исторические уроки его дезинтеграции свидетельствуют еще об одном подводном камне мирного возвышения. Политика возвышения, в том числе и мирного, а именно этого курса придерживался в целом и СССР, при тех или иных поворотах ситуации может столкнуться с серьезными трудностями и стать тяжким бременем и препятствием для решения внутренних насущных проблем. Риск связан с тем, что возможное нарушение баланса между внутренней и внешней политикой в пользу амбициозности внешней ведет к росту международных обязательств и усилению вовлеченности в международные проблемы. До последнего времени Китай в высшей степени осторожно относился к этой опасности. Неоправданные обязательства, как это произошло с Советским Союзом, привели к резкому изменению акцентов в политике страны, к ослаблению внимания к решению внутренних проблем и чрезмерному вниманию к обеспечению внешних амбиций и внешних обязательств, возникающих из концепции возвышения или обеспечения и поддержания национального величия.

Трудности в осуществлении политики усиления мощи и возвышения могут возникать и возникают в результате неадекватного восприятия действий и целей Китая его соседями и международной общественностью из-за недостаточного взаимопонимания и информации.

Высокие темпы экономического развития КНР и рост ее совокупной мощи вызывают у соседей и конкурентов неоднозначную реакцию и опасения. Это активно используется определенными кругами на Западе, в Японии и даже в России для некоего обоснования тезиса о так называемой китайской угрозе. Думается, в Пекине понимают, что стоит за этими опасениями и раздуваемой определенными кругами пропагандой тезиса о «китайской угрозе».

Руководящие деятели КНР решительно отмежевываются от политики гегемонизма и великодержавия. Более того, на XVI съезде КПК была подчеркнута идея о том, что рост мощи и влияния Китая отвечает интересам мирного развития и становится фактором международного соразвития. Свои заявления Пекин подтверждает делами. Действительно, уже неоднократно упоминавшиеся события, связанные с валютно-финансовым кризисом 1997–1998 гг., продемонстрировали готовность КНР ради общих интересов развития и поддержания стабильности экономик стран Юго-Восточной Азии пойти на определенные экономические жертвы. И другие действия КНР на международной арене, в ООН также подтверждают принципиальный подход Китая к мирному возвышению на основе сотрудничества и соразвития.

Идейно-философской основой создания внешнего благоприятного образа Китая выступает идеология конфуцианского гуманизма, терпимости, сотрудничества, традиционного миролюбия и идеи построения гармоничного «общества малого благоденствия» (*сяо кан*). Широкое распространение получил конфуцианский тезис о «единении без унификации» (*хэ эр бу тун*)¹⁶.

Идея усиления, возвышения Китая имеет многоцелевое назначение. Она выступает как стратегическая национальная идея возрождения Китая. Эта идея позволяет КНР выступать ревнителем как сближения и диалога цивилизаций, так и сохранения культурного многообразия.

Бесспорным фактом является то, что развитие Китая по пути мирного возвышения, нравится это кому-либо или нет, безусловно является исключительно важным историческим явлением, которое имеет огромное общемировое значение.

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ

1 Китай как одна из крупнейших, быстро поднимающихся к экономическому и культурному процветанию держав мира оказывает постоянно растущее позитивное влияние на развитие современного мира и на будущее человечества. Анализ и раскрытие международного значения китайского опыта модернизации, опыта решения сложнейших социально-экономических проблем в стране с населением, приближающимся к полутора миллиардам (более 23% населения земного шара), имеет не праздное, а глубокое теоретическое и практическое значение. Хотелось бы поделиться размышлениями о международном значении китайского опыта модернизации, о подходах Пекина к выбору модели развития, отвечающей историческим особенностям страны и интересам народа.

Какие критерии мы берем в качестве основы для определения международного значения нынешнего опыта модернизации и развития КНР?

Во-первых, это место, роль, масштабы и значение решаемых в ходе модернизации и проведения политики реформ и открытости социально-экономических, научных, политических, правовых и военно-политических задач.

Во-вторых, соответствие стратегии, тактики и конкретной политики модернизации интересам качественного подъема уровня благосостояния, социальной защиты абсолютного большинства населения КНР и создания условий для развития способностей человека, обеспечения прав личности.

В-третьих, содействие стратегии и тактики модернизации развитию демократических институтов в стране и поэтапному совершенствованию политической системы Китая.

В-четвертых, решение в ходе модернизации задач сохранения и улучшения качества окружающей среды, оздоровления условий жизнедеятельности человека.

В-пятых, соответствие стратегии, тактики и конкретных политических установок КПК сохранению и одновременно развитию на новом уровне материальной, духовной и политической культуры

и тем самым содействие диалогу культур в мире, сохранению и развитию культурного многообразия в глобальном масштабе.

В-шестых, соответствие модернизации Китая, превращения КНР в современную могучую державу интересам укрепления всеобщего мира, безопасности, глобального развития.

И наконец, в-седьмых, важным критерием является ответ на вопрос, насколько опыт модернизации Китая и решения им глубоких внутренних и международных противоречий создает для стран развивающегося мира не только живой пример, действующую модель модернизации, но и открывает для них широкое поле сотрудничества с КНР. Китайский опыт может стать основой для решения проблемы преодоления разрыва между развитым Севером и развивающимся Югом, преодоления монополии «золотого миллиарда» в мире.

2. Исходя из названных, естественно, далеко не всех возможных критериев оценки международного значения китайского опыта модернизации, перед исследователями возникает также ряд довольно сложных проблем, требующих углубленного изучения.

Например, нередко в статьях зарубежных аналитиков ставятся следующие вопросы: не приведет ли рост могущества КНР к коренному изменению, по примеру США, политики страны, переходу на платформу «позиции силы», действиям по принципу: «око за око, зуб за зуб», выставлению счетов по старым обидам и, в конечном счете, возникновению ситуации новой «холодной», а возможно, и «горячей» войны? Именно этот тезис используется для раздувания «китайской угрозы».

Может ли китайский опыт модернизации и поставленная КПК долговременная цель построения в Китае сначала общества среднего благосостояния, а затем социалистического и коммунистического общества стать альтернативой гегемонии либерализации, индивидуализации, «конца истории»?

В какой степени социально-экономический опыт Китая и его внешнеполитический курс, предусматривающий тесную взаимосвязь борьбы за мир, против гегемонизма с решением задач соразвития, способен обеспечить сохранение и расцвет многообразия культур разных народов, преградить путь к тотальной вестернизации культур и тем самым предотвратить «столкновение цивилизаций»?

Хотелось бы подчеркнуть мысль о том, что всестороннее раскрытие международного значения опыта модернизации Китая затрагивает проблемы, стратегически значимые не только для КНР, но и для абсолютного большинства человечества, ищущего

с разной степенью успешности решения тех же проблем, которые уже решил, решает и будет решать великий Китай.

Что касается вопроса о том, что рост могущества КНР якобы угрожает соседним странам, то в Пекине, судя по всему, учитывают эти настроения. Принципиальная позиция Китая, неоднократные заявления в официальных документах о том, что КНР, даже став современной могучей страной в экономическом и других отношениях, не будет стремиться к гегемонизму и проведению сверхдержавной политики с позиции силы, безусловно, укрепляют моральный авторитет внешней политики страны. Мы с удовлетворением отмечаем, что антигегемонистские принципы политики Китая, постепенно становящегося все более влиятельной глобальной державой, последовательно институционализируются (*чжиту хуа*) в Конституции КНР, Уставе КПК, во внешней и военной доктрине. В документах XVI съезда КПК эта политическая линия сформулирована так: «Решать международные дела согласно курсу на хладнокровное наблюдение и сдержанную реакцию и в соответствии с духом взаимного уважения и изыскания общего при сохранении разногласий».

Китай сделал свой выбор. Только на путях успешного проведения комплексной модернизации, углубления политики реформ и открытости, неуклонного наращивания совокупной национальной мощи, укрепления сплоченности и стабильности китайского общества, поддержания высокой обороноспособности НОАК КНР сможет предотвратить попытки извне помешать стране идти избранным путем строительства «социализма с китайской спецификой».

Китайский политолог из Шанхая Сяо Гунцин так интерпретирует необходимость сдержанности во внешних делах: «Экономическое сотрудничество с самой могучей державой мира – США и мирное сосуществование с Западом являются неотъемлемым внешним условием прогресса в деле модернизации Китая»¹⁷. Разумеется, провозглашение политического партнерства, к сожалению, из-за односторонних действий Вашингтона и его практики двойных стандартов не снимает проблему сдерживания гегемонистских поползновений США в отношении Китая, что наглядно проявляется в подходах Вашингтона к тайваньской проблеме, в попытках навязывания американских стандартов демократии, прав человека, поддержании тибетских сепаратистов и т.д.

Другой китайский ученый Тан Шипин реалистически комментирует идею о международной ответственности КНР: «Китаю в процессе превращения в ответственную великую державу необ-

ходимо брать на себя лишь такую долю ответственности, которая принимается другими государствами и поддерживается ими. И ни в коем случае не стоит ради создания определенной репутации принимать на себя ответственность, в которой нет необходимости. Фактически лишь взяв обязательства, принимаемые и поддерживаемые другими странами, можно создать себе имидж подлинно ответственной великой державы»¹⁸.

3. Китайское руководство уже сегодня ведет работу, направленную на то, чтобы становление Китая в качестве могучей современной державы не воспринималось в мире, особенно соседними странами, как потенциальная угроза их безопасности. Путем тщательной и высокопрофессиональной дипломатии сотрудничества, укрепления взаимопонимания между Китаем и его партнерами, налаживания широчайших гуманитарных контактов, не ограничиваясь деятельностью государственных чиновников разных рангов, Пекин укрепляет взаимное доверие и взаимопонимание с другими народами.

Внутри страны ведется всесторонняя воспитательная работа среди китайского народа с тем, чтобы патриотические чувства и гордость по поводу достигнутых успехов адекватно воспринимались населением как итог не только собственных громадных усилий и самоотверженного труда многих поколений, но и как результат многостороннего сотрудничества с народами других стран, заимствования их опыта и творческого применения его в условиях Китая, словом, как *результат соразвития и широкого международного сотрудничества*. В этом свете заслуживает высокой оценки вывод XVI съезда КПК, в документах которого задачи борьбы за мир увязываются с обеспечением условий для соразвития. «По-прежнему проводя самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, защищать мир во всем мире, стимулировать совместное развитие» – так сформулировано одно из положений, говорящее об основном историческом опыте КПК.

4. По прогнозам, КНР превратится к 2020 г. в самую большую торговую страну Восточной Азии. Валютно-финансовый кризис в Азии 1997–1998 гг. показал огромное значение растущей китайской экономической мощи для поддержания экономической стабильности и устойчивого развития экономики Восточной и Юго-Восточной Азии. США и Япония обратились с призывом к КНР принять меры для предотвращения дальнейшего углубления кризиса, который, как известно, был спровоцирован действиями крупного спекулятивного капитала США. Если бы Китай руко-

водствовался лишь своими эгоистическими интересами получения максимальной выгоды от сложившейся ситуации, то он мог бы девальвировать юань, что дало бы ему огромные выгоды в конкуренции с производителями ширпотреба стран ЮВА, но экономику стран ЮВА в этом случае ждала бы настоящая катастрофа. Пекин учитывал общую ситуацию и предпочел чистой экономической выгоде политические дивиденды – укрепление доверия к КНР в мире, хотя ему пришлось положить на алтарь стабилизации многие десятки миллиардов долларов.

Для развивающихся стран особое значение имеет опыт адаптации Китая к экономической глобализации, его умение использовать предоставленные глобализацией шансы для своего развития. Как известно, КНР в сотрудничестве с другими странами и народами выступает за сохранение культурного, цивилизационного и политического многообразия мира, содействует становлению многополярности в мире и нового демократического справедливого миропорядка. В этом смысле современный цивилизационный и социально-политический опыт Китая объективно превращается в альтернативу либеральным концепциям «конца истории», «столкновения цивилизаций», открывает перспективу развития истории, перехода к конструктивному диалогу и *глобальной концепции соразвития*.

Некоторые западные и китайские политологи, применяя чисто технократические критерии оценки совокупной мощи той или иной страны, берут в расчет лишь экономические и военные показатели, игнорируя роль морально-политических и культурно-цивилизационных факторов. Следуя этой схеме, Китай рассматривается в лучшем случае как влиятельная *региональная держава*. Аналогичное место, но ниже, согласно этой табели о рангах, эти политологи отводят России, Индии, Бразилии. Думается, что деление стран согласно упомянутым критериям призвано морально и идейно разоружить весь развивающийся мир, идеологически обосновать непоколебимость и долговечность господства одной сверхдержавы и принизить роль других стран, выстроить весь остальной мир в шеренгу под командованием единственной сверхдержавы – США.

Еще великий русский политический деятель и полководец XIII века Александр Невский сказал: «Не в силе Бог, а в правде». Эта политическая доктрина сыграла выдающуюся роль в истории России и Советского Союза, в победе в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Справедли-

вость этих слов многократно подтверждалась борьбой других народов за свою свободу и независимость против значительно более сильного в военном и экономическом отношениях противника, который не имел высоких целей, отвечающих чаяниям народов и требованиям эпохи.

КНР в настоящее время не только по численности населения и масштабам территории, но и по совокупной экономической, культурной и военной мощи, по силе морально-политического примера и опыта успешного решения самых сложных проблем развития и преодоления отсталости завоевала высокое уважение во всем мире, становится великой развивающейся державой, идущей по пути превращения в новую сверхдержаву.

Китайский опыт преодоления отсталости дает надежду и вдохновение малым странам и народам со временем превратиться из объектов политики стран «золотого миллиарда» в равноправных субъектов и партнеров. Этот пример имеет не меньшее влияние, чем экономическая мощь и военная сила.

Драматический исторический опыт развития социализма свидетельствует о том, что классики научного коммунизма – К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин и их единомышленники – поспешили лишить пролетариат национальности и отечества. Национальные особенности и традиции, принадлежность к тому или иному этносу, к тому или иному типу культуры, как оказалось, являются долговременной и постоянной константой социальной жизни всех слоев, включая рабочий класс, и играют очень важную, порой, решающую роль.

Только социализм, укорененный в национальную почву и учитывающий специфику страны, ее исторические традиции, как и любая идея, имеет достаточные жизненные силы для произрастания и преобладания в качестве альтернативы капиталистическому обществу. Объективный процесс глобализации, развивающийся в тесной связи с расширением мировых потоков капиталов, фактически создает экономические и международные предпосылки конвергенции, взаимодействия новой и предшествующей социальных формаций.

На фоне переживаемого после распада СССР глубокого кризиса и стратегического отступления социализма в глобальном масштабе далеко идущее историческое значение имеют подтверждение Китаем социалистического выбора как цели модернизации и выработка оптимальной модели решения социально-экономических и цивилизационных противоречий внутреннего

и международного развития страны. Выбор цели определил и выбор руководящей идеологии, сочетающей преемственность (марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна) и обобщение нового опыта модернизации, проведения политики реформ и открытости в условиях глобализации (теория Дэн Сяопина и концепция «трех представительств»). На основании обобщения уроков развала мировой соцсистемы и распада Советского Союза китайские коммунисты выработали творческую методологию преодоления теоретического застоя и идейных кризисов, конкретизировали политику укрепления руководящей роли КПК и ее теснейших связей с массами и всеми социальными слоями общества.

В условиях глубочайшего кризиса и стратегического отступления социализма КПК взяла на себя задачу сохранить и развивать социализм в соответствии с требованиями эпохи и возникшими новыми историческими шансами. Выдвинутая Дэн Сяопином теория строительства китайского социализма предотвратила вытеснение социализма с исторической арены, предложила социалистическую альтернативу либеральной модели «конца истории». Одновременно Китай вместе с Россией, Индией и рядом других развивающихся стран активно выступил за уважение многообразия мира, за демократизацию международных отношений, за конструктивный диалог цивилизаций, тем самым способствовал созданию альтернативной платформы курсу на столкновение цивилизаций в ходе всеобщей вестернизации, альтернативы однополярному миру – мир многополярный, многоцветный, в котором большие и малые страны и народы будут иметь право собственного выбора условий для соразвития и сопроцветания.

Переосмысление социализма в Китае наглядно проявилось в политике реформ и открытости. Прежним взглядам, сводившим реформы к чисто эволюционному пути, политическому и идеологическому оппортунизму или к насильственной революции, китайские теоретики противопоставили идеи о том, что *реформа – это мирная революция*, ведущая к коренным изменениям положения социальных слоев, личности, политическому совершенствованию общественной системы, росту политической культуры масс. Как пишет известный китайский ученый Ли Цзинцзе, «социализм и реформы – тема всемирного значения, она сохранится долгий период времени и затронет множество людей»¹⁹.

5. Касаясь экономических аспектов опыта модернизации, следует указать на опыт сочетания в ходе осуществления экономической реформы требований соблюдения качества жизни населения и эко-

номического роста. Руководство КПК обобщило многолетний опыт и уроки экономических реформ. В результате оно пришло к выводу, что односторонний экономический рост, не согласованный и не увязанный с решением кардинальных социальных, экономических, национальных, межрегиональных и экологических проблем, не может носить здоровый характер. Экономическое развитие, темпы экономического роста прежде всего должны учитывать человеческий фактор и согласовываться с интересами комплексного долговременного, гармоничного развития и качества жизни населения, ресурсами и окружающей средой. Только продолжение такого курса реформ обеспечит и в дальнейшем широкую поддержку политики КПК, политику реформ со стороны всего народа. Только такой подход обеспечит стабильное гармоничное развитие всех аспектов материальной, духовной и политической культуры Китая.

Важнейшим вкладом в экономическую теорию является концепция сочетания *государственного макрорегулирования и рынка*. В Китае это называется созданием социалистической рыночной экономики. В последние годы своей жизни Дэн Сяопин указал, что плановость и рыночные конкурентные отношения являются механизмами развития экономики страны, а отнюдь не принципообразующими критериями капитализма или социализма. Плановость широко используется капитализмом, социализм должен широко использовать рыночные механизмы конкуренции, соревновательности для стимулирования общественной и индивидуальной активности в развитии экономики. Негативные социальные аспекты рыночных механизмов должны корректироваться с помощью целенаправленной регулирующей экономической политики и макроконтроля со стороны социалистического государства.

XVI съезд КПК и 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва углубили теорию Дэн Сяопина по проблемам развития, роли партии и государства, что имеет важное значение для Китая и дает важный исторический поучительный опыт для стран, решающих проблемы экономической и культурной отсталости, ищущих эффективные пути экономического и социального возрождения. Этот опыт весьма ценен для России и стран СНГ.

б. Политика открытости, надо полагать, помимо чисто экономических соображений, возникла на основе переосмысливания органической взаимосвязи капитализма и социализма, понимания необходимости освоить производственную и политическую культуру, созданную капитализмом. Эта политика преодолевает идеологическую предвзятость. В свое время К. Маркс, Ф. Энгельс,

В.И. Ленин многократно подчеркивали, что капитализм создает главные материальные, культурные и цивилизационные предпосылки для построения нового, более справедливого общества. Однако в действительности в прошлой практике СССР и Китая изучение опыта хозяйствования и культуры развитых стран Запада оттеснялось на второй план жесткой идеологической борьбой против буржуазной идеологии и культуры.

Следуя тезису о реалистическом подходе, Дэн Сяопин подчеркивал: «Если не проводить политику открытости, значит, вновь отгораживаться от внешнего мира. Значит, потребуется не менее 50 лет на то, чтобы достигнуть уровня развитых государств»²⁰.

В докладе по случаю 80-летия КПК Цзян Цзэминь изложил новый взгляд КПК на место, которое занимает социализм и капитализм в процессе развития мировой цивилизации в целом и в социально-экономическом и цивилизационном развитии каждой отдельной страны. «...Многообразие цивилизаций представляет собой основную особенность человеческого общества и является движущей силой прогресса цивилизации. Необходимо уважать историческую культуру всех стран, их общественный строй и модели развития, признавать реальность многообразия мира. Различные цивилизации и общественные формации мира должны находиться в длительном сосуществовании, в конкурентном соперничестве, заимствовать лучшее и восполнять свои пробелы, находить общее, несмотря на существующие различия. Только в этом случае КПК будет должным образом развиваться»²¹.

Китайский исследователь России Ли Цзинцзе дает научный комментарий этой новой концепции взаимоотношений социализма и капитализма. «В прошлом в течение довольно длительного времени люди упрощенно делили мир на социалистический и капиталистический, на мир белых и черных (здесь – в смысле мир положительный и отрицательный, а не деление людей по цвету кожи. – М.Т.). Это деление не было научным, оно не соответствовало реальности развития мира. В обозримом будущем взаимоотношения между социализмом и капитализмом будут не просто отношениями, характеризующимися словами «кто победил кого» или «кто заменил кого»²².

По своей сути это подход к симфоническому взаимодействию цивилизаций и культур, который впервые был выдвинут еще в 1920-е годы основоположниками российских идей евразийства и космизма Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, К.Э. Циолковским, а затем развит в работах сторонников нового евразийства

(Л.Н. Гумилев, Н.Н. Моисеев и др.). Автор также является активным сторонником этих идей.

Приверженцы евразийства 1920–1930-х годов особое внимание обращали на опасность сплошной вестернизации русской культуры. Механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономического и государственного строительства ведут к размыванию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставят национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные «измы» в рамках либерализма и индивидуализма. Сторонники нового евразийства раскрывают значение равноправного диалога различных культур, который прокладывает самый продуктивный путь взаимной учебы, взаимообогащения и соразвития культур всех народов и стран, открытость всем лучшим достижениям науки, культуры, в подходе к выбору путей развития и укорененность в национальную историю – вот стержневая идея современного евразийства.

Успехи экономической реформы и политики открытости сделали Китай своего рода образцовой моделью развития модернизации в условиях многоукладности и неравномерности уровней экономического развития различных регионов страны.

Дэн Сяопин сделал вывод о том, что решение задачи построения социализма в КНР займет длительное время, целую эпоху: «Хотя сейчас говорят, что и мы строим социализм, однако фактически для этого у нас нет оснований. Только к середине следующего столетия (то есть к середине XXI века. – *М.Т.*), когда будет достигнут уровень среднеразвитых государств, только тогда можно говорить, что мы действительно строим социализм, только тогда мы сможем уверенно и смело говорить, что социализм превосходит капитализм. Сейчас мы идем в этом направлении»²³.

В конце XX – начале XXI века эти идеи получили воплощение и развитие в концепции «трех представительств», официально провозглашенных в речи Цзян Цзэминя по случаю 80-летия КПК, с учетом этого дана новая интерпретация задачи КНР во внешней политике. В речи Дэн Сяопина на открытии XII съезда КПК (1982 г.) эта задача формулировалась, как «борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире...»²⁴. Это давало основание полагать, что свой интернациональный долг КПК сводит лишь к усилиям в сфере безопасности и сохранения мира во всем мире. На XVI съезде КПК в выступлениях и Цзян Цзэминя, и Ху Цзиньтао основные задачи китайского народа и КПК на между-

народной арене получили более расширенное толкование. Они были дополнены очень важным компонентом – «содействие со-развитию». Этот вывод имеет большое международное значение и является серьезным развитием теории научного социализма, серьезным шагом в реализации задачи превращения социализма из утопии в науку и практику.

7. Увязка идеи социализма со спецификой страны потребовала переосмысления системы интернациональных и национальных компонентов идеологии и политики КПК. Китайские руководители однозначно заявили об абсолютном приоритете национальных интересов и развития собственной страны, приоритете «независимости, самостоятельности и опоры на собственные силы», недопущения ущемления своих интересов. Именно такие принципы, как заявил Дэн Сяопин, были и будут исходной позицией деятельности КПК²⁵.

На основе этих идей произошло оздоровление всей жизнедеятельности КПК как партии, выражающей, отстаивающей и проводящей в жизнь интересы абсолютного большинства граждан КНР и китайской нации в целом.

Выступая на открытии XII съезда КПК, Дэн Сяопин в краткой формуле обобщил извилистый путь социалистической революции и социалистического строительства в Китае со времени VIII съезда КПК (1956). «При осуществлении дела модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая. Как в революции, так и в строительстве нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран. Однако на одном лишь копировании зарубежного опыта и слепом подражании иностранным образцам далеко не уедешь. В этом отношении у нас немало поучительных уроков. *Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны* (выделено мною. – М.Т.), идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая – таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта»²⁶.

Следует еще раз подчеркнуть, что раскрытие международного значения опыта модернизации, политики реформ и открытости, реализуемых в Китае, имеет исключительное значение для прогнозирования развития будущего мира. Причин тому много, главные из них следующие.

Во-первых, несмотря на серьезное поражение и отступление, социализм как субъект мировой цивилизации, благодаря Китаю, Кубе и СРВ, продолжает существовать, переосмысливает свой

опыт, извлекает уроки из ошибок прошлого, формулирует и реализует свои стратегические цели и задачи в новых условиях. Именно это является одним из центральных направлений теоретической деятельности КПК.

Во-вторых, стратегическое значение для будущего развития современной цивилизации имеет тот факт, что КНР в условиях экономического, военного, научно-технического и политического доминирования одной сверхдержавы демонстрирует развивающемуся миру, составляющему большинство человечества, альтернативный путь развития и соразвития в интересах абсолютно большинства населения.

В-третьих, Китай активно содействует диалогу цивилизаций, предотвращению «столкновения цивилизаций», строительству многополярного мира, созданию справедливого демократического порядка в международных отношениях.

В-четвертых, отстаивая принципы мирного сосуществования и демонстрируя уважение выбора каждого народа, Китай создает стабильную основу сотрудничества со всеми странами, подлинный фундамент для осуществления всесторонней политики открытости.

Именно такой подход заложил прочные основы для укрепления добрососедства, дружеских отношений сотрудничества, стратегического партнерства и взаимодействия между РФ и КНР. Эти принципы закреплены в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном в Москве 16 июля 2001 г. Модель российско-китайских связей – это вклад в теорию и практику международных отношений в условиях глобализации, вклад в теорию и практику международного права.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КНР И ВОПРОСЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Огромная численность населения Китая – суть его демографической проблемы. За годы существования КНР население на ее территории увеличилось с 542 млн человек до 1 млрд 350 млн человек – почти в 2,5 раза. Проводившийся Мао Цзэдуном курс «многочисленное население – большая сила» привел к тому, что в конце 1950-х годов прирост населения страны в целом достиг

40%. На 1966–1976 гг. приходится самый мощный в истории Китая демографический взрыв, когда в течение 10 лет население страны ежегодно увеличивалось в среднем на 19–20 млн человек.

Многочисленное население Китая имеет как позитивные, так и негативные аспекты, влияющие на развитие страны, ее внутреннюю и внешнюю политику. *Позитивный аспект* наличия многочисленного населения с экономической и военной точек зрения состоит в том, что КНР обладает фактически неисчерпаемым потенциалом трудоспособной, дисциплинированной и в целом физически выносливой и относительно здоровой рабочей силы, огромным военно-мобилизационным потенциалом. Население страны является по своему возрастному составу одним из самых молодых. Лица моложе 64 лет превышают 2/3 населения. Лица пенсионного возраста составляют менее 10%. Реально занимается трудовой деятельностью, включая полностью или частично безработных, 717 млн человек. Ратуя за проведение разумной политики ограничения рождаемости, Дэн Сяопин в марте 1979 г. отмечал: «Большое население имеет как положительные, так и *отрицательные стороны* (выделено мною. – М.Т.): в условиях недостаточно развитой экономики обостряются проблемы питания, образования и трудоустройства, необходимо усилить меры по планированию рождаемости, однако даже в случае успеха проблема будет оставаться еще некоторое время»²⁷.

Ликвидация народных коммун и переход на семейный подряд в деревне привели к тому, что почти 200 млн трудоспособных жителей деревни не имеют постоянной работы и превратились в мигрирующую по стране рабочую силу. 70% населения, то есть около 945 млн человек, крайне скученно проживают на менее чем 40% территории страны в бассейнах трех рек – Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян (Жемчужная).

Антропогенное давление на этот регион столь велико, что, по признанию китайских экологов, большая часть территории этих районов утратила способность к саморегенерации, более чем в 80% водоемов вода непригодна не только для употребления в пищу, но даже для технических целей. Река Хуанхэ в зимний и летний период нередко не доходит до устья. Все население бассейна Хуанхэ (около 300 млн человек) испытывает острый недостаток питьевой воды и воды для орошаемого земледелия. Для решения этой проблемы руководство страны вынуждено было, вопреки сильному сопротивлению населения, живущего в бассейне реки Янцзы, и большинства интеллигенции страны,

принять грандиозный план строительства комплекса гидросооружений в районе 3-х ущелий – Санься. Подъем уровня воды этой одной из крупнейших рек мира почти на 400 м приведет к затоплению огромных территорий исторического проживания ханьцев и национальных меньшинств в провинции Сычуань. Происходит принудительное переселение почти 2 млн жителей района затопления. Под воду уйдет целый пласт истории китайского народа с уникальными историческими памятниками. В ближайшие годы планируется завершить строительство этого гидроузла. Осуществляется еще один не менее грандиозный проект переброски вод южных рек Китая на Север в районы Пекина, Тяньцзиня, Цзинани, Сианя и других городов, расположенных южнее Великой китайской стены и в бассейне р. Хуанхэ.

Наличие значительной избыточной рабочей силы в деревне позволяет формировать многочисленные трудовые армии для быстрого и сравнительно дешевого осуществления грандиозных строительных проектов. Среди этих проектов значится также строительство многополосных высококлассных шоссейных трасс, соединяющих Север и Юг, Восток и Запад Китая, столицу КНР со всеми крупными городами и провинциальными центрами.

Завершено строительство самой высокогорной железнодорожной электромагистрали в мире из центра страны в столицу Тибета Лхасу. Сотни километров этой трассы проходят на высоте, превышающей 4500–5000 м.

Таким образом, китайское руководство намерено превратить чрезмерную многочисленность населения в активный фактор экономической модернизации и обеспечения высокой конкурентоспособности товаров КНР. После вступления КНР в ВТО Пекин стремится активно использовать правила ВТО о свободном перемещении рабочей силы и преимущества глобализации для завоевания лидирующего положения на мировом рынке рабочей силы.

Вместе с тем, к чести китайских лидеров, они еще в начале 1970-х годов осознали не только позитивные аспекты многочисленности населения, но и серьезные негативные последствия для судеб Китая.

Оценки китайских демографов 1950-х годов (Ма Иньчу и других) о том, что территория Китая способна в достаточной мере обеспечить сравнительно благоприятное проживание лишь 700 млн человек, пересмотрены. В настоящее время китайские

демографы исходят из того, что территория Китая способна прокормить и обеспечить благоприятное в целом проживание при разумном природопользовании и сохранить способность к саморегулированию для 1,5–1,6 млрд человек.

Прогнозы демографов показывали, что, если не предпринять исключительных мер, то уже к концу XX века население Китая достигнет или даже превысит 1,5 млрд человек. Пекин пошел на выработку чрезвычайной долговременной политики планирования семьи и ограничения рождаемости, прежде всего ханьского этноса, составляющего 94% населения страны. В основу демографической политики была положена стратегия: «одна семья – один ребенок», взят курс на более поздние браки (25–27 лет), введены весьма жесткие многосторонние меры административно-правового, партийно-идеологического и экономического воздействия на лиц, нарушающих нормы деторождения. Это крайне непопулярные, противоречащие конфуцианскому культу предков меры. Согласно традиционным верованиям, лишь наличие потомства по мужской линии может принести упокоение душам почивших предков. Конечно, эта политика породила и порождает серьезные социально-этические и новые демографические и политические проблемы, проблемы в отношениях между поколениями и полами. Но лидеры КНР не видят альтернативы этому курсу, хотя периодически и вносят в него те или иные послабления и коррективы.

Китаю удалось снизить показатель прироста населения с 33 (1970 г.) до 15 промилле (1990 г.), то есть реально снизить ежегодный прирост с 20 млн до 13,5–14 млн человек. Ныне прирост населения равен 0,9%. В крупных городах (Шанхае, Пекине, Гуанчжоу) прирост населения приобрел нулевой или отрицательный характер. В невиданно короткие сроки Китаю по показателям прироста населения удалось сравняться с высокоразвитыми странами Европы. В течение 25 лет было предотвращено рождение более 300 млн человек. По скорости демографического развития КНР ныне находится между развитыми и сравнительно развитыми странами, а по темпам прироста населения она близка к развитым странам Европы.

Доля китайского населения в мире ныне составляет 21,5%. В связи со снижением прироста населения страны (этот показатель ниже, чем в среднем в мире) доля китайского населения в мировом народонаселении постепенно сокращается. К 2050 г., когда прирост населения в КНР, как полагают, достигнет нулевой от-

метки, его доля в населении мира будет составлять 16,2%, а в 2100 г. – 14,7%. К этому времени Китай уступит пальму первенства по многочисленности населения Индии, где, по данным ООН, в 2050 г. будет проживать 1 млрд 530 млн человек²⁸.

Власти КНР исходят из того, что жесткий контроль за ростом населения крайне необходим. В 1980 г. известный китайский ученый Лю Чжэн научно обосновал этот подход. «Наиболее насущной проблемой для Китая в целом, – писал он, – является устранение диспропорций в народном хозяйстве и установление рациональной взаимосвязи между воспроизводством населения и производством материальных благ. Это необходимо для скорейшего развития общественных производительных сил и существенного повышения жизненного уровня населения»²⁹.

В условиях сравнительно низких доходов населения Пекин стремится к тому, чтобы процесс демографических перемен не оказывал чрезмерного давления на темпы прироста ВВП и повышения общего уровня благосостояния населения. Если в начале 1970–1980-х годов доля ВВП, идущая на поддержание уровня жизни вновь народившегося населения, приближалась к 40–50%, то в настоящее время она снизилась до 20%, в то время как средний подушевой уровень доходов увеличился в 5–7 раз и составил уже в 2003 г. более 1000 долл. на человека. Во внутренних западных провинциях страны доходы более 200 млн человек не превышают 500–600 долл., то есть менее 3 долл. в день, а 25–30 млн крестьян живут на 20–30 центов в день.

Ныне китайские ученые полагают, что ресурсный потенциал территории КНР способен обеспечить проживание 1,5–1,6 млрд человек, но превышение предела в 1 млрд 700 млн, по их мнению, грозит стране экологической и экономической катастрофой. До «линии судьбы» – 1,6 млрд человек – осталось «прирастить» население менее чем на 300 млн. Таким образом, демографическая проблема Китая превращается в его «Дамоклов меч»³⁰. Ситуация усугубляется тем, что в 30-е годы XXI века ожидается новый демографический взрыв и предельный рубеж в 1 млрд 600 млн, население КНР может достигнуть не к 2050 г., как это предусматривается официальными прогнозами, а к 2030 г. или, в лучшем случае, к 2040 г.

Китайские эксперты считают, что жесткие меры контроля за рождаемостью позволят к 2050 г. остановить прирост населения страны и добиться нулевого или даже отрицательного коэффициента прироста населения на уровне -0,7 – -0,8 (как ныне в Шан-

хае), что позволит стабилизировать народонаселение в пределах 1,5 млрд человек, повысит его физическое и интеллектуальное качество.

Однако культивирование однодетной семьи имеет также серьезные негативные последствия и предъясвляет исключительно высокие требования к китайской крайне несовершенной системе социального обеспечения. Воспитание в семье одного ребенка принципиально меняет систему традиционных конфуцианских семейных ценностей. Вместо почитания старших вся семья буквально молится на единственное дитя, которое превращается в деспота – «императора» или «императрицу» в семье.

Возникающие новые семьи из бывших единственных сыновей и дочерей, как правило, утрачивают прежние традиции заботы о престарелых родителях, и забота о них ложится бременем на плечи государства. Быстро нарастает степень старения населения. По китайским данным, к 2050 г. число лиц старше пенсионного возраста увеличится с нынешних 10% до 25–26%. Еще более острый характер приобретет традиционная для Китая проблема дисбаланса в соотношении полов. Если в настоящее время мужское население почти на 20 млн превышает женское, то через 20–30 лет этот разрыв может достигнуть 40 млн человек.

Такая ситуация создает весьма серьезные социальные и нравственные проблемы в обществе. Это является одним из важнейших побудительных мотивов массовой внутренней и внешней миграции мужского населения КНР. Поиск невесты в Китае – очень острая проблема. Еще один аспект этой проблемы заключается в том, что в однодетной семье разрушается не только конфуцианская система семейных ценностей, почитания старших и родителей, но и размывается традиционная идеология коллективной семейной солидарности, которая замещается индивидуализмом и культом потребительства. Словом, демографическая проблема и нынешние пути ее решения ведут к качественным изменениям традиционных цивилизационных ценностей Китая.

Решение демографической проблемы, по мнению китайских ученых и политиков, будет осуществляться следующим образом:

1) Всесторонняя модернизация страны, проведение политики реформ и открытости, поддержание высоких – не менее 7% темпов роста ВВП, постепенное создание условий для формирования «общества экономики знаний». К 2020 г. планируется учетверить нынешний объем ВВП и поднять всеобщее благосостояние насе-

ления до уровня среднего достатка при среднем душевом доходе 3–5 тыс. долл.

2) Продолжение прежней демографической стратегии: одна семья – один ребенок, поздние браки – 25–27 лет, поздние роды; «мало детей, хорошее воспитание».

3) Урбанизация деревни. К 2050 г. 70% населения КНР будет жить в городах и поселках городского типа. Урбанизация и широкомасштабные проекты развития инфраструктуры обеспечивают занятость, сокращают безработицу.

4) Проведение крупномасштабных работ по восстановлению среды обитания, оводнению засушливых районов, борьба с опустыниванием, насаждение лесов и т.д.

5) Совершенствование здравоохранения и распространение медицинских знаний, развитие спорта, туризма, формирование китайского стиля здорового образа жизни.

6) Повышение социального статуса женщины в обществе, сокращение дисбаланса полов.

7) Преодоление бедности, ликвидация неграмотности.

8) Развитие экономики отсталых западных районов высокими темпами и преодоление чрезмерного разрыва в уровнях жизни между приморскими и внутренними районами, между городом и деревней.

9) Создание системы страхования в сфере планирования рождаемости и совершенствование системы социального обеспечения.

Демографическая ситуация в Китае оказывает серьезное влияние на международные связи этой страны с ее непосредственными соседями и является серьезным фактором формирования отношений КНР с США, странами ЮВА, Европы, Австралии, Канады и России.

Высшее китайское руководство неизменно уделяет особое внимание политике в отношении китайской миграции. При Госсовете КНР существует специальное весьма авторитетное подразделение, постоянно занимающееся этим вопросом. В стране создана мощная инфраструктура, обеспечивающая особые привилегии для *хуацяо*, приезжающих на материк. Законодательство обеспечивает защиту прав этнических китайцев вне зависимости от того, являются ли они формально гражданами КНР или нет.

Китай обладает гигантскими избыточными трудовыми ресурсами и является в перспективе *миграционным донором мирового масштаба*. Учитывая постоянное и значительное давление насе-

ления на все виды ресурсов и ухудшение экологии, можно предвидеть нарастание миграционных потоков при любой политике принимающих обществ и властей Пекина. Россия и ее дальневосточные территории расположены на пути этих потоков. В начале нового столетия в пограничных с КНР российских регионах возможно усиление тенденции замещения коренного постоянного населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего из Китая.

Во второй половине 1990-х годов, особенно после финансово-го кризиса 1997–1998 гг., интенсивность китайской иммиграции пошла на спад, уменьшившись примерно втрое по сравнению с началом десятилетия. Согласно разным источникам, в 1995–1998 гг. ежегодно в южные районы Дальнего Востока приезжали примерно 7 тыс. китайских иммигрантов. Эта численность невелика и не оказывает существенного влияния на демографическую ситуацию в регионе при условии жесткого контроля за ее увеличением.

Миграция китайцев в восточные районы Сибири, «опасность» которой всемерно преувеличивается некоторыми средствами массовой информации, при разумном подходе и юридическом регулировании может стать позитивным фактором развития инфраструктурных и производственных секторов экономики и крайне отсталой сферы услуг в районах Сибири и Дальнего Востока. Негативные аспекты этой миграции, как признают и авторы «ужасиков» о «китайской экспансии», объясняются, прежде всего, отсутствием в России серьезной юридической, правовой основы миграционной политики и слабостью правоохранительных органов, призванных регулировать процессы миграции в районах Сибири и Дальнего Востока.

Одновременно следует отметить, что факторов, подтверждающих политические устремления Пекина путем демографической экспансии отторгнуть российский Дальний Восток, не существует. Утверждения об «экспансии» носят сугубо спекулятивный, заказной характер и оказывают отрицательное влияние на атмосферу доверия между нашими странами. Логика стратегической линии Китая в отношении России и всей внешней политики КНР свидетельствует о том, что эта страна стремится к конструктивному сотрудничеству с Россией во всех сферах, но проявляет крайнюю осторожность и нерешительность в связи с неясностью правовых отношений в РФ. После распада Советского Союза в условиях общего кризиса, переживаемого нашей страной, Китай пошел на равноправные переговоры по пограничному урегулированию и выступил с инициативой подписания Дого-

вора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, расширения сотрудничества в области обороны и создания совместной организации экономического и оборонного сотрудничества в виде Шанхайской организации сотрудничества. Договор 2001 г. содержит статью, где прямо говорится о взаимном признании и уважении территориальной целостности друг друга и отсутствии территориальных притязаний друг к другу. Суть вопроса в том, что на Востоке в настоящее время «угроза» для России исходит не из Китая, а можно, пожалуй, сказать, из Европейской части России, которая своими практическими действиями фактически не поддерживает в должной мере свои сибирские и дальневосточные регионы.

В целом относительно международных аспектов демографической проблемы Китая можно сделать следующие выводы:

1. В обозримой перспективе проблема демографической экспансии со стороны населения Китая в отношении России возникнет лишь в случае ослабления центральной власти и реальной угрозы дезинтеграции РФ.

2. Процесс внешних миграций в Россию неизбежен, а при разумной политике может использоваться *в качестве инструмента развития Дальневосточного региона*. Архиважно создать основы управления миграционными процессами, не дожидаясь возможных потрясений, в результате которых увеличится неконтролируемый поток мигрантов.

3. РФ не в состоянии устранить демографический дисбаланс с КНР, но работа по двум направлениям – стимулирование притока россиян в Дальневосточные регионы и разумное допущение туда внешней иммиграции – реальное решение проблемы дефицита трудовых ресурсов российских территорий. Численность рабочей силы, привлекаемой из-за границы, должна определяться исходя из конкретных программ развития Дальнего Востока, корректироваться в зависимости от их выполнения.

4. Следует признать, что без постоянного и значительного притока мигрантов, регулируемого законом и потребностями, невозможно развитие Дальневосточного региона, освоение его гигантских ресурсов, поддержание его достойного существования.

5. Во избежание возможных рисков, связанных с дисбалансом населения в приграничных с КНР районах России, *необходимо сформировать определенное общественное мнение, создать законодательную и институциональную базу, разработать взвешенную с социально-экономической и геополитической точки*

зрения обоснованную политику в отношении китайской иммиграции. В дополнение к этому нужен постоянно действующий механизм по координации деятельности различных государственных служб, занимающихся вопросами пограничного и таможенного контроля и миграционных процессов и создание системы информационного мониторинга и анализа с помощью межрегиональной исследовательской структуры, обеспеченной финансовыми и информационными ресурсами.

6. Проблема китайской иммиграции может эффективно решаться при условии ее увязки со стратегией социально-экономического развития российско-китайских отношений.

ХVII СЪЕЗД КПК – «ПЕРСПЕКТИВЫ СВЕТЛЫЕ, НО ПУТЬ ИЗВИЛИСТЫЙ»

ХVII съезд КПК (15–21 октября 2007 г.), ставший органичным примером последовательного ее идейного развития, привлек внимание во всем мире и вызвал многообразные отклики. Характер комментариев свидетельствует о признании делового тона, серьезности поставленных на съезде задач, а также быстро растущей роли Китая в мире. Отрадно, что все аналитики так или иначе признают, что китайские руководители сосредоточили свое внимание на решении прежде всего внутренних задач развития огромной страны, на повышении уровня и качества жизни почти полутора миллиардного населения. Уже на сегодняшний день они добились в этом, по общему признанию, громадных успехов и сдвигов.

Вместе с тем часть комментариев остается в обозе старых схем. В них не учитывается вся сложность политических и экономических китайских реалий. В зависимости от того, какой набор из китайских реалий берется за основу, в комментариях появляются формулы: «от коммунизма к капитализму», «под красным знаменем к капитализму», «сдвиг от Маркса к Конфуцию», «китайское чудо – угроза России» и т.п.

За последние 30 лет последовательного проведения политики реформ и открытости Китай действительно добился успехов, имеющих эпохальное мировое значение. Как уже неоднократно отмечалось выше, они вывели в прошлом крайне отсталую стра-

ну на передовые позиции в экономической глобализации. По общему объему ВВП (3,4 трлн долл.) по итогам 2007 г. КНР практически сравнялась с третьей страной в мировом рейтинге – Германией, уступая лишь США и Японии. Третье место (2,17 трлн долл. на конец 2007 г.) Китай занимает по объему внешней торговли.

Хотя экономическое развитие КНР в конце XX – начале XXI века поднялось до уровня малого благоденствия – (*сяо кан*), однако задача построения среднезажиточного общества остается пока нерешенной. Примерно половина провинций Китая, как было показано выше, до сих пор не достигла критерия среднезажиточного общества и даже среднего уровня потребления на одного человека в 1000 долл. в год. Однако высокие темпы развития китайской экономики, когда в 2006 г. ВВП Китая превысил 21 трлн юаней (1 долл. = 7,52 юаня), а в течение последних четырех лет сохраняется рост выше 10%, позволяют китайским руководителям заявлять о возможности полного построения среднезажиточного общества к 2020 г. Придерживаясь этих темпов, КНР реально сможет к 2020 г. довести среднедушевой ВВП более чем до 4000 долл.

О подъеме уровня жизни населения, особенно в городах, свидетельствует, в частности, рост вкладов населения в банковско-финансовые учреждения. По данным агентства «Синьхуа», в июне 2007 г. они достигли почти 17 трлн юаней, что на 8 трлн юаней больше, чем в 2002 г. Значительно улучшились жилищные условия. Средняя площадь на душу городского населения увеличилась с 22,8 кв. м в 2002 г. до 27 кв. м в 2007 г. Накануне реформ в 1978 г. она составляла 3–5 кв. м.

Китайские руководители и серьезные эксперты, не оспаривая достигнутых показателей, тем не менее пытаются охладить пыл слишком горячих оптимистов. Судя по всему, они серьезно опасаются двух вещей. Во-первых, возникновения внутри Китая среди кадровых работников «головокружения от успехов». Тревожит их и то, что в ура-патриотических заявлениях о «возвеличивании Китая», о наступлении «века Китая» начинают явственно проступать тенденции, переходящие грани патриотизма. Во-вторых, у весьма многочисленной части населения ныне появляются завышенные ожидания в получении от государства дополнительных социальных благ и гарантий.

Пекин беспокоится, что выполнение амбициозных программ «мирного возвышения» может невольно втягивать Китай в нежелательные для него значительные дополнительные внеш-

ние расходы и вести к усилению вовлеченности КНР в решение крупных международных дел, которые не затрагивают непосредственно интересы страны. Вот почему нынешние китайские лидеры, памятуя мудрый совет архитектора реформ Дэн Сяопина сосредоточиться на решении проблем развития собственной страны, проявлять достоинство и скромность, «не стремиться быть первыми и что-то возглавлять», искренне заявляют о своей готовности сотрудничать со всеми странами на основе принципов мирного сосуществования, при этом особо выделяя тезис о проведении Китаем курса на самостоятельность и независимость, нежелание вступать в какие-либо блоки или союзы с крупными странами.

Лидеры КПК подчеркивают, что нельзя абсолютизировать общие показатели, достигнутые страной в экономическом развитии. Да, КНР по производству стали, чугуна, проката, текстиля, многих средств связи, зерна, мяса и т.д. занимает лидирующее место в мире. Однако эти цифры нужно соотносить с огромным населением, превышающим 1 млрд 300 млн человек, соотносить с тем фактом, что большая часть населения (свыше 750 млн человек) проживает в сельской местности, где только сейчас начинает создаваться современная система образования и здравоохранения, что почти 200 млн человек еще не преодолели неграмотности, свыше 20 млн человек живут за чертой бедности. С учетом этого по душевым показателям производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, по общему уровню культуры и образования населения Китай, как уже отмечалось, оказывается в середине второй сотни стран мира (между 130–140-м местами). Во внешнем плане в рамках международных экономических организаций это дает Китаю право относить себя к развивающимся странам, претендовать и пользоваться определенными финансовыми льготами.

Принципиальная «позиция скромности» изложена в резолюции XVII съезда по проекту пересмотренного Устава КПК, где подчеркивается: «... хотя своими неустанными усилиями после образования нового Китая и особенно со времени реформы и открытости мы и добились впечатляющих результатов развития, приковавших взоры всего мира, но основная наша реальность – то, что *мы еще находимся и будем долго находиться на начальной стадии социализма, – эта наша реальность не изменилась*, противоречие между постоянно растущими материальными и культурными потребностями народа, с одной стороны, и отсталым обществен-

ным производством с другой, остается неизменно главным противоречием общества» (выделено мною. – *М.Т.*).

Съезд внес в программную преамбулу Устава КПК определение цели борьбы: «превратить Китай в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство».

Организационные аспекты проведения XVII съезда также указывают на новое видение китайским руководством места и роли страны в мире, новые особенности теории и практики КПК. Напомним, что КПСС в годы своего существования в качестве руководящей силы Советского Союза всегда рассматривала себя как авангард международного освободительного движения, как минимум, международного коммунистического движения. В организационном и идеологическом плане это проявлялось, в частности, в том, что на свои съезды КПСС приглашала многочисленные делегации во главе с руководителями всех компартий, какими бы малочисленными они ни были. В отчетных докладах советских партийных лидеров первое место неизменно занимал анализ международной ситуации. С догматично понимаемых позиций классовой борьбы предрекалась «победа передовой советской социалистической системы», подчеркивалось «нарастание и углубление противоречий», провозглашалась уверенность в «неизбежности гибели прогнивающей системы капитализма».

Ничего общего с этими привычными схемами нынешний опыт КПК не имеет. Зарубежные делегации «братских» партий на съезд не приглашались. Примечательно и то, что лишь в преамбуле Устава КПК содержится упоминание о поддержании связей с коммунистическими и другими политическими партиями. Президиум съезда распространил среди делегатов приветствия, поступившие от различных зарубежных друзей и политических партий. Среди этих зарубежных друзей КПК, приславших приветствия, были названы КПРФ, «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

Чтобы подчеркнуть единство рядов КПК, на съезд были приглашены с правом участвовать в голосовании ветераны партии, в том числе ушедшие на заслуженный отдых бывшие руководящие деятели КПК. В качестве гостей на съезде присутствовали также видные деятели Единого фронта: руководители 8 демократических партий, действующих в стране под идейным руководством КПК, массовых организаций, видные ученые, представители культуры, а также патриотические деятели зарубежных органи-

заций китайских эмигрантов. Это обстоятельство наглядно продемонстрировало претворение в жизнь принципов «трех представительств». Таким образом, КПК позиционировала себя не как некий член некоего международного движения, а именно как лидер Китая, руководящая и правящая сила и авангард китайского народа, представитель и защитник интересов *всей* китайской нации.

Зарубежные аналитики в своих заметках о XVII съезде КПК не уделили внимания некоторым важным организационным особенностям проведения съезда и состоявшейся на нем дискуссии по докладам, представленным от имени ЦК КПК генеральным секретарем компартии Ху Цзиньтао и председателем Центральной Комиссии КПК по проверке дисциплины, а также по проекту дополнений в Устав КПК. Обсуждение этих документов проходило в течение нескольких дней не на общем заседании, а по делегациям от провинций, от НОАК, государственных учреждений, а также специально приглашенных видных ветеранов и представителей демократических партий. Это позволило значительно расширить и углубить обсуждение документов съезда, придало дискуссии более демократический и неформализованный характер. Опубликованный после завершения съезда отчетный доклад ЦК КПК был, по словам Ху Цзиньтао, дополнен «по итогам обсуждения в ходе съезда».

Характерно также и то, что до общего голосования по списку выдвинутых кандидатов в члены ЦК КПК и в кандидаты в члены ЦК КПК состоялось широкое обсуждение в президиуме съезда.

Съезд дал свой ответ на вопрос, по какому пути идти Китаю, – по пути «социализма с китайской спецификой». Ближайшая цель – полное построение среднезажиточного общества к 100-летию КПК (2021 г.). Эти вопросы были предметом горячих дискуссий, порой они выплескивались и на страницы открытой печати. Отдельные китайские авторы, прежде всего из числа представителей интеллектуального труда, высказывали различные точки зрения по поводу выбора пути. Некоторые, ссылаясь на слова Дэн Сяопина о том, что *не надо спешить* давать имя *шэ* («социализм») или *цзы* («капитализм») тому обществу, которое Китай построит в ходе длительного пути решения задач модернизации страны и создания *среднезажиточного* общества, настаивали на более развернутом заимствовании западных моделей рыночной экономики и политической системы. Другие, подтверждая свои поиски теми же ссылками, доказывали преимущества опыта европейской социал-демократии, активно пропагандировали

опыт Швейцарии, Норвегии, Швеции, немецкой социал-демократии и т.п. Третьи, ссылаясь на опыт и достижения азиатских «малых тигров», особенно Сингапура и Южной Кореи, призывали опираться на конфуцианские ценности и обогащать их современным опытом развитых стран, строить развитое цивилизованное рыночное общество, оставив в стороне идеалы социализма. Часть ветеранов КПК и НОАК, ряд видных ученых в этой связи в своих письмах в ЦК КПК, часть которых попала в сянганские газеты, выражали свое осуждение вышеназванных взглядов. С их точки зрения, эти три типа взглядов искажают политику реформ и открытости и противоречат социалистическим целям КПК. По сути дела, главные озабоченности некоторых ветеранов КПК, партийных активистов и партийных интеллектуалов во многом отражали те реалии и проблемы, которые возникли в основном в ходе проведения революционных по своему характеру преобразований, намеченных политикой и стратегией реформ и открытости. Эти проблемы – проблемы роста. Преобразования перевернули жизнь различных слоев населения страны, а адаптация к изменениям требует от людей немалых усилий и времени.

Привести эти различные взгляды на будущее Китая к единому знаменателю – крайне сложная проблема, своего рода сверхзадача, которую, надо признать, в целом и решил XVII съезд КПК. Член Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая на обсуждении материалов съезда в делегации от провинции Сычуань, в этой связи подчеркнул: «Что такое социализм и как строить социализм – это две основные проблемы, по-прежнему стоящие перед КПК в процессе раскрепощения сознания»³¹.

Если судить по опубликованным материалам съезда, можно утверждать, что мнения участников происходивших закрытых дискуссий были услышаны. Судя по всему, руководители КПК во всех противоположных высказываниях пытались найти рациональные зерна, которые были в конечном счете так или иначе учтены, другие – аргументированно отклонены.

Если бы провести контент-анализ доклада Ху Цзиньтао XVII съезду КПК, то мы бы увидели, что из ключевых слов этого документа можно было бы составить словарь неологизмов. Неслучайно газета «Жэньминь жибао» в помощь партийцам опубликовала разъяснения основных формул и понятий, которые содержатся в документах съезда. Наиболее часто встречаются термины и понятия: «реформа и открытость» и «социализм с китайской специ-

фикой», «общество малого благоденствия», «среднезажиточное общество», «научная концепция развития», «индустриализация», «модернизация», «коммерциализация», «маркетизация», «экологизация», «урбанизация», «социализация», «глобализация», «гуманизация», «демократизация», «мирное развитие», «независимость и самостоятельность». Все эти термины в совокупности отражают главные аспекты содержания документов XVII съезда КПК и стратегические цели Китая.

Структурная логика отчетного доклада ЦК КПК также наглядно демонстрирует акцент на приоритетное рассмотрение внутренних проблем развития страны и жизни ее народа. Именно поэтому анализ различных аспектов внутреннего экономического, политического, социального, культурного, военного развития Китая занял первые девять разделов доклада. В них концентрированно излагаются размышления о путях решения проблем индустриализации, создания социалистической рыночной экономики, острых проблем охраны окружающей среды, строительства новой деревни, создания в сельской местности элементов социальной системы, организации образования и здравоохранения на селе, решения насущных задач трудоустройства в городе и в деревне, преодоления разрывов в уровнях и темпах развития приморских и внутренних районов страны, города и деревни, сокращения имущественной дифференциации и т.д.

Хотелось бы также указать на некоторые новые проблемы, которые в четкой форме поставлены в документах КПК. Это прежде всего ориентация на смену модели развития, переход от экстенсивной к интенсивной ресурсо- и энергосберегающей модели. В этой связи упор делается на необходимость развития фундаментальных наук, масштабного подъема культуры широких масс и народа, развития и совершенствования системы образования, на создание общества инновационного типа, общества экономики знаний. Это исключительно важные новаторские идеи, которые заслуживают того, чтобы к ним внимательно присмотрелись из России.

Следующая проблема, которая неразрывно связана с высокими темпами развития Китая, является своеобразной платой за это развитие и его побочным продуктом – достигшее критического характера ухудшение экологической ситуации. Ученые Института Дальнего Востока РАН постоянно обращают самое серьезное внимание как китайской, так и международной научной общественности на важность совместного изучения этого очень важного

вопроса, который касается не только КНР, но может и уже оказывает негативное влияние на экологическую ситуацию в сибирских (проблема Иртыша) и дальневосточных районах России, других государств, граничащих с Китаем.

Наконец, в документах съезда важное место занял вопрос о сочетании современной культуры с лучшими достижениями китайской традиционной культуры, изучении подлинных достижений зарубежной культуры. В этой связи основательно рассмотрена проблема «китаизации». Эта задача поставлена не абстрактно. Она имеет внутреннюю и международную направленность. Во внутреннем плане речь идет об укреплении культурной идентичности, укоренении политики реформ и зарубежных заимствований в национальную почву Китая. Вновь поставлена задача углубления «китаизации» марксизма, широкой пропаганды и изучения всеми членами КПК новейших продуктов «китаизации», которыми объявлены «научная концепция развития», концепция «социализма с китайской спецификой», идеи построения среднезажиточного общества, построения гармоничного общества инновационного типа, новации «инженерии партстроительства» в КПК.

Развивая сюжет об идейных новациях съезда, необходимо особо остановиться на трактовке «научной концепции развития», «великой инженерии в партстроительстве», а также на новых трактовках ряда идеологических и экономических проблем. Задачу «китаизации» марксизма, как известно, выдвинул Мао Цзэдун еще в 1938 г. В докладе «Место КПК в национальной войне» он говорил: «У нашего народа многотысячелетняя история, у него есть свои особенности, он создал множество ценностей. В овладении всем этим мы пока еще являемся не более как учениками начальной школы. Современный Китай есть продукт всего прошлого развития Китая. Мы – сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие. Это будет большим подспорьем для руководства нынешним великим движением. Коммунисты являются сторонниками интернационального учения – марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму».

«Китаизация» и тогда, и сегодня рассматривается как сочетание всеобщих принципов марксизма-ленинизма с китайской действительностью, овладение богатым национальным наследием

и использование его для развития страны и решения новых задач. С трибуны съезда Ху Цзиньтао «призвал усиленно вооружать всю партию новейшими достижениями китаизированного марксизма» (выделено мною. – М.Т.).

Во внешнем плане задача «китаизации» международной политики КНР сводится к концепции мирного развития Китая и гармонизации мира. В увязке с идеей гармонизации мира выдвигается не менее важная задача – продвижение достижений китайской культуры в мир. Продвижение достижений китайской культуры и науки, поддержание позитивного цивилизованного образа Китая становятся частью политики открытости, выхода КНР в мир, курса на гармонизацию международных отношений и мира в целом. В последние годы Пекин стал обращать особое внимание на пропаганду современных достижений китайской культуры и китайского языка. Во всем мире созданы несколько сот институтов Конфуция, в том числе более десятка – при вузах в РФ. Эти институты становятся центрами изучения китайского языка, пропаганды богатых традиций китайской культуры. Завершившийся Год Китая в России создал в нашей стране ситуацию своеобразного китайского бума, роста интереса среди населения, особенно среди молодежи, ко многим аспектам китайской культуры, к истории Китая, китайскому искусству, медицине, кухне, оздоровительным и боевым искусствам китайского типа. Вкладом в этот бум, который имеет весьма позитивное значение для укрепления взаимопонимания и дружбы между нашими народами, являются и научные изыскания, труды ученых Института Дальнего Востока и других российских китаеведов.

Новейшим продуктом китаизированного марксизма является выдвинутая КПК «научная концепция развития», автором которой является генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао. Концепция ставит во главу угла «человека как основу основ» и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Она официально объявлена основой построения в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества. Вместе с тем следует заметить, что выдвигание этой концепции фактически означает «бархатный» отход и уточнение некоторых ранее выдвигавшихся идей. Прежде всего «научная концепция развития» и вытекающее из нее указание на всестороннее гармоничное и устойчивое развитие означает преодоление ряда односторонних акцентов в экономической политике. Например, уже не делается упор на рост лишь экономических показателей в ущерб внима-

нию к социальным проблемам. Вместо подчеркивания тезиса об обогащении отдельных районов и отдельных лиц акцент делается на полном построении среднезажиточного общества и совместного роста благополучия, преодоления серьезной имущественной дифференциации общества. Речь, в частности, также идет о том, что упор на ускоренное развитие специальных экономических зон приморской части страны, Шанхая и Шэнчжэня, не должен означать недостаточного внимания к развитию внутренних районов и игнорирования проблем старой индустриальной базы на Северо-Востоке Китая, невнимания к нуждам села, одностороннего акцента на индустриализацию за счет деревни, чрезмерного внимания к положению элиты и невнимания к проблемам крестьян и рабочих. Иными словами, «научная концепция развития» ставит задачу преодоления «разрывов», образовавшихся в ходе стремительного подъема экономики и политики реформ и открытости, снижения чрезмерной экологической и социальной цены за осуществление этой политики столь быстрыми темпами. Вместе с тем надо особо подчеркнуть, что изменение ряда акцентов в политике отнюдь не означает отхода от общей стратегии реформ и открытости.

Внимание к человеку – это, с одной стороны, своеобразный ответ на возрастание человеческого фактора в экономическом строительстве страны и ответ на обвинения в нарушении прав человека, раздающиеся извне – с другой.

Таким образом, тезис о «научной концепции развития» – это комплексный, системный взгляд на возникшие в ходе проведения политики реформ и открытости проблемы. Это – новый этап «китаизации» марксизма. Это – продуманная реакция ЦК КПК на те острые вопросы, которые являются предметом обсуждения среди китайских интеллектуалов. Здесь проявился присущий нынешнему поколению китайской элиты *прагматизм*.

Что касается сюжета, связанного с тезисом о «социализме с китайской спецификой», то следует заметить, что руководство КПК в течение ряда лет внимательнейшим образом изучало причины и уроки развала СССР. Решения последних съездов и пленумов КПК и особенно документы XVII съезда КПК наглядно свидетельствуют о том, сколь серьезно подошло руководство КНР к осмыслению драматических уроков развала СССР. Прежде всего, это проявилось в том, что «китаизация» марксизма, учет специфики развития страны, создание концепции «социализма с китайской спецификой» рассматриваются главным условием ускоре-

нения идеологии КПК в обществе и главным условием обеспечения легитимности руководящей роли самой КПК. В этом смысле «китаизация» означает увязывание современной идеологической теории строительства справедливого гуманного общества, называемого, по традиции заимствованным из-за рубежа, термином «социализм» с национальной традицией. Не случайно поэтому социализм в его начальной стадии отождествляется с самобытным термином *сяо кан*.

Идея гармонии – (*хэ*) также сочетается с тезисом древнекитайского философа Мо Ди «о всеобщей любви и всеобщей выгоде», принципом Конфуция о «гармонии многообразного и несходного». В теоретические основы новаций входит и традиционная даоская диалектика «раздвоения единого и сочетания двух противоположностей в едином» (*и фэн вэй эр, хэ эр эр и*). Кроме того, преимущество сочетается с инновацией, с учетом реальных особенностей Китая и заимствованных передовых достижений как общественной мысли из-за рубежа, так и исследований китайских обществоведов.

Еще одним важным аспектом инноваций китайских теоретиков является развитие и углубление концепции, выдвинутой в свое время Мао Цзэдуном еще в период антияпонской войны, – о соотношении патриотизма и интернационализма. Идея патриотизма, идея национальной укорененности и самобытности КПК стала доминирующей. В Уставе КПК первой фразой общей программы партии является следующий тезис: «Коммунистическая партия Китая является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой и представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Высший идеал и конечная цель партии – осуществление коммунизма».

Построение «социализма с китайской спецификой» увязывается с выполнением трех «великих исторических задач», а именно: *осуществление модернизации, завершение воссоединения Родины и защита мира во всем мире при стимулировании совместного развития*.

Важное место среди новаций XVII съезда занимает также выдвигание концепции «экологической культуры». Это отражает озабоченность лидеров КПК состоянием и охраной окружающей

среды. Требуется пересмотреть структуру производств с большими энергозатратами и низкой эффективностью, сильно загрязняющих окружающую среду. Согласно официальным данным, в 2006 г. в мировом ВВП доля Китая составляла около 5,5%, но на него в то же время пришлось 15% годовых мировых расходов энергии, 30% – стали и 54% – цемента. Как сообщила «Файнэншл таймс», в 2007 г. Китай, опередив США, выходит на первое место по объему выбросов парниковых газов, хотя объем китайской экономики составляет четвертую или пятую часть американских показателей.

Особое внимание XVII съезд уделил «великой партийной инженерии». Прежде всего она касается новых подходов к решению целого ряда организационных, идеологических аспектов партийного строительства, новаций в области стратегии и тактики партии, путей укрепления ее легитимности и роли в управлении страной. Это и нашло свое выражение в повышении управленческих способностей партии; регулировании действий партии в рамках закона и Конституции; акценте на Едином фронте, расширении социальной базы партии (при одновременном подчеркивании ее авангардной роли как партии трудящихся и прежде всего рабочего класса), как партии всего китайского народа, всей китайской нации; в последовательном проведении принципа самостоятельности и независимости, отказе от вмешательства во внутренние дела других партий, в рассмотрении внешних обязательств и внешних факторов деятельности КПК и Китая как необходимых предпосылок создания благоприятных условий для решения внутренних задач строительства страны. Видимо, в этой связи в нынешнем лексиконе китайских коммунистов термины «интернационализм», «солидарность» заменены терминами «сотрудничество», «сплочение».

В ответ на внутренние и внешние вызовы китайское руководство выдвинуло свою концепцию демократии применительно к партии. Она предусматривает постепенное продвижение системы прямых выборов, подотчетность Политбюро и парткомов избравшим их съездам, пленумам и т.д. Концепция прав человека получила развитие в принципе демократического централизма в партстроительстве и тезисе о *гарантиях прав членов партии*.

В противоположность упору Мао Цзедуна на классовую борьбу, в программной преамбуле Устава подчеркивается: «В силу внутренних факторов и зарубежного влияния классовая

борьба будет в определенных рамках еще долго существовать, а при известных условиях, возможно, и обостряться, но *она уже перестала быть главным противоречием* (выделено мною. – М.Т.).

Нынешние китайские руководители учли опыт собственной страны периода «большого скачка» (1958–1960 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.). Устав КПК призывает проявлять бдительность в отношении правого уклона, но акцент делается на том, чтобы «особенно следить за предотвращением левого».

Учитывая раздуваемый на Западе миф о «китайской угрозе», в документах XVII съезда КПК подчеркнута скромное место занимают вопросы, связанные с армией и внешней политикой. В «армейском разделе» говорится о необходимости «осуществлять единое планирование экономического и оборонного строительства», обеспечивая необходимое укрепление армии в процессе построения среднезажиточного общества. Вновь отмечается оборонный характер китайской военной доктрины, декларируется отказ от участия в гонке вооружений.

Специальный раздел доклада посвящен проблемам укрепления единства Китая, обеспечения здорового развития особых экономических районов Сянган и Аомэня, а также путей мирного решения проблемы воссоединения Тайваня на основе принципа «одна страна – два строя». Успешный опыт реализации этого принципа в Сянгане и Аомэне расценивается как привлекательный пример для Тайваня. Подчеркнута мысль о том, что хотя континент и Тайвань еще не воссоединились, но тот факт, что они принадлежат одному Китаю, навсегда остается неизменным и обеим сторонам по берегам Тайваньского пролива предлагается развивать все виды контактов, расширять их сферу и повышать их уровень, предлагается подписать мирное соглашение. В то же время в отчетном докладе ЦК КПК сделаны жесткие заявления по поводу «раскольнических акций, нацеленных на создание независимого Тайваня», однако не говорится о каких-либо военных угрозах.

В разделе доклада «Неуклонно идти по пути мирного развития» дана самая общая оценка международной обстановки. Ситуация в мире характеризуется известной китайской формулой: «мир и развитие». С одной стороны, отмечается мультиполяризация мира при углублении экономической глобализации, расширении глобального и регионального сотрудничества. С другой стороны, говорится об усилении гегемонизма и силовой политики

и возникновении непоименованных «горячих» проблем в различных районах мира. В этой ситуации КНР призывает «продвигать созидание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием» и заявляет, что будет неуклонно идти по пути мирного развития на основе пяти принципов мирного сосуществования и мирного развития. Китай никому не противопоставляется, а рассматривается как органичная составная часть процесса глобализации. Примечательно также отсутствие упоминания каких-либо стран, блоков или международных организаций. Характерно, что в докладе не упомянута также и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), одним из главных инициаторов и создателей которой был именно Китай. Словом, и во внутренней, и во внешней политике абсолютный приоритет отдается идеям гармонии международного сотрудничества, созданию максимально благоприятных предпосылок для мирного развития страны. Одно время популярная в работах китайских политологов идея «мирного возвышения» Китая ныне, по существу, заменена идеей мирного развития, которая лишает сторонников мифа о «китайской угрозе» аргументов для того, чтобы изображать КНР пугалом и проводить аналогии между идеями «возвышения» Китая и идеями гегемонизма.

Документы съезда позволяют сделать вывод о том, что, по мысли китайского руководства, рост авторитета Китая в мире, укрепление его международных позиций должны происходить параллельно успехам внутреннего развития КНР, и в этом плане особенно важным является акцент на то, что Пекин будет стремиться к «совместному развитию» и «совместному процветанию». Именно эти идеи лежат в основе подходов Китая, отражающих «трехмерное» внешнеполитическое видение китайских аналитиков: мир развитых стран, соседние страны и развивающиеся страны.

Документы XVII съезда проникнуты убежденностью и уверенностью КПК в своей способности с помощью «мягкой силы» решить стоящие грандиозные задачи модернизации страны, построения «под знаменем идей социализма с китайской спецификой» полного общества средней зажиточности, мирного объединения Родины и создания гармоничных отношений со всеми странами в мире.

Если подойти к рассмотрению вопроса о мирном развитии Китая объективно, без всяких фобий и предвзятостей, с точки зрения интересов России, то станет очевидным, что такое разви-

тие КНР ставит своей главной целью создание благоприятных международных условий и благоприятного добрососедского окружения для прогресса страны. Углубление отношений стратегического партнерства с большинством соседних стран, сотрудничество ради совместного развития – все это отвечает интересам не только Китая, но и соседних стран, а также всего мира.

Углубление отношений стратегического партнерства и взаимодействия России с КНР в экономическом, политическом, научно-техническом, военном планах носит взаимовыгодный характер. В этом контексте особое значение приобретает реализация благоприятных факторов сотрудничества между двумя странами в различных сферах. Реализация фактора географической близости и взаимодополняемости экономик наших государств, традиции добрососедства и дружбы между народами создают исключительно благоприятный внешний климат для выработки и реализации политики соразвития. Большой потенциал сотрудничества содержится в планах решения задачи подъема российских регионов Сибири и Дальнего Востока в сопряжении с решением аналогичных задач развития западных районов Китая и старой индустриальной базы КНР на Северо-Востоке.

Словом, совершенствование российско-китайского разностороннего сотрудничества является одним из ключевых моментов, благоприятствующих решению проблемы мирного развития Китая. Россия заинтересована укреплять сотрудничество со стабильно развивающимся китайским государством, а КНР заинтересована иметь в качестве стратегического партнера и соседа стабильно развивающуюся, процветающую Россию. Поэтому цели возрождения России и цели мирного развития Китая во многом совпадают и взаимно резонируют.

Что касается оценки реальности поставленных XVII съездом КПК широкомасштабных, эпохального значения задач построения в КНР гармоничного общества, то по этому поводу можно привести популярную в Китае формулу: «Перспективы светлые, но путь извилистый». Пожелаем нашему великому соседу полного успеха!

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Определяя главный вектор продвижения Китая к тем горизонтам, которые обозначены в программных партийных документах, в заявлениях высших руководителей страны, следует, по-видимому, подчеркнуть стремление Пекина к мирному и гармоничному развитию. Эта тенденция, если оценивать ее непредвзято, рост влияния и авторитета КНР отвечают коренным интересам укрепления всеобщего мира, становлению мультиполярной архитектуры международных отношений, укреплению международной стабильности и безопасности, а также развитию и углублению конструктивного диалога цивилизаций. Такое развитие соответствует также коренным интересам России, поскольку ее стратегические цели во многом близки или совпадают с целями Китая.

Свидетельством именно *мирного* возвышения Китая – *хэпин цзюэци* является то, что КНР не только нормализовала отношения со всеми своими соседями, но и стремится придать им характер стратегического партнерства, всестороннего взаимодействия и соразвития. Это создает весьма благоприятный внешнеполитический фон для реализации поставленных целей, ведет к росту международного престижа Китая. КНР концентрирует свои усилия на решении внутренних проблем и создает необходимые условия для внешних инвестиций.

Идея мирного возвышения Китая является отражением усиления чувства национальной гордости. Однако в современных условиях ее осуществление в отличие от прошлого ведется так, чтобы не противопоставлять Китай и его культуру другим странам и народам. Примечательно, что идея стала активно продвигаться примерно одновременно с приданием внешнего аспекта политике открытости. Это неслучайно, поскольку свидетельствует о росте уверенности КНР и китайцев в своих силах, с одной стороны, и росте доверия к Китаю со стороны членов мирового сообщества – с другой.

Одним из важных позитивных аспектов выдвигаемой концепции возвышения Китая является акцент, во-первых, на ее мирный характер, во-вторых, на сотрудничество со всеми странами и,

в-третьих, на соразвитие в ходе политики реформ и открытости. Очевидно, что заявления руководителей КНР о том, что даже став высокоразвитым, Китай не будет осуществлять великодержавную политику и по-прежнему будет выступать против гегемонизма – явление, безусловно, позитивное.

«Китай будет неуклонно идти по пути мирного развития» – говорится в докладе ЦК КПК XVII съезду КПК. Подчеркивается заинтересованность КНР в совместном развитии и сотрудничестве. Это означает, что китайская политика учитывает опыт других держав мира в решении сходных задач³².

Возвышение Соединенных Штатов Америки осуществлялось и мирными, и немирными средствами, захватом территории Мексики, внешней экспансией, развязыванием «холодной войны» против Советского Союза и стран социализма. Возвышение Великобритании было связано с методами захватнической колониальной политики. Во многом с упором на военные методы и военную экспансию происходило возвышение Японии и Германии. Однако во всех этих случаях неотъемлемым фактором политики возвышения этих стран являлась внутренняя политика, внешнее величие опиралось на мощный подъем экономики, культуры, системы образования и здравоохранения. Аналогичные задачи стоят также и перед Китаем, и они не могут быть решены в краткие исторические сроки.

Как уже подчеркивалось, проблема мирного подъема Китая, укрепления его позиций на мировой арене имеет очень большое внутреннее и международное стратегическое значение. Во внутреннем плане выдвигание идеи мирного развития и подъема страны играет важную мобилизующую роль в проведении политики реформ и открытости, в патриотическом воспитании населения, особенно подрастающего поколения, и морально-идеологической консолидации общества в целом. Однако, как показывает международный опыт, продвижение этой идеи требует учитывать ряд деликатных моментов, игнорирование которых может иметь весьма негативные последствия как во внутреннем, так и во внешнем плане. Это связано с необходимостью определенной соразмерности пропаганды курса на мирное возвышение с реальными экономическими, материально-техническими, научными и культурными возможностями и потенциалом страны.

Большие успехи в экономическом строительстве порождают у населения законное чувство гордости за свою страну. Однако чрезмерное подчеркивание лишь благоприятных факторов и значения успехов при замалчивании цены этих успехов, а также на-

личия серьезных еще нерешенных проблем может создать искаженную одностороннюю картину развития. Этим могут воспользоваться недоброжелатели КНР в своей пропаганде.

Возвышение Китая будет иметь неизбежно серьезный внешнеполитический эффект. Это выразится не только в значительном росте авторитета, престижа и влияния Китая, но и может вызвать возрастание вовлеченности КНР в решение глобальных мировых проблем, а следовательно, и рост бремени ответственности, которую до последнего времени Пекин стремился ограничивать, ссылаясь на то, что страна относится к категории развивающихся государств и занята прежде всего решением внутренних проблем модернизации. Этот акцент выдержан и в документах XVII съезда КПК.

Китайские коллеги с учетом международной ситуации и опыта проведения политики реформ и открытости скорректировали выдвинутый несколько лет назад тезис о мирном возвышении Китая – *хэпин цзюэци*. Ныне акцент сделан на мирном развитии КНР, построении гармоничного социалистического «общества среднего достатка», а рост международного авторитета и влияния страны на мировой арене рассматривается как следствие успехов в области строительства и развития государства.

Политика реформ и открытости, провозглашенная на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г., позволила Китаю добиться огромных успехов в области экономики, науки и культуры, в сфере обороны, подъеме благосостояния населения и внести существенный вклад в укрепление всеобщего мира и безопасности. В результате последовательного и гибкого осуществления политики реформ и открытости Китай добился значительного прогресса в построении среднезажиточного общества и наращивании совокупной мощи страны, что привело к заметному повышению статуса и влияния КНР в мире. Как справедливо отмечается в докладе генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК: «Сегодня социалистический Китай, обращенный лицом к модернизации, ко всему миру и будущему, станет во весь свой гигантский рост на Востоке нашей планеты»³³.

На XVII съезде КПК был обобщен огромный опыт за предшествующие 30 лет социально-экономического развития страны и выработана инновационная концепция дальнейшего продвижения политики реформ и открытости на основе научной концепции развития. Эта концепция определяет постепенный переход от экстенсивных к интенсивным методам развития с упором на

науку и технику. Главной социально-экономической целью 2020 г. становится построение среднезажиточного социалистического общества. В документах съезда подчеркнуты грандиозные социально-экономические достижения в развитии страны. По темпам прироста ВВП Китай прочно занимает ведущее место в мире. Решена историческая задача огромной социальной важности – накормить и одеть население. Достигнут значительный прогресс в решении задачи обеспечения огромной массы населения работой.

К началу XXI века Китай по своим количественным и качественным показателям поднялся на более высокий уровень. Решение задачи модернизации вместе с тем вызвало новые проблемы – необходимость совершенствования структуры социалистической рыночной экономики, гармонизации развития регионов и решения целого ряда сложных социальных проблем в области здравоохранения, социальной защиты населения, преодоления разрыва между городом и деревней, между уровнем доходов различных слоев населения, развития демократии, качества управленческих функций партии, борьбы с нездоровыми явлениями, прежде всего против коррупции и разложения.

Отвечая на вызовы времени и используя благоприятные сложившиеся шансы внутри страны и на международной арене, в Китае выработана научная концепция развития и политика гармонизации развития.

Быстрое превращение КНР в экономического и политического гиганта, естественно, приковывает внимание всего мира. Подъем Китая и укрепление его влияния на международной арене в целом горячо приветствуются развивающимися странами. Китайский опыт избавления от нищеты огромной массы населения, ускорения модернизации, решения грандиозных социальных проблем развития общества в стране с почти полутора миллиардным населением, восстановление национального достоинства, суверенитета и независимости, проведение самостоятельной внешней политики – все это имеет огромное международное значение. Опыт Китая притягивает к себе внимание многих развивающихся стран, которые испытывают сильное давление политики гегемонизма, неравноправия и вмешательства в их внутренние дела с помощью различных экономических и военно-политических мер со стороны развитых стран Запада.

Вместе с тем рост экономического могущества и совокупной мощи Китая далеко неоднозначно воспринимается на Западе.

Нельзя не видеть и стремления определенных влиятельных кругов на Западе сеять недоверие к политике Китая и его оборонной доктрине, распространять миф о «китайской угрозе».

Гибкая дипломатическая линия Пекина и акцент на мирное развитие, сотрудничество со всеми странами на принципах мирного сосуществования, взаимозависимости, взаимодополняемости в целом создают для Китая благоприятную обстановку. Большинство государств мира с пониманием относятся к выдвинутому КНР курсу на мирное воссоединение Родины, не поддерживают попыток провозглашения независимости Тайваня.

Достоинны высокой оценки усилия китайской дипломатии по созданию благоприятной обстановки для мирного развития и подъема страны. После начала политики реформ и открытости Китай урегулировал и восстановил добрососедские отношения со всеми странами по периметру своих границ. Особое значение имеет восстановление и прогрессивное развитие отношений добрососедства между КНР и РФ, урегулирование спорных проблем с Вьетнамом, установление дипломатических отношений с Южной Кореей, положительное в целом развитие сотрудничества в различных сферах с Японией, нормализация и восстановление дружеского партнерства и диалога с Индией и другими соседними странами. Китай вместе с Россией и бывшими республиками СССР в Центральной Азии выступил инициатором создания Шанхайской организации сотрудничества. Большую роль сыграла инициативная гибкая дипломатия Пекина в области урегулирования различных проблем на Корейском полуострове. Активную роль играет КНР по укреплению мира и стабильности, сохранению незыблемости международного права в международных отношениях и поддержанию роли ООН в решении проблем мира и укрепления безопасности на планете.

С середины 1990-х годов Китай становится приоритетным партнером России по международному сотрудничеству в деле укрепления мира и безопасности, а также в решении стратегической задачи – ускорения подъема развития Сибири и Дальнего Востока. Такая растущая роль КНР в ее отношениях с Россией является взаимной и определяется рядом объективных и субъективных факторов. Стоит напомнить о них. Во-первых, стратегические цели мирного развития Китая, осуществление политики модернизации, выступление за сохранение мира и всеобщей безопасности совпадают с целями возрождения России. Во-вторых, Китай выступает как локомотив быстрого развития азиатской экономики, где перед нашей

страной стоят задачи углубления ее интеграции и взаимодействия в целях подъема Сибири и Дальнего Востока. Задача интеграции России в экономическое пространство АТР не может быть решена без наращивания всестороннего сотрудничества России с Китаем, который имеет богатый опыт активного диалога с азиатскими партнерами практически со всеми имеющимися здесь экономическими и политическими структурами. В-третьих, развитию экономического сотрудничества, взаимодействия способствует то, что структура экономики, структура рыночного спроса товаров у России и Китая по многим важным показателям являются взаимодополняющими, а не конкурентными. В-четвертых, важным стратегическим стимулом углубления сотрудничества и экономического взаимодействия наших стран является сопряженность стратегии двух государств в подъеме старой индустриальной базы на северо-востоке Китая и районов западного Китая – для КНР и экономического развития Сибири и Дальнего Востока – для России. Согласование планов совместного решения задач подъема этих приграничных районов создает исключительно благоприятный шанс для выработки и реализации концепции соразвития. России необходима также реалистичная политика по привлечению рабочей силы из Китая, включая сдачу объектов и участков пашни в долгосрочную концессию. При необходимом правовом обеспечении такое сотрудничество позволит строить дороги, жилье и социально-культурные объекты, а также оживить заброшенные пашни в опустевших селах на востоке Сибири.

Быстрое развитие экономики Китая требует значительного притока новых энергетических ресурсов в виде углеводородного сырья и электроэнергии. Развитие международной ситуации на Ближнем Востоке и острая конкуренция в мире в целом ставят перед Китаем задачу диверсификации источников получения углеводородов, и он активно прилагает усилия в этом направлении, о чем свидетельствуют интенсивные переговоры с государствами Центральной Азии, Австралии, Латинской Америки, а также с Россией. В случае нахождения взаимопонимания по вопросам транспортировки и ценообразования Россия может стать для Китая наиболее стабильным, безопасным и масштабным рынком энергоносителей. Как известно, РФ вышла на 2-е место в мире по объему добычи нефти, однако сегодня этот поток идет в основном на Запад.

Российским руководством приняты, на наш взгляд, обоснованные и правильные решения о диверсификации трубопровод-

ных маршрутов и развитии восточного направления энергетического экспорта страны, в рамках которых основное значение придается реализации крупного инфраструктурного проекта нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) от станции Тайшет до бухты Перевозная. Здесь началось ускоренное строительство первой очереди – от Тайшета до Сковородино, где к осени 2007 г. пройдено свыше 1100 км, и уже в 2008 г. потенциально возможно введение этого участка в эксплуатацию. Как известно, в соответствии с договоренностями между соответствующими нефтеэнергетическими компаниями Китая и России от Сковородино будет проложено ответвление нефтепровода в КНР до Дацина, что в недалекой перспективе позволит значительно увеличить экспорт нефтепродуктов из России в Китай. В настоящее время поставки нефти и нефтепродуктов в Китай лимитируются возможностями железнодорожного транспорта.

На наш взгляд, именно налаживание энергетического сотрудничества наших двух стран способно резко активизировать энергетическую стратегию России на восточном направлении в целом, причем принципиальное значение имеет вопрос о строительстве нефтепроводов из РФ в КНР.

Российско-китайское сотрудничество на основе соразвития носит многогранный характер и обладает огромным потенциалом, особенно в сфере развития инфраструктуры, авиационного сообщения между областными и краевыми центрами Сибири и соответствующими районами Китая, развития Байкало-Амурской магистрали, строительства автомобильных дорог, увеличения сети пограничных переходов, строительства автодорожного моста через реку Амур в районе Хэйхэ–Благовещенск и многое другое.

Важное значение для решения проблем укрепления экономической базы Сибири и Дальнего Востока имеет всемерное продвижение сотрудничества с Китаем в области эффективного использования китайской рабочей силы.

Серьезным препятствием для углубления экономического взаимодействия наших стран является крайняя слабость инвестиционного сотрудничества, которое осуществляется по остаточному принципу.

Для включения России в систему международного разделения труда в АТР и развития многогранного экономического взаимодействия с КНР требуется резкое повышение координирующей роли федерального правительства, которое призвано содейство-

вать устранению необоснованных препятствий иностранным инвестициям, обеспечить государственное регулирование цен и контроль за взаимными обязательствами между правительством и регионами.

Подлинную интеграцию России в экономическое и цивилизационное пространство АТР, социально-экономический подъем Сибири и Дальнего Востока трудно представить без тесного сотрудничества и взаимодействия в духе стратегического партнерства с нашим великим восточным соседом – Китайской Народной Республикой. В России с удовлетворением восприняты заявления китайских руководителей об их готовности претворить в жизнь общее понимание достигнутых главами двух государств соглашений, поднять их на уровень стратегического партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и прилагать неустанные усилия по передаче из поколения в поколение дружбы между народами двух наших стран.

Такой подход отвечает интересам развития и укрепления безопасности и Китая, и России.

Примечания

- 1 Бергер Я.М. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // Пробл. Дал. Востока. 2004. № 1. С. 11.
- 2 «Жэньминь жибао» онлайн. 27.05.2004.
- 3 Там же.
- 4 Киссинджер Г. Превращение Америки // Newsweek. 04.11.2004.
- 5 Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Пекин, 2004. С. 519.
- 6 Цит. по: Врона А. Новая эра Среднего царства // Эксперт. 2000. № 27. Спец. вып.: Китай. С. 15.
- 7 Документы XVI съезда КПК. Пекин. 2002. С. 18. Кит. яз.
- 8 Zheng Bijian. China's Peaceful Rise and New Role of Asia // What They Said in Boao: Speeches from for Asia Annual Conference, 2005. [Boao], 2005. P. 147–152.
- 9 Экономические показатели даются по докладу заместителя председателя Народного банка Китая У Сюэли на 3-м Российско-китайском банковском форуме. Москва, 29–30 сентября 2005 г.
- 10 Цит. по: Цзян Сюэюань, Ся Липин. Чжунго хэпин цзюэци [О мирном возвышении Китая]. Пекин, 2004. С. 2.
- 11 Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен. М., 2005. С. 134.
- 12 Там же. С. 135.
- 13 Zheng Bijian. Op. cit. P. 147–148.
- 14 Idid. P. 148.
- 15 Idid. P. 149.
- 16 Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998. Гл. 13, стих 23. С. 396.
- 17 Цит. по: Свеишиков А.А. Роль американского фактора в самоопределении КНР на международной арене в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. М., 2003. С. 32.
- 18 Там же. С. 33–34.
- 19 Ли Цзинцзе. Теоретические размышления о проблемах социализма // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2001. С. 326.

- 20 Дэн Сяопин сюаньцзи [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 367.
- 21 Ли Цзинцзе. Указ. соч. С. 322.
- 22 Там же.
- 23 Цит. по: Ли Цзинцзе. Указ. соч. С. 318.
- 24 XII Всекитайский съезд КПК. Пекин, 1982. С. 6.
- 25 Там же. С. 4.
- 26 Там же. С. 3–4.
- 27 Цит. по: Народонаселение и экология – ключевые факторы реформ. М., 2003. С. 15. (Информ. материалы. Сер. Д / РАН. Ин-т Дал. Востока; Вып. 3/4).
- 28 Там же. С. 43.
- 29 China's Social Modernization. Beijing, 1984. P. 34.
- 30 Народонаселение и экология – ключевые факторы реформ. С. 10.
- 31 Сообщение веб-сайта «Жэньминь жибао». 21.10.07.
- 32 Жэньминь жибао. 26.10.2007.
- 33 Там же.

РАЗДЕЛ III
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ И СОРАЗВИТИЯ

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПРОЧНАЯ БАЗА,
БЛАГОПРИЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Период с 2000 г. отмечен активизацией международной деятельности России по всем азимутам. Объективно значимым обстоятельством здесь выступает тот факт, что были предприняты решительные шаги по устранению внешнеполитического кризиса РФ в сторону Запада, характерного для ее дипломатии в начальный период постсоветского становления страны. Президент России В.В. Путин поставил задачу интенсификации политики РФ на азиатском направлении и последовательно ее реализует. Вопросы обеспечения прочного глобального и регионального мира составляют базовую основу и цель международного курса России, а многовекторность и многонаправленность становятся основными принципами деятельности страны на мировой арене, они закреплены в утвержденной президентом России в 2000 г. «Концепции внешней политики РФ».

Именно многовекторный подход к международной активности страны позволяет оптимально обеспечивать национальные интересы Российской Федерации. Такой подход означает признание соизмеримой ценности каждого из направлений. Следовать этим принципам – значит в полной мере осознавать уникальность присущего России феномена – ее евразийскую идентичность, эффективно извлекать вытекающие из такого положения неоспоримые преимущества.

Улучшение экономического положения, стабилизация внутренней жизни РФ при всех проблемах, которые еще предстоит решить, создают известные возможности для более активного, весомого участия России в жизни азиатского континента. Определенные успехи страны во внутренних и внешних делах признают-

сы и международным сообществом. Так, Россия председательствовала в «восьмерке» на протяжении 2006 г.

Как подчеркивается в «Концепции внешней политики РФ», «Россия выступает за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности»¹. Сегодня действенные шаги в этом направлении невозможны без учета растущего значения такого важного фактора на мировой политической арене, как стремительный подъем и накопление потенциала влияния, которое демонстрирует наш великий восточный сосед – Китай.

Внешняя политика КНР, как свидетельствуют итоги XVI (ноябрь 2002 г.) и XVII (октябрь 2007 г.) съездов КПК, отличается последовательностью, преемственностью курса самостоятельности и независимости при стремлении к дальнейшему расширению также многовекторной международной деятельности страны. Вместе с тем четко просматривается понимание китайским руководством реальной расстановки сил на мировой арене, прежде всего в отношении основных партнеров и конкурентов КНР – США, Японии и Западной Европы; лидеры Китая подчеркивают необходимость сдержанности и трезвости в постановке задач и действиях по их реализации.

На XVI съезде тезис о необходимости преемственности в выполнении «трех великих исторических задач – осуществления модернизации, завершения объединения Родины и защиты мира во всем мире» – был дополнен положением, имеющим принципиальное значение для понимания нового подхода Китая к своей роли в мире, а именно: «стимулирование совместного развития». Тогда же в качестве нового этапа развития политики открытости была представлена стратегическая линия «выхода за рубеж», или «выхода вовне»². Смысл ее состоит во включении экономики страны в международное экономическое сотрудничество во все более крупных масштабах, более широких сферах, на более высоком и интенсивном уровне. При этом углубление участия в динамичных процессах мировой и региональной, прежде всего азиатской, экономики рассматривается как средство дальнейшего содействия реформе, средство улучшения основ жизни народа.

В документах XVII съезда КПК задачи внешней политики КНР вписаны в общую стратегию развития страны. Они сводятся к поддержанию мира во всем мире и содействию соразвитию, то есть созданию максимально благоприятных международных

условий для внутреннего прогресса Китая. При этом осуществление этих задач не привязывается к отношениям с каким-либо отдельным государством. Пекин рассматривает международные дела в тесной взаимосвязи с внутренними делами, с решением проблем развития стран.

Российская Федерация и КНР, будучи соседними странами с протяженной границей, расценивают расширение двустороннего сотрудничества в качестве одного из своих главных внешнеполитических приоритетов. Последние 15 лет стали свидетелем динамичного развития отношений между Россией и Китаем, что отвечает как интересам двух стран, так и интересам поддержания стабильности на азиатском континенте и во всем мире. В XXI век оба государства вступили с серьезным багажом достижений, равно как и множеством, прежде всего внутренних, проблем.

Важно, что обе страны неизменно декларируют приверженность делу мира и стабильности. Как отмечалось в докладе генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, страна будет «твердо держаться основной установки своей внешней политики на защиту мира во всем мире и содействие совместному развитию»³.

Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи заявил 18 марта 2008 г.: «Со вступлением во второе десятилетие китайско-российских отношений стратегического партнерства китайская сторона готова удесятить усилия и вместе с российской стороной продвинуть отношения стратегического партнерства и взаимодействия в соответствии с Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией»⁴.

В данном контексте для России весьма значимо то, что нынешний высокий уровень и дружественный характер ее отношений с КНР создает позитивные условия для решения вопросов укрепления собственной и международной безопасности, включая совместные миротворческие шаги и действия двух стран, придерживающихся во многом схожих международных приоритетов. Как подчеркивается в Совместной российско-китайской декларации от 26 марта 2007 г., «единство подходов к принципиальным вопросам мировой политики, совпадение или близость позиций России и Китая по основным региональным и международным проблемам позволяют им все более эффективно участвовать в международном сотрудничестве... Стороны исполнены решимости расширять сотрудничество со всеми заинтересованными партнерами в целях обеспечения стабильности и безопасности на всех уровнях...»⁵.

Такой курс РФ и КНР имеет долгосрочную, стратегическую направленность. В ходе переговоров между президентом России В.В. Путиным и премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао в ноябре 2007 г. руководители двух стран в очередной раз подчеркнули, что развитие российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия крайне важно, поскольку оно не только «благоприятствует защите коренных интересов» каждой из стран, но и «служит поддержанию мира и стабильности на всей планете». Поэтому Россия и Китай «и дальше будут укреплять координацию и взаимодействие в международных делах», внося тем самым «большой вклад в защиту мира и содействие совместному развитию на планете».

Таким образом, сотрудничество двух стран во многом способствует преодолению или локализации влияния конфронтационных тенденций в развитии мировой политики.

Одно из наиболее эффективных направлений стратегического взаимодействия России и Китая как активных участников процесса формирования новой архитектуры международных отношений – это сотрудничество на мировой арене. Благодаря ему партнерство двух стран получает не только двустороннее, но и многостороннее измерение. *Стратегической предпосылкой*, позволяющей говорить о принципиальной возможности выстраивания российско-китайских отношений и в двустороннем формате, и в контексте многосторонних интеграционных начинаний в Азии, и основных тенденций в мире, является линия наших стран на активное участие в глобальном и региональном экономическом развитии.

Глобальные и региональные аспекты российско-китайского взаимодействия являются заметным фактором обеспечения безопасности и стабильности не только в Азии, но и в мире в целом. Россия и Китай играют весьма позитивную роль в формировании повестки дня таких глобальных политических и экономических вопросов, как борьба с терроризмом, интеграционные тенденции, сохранение роли ООН в обеспечении международной стабильности, решение региональных проблем – ближневосточной, иракской, иранской, проблемы устранения ядерного кризиса на Корейском полуострове, поиск путей преодоления разрыва между развитыми и развивающимися странами (мировыми Севером и Югом), учет интересов Юга, в том числе в рамках Совета Безопасности ООН, гармонизации отношений развитых и развивающихся государств и т.д.

Чтобы полнее представить характер и масштабность сегодняшнего сотрудничества наших стран на международной арене, видимо, уместно остановиться на главных этапах развития двусторонних отношений последних двух десятилетий.

Нормализация отношений между СССР и КНР в 1989 г. объективно стала благоприятной почвой для развития двусторонних связей России и Китая. Несомненную роль сыграли и традиции долговременной исторической дружбы между народами двух стран, в целом не подорванные даже в период противостояния. Невзирая на отдельные драматические эпизоды кратковременной по историческим меркам размолвки, периоды отчужденности и даже локальных вооруженных столкновений, всю многовековую историю российско-китайских отношений в целом можно охарактеризовать как историю мирного сосуществования, историю поиска взаимопонимания и расширения каналов сотрудничества, историю конструктивного диалога и взаимной учебы, взаимопомощи, историю совместной борьбы за мир, безопасность, за построение более справедливого международного порядка.

Во многом благодаря этому, в первой половине 1990-х годов, несмотря на известные перемены в российской внешней политике и естественную ответную осторожность китайских партнеров, шло накопление позитивного потенциала. Этот процесс основывался на понимании главного: необходимости полного очищения от наслоений трех десятилетий отчужденности и вражды, на осознании коренной взаимной заинтересованности в дружеских и добрососедских отношениях и взаимовыгодном сотрудничестве.

Эти тенденции вскоре обрели новые, качественные параметры. В 1996 г. стороны впервые заявили о намерении строить *стратегические отношения партнерского типа*. Понятно, что в тот момент такие отношения в основном декларировались, однако этот факт имел показательное стимулирующее значение. В 1997 г. произошло другое важное событие, прямо связанное с вопросами безопасности, – подписание соглашения о мерах доверия и сокращения вооружений в районе границы. Взаимоприемлемая и полностью юридически обоснованная демаркация границ позволила превратить общие рубежи двух государств в зону добрососедства, стабильности и сотрудничества. Именно это обстоятельство стало тем благоприятным условием, которое побудило новые центральноазиатские государства также найти адекватное решение вопроса о границах, что явилось, к слову, основной предпосылкой последующего создания такой важной струк-

туры, в том числе в сфере безопасности, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

К числу первых несомненных достижений в отношениях между КНР и новой Россией относится и заключение целого комплекса соглашений по политическим, торгово-экономическим и оборонным вопросам.

К настоящему времени во взаимодействии РФ и Китая создан и эффективно работает уникальный многослойный и многопрофильный механизм сотрудничества, переговоров и диалога; проходят регулярные встречи глав государств, правительств, руководителей министерств и ведомств и общественных организаций, а также граждан обеих стран. Механизм Межправительственной комиссии по подготовке встреч глав правительств России и КНР включает 15 подкомиссий по различным направлениям двустороннего партнерства. Развиваются межпарламентские обмены, связи на межрегиональной основе. Пожалуй, нет такой сферы, которая выпадала бы из интенсивного, равноправного, доверительного диалога между двумя странами.

Для углубления взаимопонимания между общественностью России и Китая была осуществлена грандиозная комплексная акция по проведению Национальных Годов. В 2006 г. в КНР прошли масштабные мероприятия Года России, в 2007 г. столь же крупные встречи, выставки, форумы, представляющие сегодняшний день Китая, были проведены в РФ. Этими мероприятиями были охвачены миллионы граждан двух стран, что позволило расширить социальную базу сотрудничества, преодолеть инерцию застарелых стереотипов и предвзятостей в отношениях друг с другом.

Россия и Китай тесно и доверительно сотрудничают в военнотехнической сфере. Новой формой взаимодействия вооруженных сил стала практика проведения совместных военных учений. В 2005 г. успешно прошли первые в истории нашего сотрудничества совместные маневры в Китае, в провинции. Шаньдун и в прилегающих к ней районах моря, а в 2007 г. – совместные учения в России – в Челябинской области.

Вместе с тем обе страны заняты решением сложных внутренних задач, осуществляют глубокое реформирование своих социально-экономических структур. Именно *экономические потребности* являются для них важнейшей движущей силой политики, в том числе и по отношению друг к другу. При этом странами совместно выработана такая формула двусторонних отно-

шений, которая позволяет сочетать сходство и специфику стоящих перед ними задач с национальными интересами каждой из них при полном уважении выбора и особенностей избранного каждой стороной пути преобразований. Такого рода формула справедлива и применительно к отношениям РФ и КНР с третьими странами.

Приоритетная роль Китая как партнера России по международному сотрудничеству определяется рядом объективных и субъективных факторов и предпосылок:

1. Развивая отношения стратегического партнерства с КНР, Россия учитывает неуклонно растущую совокупную мощь Китая и быстрое превращение его в одну из мировых сверхдержав. КНР выступает как могучий локомотив развития азиатской экономики. Темпы роста его национального хозяйства в 2006 г. превысили 10%. Следует подчеркнуть, что даже на фоне динамичного развития АТР в целом особо впечатляющими выглядят показатели именно Китая. Страна совершила огромный экономический рывок.

Среднегодовые темпы роста Китая в 1978–2007 гг. составляли 9,4%, а внешнеторговый оборот вырос более чем в 80 раз – с 21 млрд до 1 трлн 760 млрд долл. при среднем росте более 16% в год.

Ныне Китай превратился в привлекательнейшее место для размещения иностранных капиталовложений. В 2006 г. объем прямых иностранных инвестиций, направленных в экономику КНР, составил 69,5 млрд долл. В стране создано более 500 тыс. предприятий с участием иностранного капитала. Золотовалютные резервы Китая в 2006 г. превысили 1 трлн долл. К 2020 г. Китай планирует учетверить свой ВВП, имея в виду довести этот показатель в расчете душу населения с 1230 долл. до 3000 долл. в год.

Эксперты Международного банка развития (МБР) и Международного валютного фонда (МВФ), а также китайские специалисты по-разному оценивают перспективы социально-экономического прогресса Китая. Оптимистическая экстраполяция на будущие периоды нынешних, весьма благоприятных в целом тенденций позволяет ряду авторитетных специалистов по Китаю утверждать, что КНР уже сейчас является 2-й великой державой, и ее комплексная государственная мощь ныне уступает лишь Соединенным Штатам Америки. Согласно оценкам Ху Аньгана, видного китайского экономиста, советника премьера Госсовета

КНР Вэнь Цзябао, китайский показатель комплексной государственной мощи (КГМ) вырос до 7,8%, что ставит КНР на 2-е место в мире. По оценкам китайских экспертов, разница в комплексной государственной мощи Китая и США неуклонно сокращается: если в 1980 г. КГМ КНР составляла только 1/5 от американской, в 1995 г. – 1/4, то в 1998 г. этот показатель вырос до 1/3, а сейчас и того более. Согласно этим же оценкам, ныне Японии принадлежит 3-е место, хотя показатели ее совокупного потенциала лишь немного уступают китайским. На 4-м месте находится Индия – 4,36% мировой мощи. Россия оказывается по соответствующим показателям на 5-м месте. К началу XXI века соотношение российского и китайского потенциалов составило примерно 1:3.

Справедливости ради надо отметить, что восходящая экстраполяция благоприятных тенденций роста Китая, на наш взгляд, зачастую производится без учета целого ряда других факторов, которые могут серьезно скорректировать вышеназванные позитивные проявления. Если не касаться внешних обстоятельств и возможности жесткого проведения политики сдерживания со стороны США, то нельзя не учитывать наличие некоторых весьма неблагоприятных внутренних факторов, способных привести к значительному замедлению темпов экономического роста и стагнации экономического развития Китая.

Так, состоявшаяся в начале марта 2006 г. 4-я сессия 10-го созыва китайского парламента – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) особое внимание уделила усилению социальных аспектов политики реформ и преодолению «пяти крупных разрывов». Особое внимание обращается на развитие деревни и подъем благосостояния 800 млн китайского крестьянства, ликвидацию неграмотности и бедности на селе. Акцент делается на строительстве новой деревни. Капиталовложения в деревню невиданно выросли и превысили 320 млрд юаней. Количество бедняков на селе в 2005 г. уменьшилось на 2,45 млн человек по сравнению с предыдущим 2004 г. Создано 9,7 млн новых рабочих мест при потребности около 12 млн

Китай предпринимает активные шаги по борьбе с ростом безработицы, которая не только в деревне, но и в городе составляет очень серьезную проблему. В КНР понимают важность международного сотрудничества для содействия решению социально-экономических проблем страны, и поэтому обмен опытом по соответствующим вопросам с Россией представляется небесполезным для обоих наших государств.

Говоря в целом, Россия ценит возможность стратегического взаимодействия и сотрудничества со столь авторитетным, быстро прогрессирующим членом мирового сообщества, как КНР. Китай взаимно уважает роль и интересы РФ на международной арене.

2. Чтобы поддержать высокие темпы своего развития, КНР необходимо значительное количество энергоресурсов, для получения которых она налаживает сотрудничество с различными странами, в том числе с Россией и государствами Центральной Азии. В ближайшие годы для сохранения нынешних темпов роста экономики Китая придется импортировать до 200 млн т нефтепродуктов. Это создает особо важное поле взаимодействия с нашей страной: Россия выразила готовность в ближайшие годы довести поставки нефти в Китай (по железной дороге) до 25–30 млн т в год.

3. Структура экономики, структура рыночного спроса и предложения товаров у России и Китая по многим показателям являются взаимодополняющими, а не конкурентными.

4. Взаимодополняющими по ряду направлений являются и стратегии двух стран в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока России, с одной стороны, а также подъема отсталых районов китайского Запада и старой индустриальной базы на Северо-Востоке КНР – с другой.

5. В последние годы Китай наращивает участие в интеграционных процессах в АТР, ведет активный диалог в рамках практически всех имеющихся там многосторонних структур, включая АТЭС, «АСЕАН+1», «АСЕАН+3», а также в формате двустороннего сотрудничества, что не может не учитываться Россией, стремящейся расширить свое политико-экономическое присутствие в Азии и на Тихом океане.

В концептуальном плане дружественные отношения между двумя странами строятся на основе «трех не» – неконфронтационность, невступление в союз, ненаправленность против третьих стран. Это концептуально-смысловое триединство иллюстрирует собой модель межгосударственных отношений нового типа, принципы которых развивают идеи признанных документов азиатской политико-философской мысли: «Панча шила» – «Пять принципов мирного сосуществования», провозглашенных в 1954 г. Индией и Китаем и отраженных в Декларации Бандунгской конференции. Реализация названных принципов призвана содействовать созданию нового международного политического и экономического порядка в регионе.

Кроме того, Москва и Пекин едины в приверженности принципу строгого соблюдения норм Устава Организации Объединенных Наций и согласны в том, что ООН является главным и общепризнанным элементом коллективной дипломатии – базового принципа современных международных отношений и остается универсальным форумом, наделенным уникальной легитимностью и сохраняющим роль несущей конструкции международной системы коллективной безопасности.

По их общему убеждению, ООН, ее Совет Безопасности должны играть центральную координирующую роль в миропорядке XXI века. Россия и Китай выступают за демократизацию международных отношений, созидание полицентрической модели мирового устройства, полагая, что только многосторонними усилиями человечество может прийти к решению стоящих перед ним глобальных и региональных проблем. Полицентрическая структура международных отношений открывает большие возможности проведения, прежде всего малыми и средними странами, независимого внешнеполитического курса, а также более широкого маневра на мировой арене во имя обеспечения интересов членов международного сообщества. Принципиальный выбор России и Китая в пользу коллективного образа действий на мировой арене подразумевает укрепление центральной роли ООН во всех сферах международной жизни.

В практическом плане в ходе взаимодействия на уровне ООН в целях укрепления стратегической безопасности обе страны не только ведут постоянный обмен мнениями, консультируются и делятся информацией, но и вместе предпринимают конкретные шаги по упрочению международной безопасности. В частности, в 2002 г. российская и китайская делегации представили на конференции по разоружению, а затем распространили в качестве официального документа 57-й сессии ГА ООН совместный проект основных положений международной договоренности о предотвращении размещения оружия в космосе. Одним из важных направлений взаимодействия России и Китая в рамках ООН является их совместный подход к реформированию института постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Хорошо известно, что ООН переживает в своем развитии сложный момент, связанный с самой крупной за всю ее историю реформой Организации. Россия и Китай демонстрируют сходство в понимании необходимости реформ. Оно выражается в солидарном видении такого вектора перемен, который, учитывая возрос-

шую роль ряда стран, сохранял бы эту Организацию в качестве главного международного механизма в коллективном противодействии угрозам безопасности и вызовам устойчивому развитию.

Активное и скоординированное участие РФ и КНР в деятельности ООН позволяет эффективно воздействовать на мировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, через самое широкое международное сотрудничество реализовывать национальные интересы каждой из них.

Российско-китайский диалог опирается на солидную международно-правовую базу, насчитывающую более сотни межправительственных соглашений, равно как на не меньшее число межрегиональных, межведомственных кооперационных документов.

Краеугольным камнем и компасом развития всестороннего диалога двух стран является российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., создавший необходимую правовую основу для развития отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем. Заключение Договора ознаменовало собой начало принципиально нового этапа в сотрудничестве двух стран, поскольку главное, что закреплено в вышеназванном Договоре, – это положение о взаимодействии между двумя государствами, направленном на сохранение мира и стабильности и содействие соразвитию как на региональном, так и глобальном уровне. Подписание Договора стало особым свидетельством неуклонного развития тенденции взаимного сближения между РФ и КНР от мирного сосуществования и добрососедства до стратегического взаимодействия и партнерства. При этом развитие двусторонних связей, их правовая форма не имеют precedентов в мировой практике международных отношений.

В Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 2 декабря 2002 г., принятой по завершении визита В.В. Путина в Китай, подчеркивается, что Договор 2001 года «имеет историческое и важное практическое значение, является прочным фундаментом для здорового и стабильного развития добрососедских и дружественных отношений между двумя государствами. Договор – это программный документ, обладающий огромной жизнеутверждающей силой, нацеленный на обеспечение непрерывного углубления двусторонних отношений, который открывает новые горизонты для наращивания стратегического взаимодействия двух стран на всех без исключения направлениях»⁶.

Ныне российско-китайское стратегическое взаимодействие, определяемое правовыми положениями упомянутого Договора, вышло на новый уровень. В Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной 21 марта 2006 г., дана *новая формула принципов российско-китайских отношений*. Прежнее миропонимание связей в рамках пяти принципов мирного сосуществования теперь дополнено такими положениями, как «взаимная поддержка и всемерное продвижение политического взаимодоверия; взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприятствование, учет долгосрочной перспективы, стремление к совместному развитию; взаимный обмен опытом, расширение гуманитарных контактов, укрепление социальной базы двусторонних отношений». Как подчеркивается в документе, «стороны будут придерживаться линии на координацию и углубление стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки»⁷.

Категория «стратегическое партнерство», введенная в международный обиход Россией и Китаем, стала широко использоваться в совместных политических документах и заявлениях многих стран. Подчас некоторые наблюдатели выражают озабоченность по поводу термина «стратегическое взаимодействие» – не кроется ли за ним стремление к установлению военно-политических союзнических связей, направленных против третьих стран. И действительно, стратегическое партнерство, например, в американской трактовке дает основания для таких предположений, но в российско-китайском понимании эта категория имеет принципиально иной смысл.

Стратегическое партнерство по американским представлениям означает усиление вовлеченности Китая, а также иных стран, в международные отношения в процессе глобализации, возглавляемой США. При этом расчет строится на том, что курс реформ и открытости позволяет стимулировать в Китае вестернизацию культуры, обуржуазивание политической и экономической систем страны, что идеологически и политически ведет к сближению их с американской системой ценностей.

В то же время российско-китайский подход к стратегическому партнерству предусматривает взаимное уважение выбора каждой из стран и невмешательство во внутренние дела друг друга, стремление к углублению межцивилизационного диалога различных культур, строительство полицентричного мира, выступление

за многополярность, против гегемонизма, за укрепление статуса ООН и международного права, осуществление взаимовыгодного сотрудничества на основе равноправия, взаимодополняемости и соразвития.

Таким образом, российско-китайское стратегическое партнерство подразумевает долгосрочные, устойчивые, прочные отношения, свободные от конъюнктурных наслоений. В цитируемой выше Совместной декларации 2002 г. подчеркивалось стремление России и Китая «координировать позиции и поддерживать друг друга в вопросах, вызывающих озабоченность обеих Сторон, в полной мере воплощать великую стратегическую идею «навсегда добрые соседи, хорошие друзья, надежные партнеры, никогда – враги», вместе со всеми миролюбивыми государствами и народами мира отвечать на новые вызовы нашего времени»⁸.

Такой подход к стратегическому партнерству создает прочные основы и укрепляет доверие между нашими государствами. Вместе с тем это стратегическое партнерство не является неким блоком, налагающим на Китай и Россию те или иные международные обязательства по прямому участию в защите интересов другой стороны. Оно предусматривает лишь параллелизм действий в сферах совпадения интересов.

Основными сферами, где взаимная эффективность российско-китайского стратегического партнерства выглядит особенно наглядно, являются:

- сохранение и обеспечение мира во всем мире и различных его регионах;

- взаимодополняющее экономическое сотрудничество, в частности, в энергетической сфере: Китай в ближайшее время будет нуждаться в дополнительном импорте 50–70 млн т нефти, Россия готовится к диверсификации своих экспортных нефтяных маршрутов в восточном направлении, рассчитывая в течение ближайшего десятилетия увеличить экспорт энергоносителей на Восток, доведя его до 30% всего российского экспорта энергоресурсов;

- противостояние политике мирового диктата и доминирования;

- защита норм международного права, прежде всего Устава ООН и принципов международного демократического порядка;

- взаимная поддержка в борьбе против терроризма, сепаратизма и экстремизма, за обеспечение территориальной целостности и суверенитета друг друга.

И Москва, и Пекин взаимно и объективно заинтересованы в поступательном развитии долговременного и масштабного стратегического партнерства, которое благоприятствует решению каждой из стран своих национальных задач. Для КНР – это мирное развитие и выход на передовые позиции в мире к середине текущего столетия, для РФ – полное восстановление и дальнейшее наращивание социально-экономического потенциала, укрепление на этой основе позиций, достойных ее традиционного высокого международного статуса.

По сути, идею безальтернативности дружественного сотрудничества двух стран прямо сформулировал в изданной в Пекине книге «Большая стратегия Китая» видный китайский политолог Тан Шипин, который, говоря о Китае и России, подчеркивает, что, «если между ними не будет согласия, их стратегические позиции в огромной мере ослабнут. И, напротив, при взаимной поддержке стратегические позиции обеих держав намного усилятся».

Опыт договорного оформления, продвижения отношений по восходящей линии – от нормализации к добрососедству, партнерству и далее – к стратегическому взаимодействию, которыйработан РФ и КНР, имеет значение не только для развития двусторонних отношений, но и для взаимодействия на многостороннем уровне. Российско-китайское стратегическое партнерство подразумевает его «ненаправленность против третьих стран», и такого рода констатация дорого стоит для соседних азиатских государств, да и не только для них. Ведь от характера и состояния взаимоотношений между двумя великими азиатскими державами, а также их позиции и практики в отношении других стран во многом зависит характер международной обстановки на континенте.

Россия и Китай в полной мере осознают свою ответственность за поддержание не только региональной, но и глобальной безопасности и активно взаимодействуют на международной арене со всеми странами. Сотрудничество наших стран на мировой арене осуществляется не только в двусторонних, но и многосторонних форматах. Обе страны активно выступают за идею строительства многополярного мира, равноправного мирного сосуществования, соразвития различных стран и цивилизаций. Устойчивость, предсказуемость, взаимопонимание в российско-китайских отношениях в значительной мере определяет стабильный, спокойный характер региональной ситуации.

В ходе длительного диалога по урегулированию и развитию сотрудничества обе стороны пришли к пониманию того, что вы-

зовы безопасности и для РФ, и для КНР весьма схожи. В этой связи формирование стратегии безопасности каждая из стран осуществляет с учетом следующих моментов.

Во-первых, учитывается огромный дисбаланс международных стратегических сил, характеризующийся подавляющим превосходством США в области наращивания первичных и стратегических вооружений. Существовавшее до распада Советского Союза стратегическое равновесие было нарушено односторонним выходом США из ПРО и началом создания американской системы противоракетной обороны. Эти действия заметно снизили сдерживающее значение существующих китайских систем ракетного и ядерного оружия. Де-факто геополитическое мышление США сводится к курсу сдерживания, ограничения КНР и России, а также попыткам спровоцировать трения между РФ и Китаем.

Вторым фактором является возникновение по периметру российско-китайской границы различных очагов напряженности и религиозных конфликтов, рост наркотрафика, создание центров террористической деятельности. Это Афганистан, Чечня, Ирак, Пакистан, это нагнетание напряженности вокруг Кореи, Ирана, инспирирование так называемых цветных революций в Центральной Азии, на Кавказе и на западных границах России. И РФ, и КНР сталкиваются с целым рядом угроз, создаваемых организованной международной преступностью, терроризмом, контрабандой, коррупцией, нелегальной миграцией.

Третий фактор – это сохранение и перед Россией, и перед Китаем угрозы их территориальной целостности. В РФ эта угроза создается, в частности, экстремистскими действиями оставшихся чеченских бандформирований, поддерживаемых некоторыми нашими соседями в Закавказье, а в Китае – действиями сепаратистских сил в Синьцзяне, Тибете и на Тайване. Развитие тайваньско-американской кооперации в военной сфере порождает серьезные проблемы и в китайско-американских отношениях.

Итак, сотрудничество России с Китаем не только обогатило международное право, принципы ООН и мировую дипломатическую практику новыми формами и понятиями, такими как стратегическое партнерство и взаимодействие, но и наполнило эти термины, характеризующие международные отношения, конкретным содержанием. По сути, на примере диалога двух стран миру была представлена *новая модель современных демократических межгосударственных отношений* – не союз или блок,

а модель долговременного, транспарентного, не направленного против какой-либо третьей стороны взаимовыгодного партнерства, взаимодействия на параллельных курсах в целях обеспечения сходных внешнеполитических приоритетов и потребностей внутреннего социально-экономического развития каждого из государств.

Говоря о российско-китайском экономическом взаимодействии, следует отметить, что его всемерное углубление, а в более широком контексте и переход на базе прорыва в экономических и общественных связях к модели параллельного развития двух стран – модели соразвития – полностью отвечает национальным интересам обеих стран. Главные плюсы для России в этом случае заключаются в придании мощного импульса развитию дальневосточных районов и укреплению позиций в Северо-Восточной Азии и в АТР. Последнее обстоятельство особенно важно в свете декларированного президентом РФ общего курса на наращивание присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Торгово-экономическое сотрудничество, являющееся относительно «слабым звеном» взаимоотношений КНР и России, сделало значительный рывок вперед. Товарооборот в 2006 г. превысил 33 млрд долл., а в 2007 г. увеличился более чем на 40% и достиг объема в 48,8 млрд долл., и ныне продолжает сохраняться динамика роста.

Подписаны соглашения об увеличении поставок российской электроэнергии в Китай, о расширении сотрудничества в области автомобилестроения (возведение Китаем автосборочных заводов в России), о взаимодействии в сфере авиастроения, космоса, связи и т.д. Все это позволило руководителям двух стран выдвинуть задачу доведения к 2010 г. двусторонней торговли до 60–80 млрд долл.

Заметно интенсифицировалось пока еще слабо развитое научно-техническое сотрудничество, в том числе в такой форме, как создание совместных технопарков. В Китае они уже действуют в провинциях Шаньдун, Чжэцзян и Хэйлунцзян, готовится открытие первого российско-китайского технопарка на базе привлеченных из КНР инвестиций.

Впервые за много лет китайская сторона закупила партию российских гражданских самолетов ТУ-204, что позволяет говорить о возвращении РФ на рынок гражданской авиации Китая.

Наиболее приоритетной сферой в российско-китайском экономическом сотрудничестве является энергетика. Именно налаживание энергетического сотрудничества России с Китаем

способно резко активизировать экономическую стратегию РФ на восточном направлении в целом.

При активнейшем участии России завершено строительство первой очереди Тяньваньской АЭС. Успешная реализация этого проекта создает предпосылки для подключения российских производителей атомного энергооборудования к сооружению других объектов ядерной энергетики в Китае.

Потенциал российско-китайского экономического сотрудничества, конечно же, не исчерпывается сферами энергетики и транспорта. Этот потенциал намного богаче и шире. Его полная реализация требует кропотливой работы и решения ряда насущных проблем.

Анализируя ситуацию в целом, вновь и вновь приходится отмечать, что во взаимодействии двух стран еще сохраняется *серьезный разрыв* между нынешним уровнем политического сотрудничества и потенциальными возможностями экономики. Современное состояние торгово-экономических отношений в количественном и особенно в качественном измерении не соответствует не только потребностям и потенциалу двух стран, но и задачам наращивания и углубления их стратегического взаимодействия. К числу обстоятельств, вызванных этим несоответствием, можно отнести все еще относительно небольшой по сравнению с возможным объем взаимного товарооборота, а также неудовлетворительную для российской стороны структуру двусторонней торговли. Так, в настоящее время доля взаимной торговли в суммарном внешнеторговом обороте России и Китая всего лишь немного превышает 5%, и несмотря на то, что за последнее десятилетие произошло увеличение российско-китайского товарооборота в пять с половиной раз, однако, по общему признанию, это все же мизерные объемы, ибо показатели объема торговли между РФ и КНР на порядок меньше китайско-американского, китайско-японского и даже китайско-южнокорейского показателей. За последнее время появились и тревожные симптомы.

Поэтому можно сказать, что главная проблема и задача экономического диалога двух стран как раз и состоит в совершенствовании структуры и повышении качества торговых связей за счет увеличения доли машиностроительной и высокотехнологичной продукции, в активизации капиталовложений в производство товаров с высоким технологичным содержанием с поставкой их как в Россию и Китай, так и в третьи страны, в глубокой переработке сырья, в том числе древесины, на которую имеется долгосрочный спрос в КНР.

Для изменения ситуации совершенно необходимо в первую очередь и как можно скорее создать современную финансовую основу экономического сотрудничества России и Китая. Для этого требуется установить нормальные межбанковские отношения на основе международных стандартов.

Нередко китайские коллеги с горечью признаются: «Складывается впечатление, что Россия не может быть надежным партнером. Из-за отсутствия взаимодействия между государством и бизнесом не реализуется ни один крупный проект». Поэтому России предстоит создать условия для такого взаимодействия, мобилизовать российский бизнес на развитие сотрудничества с КНР, дать нашим предпринимателям необходимые условия и гарантии.

Китай умеет проводить и отстаивать свои интересы. И в этом России есть чему у него поучиться. Зачастую наши трудности порождены недостаточной конкурентоспособностью российских товаров, невысокой общей активностью на китайском рынке, к которому долгое время не проявлялось должного внимания. Вот почему сегодня на повестке дня остро стоят такие вопросы, как резкая активизация инвестиционного сотрудничества, создание СП, упорный поиск и обустройство своих «ниш» на внутрикитайском рынке и, конечно, дальнейший общий подъем российской экономики, совершенствование ее технологического уровня с тем, чтобы обеспечить расширенное производство высококонкурентоспособной продукции.

Разумеется, успешное развитие российско-китайских отношений, стратегического партнерства и взаимодействия наталкивается на определенные объективные и субъективные трудности не только экономического свойства, но и морально-этического и психологического плана. Так, существует необходимость расширения и укрепления социальной базы российско-китайских отношений, поскольку на смену старшему поколению, воспитанному в духе дружбы СССР и КНР в 1950-е годы, в обеих странах приходят молодые люди, зачастую ориентированные на западные ценности и мало знающие об истории и культуре своих стран и соответственно России и Китая.

В средствах массовой информации освещаются вопросы так называемой китайской экспансии или ползучей демографической угрозы, а также гипотетическая проблема превращения России в «сырьевой придаток» Китая. Некоторые политики и даже ученые утверждают, что успешное развитие Китая по пути рыночных реформ приведет к такому возрастанию его мощи, что он

встанет на путь гегемонизма и внешней экспансии. Характерно, что тезис «о китайской угрозе» некоторые связывают как с ростом могущества Китая, так и с предрекаемым ими же якобы неизбежным коллапсом Китая перед лицом огромных внутренних трудностей.

Муссирование тезиса «о китайской угрозе» в немалой степени отравляет атмосферу доверия в международных отношениях в азиатском регионе и поэтому требует *специального рассмотрения*. Думается, что авторы этого тезиса, во-первых, упрощенно перекладывают нынешнюю ситуацию международных отношений в условиях однополярного мира и доминирования одной сверхдержавы на будущее Китая. Во-вторых, творцы тезиса «о китайской угрозе» рассматривают успех китайских реформ и рост совокупной мощи КНР вне контекста глобальных международных отношений. Сам же Китай неизменно подчеркивает, что решение грандиозных внутренних проблем и рост совокупной мощи КНР возможны лишь в условиях сотрудничества со всеми странами, интеграции Китая в мировое экономическое пространство в условиях глобализации, в обстановке соразвития всех государств мирового сообщества. Последнее имеет принципиальное значение. В-третьих, китайское руководство извлекло уроки из последствий доминирования маоцзэдуновской линии, когда путем педалирования тезиса о внешней угрозе внимание населения отвлекалось от нерешаемых внутренних проблем. Стратегию сдержанности в проведении внешнеполитического курса страны сформулировал Дэн Сяопин в виде указания, состоящего из 24 иероглифов: «Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и дожидаться своего часа, никогда не брать на себя лидерство и быть готовыми кое-что совершить»⁹.

Конечно, можно было бы считать «пропагандистскими штампами» официальные заявления китайских лидеров о том, что КНР не будет проводить политику гегемонизма и стремиться к положению сверхдержавы, даже когда она станет высокоразвитым государством. Однако и не очень искушенному наблюдателю известно, что решение проблем модернизации Китая – страны с более чем миллиардным населением, требует длительного времени и стабильно мирных условий. Если бы Китай, как утверждают сторонники тезиса «о китайской угрозе», встал уже в ближайшее время на путь гегемонизма и внешней экспансии, то это как раз и означало бы избрание самоубийственной политики гонки во-

оружий и отказа от курса реформ и открытости, а значит – погружение страны в обстановку кризиса и деструкции. Но и этот случай сторонники тезиса «о китайской угрозе» рассматривают как аргумент в свою пользу.

Тщательный анализ развития ситуации в КНР показывает, что его руководство реалистически оценивает проблемы и вызовы, возникающие в процессе модернизации. Оно реально ищет и намечает пути решения стоящих перед страной проблем. Именно об этом свидетельствуют решения XVI и XVII съездов КПК. На наш взгляд, важнейшим обстоятельством, опровергающим тезис «о китайской угрозе», является то, что руководство КНР выработывает программу решения стоящих перед страной проблем *на основе углубления политики открытости и сотрудничества с мировым сообществом, постепенного расширения процессов демократизации* очень сложного, многослойного и многонационального китайского общества.

Нельзя рост китайской мощи рассматривать вне контекста сотрудничества Китая с другими странами и соответствующей эволюции других государств. Не может быть успешным рост одного государства в условиях упадка всего мирового сообщества. Мировое экономическое соразвитие в условиях глобализации означает углубление взаимозависимости между всеми странами – как развитыми, так и развивающимися.

Что касается вопроса о так называемом превращении России в «сырьевой придаток» Китая, то в объективно-практическом плане он лежит в плоскости структуры торгово-экономических отношений между нашими странами и также вполне может быть решен по мере подъема и развития традиционных и новых наукоемких отраслей на основе становления экономики знаний, нанотехнологий. Ныне главное место в экспорте России в Китай занимают первичные сырьевые товары. Причин тому несколько, и одна из главных заключается в характере дальневосточной экономики нашей страны. Договоренности о постепенном расширении поставок российской нефти в Китай, о переброске электроэнергии, строительстве дополнительных путей на существующих железных дорогах, соединяющих наши страны, линий ЛЭП, готовность Китая обсуждать вопрос об улучшении структуры российского экспорта в КНР говорят о том, что преодоление тенденции «превращения России в сырьевой придаток Китая» зависит во многом от политики и конкретных действий прежде всего российской стороны. Китай-

ская сторона выступает за конструктивный диалог по соответствующему вопросу.

Разумеется, возможности человеческой фантазии безграничны, и гипотетически можно селективно подобрать из китайской действительности и политики аргументы для иллюстрации любой версии «китайской угрозы». Но научный анализ требует комплексного учета всех факторов и рассмотрения всех доминирующих тенденций в развитии страны и общества. Такой анализ показывает, что мировое сообщество заинтересовано в поступательном развитии КНР и в сотрудничестве с ней, так же как и Китай заинтересован в международном взаимодействии для решения своих проблем.

Тезис о так называемой китайской экспансии нередко раздувается в средствах массовой информации в России умышленно и в известной мере является отражением настроений прозападной ориентированной части российского общества. Через средства массовой информации и устную пропаганду не без помощи зарубежных СМИ населению нашей страны, порой, прививают предвзятое, враждебное отношение к китайским, корейским, вьетнамским мигрантам, хотя даже недоброжелатели вынуждены признать их трудолюбие и скромность. Объективно настроенный человек понимает, что приграничное экономическое сотрудничество во многих аспектах выгодно нашему населению.

Кроме того, проведенный в 2005 г. опрос общественного мнения показал, что 65% россиян считают Китай дружественным государством и только 13% – недружественным. Если говорить о дальневосточных районах России, то там тезис о «китайской экспансии» частью населения воспринимается более обостренно, чем в европейской части. Это объясняется тем, что после открытия некогда «засекреченного» российского Дальнего Востока для внешних контактов он стал объектом притяжения для занятий бизнесом, торговлей и вывозом ресурсов определенной части китайского населения из приграничных провинций КНР.

Некоторые эксперты обосновывают тезис о «китайской угрозе и экспансии» на базе формальной логики цифр – сопоставления 5–6-миллионной численности населения приграничных районов Дальнего Востока и более 120-миллионного населения сопредельных провинций Китая. Однако подобная ситуация сохранялась в течение многих лет и столетий и в прошлом. Ныне такая же ситуация сложилась между Россией и Японией, Россией и Кореей, Китаем и Японией и другими соседними с КНР страна-

ми (кроме Индии). Если следовать этой «цифровой логике», то Россия должна «сжаться» и готовиться к круговой обороне.

Надо реалистически, без идеализации и предубеждения относиться к гражданам соседних, примыкающих к нашим границам стран. И особенно к тем, кто хотел бы временно заняться трудовой деятельностью в тех сферах, где наша сторона испытывает острый дефицит рабочих рук. Не надо запугивать себя «китайской угрозой». Дэн Сяопин, начиная подготовку реформ, которые ныне выдвинули Китай в одного из лидеров мирового развития, прежде всего призвал руководителей всех уровней и всех активных граждан страны освободить свое сознание от разного рода шаблонов, мифов, страхов и взять за основу лозунги «Исходить из реальности», «Считать практику критерием истины, а не чье-либо мнение». Два года шла общекитайская идейно-воспитательная кампания в духе этих лозунгов. Прежде всего была выдвинута развернутая концепция реформы. И это поучительный опыт.

Многолетний «сон разума», охвативший общественность в обеих странах, породил немало «чудовищ». В России еще встречаются люди, которые не желают объективно посмотреть на Китай и понять, что это уже далеко не аморфная «куча песка», как в начале XX века говорили некоторые западные политологи, а страна с высокой культурой и развитым чувством национального достоинства. Попытки представить действия на российской территории китайских нелегальных мигрантов в качестве «государственной политики» КНР также бьют мимо цели. Куда практичнее задерживать этих людей и передавать их в руки китайского правосудия – оно разберется с ними по всей строгости закона. Впрочем, и в Китае до сих пор можно столкнуться с проявлениями распространявшихся в 1960–1970-е годы представлений о России как о «главном агрессоре» и «основной угрозе» Китаю. Эти рудименты прошлого можно иногда встретить в отдельных изданиях, в исторических музеях.

Известно, что среди китайской интеллектуальной и политической элиты в качестве доминирующих сосуществуют два подхода к России и оценке перспектив развития российско-китайских отношений. Условно говоря, первый подход является, по сути, модернизированным, сглаженным отражением недружественной позиции в отношении Советского Союза, которую занимал с начала 1960-х годов Мао Цзэдун. Ныне эта позиция выражается в попытках выталкивания России из политического круга великих держав мира. Выразители этого подхода рассматривают Рос-

сию как страну, переживающую упадок, но еще сохраняющую определенную военную силу. Сторонники этого подхода включают Россию в состав «второстепенных» государств–членов международного сообщества. Они полагают, что Россия как великая держава не имеет будущего.

К счастью, такой подход, одно время весьма широко распространенный среди прозападнастроеной части китайской элиты, имеющий определенный спрос и среди ряда западных и японских политологов, ныне не является доминирующим в Китае. Теперь в китайских политологических статьях редко можно встретить формулу «треугольника» партнерства – «Китай–Япония–США», которая широко «гуляла» по китайским статьям в начале 1990-х годов после распада Советского Союза.

Ныне среди китайских политологов и руководства страны пользуется признанием точка зрения, согласно которой реализация китайских идей о мирном развитии и возвышении Китая не может быть достигнута без поддержания и развития российско-китайского добрососедского дружеского сотрудничества.

Сторонники такой позиции в отношении РФ полагают, что с точки зрения долгосрочных перспектив китайско-российские отношения по своей значимости ни в коей мере не уступают китайско-американским связям. В этой связи выдвигается такая весьма примечательная формула: «Будучи гордой нацией, Россия больше всего не терпит пренебрежительного отношения к себе. А история доказала, что для тех, кто пренебрегает ею, Россия становится самым опасным врагом. Поэтому мы должны уважать Россию и добиваться дружеского партнерства с ней и тогда, когда она станет сильной»¹⁰.

Что касается событий недавнего времени, то некоторые политологи скептически комментировали решение лидеров Китая и России о проведении Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г., рассматривая эти мероприятия как пропаганду с культурным обрамлением. Думается, что это неверный взгляд. Серьезное политическое внимание руководства России и Китая к этим мероприятиям проявилось хотя бы в том, что во главе Оргкомитетов по проведению этих мероприятий встали наиболее энергичные и яркие политики: в Китае – заместитель премьера Госсовета КНР У И и в России – первый заместитель председателя правительства РФ Д.А. Медведев. Только перечень мероприятий по линии разных ведомств – экономических, политических, бизнеса, культуры, образования, науки включил более несколь-

ких сотен позиций. Официальные открытия Года России в Китае и Года Китая в России состоялись во время соответствующих визитов высших руководителей двух государств в принимающую Год страну.

Словом, комплекс мероприятий, связанный с проведением Года России в Китае и Года Китая в России – это массовые широкомасштабные кампании по укреплению взаимопонимания, выявлению потенциала сотрудничества и создания широкой базы для осуществления конструктивного взаимообогащающего диалога цивилизаций, взаимной учебы и понимания важности добрососедства и соразвития.

Сотрудничество невозможно без адекватного уровня знаний о партнере. В России интерес к Китаю и изучению китайского языка быстро растет. Во многих крупных университетах созданы соответствующие синологические факультеты. При Институте Дальнего Востока РАН действует Институт практического востоковедения, где ведущую роль играет подготовка высококвалифицированных китаеведов. Министерство образования КНР открыло в России около 10 Институтов Конфуция, где изучается китайский язык. Однако китаеведение, как и востоковедение в целом, из-за оттока молодежи переживает трудные времена. Ношу взвалили на свои плечи ученые старшего поколения, но их длящийся полтора десятилетия «посткоммунистический субботник» близится к естественному завершению. Хочется очень надеяться, что объявленный президентом В.В. Путиным приоритетным пилотный проект повышения зарплаты ученым поможет преодолеть кадровый кризис и осуществить комплекс мер по укреплению кадровой и научно-исследовательской базы отечественного китаеведения.

Отрадно, что в последнее время из Китая поступает информация о том, что там тоже поняли важность объективного изучения России и расширяют масштабы изучения русского языка и русской культуры.

Подводя некоторые итоги сказанному выше, необходимо подчеркнуть следующее:

Российско-китайское стратегическое взаимодействие и партнерство отвечает коренным национально-государственным интересам обоих государств. Оно выступает важным фактором укрепления международного мира и стабильности. Близость и совпадение этих коренных интересов создают прочную основу для дальнейшего развития комплексного диалога РФ и КНР. Созданная

совместными усилиями правовая база и накопленный значительный опыт сотрудничества позволяют решать возникающие проблемы политическими средствами на взаимоприемлемой основе.

Для РФ важно и необходимо, на наш взгляд, трезво и ответственно оценивая ситуацию, использовать свое выгодное геостратегическое и геоэкономическое положение и совпадение ряда позиций и подходов с КНР, углублять стратегическое партнерство и сотрудничество с Китаем на основе принципов Договора от 16 июля 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

ЧТО ТАКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО?

Последнее десятилетие было свидетелем динамичного развития отношений между РФ и КНР, что отвечает как интересам двух стран, так и интересам поддержания стабильности в азиатском регионе и во всем мире. Россия и Китай – две великие мировые державы, в которых проживает почти четверть населения Земли. Сегодня имеются все необходимые условия, чтобы энергично наращивать двустороннее сотрудничество, эффективно отстаивать и общие, и национальные интересы на международной арене.

В XXI век обе страны вступили с серьезным багажом достижений, равно как и множеством, прежде всего внутренних, проблем.

К числу достижений относится комплекс соглашений по политическим, торгово-экономическим, военным и пограничным вопросам. Решение проблемы пограничного размежевания позволило превратить границу между двумя странами в зону добрососедства, стабильности и сотрудничества. К настоящему времени создан уникальный многоуровневый механизм взаимодействия. Пожалуй, нет такой сферы, которая выпадала бы из интенсивного, равноправного, доверительного диалога между двумя странами.

Сотрудничество опирается на солидную правовую базу, насчитывающую более сотни межправительственных соглашений и межрегиональных, межведомственных соглашений. Регулярные встречи и переговоры с китайскими руководителями разных уровней демонстрируют, что российско-китайское сотрудничест-

во и диалог в двусторонней, региональной и глобальной рамках получили дальнейшее укрепление и развитие. Отмечается совпадение позиций двух стран по многим ключевым проблемам. Такое взаимодействие в нынешней международной обстановке имеет важное значение.

Вместе с тем странами была совместно выработана такая формула двусторонних отношений, которая позволяет сочетать сходство и специфику стоящих перед ними задач с учетом национальных интересов каждой из них, уважением выбора и особенностей избранного каждой стороной пути преобразований. Такого рода формула справедлива и применительно к их отношениям с третьими странами.

Подчас некоторые наблюдатели выказывают озабоченность по поводу термина «стратегическое взаимодействие» – не кроется ли за ним стремление к установлению военно-политических союзнических связей, направленных против третьих стран? Следует отметить, что речь идет о долгосрочных, устойчивых, прочных отношениях, свободных от конъюнктурных факторов. В Совместной декларации 2002 г. подчеркивается стремление России и Китая «координировать позиции и поддерживать друг друга в вопросах, вызывающих озабоченность обеих Сторон, в полной мере воплощать великую стратегическую идею «навсегда добрые соседи, хорошие друзья, надежные партнеры, никогда – враги», вместе со всеми миролюбивыми государствами и народами мира отвечать на новые вызовы нашего времени». Далее заявляется об их «ненаправленности против третьих стран»¹¹.

Такого рода констатация имеет огромное значение для соседних азиатских стран, да и не только для них. От характера и состояния взаимоотношений между двумя великими азиатскими державами во многом зависит вся международная обстановка в регионе. Устойчивость, предсказуемость, взаимопонимание в российско-китайских отношениях в значительной мере определяют стабильный, спокойный характер ситуации в регионе.

В концептуальном плане построение дружественных отношений между двумя странами на основе упомянутой выше формулы «трех не» – неконфронтационность, невступление в союзы, ненаправленность против третьих стран – является моделью межгосударственных отношений нового типа, принципы которых созвучны и являются развитием признанных документов азиатской политико-философской мысли: «Панча шила» – «Пять принципов

мирного сосуществования», провозглашенных в 1954 г. Индией и Китаем, в Декларации Бандунгской конференции, что может содействовать созданию нового международного политического и экономического порядка в регионе.

Россия и Китай – это две самобытные цивилизации, оказавшие глубокое воздействие на развитие человечества. Вместе с тем у России и Китая не только богатая история, но и особая ответственность перед нынешними и будущими поколениями за формирование справедливого и безопасного мира. Нас объединяет общее видение принципов и путей строительства нового мироустройства, фундаментом которого должны быть верховенство права и учет интересов всех государств. Именно такая общность взглядов на будущее международных отношений лежит в основе российско-китайского стратегического партнерства.

Партнерство Китая и России служит важным фактором поддержания международного мира и безопасности, укрепления стратегической стабильности, эффективного противодействия новым вызовам и угрозам. Москва и Пекин едины в приверженности строгому соблюдению принципов и норм Устава ООН. По общему убеждению, центральную координирующую роль в миропорядке XXI века должны играть ООН и Совет Безопасности. РФ и КНР выступают за демократизацию международных отношений, созидание полицентрической модели мирового устройства, полагая, что только многосторонними усилиями человечество может прийти к решению стоящих перед ним глобальных и региональных проблем. Полицентрическая структура международных отношений открывает большие возможности проведения, прежде всего малыми и средними странами, независимого внешнеполитического курса, маневрирования на международной арене в целях обеспечения национальных интересов.

И Москва, и Пекин отдают отчет в том, что обеспечение стратегической стабильности, которое, прежде всего, предусматривает устранение угрозы с применением ядерного оружия, невозможно без взаимодействия с США. Для Китая США являются емким рынком китайских товаров, крупным источником инвестиций и инновационных технологий. В декабре 2002 г. начались переговоры между достаточно высокого уровня военными делегациями США и Китая. Поэтому в случаях равноправного, взаимовыгодного взаимодействия по актуальным проблемам региональной и глобальной безопасности и экономического сотрудничества

Россия и Китай считают объективной данностью необходимость взаимодействия с США.

Поддержание стратегической стабильности требует активного противостояния международному терроризму. Вместе с тем представляется неправомерной линия США на то, чтобы использовать борьбу с терроризмом в качестве средства по приобретению односторонних преимуществ и выгод. В этой связи необходимо не допустить расплывчатого толкования понятия международного терроризма и двойных стандартов в практике борьбы с международным терроризмом.

Важно, чтобы противодействие терроризму, который, как правило, не имеет конкретной национальной или религиозной принадлежности, не отождествлялось с борьбой против какой-либо религии, свободы вероисповедания, отдельных стран и национальностей. Обеспечивая борьбу с терроризмом на всех уровнях – глобальном, региональном и национальном, следует, видимо, следить за тем, чтобы эта политика была лишена тенденциозности. Государства – участники борьбы против терроризма в равной степени озабочены террористической угрозой и с пониманием относятся к действиям всех стран–участников этой борьбы и считают их важной составной частью международной борьбы с терроризмом.

Было бы ошибкой полагать, что международный терроризм проявляет себя открыто лишь в военных формах, как это имело место в Афганистане. Международный терроризм, особенно осуществляемый на государственном уровне, действует и в сфере политики, и в сфере экономики, и в сфере культуры, в духовной жизни народа. Имеются в виду акции, направленные на подрыв валюты стран–объектов террора, действия, расшатывающие морально-политическое единство народов стран, зомбирующие население, деформирующие его национальное самосознание. Сегодня вряд ли какая-нибудь страна в состоянии справиться с международным терроризмом в одиночку, тем более важным является российско-китайское партнерство на этом направлении.

В Азии значительным достижением российско-китайского взаимодействия явилось создание по инициативе России и Китая Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). После подписания в июне 2002 г. главами государств – членов ШОС Хартии этой Организации, Соглашения о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) можно говорить об институциональном и правовом оформлении в центре Евразии нового динамичного

объединения, охватывающего почти четверть населения земного шара. К его основным задачам относится углубление сотрудничества в вопросах обеспечения мира и достижения международного политического и экономического порядка на принципах демократии, справедливости и многополярности. Одним словом, речь идет о становлении новой культуры межгосударственного общения не только в Азии, но и в мире в целом.

Разумеется, эффективность деятельности этой организации и сама ее будущность во многом зависят от того, сможет ли она помочь найти баланс противоречивых интересов центральноазиатских членов ШОС в условиях растущего влияния непосредственного военного присутствия мощных внерегиональных сил.

Как Москва, так и Пекин полагают, что обеспечению стратегической стабильности на любом уровне не может содействовать долгосрочное пребывание вооруженных сил внерегиональных держав в Центральной Азии и Закавказье. Речь идет о дислокации военных подразделений США и их союзников по НАТО в зоне традиционных интересов России и Китая, о фактическом их расположении в соседних с КНР странах. Присутствие США в Центральной Азии было бы оправданным, если бы оно «работало» на программы политического, экономического и социального развития региона. Однако в действиях американцев преобладает избыточность военной составляющей. Во многом сходная картина и в Закавказье, прежде всего в Грузии, куда идет проникновение США под лозунгом борьбы с международным терроризмом. Думается, что взаимодействие России и Китая по этому вопросу будет способствовать выполнению заявления руководства США о выводе американских войск по мере стабилизации обстановки в регионе.

Тщательный анализ развития ситуации в КНР показывает, что руководство этой страны реалистически оценивает проблемы и вызовы, возникающие в процессе модернизации. Оно реально ищет и выдвигает пути решения стоящих перед страной проблем. Именно об этом свидетельствуют решения последних съездов КПК. На наш взгляд, важнейшим обстоятельством, опровергающим тезис о «китайской угрозе», является то, что руководство этой страны вырабатывает программу решения стоящих перед ней проблем *на основе углубления политики открытости и сотрудничества с мировым сообществом, постепенного углубления процессов демократизации* очень сложного, многослойного и многонационального китайского общества.

К ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

История российско-китайских отношений насчитывает почти четыре столетия. Несмотря на отдельные драматические эпизоды и периоды кратковременной по историческим меркам размолвки и отчужденности и даже локальных вооруженных столкновений, российско-китайские отношения, как уже выше отмечено, в целом можно охарактеризовать как историю мирного сосуществования, поиска взаимопонимания и расширения каналов сотрудничества, глубокой дружбы и взаимного духовного обогащения, конструктивного диалога и взаимной учебы, взаимопомощи, совместной борьбы за мир, безопасность, за построение более справедливого международного порядка не только для наших двух стран, но и для многих малых и больших государств.

Во всемирной истории трудно отыскать другой пример того, чтобы совместные усилия двух стран, двух великих народов внесли столь весомый вклад в освобождение всего человечества от чумы фашизма, милитаризма и колониализма. Принято говорить, что политика – грязное, аморальное дело. Но история наших отношений содержит столько искренней дружбы представителей культуры, науки, искусства, литературы народов двух стран, что она достойна самых возвышенных слов.

Добрососедство, дружба и сотрудничество двух стран буквально выстраданы нашими народами. Они прошли суровые и порой кровавые испытания в годы так называемой «культурной революции».

Мы искренне рады, что период отчужденности и даже порою враждебности в наших отношениях канул в прошлое. Народы, политики, общественные деятели, ученые России и Китая провели значительную работу, чтобы вскрыть причины, которые привели к драматическим изменениям характера советско-китайских отношений. Совместными усилиями мы помогли друг другу осознать уроки этого трагического зигзага в двусторонних отношениях. Так была создана благоприятная духовная и политическая атмосфера для восстановления дружественных связей и быстрого совершенствования

и развития их от простого мирного сосуществования и добрососедства до стратегического взаимодействия и партнерства, которое юридически закреплено Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанным 16 июля 2001 г. в Москве. Темп развития российско-китайских отношений и их правовая форма не имеют прецедентов в мировой практике международных отношений.

Россия и Китай обогатили международное право, принципы ООН практикой взаимоотношений, которые породили широко известные ныне термины, характеризующие международные связи нового типа. Такие, например, как, «стратегическое партнерство», «стратегическое взаимодействие».

На мой взгляд, современные международные условия являются прежде всего порождением распада СССР и доминирования одной сверхдержавы, политическая элита которой не связывает себя ни с какими гуманистическими традициями культуры, а руководствуется лишь принципом достижения узкоэгоистических, односторонних целей с помощью грубой политики силы и циничного попрания международного права. Стратегической целью этой сверхдержавы объявлено насаждение во всем мире ее системы гражданских и политических «ценностей». Лидерам этой державы удалось плотно оседлать объективную тенденцию глобальной мировой экономики. Опираясь на этот мощный рычаг, они хотят американизировать весь мир, подчинить своей воле и политике все страны и народы. Под флагом борьбы с терроризмом они повсеместно провоцируют конфликты и столкновения между теми странами и политическими силами, действия или взгляды которых их не устраивают. Для разрушения многообразия цивилизации они выдвинули и продвигают в жизнь стратегию противопоставления и столкновения цивилизаций. В этих условиях главная тенденция нашей эпохи – мир и развитие сталкивается с серьезными вызовами, подвергается определенным деформациям.

Все эти проблемы требуют от нас серьезных совместных исследований и учета в конкретной политической практике. В сложившихся условиях стратегическое взаимодействие и дружеское партнерство России и Китая является не только дальновидным и политически взвешенным ответом на бросаемый нашим странам вызов в вопросах безопасности, сохранения территориальной целостности и суверенитета, но и открывает перед миром альтернативный путь сосуществования и сотрудничества. Наше стратегическое взаимодействие и партнерство – это не красивые декла-

рации, а этапные исторические деяния в различных сферах. Назовем лишь важнейшие из них.

1. Произошло юридическое договорное оформление двусторонних отношений. Высшим долговременным правовым регулятором наших отношений стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.

2. Создан и эффективно работает многослойный переговорный диалоговый механизм, проходят регулярные встречи глав государств, правительств, руководителей министерств и ведомств, общественных организаций и граждан двух стран.

3. Для углубления взаимопонимания между общественностью двух стран в 2006 и 2007 гг. осуществлена крупномасштабная комплексная акция Года России в Китае и Года Китая в России. В массовых мероприятиях этих Годов приняли участие миллионы граждан, что позволило в значительной мере преодолеть существующие предубеждения, непонимание, незнание друг друга, расширило социальную базу сотрудничества.

4. Резко возрос туристический обмен. Только в 2005 г. более 400 тыс. китайских граждан посетили Россию и около 2 млн россиян приезжали в качестве туристов в КНР. Ряд курортных мест Китая, например Бэйдайхэ, Санья, стали любимыми местами отдыха сибиряков и дальневосточников. Они заменили им Крым и ряд курортов Грузии.

5. Быстрыми темпами растет торгово-экономическое сотрудничество. Состоялись межправительственные переговоры о значительном расширении сотрудничества между странами в области поставок нефти и газа как по железной дороге, так и через нефте- и газопровод в Китай, которые будут построены в ближайшие годы из нефтеносных районов Сибири и Дальнего Востока. Подписаны соглашения об увеличении поставок электроэнергии из Сибири в КНР, о расширении сотрудничества в области автомобилестроения (возведение Китаем автосборочных заводов в России), о взаимодействии в сфере авиастроения, космоса, связи и т.д.

6. Набирает масштабы сотрудничество между РАН и тремя китайскими академиями. Ведутся исключительно важные совместные исследования в общественных науках, проблем космоса, ядерной энергии, генетики, физиологии, наук о земле, экологии.

7. Большие перспективы имеет сотрудничество в области культуры и образования. К сожалению, пока оно носит узкий характер.

8. РФ и КНР тесно и доверительно сотрудничают в военно-технической сфере. Новой формой взаимодействия вооруженных

сил стала практика проведения совместных штабных и войсковых учений.

Поддержание и углубление стратегического взаимодействия и партнерства между странами ставит перед учеными-обществоведами России и Китая целый ряд важных задач. Одна из первостепенных на этом направлении – совместно со СМИ добиваться объективного, доброжелательного взаимоуважительного восприятия друг друга, отношения друг к другу.

И в России, и в Китае признают: несмотря на то, что уже 15 лет как между нашими странами установились отношения стратегического взаимодействия, народы двух стран все еще не очень хорошо понимают друг друга. Если люди старших поколений оценивают связи мерками советско-китайской дружбы 1940–1950-х годов, то среди среднего и молодого поколений знания друг о друге носят обрывочный или даже искаженный характер. Не прошла бесследно и многолетняя кампания периода «культурной революции» в Китае. Цель проведения национальных Годов – преодолеть сложившийся разрыв между глубокой доверительностью отношений в верхних руководящих эшелонах двух стран и слабой информированностью, распространенными среди широких слоев населения России и Китая предубеждениями, и тем самым серьезно расширить и укрепить социальную базу российско-китайского добрососедства, дружбы и сотрудничества. В этом смысле беспрецедентная инициатива лидеров двух стран о проведении Годов России и Китая предоставила ученым двух стран самый благоприятный шанс проявить активную созидательную роль науки.

Президент В.В. Путин и председатель Ху Цзиньтао не только подтвердили свою приверженность духу и букве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., но и подчеркнули программное, долговременное, стратегическое значение этого документа.

В этой связи огромный интерес в мире вызвал тезис Совместной декларации о том, что Россия и Китай выступают *«за скорейшее создание механизма трехстороннего сотрудничества в формате Россия – Китай – Индия, считая, что это содействует более полной реализации их возможностей в экономическом развитии»* (выделено мною. – М.Т.), а также укрепляет международные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам.

Совместная декларация является новаторским документом, который серьезно обогащает теорию и практику международных

отношений. Положения Совместной декларации не только последовательно отстаивают незыблемые правовые принципы Устава ООН, но и вносят в них новое, отвечающее времени содержание.

Как справедливо отмечалось в комментарии газеты «Жэньминь жибао», вопреки досужим домыслам и рассуждениям о том, что внимание Китая к России якобы объясняется лишь конъюнктурным интересом к российскому рынку, на который будут поставляться китайские «некачественные товары», и российскому сырью, «Китай видит в России главного стратегического партнера»¹².

Особо следует упомянуть о том, что в Совместной декларации высоко оцениваются двусторонние соглашения, которыми закрепляется окончательное решение пограничной проблемы. Этот факт имеет исключительно актуальное значение, так как убедительно разоблачает домыслы тех, кто повторяет инсинуации о «китайской угрозе», старательно подбрасываемые в российские СМИ недоброжелателями российско-китайского добрососедства.

Другой вопрос, который также требует правильного научно обоснованного отношения, это осознание и признание факта, что Россия и Китай – две современные великие державы с богатейшими традициями духовной и материальной культуры.

История возникновения советско-китайских разногласий и последовавшего затем резкого ухудшения отношений между сторонами подтверждает вывод о том, что по мере развития и расширения сотрудничества возникновение различий в подходах, отдельные примеры несовпадения интересов взаимодействующих сторон – явление вполне нормальное и естественное. В ходе решения тех или иных проблем неизбежно может проявляться различие подходов и даже несовпадение конкретных интересов. Вопрос лишь в том, чтобы, как говорят в Китае, «правильно разрешать противоречия внутри народа».

Следует подчеркнуть, что и в КНР, и в РФ учли исторические уроки прошлого. Создан и эффективно действует многоступенчатый разветвленный переговорный механизм взаимодействия и диалога практически по всем направлениям сотрудничества. В течение последних лет ежегодно проходят обмены взаимными визитами на высшем уровне. Тщательно и всесторонне готовятся также регулярные ежегодные деловые переговоры глав правительств двух стран. Появление новых проблем, требующих решения (например, загрязнение приграничных рек, вопросы природо-

пользования, борьба с лесными пожарами в пограничных зонах, охрана лесов и редких животных и т.д.), и новые направления сотрудничества побудили лидеров двух стран договориться о создании двух подкомиссий – по сотрудничеству в области охраны окружающей среды и в области гражданской авиатехники.

Итак, что касается взаимопонимания и доверия между лидерами и правящими кругами двух стран, то здесь в настоящее время ситуация как никогда благоприятная и внушающая оптимизм. Что же касается необходимого объективного информирования общественности каждой из стран о жизни наших государств, их политике, то здесь ситуация требует коренного улучшения, особенно в России.

Проведение национальных Годов России и Китая в 2006–2007 гг., достигнутые в ходе визита В.В.Путина в КНР и визита в нашу страну председателя КНР Ху Цзиньтао договоренности о расширении равноправного, взаимовыгодного и взаимодополняющего стратегического взаимодействия требуют адекватного, корректного, объективного освещения в печатных и электронных средствах массовой информации. Активную роль в этом играет ряд российских и китайских журналов и телеканалов. Регулярное научное и научно-популярное освещение тематики российско-китайских отношений, всех аспектов развития Китая, включая опыт реформ, дают публикации Института Дальнего Востока РАН и издаваемый институтом журнал «Проблемы Дальнего Востока», а также публикации научных центров Института востоковедения РАН, МГИМО(У), МГУ и ряда региональных центров экономического и исторического профиля в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Хабаровске, Чите, Владивостоке. Однако тиражи научных трудов институтов и их журналов из-за финансовых трудностей очень ограничены.

В 2006 г. начал выходить журнал «Россия – Китай. XXI век», издаваемый Центром российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. К сожалению, в России до сих пор нет изданий на китайском языке, рассчитанных на читателей в КНР. Китайские друзья в последние годы предприняли ряд усилий по ознакомлению российских граждан с жизнью Китая. С 2006 г. возобновилось издание иллюстрированного журнала «Китай» на русском языке. В Харбине уже ряд лет выходит содержательный и яркий русскоязычный журнал «Партнеры», в котором освещаются все стороны российско-китайского регионального сотрудничества и его роли в жизни КНР. В городе Муданьцзян (провинция

Хэйлунцзян) стала издаваться на русском языке газета «Китайско-российская торговля и экономика». Следует отметить, что в целом китайские печатные и электронные средства массовой информации достаточно доброжелательно объективно освещают российскую тематику. В Китае довольно часто демонстрируются советские и российские кинофильмы, идут пьесы российских авторов. Собственными силами были сняты многосерийные фильмы «Как закалялась сталь» и «А зори здесь тихие».

К сожалению, выходящие в России многотиражные газеты в большинстве своем не имеют корреспондентов в Китае и редко, а некоторые порой необъективно освещают жизнь нашего великого дальневосточного соседа, односторонне пишут о российско-китайском сотрудничестве. Как отмечал председатель Комитета по международным делам Государственной Думы К.И. Косачев, «СМИ РФ часто передают искаженную и необъективную информацию о присутствии Китая в Дальневосточном регионе России»¹³.

Такая, мягко говоря, сдержанная позиция ряда издающихся в России СМИ противоречит, на наш взгляд, национальным интересам России, мешает позитивному развитию российско-китайского сотрудничества и в целом не отвечает духу времени и растущему интересу российских деловых кругов, молодежи к КНР.

За последние 10 лет практически во всех крупных университетах и институтах различных городов и регионов России – от Калининграда, Санкт-Петербурга и Москвы до Екатеринбурга, Новосибирска, Иркутска, Читы, Хабаровска, Владивостока и Улан-Удэ – созданы отделения или группы по изучению китайского языка. Растет интерес к китайской медицине, философии, оздоровительным системам и боевым искусствам.

Перед учеными, особенно историками и социологами, стоит также важная задача в своих исследованиях острых локально-конфликтных проблем прошлого придерживаться конкретно-исторического подхода, не переносить в отдаленное историческое время современные критерии и оценки ситуации исторических событий и не давать современности оценки, исходя из подходов далекого прошлого.

Самым разумным, как представляется, можно считать слова Дэн Сяопина относительно формата нормального развития отношений между нашими странами: «Закрывать прошлое, открывать будущее!» Разумеется, это не налагает запрета на проведение историками исследований сложных аспектов, относящихся к прошлому.

В качестве примера хотелось бы сказать вот о чем. Мы не можем не учитывать того, что события 1960–1989 гг., имевшие драматические последствия для судеб всего мира и судьбы Советского Союза, не ушли в дали глубокой истории. Многие важнейшие документы, относящиеся к истории этих событий, еще хранят гриф «Совершенно секретно», «Особая папка» или просто «Секретно». Другими словами, далеко не все важнейшие факты, обусловившие возникновение и развитие острого конфликта между СССР и КНР, доступны исследователям. С учетом этого выводы и оценки, которые делают ученые на основе лишь части доступных им фактов, не могут не быть односторонними, неполными, поэтому носят предварительный характер и требуют дальнейшего изучения.

Российские китаеведы своими трудами стремятся содействовать глубокому, всестороннему взаимопониманию между нашими странами и народами.

Активно работает Общество российско-китайской дружбы, которое выступает подлинным пропагандистом добрых традиций в российско-китайских отношениях и достижениях китайского народа.

Вместе с тем, к сожалению, следует признать, что в некоторых российских публикациях, в том числе в книгах, не всегда дается корректная, взвешенная оценка тех или иных исторических событий. К сожалению, этот упрек можно отнести и к некоторым трудам наших китайских коллег.

В качестве одного из примеров односторонности, предвзятости, которые порой имели и имеют место в публикациях китайских друзей, – это обвинение Советского Союза в социал-империализме. Как можно обвинить Советский Союз в социал-империализме, когда СССР, находясь в разлуке после опустошительной войны, а затем неся огромное бремя противостояния с США, тем не менее, направлял эшелоны с продовольствием, имеющейся у него техникой и оборудованием для заводов в социалистические страны Восточной Европы, в Китай, во Вьетнам, на Кубу. СССР поставлял в КНР самые современные по тем временам технологии, в то время как западные страны поставляют зарубежным партнерам главным образом лишь те технологии, которые внутри их стран считаются морально устаревшими. Так происходит и ныне.

О духе подлинного интернационализма и самопожертвования говорят многие факты новейшей истории наших стран. Это могилы советских летчиков-интернационалистов, сражавшихся в небе Китая против японских агрессоров, это братские могилы воинов

Красной Советской армии во многих городах КНР, особенно много их на Северо-Востоке.

Приведу один потрясающий по своей выразительности лаконичный документ, который наши ученые отыскиали в архивных фондах, подбирая документы к изданию 5-го тома «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Среди материалов Политбюро ЦК ВКП(б) мы обнаружили Протокол № 34 заседания ПБ ЦК ВКП(б) от 3 июля 1941 г. В повестке дня этого заседания под грифом «Сов. секретно» записано (цитирую полностью):

«179 – Вопрос ИККИ. Отпустить ИККИ один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК Компартии Китая. Выписки посланы: тт. Димитрову (генеральный секретарь Коминтерна. – *М.Т.*), Звереву (нарком финансов СССР. Секретарь ЦК. – *М.Т.*)». [Ф. 170. П. 162. Д. 36. Ч.1. Л.41]¹⁴. Началась война. Это были тяжелейшие, трагические дни для Советского Союза. Тем не менее в этот момент Москва приняла решение о помощи китайским коммунистам.

ДОГОВОР 2001 ГОДА – ПРОЧНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

16 июля 2001 г. главы государств Китая и России подписали в Москве Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, что заложило прочную правовую основу для развития конструктивных отношений стратегического взаимодействия между двумя странами¹⁵.

Договор обобщил опыт предыдущих десяти лет нормализации российско-китайских отношений, опыт углубления стратегического партнерства на основе общности интересов, стратегических интересов Китая и России на пути развития, обеспечения своей безопасности, сохранения устойчивости в мире. Руководители РФ и КНР пришли к необходимости создания прочной, долговременной юридической основы российско-китайского стратегического партнерства. Это первое.

Второе состоит в том, что Договор зафиксировал и заложил основу новой модели отношений между большими суверенными государствами. Если в основе предыдущих этапов развития наших

отношений были пять принципов мирного сосуществования, то на новом этапе, после подписания Договора, эти принципы обогатились новым содержанием. Они дополнились принципами взаимного уважения друг друга, взаимного благоприятствования развитию друг друга, взаимной дополняемости. Принципы стратегии соразвития положены в основу российско-китайского стратегического взаимодействия на многие годы. И это создало новую модель международных отношений, что стало примером для многих стран. На их основе и Китай, и Россия решают проблемы с другими странами. Ярким примером использования стратегии и философии соразвития является создание Шанхайской организации сотрудничества. Именно Россия и Китай совместными усилиями выработали указанные принципы, они положены в основу ШОС. Духом Организации является уважение и стимулирование многообразия культур и соразвитие. Это один из факторов международного значения и опыт стратегического взаимодействия между Китаем и Россией, принципы которого впервые были зафиксированы в Договоре.

Третий момент состоит в том, что на базе Договора и Китай, и Россия осознали долговременную созвучность, взаимную дополняемость, совпадение или близость стратегических интересов. Именно на этой основе создана база для взаимного понимания. Поэтому Россия и Китай смогли на основе Договора определить пути решения сложнейших международных проблем, урегулирования пограничных проблем. В течение сорока лет продолжались сложные переговоры по урегулированию пограничных вопросов и линии прохождения границы. На основании Договора 2001 г. трудная и огромная по объему работа была завершена, завершена на взаимоприемлемой основе, учитывающей интересы друг друга, сегодняшние и долговременные, что тоже является настоящим примером внедрения в практику современных международных отношений принципов равноправия, демократии и справедливости. Подход Китая и России к решению пограничных проблем имеет важное международное значение. Успешное завершение российско-китайских переговоров о прохождении границы стало важным фактором, способствующим не только дальнейшему позитивному развитию двустороннего стратегического партнерства и взаимного доверия, но и укреплению безопасности и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии.

Договор создал предпосылки не только политического сотрудничества, взаимопонимания между Россией и Китаем, но

и правовую базу механизмов решения проблем, возникающих в ходе развития наших стран. Это существенно, потому что сложилась многослойная система, которая включает: регулярные встречи высших руководителей, межведомственные, межправительственные комиссии, созданные в рамках этого документа, подкомиссии, которые обсуждают и контролируют решение конкретных вопросов и договоренностей, достигнутых на высшем уровне и на уровне глав правительств. В рамках подкомиссий идет экспертная и политическая проработка неизбежно возникающих на пути решения практических вопросов двусторонних отношений. Ярким примером является известное событие, связанное с попаданием в результате аварии отравляющего вещества в реку Сунгари. Стороны очень серьезно отнеслись к этому. Была создана комиссия, которая решала оперативные вопросы. Ныне по всем этим проблемам достигнуты взаимные договоренности. Вопросы урегулирования и повышения качества приграничной торговли – тоже важный момент.

Следует также добавить, что Договор имеет большое значение с точки зрения создания условий для широкого развития межкультурного и межцивилизационного обмена и диалога. На основании Договора разрабатывается целый ряд положений, конкретных правил, взаимных действий между многими ведомствами наших стран. В рамках ШОС была подписана серия документов по многим областям сотрудничества: в сфере безопасности, образования, культуры и т.д. В ходе состоявшегося российско-китайского форума обществоведов стороны договорились о том, что проведут совместные исследования международных и правовых аспектов значения стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Обсуждается вопрос, в чем различие между союзной моделью отношений, как это было в 1950-е годы между Советским Союзом и Китаем, и отношениями стратегического взаимодействия. Многие наши ученые считают, что нынешняя модель стратегического взаимодействия более соответствует духу времени, она более гибкая и позволяет каждой стороне максимально учитывать национальные интересы и вместе с тем позволяет вести политику в рамках общих договоренностей.

Наконец, следует отметить, что Договор имеет принципиальное значение для укрепления международных позиций каждой из сторон, а также обеспечения суверенности, независимости и территориальной цельности. Договор подчеркивает полную поддержку Россией политики КНР: политики объединения роди-

ны, сохранения территориальной цельности Китая и позиции по вопросам Тайваня. В свою очередь Китай тоже поддерживает Россию в ее усилиях противодействия сепаратизму в некоторых районах нашей страны. Короче говоря, Договор является своеобразной гарантией обеспечения безопасности наших стран, и в целом он служит фактором стабильности и мира в Азии, примером моделью для разрешения проблем других государств.

Значение Договора для Российской Федерации и Китайской Народной Республики состоит не только в углублении доверия на верхних эшелонах власти, но и в расширении социальной базы наших отношений. Этому способствовал целый комплекс мероприятий в рамках Года России в Китае (2006 г.), а также обширный план мероприятий в рамках Года Китая в России (2007 г.). Таким образом, массовая социальная база наших отношений укрепляется.

Этот процесс наблюдается не только в политической сфере, но и в экономической, культурной, образовательной. Он проявляется в развитии торговли между нашими странами, в расширении нашего взаимовыгодного, взаимодополняющего сотрудничества в сфере энергоресурсов. В ходе визита президента В.В. Путина в Китай достигнуто принципиальное, практическое решение ряда проблем, таких как строительство газопровода, высоковольтных линий передачи, улучшения качества структуры торговли между нашими странами. Китайская сторона с пониманием отнеслась к пожеланиям российской стороны, чтобы торговля не сводилась только к поставкам первичного сырья из России, в дальнейшем велась и на базе совместных проектов переработки сырья. Сейчас уже обсуждаются проекты создания совместных предприятий. Это тоже очень важный момент, связанный с совершенствованием качества и форм взаимовыгодного сотрудничества.

Следуя достигнутым договоренностям, руководители РФ и КНР пришли к взаимопониманию – довести к 2010 г. объем торговли между странами до 60 или 80 млрд долл. Для успешного развития сотрудничества с Китаем нам желательно четко представлять, что ожидает Китай от нас, а что мы вправе ожидать от него, сколь далеко можно идти навстречу китайским ожиданиям без ущерба для собственных интересов, разделить проблемы, носящие объективный и субъективный характер, и т.д. Именно этим целям служит принятый по инициативе лидеров двух стран План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 г.).

Нужно подчеркнуть, что совпадение, сходство и резонансность коренных национальных интересов двух стран в сфере обеспечения безопасности и дальнейшее последовательное наращивание взаимовыгодного сотрудничества с Китаем может стать одним из главных факторов экономического развития России, особенно ее восточных регионов, укрепления ее международных позиций. В той же степени это относится и к Китаю. Это сотрудничество может способствовать укреплению национальной и международной безопасности, суверенитета и территориальной целостности обеих стран. Существующие и потенциальные различия в интересах, возможные противоречия не носят антагонистического характера; при наличии политической воли и гибкости они могут быть преодолены и разрешены на основе принципов добрососедства и дружбы.

Появление глобальных угроз современного типа создает новый импульс для позитивного развития в отношениях РФ и КНР. К императиву параллельных действий Москвы и Пекина по таким приоритетным мировым проблемам, как построение многополярного мира, создание нового международного политического и экономического порядка, добавилась необходимость совместной борьбы с международным терроризмом, раскольничеством и сепаратизмом.

Оптимальным для России и, надо полагать, для Китая, вариантом является всестороннее углубление российско-китайского добрососедского сотрудничества, переход на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях к модели реального соразвития двух стран. Главные плюсы этого варианта – придание долгожданного мощного импульса подъему Сибири и Дальнего Востока, укрепление позиций России в Северо-Восточной Азии и АТР, подключение страны к получению реальных выгод и от глобализации мировой экономики, и от реального взаимодействия и сотрудничества с нашим великим дальневосточным соседом.

В ближайшее десятилетие акцент должен быть сделан на полной реализации очевидных сравнительных преимуществ России в энергоносителях, обладании культурным, интеллектуальным и научно-техническим потенциалом, обширной территорией и транзитными возможностями, которые в полной мере на взаимовыгодной основе могут быть востребованы Китаем. Крупномасштабное привлечение китайских инвестиций и подключение российских производителей к решению задач подъема Северо-Востока и Запада КНР способны существенно оживить россий-

ский машиностроительный комплекс поначалу на инновационном направлении, а затем и в форме массового производства современной продукции.

Российской стороной высказана озабоченность тем, что объем импорта Китая из России продукции машиностроительной промышленности уменьшается. Очевидно, есть несколько факторов, связанных не только с изменениями потребностей китайской стороны, но и с тем, что российская сторона, видимо, недостаточное внимание уделяет конкурентоспособности и рекламе нашей продукции. Китайская сторона с пониманием отнеслась к российским заявлениям о желании расширить сотрудничество в области машиностроительной промышленности, в частности, в области самолетостроения, космоса и атомной энергетики. Надо полагать, в этом плане китайско-российское сотрудничество является исключительно важным, и российские специалисты понимают это. Нельзя судить о качестве российско-китайского торгово-экономического сотрудничества только по отдельным цифрам. В рамках модели сотрудничества Китая с Америкой и с Японией КНР является сборочным цехом, в основном не производителем самостоятельной продукции, а производителем чужих брэндов деталей, частей, заимствованных технологий. Китай эти страны используют только из-за дешевой рабочей силы.

Нередко возникает вопрос, что сдерживает развитие российско-китайского экономического сотрудничества?

Тут играют роль определенные факторы, в том числе исторический, связанный с тем, что к моменту нормализации отношений между СССР и Китаем китайский рынок уже был занят западными компаниями. Китай в 1970–1980-е годы полностью переориентировался на западный рынок. Все прежние ниши советско-китайского сотрудничества 1950-х годов оказались занятыми. России ничего не осталось. Возник только единственный рынок – рынок, связанный с военной техникой. Американцы и Запад в целом считают, что им невыгодно стимулировать развитие Китая в сфере обороны. Запад не заинтересован в том, чтобы у КНР было собственное передовое машиностроение, современная оборонная промышленность.

Еще одним фактором, сдерживающим сотрудничество, является привязка крупного китайского бизнеса к ведущим западным транснациональным компаниям. Западные компании не хотят иметь в Китае конкурента в лице России. Они чувствуют себя

уютно в Китае, здесь дешевая рабочая сила и благоприятная налоговая ситуация.

Разумеется, развитие двустороннего сотрудничества на основе стратегии соразвития не является автоматически гарантированным. Оно требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, взаимных уступок и учета интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыткам внешних и внутренних сил играть на реальных и мнимых трениях и противоречиях между нашими странами. Однако подлинная заинтересованность в реализации этого варианта российско-китайских отношений воздастся сторицей. На наш взгляд, именно на китайском направлении сегодня лежит наиболее естественный и эффективный путь возрождения и усиления России, скорейшего подъема ее восточных регионов.

Необходимо еще раз подчеркнуть резонансный характер коренных интересов и целей наших стран. Россия объективно заинтересована в динамичном поступательном экономическом развитии Китая и сохранении там социальной стабильности.

Только развивая и углубляя добрососедство, дружбу, стратегическое взаимодействие и сотрудничество, РФ и КНР способны уверенно продвигаться по пути соразвития с учетом самостоятельного выбора, сделанного российским и китайским народами.

НОВЫЙ ЭТАП И НОВЫЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Российско-китайские отношения, строящиеся на основе вышеупомянутого Договора, – это новая форма международных отношений между великими державами на основе совпадения национальных интересов, общности подходов к решению международных проблем путем политических равноправных переговоров, приверженности принципам ООН и мирного сосуществования. Стратегическое партнерство и взаимодействие между Россией и Китаем были установлены после глубокого и мучительного осмысления исторических уроков, связанных с длительным периодом советско-китайской конфронтации 1960–1970-х годов.

К нынешнему формату стратегического партнерства и взаимодействия, отношениям глубокой доверительности и дружеско-

го взаимовыгодного сотрудничества и Китай, и Россия шли непростым путем. После распада СССР России потребовалось несколько лет, чтобы осмыслить свою геополитическую идентичность как государства, по географическим и цивилизационным признакам принадлежащего как к Европе, так и к Азии, что требовало от Москвы проведения не односторонней прозападной или проазиатской ориентации, а выработки многовекторной политики, где и европейско-атлантическое, и АТРовское направления имеют равноценную значимость как для настоящего, так и будущего российского государства.

Что касается Пекина, то и там осмысление новых подходов прошло непростой путь. В 1950-е годы Китай следовал маоцзедунской формуле склонения в одну сторону, то есть в сторону союза с СССР, который был закреплен Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. С начала 1960-х годов и в ходе последующей советско-китайской конфронтации этот Договор утратил свое значение. В конце 1950-х – начале 1960-х годов Китай, следуя своей линии, боролся на два фронта: и против Советского Союза, и против США. С начала 1970-х годов КНР сделала крутой поворот и вновь вернулась к стратегии склонения в одну сторону, но на сей раз в сторону США и против СССР. Жизнь показала неконструктивность этих подходов. С начала реформ Китай провозгласил курс на развитие отношений со всеми странами и отказа от союзов с любой державой. Был выдвинут стратегической лозунг проведения самостоятельной и независимой политики, которой КНР продолжает следовать и по сей день.

Распад биполярной структуры международных отношений после падения Советского Союза, а также усиление процессов глобализации мировой экономики создают новую ситуацию в мире и остро ставят вопрос о формировании нового демократического и справедливого миропорядка. Провозглашенные после Второй мировой войны принципы ООН в ходе последующей конфронтации между капиталистической и социалистической системами, лидерами которых, соответственно, выступали США и СССР, не создавали условий для полной реализации идеалов, провозглашенных в Уставе ООН. Нынешняя ситуация благоприятствует более полному воплощению принципов и идеалов ООН в международных отношениях на глобальном многостороннем и двустороннем уровнях.

Рост международного терроризма превратился в фактор, угрожающий всем странам и мировой цивилизации. Но, как говорит

китайская и русская поговорка, «нет худа без добра». Оказавшись перед общей угрозой, страны Запада и Востока, включая США, страны НАТО, Россию, Китай, Индию и развивающиеся государства, оказались перед общим вызовом, что побуждает их поставить борьбу с международным терроризмом на первый план и отодвигает на второй план существующие разногласия по различным проблемам.

Общность подходов по проблемам мира и развития, совпадение коренных интересов России и Китая в этих сферах стали той основой, на которой строятся нынешние российско-китайские отношения в формате стратегического партнерства и взаимодействия. Правовой основой таких отношений стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в июле 2001 г. Договор поистине закрыл «ящик Пандоры» в российско-китайских отношениях и открыл светлые перспективы для взаимовыгодного сотрудничества, дружбы и добрососедства. Этот документ подтвердил нерушимость суверенитета и территориальной целостности каждого из государств, зафиксировал отсутствие взаимных территориальных притязаний друг к другу и принципу уважения коренных интересов каждой из сторон. Он дает пример нового типа отношений между великими державами как основы сотрудничества и взаимодействия во имя интересов мира, содействия и взаимной безопасности.

Стратегическое партнерство России и Китая стало оказывать исключительно благотворное влияние на международную ситуацию и демонстрирует пример равноправного взаимовыгодного сотрудничества не только по государственной линии, но и является фактором благотворного взаимодействия двух великих цивилизаций. Годы со дня подписания этого Договора наглядно продемонстрировали несостоятельность утверждения некоторых политологов о том, что стратегическое партнерство двух стран – это, скорее, красивая декларация, чем реальность.

В настоящее время стратегическое взаимодействие двух стран получает закрепление в создании как двусторонних, так и многосторонних механизмов сотрудничества и реализации достигнутых договоренностей. Эти усилия направлены на то, чтобы наполнить конкретным содержанием взаимодействие в политической, экономической, культурной, образовательной областях, а также в сфере безопасности и обороны. В политическом плане сложился эффективно действующий механизм постоянных встреч на уровне глав государств, глав правительств и руководи-

телей соответствующих ведомств как на правительственном, так и на региональном уровне.

Активно развиваются также связи в сфере науки между РАН и китайскими академиями наук, между различными неправительственными, общественными организациями. Регулярный характер приобрели консультации по внешнеполитическим вопросам, касающимся глобальных проблем двусторонних отношений. В последние годы заметно активизировалось торгово-экономическое сотрудничество, которое в силу ряда причин отстает от темпов политического взаимодействия двух государств. Достигнуты договоренности о совместных крупномасштабных проектах в области строительства, транспортных коммуникаций, энергетики, нефтегазовой промышленности, что привлекает пристальное внимание общественности двух стран и создает реальные основы для долговременного экономического соразвития регионов Сибири и Дальнего Востока и западных и северо-восточных районов Китая. Представляется, что переход от координации в области укрепления международной безопасности к координации и согласованию долговременных планов экономического сотрудничества, в частности сопряжения российской президентской программы социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока с программой ускоренного развития районов КНР, мог бы стать реальным фактором ускорения соразвития двух государств и снятия многих нерешенных проблем в области инвестиций, взаимного использования рабочей силы, инженерно-технических и научных кадров и новейших научно-технических разработок друг друга.

Стратегическое партнерство как новый этап несоюзнических отношений, взаимодействие, не направленное против третьих стран, в международном плане создают предпосылки для решения многих конфликтных ситуаций и устранения взаимных угроз в рамках новой концепции безопасности на основе сотрудничества, доверия и взаимной выгоды.

Выступая как стратегические партнеры, Россия и КНР являются противниками блоковой политики, они – сторонники развития многостороннего сотрудничества и создания нового справедливого международного порядка в условиях многополярности. Противодействие общим вызовам и поиск путей политического решения острых конфликтных ситуаций вызывает к жизни создание групп стран стратегического взаимодействия для совместного решения этих проблем. Именно такой группой взаимодействия

является стратегическое партнерство России и Китая. Новым стимулом такого коллективного взаимодействия выступают АТЭС, АСЕАН+3 для решения экономических проблем, идея создания общего рынка в Восточной Азии в составе Японии, Республики Корея. Примерами таких же временных стратегических структур является переговорный процесс по мирному урегулированию на Корейском полуострове в 6-стороннем формате, а также создание Совета Россия–НАТО в форме «двадцатки» и т.д. Еще одной формой вновь формирующегося взаимодействия в решении общих проблем развития является Шанхайская организация сотрудничества.

Новым примером взаимодействия на основе общности интересов перед лицом вызовов глобализации и содействия решению общих проблем экономического сотрудничества на многосторонней основе может стать реализация идеи трехстороннего взаимодействия России, Китая и Индии.

Очевидно, что евразийское геополитическое положение России требует взвешенной политики как на азиатском, так и на европейском, как на северном, так и на южном направлениях. Такой подход можно уподобить курсу «идти на двух ногах». Однако по логике прозападно мыслящих политологов такой подход означает стоять «раскорячившись» и, чтобы исправить сию неудобную позу, по их мнению, надо скакать на одной ноге.

Если официальное китайское руководство, адекватно осознавая новые реальности в мировой политике, с пониманием восприняло появление Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов и установлении нового формата отношений России с НАТО, то некоторые политические комментаторы и СМИ как в России, так и за рубежом восприняли это как односторонние уступки с российской стороны и возвращение России к некой прозападной ориентации «kozyревского типа».

Трактовка отношений России и Китая с США, России с НАТО в рамках старой конфронтационной логики ведет к серьезным ошибочным выводам о том, что Россия или Китай не просто стремятся ради реализации своих национальных интересов устанавливать отношения сотрудничества с США, а ведут якобы политическую игру, чтобы использовать друг друга в целях сдерживания или создания противовесов. Следуя этой логике, некоторые обозреватели считают, что развитие отношений России с США и НАТО должно якобы привести к ослаблению китайско-российского стратегического сотрудничества в глобальном масштабе,

почему якобы и потребует пересмотр стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

Все это говорит о том, что и в международной жизни, и в общественном сознании пережитки «холодной войны» еще далеко не исчезли и потребует время для их постепенного преодоления. Что касается российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия, то оно свидетельствует о новом этапе и новой форме российско-китайских отношений. Это партнерство имеет характер долговременной перспективы и этому благоприятствует совпадение и общность интересов двух стран, географическая близость, глубокие традиции дружбы народов и продуктивный исторический диалог и взаимовлияние, сложившиеся между российской и китайской цивилизациями.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ

Отношения между РФ и КНР последних 15 лет справедливо называют показательным примером прочного, динамично развивающегося сотрудничества. Взаимодействие двух стран, которое облечено в форму стратегического партнерства, обращенного в XXI век, непрерывно подпитывается новым содержанием, системными практическими шагами, что, в частности, нашло достойное отражение в масштабном проекте проведения в РФ и КНР национальных Годов двух стран. Развитая юридическая платформа двусторонних отношений служит опорой комплексных и многоуровневых механизмов сотрудничества, которые охватывают самый разный спектр направлений и областей.

Отношения друг с другом входят в число основных внешнеполитических приоритетов России и Китая. Имея совпадающие либо схожие взгляды на многие узловые вопросы глобального и регионального развития, РФ и КНР координируют свои шаги по проблемам мировой политики, тесно сотрудничают в рамках важных политических форумов, прежде всего в ООН, развивают партнерские отношения в формате набирающей международный вес Шанхайской организации сотрудничества. Показателем высокого уровня межгосударственных связей являются регулярные

встречи высших руководителей двух стран, к числу которых помимо ежегодных официальных саммитов относятся частые контакты на полях различных международных мероприятий. Так, только в 2005–2006 гг. президент РФ и председатель КНР провели в общей сложности десять рабочих встреч. Девять важных двусторонних документов было подписано в ходе официального визита в Россию председателя Ху Цзиньтао в марте 2007 г. Поступательно в целом развивается комплекс российско-китайских торгово-экономических отношений.

Можно утверждать, что конструктивный прагматизм, определяющий внешнеполитическую линию как Китая, так и России – стран, находящихся на этапе развития и реформ, целый ряд других внутренних и международных факторов, объективно сближающих интересы КНР и РФ, сводят общий знаменатель «российской» политики Китая и «китайской» политики РФ к необходимости последовательного развития двусторонних отношений.

Но как известно, было бы упрощением говорить, что в двух странах существует полное единомыслие на этот счет.

Так, к сожалению, в России ни на уровне политической элиты, ни на уровне экспертов-международников пока не сложилось единого понимания евразийского геополитического положения России, которое непреложно диктует необходимость многовекторной стратегии и сбалансированного развития международного сотрудничества по всем направлениям. До сих пор нет понимания императивности стратегического сотрудничества с Китаем и его судьбоносной важности для России. Более того, во взглядах политологического сообщества, которые переносятся и на уровень общественного сознания, нередко насаждается тезис об «опасности с Востока и китайской экспансии», «китайской угрозе». В угоду этим настроениям некоторые публицисты и самодельные, самозванные «научные институты» и центры произвольно толкуют и извращают факты почти 400-летней истории взаимоотношений наших стран. Если верить некоторым политологам, то «Россия и Китай 300 лет находились на грани войны».

Такие тезисы весьма активно привносятся и извне. Примером служит выход русскоязычного издания книги американского синоведа К. Менгеса под характерным названием «Китай: нарастающая угроза»¹⁶, где уже в предисловии безапелляционно утверждается о «непосредственной угрозе китайской внешней политики российским интересам». Идеи «китайской угрозы» настойчиво проводятся в изданиях различных зарубежных фондов.

Между тем постепенное и очевидное смещение центра тяжести мировой политики в сторону АТР, зримые лимитирующие факторы на западном направлении, которые только в последнее время выразились в попытках давления на Россию по вопросу энергопоставок и в планах США разместить в Восточной Европе свои системы ПРО, наконец, серьезные резервы для развития дальневосточных районов РФ и страны в целом, заключенные в сотрудничестве со странами Азии и АТР, – все это лишний раз свидетельствует о растущей значимости восточного вектора российской политики. При этом речь не идет о придании этому направлению гипертрофированного характера. На повестке дня необходимость проведения сбалансированного и многонаправленного курса, в рамках которого отношения России со странами Восточной Азии, АСЕАН, с Индией, деятельность РФ в АТЭС, ШОС, в трехстороннем формате «Россия–Китай–Индия», а также со странами Запада обрели бы равновеликую и самоценную роль.

Вместе с тем неоднозначные взгляды на значение и будущее российско-китайского добрососедства и дружбы встречаются, как известно, и в Китае. Определенные позиции в КНР занимают прозападные силы, склонные рассматривать РФ как второстепенного партнера, отношения с которым оцениваются с позиций вульгарного потребительства. Слышны голоса и последователей ортодоксального маоизма, позиции которых продолжают корениться в стереотипах иррациональной воинственности и советско-китайских противоречий 50-летней давности. В некоторых изданиях КНР, китаезычном Интернете можно встретить отнюдь не единичные материалы, продолжающие муссировать темы «неравноправных» пограничных договоров с Россией, недружелюбно оценивающие современную РФ. Примером может служить вышедшая недавно в г. Цзинани тиражом 5 тыс. экземпляров книга Чжан Бина, в которой предвзятая позиция автора чувствуется уже из тональности заголовка – «Пронизывая взглядом Россию»¹⁷. И хотя в России, конечно, отдадут себе отчет в том, что такого рода публикации не соответствуют официальной линии Пекина, сам факт их наличия вряд ли стоит недооценивать.

К числу основных проблем двусторонних отношений, как представляется, можно отнести следующие:

Все еще относительно невелик в сравнении с возможностями объем двустороннего товарооборота (в 2006 г. 33,4 млрд долл. при товарообороте КНР–США 262 млрд долл.), неудовлетвори-

тельна для российской стороны его структура, узки масштабы инвестиционного сотрудничества¹⁸.

Нуждается в расширении и укреплении социальная база российско-китайских отношений, поскольку на смену старшему поколению, во многом воспитанному в духе традиционной дружбы 1950-х годов, в обеих странах приходят молодые люди, зачастую ориентированные на западные ценности. Именно эти слои оказываются, в частности, благоприятной почвой для распространения в обеих странах тезисов об «угрозах» и иных семян взаимной предубежденности.

Существует проблема увязывания региональных интересов двух стран, в частности в Северо-Восточной, Восточной, а также Центральной Азии.

Требуется деликатных подходов, взвешенной правовой проработки существующая проблема регулирования китайской миграции в РФ.

Данный круг проблем по своему характеру далек от драматизма, однако требует весьма пристального и постоянного внимания.

Надо признать, что КНР – сложный партнер. Но если подойти к вопросу объективно, то зачастую Китаю трудно предъявлять обоснованные претензии, ибо нередко проблема состоит в низкой конкурентоспособности российских товаров, невысокой общей активности российского бизнеса на китайском рынке, к которому долгое время не проявлялось должного внимания. Присутствует некий невысказанный расчет на особо благоприятный подход китайцев к нашим предложениям. Вот почему сегодня на повестке дня актуально стоят такие вопросы, как резкая активизация инвестиционного сотрудничества, создание совместных предприятий, упорный поиск своих ниш на китайском рынке и, конечно, дальнейший общий подъем российской экономики, совершенствование ее технологического уровня, способного обеспечить производство конкурентоспособной продукции. Перед Россией в полный рост стоит задача борьбы за китайский рынок!

Отдельного замечания заслуживают перспективы энергетического сотрудничества. Образно говоря, это звено, которое способно «вытянуть всю цепь» экономического взаимодействия. Речь идет не только о структурной взаимодополняемости энергетических секторов двух стран, но и о встречном движении объявленных планов – Китай стремится к диверсификации каналов импорта и снижению зависимости от ввоза нефти со взрывоопас-

ного Ближнего Востока, Россия рассматривает варианты диверсификации нефтегазовых экспортных маршрутов. Комплексное развитие энергетического сотрудничества, строительство трубопроводных систем и линий электропередачи, предприятий переработки содержат мощные резервы для создания и подъема общей производственной инфраструктуры как в Сибири и на российском Дальнем Востоке, так и на Северо-Западе и Северо-Востоке КНР. Китай уже сегодня готов ввозить гораздо большие объемы российского углеводородного сырья, чем те 15 млн т нефти, которые морем и железнодорожным путем поставлены из РФ в 2006 г. В своих долгосрочных планах Пекин рассчитывает покрывать за счет российской нефти не менее 20% тех 200–250 млн т ежегодного нефтяного импорта, с необходимостью которого Китай столкнется уже в обозримом будущем. Для РФ важно не упустить предоставляющиеся возможности и правильно ими распорядиться – идти по пути конструктивного согласования собственных интересов с потребностями китайского потребителя, уходить при этом от простых отношений «покупатель-продавец». Важно развивать инвестиционную и производственную кооперацию, продвигать на этой основе крупные инфраструктурные проекты, создавать условия и возможности для взаимоприемлемой деятельности российских и китайских компаний на энергетических рынках друг друга. Многие, безусловно, здесь нужно сделать самой России – создать, например, внятную правовую базу недропользования, сочетающую собственные интересы с интересами иностранных партнеров.

С учетом перечисленных обстоятельств актуально довести до логического завершения проект нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) с ответвлением на Китай, оградить от проволочек соглашения о прокладке в КНР двух линий газопроводов из Западной и Восточной Сибири, достигнутые в ходе двустороннего саммита в Пекине в марте 2006 г., договорившись, в частности, по ценовым вопросам.

Говоря о проблеме китайской миграции, следует отметить, что, как считают серьезные российские эксперты, перспектива ее обострения до угрожающих российским интересам пределов реальна в случае консервации застоя в нынешней экономической ситуации на Дальнем Востоке РФ и параллельного роста в регионе китайских инвестиций. В итоге могла бы возникнуть ситуация, когда китайские экономические структуры объективно оказались бы способны получить серьезные рычаги влияния на ме-

стные властные институты, что, собственно, и чревато процессами неконтролируемой миграции. Единственный путь противостоять такому развитию событий – *укрепление экономической инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока*, причем в существенной мере – именно за счет всемерного *продвижения сотрудничества с Китаем*. В свою очередь, меры по увеличению притока китайских инвестиций, увеличению плотности населения в приграничных областях РФ должны сопровождаться совершенствованием законодательного регулирования миграционных процессов. В настоящее время в случае дефицита рабочей силы целесообразно привлекать рабочую силу из-за рубежа по скоординированным заявкам регионов, составленным на основе потребностей предприятий. При этом должны предусматриваться экономические и другие механизмы, которые занимались бы вопросом «качества» рабочей силы, регулирования ее неквалифицированной части.

Одновременно равноправное инвестиционное, транспортное, энергетическое, научно-техническое, информационное и прочее взаимодействие с КНР следует строить так, чтобы не только привлекать китайский капитал в Россию, но способствовать выходу российского бизнеса на китайский рынок, прежде всего на Северо-Востоке и Северо-Западе КНР. В интересах России – всячески способствовать объявленным в Пекине программам ускоренного развития этих регионов. Реализация этих программ снизит «миграционный нажим» на российскую территорию, а освоение неразработанного природного потенциала указанных районов способно ослабить избыточное для интересов России «давление» на ее природные ресурсы.

На наш взгляд, уместно было бы поставить в повестку дня и вопрос о гибкости федерального законодательного регулирования в той его части, которая касается прав отдельных регионов на ведение тех или иных специфических видов деятельности. К примеру, существенное ограничение, введенное недавно в России на работу иностранных предпринимателей на рынках страны, субъективно преследуя цель наведения порядка, судя по всему, затронуло интересы как населения дальневосточных регионов РФ, лишенных доступа к недорогим китайским товарам, так и вынужденных вернуться домой китайских бизнесменов. Статистика этих процессов еще нуждается в уточнении, однако лишний повод для спекуляций со стороны недругов российско-китайской дружбы уже появился. Поэтому законодательный учет особенностей региональной ситуации наряду с продолжением необходимой

и продуманной работы по оптимизации миграционных процессов способен избежать ненужных осложнений.

Представляется также важным довести до полного формального завершения комплекс всех мероприятий, связанных с вопросом о российско-китайской границе: закончить работу по окончательной демаркации границы; разъяснить населению российских приграничных краев и областей причины и суть достигнутых с КНР соглашений о прохождении линии границы, прежде всего, в районе островов у города Хабаровска. Аналогичная информационно-разъяснительная кампания могла бы пройти и в КНР. Дальнейшим шагом в этом направлении, который, с одной стороны, способствовал бы укреплению атмосферы дружбы и взаимной доверительности, с другой – явился бы естественным развитием достигнутых в последние годы соглашений, в частности Дополнительного соглашения о границе от ноября 2004 г., стало бы подписание нового общего договора о границе. Таким образом, этот исторически непростой вопрос оказался бы юридически полностью и окончательно отнесен в прошлое, выбив одновременно из рук различного рода провокаторов до сих пор использующийся козырь неких «скрытых пограничных противоречий».

Наконец, безусловно, требует повышенного и постоянного внимания уже не раз звучавшая тема о первостепенной важности для общественности, научных кругов наших стран совместно со СМИ добиваться объективного, доброжелательного, взаимоуважительного восприятия друг друга, отношения друг к другу. Речь, как известно, идет о том, чтобы такое восприятие на уровне простых людей, широкого круга представителей различных слоев населения было соизмеримо с высоким уровнем доверия между лидерами и правящей элитой двух стран. И в этом смысле ситуация требует коренного улучшения.

Конечно, перечисленные проблемы двусторонних отношений – реальность, которая требует постоянного внимания. Но суть, на наш взгляд, состоит в том, что имеет место *совпадение коренных интересов двух стран, общий либо сходный взгляд на проблемы мирового развития и собственного развития*, на широкий спектр региональных и двусторонних вопросов. Можно твердо говорить не об «угрозах», а о том, что в современных условиях обе страны нуждаются в стратегическом взаимодействии на международной арене и добрососедском взаимовыгодном, взаимодополняющем стратегическом сотрудничестве. Взаимодействие России и Китая носит резонансный характер, что значи-

тельно укрепляет как внутреннюю стабильность в двух странах, так и их положение на мировой арене.

Российско-китайские отношения основываются, прежде всего, на взаимной заинтересованности в поступательном развитии долговременного и масштабного стратегического партнерства, благоприятствующего решению каждой из стран своих национальных задач. Для КНР такие задачи – это мирное развитие и выход на передовые глобальные рубежи к середине текущего столетия. Для РФ – социально-экономическое и цивилизационное возрождение и укрепление на этой основе пошатнувшегося статуса крупной державы, обеспечение территориальной целостности и демографического роста в стране.

Имеющиеся проблемы во взаимоотношениях не носят антагонистического характера и могут разрешаться в рамках двустороннего доверительного взаимодействия.

Говоря о различных сценариях развития российско-китайских отношений, эксперты в России исходят из того, что они во многом связаны с различными сценариями и вариантами развития самой КНР.

Исходя из многоаспектного анализа факторов и тенденций, которые характеризуют нынешнюю политическую, социально-экономическую, культурно-идеологическую ситуацию в Китае, а также в мире и регионе, можно представить с различной степенью вероятности несколько сценариев возможного развития КНР в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Одним из них является сценарий *резкого возвышения Китая* и относительно быстрого его выхода на позиции мировой державы. Имеется в виду вариант, учитывающий способность КНР сохранять высокие темпы роста (не менее 7%) на протяжении длительного периода, что за 25–30 лет обеспечило бы Китаю рост ВВП в 8 раз и вплотную приблизило бы его к США. Данный сценарий представляется возможным, но не слишком вероятным, ибо цикличность экономического развития и различные осложнения практически неизбежны.

Вместе с тем существует сценарий *застоя, дестабилизации и даже срыва в развитии Китая*. Этот вариант теоретически возможен в случае экстраординарных событий, например, реализации Китаем силового решения проблемы Тайваня и скатывания его на путь гонки вооружений и конфронтации с США или другими крупными странами. Нынешнее развитие событий дает мало оснований рассматривать такую перспективу как практически

вероятную. Создав серьезнейшие ограничители для дальнейшего развития и вызвав к жизни компенсаторную внешнюю агрессивность Китая, именно такой сценарий был бы крайне нежелательным для международной безопасности, в том числе и с точки зрения интересов России.

Таким образом, эти сценарии, как представляется, в ближайшее время маловероятны.

Наиболее вероятным и отвечающим интересам России сценарием является относительно стабильный и динамичный поступательный рост экономики КНР при сохранении в основном нынешних конвергентных тенденций внутреннего развития страны, приоритете компонентов пусть не столь быстрого, однако более сбалансированного, гармоничного, социально-ориентированного развития.

Со сценариями развития самого Китая во многом коррелируются и различные сценарии будущего российско-китайских отношений, о которых выше уже говорилось.

Первый из них – экстраполяция нынешней модели: опережающее развитие политических отношений, перманентное отставание экономических, гуманитарных и других связей. В этом случае консервация имеющихся проблем постепенно способна привести к выхолащиванию отношений доверительного стратегического партнерства, что, с точки зрения интересов России, приведет к ослаблению ее геополитических позиций.

Теоретически возможен второй сценарий – накопление конфронтационных элементов, что может произойти в случае внезапного обострения противоречий по нерешенным или не до конца решенным проблемам, сопровождаемого отсутствием глубокого взаимопонимания и доверия между элитами двух стран и активизацией в РФ и КНР противников двустороннего сближения. Теоретический характер такой постановки вопроса должен тем не менее, предостерегать от благодушия, а тем более – от подходов, когда в РФ западный вектор политики выстраивался бы за счет «жертв» на китайском направлении, а в КНР росли бы антироссийские настроения.

Оптимальным является третий сценарий – всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества и взаимодействия, переход на базе прорыва в экономических и общественных связях к модели параллельного развития двух стран, модели соразвития. Недаром в российско-китайской Декларации, подписанной в марте 2006 г., тезис о «стремлении к совместному

развитию» выделен в качестве одного из основных принципов деятельности двух стран по продвижению двусторонних отношений. Для РФ главные плюсы в этом случае заключаются в придании мощного импульса развитию дальневосточных районов и укреплении позиций в Северо-Восточной Азии и в АТР.

Политический курс нынешнего руководства Китая показывает, что оно трезво оценивает реальную ситуацию в стране, видит назревшие проблемы, сохраняя общую приверженность курсу реформ и модернизации страны.

Россия объективно заинтересована в достаточно динамичном поступательном экономическом развитии Китая и сохранении там социальной стабильности. Выход российской экономики на траекторию устойчивого роста 6–7% в год в случае сохранения этой тенденции расширяет возможность нашего двустороннего экономического и политического сотрудничества и стратегии со-развития.

РАЗВИТИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Плодотворный визит В.В. Путина в Китай, проходивший 21–22 марта 2006 г., вызвал оживленные отклики и комментарии специалистов. Хотелось бы отметить наиболее важные общеполитические итоги визита, которые, как представляется, еще долго будут оказывать серьезное влияние на позиции сторон по важным аспектам развития двусторонних отношений, а также на решение крупных международных проблем.

Визит примечателен не только символической значимостью – участием главы российского государства в церемонии официального открытия Года России в Китае. Не менее важно и то, что в ходе визита были подведены итоги и обобщен опыт 10-летнего равноправного стратегического партнерства и взаимодействия двух стран, дана оценка 5-летнему опыту действия исторического и новаторского документа – Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Были также рассмотрены вопросы взаимодействия двух стран в такой самобытной международной структуре, как Шанхайская организация сотрудничества.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что визит был своевременным и весомым по своим практическим результатам. Он стал новым стимулом дальнейшего развития и гармонизации двустороннего сотрудничества *на всех уровнях и во всех сферах*. В этом проявились существенные черты и особенности российско-китайских отношений: глубокая доверительность, взаимопонимание, равноправие, уважение выбора и национальной специфики, которые сочетаются с широким охватом всех без исключения сфер и областей возможного сотрудничества.

Кроме открытия национального Года России в Китае, во время визита В.В. Путина было проведено большое количество научных, художественных, экономических конференций, презентаций, концертов, форумов. И это неудивительно. Президента РФ в поездке сопровождали более 1000 представителей деловых, научных кругов, парламентариев и журналистов. Например, 20 марта в Академии общественных наук Китая состоялась презентация начального тома нового издания «Большой Российской энциклопедии» (БРЭ), который целиком посвящен России. На этой церемонии выступили президент РАН академик Ю.С. Осипов и президент АОН Китая профессор Чэнь Куйюань. Во время встречи президент РФ В.В. Путин вручил председателю КНР Ху Цзиньтао экземпляр тома в качества подарка¹⁹.

22 марта в правительственной резиденции «Дяоюй тай» состоялся российско-китайский экономический форум, на котором президент В.В.Путин и председатель Ху Цзиньтао изложили свои взгляды на перспективы развития экономик каждой из стран, пути расширения и оптимизации торгово-экономических связей между Россией и Китаем. Примечательно, что в форуме приняли участие многие руководители крупнейших российских компаний, связанных с энергетическим, газонефтяным, перерабатывающим, железнодорожным бизнесом, авиацией и космосом.

Рассмотрев итоги и опыт развития российско-китайских отношений со времени достижения ими в 1996 г. уровня равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, руководители РФ и КНР были единодушны в том, что дальнейшее укрепление этих отношений относится к числу приоритетных направлений внешней политики двух стран. Президент В.В. Путин и председатель Ху Цзиньтао не только подтвердили свою приверженность духу и букве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., но и подчеркнули программное значение этого документа.

Стратегическое взаимодействие двух стран, определяемое правовыми положениями упомянутого Договора, достигло нового уровня. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в *Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики*, которая после тщательной проработки и согласования была подписана 21 марта 2006 г., дается, как уже было сказано, новая формула принципов российско-китайских отношений.

Как известно, и Россия, и Китай постоянно подчеркивают, что их двустороннее стратегическое партнерство и взаимодействие не направлено против третьих стран. Оно отражает стремление сторон прилагать совместные усилия по отстаиванию их законных общих интересов в укреплении международной безопасности и содействии соразвитию. Этот подход, естественно, распространяется и на трехстороннее сотрудничество в формате Россия – Китай – Индия. Однако некоторым хочется видеть в этом трехстороннем механизме шаг, направленный на сдерживание американского гегемонизма и диктата. Так, комментарий «Парламентской газеты» рассматривает эту идею как оживление «глубокой геостратегической идеи ...о союзе трех великих держав Евразии, как противовесе американскому диктату и разбою в современном мире»²⁰.

Этот документ, как справедливо отмечалось в комментарии газеты «Жэньминь жибао», поднял взаимное доверие на новый уровень. Орган ЦК КПК заявляет: «Китай видит в России главного стратегического партнера. Позиции Китая и России почти по всем трудным и важным проблемам в мире (таким, как реформа ООН, борьба с терроризмом, иранский ядерный вопрос, северокорейский ядерный вопрос, конфликты между Палестиной и Израилем, иракский вопрос и т.д.) либо тождественны, либо очень близки»²¹.

Совместная декларация свидетельствует, что лидеры двух стран обсудили и выразили свою общую позицию практически по всем главным вопросам как двусторонних отношений, так и по острым международным проблемам. Российская сторона вновь подтвердила свою неизменную политику «одного Китая», твердо поддержала усилия Китая «по мирному объединению страны на основе положений Закона КНР о противодействии деятельности по расколу государства и считает тайваньский вопрос внутренним делом Китая». Россия также признает, что «Тибет – неотъемлемая составная часть Китая».

Таким образом, объективный подход к оценке итогов визита президента В.В. Путина в КНР позволяет сделать вывод о его

многоплановом значении для расширения и укрепления социально-экономической, международно-политической и правовой базы стратегического партнерства и взаимодействия России и Китая на геополитическом пространстве Евразии.

Если обобщенно проанализировать социально-экономический аспект развития двустороннего сотрудничества, то нужно выделить, прежде всего, следующие моменты, имеющие долговременное принципиальное значение.

Во-первых, поставлена задача не только значительно увеличить объем товарооборота и по возможности довести его к 2010 г. до 60–80 млрд долл., но и оптимизировать структуру торгово-экономических связей двух стран. С этой целью предусматривается значительное увеличение поставок из России в Китай не только энергоносителей, нефти, газа, электроэнергии, но и значительных объемов продукции машиностроения и новейших технологий, планируется создание совместных перерабатывающих предприятий лесной и горнорудной промышленности.

Во-вторых, стороны договорились о серьезном оживлении инвестиционного сотрудничества, о развитии взаимодействия в банковско-финансовой сфере и создании специальных экономических зон.

В-третьих, намечены, можно сказать, невиданные по масштабам проекты развития транспортной, энергетической инфраструктуры, строительство и реконструкция железных и автомобильных дорог, мостов, газо- и нефтепроводов, высоковольтных ЛЭП.

В прямое сотрудничество с Китаем уже вовлечены более 60 регионов России и практически все отрасли экономики и науки, культуры, образования и социальной сферы. В ходе визита В.В. Путина в Китай было подписано 29 соглашений и протоколов о сотрудничестве в различных сферах на общегосударственном, межрегиональном и межведомственном уровнях. Таким образом, *развитие всесторонних связей России с Китаем становится общегосударственным и общенациональным делом.*

Принципиальное значение для гармоничного развития сотрудничества на здоровой основе имеет, с одной стороны, наличие глубокого доверия и взаимопонимания между сторонами, в том числе и правильное отношение к возникающим различиям в подходах к тем или иным проблемам двустороннего и международного характера, а с другой – достаточное и объективное информирование общественности каждой из стран о ее жизни и политике.

Обобщая главные итоги визита президента В.В. Путина в Китай, необходимо, прежде всего, отметить следующее.

1. Этот визит был не только плодотворным и богат практическим содержанием, но и дал мощный импульс для дальнейшего укрепления российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерства, для расширения социальной и гуманитарной базы отношений двух стран.

2. Опыт российско-китайского сотрудничества подтверждает: только совместными усилиями можно эффективно реагировать и противостоять новым вызовам и угрозам со стороны международного терроризма, сепаратизма и экстремизма. Именно этим целям служат усилия двух стран по укреплению ШОС, налаживанию шестисторонних переговоров по ядерной проблематике на Корейском полуострове, их сотрудничество в ООН и т.д.

3. Российско-китайское стратегическое взаимодействие является весомым вкладом в обеспечение всеобщего мира и стабильности, в защиту правовых основ международных отношений и равноправного участия всех государств в международных делах, служит сохранению культурно-цивилизационного многообразия мира.

4. Разработанные и принятые в последние несколько лет российско-китайские совместные документы, включая Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), План действий по реализации положений этого Договора на 2005–2008 гг., Совместную декларацию РФ и КНР о международном порядке в XXI веке (2005 г.) и Совместную декларацию РФ и КНР (2006 г.), все нагляднее показывают, что внешняя политика Российской Федерации стала более адекватно отражать геополитическое положение, национальные интересы России как великой евразийской державы.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Востребованность новых технологий, научных разработок является, как правило, важнейшим стимулом их развития. Яркий пример этому дает история нашего сотрудничества с Китаем в 1950-е годы. Мы привыкли не без основания говорить

о большой советской помощи КНР. Но это все-таки часть истины, так как сотрудничество с Китаем было также стимулом всестороннего развития науки, техники, промышленности и нашей страны.

Президент РФ В.В. Путин в беседе с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2006 г. констатировал тот факт, что «экономическая активность в мире... постепенно перемещается из Атлантического океана, из акватории Атлантического океана в акваторию Тихого океана». По его словам, этот процесс «будет развиваться, наращиваться»²². В этом свете особое значение имеет также оценка президентом России отношений с Китаем. «С Китаем у нас достигнут такой уровень отношений, – отметил В.В. Путин, – которого, наверное, никогда не было вообще... Я считаю, – продолжал президент, – что отношения сегодня – лучшие за всю историю нашего взаимодействия с Китаем, потому что здесь нет двойного дна. Они носят прагматический и добрососедский характер. И я думаю, что они могут продолжаться достаточно долго. Это не конъюнктура сегодняшнего дня... У нас, кроме совпадений политического характера интересов, есть и совместные экономические интересы. Они лежат в самых разных областях: и в перерабатывающих отраслях экономики, и в той же деревопереработке, в космосе, в сфере ВТС и, конечно, в энергетике»²³.

Чтобы обеспечить и сохранить эту благоприятную атмосферу в российско-китайских отношениях, актуальнейшей задачей является как раз развитие экономической составляющей наших отношений, которая является материальной базой их стабильного развития в будущем. Ныне, к сожалению, экономическая и научно-техническая составляющая российско-китайского сотрудничества составляет, при всей ее важности, лишь менее 1/7 объемов китайско-американского сотрудничества. Огромный разрыв уровней нашего сотрудничества с Китаем по сравнению с сотрудничеством КНР с США наблюдается в сфере науки, культуры и образования. Ныне русский язык вытеснен в Китае английским на обочину. Знатокам русского языка в Китае трудно найти престижную работу.

О скромных масштабах нашего инновационного сотрудничества свидетельствует такой пример. Ныне главными в этом сотрудничестве являются совместные технопарки, расположенные в китайских городах Цюйчжоу и Яньтай. Суммарный годовой объем их промышленной продукции составляет в настоящее

время около 40 млн долл. В России лишь в 2004 г. начал функционировать российско-китайский технопарк «Дружба». Хотя и китайская, и российская стороны признают необходимость и эффективность научно-технического сотрудничества наших стран, признают, что нужно развивать инновационные формы сотрудничества, проводить совместные НИОКР и осуществлять совместную коммерциализацию и научно-технические разработки, однако реально дело движется крайне медленно, что-то неизменно мешает действительному расширению масштабов российско-китайского сотрудничества.

Как представляется, необходимо преодолеть предвзятость в сознании российских кругов в отношении Китая, их одностороннюю недооценку значения и потенциала сотрудничества с КНР. Что же касается китайской стороны, то здесь тоже действует целый ряд неблагоприятных факторов, прежде всего недооценка интеллектуального потенциала России среди китайской научной элиты, а также ориентация разработчиков и лидеров научно-технической политики Китая на взаимодействие с нами прежде всего в тех областях, где США и Запад в целом не желают сотрудничать с Китаем.

Китайские государственные инновационные программы подкрепляются и в кадровом, и в финансовом плане. По числу научных работников Китай (743 тыс.) обошел Россию (505 тыс. человек) и вышел на третье место в мире, заметно приблизившись к США (1,3 млн человек). И по финансированию науки и образования Китай далеко обошел Россию, которая опустилась на 11-е место в мире, а КНР заняла 3-е место (59,8 млрд долл.) после США (282 млрд долл.) и Японии (103 млрд долл.). Расходы же России на эти цели составляют, по данным на 2001 г., 11,6 млрд долл.

Президент В.В. Путин четко обозначил основные сферы сотрудничества наших стран. Важнейшим стимулом является придание процессу инновационного характера. В политической и дипломатической сфере это удалось сделать. Наши отношения в области международных связей поднялись действительно на небывалую высоту стратегического взаимодействия и партнерства. Задача ныне состоит в том, чтобы, используя положительный опыт, создать инновационную модель торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества.

В этой связи представляется полезным ознакомиться с китайским опытом создания государственной инновационной системы развития страны и ее экономики, науки, образования, культуры.

Здесь речь может идти не о копировании китайского опыта, а об использовании методологии стратегических подходов.

Нельзя также не учитывать и то обстоятельство, что нынешний взгляд китайских партнеров на проблемы модернизации принципиально отличается от прежних концепций модернизации эпохи Мао Цзэдуна прежде всего тем, что модернизация страны увязана с реализацией комплексного обновления в экономической, политической, культурной и социальной сферах. По сути, модернизация и инновация стали в Китае синонимами.

Что же представляет из себя китайский опыт создания инновационной системы более конкретно?

За годы проведения экономических реформ и политики открытости Китай развернул глубокое и разностороннее научно-техническое сотрудничество с развитыми странами Запада, Японией и «малыми тиграми» Азии, которое в целом оказалось весьма выгодным и экономически, и политически всем сторонам. Получая новые технологии, КНР обучает свой кадровый персонал знаниям и умению использовать новые и новейшие достижения в интересах развития и модернизации своей страны.

Западные партнеры Китая, опираясь на свое нынешнее научно-техническое превосходство, используют китайский рынок для продления жизни своих технологий предшествующих поколений (в Китае они выступают как «ноу-хау»), одновременно сохраняя технологическую дистанцию между собой и Китаем, так как подлинные «ноу-хау» своих стран они продают Пекину как лицензии лишь после того, как они морально устаревают в их странах.

Особенность такого научно-технического и инновационного сотрудничества заключается в том, что оно носит односторонний и однокорейный характер. Китай лишь тиражирует, собирает и сбывает совместно производимую новую продукцию на мировом рынке или использует для собственного развития и интересов модернизации научно-технические разработки предшествующих поколений развитых стран Запада.

Китайские политики отмечают, что Запад постоянно сохраняет дистанцию от Китая в научно-техническом отношении в 1–3 поколения, то есть в 10–20 лет. Что же касается военных разработок, то вообще запрещено поставлять и продавать Китаю даже технологии предшествующих поколений.

В результате степень зависимости китайских производств новой и новейшей продукции по современным технологиям достигает 80–90%. Например, КНР вышла на первое место в ми-

ре по производству новейших моделей TV, персональных компьютеров, мобильных телефонов, но все это лишь воспроизводство зарубежных моделей, где главные технические новинки не являются собственностью КНР. Китай вынужден их экспортировать, соблюдая запрет на их воспроизводство в Китае. Даже, например, кукла Барби лишь собирается в КНР и собственный вклад китайских производителей этого товара, на котором стоит штамп «*Made in China*», едва достигает 5%.

Пекин вынужден мириться с такой ситуацией. Западные партнеры постоянно держат технологии Китая под контролем и ведут с ним бесконечные споры по поводу охраны прав интеллектуальной собственности. Однако это не мешает обеим сторонам одновременно быстрыми темпами наращивать сотрудничество в сфере технологий.

Не менее важно и то, что западные партнеры не жалеют средств на подготовку в массовом порядке китайских кадров специалистов, техников и менеджеров разных уровней, ориентированных на продолжение и наращивание научно-технического и инновационного сотрудничества с Китаем именно по «догоняющей модели», когда догоняющий никогда не догонит лидера гонки.

На фоне вышеупомянутой ситуации возникает вопрос: каковы же перспективы российско-китайского научно-технического сотрудничества, особенно его инновационных форм? Китай на политическом уровне постоянно демонстрирует заинтересованность в развитии и расширении научно-технического, в том числе инновационного, сотрудничества с Россией.

В августе 2006 г. главная китайская газета «Жэньминь жибао» опубликовала комментарий по поводу участия России в международной выставке-ярмарке научно-технических достижений в Харбине. Газета, полемизируя с широко распространенным в Китае взглядом о том, что Россия богата лишь природными ресурсами, писала: «Россия богата не только природными, но и интеллектуальными ресурсами и обладает сильной научно-технической базой, а Китай испытывает огромную потребность в новых научно-технических достижениях». Однако обмены технологическими инновациями между КНР и РФ, по словам газеты, не находятся на должном уровне, с каждым годом уменьшается количество такой продукции, экспортируемой из России в Китай²⁴. Этот тезис «Жэньминь жибао», по сути, подтверждает слова президента РФ В.В. Путина по поводу недооценки в Китае ин-

теллектуального и научно-технического потенциала России и снижения высокотехнологичной продукции в российском экспорте в КНР.

Представители российского делового мира также проявляют все большую заинтересованность в расширении сотрудничества с Китаем в области инновационных технологий. Так, президент Российского инновационного консорциума Ю. Лебедев в интервью «РИА-Новости» подчеркнул важность такого сотрудничества, признал, что отставание России в сфере инноваций по сравнению с положением в Китае остается значительным. По его словам, в КНР при наличии особых экономических районов и экономических зон образовано более 20 тыс. технологических парков, которые «выращивают» новые технологии. В России же объявлено о создании 87 технопарков, из которых реально действуют только 35. Особый интерес Китая к сотрудничеству с Россией в области инноваций связан с тем, что «европейцы предлагают технологии «под ключ», а американцы стараются вообще не предлагать свои технологии китайцам²⁵». В связи с этим российские бизнесмены отмечают важность изучения китайского опыта распространения на мировых рынках товаров, созданных совместно на основе высоких технологий, поскольку у Китая имеются мощные дистрибьюторские сети в третьих странах. В этом серьезную помощь КНР оказывают организации китайских мигрантов – *хуацяо*. Вместе с тем, представители делового мира нашей страны отмечают, что торговля с Китаем высокими технологиями приводит в отдельных случаях к стагнации в развитии инфраструктуры в России.

Тем не менее совместными усилиями разработана эффективная система взаимодействия с китайскими партнерами в области инновационного сотрудничества. Это позволяет преодолеть ранее существовавшую ситуацию, когда российские технологии просто скупались на корню без интеллектуальной составляющей.

Российские участники процесса сотрудничества с Китаем в области инноваций подчеркивают: «восприимчивость» к инновациям – одна из главных особенностей китайского рынка. Как отмечает генеральный директор ЗАО НПО «Руспромремонт» Р. Садеков: «С рынком Китая, главной характеристикой которого с точки зрения рассматриваемой проблемы является высокая «восприимчивость» к инновациям, мы связываем большие надежды. Однако за эту своеобразную «отзывчивость» часто приходится платить весьма высокую цену. Эта цена заключается в практи-

чески мгновенном воспроизведении технологии, репликации продукции, махинациях с торговыми марками и т.п. В этой связи мы большое внимание уделяем вопросам взаимодействия с государственными органами Китая, ответственными за соблюдение действующего законодательства»²⁶.

Вместе с тем приходится учитывать и другие аспекты ситуации в Китае. Выполнение на уровне практических ведомств политических установок руководства нередко тормозится или вообще игнорируется. Яркий пример тому – тендер по сверхмощным турбинам для гидроэнергокомплекса «Санься», а также конкурентные маневры вокруг тендеров на строительство последующих очередей Тяньваньской АЭС, где первые два реактора сооружает российская сторона.

В целом складывается впечатление: Китай заинтересован в научно-техническом сотрудничестве с Россией с целью диверсификации каналов такого сотрудничества, обеспечения научно-технической и экономической безопасности своей страны. Вместе с тем приходится считаться и с тем, что Пекин будет прилагать усилия к сотрудничеству «по остаточному принципу», то есть в тех сферах, где Запад не идет на такое взаимодействие с Китаем, например, ВТС и космос. В тех же сферах, где Россия обладает технологиями мирового уровня, КНР будет, как показывает тот же опыт с тендером по «Санься» и Тяньваньской АЭС, выбирать наиболее выгодного для себя партнера.

В этой связи перед Россией стоит задача повышения своей конкурентоспособности в тех областях, где мы располагаем передовыми технологиями. Это требует комплексных разработок в сфере права, банковского обеспечения, кредитования, подготовки квалифицированных кадров со знанием китайской специфики и китайского языка.

Одна из важных форм сотрудничества РФ и КНР в сфере инноваций – изучение и творческое использование китайского опыта создания государственной инновационной системы.

Как известно, современную экономику, в зависимости от того, на чем базируется развитие, можно разделить на три составляющие: экономику, базирующуюся на основных факторах производства; экономику, основанную на капиталовложениях, и экономику, опирающуюся на инновации, то есть на внедрение во всех сферах жизни страны новейших технологических разработок.

Для тех, кто еще живет старыми представлениями о бедном, нищем и отсталом Китае, думаю, будут небезынтересны следующие

щие три факта. Первый. Более 34% прироста ВВП КНР (который ежегодно увеличивается почти на 10%) обеспечивается за счет внедрения новых технологий и инноваций. Второй. По данным Международного валютного фонда, более 15% прироста мирового ВВП обеспечивается за счет роста ВВП Китая. И наконец, третий. Экономика и финансовый рынок Китая превратились в фактор стабильности мировой экономики и стабильности мировых валют, так как по золотовалютным запасам Китай вышел на первое место в мире.

Быстрое развитие мировой экономики толкает человеческое сообщество в эпоху экономики знаний. Базисом становления и развития экономики знаний являются как раз инновации – новейшие разработки высоких технологий, включая нанотехнологии.

Главным двигателем и разработчиком структуры экономики знаний в Китае стали Академия наук Китая, Инженерная академия и Академия общественных наук.

В 1980-е годы Дэн Сяопин выдвинул задачу сконцентрировать относительно ограниченные тогда силы ученых и ресурсы вокруг 8 крупных проектов освоения и разработки новейших технологий. Эти проекты были связаны с укреплением обороны страны, созданием новых высокоурожайных сортов основных сельскохозяйственных культур, запуском искусственных спутников Земли, созданием китайской космической станции, геной инженерией, созданием сверхмощных быстродействующих компьютеров и т.д. На реализацию этих проектов государство отпустило огромные средства. Как известно, поставленные Дэн Сяопином задачи китайские ученые к середине 1990-х годов – началу XXI века успешно решили. На основе накопленного опыта Китай перешел к следующему этапу в подготовке условий для перехода в будущем в общество экономики знаний. Как отмечал президент АН Китая академик Лу Юнсян, «на начальном этапе экономики знаний особое значение приобретает создание государственной инновационной системы»²⁷.

В конце 1990-х годов при Госсовете КНР под руководством президента АН Китая академика Лу Юнсяна была создана Рабочая группа по делам науки и образования, которой было поручено разработать комплексную «Программу осуществления в Академии наук экспериментальных проектов в области инноваций». К осуществлению проектов, предусмотренных программой, было привлечено 20 тыс. выдающихся ученых страны. На финансиро-

вание проектов было дополнительно выделено 18,9 млрд юаней, или более 2,5 млрд долл.²⁸.

Запуск китайских космических кораблей с человеком на борту, успешные разработки нескольких суперкомпьютеров со скоростью 4,183 трлн операций в секунду, завершение строительства и пуск в эксплуатацию высокогорной железной дороги в Лхасу (Тибет), выход Китая на лидирующие позиции в мире по производству электронной техники, персональных компьютеров, мобильных телефонов и т.п., запуск коммуникационного мини-спутника «Чуансинь-1», предназначенного для движения на низких орбитах, – все это лишь отдельные примеры, демонстрирующие эффективность китайской государственной инновационной системы.

На ближайшее десятилетие политика Китая в области внедрения инноваций ставит весьма амбициозные, но реальные цели в различных областях экономики (учетверение ВВП к 2020 г.), науки, культуры, техники, включая новые шаги по освоению космического пространства (запуск человека на Луну и Марс), коренное улучшение состояния окружающей среды обитания, регулирование рек, переброску воды из южных водоемов на Север, грандиозную программу урбанизации, строительства новой деревни и создания гармоничного общества.

В целом китайский подход в области инновационной политики, по словам академика Лу Юнсяна, преследует цели, которые весьма близки тем задачам и вызовам, перед которыми стоит Россия и ее фундаментальная академическая наука: быть базой передового международного уровня по созданию и обновлению знаний и технологий; быть научным банком для разработки научно-технической политики; быть важным источником современной научной цивилизации и передовой культуры²⁹.

По всем этим направлениям у Китая имеются свои наработки. Например, информатика стала главной опорной отраслью промышленности КНР. Ныне в стране созданы около 1000 зон освоения высоких и новых технологий.

Помимо информатики быстро набирает темпы и такое направление развития и применения новейших технологий, как космонавтика. Китай успешно изучил, изучает и осваивает зарубежный опыт, в том числе и российский, на этом направлении и успешно развивает свои собственные исследования и наработки в этой области. Китай вышел на мировой уровень по развитию технологий возвращения спутников Земли и запуска кассетных

спутников с помощью одной ракеты-носителя, по производству ракет, выводу спутников на геостационарную орбиту.

В течение 2009–2012 гг. Пекин планирует запустить космические аппараты на целевую планету с совершением стыковки космических аппаратов на орбитах этих планет. Начиная с 1970 г. неуклонно наращивается запуск Китаем многоцелевых искусственных спутников Земли 15 типов. В период 2001–2005 гг. число запущенных Китаем спутников составило почти половину общего числа спутников, запущенных в минувшие 30 лет.

По интенсивности и объемам использования и развития информатики и телекоммуникаций Китай вышел на 2-е место в мире.

Почти 50 млн компьютеров в Китае подключены к Всемирной паутине, а число пользователей Интернета достигло 111 млн человек. Одновременно разработана и внедрена внутренняя сеть информационной безопасности, которой охвачены внутренние сети государственных ведомств.

К настоящему времени в стране созданы несколько тысяч зон освоения высоких и новых технологий, из них 53 зоны имеют общегосударственное значение. По имеющейся в Интернете информации, более 30 тыс. китайских и зарубежных фирм, расположенных в зонах освоения высоких технологий, получили статус предприятий с высокотехнологичным производством. Достижение этого статуса позволяет получить ряд налоговых и таможенных привилегий и господдержку на зарубежных рынках. Об эффективности работы предприятий с высокотехнологичным производством говорит тот факт, что среднегодовой прирост их основных экономических показателей в течение последних 13 лет держится на уровне 60%. В 2005 г. общий объем произведенной в зонах освоения новых и высоких технологий продукции превысил 330 млрд долл., а экспорт такой продукции составляет свыше 200 млрд долл.

Характерно при этом то, что быстрое развитие получили как предприятия, где контрольный пакет акций принадлежит государству, так и предприятия негосударственной собственности. Техноёмкая продукция негосударственных предприятий уже завоевала 50% внутреннего рынка страны.

Для поддержки зон высоких технологий в Китае принята и осуществляется государственная программа под названием «Подъем торговли путем развития науки и техники». Согласно этой программе, с целью стимулирования развития высокотехнологичных производств, рассчитанных на экспорт, государст-

во отбирает для поддержки наиболее эффективно работающие зоны, расположенные около крупных промышленных центров. Такой поддержкой государства пользуются технопарки, которые расположены в Пекине (технопарк электроники Чжунтчаньцунь), Тяньцзине, Шанхае, Даляне, Сямэне, Циндао, Шэньчжэне, а также в провинциях Хэйлунцзян, Цзянсу, Аньхой, Шаньдун, Хубэй, Гуандун и Шэньси. Таким образом, главные и наиболее эффективно работающие технопарки расположены в долинах рек Янцзы и Чжуцзян (Жемчужная), а также на побережье Бохайского залива. Здесь, по официальным китайским данным, производится 80% техноемких товаров для экспорта.

Для развития сотрудничества РФ и Китая в сфере инноваций важно, что многие китайские техноцентры расположены географически близко от России и наших сибирских и дальневосточных регионов. Они проявляют интерес к сотрудничеству и взаимодействию с российскими регионами. Однако российская сторона пока не готова в силу целого ряда финансовых, кадровых, транспортных и бюрократических причин адекватно и с выгодой для себя развивать взаимодействие и равноправное сотрудничество с китайскими партнерами.

Становится все более очевидным, что создание совместных высокотехнологичных зон может стать одним из важных направлений российско-китайского сотрудничества. Развитие ядерной и гидроэнергетики также открывает значительные возможности для взаимодействия России и Китая. Нельзя исключать возможности взаимовыгодного сотрудничества и в разработке проекта создания механизмов выработки водородной энергетики.

Перспектива наращивания энергетического потенциала КНР за счет сжигания 2–3 млрд т угля – катастрофическая перспектива и для Китая, и для его соседей. Уже сейчас тот факт, что в стране сжигается более 1,9 млрд т сернистых, высокозольных углей, порождает серьезнейшие проблемы для экологии. Нужно найти другие, более безопасные пути переработки углей и развивать гидро- и атомную энергетику.

На фоне грандиозных масштабов внедрения инновационных разработок в Китае и эффективного внедрения и коммерциализации новейших промышленных технологий состояние российско-китайского сотрудничества в этой сфере выглядит скромным, хотя и весьма многообещающим. Утешает лишь то, что оно имеет место и постепенно набирает темп и размах.

Сотрудничество ученых Сибирского и Дальневосточного отделений РАН с китайскими учеными, опыт (пока ограниченный) взаимодействия российских и китайских университетов и институтов в подготовке специалистов, проведении совместных исследований, организация в рамках национальных Годов России в Китае и Китая в России комплексных национальных выставок – все это шаги в направлении развития и расширения российско-китайского сотрудничества, в том числе в сфере новых технологий.

Одним из важных аспектов китайского опыта создания зон новых высоких технологий является внедрение в практику системного комплекса правовых, финансовых и таможенных льгот для того, чтобы заинтересовать иностранных инвесторов и деловые круги своей страны в активном участии в разработке высоких технологий. Организации и предприятия, которые работают в зонах, получают значительные налоговые льготы, причем в первые два года они вообще освобождаются от налогов, а в последующие 8–10 лет, в зависимости от качества и объемов производимой продукции, освобождаются от налогов частично. Если же они выражают готовность длительное время оставаться и продолжать работать на территории зоны, им предоставляются дополнительные налоговые и таможенные льготы. Об эффективной работе Харбинской зоны свидетельствует то, что во внешней торговле г. Харбина 60% составляет продукция высоких технологий, производимая в этой зоне.

Сопоставляя опыт китайских партнеров с опытом создания технопарков при Новосибирском Академгородке, вице-губернатор Новосибирской области Г.А. Сапожников отметил, что хотя существует принятый Госдумой закон о специальных экономических зонах и технопарках, однако бюрократические трудности в решении вопросов о земле, о льготном налогообложении фактически блокируют усилия по развитию отечественных экономических зон и технопарков. Складывается впечатление, что предприниматели избегают вкладывать инвестиции в специальные экономические зоны, поскольку с первого дня инвестирования необходимо платить налоги, блокирующие заинтересованность в дальнейшем инвестировании средств.

Значительные предпосылки и резервы для инновационного сотрудничества двух стран создают, с одной стороны, намерение России и руководителей российских регионов в Сибири и на Дальнем Востоке серьезно оживить социально-экономическое

и культурное развитие восточных районов России, а с другой – конкретные программы возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая, которые провозглашены председателем КНР Ху Цзиньтао. Здесь у России исторически сложились благоприятные предпосылки для сотрудничества как культурно-психологического, так и чисто экономического плана. Здесь еще сохраняются авторитет русской культуры и русского языка, в целом благоприятное отношение населения к нашей стране, кроме того, треть крупных индустриальных комплексов, созданных при содействии и прямом участии СССР в 1950-е годы, приходится именно на Северо-Восток. Только в Харбине было построено 27 таких промышленных объектов. К сожалению, и на этом направлении российско-китайское сотрудничество сталкивается фактически с тупиковой ситуацией. Российская сторона как на государственном, так и на частном уровне не демонстрирует ожидаемой китайской стороной заинтересованности в более широком сотрудничестве с этими регионами Китая. И здесь западные компании и фирмы во многом опережают россиян. Северо-Восток Китая становится новой «горячей точкой» для зарубежных инвесторов и китайских инвесторов из других регионов. Активно наращивают свои инвестиции США, Япония, Тайвань, Сингапур, ЕС. В 2003 г. иностранные инвестиции в провинциях Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян превысили 7 млрд долл.

Говоря в целом, ситуация требует того, чтобы парламенты и правительства двух стран серьезно озаботились повышением эффективности работы созданных механизмов, обеспечивающих развитие инновационного сотрудничества.

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Экономическое взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики развивалось быстрыми темпами. Если 10 лет назад объем торговли между странами составлял 5 млрд 481 млн долл., то по итогам 2007 г. он увеличился многократно и превысил 48 млрд долл. Безусловно, это хороший показатель уверенного развития делового сотрудничества. Однако, учитывая огромный потенциал Китая и России, эти цифры не

могут в полной мере нас удовлетворять. Поэтому есть смысл проанализировать как факторы, которые могут и должны стимулировать развитие двустороннего сотрудничества, так и те обстоятельства, которые сдерживают, препятствуют всестороннему углублению делового, экономического сотрудничества и взаимодействию в других сферах.

Можно напомнить позитивные факторы экономического сотрудничества двух стран. Это общность целей в развитии и всестороннем подъеме экономики, благосостояния народа, росте культуры, модернизации всех сторон жизни; географическая близость; глубокое взаимопонимание, высокий уровень межгосударственных политических контактов; взаимная дополняемость экономик двух стран по многим важным позициям.

К другим обстоятельствам, которые побуждают Россию и Китай активно укреплять торгово-экономические отношения, относятся стремление диверсифицировать каналы сотрудничества и источники импорта стратегического сырья, прежде всего энергоресурсов, и стремление расширить позиции друг друга на внешних рынках.

Что касается России, то один из побудительных мотивов роста заинтересованности в Китае состоит в том, что *Китай является оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока*. Все больше становится очевидным, что ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этого региона. Китай при соответствующих условиях может стать источником крупных капиталовложений, инвестиций и участником разработки природных богатств Сибири и Дальнего Востока. Подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает долгосрочным интересам Китая, поскольку создает благоприятные предпосылки для возрождения старой промышленной базы соседних с Россией северо-восточных провинций и может создать надежную базу обеспечения экономики КНР нужными энергоресурсами.

Наконец, немаловажную роль играет и «демонстрационный эффект». Успех российско-китайского экономического сотрудничества будет способствовать активизации торгово-экономических связей России с Японией, Республикой Корея и другими азиатскими странами. Немаловажную роль играет и то, что взаимодействие с Китаем в этом плане является одной из важных предпосы-

лок включения России в процесс региональной интеграции в Восточной Азии.

Хотя объем товарооборота КНР с РФ заметно ниже, чем масштабы торговли Китая с ведущими торговыми партнерами, однако здесь нельзя не учитывать, что составными частями двустороннего сотрудничества являются стратегически важные товары как для Китая, так и для России.

Наши китайские партнеры рассматривают рост объемов поставки нефти из России в Китай как важное условие решения задачи сокращения дефицита углеводородов на внутреннем рынке и обеспечения диверсификации источников импорта этих ресурсов. По признанию аналитиков КНР, сотрудничество между РФ и КНР в разработке лесных ресурсов позволит Китаю обеспечить более 50% внутреннего спроса. Важным направлением сотрудничества является и сфера сельского хозяйства. Учитывая нехватку пахотных земель и водных ресурсов в Китае, налаживание взаимовыгодного производства сельскохозяйственных продуктов на малоосвоенных пахотных землях России будет взаимовыгодным вкладом в укрепление продовольственной безопасности двух стран.

Наши китайские друзья учли высказывания президента РФ В.В. Путина и представителей российских деловых кругов, в которых говорилось о необходимости активизировать инвестиции КНР в Россию. Китайские власти призывают деловые круги своей страны активизировать участие в разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, добычу калия, фосфора, глинозема и редкоземельных элементов.

К сожалению, приходится констатировать, что в научно-техническом взаимодействии двух стран, даже в сферах, где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика), китайская сторона проявляет чрезмерную сдержанность. Все еще незначительным остается российский экспорт продукции машиностроения, особенно высокотехнологичных и наукоемких видов продукции. Об этом неоднократно говорили президент В.В. Путин и главы двух палат Федерального Собрания России С.М. Миронов и Б.В. Грызлов.

Следует приветствовать усилия Минэкономразвития и торговли РФ и Министерства коммерции КНР, которые прилагают активные усилия с целью согласования позиций для сотрудничества на более длительную перспективу. Заслуживает внимания программа китайско-российского торгово-экономического со-

трудничества на 2006–2010 гг., которая была одобрена главами правительств двух стран в ноябре 2006 г.

Важное место в российско-китайской торговле занимает приграничное и межрегиональное сотрудничество. Известно, какую большую работу в этом плане занимает провинция Хэйлунцзян. Объем ее торговли с Россией далеко превышает 3 с лишним млрд долл. Провинция Хэйлунцзян выступает своеобразным локомотивом развития российско-китайского межрегионального сотрудничества. Однако здесь также имеются «узкие» места, которые требуют внимательного рассмотрения и регулирования. Прежде всего, это придание более цивилизованного и правового характера сотрудничеству по каналам так называемой народной торговли. Объем торговли по таким каналам довольно значительный, по некоторым оценкам, он составляет более 4 млрд долл. Именно эта сумма является основной причиной расхождения показателей российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Дело в том, что поступающие по линии так называемой народной торговли китайские товары не учитываются российской таможней и облагаются минимальным таможенным сбором, поскольку эти сборы определяются не реальной стоимостью товаров, а их весом. У китайской стороны также имеются претензии к российской стороне относительно осуществления народной торговли.

Территориальный аспект российско-китайского торгово-экономического взаимодействия касается многих российских и китайских регионов. Связи между субъектами Российской Федерации и провинциями КНР демонстрируют устойчивую тенденцию к росту, и по этому каналу проходит более 40% двустороннего товарооборота. Руководство КНР уделяет межрегиональному сотрудничеству особое внимание. Председатель КНР во время визита в Новосибирск в июле 2005 г. выразил готовность довести торговлю КНР с Дальневосточным федеральным округом с КНР в ближайшие годы до 10–12 млрд долл.

В целом развитие сотрудничества в этой сфере осуществляется благоприятно, и здесь большую роль сыграли усилия правительств и законодательных органов двух стран. Была разработана соответствующая нормативно-правовая база (межправительственное соглашение 1997 г. «О принципах сотрудничества между администрациями субъектов Российской Федерации и местными правительствами КНР»). Положительную роль играют новый консульский договор, федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей

субъектов Российской Федерации», который вступил в силу в январе 1999 г.

Позитивным является и то, что прямое сотрудничество между регионами двух стран нередко осуществляется на базе соглашений о потребительских связях территориальных образований России и Китая. Количество таких связей сейчас достигло 100 «пар побратимов».

Значительный потенциал сотрудничества России и Китая на уровне регионов содержит в себе приграничная торговля, создание приграничных торговых комплексов: Благовещенск – Хэйхэ, Забайкальск – Маньчжурия, Пограничный – Суйфэнхэ. Положительную роль играет начало использования национальных валют в расчетах в приграничной торговле. Однако здесь еще немало нерешенных правовых вопросов. Отсутствие в России определенного статуса районов приграничной торговли и компаний приграничной торговли создает асимметрию в отношениях с китайскими партнерами, которые наделены соответствующим статусом с китайской стороны.

Хотелось бы привлечь особое внимание к роли инвестиционного фактора в развитии российско-китайского стратегического сотрудничества. Хотя сотрудничество в этой сфере оживилось, однако объемы его по-прежнему остаются весьма скромными. Состоявшиеся в последние годы форумы в Хабаровске и Санкт-Петербурге, посвященные инвестиционным проблемам, несколько активизировали взаимодействие в этой сфере. Серьезным сдерживающим фактором выступает недостаточная решительность, проявляемая сторонами в реализации крупных поставок углеводородов, нефти и газа из России в Китай. Жизнь показывает, что диверсификация экспорта российских углеводородов будет только на пользу обеим сторонам.

В целом, как представляется, российско-китайскому сотрудничеству в нефтегазовой сфере нужна стратегия дальних горизонтов, поскольку это сотрудничество соответствует долгосрочным интересам и России, и Китая.

Исключительно важную роль в развитии торгового инвестиционного сотрудничества между Россией и КНР занимает проблема развития транспортной инфраструктуры и проблема сотрудничества банков двух стран. Здесь также требуется разработка серьезной правовой базы.

Наконец, еще одной перспективной сферой сотрудничества двух стран является сотрудничество в области обмена рабочей

силы. Здесь не всегда корректными усилиями средств массовой информации создана неблагоприятная атмосфера для широко-массового привлечения китайской рабочей силы. Существуют также проблемы совершенствования правовой базы.

Российская сторона должна осознать тот факт, что нынешняя демографическая ситуация в России означает длительное и значительное сокращение численности рабочих рук, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири. Нехватку трудовых ресурсов можно компенсировать только за счет сотрудничества с КНР и частично с КНДР. Но для этого должны быть созданы необходимые условия и гарантии материального стимулирования, бытового устройства и безопасности субъектов приглашенной рабочей силы.

Суммируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что сдерживающими факторами развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества являются следующие препятствия:

1. Незнание китайскими и российскими предпринимателями законодательства и условий деловой деятельности в наших странах, что особенно проявляется в чрезмерной осторожности китайских предпринимателей.

2. Сложный инвестиционный климат в Китае для реализации проектов с российским капиталом.

3. Негибкость российского законодательства, которое ущемляет интересы иностранного капитала, не гарантирует его сохранность и безопасность.

4. Высокие ставки налогообложения в РФ по сравнению с более низкими ставками в КНР не стимулируют иностранное предпринимательство в России.

5. Несовершенство, сложность решения административных проблем, чрезмерная бюрократизированность процедур создания совместных предприятий и жесткое регулирование сотрудничества со стороны государственных центральных и региональных органов власти.

6. Недостаточная защищенность китайского бизнеса в России.

7. Социально-психологические моменты, связанные с давлением в прессе на население по поводу так называемой китайской угрозы.

На наш взгляд, сотрудничество законодательных органов центрального и регионального уровней позволит преодолеть эти препятствия и создаст условия для реализации крупных россий-

ско-китайских инфраструктурных проектов на территории российского Дальнего Востока и Сибири с привлечением китайского капитала, а на территории Китая – получение российского капитала. Такой подход позволит реализовать межправительственное соглашение «О поощрении и взаимной защите капиталовложений», подписанное в Пекине в ноябре 2006 г.

УКРЕПЛЯТЬ ДОБРОСОСЕДСТВО И ДРУЖБУ С КИТАЕМ

Судьба китаеведения в новейшей истории России в значительной степени находилась в зависимости от политической конъюнктуры и внутренних проблем Советского государства и складывалась достаточно драматично. Между тем объективно доминирующей тенденцией в российско-китайских отношениях всегда была линия на добрососедство и дружбу. Так, Октябрьская революция в России стала для Китая знаком перехода к новому этапу борьбы за освобождение от иностранной зависимости, итогом которой стал выход страны из полуколониального тупика и становление нового Китая, образование в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Китайские руководители неоднократно подчеркивали: пример того, как нация должна подниматься, они получили от русских. И не только пример, но и всестороннюю поддержку. В 1920–1930-е годы изучение Китая в СССР шло параллельно с подготовкой кадров для национально-освободительного движения этой страны. В начале 1920-х годов в Москве были созданы Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938) и Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (1925–1930), с сентября 1928 г. – Коммунистический университет трудящихся Китая. В разное время в них успешно учились многие видные китайские деятели как из Гоминьдана, так и будущие члены руководства КПК – Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, сын Чан Кайши Цзян Цзинго и многие другие. В Иваново в 1933 г. был открыт интернациональный детский дом, существовавший до последнего времени, где выросли и стали высококвалифицированными специалистами своих стран дети многих видных деятелей освободительного движения, в том числе Китая, Вьетнама, Кореи, Индии и других стран.

Судьба же предтечи нынешнего ИДВ – Научно-исследовательского института по Китаю при Коммунистическом университете трудящихся Китая (с 1930 г. – при Комакадемии) – оказалась трагичной. В 1937 г. почти всех научных сотрудников власти объявили иностранными шпионами, большинство из них погибло. Это был первый кризис в истории китаеведческой науки. Второй связан с деятельностью Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна в 1956–1960 гг., когда были закрыты и исследовательский Институт китаеведения АН СССР, и журнал «Советское китаеведение», и уникальный вуз, готовивший знатоков стран Востока – учебный Институт востоковедения.

После обострения советско-китайских отношений в начале 1960-х годов и ухода с политической арены Н.С. Хрущева, по инициативе Ю.В. Андропова перед Академией наук СССР была поставлена задача углубленного изучения процессов на международной арене и научного сопровождения государственной политики в отношении как наших соседей, так и ведущих стран мира. Именно тогда было принято решение о создании серии академических институтов – Латинской Америки, Африки, США и Канады. Возникший на этой волне в 1966 г. Институт Дальнего Востока был призван обеспечить объективное и всестороннее изучение проблем Китая и содействовать поиску путей нормализации отношений с этой страной.

В стенах этого крупнейшего в России научно-исследовательского центра по проблемам Китая и ряда соседних с ним стран трудятся уникальные научные кадры – три действительных члена РАН, 46 докторов и 100 кандидатов наук, выдающихся знатоков Китая, Кореи, Японии. Их усилиями успешно решались не только исследовательские, но и политические задачи практики двусторонних отношений, велся поиск реальных путей их развития. Ныне Институт обеспечивает научное сопровождение внешнеполитических контактов на Дальнем Востоке, выступая последовательным сторонником дружбы и добрососедства, диалога культур и цивилизаций, изучения опыта наших соседей.

Надо сказать, что с приходом к руководству страной президента В.В. Путина, степень востребованности научных результатов ИДВ РАН заметно возросла. Традиционно тесные отношения у Института складываются с МИДом и администрацией президента. Среди ведущих ученых Института пять имели ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Крепнут связи с министерствами обороны, экономического развития и торговли, меж-

дународными комитетами, комиссиями Государственной Думы и Совета Федерации и с администрациями дальневосточных регионов РФ. Костяк ИДВ составляли и составляют люди, которые отдали науке всю жизнь. Это академик С.Л. Тихвинский, ветераны китаеведения доктора наук и послы Б.Т. Кулик, А.М. Ледовский, В.И. Шабалин, а также В.Н. Бунин, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И.Н. Наумов, А.С. Переломов, В.Ф. Сорочкин, Е.Д. Степанов, В.П. Ткаченко и многие другие.

Значительное внимание уделяется работе с молодежью. Это дает свой результат: в последнее время она стала приходиться в Институт. Хочется подчеркнуть, что ИДВ обеспечивает базу для деятельности десяти научных школ мирового значения. Лидерам этих направлений уже около 70 лет, у некоторых из них преемников просто нет: работа с архивами, безусловно, увлекательна, но тяжела и неблагодарна. Поэтому сегодня мы стремимся дать свет всему изученному историческому наследию. Под редакцией академиков С.Л. Тихвинского и В.С. Мясникова Институт выпускает многотомник, в котором переведены (в том числе с «мертвых» восточных языков) и прокомментированы, по существу, все имеющиеся в российских архивах документы по 400-летней истории русско-китайских отношений. Многие из них ранее не были известны. За этим стоит титаническая работа. У нас есть единственный специалист по маньчжурскому языку, и мы буквально молимся на этого человека.

В сотрудничестве со Свободным Берлинским университетом изданы сборники документов из архивов Политбюро ЦК ВКП(б), хранившихся под грифом особой секретности. В свет вышло 5 томов этого уникального труда. Это редкие документы, предоставляющие богатую новую информацию о многих «белых пятнах» китайской революции. В Китае переводятся и издаются наши книги, что называется, с листа.

Научная работа ведется и при помощи грантов. Ими в ИДВ охвачено около 20 из 170 научных сотрудников. Наши заявки на уникальные исследования удовлетворяются не часто. Ведущие ученые-востоковеды слабо представлены и в ВАКе, и в РГНФ: там сложился свой замкнутый круг экспертов, которым зачастую не просто оценить значимость предлагаемых нами тем. Так, Институту отказали в поддержке издания энциклопедии «Китайская философия», фундаментального оригинального труда ученых ИДВ, какого нет в мировом китаеведении. В итоге проект профинансировали тайваньцы. Сейчас завершается работа над уникаль-

ной энциклопедией «Духовная культура Китая», написанной нами с участием китайских коллег.

Рассчитывать на массовое участие в зарубежных проектах Института трудно – мы издаем книги на русском языке. Очень плодотворна идея собственных академических программ, предложенных Президиумом РАН для отделений и секций. За счет выделенных на эти программы средств около 20 ученых Института могут получать весомую прибавку к зарплате. Это, конечно, кардинально не меняет ситуацию (молодых на такие средства не привлечешь), но мы понимаем, что тяжело всем, и благодарны за поддержку руководству Академии.

Структура Института выглядит следующим образом: 60% исследований приходится на изучение современного Китая, 15 – на Корейский полуостров, 15 – на Японию и 10 – на изучение интеграционных процессов в США, в рамках АТЭС. Введенная в ИДВ структура организации *научно-исследовательских Центров* показала свою высокую эффективность, так как позволяет формировать мобильные исследовательские группы по актуальным темам. В составе ИДВ работает 8 таких Центров, каждый является в известной мере аналогом западного института.

Мы гордимся созданной в последние годы электронной базой Института, которая содержит основной объем информации о Китае, имеющей научную ценность.

Особое место в жизни Института занимает «*Китайский зал*» ИДВ. Об этом уникальном музее истории и культуры при Институте стоит сказать особо. Воображение непрофессионалов поражают представленные здесь изделия прикладного искусства, выполненные с исключительной тщательностью и высочайшим художественным вкусом. Тончайшая двусторонняя вышивка по шелку, резьба по камню и пробковому дереву с проработкой мельчайших деталей, вазы из фарфора под названием «яичная скорлупа», изящные и почти невесомые. На изготовление этой неземной красоты у мастеров из Поднебесной уходят месяцы и годы. Среди исторических экспонатов – плетеные из лыка тапочки, в каких бойцы Народно-освободительной армии Китая совершили Великий поход, форменная одежда Чрезвычайного и Полномочного Посла, принадлежащая академику С.Л. Тихвинскому. На стенах – образцы каллиграфии знаменитых мастеров, виды национальной одежды. За стеклянной витриной – сборник выступлений В.В. Путина на китайском языке. Здесь же представлен перевод на русский язык сборника выска-

званий Цзян Цзэминя «О социализме с китайской спецификой».

Китайский зал ИДВ РАН выступает в роли информационно-культурного центра Ассоциации китаеведов России и Общества российско-китайской дружбы, коллективным членом которого является Институт. Здесь проходят лекции, семинары для молодежи, собрания, посвященные знаменательным датам жизни Китая. Помещение обставлено китайской мебелью из красного дерева и оборудовано аппаратурой для синхронного перевода. Мощная телесистема в живом времени воспроизводит 4-ю программу китайского телевидения.

Помимо научной, мы также ведем и образовательную деятельность. При ИДВ работает Институт практического востоковедения. Институт выступил учредителем этого вуза, где готовятся высококвалифицированные кадры для поддержания деловых контактов со странами Востока. Это будет своего рода элитная школа востоковедов: два языка, практика за рубежом, успешно прошедшие курс получают степень магистра и два диплома – наш и китайский.

ВАЖНЫЕ ШАГИ УГЛУБЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Подписанный 16 июля 2001 г. в Москве Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве стал крупной инновацией в российско-китайских отношениях. Следуя духу и букве этого Договора, президент России В.В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао выступили инициаторами проведения Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г.

Год России в Китае открыл президент РФ В.В. Путин во время своего специального визита в КНР в марте 2006 г. Весь ход мероприятий Года находился под координирующим контролем национальных Оргкомитетов, возглавляемых авторитетными членами правительств наших стран – первым заместителем председателя Правительства РФ Д.А. Медведевым и заместителем премьера Госсовета КНР – У И.

В период проведения Года России в Китае китайская общественность стала активным участником масштабных мероприя-

тий – от промышленных, научно-технических, книжных, художественных выставок, демонстрации нанотехнологий и инновационных проектов до презентации достижений экономики и культуры отдельных регионов России. В КНР прошли многодневные гастроли всемирно известных театральных, оперных, балетных, танцевальных коллективов Большого и Мариинского театров, Художественного театра. На сценах Пекина, Шанхая, Харбина и других городов выступили симфонические оркестры и музыкальные ансамбли России, включая такие знаменитые коллективы, как ансамбль скрипачей «Виртуозы Москвы», ансамбль «Березка», ансамбль танца под руководством И. Моисеева.

Богатой была и научная программа. Она включала научный форум ведущих обществоведов и гуманитариев Российской академии наук, российских университетов и Академии общественных наук Китая, соответствующих академий провинций КНР и ведущих университетов страны. На форуме обсуждены ключевые проблемы мирового развития в условиях глобализации, а также вопросы российско-китайских отношений и перспектив стратегического взаимодействия наших стран.

На большой книжной выставке по общественным наукам китайские посетители смогли убедиться, сколь широк интерес у российской общественности к истории, культуре, жизни, опыту экономического строительства, международной политике Китая. Практически все основные произведения китайской классики в области философии, истории, художественной литературы, поэзии, живописи, медицины, истории науки, дипломатии с глубокой древности до наших дней нашли отражение в переводах и исследовательских трудах российских китаеведов. Среди них «Лунь юй» Конфуция, «Дао Дэ цзин» Лао-цзы, книги «Мо-цзы», «И цзин», «Ши цзин», «Искусство войны» Сунь-цзы, антологии: двухтомная «Древнекитайская философия», «Древнекитайская философия: Эпоха Хань», перевод многотомного труда Сыма Цяня «Ши цзи», энциклопедический словарь «Китайская философия», переводы трудов современных китайских руководителей – от Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина до Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. В России переведены и неоднократно издавались классические романы «Троецарствие», «Речные заводы», «Сон в красном тереме», новеллы Пу Сунлина, стихи и проза многих выдающихся китайских писателей.

В ходе Года России в Китае заметно активизировалась деятельность российских общественных организаций, Общества российско-китайской дружбы, Российско-китайского комитета друж-

бы, мира и развития в XXI веке, которые совместно с Китайским народным обществом дружбы с зарубежными странами, Обществом китайско-российской дружбы и другими общественными и творческими организациями КНР провели комплекс массовых мероприятий, включая циклы лекций по китайской истории и культуре. Состоялись показательные выступления мастеров ушу и кун-фу. В Китае и в России прошли научные конференции молодых ученых двух стран по актуальным вопросам охраны окружающей среды, социально-экономических реформ, проблемам обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, урегулирования кризиса на Корейском полуострове.

Среди российской общественности неуклонно растет интерес ко многим сторонам китайской культуры, опыту политики реформ и открытости. Об этом свидетельствует хотя бы то, что за последние 10 лет изучение китайского языка стало обязательно-добровольным не только в полутора десятках специальных школ, но и во многих ведущих гуманитарных и естественных университетах и институтах России, где открыты специальные отделения или факультеты китайского языка. Только при Институте Дальнего Востока работает около 10 групп на курсах китайского языка.

Развитие добрососедства, дружбы и сотрудничества, неуклонное следование формуле «всегда друзья и никогда враги» – важнейший стратегический судьбоносный выбор наших народов. Этот выбор отвечает коренным долговременным интересам и России, и Китая.

Год России в Китае стал важной вехой в развитии российско-китайского добрососедства, дружбы, стратегического взаимодействия и сотрудничества. Он передал эстафету Году Китая в России.

26 марта 2007 г. в Государственном Кремлевском дворце состоялось торжественное открытие Года Китая в России. Руководители двух – стран президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао в своих выступлениях подчеркнули значение проведения национальных годов России и Китая, историческую общность судеб наших народов и главных целей развития.

По словам президента В.В. Путина, проводимые в национальные годы широкомасштабные мероприятия помогают «еще больше поднять уровень и качество» партнерства, потому что это прямые контакты между нашими гражданами. Это возможность познакомиться с перспективами развития науки, образования,

культуры, возможность прямых контактов между бизнесменами наших стран³⁰. Цель Года Китая, как ее сформулировал председатель КНР Ху Цзиньтао, – показать «российскому народу историю и культуру Китая, процессы реформ и открытости Китая в целях укрепления взаимопонимания и дружбы между двумя странами и их народами, углубления всесторонних обменов и сотрудничества, внедрения в сознание народов двух стран идеологии мира и передачи эстафеты дружбы из поколения в поколение»³¹.

Именно руководители двух стран и были инициаторами этих крупномасштабных мероприятий. Состоявшийся на Кремлевской сцене большой концерт мастеров искусств Китая стал подлинной манифестацией выдающихся достижений китайского музыкального, балетного и циркового искусства. Выступления артистов были встречены как несколькими тысячами присутствующих в зале, так и миллионами телезрителей России с огромным энтузиазмом и восхищением. Для многих россиян это была первая встреча со старым другом – Китаем после многих лет вынужденной разлуки и отчуждения. Высочайший уровень выступлений китайских мастеров для многих был открытием.

В течение нескольких месяцев практически во всех крупных городах России, областных, краевых и районных центрах состоялись представления и презентации достижений различных провинций Китая в области экономики, науки и образования, прошли массовые концерты мастеров искусств КНР, художественные и книжные выставки, состоялись многочисленные семинары, круглые столы, научные конференции. Особое значение в этом плане имел II Форум обществоведов Китая и России, на котором более 100 ведущих ученых двух стран продолжают обсуждение вопросов развития экономик Китая и России в условиях глобализации и перспектив развития российско-китайского сотрудничества в различных областях, которое было начато на I Форуме, состоявшемся в июне 2006 г. в Пекине, Ханчжоу и Хух-Хото. Форум обществоведов сопровождался крупной книжной выставкой китайской литературы по общественным наукам. Форум охватил не только ученых Москвы, но и ряда региональных научных центров.

Значение проведения в ходе Года Китая в России более 200 крупных мероприятий трудно переоценить.

Мастера искусств Китая, деятели театра, кино, художники, писатели стали участниками творческих вечеров, концертов, выставок, которые прошли во многих крупных центрах России.

Большими событиями, которые будут способствовать более глубокому восприятию россиянами культуры Китая, его достижений, явились Национальная выставка Китая, фестиваль китайской культуры, ряд встреч лидеров делового мира РФ и КНР, круглые столы и форумы ученых, парламентариев, молодых политиков, студентов двух стран.

Особое внимание в рамках Года Китая в России уделено раскрытию огромного потенциала сотрудничества в области экономики, науки, техники, культуры и образования. Проведен ряд конференций, посвященных обмену опытом осуществления экономических реформ, конференция по особым экономическим зонам, семинары по развитию сотрудничества в области машиностроения и электроники, инвестиционному сотрудничеству, в области сельского хозяйства, по совершенствованию работы на погранпереходах. Организованы собеседования по международному экономическому сотрудничеству, встречи молодежи, детей.

Высокие китайские представители стали почетными гостями Международной книжной ярмарки в Москве, а также 11-го Петербургского международного экономического форума.

Год Китая в России совпал с 50-летием Общества российско-китайской дружбы и 10-летием Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития в XXI веке.

Серия мероприятий проведена по приобщению к объективному освещению жизни наших стран средствами массовой информации.

Заслуживает особого внимания комплекс мероприятий в сфере образования, расширения контактов молодежи. В Москве откроется еще одна специальная школа с изучением китайского языка, в России начнут работать несколько институтов Конфуция, которые станут центрами по пропаганде китайского языка и подготовке квалифицированных переводчиков.

Национальные годы способствуют не только укреплению взаимопонимания между руководящими кругами двух стран, отношения которых уже приобрели невиданно глубокий и всесторонний характер, но самое важное состоит в том, что температура российско-китайского сотрудничества равномерно распределяется между различными уровнями общества в Китае и в России. Отношения стратегического партнерства и взаимодействия охватывают не только сотрудничество высших руководящих слоев двух стран, но и *становятся отношениями сотрудничества, вза-*

имопонимания между народами наших государств. Другими словами, значительно расширяется и укрепляется социальная база наших партнерских отношений.

Особое значение национальных годов состоит также в том, что они способствуют преодолению накопившихся в течение 1960–1980-х годов в наших отношениях отчуждения, предвзятости и непонимания между различными кругами наших стран. Восстановление добрососедства и развития сотрудничества, как известно, начиналось со встреч и переговоров руководителей двух государств, а также деловых контактов представителей заинтересованных ведомств и бизнеса. Однако на этом этапе активно работала лишь сравнительно узкая прослойка верхних слоев общества.

Значительно более широкий характер в первые годы нормализации развития двусторонних отношений между Россией и Китаем приобрели контакты мелкого бизнеса в рамках так называемой «челночной» торговли. Ради справедливости надо признать, что эти связи сыграли для многих свою позитивную роль. Китайские и российские «челноки» в первые годы становления российского государства в начале 1990-х годов стали, по существу, главными поставщиками различных товаров ширпотреба. Они обеспечивали запросы населения России, резко обедневшего в ходе шоковой терапии. Одновременно этот канал обеспечивал работой тысячи китайских граждан, которые искали работу. Однако у этого процесса была и другая сторона. По мере нормализации экономической ситуации в России массовый наплыв мелких торговцев из Китая и поездки российских «челноков» в Китай стали создавать нездоровую атмосферу в наших отношениях. Они привели также к дискредитации многих марок китайских товаров, которые в прошлом имели в России высокий рейтинг. Сравнительно низкий уровень культуры представителей той и другой сторон, ставших в силу сложившихся обстоятельств главными субъектами этих обменов, создали в России и в Китае искаженное представление о каждой из стран. Эта ситуация достаточно быстро была понята руководящими кругами той и другой страны, и в настоящее время предпринимаются широкомасштабные меры по исправлению сложившейся ситуации. Национальные годы России и Китая как раз призваны окончательно искоренить, исправить общее представление широких слоев населения той и другой страны о своем партнере – соседе.

Важную роль во взаимном познании и укреплении взаимопонимания между нашими странами играют представители интеллигенции, интеллектуальных кругов, сотрудники сферы образования, средств массовой информации. Конечно, особо следует сказать о роли китайских русистов и российских ученых-китаеведов в содействии взаимному ознакомлению с достижениями друг друга.

Надо отметить, что российские ученые немало сделали для того, чтобы содействовать распространению объективных знаний о великой культуре Китая, его достижениях в различных областях. Достаточно сказать, что усилиями российских ученых *на русский язык переведены фактически все основные исторические, литературно-художественные, поэтические памятники Китая с древних времен до наших дней*. Российскому читателю доступны и 13-книжие, все труды великих основоположников китайской культуры и философии – Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, Сунь-цзы, Шан Яна, Хань Фэйцзы и других, многие канонические труды буддизма как ханьского, так и тибетского. На русский язык переведены произведения современных общественных и политических деятелей Китая. В России выходит 40-томная серия классиков китайской литературы. Новым шагом в этом направлении станет реализация проекта академика С.Л. Тихвинского о подготовке 10-томной всеобщей истории Китая с древнейших времен до наших дней.

Изданная Институтом Дальнего Востока целая серия трудов, посвященных внутренней и внешней политики Китая, его государственному устройству, призвана содействовать разоблачению продвигаемым извне тезисам о пресловутой «китайской угрозе». Среди этих трудов следует назвать коллективную монографию «Как управляется Китай», трилогию об истории, состоянии и перспективах российско-китайских отношений («Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы»; «Россия и Китай. Сотрудничество в условиях глобализации»; Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития»), «Экономика Китая вступает в XXI век», «Политическая система и право КНР», ежегодники «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», а также совместный труд российских и китайских ученых «Россия–Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.».

О широком интересе российской общественности к Китаю свидетельствует тот факт, что более чем в 30 крупных вузах Рос-

сии созданы факультеты китайского языка и литературы или отделения и спецгруппы по изучению китайского языка.

При Институте Дальнего Востока создан Институт практического востоковедения – Академия стран Тихоокеанского региона, в котором центральное место занимает подготовка высококвалифицированных специалистов-страноведов со знанием китайского языка. Во многих крупных городах созданы школы, где китайский язык изучается с начальных классов. Массовое распространение среди молодежи России получили китайские оздоровительные системы – цигун, тай цзи цюань, кунфу и др. Широкую популярность в России завоевала знаменитая китайская кухня. Только в Москве за последние 10 лет открыто свыше 200 китайских ресторанов, кафе и бистро «Хуанхэ». Словом, достижения китайской культуры как духовного, так и материального плана становятся предметом наслаждения, увлечения все более растущей массы российских граждан, особенно молодежи.

Общество российско-китайской дружбы всячески содействует пропаганде достижений Китая в области экономики, культуры, народного образования, медицины, спорта и т.д. Год Китая в России ознаменован также началом строительства двух крупных торгово-экономических центров Китая в Москве и Санкт-Петербурге, проведением самой крупной по своим масштабам китайской национальной выставки достижений экономики, демонстрацией лучших экспонатов исторических и художественных музеев КНР, выступлениями знаменитых художественных творческих коллективов Китая.

Все вышеперечисленное дает полное право сказать, что Год России в Китае и Год Китая в России стали подлинной манифестацией дружбы, взаимного познания и взаимопонимания между народами двух стран.

ФАКТОР США В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Значение фактора США в российско-китайских отношениях трудно переоценить. Это определяется тем, что ныне Вашингтон представляет самую мощную в экономическом и военном отношении страну, вышедшую после крушения Советского Союза

на положение единственной супердержавы. При этом следует иметь в виду, что фактор США, воздействуя на всю мировую политику в целом, оказывает заметное влияние и на отношения России и КНР, которые являются субъектами этой политики. Короче говоря, речь идет о процессах глобального международного масштаба, что необходимо постоянно иметь в виду, дабы не принизить и не сузить значимость этой проблемы.

Повышенную чувствительность влияния фактора США на российско-китайские взаимосвязи придает то, что они являются отношениями *«доверительного партнерства и стратегического взаимодействия»*, скрепленными Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. Это вызывает необходимость соразмерять наши двусторонние связи с отношениями каждой из наших стран с США.

В последнее время складывается озадачивающая ситуация с использованием терминологии, определяющей характер межгосударственных отношений. С одной стороны, категорически отвергается формула *«союзнические отношения»*. Ее прямо-таки пугаются, имея в виду, что за ней якобы кроется нечто нежелательное и недопустимое, чреватое взятием на себя опасных обязательств, которые могут иметь отрицательные последствия. Здесь явно сказывается негативный опыт прошлого. К тому же формула *«союзнические отношения»* действительно не вписывается в современную обстановку, в которой неприемлемы всякого рода блоки и альянсы. Сегодня все хотят дружить со всеми. Правда, это желание не согласуется с наличием блока НАТО, он почему-то не вызывает отторжения у цивилизованных стран, но это уже другая тема. В целом создается впечатление, что через усиленную критику союзничества хотят ограничить действительность партнерства всякими табу, свести содержание партнерских отношений к элементарным торгово-экономическим связям.

С другой стороны, от слишком частого и чуть ли не повсеместного употребления формула *«партнерство»* все более девальвируется, начинает восприниматься всего лишь как красивая риторика. С учетом этого хотелось бы высказать некоторые замечания по поводу понятий *«союзнические отношения»* и *«отношения партнерства и стратегического взаимодействия»*.

Представляется, что партнерские отношения в определенном смысле *глубже, шире и значительнее, чем союзнические*. Это объясняется следующим.

При союзнических отношениях действуют обязательства, которые носят рукотворный, можно даже сказать, искусственный характер, так как они берутся союзниками друг перед другом по умозрительным соображениям, принимаются на какой-то определенный преходящий случай. Например, союзнические обязательства между СССР и КНР по Договору 1950 г. были продиктованы потенциальной опасностью возрождения японского милитаризма.

В отличие от этого отношения доверительного партнерства и стратегического взаимодействия основываются на совпадении коренных долговременных национальных интересов стран-партнеров, на *общности* этих интересов. Отсюда и следует, что ущерб, наносимый одному из партнеров, объективно означает ущерб и другому. В отличие от союзничества, не партнерство порождает общие интересы, а последние порождают партнерство. Другое дело, что возникновение партнерства может затянуться, реализоваться не в полной мере, приобретая формальный характер. Такое возможно потому, что при всей объективности предпосылок партнерства и стратегического взаимодействия чрезвычайно важную роль в их претворении в жизнь играет субъективный фактор. Следовательно, развитие партнерских отношений нельзя пускать на самотек.

Возвращаясь к вопросу о значении американского фактора, следует особо остановиться на двух сторонах этого феномена, обратившись для обрисовки его образа к далеким временам истории Древнего Рима.

Соединенные Штаты Америки как современный двуликий Янус

В древнеримской мифологии Янусом именовался бог времени, а также всякого начала и конца, входов и выходов. Он изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны: молодым – вперед, старым – назад, в прошлое. Возникшее отсюда выражение «двуликий Янус» стало означать наличие двух сторон у одного и того же явления. В бытовом смысле Янусом называют двуличного человека, внешне благожелательного, а втайне – зловредного. Если использовать образ этого мифологического божества, то можно сказать, что Соединенные Штаты Америки играют роль Януса в современной международной политике.

Главной особенностью американского фактора является то, что США выступают на мировой арене в *двух ипостасях*. С одной стороны, они представляют собой пусть и самую экономически высокоразвитую и мощную страну, но страну, находящуюся в общем ряду всех остальных стран мирового сообщества, решающую такие же, как и они, задачи – участие в международном разделении труда, расширение своих торгово-экономических связей, обеспечение своей национальной безопасности и т.п. Другая *ипостась* США заключается в том, что они представляют собой *воплощение современного империализма и в этом качестве доминирующей чертой их внешней политики является стремление к мировому господству*.

Возможно ли совмещение в лице одной страны двух таких ипостасей? Как видим, возможно. Более того, вторая из них выросла из первой, сформировалась на ее основе. Именно на почве экономического и военно-политического могущества США зарождались и произрастали их проимпериалистические тенденции, достигшие нынешних масштабов. Тем не менее подлинные национальные интересы даже самой мощной страны и сил империализма, для которых она служит оплотом, не только не тождественны, но и не могут рано или поздно не войти в противоречие. Устремление империалистических сил простирается дальше потребностей взрастившей их страны, эти силы приобретают космополитический характер и начинают рассматривать свою «пра родину» как инструмент реализации своих глобальных замыслов. Так возникает феномен, который из-за невозможности разглядеть его конкретный облик, получил название «невидимого правительства», некой таинственной «мировой закулисы». Более предметно его обозначают как господство международной финансовой олигархии, образовавшейся на базе слияния банковского капитала с капиталом транснациональных торгово-промышленных корпораций, занявшей *наднациональные позиции и добивающейся покорения всех стран мира*.

Здесь существенно то, что капитал как экономическая категория абсолютно космополитичен. В его природе не содержится ничего, что стимулировало бы уважение им чьих бы то ни было интересов, кроме своих собственных. В ходе концентрации и транснационализации капитала складывается новая космополитическая элита, для которой национально-государственные интересы любой страны не представляют ценности, она без колебаний посягнет на них при первой возможности.

Об отношениях России и Китая с Соединенными Штатами Америки в их первой ипостаси

Вполне естественно, что РФ и КНР заинтересованы в развитии делового сотрудничества с США, выступающими в их первой ипостаси, то есть как со страной, способной внести весьма ценный вклад в решение задач экономического развития наших стран.

Чтобы получить хотя бы общее представление о том, как складывается ситуация в этой области, бросим беглый взгляд на наиболее явственно видимые показатели сотрудничества России и КНР с США (конкретно имеются в виду торгово-экономические связи), сопоставляя это с состоянием сотрудничества между нашими странами.

Наиболее далеко продвинулось сотрудничество США с Китайской Народной Республикой. Ныне Вашингтон является вторым по значению торговым партнером Пекина. Что касается российско-американской торговли, то она просто не сопоставима с товарооборотом между КНР и США. Показательно выглядит и сравнение китайско-российской торговли с китайско-американской. Даже с учетом так называемых челночных операций торговля РФ с КНР составляла 1/4 китайско-американской торговли.

Со стороны США в отношении России действуют жесткие ограничения экспортного контроля на поставки высокотехнологичной продукции, в первую очередь суперкомпьютеров. В последние годы получила распространение дискриминационная практика финансовых учреждений США в отношении российских банков, осуществляемая под предлогом отсутствия в России действенных механизмов борьбы с «отмыванием денег».

Россия занимает 31-е место в списке торговых партнеров США, на нее приходится менее 0,5% американского внешнеторгового оборота. США занимают 5-е место среди торговых партнеров РФ.

Под надуманными предлогами, в том числе прикрываясь знаменем борьбы с терроризмом, США воздвигают преграды на пути экспорта российской высокотехнологичной продукции в третьи страны. Так, США обвиняли Россию в том, что она якобы поставляет военную продукцию странам, которые числятся в списке спонсоров терроризма. В результате Вашингтон ввел санкции против трех российских фирм: Инструментального конструкторского бюро в Туле, Государственного научно-производ-

ственного предприятия «Базальт» и авиапредприятия–168 в Ростове. В соответствующем документе Госдепартамента утверждалось, будто власти России причастны к поставкам опаснейшей военной техники в страны, поддерживающие терроризм.

Приходится констатировать, что российско-американские торгово-экономические связи далеко не столь масштабны, как аналогичные связи между КНР и США, и развиваются они далеко не так гладко.

Подчеркнем со всей определенностью: мы не только не усматриваем ничего предосудительного в широком масштабе китайско-американских торгово-экономических связей, но и воспринимаем это как нормальный и позитивный факт. Сопоставление их с китайско-российским торгово-экономическим сотрудничеством имеет своей целью привлечь внимание к задаче наращивания деловых отношений между РФ и КНР. Для этого имеются вполне достаточные объективные предпосылки. Можно отметить лишь то, что реализация таких предпосылок зависит и от китайской стороны, что отнюдь не снимает доли ответственности за сложившееся положение и с российской стороны.

Понятно, что деловое взаимодействие между КНР и РФ далеко не ограничивается торговыми связями. Весьма важной его сферой является сотрудничество по военной линии. Россия служит крупнейшим источником получения Китаем новейших видов вооружений современной военной техники. Кто-то может сказать, что этот вид сотрудничества существеннее, качественнее объемов китайско-американского товарооборота. Такое замечание будет во многом справедливым, но оно не исчерпывает всю проблему.

Состояние российско-китайских контактов в сфере вооружений и военной техники действительно служит показателем высокой степени доверительности между нашими странами. Однако, строго говоря, нельзя не признать, что этот вид взаимодействия отражает не столько дух и глубинное содержание добрососедства и стратегического партнерства, общность национальных интересов двух стран, сколько их конъюнктурные потребности. Для КНР они определяются отсутствием другого аналогичного источника приобретения названной продукции, а для России главным образом соображениями коммерческого порядка. Сказанное отнюдь не бросает тень на российско-китайские отношения в целом, но и видеть различия между факторами, цементирующими эти отношения, также необходимо.

Об особенностях восприятия американского фактора в России и Китае

Исторический аспект. Вполне очевидно, что действие фактора США зависит не только от него самого, но и от того, как он воспринимается в Китае и в России. Для лучшего понимания этого прибегнем к небольшому историческому экскурсу.

Как известно, руководство КПК еще до образования КНР во многом связывало перспективы подъема китайской экономики с содействием Соединенных Штатов Америки. Мао Цзэдун высказывался на сей счет в беседах с американцами, находившимися в 1944–1945 гг. в столице Особого района Китая Яньани в составе союзнической группы наблюдателей («миссия Дикси»). О содержании одной из таких бесед, имевшей место 23 августа 1944 г. между Мао и американским дипломатом Дж. Сервисом, входившим в состав «миссии Дикси», в свое время поведал сенатор Дж. Фулбрайт на страницах журнала «Нью-Йоркер». «Китайские и американские интересы взаимосвязаны и совпадают, – приво-дил сенатор слова Мао. – Они согласуются друг с другом экономически и политически. Мы можем и должны сотрудничать... Америке нет нужды опасаться, что мы не будем готовы сотрудничать. *Мы должны сотрудничать, и нам нужна американская помощь*³² (выделено мною. – М.Т.)». 13 марта 1945 г. Мао в беседе с Дж. Сервисом еще более четко изложил свои соображения. Он заявил: «Между народом Китая и народом Соединенных Штатов существуют прочные узы симпатии, понимания и взаимного интереса... Америка является не только подходящей страной для оказания помощи Китаю в его экономическом развитии, США являются также *единственной страной* (выделено мною. – М.Т.), которая полностью сможет участвовать в развитии Китая»³³. В этом же духе высказывались в беседах с Дж. Сервисом в Яньани Чжоу Энлай и Линь Бяо. Лидеры КПК, как указывается в опубликованных материалах, изъявили готовность предоставить американскому капиталу значительную долю участия в экономике Китая, привлечь американские инвестиции.

Сегодня, отрешившись от чрезмерных идеологических пристрастий и отказавшись от пропагандистских дефиниций, мы не склонны истолковывать эти позиции руководства КПК как нечто предосудительное, как проявление «проамериканизма» и т.п. Лидеры КПК стремились проложить путь к сотрудничеству с США в интересах экономического возрождения Китая, что вполне ес-

тественно. Можно строить разные сценарии того, что произошло бы на самом деле в случае практической реализации таких попыток в тогдашних условиях, но это уже из области умозрительных гипотез.

Разумеется, классовый подход в значительной мере определял и политику КНР в отношении США. Однако, как свидетельствуют исторические факты, в значительной мере линия Пекина имела служебное назначение, что проявлялось в двух моментах.

Во-первых, антиамериканизм, выступая в форме антиимпериализма, служил средством предотвращения сближения США с Советским Союзом, поддержка которого на том этапе была жизненно необходима КНР. Выпячивая, подчеркивая империалистический характер США, Мао Цзэдун создавал аргументы против налаживания отношений с этим классовым врагом социалистического Советского Союза. Показательно, что антиамериканизм Пекина стал все более ослабевать по мере того, как уменьшалась нужда в советской помощи.

Во-вторых, как это ни парадоксально, жесткое осуждение Пекином американского империализма преследовало своей целью преодоление расхождений между КНР и США. Своей критикой Пекин вскрывал несостоятельность политики Вашингтона в отношении КНР, показывал, что нормализация китайско-американских отношений зависит только от американской стороны, от которой требовалось лишь одно – отказаться от неразумно враждебного подхода к КНР. Такова была диалектика внешней политики Мао Цзэдуна: через борьбу с Соединенными Штатами к дружбе с ними.

Ситуация стала меняться после и в результате возникновения китайско-советской конфронтации. Воспользовавшись ею, руководство КПК более решительно взялось за налаживание отношений с США, даже отказавшись ради этого от их осуждения как империалистической державы. Вначале был выдвинут тезис о том, что советский «социал-империализм» опаснее империализма, а затем рассуждения об империализме США смолкли вообще. Одновременно советско-китайская конфронтация и Вашингтону открыла путь к сближению с Пекином на антисоветской основе.

Процесс нормализации отношений между КНР и США был отмечен даже попытками создания политического союза двух стран. Во время визита в США 25 января – 5 февраля 1979 г. Дэн Сяопин выдвинул идею китайско-американского стратегического сотрудничества в интересах борьбы против «притязаний Москвы

на доминирование в мире». Еще более прямолинейно на сей счет высказался в мае 1979 г. заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь в беседе с главным редактором японской газеты «Йомиури». Он заявил: «Мы утверждаем, что противодействовать советскому гегемонизму должны плечом к плечу США, Япония, Китай и третий мир»³⁴. Отметим, что все это провозглашалось уже после завершения «культурной революции».

Однако вскоре обнаружилось, что линия на блокирование КНР с США, линия, исходящая из задачи использования США для подъема экономики Китая, чревата серьезными отрицательными последствиями. Прежде всего они выражались в нагнетании международной напряженности, в усилении опасности развязывания новой мировой войны. Между тем первое и главное, что требовалось для успеха программы модернизации Китая, была мирная международная обстановка. Обеспечить такую обстановку представлялось невозможным, обостряя отношения КНР с такой мощной державой, какой тогда являлся Советский Союз.

К тому же с достаточной очевидностью выявился предел сотрудничества КНР с США. Пекин убедился в том, что в стратегическом отношении США остаются противником Китая, что продемонстрировало сохранение Вашингтоном его прежней позиции по вопросу о Тайване.

Наконец, торгово-экономические отношения КНР с США достигли такой степени, когда они приобрели самоценность, не нуждались более в стимулировании другими средствами, в том числе антисоветизмом. Вот показательный пример этого. В январе 1991 г. пекинская газета «Чайна дейли» многозначительно сообщила, что два американца из каждых трех носят обувь, изготовленную в КНР. Только за первые 8 месяцев 1990 г. Китай поставил США 170 млн пар обуви на сумму 780 млн долл., что составляет почти четверть от общего импорта обуви Соединенных Штатов.

С учетом вступления китайско-американских торгово-экономических связей в качественно новую стадию Пекин отказывается от линии на политическое блокирование с США. Более того, происходит своего рода отделение политики от экономики, деполитизация китайско-американских отношений. Такой курс дал весьма плодотворные результаты, о которых было сказано выше.

Если коснуться в историческом плане *советско-американских отношений*, то они развивались существенно по-иному, а именно *на основе глубокой и непримиримой конфронтации между СССР*

и США. Сегодня вполне очевидна пропагандистская подоплека утверждений периода полемики между КПСС и КПК о линии Москвы на «сговор» с США и даже об уже якобы свершившемся таком «сговоре». СССР и США разделяли и противопоставляли друг другу как непреодолимые идеологические противоречия, так и соперничество в качестве двух сверхдержав. В отличие от КНР, смягчению этих факторов не могла способствовать заинтересованность СССР в получении выгод от экономического сотрудничества с США, поскольку Советский Союз сам обладал гигантским экономическим и научно-техническим потенциалом.

Реалии сегодняшнего дня.

Ныне реакция на фактор США глубоко изменилась как в КНР, так и в России. В КНР в целом сохранилась потребность во взаимодействии с США как со страной, сотрудничество с которой способно вносить существенный вклад в реализацию программы модернизации Китая. Однако появилось и много новых моментов.

На нынешнем этапе китайско-американские противоречия намного острее, глубже и обширнее, чем российско-американские. В основе их лежат два главных противоречия. *Первое – это противоречие между двумя супердержавами, одна из которых уже сейчас является таковой, а другая станет ею завтра. Второе – это противоречие между странами двух противоположных общественных систем.*

В последнее время укоренилось мнение, что второе противоречие все более утрачивает свое значение. Это связывают с процессами внутреннего развития КНР, которые, как считают сторонники такого мнения, в конечном счете приведут к конвергенции там социализма и капитализма. Однако эта гипотеза остается, во всяком случае пока, умозрительной. Как подтвердил XVII съезд КПК, КНР будет и дальше идти по пути строительства «социализма с китайской спецификой». Отсюда следует, что противоречия между КНР и США как странами различных общественных систем в основном сохраняются.

Подчеркнем еще раз: перерастание этого противоречия в опасную конфронтацию зависит не от Пекина, а от Вашингтона. Коммунисты и во времена Ленина, и в период «холодной войны» неизменно придерживались принципа мирного сосуществования между социалистическими и капиталистическими странами. Однако, как говорили в свое время лидеры КПК, «мы не начальники штабов империалистов». А что думают в этих «штабах»?

Напомним в этой связи, что неизменным посылом всех президентов США является следующий: «Пока у власти в Китае находятся коммунисты, Америка не может чувствовать себя в безопасности». И это не просто риторика, за ней стоит практическая политика. Приходится признать, что буржуазия оказалась более твердо приверженной своей классовой линии и своим идеологическим догмам, чем ее классовый противник.

Даже в прошлом, когда из Пекина громко раздавались антиимпериалистические лозунги, обвинения руководства КПК в «экспорте революции» были безосновательными. В Китае всегда превалировала забота о национальных интересах. Тем более КНР не склонна класть себя на алтарь мировой революции в настоящее время, когда Пекин перестал руководствоваться классовым подходом в международных делах. Некоторые ожидали, что с началом реформ КПК выдвинет ленинский лозунг 1920-х годов, гласивший: «Теперь главное воздействие на развитие мирового революционного процесса мы оказываем успехами своего хозяйственного строительства». Однако и такого лозунга не последовало. Кое-кто предполагает, что он молчаливо подразумевается...

То, что КНР сегодня представляет собой социалистическую страну, вряд ли создает угрозу США, как полагают некоторые американские политологи, а пожалуй, даже снижает ее, поскольку в принципе внешняя политика социалистической страны должна быть свободна от хищнических побуждений и авантюристических устремлений, присущих империализму. Получается, что Вашингтон, по этой логике, добивается смены общественного строя в КНР вопреки своим интересам. С капиталистическим Китаем США было бы иметь дело труднее, чем с социалистической КНР, ибо капиталистический Китай, став супердержавой, вступил бы в настоящую конфронтацию с США.

Пока же Вашингтон ведет линию на подрыв существующего в КНР строя. Как и в случае с СССР, империалистические круги делают ставку в первую очередь и главным образом на то, чтобы сокрушить китайскую крепость изнутри, путем использования внутренних трудностей и противоречий, существующих в КНР. Многие из них связаны с проведением реформ и политики открытости.

О том, насколько опасна эта направленность враждебной деятельности, можно судить по событиям в Пекине летом 1989 г., когда Запад попытался сокрушить социалистический строй

в КНР тараном буржуазной либерализации. Дэн Сяопин следующим образом охарактеризовал те события. «Капитализм намеревается в конечном счете одержать победу над социализмом. В прошлом он пытался осуществить это с помощью оружия, атомной и водородной бомбы, что вызвало отпор со стороны народов мира. Теперь он прибег к мирной эволюции»³⁵. Акцентируя внимание на необходимости решительно защищать социалистический путь развития КНР, Дэн Сяопин отметил, что два генеральных секретаря ЦК КПК, то есть Ху Яобан и Чжао Цзыян, «споткнулись на проблеме последовательного отстаивания четырех основных принципов»^{*}.

Однако из опыта крушения Советского Союза должны выводы делают не только его разрушители. Отсюда уверенность в том, что участь СССР не постигнет Китайскую Народную Республику. Нам представляется имеющими чрезвычайно важное значение слова члена Политбюро ЦК КПК, бывшего президента АОН Китая Ли Теина: «Глубокое обобщение уроков краха КПСС и распада СССР необходимо для того, чтобы подобная трагедия не повторилась вновь. Политическое наследие подъема и упадка Советского Союза... должно стать для Китая своего рода зеркалом в строительстве социализма с китайской спецификой. Конкретизируя эту мысль, Ли Теин подчеркнул: – Китай должен избежать печального финала СССР, КПК должна избежать печального финала КПСС»³⁶.

Оба главные китайско-американские противоречия (между двумя супердержавами и между странами противоположных общественных систем), по существу, сливаются в одно, ибо и в том, и в другом случае США стремятся не допустить наращивания мощи КНР. В Вашингтоне прекрасно понимают, что своего возрождения Китай добился на пути социалистического развития. Отсюда следует вывод, что надо любыми методами свернуть его с этого пути.

В борьбе против возрождения Китая используется самый широкий набор средств. Ныне на первый план выступает запугивание мировой общественности, в первую очередь соседних с КНР стран, китайской опасностью, которая якобы является следствием наращивания комплексной мощи КНР, и муссирование вопроса о так называемых нарушениях прав человека в этой стране, и дали поощрение сепаратистских тенденций, в том числе в Синьцзяне и Тибете, и навязывание концепции «мирной эволюции», о пагубности которой говорил Дэн Сяопин, и линия на вес-

тернизацию, а фактически американизацию Китая посредством пропаганды американского образа жизни, американских духовных и материальных ценностей.

В наиболее концентрированном виде китайско-американские противоречия проявляются по *тайваньской проблеме*. В последнее время Вашингтон активизирует свои связи с Тайванем. В широких масштабах осуществляется военное сотрудничество США с островом. По мнению многих наблюдателей, американо-тайваньские отношения достигли уровня, существовавшего во времена действия Договора 1954 г. о «взаимной обороне», хотя формально этот договор сейчас и не имеет силы. Особое внимание обращается на следующий момент: обороноспособность острова (разумеется, при наличии «американского зонтика») достигла такой степени, что утрачивается реальное значение заявления Пекина о том, что он не исключает возможности применения *военной силы* для освобождения Тайваня. Тайбэй якобы *больше не пугается такой перспективы*.

Российско-китайское партнерство перед лицом угрозы мирового гегемонизма

В своей второй ипостаси США представляют собой воплощение современного империализма или сверхимпериализма.

Возможно, кто-то скажет, что понятие «империализм» устарело, что использование этого понятия возвращает нас к временам идеологических баталий, воскрешает концепции классовой борьбы, чревато рецидивами «холодной войны». В определенном смысле это действительно так, поскольку идеология классовых противоречий неотделима от понятия «империализм».

Однако суть дела в ином, а именно в том, что понятие «империализм» несоизмеримо шире, чем идеологические доктрины, включая концепцию классовой борьбы. Вредоносность империализма выходит далеко за рамки тех или иных классов и их взаимоотношений друг с другом. Империализм враждебен и пагубен подавляющему большинству народов всех стран, практически всем слоям человеческого общества, какое бы социально-экономическое положение они ни занимали, причем не в отношении отдельных стран или группы стран, а в отношении всего человечества, за исключением его ничтожной доли, рвущейся к мировому господству. *Это вселенское зло.*

Конечно, как и все под луной, империализм не остается неизменным. На глазах нашего поколения он прошел одну из стадий своего существования, а в последнее десятилетие XX века вступил в новую.

Нынешняя стадия развития империализма характеризуется тем, что он избавился от оков, сдерживавших проявление его истинной и неизменной природы. В этом смысле его можно назвать «раскрепостившимся империализмом», хотя и не хочется применять к нему такой эпитет. Это произошло в результате крушения Советского Союза и последовавшего вслед за тем распада антиимпериалистического фронта. Клетка развалилась, и «тигр» обрел небывалую свободу действий.

Между тем он подкачал мускулы. Ныне Соединенным Штатам Америки нет равного по военной мощи государства. Более того, США не только многократно сильнее любой другой страны, но и превосходят мощью своей военной машины все страны мира, вместе взятые.

Одно это говорит о том, что противостоять такому монстру, имея в виду не сражение с ним, а сдерживание его хищнических устремлений, *невозможно в одиночку*. Здесь требуется определенная степень взаимодействия всех антигегемонистских сил, основой чего могло бы стать трехстороннее сотрудничество России, Китая и Индии или, говоря гипотетически, взаимодействие стран БРИК (Бразилии, России, Индии, Китая). Дело в том, что США опасны не столько своей военной сверхмощью, а своей агрессивной разнузданностью, склонностью к военным авантюрам. Угрозу всему миру представляет и глубокий кризис американской финансово-экономической системы. На ней тяжелыми гирями висят исчисляемые астрономическими цифрами внутренние и внешние долги, превратившие американский доллар, по существу, чуть ли не в виртуальное понятие, в зеленую бумажку, реальная ценность которой не превышает нескольких центов. Серьезные и авторитетные политэкономы в различных странах предсказывают неизбежный коллапс американской экономики в обозримом будущем. Громовыми раскатами этой грядущей катастрофы прозвучали потрясения, постигшие в последнее время крупнейшие наиболее высокотехнологичные компании США, финансовые, страховые, ипотечные институты.

В поисках выхода из складывающегося положения империалистические круги могут пойти на авантюрные акции, рассчитывая спастись за чужой счет. Таким образом, было бы упрощением

полагать, что поведение США определяется только настроениями неких честолюбцев, оказавшихся в плену стратегии мирового господства. Нарастает процесс, обусловленный *объективными обстоятельствами*, на поводу у которых вынуждены будут пойти правители Соединенных Штатов Америки. И это делает ситуацию особенно опасной.

Конечно, империалисты не всегда прибегают непосредственно к силовым средствам. Сегодня важнейшим направлением их деятельности является использование в своих целях объективно возникшего в мире процесса экономической глобализации. Этот процесс создает весьма благоприятные возможности для реализации их устремлений к мировому господству.

Но, как показывают реальные события наших дней, империализм не отказался и от своих прежних ухваток и методов, а именно от силовых приемов. И здесь история словно пошла ему навстречу или он сам ловко создал нужные ему предпосылки. Имеется в виду то, что на службу своим гегемонистским планам империалисты стремятся поставить распространившиеся в мире реальные бедствия – наркобизнес, реакционные религиозные течения, такие как исламский фундаментализм, сепаратизм, наконец, наиболее яркое порождение всех этих явлений – международный терроризм.

Однако, несмотря ни на что, *при всем своем могуществе США отнюдь не всесильны; существуют далеко неисчерпанные возможности оказания отпора гегемонистским устремлениям американских империалистических кругов*. Как представляется, этот вывод является *важнейшим при анализе сегодняшней международной обстановки*.

Вполне очевидно, что наибольшим потенциалом в противодействии планам современных претендентов на мировое господство обладают Россия и Китай. Задача состоит в том, чтобы в полной мере задействовать этот потенциал. Он в максимальной степени раскроется именно при реализации российско-китайского сотрудничества, которое способно стать вдохновляющим образцом для других стран, фактором притяжения всех антигегемонистских сил.

Нет нужды подчеркивать, что это не имеет ничего общего с созданием некоего антиамериканского фронта. Как не имеют ничего общего национальные интересы США и гегемонистские притязания империалистических кругов, способных растоптать эти интересы так же, как и национальные интересы любой другой страны.

РОССИЯ И ТАЙВАНЬ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Правовая основа деловых торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между Российской Федерацией и Тайванем определяется указом президента 1992 г. об отношениях России с Тайванем³⁷. Безусловным приоритетом для РФ являются отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества с Китайской Народной Республикой, международно-правовые основы которых заложены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001 г.). Договор четко определяет рамки возможных связей между Россией и Тайванем. Эта сфера ограничивается экономическими, культурными, научно-техническими и гуманитарными контактами. Россия, исходя из признания принципа единого Китая, искренне заинтересована в том, чтобы процесс объединения страны проходил мирно. РФ, как и Советский Союз, никогда не разыгрывала ни китайской, ни тайваньской карты в своей дипломатической практике.

Между тем после подписания Договора 2001 г. некоторые аналитики стали задавать вопрос, какое влияние он может оказать на политику Пекина в отношении Тайваня и российско-тайваньские деловые контакты. Некоторые обозреватели даже пытались проводить какие-то параллели между Договором 2001 г. и Договором о дружбе, союзе и взаимопомощи, подписанном 14 февраля 1950 г. во времена И.В. Сталина и Мао Цзэдуна. На наш взгляд, никаких серьезных параллелей между этими договорами не просматривается.

Во-первых, два договора принципиально отличаются друг от друга. Советско-китайский договор 1950 г. был союзническим договором, направленным на предотвращение и противодействие возрождению японского милитаризма, а также других враждебных нашим двум странам внешних сил. Это был, безусловно, документ огромного международного значения, возникший в условиях конфронтации двух систем и американской блокады КНР. Он сыграл важную роль в предотвращении американской агрессии против Китая в период Корейской войны, был серьез-

ным сдерживающим фактором в период обострения тайваньского кризиса в конце 1950-х г. Однако односторонние действия Мао Цзэдуна в Тайваньском проливе в 1950 году вынудили советское руководство высказать свое несогласие с громогласными заявлениями председателя Мао о том, что «американский империализм – бумажный тигр», «атомная бомба – бумажный тигр» и его призывами «не бояться потрогать зад тигра». Как известно, разногласия по кругу военно-стратегических вопросов между руководством КНР и СССР послужили одной из причин возникновения сначала полемики, а затем и конфронтации между СССР и КНР.

Во-вторых, Договор 2001 г. закрепляет в форме международно-правового акта общность позиций двух стран по коренным проблемам мира, безопасности и развития и вводит в международный лексикон совершенно новую форму отношений – стратегическое партнерство и взаимодействие. Однако в Документе специально подчеркивается, что стратегическое взаимодействие и партнерство России и Китая не направлено против интересов третьих стран.

Договор 2001 г., с российской точки зрения, не противоречит стратегическому курсу РФ на развитие отношений сотрудничества и неконфронтации со всеми странами. Одновременно положения этого документа вполне вписываются в стратегическую линию Пекина на проведение самостоятельной и независимой внешней политики и невступления в какие-либо союзы с крупными державами. Договор вполне согласуется также с провозглашаемыми руководством КНР установками о том, что «Китай не стремится к лидерству и гегемонии», «концентрирует свое внимание на экономическом строительстве» и «будет избегать конфронтации».

В-третьих, российские обязательства по этому Договору касаются лишь международно-политических аспектов тайваньской проблемы, которая, по сути, является проблемой «отношений между двумя берегами» и «касается путей мирного воссоединения Родины».

Тайвань как таковой не рассматривается как угроза безопасности Китаю или России или какой-либо третьей стране. Руководство КНР уже давно рассматривает негативные аспекты тайваньской проблемы лишь через призму «путей мирного воссоединения Родины», как одну из трех исторических задач китайского народа в XXI веке. Готовы или нет нынешние власти Тайваня вести конструктивный диалог с Пекином о мирном объединении Родины

ны по принципу «одна страна – два строя» – вот главный критерий в политике мирного объединения Родины, проводимой Пекином.

С одной стороны, руководство КНР неизменно подчеркивает свою приверженность мирному объединению Родины на основе вышеупомянутого принципа, но с другой – не дает заверений об абсолютном отказе от применения вооруженной силы.

В последнее время в китайской печати и официальных заявлениях этот тезис получил дополнительное уточнение. Особо подчеркивается, что отказ дать гарантии не применять вооруженные силы для воссоединения Тайваня с Родиной вовсе не означает, что власти КНР когда-либо в подходящий момент прибегнут к вооруженному нападению на Тайвань и сделают «своих тайваньских соотечественников» объектом вооруженного насилия. В докладе на XVI съезде КПК Цзян Цзэминь повторил призыв «как можно скорее возобновить диалог и переговоры между двумя сторонами Тайваньского пролива, отложив на время кое-какие политические споры»³⁸. Одновременно, по словам Цзян Цзэминя, Пекин и дальше будет держаться основного курса на мирное объединение на основе принципа «одна страна – два строя», «претворять в жизнь восьмипунктное предложение относительно развития межбереговых отношений на настоящем этапе». «Но обещать отказ от применения силы мы никак не можем», – продолжал Цзян Цзэминь. А далее он конкретизировал свою мысль: «... это направлено отнюдь *не против тайваньских соотечественников, а против замыслов иностранных сил вмешиваться в дело объединения Китая и заговора тайваньских раскольнических сил провозгласить независимость Тайваня*» (выделено мною. – М.Т.)³⁹. Как известно, в целях достижения договоренности с тайваньской стороной Пекин выражает готовность весьма далеко пойти навстречу Тайбэю, выдвинув так называемое восьмипунктное предложение, которое, в частности, предусматривает гарантии сохранения в неизменном виде образа жизни, традиций, политического строя, финансовой, экономической систем, армии и полицейских сил, не вмешательство в дела управления. Пекин обещает не посылать своих чиновников в управленческие структуры Тайваня и не изымать из доходов и средств Тайваня ни одного цента в пользу материка и т.д. «Тайваньская экономика действительно получит широкое пространство для собственного развития, имея своим тылом континентальную часть Родины. Тайваньским соотечественникам

можно будет вместе с соотечественниками на континенте исполнять право на управление государством и разделять с ними то уважение и почет, которыми пользуется наша великая Родина на международной арене», – заявил докладчик под бурные аплодисменты двух с половиной тысяч делегатов и гостей XVI съезда КПК⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что выдвинутая Цзян Цзэмином в ходе подготовки к съезду концепция «трех представительств», на наш взгляд, также создает более благоприятные, чем прежде, политические и идеологические предпосылки для диалога с Тайбэем, особенно с общественными объединениями, которые выступают за расширение обменов с материком. Те представители делового мира Тайваня, которые готовы содействовать мирному объединению Родины и решению проблем развития и модернизации Китая, создания «общества среднего достатка», смогут получить особый статус в политике единого фронта.

В Пекине рассматривают попытки «провозгласить независимость Тайваня» как угрозу суверенитету и территориальной целостности своей страны. Вместе с тем эту проблему руководство КНР расценивает как внутреннее дело китайского народа. А это означает, что Китай, следуя своему курсу на самостоятельность и независимость, будет решительно выступать против того, чтобы какие-то внешние силы вмешивались в решение этой проблемы. С этой точки зрения российско-китайский Договор 2001 г. способствует укреплению международных позиций обеих стран и содержит прямое обязательство России придерживаться линии: есть только один Китай, Тайвань – это неотъемлемая его часть. Однако эта принципиальная линия совсем не означает какого-либо втягивания России в конкретные шаги КНР по решению тайваньской проблемы.

Глобализация мировой экономики, активными субъектами которой выступают и КНР, и Тайвань, безусловно, содействует процессу их сближения и установлению отношений взаимозависимости. Примечательно, что обе стороны являются членами Всемирной торговой организации, АТЭС и активно сотрудничают с региональными экономическими организациями Азиатско-Тихоокеанского региона. Таким образом, международная арена как бы располагает обе стороны к мирному политическому и деловому диалогу. Российская сторона готова и впредь всячески также содействовать этому диалогу.

Серьезным фактором, влияющим на характер отношений между КНР и Тайванем, на весь процесс интеграции и возможного объединения, являются США. Вашингтон рассматривает Тайвань как своеобразный непотопляемый авианосец и стратегическую базу, обеспечивающую условия долговременного присутствия США, в том числе в Восточной Азии. Это присутствие носит не только экономический и политический, но и военный характер. Тайваньские власти рассматривают США в качестве гаранта своей безопасности и осуществляют с ними тесное военно-политическое сотрудничество. Именно это военно-политическое сотрудничество, его характер и масштабы выступают главным раздражителем китайско-американских отношений. Все это определяет двойственный характер политики США в отношении КНР и Тайваня. С одной стороны, США вынуждены были принять китайское требование о едином Китае и публично отказаться от политики «двух Китаев». Стратегическая заинтересованность Вашингтона в углублении взаимодействия с КНР, с одной стороны, диктует для них осторожный и сдержанный подход в отношении политических амбиций Тайбэя, особенно в части, касающейся попыток стимулировать процесс достижения независимости Тайваня. Четкая позиция КНР о недопущении Тайваня в ООН и ее организации как равноправного политического субъекта, не позволяет США и другим странам, сохраняющим нормальные отношения с КНР, поддержать претензии Тайваня на более широкое участие в международных организациях и на международно-политической арене. С другой стороны, США рассматривают Тайвань как фактор политического и военного нажима на Пекин и фактор сдерживания его амбиций. В этой ситуации тайваньские политики оказываются между жерновами американской и державной политики КНР.

Рассматривая совокупность проблем, связанных с Тайванем, и учитывая заявления лидеров Китая о том, что они «никак не могут обещать отказ от применения силы», возникает вопрос, насколько реальна угроза решения проблемы воссоединения Тайваня с КНР военным путем. Надо сказать, что сами руководители Китая жестко лимитируют возможность возникновения этой крайне нежелательной и для них, и для международного сообщества ситуации. Вне всякого сомнения, тезис о «невозможности отказа от применения силы», провозглашенный руководством КНР, является стратегическим ответом на заявления и действия определенных сил на Тайване, направленных на провоз-

глашение в той или иной форме «независимости Тайваня». Однако в текущем политико-дипломатическом процессе обыгрывание дипломатами обоих берегов Тайваньского пролива этих терминов напоминает разыгрывание в одном театре на противоположных подмостках воинственных и шумных сцен пекинской оперы.

Реальность такова, что и Пекин, и Тайбэй заинтересованы в расширении экономического взаимодействия и человеческих, гуманитарных связей, объемы которых неуклонно растут, создавая ситуацию тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Пекин активно использует опыт экономических рыночных реформ, достижений в научно-технической сфере на Тайване, а Тайвань крайне нуждается в необъятном материковом рынке и выгодных сферах приложения своих капиталов.

Помимо политических и экономических факторов, предопределяющих стремление Пекина мирным путем добиться решения исторической задачи воссоединения Родины, нельзя не учитывать международные и военно-политические факторы, удерживающие стороны, включая США, от нарастания накала между двумя берегами пролива:

- реальные трудности осуществления полномасштабной военной операции по вооруженной высадке на Тайвань в условиях наличия там достаточно хорошо оснащенных вооруженных сил на суше и на море;

- в случае военной акции против Тайваня неизбежно резкое ухудшение отношений КНР с США и их западными союзниками, а также с Японией, что крайне неблагоприятно может повлиять на политику реформ и открытости и резко сократит внешние инвестиции в Китай;

- заинтересованность зарубежной китайской диаспоры (*хуацяо*) в углублении экономического сотрудничества между КНР и Тайванем.

Все вышеперечисленные факторы свидетельствуют о том, что в обычной ситуации процесс взаимодействия между материком и островом будет происходить в форме волнообразного цикла и сложного политического диалога.

Фактом является то, что за последние годы Китай получил свыше 100 млрд долл. портфельных инвестиций с Тайваня, из них реализовал уже более 30 млрд. По сути дела, огромные потоки соотечественников-туристов с Тайваня приносят КНР миллиардные прибыли. На этом фоне трудно предположить, чтобы муд-

рый хозяин «зарезал курицу, несущую золотые яйца», ради того, чтобы угостить себя обычным куриным бульоном.

Однако, учитывая стратегическую важность Тайваня для КНР как с военной, так и с престижной точек зрения, любое китайское руководство не может позволить себе примириться с объявлением независимости Тайваня, появлением пусть маленького, но «второго Китая» или Тайваньского государства. В этом случае исключать военные акции, видимо, нельзя.

Можно поставить и другой вопрос: готовы ли политические лидеры Тайваня, хотя и отдалившись от общих корней китайской цивилизации, пойти на самоубийственный шаг объявления независимости Тайваня? Думается, что нет. Представляется, что и тайваньская руководящая элита также разыгрывает сцены из пекинской оперы, играет, как говорят в Пекине, на противоположной сцене аналогичный спектакль (*дуй тайси*). В этом случае угроза объявления независимости является фактором, позволяющим им участвовать в выторговывании у властей материка более выгодных условий для сотрудничества.

Тайваньские власти прекрасно понимают, что будущее Тайваня, будущее его экономики без материкового рынка крайне неопределенно и ненадежно. Модернизация острова и превращение его в «общество экономики знаний» без теснейшего сотрудничества и взаимодействия с материковым Китаем, на наш взгляд, представляются не слишком оптимистичным.

Возможно ли участие тайваньских предпринимателей в российско-китайских крупномасштабных экономических проектах? Ответ может быть, безусловно, только положительным. Параллельно с развитием рыночных реформ в Китае Тайвань накопил ценный опыт в решении ряда проблем модернизации, экономики, осуществлении научно-технической революции. Он обладает значительными излишками нерезализованных капиталов и крупными валютными накоплениями.

Вопросы торгово-экономического сотрудничества России с тайваньскими деловыми кругами на двусторонней и многосторонней основе имеют, на наш взгляд, весьма хорошие перспективы. Если говорить о торгово-экономическом сотрудничестве, то здесь наибольшие перспективы имеет участие тайваньского бизнеса в реализации конкретных проектов в модернизации дальневосточных портов, развитии перерабатывающих комплексов рыбной и лесной отраслей, модернизации БАМа и развитии инфраструктуры туризма.

Широкие возможности для участия тайваньского капитала имеются также в сфере развития топливно-энергетических отраслей Сибири и Дальнего Востока и строительства газо- и нефтепроводов из Восточной и Западной Сибири, а также линий электропередачи из Ангарского гидроэнергокомплекса в КНР. К сожалению, преувеличенные опасения среди тайваньских деловых кругов по поводу «неблагоприятных условий в России для инвестиций и бизнеса», недостаточная активность российских регионов и деловых кругов по привлечению тайваньских бизнесменов в Россию сдерживают пока масштабы и темпы развития взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества двух сторон.

Таким образом, развитие разносторонних добрососедских отношений России с КНР благоприятствует созданию мирной, спокойной международной обстановки как для РФ, так и для Китая. Косвенно это положительно влияет и на развитие конструктивного диалога между двумя берегами Тайваньского пролива, расширенного участия тайваньского бизнеса в процессе модернизации материкового Китая, укреплению его позиций на внутреннем континентальном рынке. Одновременно добрососедство, дружба и сотрудничество между РФ и КНР благоприятствуют развитию всестороннего делового сотрудничества тайваньских бизнесменов с Россией как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

СЛАВНЫЕ ЮБИЛЕИ

В 2007 г. исполнилось 50 лет Обществу российско-китайской дружбы – авангарду народной дипломатии в отношениях РФ и КНР. Празднование этой юбилейной даты включено в согласованный межправительственный план мероприятий в рамках проведения Года Китая в России. Такое внимание к ОРКД неслучайно.

Общество является достойным преемником и продолжателем лучших традиций Общества советско-китайской дружбы – первого общества дружбы с народами зарубежных стран, созданного в нашей стране 29 октября 1957 г. До этого времени неправительственной организацией, которая является проводником народной дипломатии, был ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами. Именно по приглашению ВОКСа

в 1930-е годы состоялись знаменитые гастроли в нашей стране великого артиста Пекинской оперы – Мэй Ланьфаня, визит замечательного художника Сюй Бэйхуна, визиты великой женщины – патриота Китая Сун Цинлин.

За 50 лет, прошедших после создания Общества, как говорится, много воды утекло и в Волге, и в Янцзы. Произошли коренные изменения и в мире, и в наших странах. Но неизменным, несмотря на трудный период в наших отношениях, который, мы верим, навсегда канул в Лету, было и остается глубокое стремление наших народов жить в мире и дружбе, желание больше знать, понимать и уважать друг друга. Убежденность в том, что тесное взаимодействие, равноправное сотрудничество – это гарантия благополучия сегодняшних и будущих поколений, буквально выстрада-
но нашими народами.

Первым председателем Общества советско-китайской дружбы был известный государственный и общественный деятель А.А. Андреев. В состав руководства Общества с момента его создания входили поэт Н.С. Тихонов, кинорежиссеры С.А. Герасимов и Р.Л. Кармен, народные артисты СССР М.И. Царев и Г.С. Уланова, маршал В.И. Чуйков и многие другие известные государственные и общественные деятели, деятели науки и культуры, ветераны вооруженных сил Советского Союза. Мы всегда будем помнить, что подлинными энтузиастами и подвижниками в работе Общества были и остаются китайцы, где бы они ни были и на каких бы постах не трудились. В истории деятельности нашего Общества навсегда сохранится память о Герое Советского Союза генерале А.И. Пушкине и о таких деятелях науки, как И.В. Архипов, профессора Г.В. Астафьев, М.И. Басманов, Р.В. Вяткин, В.И. Глунин, В.И. Данилов, Г.В. Ефимов, М.С. Капица, Е.Ф. Ковалев, В.С. Колоколов, В.А. Кривцов, член Академии наук СССР М.С. Крушанов, Б.Т. Кулик, С.Д. Маркова, А.В. Меликсетов, Ю.В. Новгородский, И.М. Ошанин, А.С. Панюшкин, А.С. Перевертайло, В.В. Петров, Л.Д. Позднева, А.П. Рогачев, В.Н. Рогов, Л.В. Симоновская, В.М. Солнцев, М.В. Солнцев, И.В. Стражева, А.С. Титов, К.В. Шевелев, Л.З. Эйдлин, Г.Б. Эренбург, М.Ф. Юрьев, а также о бывших военных советниках в Китае: А.Я. Калягине, А.И. Черепанове, выдающемся мостостроителе К.С. Силине и о многих других видных общественных деятелях и специалистах, оказывавших помощь в строительстве нового Китая в 50-е годы.

В трудные 1970–1980-е годы председателем Общества был академик Сергей Леонидович Тихвинский – всемирно известный историк, китаевед, Чрезвычайный и Полномочный Посол, ныне почетный председатель Общества российско-китайской дружбы.

С первых дней создания наше Общество поддерживало контакты и сотрудничество с Обществом китайско-советской дружбы, созданным в КНР 5 октября 1949 г. В 1950-е годы это общество возглавляли тогда известные китайские государственные деятели Лю Шаоци и Сун Цинлин. В деятельности ОКСД тогда участвовали многие видные представители китайской общественности, ветераны КПК и НОА Китая, видные представители творческой интеллигенции.

Между отделениями обществ дружбы в краях, областях и городах нашей страны и провинциях и городах Китая до начала 1960-х годов существовали прямые контакты, активные обмены делегациями, творческими коллективами.

История нашей дружбы и нашего Общества включает память о деятельности и подвигах российских и китайских героев национально-освободительной борьбы китайского народа, советских летчиков-добровольцев 1930-х годов, участвовавших в защите голубого неба Китая от японских стервятников. Памятники и могилы этих бойцов-интернационалистов достойно оберегают в Китае. Эта история включает сотни тысяч воинов Красной Армии, которые героически помогали китайскому народу разгромить японских агрессоров, создать на Северо-Востоке Китая революционную опорную базу освобождения страны от режима Чан Кайши, базу образования КНР. Это – история тысяч советских специалистов, помогавших Китаю создавать его индустриальную, научно-техническую и культурную базу. Это – тысячи китайских студентов и стажеров, получивших профессии в нашей стране. Всего не перечислишь!

Страницы деятельности Общества советско-китайской дружбы еще будут описаны историками двух стран как славная история народной дипломатии, неувядаемый пример подлинной искренней дружбы между народами наших стран, влияние которой, как свет далекой звезды, как луч маяка в тумане, продолжает доходить и ныне вдохновлять нас!

Все это еще и еще раз подтверждает историческое значение подлинного добрососедства, дружбы и сотрудничества наших стран.

В непростое для наших отношений время 1960–1970-х и начала 1980-х годов наше Общество продолжало активно работать,

поддерживая уважение к великому китайскому народу и уверенность в неизбежном восстановлении дружбы и добрососедства между нашими странами. Многие пришлось пережить активистам Общества. Мы близко к сердцу принимали трагические испытания, которые тогда выпали на долю наших китайских друзей. Деятельность Общества в те годы не только помогла сберечь теплые чувства народов России и Китая друг к другу, но и способствовала поиску путей нормализации и развития межгосударственных отношений и общественных связей, а затем и налаживанию равноправного доверительного партнерства, стратегического взаимодействия между Россией и Китаем.

Россия и Китай вступили в новый, XXI век, заложив долговременные правовые основы отношений в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, который был подписан в Москве 16 июля 2001 г.

Подписание Договора поставило перед Обществом российско-китайской дружбы как массовой организацией народной дипломатии и участником диалога российской и китайской культур задачу расширения социальной базы дружбы между народами наших стран. Своей повседневной работой мы призваны решить стратегическую задачу, которая состоит в том, чтобы обеспечить преимущество идей добрососедства и дружбы, чтобы эти идеи стали убеждением широчайших слоев нашего населения, прежде всего молодежи, чтобы это убеждение передавалось из поколения в поколение россиян.

Главным направлением работы Общества и его отделений в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Благовещенске, Улан-Удэ, Биробиджане, Новосибирске, Екатеринбурге, Калуге, Рязани, Иваново, Орле и других городах стало активное участие в распространении в нашей стране объективной информации о современной жизни, истории и культуре Китая, его опыте проведения глубоких экономических реформ, о значении российско-китайской дружбы, добрососедства, взаимовыгодного партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем в интересах наших стран и народов.

В этих целях Общество российско-китайской дружбы продолжает оставаться инициатором проведения в Москве, в регионах страны торжественных собраний и вечеров, посвященных годовщинам образования КНР и установления российско-китайских дипломатических отношений, важным событиям китайской исто-

рии, истории российско-китайских отношений, памяти деятелей национально-освободительного и революционного движения, китайской науки, литературы и искусства, которые в свое время внесли весомый вклад в развитие дружбы и сотрудничества с нашей страной.

Массовые мероприятия Общества посвящались юбилеям видных китайских государственных и общественных деятелей: Сунь Ятсену, Ли Дачжао, Мао Цзэдуну, Сун Цинлин, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаю, Цюй Цюбо, маршалам Чжу Дэ, Пэн Дэхуаю, Чэнь И, Ли Фучуню и Цай Чан, Дэн Сяопину, Чэнь Юню, Ху Яобану, Ян Шанкуню и др. По приглашению Центрального правления ОРКД в этих мероприятиях участвовали родные и близкие этих выдающихся деятелей – Чэнь Хаосу, Чэнь Юань, Дэн Сяожун (Мао Мао), Ху Дэпин, Ян Шаомин. Незабываемыми и трогательными были встречи воспитанников Ивановского интернационального детского дома, делегации которых приезжали в Россию по приглашению ОРКД.

По нашей инициативе были организованы презентации книг «Мой отец Дэн Сяопин», написанной его дочерью Дэн Сяожун, «Мой отец Чжу Дэ», написанной его дочерью Чжу Минь; «Мой отец Мао Цзэдун», написанной дочерью Мао Цзэдун Ли Минь, «Мой дядя – Чжоу Эньлай», написанной его племянницей Чжоу Биндэ.

Большое место в работе энтузиастов нашего общества занимали мероприятия по пропаганде китайской культуры, литературы, искусства. Общество отмечало годовщину великого китайского мудреца Конфуция, выступило инициатором установки в Москве памятника Конфуцию. Мы знакомили российскую общественность с классиками древней китайской поэзии Ли Бо, Ду Фу, Ли Цинчжао, известными поэтами и поэтессами периода расцвета китайской поэзии в Танский период, известными художниками нового времени Ци Байши и Сюй Бэйхуном; прославленным мастером Пекинской оперы Мэй Ланьфаном; посвящали свои мероприятия выдающимся литераторам нового Китая – Лу Синю, Го Можо, Мао Дуню, Лао Шэ, Чжэн Чжэньдо, Дин Линь, Ай Цину, Ван Мэну, а также известным переводчикам и популяризаторам русской и советской литературы в Китае, к сожалению, уже ушедшим из жизни профессорам Цао Цзинхуа и Гэ Баоцюаню. В Государственном гуманитарном центре «Преодоление» в Музее им. Н. Островского была организована персональная выставка картин Гао Мана и молодых китайских художников.

Гостями нашего Общества и ИДВ РАН были президент Академии наук Китая академик Лу Юнсян, дважды выступивший в Китайском зале на расширенном заседании Правления ОРКД и Ученого совета Института Дальнего Востока с сообщением об интенсификации научных исследований в Китае; президенты АОН Китая Ли Теин, Чэнь Куйюань, а также видные ученые-обществоведы Чжу Цзяму, Сюй Куй, Хэ Фан, Ли Минбин, Ли Цзинцзе, Жэнь Цзюйюй, Син Гуанчэн, Ху Аньган, Лю Гогуан, Ли Цзинвэнь, Цюй Вэй и другие. В ОРКД побывали делегации Пекина, Тяньцзина, Шанхая, Чунцина, Гуанчжоу, Харбина, провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цилинь, Хунань, Хэбэй, Хубэй, Гуйчжоу, Сычуань, Шэньси, Цинхай, Шаньси, СУАР, Автономного района Внутренней Монголии, Тибета и Гонконга. С участием китайских делегаций Обществом проводятся форумы и семинары, посвященные различным аспектам российско-китайского сотрудничества.

Российско-китайская дружба прошла закалку в совместной борьбе, она скреплена кровью многих тысяч лучших сынов наших народов, отдавших свои жизни во имя светлого будущего России и Китая.

Особо следует сказать о ветеранах – участниках боев за освобождение Северо-Восточного Китая от японских агрессоров. Все мы помним и выражаем нашу признательность председателю КНР Ху Цзиньтао, который, прибыв в Москву на празднование 60-летия нашей великой победы, встретился в посольстве КНР в Москве с большой группой наших ветеранов и выразил им благодарность за помощь, оказанную делу освобождения Китая от японской агрессии. Мы сердечно благодарим также председателя ОКРД Чэнь Хаосу за приглашение группы ветеранов в сентябре 2005 г. в Китай, где они приняли участие в торжествах, посвященных 60-й годовщине окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке, имели возможность увидеть великие успехи китайского народа, достигнутые за годы модернизации и реформ, встретиться со своими боевыми друзьями. По случаю Года России в Китае по приглашению ОКРД и Чэнь Хаосу делегация российских ученых во главе с академиком В.И. Жуковым посетила КНР.

Мы благодарны видному изобретателю и бизнесмену Китая, почетному доктору ИДВ РАН господину Хуан Сяодуну за сердечный прием в гостинице «Метрополь», который он организовал по случаю 70-летия начала антияпонской войны китайского народа

и помощи Советского Союза, советских воинов-добровольцев этой борьбе.

Наши китайские коллеги Председатель КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу, его заместители Лю Шу и Чжу Цзяму, ответственные работники ОКРД Нью Инли, Кан Цзинюань, Лу Айчжэн и Чэнь Лэй, а также многие активисты Общества китайско-российской дружбы все эти годы вели большую работу для продвижения идей дружбы с Россией среди китайской общественности. Поистине всекитайский размах получили в КНР мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, П.И.Чайковского, писателя Н.Островского, 55-летию и 60-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, подвигам в этой войне Зои и Александра Космодемьянских, А.Матросова, 40-летию полета в космос Ю.А.Гагарина и первой в мире женщины-космонавта В.В.Терешковой.

Общество российско-китайской дружбы совместно с КНОДЗ и ОКРД были инициаторами и организаторами форумов, посвященных российско-китайскому торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, широкому обмену между детскими творческими коллективами.

В 1999 г. в Пекине и Москве отмечали 50-летие КНОДЗ и 55-летие ОКРД, а в преддверии нашего юбилея по инициативе КНОДЗ и ОКРД в Пекине с участием делегации ОКРД было проведено торжественное собрание, посвященное роли организаций дружбы в развитии российско-китайских отношений по каналам народной дипломатии.

В целях привлечения молодежи нашей страны к движению за дружбу с Китаем ОКРД проводило викторину среди учащихся средних школ и студентов России на тему «Знаете ли вы Китай», в которой приняли участие представители многих регионов России и СНГ. Победители викторины по приглашению Министерства культуры КНР совершили поездку в Китай.

В Культурно-информационном центре ИДВ РАН и ОКРД, в известном Китайском зале в течение последних лет успешно работает лекторий для молодежи на тему «Китайская цивилизация», а также семинары почетного председателя ОКРД, академика С.Л.Тихвинского, посвященные развитию российско-китайских отношений, диалогу наших культур и опыту реформ в современном Китае.

Руководители Центрального правления Общества, а также другие ведущие ученые Института – активисты Общества часто выезжают в вузы Москвы и других городов России с лекциями

о Китае и российско-китайских отношениях, которые неизменно вызывают большой интерес у аудитории.

В информационной работе Общество опирается на журнал ИДВ РАН «Проблемы Дальнего Востока», издаваемый Российско-китайским центром торгово-экономического сотрудничества журнал «Россия–Китай: XXI век» и китайские русскоязычные журналы «Партнеры» и «Китай». В них публикуются материалы о деятельности ОРКД и его отделений. Журналы рассылаются в региональные отделения Общества.

В своей повседневной деятельности Общество российско-китайской дружбы сотрудничает с Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития, Деловым Советом, Российско-китайским центром торгово-экономического сотрудничества, Союзом писателей России, Союзом женщин России, Международной Ассоциацией юристов, Международной Ассоциацией содействия культуре, Государственным музеем – Гуманитарным центром «Преодоление» имени Н. Островского. Активно развиваются наши контакты с вузами страны – МГУ, РГСУ, МАИ, СПбГУ, ДальГУ, ЧитГУ, а также московской школой № 1948, школой-интернатом № 11, школой искусств им. Балакирева, школой № 1535 с углубленным изучением китайского языка и другими образовательными организациями.

Мы рады, что Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ, сотрудники посольства активно принимают участие в мероприятиях Общества. Посол Лю Гучан называл ОРКД «правотланговым движения за дружбу с Китаем в нашей стране». Общество взаимодействует также с Китайско-русским центром культурных обменов под руководством Ли Цзунлуня, с землячествами китайских студентов и аспирантов, а также китайскими деловыми кругами, работающими в Москве.

Как известно, в дни визита в Китай в октябре 2004 г. президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2005–2008 г. Центральными мероприятиями этого плана стали Год России в Китае в 2006 г. и Год Китая в России в 2007 г.

ОРКД и его 15 отделений, активно работающих в Санкт-Петербурге, в Приморском и Хабаровском краях, Саха-Якутии, Удмуртии, Чите, Еврейской Автономной области, Амурской области, Улан-Удэ, Новосибирске, Екатеринбурге, Перми, Кемерово,

Орле, Иваново, Рязани, Калуге и Смоленске, откликнулись на инициативу руководителей России и Китая и активно включились в проведение мероприятий Года России в Китае и Года Китая в России – этих масштабных двусторонних мероприятий в истории российско-китайских отношений.

В Год России в Китае руководители и активисты Общества активно участвовали в организации встреч российских и китайских ученых, женщин, детей и предпринимателей, в проведении мероприятий Фестиваля российской культуры, в организации и проведении автопробега «Пекин – Москва», проходившего по 17 краям, областям и городам России; в презентации в России провинций и городов Китая; в презентации книг российских ученых о Китае и российско-китайских отношениях на Международной книжной ярмарке в Пекине и многих других – всего в 300 мероприятиях, в которых приняли участие многие десятки тысяч человек с российской стороны и многие сотни тысяч – с китайской.

В рамках Года России в Китае по инициативе ОРКД в Москве и отделениях Общества на местах были широко и торжественно отмечены 5-я годовщина Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и 10-летие установления между Россией и Китаем отношений доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

Особое внимание при проведении Года России в Китае и Года Китая в России ОРКД уделяло молодежным обменов. В Обществе на правах коллективных членов были приняты такие крупнейшие в нашей стране вузы, как Российский государственный социальный университет во главе с его ректором академиком РАН В.И. Жуковым, в котором создан и успешно действует Студенческий клуб российско-китайской дружбы, и Московская детская школа искусств имени М.А.Балакирева, самая большая по числу посещающих ее детей не только в Москве, но и в России и ставшая активной участницей детских российско-китайских культурных обменов, осуществляемых ОРКД совместно с КНОДЗ и ОКРД, а также МАИ, МЭИ и другие вузы Москвы.

Сегодня Общество российско-китайской дружбы является массовой и представительной общественной организацией, передовым отрядом народной дипломатии. Общество осуществляет свою деятельность исключительно на энтузиазме своих членов – представителей различных социальных слоев российского общества – от школьников и студентов, представителей деловых

кругов, научной и творческой интеллигенции до убеленных сединами ветеранов – участников боев за освобождение Китая от японских захватчиков и строительства нового Китая, ученых-китаеведов, любителей китайской культуры. Нас объединяет искренняя заинтересованность в том, чтобы российско-китайские отношения развивались и крепили в духе добрососедства, взаимопонимания и взаимного доверия на принципах равенства, дружбы, сотрудничества и стратегического взаимодействия. Именно так определяет эти отношения Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в Москве 16 июля 2001 г.

Только глубокое укоренение значения российско-китайских отношений в сознание и жизнь российского и китайского народов, только понимание нашими народами того, что России нужен сильный Китай, а Китаю – сильная Россия, только на основе стратегической идеи соразвития мы можем успешно решать вопросы будущего наших стран и народов – именно это позволит нашим двум странам оставаться «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами» и проводить в жизнь концепцию «Навеки друзья и никогда – враги».

XVII съезд КПК наметил программу построения в КНР гармоничного социалистического общества с китайской спецификой. Съезд определил внешний курс самостоятельности и независимости, курс мирного развития и гармонизации мира.

Во имя великих целей в течение всех 50 лет работало и будет и дальше продолжать свою деятельность Общество российско-китайской дружбы. Подводя итоги 50-летней деятельности Общества, мы должны выразить нашу благодарность людям, принимающим активное участие в его деятельности с первых лет его создания и по сей день. Это – С.Л.Тихвинский, О.Б. Рахманин, И.А. Рогачев, Г.В. Куликова, В.И. Иванов, Б.Н. Верещагин, В.И. Антонов, О.В. Васьков, В.Ф. Сорокин, Д.Н. Воскресенский, А.С. Ипатова, Р.А. Мировицкая, К.Ф. Крючкова, Н.В. Троян и многие другие ветераны. Это они в трудные годы российско-китайских отношений сохранили нашу организацию, определили направление ее деятельности и многое сделали для того, чтобы ОРКД стало авторитетной и уважаемой организацией не только в России, но и в Китае.

В юбилейные дни нельзя не отметить также большой вклад в деятельность ОРКД, который внесли члены Центрального правления Общества Р.М. Асланов, О.М. Бавыкин, В.Н. Барышников, А.А. Бокщанин, В.В. Борозденков, Ю.М. Галенович,

А.Н. Гиренко, С.А. Горбунова, И.В. Григоров, А.М. Григорьев, Б.Т. Доронин, В.С. Жуков, ректор РГСУ академик В.И. Жуков, Ю.Н. Иванов, О.А. Игнатьева, профессор ИСАА А.Н. Карнеев, А.И. Картунова, проректор РГСУ М.И. Кодин, А.А. Козлов, директор Детской школы искусств имени М.А. Балакирева Л.Н. Комарова, Т.В. Лазарева, Е.А. Лапшина, Н.Л. Мамаева, А.В. Островский, Л.С. Переломов, И.Ф. Попова, В.Я. Портяков, О.Н. Семенова, Д.А. Смирнов, Г.А. Степанова, С.А. Торопцев, Т.М. Турчак, президент Международной Ассоциации сотрудничества И.А. Черкасов, Г.И. Храбровицкая, Т.Г. Шудло и другие.

Необходимо отметить и активную работу руководителей отделений Общества российско-китайской дружбы: Н.А. Спешнева (Санкт-Петербург), В.П. Бутова (Владивосток), В.Д. Гвоздевича (Екатеринбург), В.В. Романова (Хабаровск), Ю.И. Филонову (Новосибирск), И.Б. Веретенникова (Пермь), А.Н. Смирнова (Иваново), Б.В. Горемыкина (Калуга), В.А. Малеевой (Рязань), М.Л. Немировского (Биробиджан), а также всех других руководителей и представителей региональных отделений Общества.

В эти дни мы вспоминаем также уже ушедших из жизни бывших руководителей ССОД Н.В. Попову, З.М. Круглову, которые активно поддерживали деятельность Обществ дружбы. Многие сделали для продвижения идей дружбы с Китаем руководители Росзарубежцентра В.В. Терешкова, С.И. Швецова.

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации *В.В. Путиным* 28 июня 2000 г. Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Jn.mid.ru/nsjsndoc.nsf/4e5fa867101effb4432569fa003a705a/fd86620b371b0cf7432569fb004872a7?-Open Document>.

² Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.10thbpc.org.cn/new/txt/2002-11/19/content_2050838.htm.

³ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm.

⁴ *Ян Цзечи*. Китай и Россия навеки друзья и никогда враги: [Интервью] // *Время новостей*. 19.03.2008. С.5.

- 5 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики [от 26 марта 2007 г.] // Пробл. Дал. Востока. 2007. № 3. С. 9.
- 6 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики [от 2 декабря 2002 г.] // Там же. 2003. № 1. С. 5–6.
- 7 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики [от 21 марта 2006 г.] // Там же. 2006. № 3. С. 8.
- 8 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики [от 2 декабря 2002 г.] // Там же. 2003. № 1. С. 6.
- 9 Цит. по: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 527.
- 10 Цит. по: Бергер Я.М. Стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Пробл. Дал. Востока. 2006. № 1. С. 49–50.
- 11 Там же. 2003. № 1. С. 6.
- 12 Жэньминь жибао. 11.04.2006.
- 13 Интерфакс. 06.04.2006; www.er-duma.ru/news/15713.
- 14 ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. М., 2007. Т. 5. С. 540.
- 15 Российская газета. 17.07.2001; Пробл. Дал. Востока. 2001. № 5. С. 6–11.
- 16 Менгес К. Китай: нарастающая угроза. М., 2006.
- 17 Чжан Бин. Тоуши Элосы [Пронизывая взглядом Россию]. Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2004. 283 с.
- 18 Ведомости. 26.03.2007; www.russchingtrade.ru/assets/files/ru-about-torg/2006-ec-reviewwpd.
- 19 Жэньминь жибао. 21.03.2006; Парламентская газета. 28.03.2006.
- 20 Парламентская газета. 28.03.2006.
- 21 Жэньминь жибао. 21.03.2006.
- 22 Путин В.В. Стенографический отчет о встрече с участниками 3-го заседания международного клуба «Валдай». 09.09.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appers/2006/09/09/1930_type6337type63381_111114.shtml
- 23 Там же.
- 24 Жэньминь жибао. 21.08.2006.
- 25 РИА Новости. 12.12.2005.
- 26 www.chinapko.ru/archive/1/5.
- 27 Лу Юнсян. Общие сведения об Академии наук КНР и проекты интенсификации научных инноваций: Доклад в ИДВ РАН 7 июля 2004 г. // Пробл. Дал. Востока. 2005. № 1. С. 169.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 171.
- 30 www.Kremlin.ru/appears/2007/03/26/2122_type63377type63380_120805.shtml.
www.Kremlin.ru.
- 31 www.Kremlin.ru.Russian.people.com.cn/31519/5525615
- 32 Цит. по: Кузьмин В.В. Китай в стратегии американского империализма. М., 1978. С. 21.
- 33 Там же. С. 22.
- 34 Жэньминь жибао. 05.05.1979.
- 35 Дэн Сяопин. Избранное (1982–1992). Пекин, 1994. Т. 3. С. 210.
- 36 Чжунго шэньхуэй кэсюэюань юань бао (Газета АОН Китая). 10.09.2002; 03.09.2002.
- 37 См. www.pravoteka.ru/pst/1044/521683.html.
- 38 Жэньминь жибао. 14.11.2002.
- 39 Там же.
- 40 Там же.

РАЗДЕЛ IV
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

**РОССИЯ И КИТАЙ НА ИНТЕГРАЦИОННОМ ПОЛЕ АТР:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Повышение внимания России к временно «отстававшим» направлениям, прежде всего связанным с активностью страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, продиктовано необходимостью учета целого ряда очевидных мировых процессов. Важнейшей особенностью современного мира является постоянно нарастающая и углубляющаяся интернационализация экономической, политической, информационной и культурной жизни всех обществ и государств Земли. Этот процесс получил название глобализации. Динамично развиваются процессы экономической и финансовой интеграции на региональных уровнях. И ни одна страна не может оставаться вне этих процессов, не рискуя оказаться на обочине мировой истории. Такова, на наш взгляд, исходная посылка для анализа проблемы «Россия и интеграция в АТР».

Одним из результатов глобализации стал подъем Азиатско-Тихоокеанского региона. Заявившая о себе уже несколько лет назад тенденция нарастания процессов политико-экономической интеграции в АТР, рассматриваемой в качестве одного из главных инструментов и импульсов развития, судя по всему, набирает силу.

В регионе активно формируется новый центр мировой экономики и политики, который по своим масштабам производства, объемам финансовых, индустриальных, сырьевых, энергетических и информационных ресурсов заметно опережает, к примеру, Европейский Союз (ЕС). Здесь набирают силу такие крупные экономические и политические «игроки», как Китай, Япония, Индия, Республика Корея, а также международные группировки,

среди которых – Association of South-East Asian Nations (АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и Asia-Pacific Economic Cooperation (АПЕС-АТЭС – форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества). В обозримом будущем потенциал этих государств и объединений перешагнет региональный уровень и приобретет воистину глобальное измерение. В АТР действуют, сталкиваются и переплетаются интересы крупнейших мировых держав – США, Китая, России, Японии, а также стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), большинство которых входят в АСЕАН. На АТР приходится свыше 60% мирового ВВП, такая же доля мирового экспорта, а размер ВВП на душу населения в этом регионе на 40% превышает среднемировую показатель.

Интеграционные процессы в АТР носят специфический характер. В регионе отсутствует межгосударственная центроориентированная структура типа ЕС. Поэтому интеграционное взаимодействие азиатских государств АТР происходит на трех уровнях: на уровне форума АТЭС, на уровне региональных и субрегиональных интеграционных группировок, реально существующих (АСЕАН, «АСЕАН+3») или только намечаемых к созданию (Восточно-Азиатский форум с участием Китая, Японии и Республики Корея). Сюда надо добавить официально озвученные в конце 2001 – начале 2002 г. предложения Китая и Японии создать две коллективные зоны свободной торговли с АСЕАН: китайско-АСЕАНовскую и японо-АСЕАНовскую, а также предложения на уровне двусторонних отношений, где наиболее значительно продвинулись японо-южнокорейские планы по заключению соглашения о зоне свободной торговли.

Регион, как одна из наиболее динамично эволюционирующих территорий планеты, в своем развитии отчетливо демонстрирует влияние глобальных тенденций, определяющих характер современных международных отношений. Многостороннее сотрудничество между странами АТР на основе принципов равноправия и взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела суверенных стран, последовательного движения в сторону демократизации международных отношений и недопущения проявлений односторонней политики способно внести весомый вклад в формирование глобальной многополярной политической архитектуры. Вот почему азиатско-тихоокеанский аспект российско-китайского взаимодействия, включающий, в частности, сотрудничество с АСЕАН, сдерживание региональной гонки вооружений при уче-

те американских планов создания ПРО ТВД в Восточной Азии и другие вопросы, является важной составной частью как двусторонней повестки дня, так и многосторонних миротворческих усилий регионального уровня.

Итак, сегодня не подлежит сомнению, что АТР суждено сыграть особую роль в обеспечении мира и развития, и поэтому Россия не только экономически, но и геополитически нуждается в усилении своих позиций в этом регионе. В свою очередь, международное взаимодействие РФ и КНР, главным полем которого являются вопросы безопасности, важно для самого АТР.

Интересы России как евразийской державы в АТР стратегически весьма существенны и разнообразны. Ее главный интерес связан с возможностью и необходимостью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для подъема и ускорения собственного хозяйственного развития РФ. Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями, причем как в экономической, так и в политической и цивилизационной сферах.

В то же время стало уже аксиомой, что ключом к экономическому подъему России, а на этой базе – к обретению страной достойного места в меняющемся мире является развитие ее сибирских и дальневосточных районов и их поэтапная интеграция в экономическое пространство АТР. Как прямо подчеркивал президент РФ, «вовлеченность в интеграционные процессы региона способствует созданию благоприятных внешних условий для социально-экономического развития самой России, прежде всего Сибири и Дальнего Востока».

К настоящему времени Россия, сознательно или стихийно, как единый субъект или отдельными ее регионами довольно активно вовлекается в интеграционные процессы в АТР. После некоторых раздумий наша страна вступила в АТЭС, участвует в Региональном форуме АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), в экономических структурах ООН для Азии. Однако по-прежнему РФ, будучи великой европейской и азиатской державой, не участвует в форуме лидеров «Азия – Европа» (АСЕМ – структура, объединяющая ЕС и 10 стран АТР, включая Китай, Японию и Южную Корею, Азиатский банк развития – АБР); Россия не является членом АБР и не участвует в азиатских гуманитарных организациях и акциях, в том числе в Азиатских олимпийских играх.

Складывается впечатление, что РФ чуть ли не стихийно вовлекается лишь в те интеграционные процессы, участие в которых отвечает, в первую очередь, интересам контрагентов России в Восточной Азии и АТР и в меньшей степени – интересам самой РФ. Сохранение этой тенденции чревато для нашей страны серьезными последствиями, а именно:

- деиндустриализацией;
- углублением дезинтеграции между европейской и азиатской частями РФ;
- утратой интеллектуального, научного и культурного потенциала.

Следует отметить, что в и российских подходах к процессам интеграции на глобальном и региональном уровне существуют явный перекося и внутренние противоречия. Так, на уровне «дипломатии саммитов», встреч президента РФ В.В. Путина с главами европейских и азиатских государств четко просматривается равнозначный подход к важности интеграции России как в европейско-атлантическое экономическое пространство, так и в восточно-азиатское экономическое пространство и экономические организации АТР. Таким образом, с точки зрения высших решений по проблемам интеграции РФ в АТР, дело обстоит, казалось бы, благополучно. Однако на уровне практических организаций и ведомств многие договоренности высшего и высокого уровня тормозятся или вообще не выполняются. Главная причина этой пробуксовки, как представляется, кроется в том, что у общественности нашей страны, ее государственных, властных структур отсутствует адекватное, отвечающее национальным особенностям и геополитическому положению России понимание национальных интересов и евразийской цивилизационной идентичности РФ.

Вопрос не в том, участвовать России или нет в азиатско-тихоокеанской интеграции, ответ на него аксиоматичен: участвовать. Вопрос в том, какими должны быть стратегия и тактика встраивания РФ с ее интересами в азиатско-тихоокеанскую экономику. И другой вопрос: какими должны быть принципы и механизмы согласования такого рода азиатско-тихоокеанской стратегии и тактики России с задачами создания единого экономического пространства России и Евросоюза?

Во время переговоров президента РФ В.В. Путина в Пекине и Дели (2001 и 2002 гг.), в совместных документах уже тогда были конкретно обозначены некоторые направления интеграции новой России на азиатском направлении.

Внимательное обращение к опыту регионального взаимодействия, которым располагают участники успешных процессов интеграции в АТР, продвижение положительного потенциала идей «открытого регионализма», анализ и использование возможностей, связанных с развитием плодотворных контактов между действующими в регионе организациями, членом которых является Россия, – все это составляет тот резерв, который должен быть востребован в целях обеспечения национальных интересов РФ на ее восточных рубежах и эффективного развития районов Сибири и Дальнего Востока.

В настоящее время формируются основные направления, по которым российские компании при содействии и поддержке государства могут внести реальный вклад в развитие многостороннего экономического сотрудничества в АТР: это область энергетики, использование геостратегического положения России как естественной транспортной, коммуникационной связующей между Западом и Востоком, а также весомый научный потенциал.

Отдельного внимания заслуживает сфера энергетики как база для масштабного развития сотрудничества между РФ и странами АТР. Одним из основных условий стабильного экономического прогресса стран названного региона стала проблема обеспечения их быстрорастущего экономического потенциала энергоносителями – нефтью, газом, углем, лесом. Большинство стран АТР по разным причинам вынуждены закупать углеводороды в больших объемах в других регионах мира, в частности, в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В этом смысле показателен пример того же Китая. С 1993 г. КНР стала чистым импортером нефти. Если в 1999 г. импорт нефти составил примерно 65 млн т (40,6% годового внутреннего производства сырой нефти), то в 2005 г. – уже 131,9 млн т (примерно 80%). По прогнозам, в 2010 г. импорт нефти в Китае возрастет до 150 млн т, а к 2020 г. – до 200–250 млн т.

Обострение вопросов энергетической безопасности побуждает экспортеров энергоресурсов осуществлять диверсификацию рынков сбыта, а импортеров – источников поставок энергоносителей из других стран. В этой ситуации для стран АТР наиболее стабильным и безопасным рынком энергоносителей выглядит Россия.

Российский капитал планирует более активный выход на арену АТР, что, в случае закрепления этой тенденции, может оказать существенное влияние на изменение парадигмы экономических

взаимоотношений не только с названным регионом, но и со всем внешним миром. Так, в частности, АО «Русский алюминий» и австралийская компания Aldoga Aluminium подписали в марте 2002 г. в Москве протокол о намерениях, который предусматривает участие «Русала» в строительстве алюминиевого завода в австралийском штате Квинсленд, что свидетельствует о намерениях российского бизнеса участвовать не только в международных снабженческих, но и производственных проектах в АТР.

Несомненный вклад в решение проблем выхода РФ на интеграционное пространство АТР вносит работа Байкальских экономических форумов – авторитетной площадки для выдвижения инициатив и предложений, достижения договоренностей. Отличительная общая черта дискуссий в Иркутске – всеобъемлющий, комплексный характер, подразумевающий участие в них широкого круга заинтересованных сторон, а также обсуждение полного спектра проблем региона. Неслучайно, что после анализа ряда узловых вопросов на предыдущих встречах, форум 2006 г. был посвящен весьма важной теме – сотрудничеству России с одним из локомотивов интеграции в АТР – странами АСЕАН. Важно, чтобы выводы и рекомендации по итогам работы Байкальских форумов послужили дальнейшему продвижению идей эффективного включения России в интеграционные процессы АТР.

Необходимость более активного партнерства России с АТР, прежде всего с Северо-Восточной Азией (СВА) – субрегионом, где наиболее интенсивно и многообещающе разворачивается азиатско-тихоокеанское интеграционное взаимодействие, обусловлена задачами динамичного улучшения экономического положения и дальнейшей стабилизации внутренней жизни в РФ.

При сопоставлении экономических потенциалов СВА, Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Южной Азии в рамках общего для них экономического пространства АТР преимущество СВА выглядит подавляющим. По данным за 2006 г., совокупный ВВП Японии, Республики Корея и Китая плюс ВВП Тайваня и Сянган (Гонконга) превышает 9 трлн долл. – из них на КНР приходится более 2,6 трлн долл., а ВВП ЕС составляет примерно 14 трлн долл., США – 13,2 трлн долл. Эти цифры вполне сопоставимы, тогда как суммарный ВВП стран АСЕАН не достигает 1 трлн долл., а ВВП стран Южной Азии – лишь немного превышает эту величину.

Япония, Китай и Республика Корея – единственные крупные мировые экономики, не являющиеся пока членами того или ино-

го варианта многостороннего таможенного союза. Три страны уже предпринимают конкретные согласованные шаги в области координации экономической и финансовой политики и развития торгового и инвестиционного сотрудничества, продвигаясь на пути постепенного формирования Восточно-азиатского форума в составе этих трех государств. В качестве первого шага их интеграции в СВА создана трехсторонняя аналитическая группа (комиссия) для выработки соответствующих мер. Трехсторонняя комиссия предоставляет согласованные рекомендации правительствам трех названных стран в области координации экономической и финансовой политики, развития торгового и инвестиционного сотрудничества между ними. На встрече в ноябре 2002 г. китайская сторона предложила провести технико-экономическое исследование возможности создания свободной торговой зоны в составе трех вышеназванных государств.

Во всех трех странах, включая Китай, на академическом и деловом уровнях ведется активная проработка таких вопросов, как создание единого энергетического кольца для стран СВА, транспортных коридоров из СВА в Европу, в том числе через территорию России, образование трехсторонней зоны свободной торговли в СВА, формирование валютного союза и введение единой валюты в СВА и т.п.

Вполне вероятное появление на карте мира этого нового экономического образования, значительно усиливающего позиции Китая, не может оставить безучастными ведущие державы, имеющие интересы в этом регионе и юридически остающиеся вне рамок данной структуры.

США, которые традиционно негативно относятся к региональным объединениям без непосредственного своего участия, как это, например, было в случае малазийского предложения о создании Восточно-азиатского экономического совещания, пока воздерживаются от официальных высказываний по этому поводу. Вместе с тем, судя по позитивной оценке первого года участия Китая в ВТО, данной торговым представителем США Р. Зоелликом, в Вашингтоне может складываться впечатление, что Китай превращается в экономическую и политическую силу, с которой более продуктивно считаться, нежели находиться в состоянии прямой конфронтации.

Примечательной представляется идея японского бизнеса о создании в СВА «свободной деловой зоны» (СДЗ), которая объединит экономику Китая, Японии и Республики Корея. Отличитель-

ная черта этой идеи видится в том, что она предусматривает привлечение к сотрудничеству России и США, однако не в качестве институализированных участников СДЗ, а в качестве партнеров этого регионального, открытого по своей сути образования.

Заглядывая в будущее, можно ожидать, что наметившаяся мировая стагнация подтолкнет Токио, Пекин и Сеул к интенсификации усилий по развитию экономической интеграции в СВА. В этом смысле вряд ли можно ожидать положительных результатов от дипломатического соревнования Токио и Пекина за то, кто будет первым в интеграционном единении с АСЕАН. Основой в будущем единой экономики Восточной Азии реальнее всего станет именно интеграционное поле СВА, охватывающее Японию, Республику Корея, Китай и, если мы не упустим шанс, то и Россию.

С теоретической точки зрения, развитие многостороннего интеграционного сотрудничества в СВА может быть определено как совместное использование Японией, Китаем, Южной Кореей и Россией имеющихся здесь факторов производства – капитала, труда, земли, научных знаний и технологий. Этот процесс требует образования в будущем согласованного и коррелируемого, если не единого, правового поля, обеспечивающего свободное передвижение в регионе товаров, финансовых потоков, рабочей силы, научных разработок и научных знаний (ноу-хау) и защищающего интересы предпринимателей и наемных работников. Путь к нему лежит через введение единого инвестиционного режима, использование общепринятых стандартов в товарном производстве, единой системы аудита финансовых институтов, через коллективное согласование визового режима с постепенной его отменой, взаимную адаптацию систем образования и обучения иностранным языкам и т.д. Для реализации такого сценария необходим многосторонний переговорный процесс в рамках постоянно работающей региональной структуры.

Надо отметить, что особенность сегодняшней интеграционной ситуации в СВА состоит в незавершенности институционализации интеграционного сотрудничества: соответствующий процесс еще не вышел на широкий межгосударственный уровень.

Пока главными механизмами сотрудничества в СВА являются неправительственные Экономический форум СВА, Газовый форум и Экономическая конференция СВА. Усилия же Программы развития ООН (ПРООН), спонсирующей Туманганский проект в КНДР, пока не получили ожидаемой отдачи, как и перспек-

тивные проекты по разработке полезных ископаемых на территории Монголии.

Взаимодействие России и СВА, на наш взгляд, наиболее плодотворно может развиваться по схеме двойного взаимодополняемого «треножника»: российские энергоресурсы, научные технологии и транзитная территория, связывающая СВА и Европу, в обмен на японские и южнокорейские капиталы, инвестиции, передовые технологии, китайское продовольствие, текстиль и рабочую силу.

Разумеется, что сотрудничество Китая, Японии и Республики Корея (РК) также должно быть взаимодополняющим и взаимовыгодным. Но уже не по принципу «сырье в обмен на готовые изделия», а по фактору «качество – цена». Япония – поставщик на потребительский рынок СВА продукции для богатых японцев, южнокорейцев и китайцев, для «высшего среднего» класса РК и Японии и для среднего класса Японии. Республика Корея – в свою очередь, для богатых южнокорейцев, «высшего среднего класса» Японии, РК и Китая, среднего класса Японии. Китай – для высшего и среднего класса КНР, для бедных слоев японского и южнокорейского общества.

Республика Корея ставит целью превратиться в международный технологический центр, выделив на эти средства только в 2001–2005 гг. порядка 30 млрд долл. Уже сейчас почти половина из 42-миллионного населения РК является пользователем Интернета (5% от общемирового числа пользователей «всемирной паутины» при том, что население Республики Корея составляет 0,6% от общемирового, а ВВП – 1,5% мирового ВВП). В Китае приоритетное внимание в настоящее время и на более отдаленную перспективу уделяется становлению «экономики знаний», в частности, расширению рынка телекоммуникаций, микроэлектроники, биотехнологии, лазерной техники и т.д. Во всех трех странах СВА актуализируется развитие мелких и средних венчурных наукоемких фирм, в том числе при внимательном использовании российских разработок.

Отношение в Японии, Китае и РК к подключению России к трехсторонней интеграции этих трех государств неоднозначное. С одной стороны, при обсуждении данного вопроса в принципе ни Токио, ни Пекин, ни Сеул не выступают против участия РФ, более того, видят в России важного стратегического поставщика сырья и транспортных услуг. С другой стороны, при повышении степени конкретности обсуждения обнаруживается, что эти стра-

ны СВА слабо представляют, как именно Россия могла бы подключиться к работе Восточно-азиатского форума. Кроме того, на позицию Японии в неблагоприятном для России плане влияет нерешенность вопроса о заключении мирного договора, на позицию Южной Кореи – увлеченность Сеула «северокорейской проблематикой». Китай же пока больше склонен обсуждать с Россией экономические проекты на двустороннем уровне.

Прогностические оценки развития двусторонних экономических взаимоотношений *России и Японии*, как правило, базируются на имеющемся потенциале в области энергетики, космических и информационных технологий, в сфере атомной энергетики и др. В действительности, судя по планам экономического развития России и Японии, обе страны имеют не только взаимный интерес к такому сотрудничеству, но и конкретный финансово-материальный потенциал для его осуществления. Вместе с тем следует принять во внимание, что, в частности, в области энергообеспечения стратегической целью Японии является постепенное снижение доли углеводородных носителей в пользу атомной энергетики с замкнутыми циклами воспроизводства отработанного топлива. Что касается космических технологий, то в этой части японской стороне придется выбирать между Россией и США. Вашингтон стремится к тому, чтобы использование Японией «чувствительных технологий», в том числе и двойного назначения, и впредь находилось под его контролем. Таким образом, реально существующая у российской стороны заинтересованность в расширении сотрудничества за счет высоких технологий не обязательно будет находить должный отклик у японской стороны, вынужденной учитывать и политические последствия такого взаимодействия.

Не однозначно и отношение США к идее образования четырехсторонней экономической группировки в СВА. Частный американский бизнес усматривает в этом новые возможности, тогда как государственные структуры опасаются как ослабления политического влияния США в СВА, так и того, что подобная региональная группировка может носить закрытый для американских производителей характер.

Однако такая ситуация в принципе и при желании, а вернее сказать, при наличии политической воли и эффективной экономической дипломатии России поправима. Если, конечно, признать правильной саму постановку вопроса о необходимости превращения России в полноправного члена экономического форума в СВА.

Если говорить о том, что привлекательно в СВА (и в АТР в целом) для российского частного бизнеса, то можно выделить следующие сферы сотрудничества:

1. Развитие нефтяных и газовых ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири и сооружение на пространстве СВА сети нефте- и газоснабжения, а также линий передачи электроэнергии, которые бы стали основой будущей экономической интеграции России в АТР.

Следует подчеркнуть, что в этом направлении уже немало сделано. Так, одним из крупных и наиболее успешных международных проектов освоения новых нефтегазовых месторождений России является «Сахалин-2», который не только находится на стадии практического воплощения, но и приносит реальные доходы. Всего инвестиции в проект «Сахалин-2» превысят 10 млрд долл., уже вложено около 2 млрд долл. Объявлен тендер на строительство завода по производству сжиженного газа с поставкой в страны АТР. В целях ослабления зависимости от поставок нефти с Ближнего Востока Япония предлагает планы строительства газопровода, который соединит месторождение «Сахалин-2» с Японией.

В июле 2001 г. было подписано межправительственное соглашение «Об основных принципах разработки технико-экономического обоснования строительства нефтепровода Россия–Китай».

Перспективной считается поставка газа с Ковыктинского месторождения в Иркутской области (доказанные запасы – 1,3 трлн куб. м) в Китай с возможным продлением газопроводов в Корею и Японию. К реализации этого проекта подключился «Газпром», который уже участвует в прокладке мощного газопровода «Восток–Запад» по территории КНР. Одна из проблем осуществления Ковыктинского проекта состоит в недостаточности местной газораспределительной сети в Китае и соседних странах, а следовательно, и недостаточной емкости местных рынков.

В будущем реализация этих проектов может привести к существенному изменению конфигурации энергетических связей в АТР, СВА, что объективно делает Россию стержнем и центром этой системы и не может не отразиться на динамике экономических отношений в регионе.

2. Использование «геотранспортного» положения России как естественного моста между Европой и Восточной Азией. Для этого России как европейской и одновременно азиатской державе, важно задействовать возможности и механизмы сотрудни-

чества не только в рамках СВА, но и в рамках АСЕМ. В этой сфере предпринимаются шаги по улучшению транспортной инфраструктуры на восточном направлении как силами частного капитала, так и государственных организаций.

Совершенствование транспортно-технологического обеспечения экспортных грузопотоков по Транссибу со стыковкой с ним Транскорейской ветки приведет к созданию Трансевразийской магистрали, способной конкурировать с морскими путями из Азии в Европу.

Крупные компании стремятся создать инфраструктуру для перспективного выхода на азиатско-тихоокеанские рынки. Авиакомпания «Сибирь» в марте 2002 г. начала переговоры с немецкими компаниями Obermeyer, Flughafen, Max Vogl о сооружении нового аэропорта в Новосибирске, который, по замыслу его строителей, будет обслуживать транзит пассажиров и грузов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу.

3. Планомерное и регулируемое законом привлечение иностранной рабочей силы для освоения малонаселенных российских дальневосточных регионов на основе строгого соблюдения иммиграционного законодательства и при сотрудничестве со странами экспортерами рабочей силы, прежде всего с Китаем и КНДР.

4. Создание в СВА Стратегического резервного нефтяного фонда с участием России, Китая, Японии и Республики Корея как основы энергетической безопасности стран СВА. Понятно, что основным источником и «наполнителем» этих резервов должна быть Россия, что открывает для ее нефтяного бизнеса особые перспективы.

5. Сегодня наш мир живет в условиях глобализации и информационно-технологической революции. Страны СВА являются здесь общепризнанными мировыми лидерами (Япония), стремятся таковыми стать (Республика Корея) или преследуют цель догнать мировых лидеров (Китай). Российский бизнес пристально изучает возможности кооперации с государствами СВА и в этом аспекте.

6. Достаточно новым явлением служит вывоз за рубеж машиностроительных мощностей, что может означать участие российских предприятий в международном разделении труда на качественно новой основе – во внутриотраслевом разделении труда, способствующем установлению более прочных и долгосрочных производственных связей. Руководство холдинга «Европейская подшипниковая корпорация» (ЕНК) утвердило программу

реструктуризации предприятий холдинга, согласно которой часть незагруженных производственных мощностей может быть переведена в страны азиатского региона, в том числе Китай и Индию.

Все это только первые ласточки, которые пока еще не делают устойчиво ясной погоду для нашего последовательного, постоянного, признанного участия в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сообществе. Однако они являются многообещающими сигналами для России.

Ключевой проблемой интеграции в СВА является поиск источников финансирования дорогостоящих региональных проектов. По расчетам, для создания инфраструктуры интеграционного сотрудничества в СВА потребуется ежегодно не менее 7,5 млрд долл. капиталовложений. За счет средств государств-участников и уже действующих международных финансовых институтов предполагается мобилизовать порядка 2,5 млрд долл. В целях привлечения остальных инвестиций активно обсуждается идея создания Банка развития СВА. Акционерами такого банка, который бы привлекал финансовые ресурсы с мировых рынков для стратегических нужд СВА, мыслятся правительства США, Японии, Республики Корея, России, Китая и других заинтересованных стран. Предположительно, в случае создания Банка развития СВА в течение ближайших 5 лет он смог бы привлечь порядка 15 млрд долл. инвестиций на инфраструктурные объекты в СВА, в том числе в России, в Китае.

Скоординированное в рамках региона использование рабочей силы требует создания Совета по управлению трудовыми ресурсами СВА, который выработывал бы правила и квоты миграции рабочей силы, осуществлял контроль над нелегальной миграцией. Субрегиональным институтом в создании ресурсной и транспортной инфраструктуры интеграции, работающим в координации с Банком развития СВА, мог бы стать Совет по развитию транспорта и природных ресурсов СВА. Аналогично мог бы быть сформирован Совет СВА по субрегиональной научно-технической политике, который занимался бы вопросами развития и координации научно-технической политики. Еще один субрегиональный орган необходим для обеспечения координации макроэкономической и финансовой политики стран региона. Развивая в последние годы практику взаимного обмена депозитами в национальной валюте в целях обеспечения финансовой стабильности на случай обвала валютных рынков, центробанки стран СВА (за

исключением России) уже начали накапливать опыт позитивного сотрудничества.

Что касается научных инноваций и прогрессивных разработок, то японские, южнокорейские и китайские фирмы уже активно действуют на соответствующем российском рынке, извлекая выгоду из все еще непростого положения российской науки и отсутствия в России своего рода «финансового поводыря», способного упорядочить процесс высокотехнологических изысканий и сбыта его результатов в СВА, обеспечивая тем самым интересы российских инновационных компаний.

Конечно, рынок СВА – не единственное в мире место утилизации постепенно оживающего научного стратегического ресурса России. Однако именно здесь ожидается в ближайшие годы быстрый рост спроса на научные разработки в таких отраслях, как нанотехнологии, микроэлектроника, создание новых материалов, другие суперсовременные отрасли науки, в которых Россия до сих пор удерживает ведущие мировые позиции. Большие перспективы имеет для РФ рынок аэрокосмической продукции и услуг в СВА.

В связи с вышесказанным, целесообразно сделать ряд выводов и обобщений рекомендательного характера.

Следует подчеркнуть, что, разрабатывая стратегию своего участия в интеграционных процессах в АТР, России необходимо отдать приоритет сотрудничеству в СВА. Складывающаяся в СВА ситуация позволяет утверждать, что Россия пока еще «не опоздала на поезд» экономической интеграции в субрегионе. При этом, как представляется, участие России в развитии многостороннего регионального взаимодействия с этой частью АТР имеет первостепенное значение для поднятия экономики российского Дальнего Востока и Сибири (о чем подробнее будет сказано ниже в данном разделе). Наиболее перспективным здесь видится сотрудничество в области энергетики, которое вызывается быстрым ростом спроса на энергоносители в странах СВА.

Толчок новой российской стратегии в АТР на высшем уровне может дать «дипломатия саммитов». На примере Китая, а также Индии она демонстрирует весьма ощутимые результаты. К сожалению, многие договоренности, изложенные в итоговых документах встреч на высшем уровне, выполняются крайне медленно. В СМИ они практически замалчиваются.

В качестве первого практического шага можно было бы инициировать энергетический саммит СВА.

России важно содействовать институционализации энергетической, транспортной, финансовой, информационно-технологической, культурной интеграции региона на уже упоминавшихся принципах «открытого регионализма», предоставляющего возможность сотрудничества с бизнес-элитами других регионов, и прежде всего с США и ЕС. Важную роль в продвижении российских интеграционных проектов в СВА и АТР играет Байкальский экономический форум, проходящий при поддержке Совета Федерации ФС РФ.

Необходимо активизировать процесс вступления России в Азиатский банк развития. Одновременно нашей стране целесообразно продвигать идею создания международного Банка развития СВА.

Стратегию адаптации экономики России к интеграции в СВА важно строить с учетом особенностей этого процесса по сравнению с интеграцией России в ЕС. Важно ясно видеть, что возможно возникновение коллизий, в том числе экономико-правовых, между двумя процессами. Решая эти коллизии, важно не отстать с ходу идеи «двухвекторной» экономической стратегии России, подразумевающей в том числе и создание «особой таможенной территории» для российского Дальнего Востока, если это будет способствовать ускорению интеграционного включения России в СВА и АТР в целом.

России крайне важно найти свое место в ускоряющемся процессе реальной азиатско-тихоокеанской интеграции. В частности, важной транспортно-коммуникационной составляющей евразийской интеграции станут планируемые нефте- и газопроводы, обеспечивающие транспортировку добываемых в Сибири нефти и газа в Китай, Республику Корея и Японию. Сегодня рассматривается несколько вариантов транспортировки российской нефти в КНР. Использовать новые возможности интеграции и ответить на возникающие вызовы, как представляется, было бы лучше при координации экономической стратегии Китая и России в СВА. Россия вправе рассчитывать на содействие Китая в деле включения России в интеграционные процессы в СВА. Пока здесь Китай сам выступает в роли желающего присоединиться к переговорному процессу между Японией и Республикой Корея о создании зоны свободной торговли как первой ступени образования в перспективе единого интеграционного пространства в СВА. Однако по мере расширения сферы интеграционного взаимодействия в СВА не только возрастают шансы Китая на присоединение

к японо-южнокорейской экономической оси, но становится очевидной и неизбежность такого присоединения. Важно, чтобы вслед за этим или параллельно с этим настала очередь и России вступить в Восточно-Азиатский экономический клуб.

В контексте параллельной интеграции России с ЕС и СВА важно рассматривать и вопрос вступления России в АСЕМ, служащей своего рода мостом между интегрирующимися экономическими пространствами в Европе и СВА. Это также потребует от российской дипломатии немалого искусства и усилий. Участие России в интеграционных процессах как в Европе, так и в Северо-Восточной Азии будет работать на идею самоидентификации России не просто как европейской державы, частью своей территории расположенной в Азии, но и как уникальной, если угодно, самобытной *державы евразийской*.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК – СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ИНТЕГРАЦИИ РФ В АТР

Ввиду особенностей проводившейся на протяжении десятилетней стратегии экономического развития нашей страны социально-экономический прогресс Дальнего Востока РФ оказался зависимым от успехов европейской части российской экономики, но при этом серьезно запаздывающим по времени. Некоторыми «близорокими» людьми Дальний Восток даже сейчас рассматривается как обуза. Однако в случае выверенного интеграционного сценария развития всех российских земель отстающая в настоящее время экономика Дальнего Востока и Сибири может стать надежной, равноценной опорой для подъема всего российского национального хозяйства.

Для РФ жизненно важно оживление экономики в восточной ее части еще и потому, что последующее функционирование хозяйства Дальнего Востока в режиме комплексного развития должно послужить предпосылкой и основой роста благосостояния и защищенности жителей региона, решения накопившихся здесь сложных демографических и социально-политических проблем, совершенствования производительных сил и инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока как неотъемлемой части единого народнохозяйственного комплекса РФ.

Причины отставания экономики российского Дальнего Востока разнообразны. Одна из основных состоит в том, что на протяжении десятилетий, особенно в годы «холодной войны», дальневосточным регионам СССР/России, исходя из логики противостояния двух «мировых систем», отводилась роль своего рода «кузницы резервов» и военного плацдарма, отгороженного от внешнего мира. Из соображений безопасности и экономической рациональности (в том виде, как они тогда понимались) хозяйство восточного военно-политического бастиона было замкнуто исключительно на связи с европейской частью бывшего СССР. Принцип автономности, даже автаркии, в развитии Востока страны не мог не сказаться и на особенностях формирования психологического склада его жителей, в котором возобладала психология закрытого и защищенного пространства, недоступного для проникновения «чужаков». И даже сейчас стремление к открытости нередко сталкивается на российском Дальнем Востоке с психологией нежелания нарушить закрытость и защищенность устоявшегося пространства.

Нерациональное размещение производительных сил на территории РФ в немалой степени явилось не только следствием, но и предпосылкой дальнейшей гипертрофии российской экономики в европейской части и отставания экономического развития восточных регионов страны. Неравномерность развития западной и восточной частей России привела к тому, что сейчас РФ, хотя и вышла на второе место по объему экспорта нефти и нефтепродуктов, однако пока не в состоянии быстро переключить поток своего углеводородного экспорта с западного вектора (куда он в основном и идет) на восточный, ибо именно на Запад ориентированы многочисленные нефтепроводы и газопроводы, берущие свое начало в Западной Сибири. В то же время азиатская часть России практически лишена сети нефтепроводов и газопроводов, что затрудняет транспортировку энергоносителей в страны АТР и в тихоокеанские порты.

Из-за отсутствия необходимой инфраструктуры для транспортировки углеводородов в восточном направлении – на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока – оказался ограниченным выход России на рынки энергоносителей в США, в частности, таких стран, как КНР, Япония, Республика Корея, где наблюдается явный дефицит энергоресурсов, столь востребованных для поддержания высоких темпов экономического развития этих государств. Привязанность поставок из России к основным запад-

ным направлениям открыла возможность разного рода политикам в странах Прибалтики, Польше и даже Турции для шантажа и всяческих неприглядных политических спекуляций.

Положение стало более сложным и в связи с тем, что после окончания «холодной войны», распада СССР и разрыва внутривосточных связей возник в числе прочих негативных последствий также и концептуально-стратегический вакуум, в условиях которого экономика Сибири и Дальнего Востока России стала *стихийным образом* ориентироваться на связи с соседями из США – Китаем, Японией, Южной Кореей. Во многом стихийное, а не продуманное и выверенное на государственном уровне вовлечение во внешнеэкономические связи субъектов Федерации, предприятий и предпринимателей Сибири и Дальнего Востока в 1990-е годы показало, что неконтролируемый выход на внешний рынок способен привести к заметным издержкам для экономики региона и страны в целом. Речь идет о том, что спонтанная, недостаточно подготовленная внешнеэкономическая деятельность, помогая решать некоторые сиюминутные вопросы, чревата серьезными вызовами долгосрочным российским интересам. В частности, реальной угрозой таким интересам является экспортное истощение, ущемление национального производства под давлением импорта, скупка акционированных предприятий иностранными инвесторами, углубление сырьевой структуры экономики регионов, экологический ущерб и многое другое.

Кроме того, стихийность внешнеэкономической деятельности не позволяет воспользоваться многими возможностями интеграционного вовлечения России в США. Здесь требуется *активная государственная политика* и в сфере ведения экономических связей, и в сфере миграционной политики, ибо они взаимосвязаны. Причем, выбор в качестве методологической основы такой политики идеологии национализма и протекционизма не даст положительного результата. И дело не только в негативном опыте бывшего СССР и протекционистской, с точки зрения величины импортных тарифов и условий для иностранных инвестиций, экономической политике России в 1990-е годы. Дело еще и в том, что идеология национализма несет в себе настороженное, если не враждебное, отношение к мировым и региональным интеграционным процессам как таковым. А протекционизм, как это показала практика России, а также многих развивающихся стран, более консервирует экономическую, технологическую, правовую, управленческую отсталость, чем способствует росту качества

производимых товаров и услуг. В Сибири и на Дальнем Востоке России, где существует огромный дисбаланс между богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и малой численностью населения и собственными возможностями для инвестиций – с другой, национализм и протекционизм особенно опасны.

Соседствующий с российским Дальним Востоком субрегион СВА и огромный Азиатско-Тихоокеанский регион являются самыми быстро растущими экономическими и стратегическими территориями мира, с которыми неразрывно связаны долгосрочные интересы России как евразийской державы. В настоящее время в российских властных кругах присутствует понимание значимости АТР для России, которое обуславливается наличием в этом регионе развитой системы экономических связей, огромных инвестиционных и людских ресурсов, емкостью рынка, опора на которые способна придать позитивную динамику экономике российского Дальнего Востока и всей РФ.

Российскому Дальнему Востоку и Сибири тоже есть что предложить в качестве весомого фактора сотрудничества. Как известно, Сибирь и Дальний Восток – природная кладовая России. Извлекаемые разведанные запасы нефти в Сибири составляют 77% российских запасов, природного газа – 85%, угля – 80%, меди – 70%, никеля – 68%, свинца – 85%, цинка – 77%, молибдена – 82%, золота – 41%, металлов платиновой группы – 99%. Водноэнергетические ресурсы Сибири составляют 45% гидроэлектроэнергетического потенциала страны, биологические ресурсы – около 9% мировых запасов древесины и более 41% российских запасов. Помимо этого, в регионе, несмотря на все перипетии переходного периода, сохранился сравнительно высокий производственный, научно-технический и научно-образовательный потенциал. В Сибири и на Дальнем Востоке развиты такие современные отрасли, как топливная промышленность, энергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, авиапромышленность, судостроение, металлообработка, лесная и деревообрабатывающая промышленность, работают более 200 крупных научно-исследовательских и опытно-конструкторских центров Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, Российской академии медицинских наук, Российской академии сельскохозяйственных наук, министерств и ведомств, более 100 вузов, большое число высококлассных театров и центров культуры. Образовательный комплекс способен обеспечить потребности развивающейся экономики и внешнеэкономической деятельности в высококвалифицированных кадрах. Принимая

во внимание тот факт, что в стоимости наукоемкой продукции затраты на транспорт и энергию составляют относительно небольшую часть, сибирская наукоемкая продукция может быть вполне конкурентоспособной на мировых рынках. К сожалению, в Китае и соседних странах СВА и АТР Сибирь пока ассоциируется лишь с холодами, наличием сырья, на отсталом и нецивилизованном пространстве. Поэтому одной из важных задач российского управленческого и научного сообщества представляется активное содействие формированию позитивного облика России в глазах ее партнеров по развитию в АТР и во всем мире.

Совершенно ясно, что столбовая дорога подъема российского Дальнего Востока – это осуществление крупных проектов инфраструктурного характера, которое, в свою очередь, нуждается в привлечении масштабных капиталовложений. Источниками последних являются средства из государственного бюджета (весьма лимитированные) и вложения российских и зарубежных частных инвесторов, которых зачастую оказывается недостаточно. Поэтому активное инвестиционное и торгово-экономическое сотрудничество с АТР как на межстрановом, так и на иных уровнях можно и нужно рассматривать в качестве реального инструмента комплексного развития экономики Дальневосточного региона РФ.

Для продвижения важнейших проектов подъема регионов российского Востока страна нуждается не только в крупномасштабных инвестициях, но и большом количестве современных технологий и комфортной международной обстановке. Без благоприятствующего внешнего фактора реформы будут пробуксовывать, а социальная напряженность нарастать, демографическая проблема в Сибири и на Дальнем Востоке – усугубляться. Поэтому любое ограничение активности России в АТР, ее воздержание от участия в региональных интеграционных процессах должны рассматриваться как ошибочная линия.

На наш взгляд, активизация международного экономического сотрудничества и включение Сибири и Дальнего Востока в систему мирохозяйственных связей в АТР способны удовлетворять ряду ключевых требований и содействовать решению следующих четырех групп стратегических задач:

– оздоровлению и дальнейшему подъему экономики российского Дальнего Востока, выявлению его сравнительных преимуществ на российском и мировом рынках, укреплению его финансового положения, а на этой основе – повышению способности к саморазвитию Дальневосточного региона РФ;

– бесперебойному выполнению Дальневосточным регионом общегосударственных функций, в том числе в сфере обороны, транспорта, добычи и переработки природных ресурсов, внешне-экономических связей и на этой основе – обеспечению интересов единого российского рынка при развитии экономических связей с другими регионами РФ;

– укреплению экономической, экологической и военной безопасности России, реализации стратегических целей азиатско-тихоокеанской политики РФ, активной интеграции российского бизнеса в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона, сохранению и упрочению взаимопонимания и сотрудничества со странами АТР;

– и наконец, повышению экономической и социальной привлекательности Сибири и российского Дальнего Востока, что реально послужит закреплению и приумножению проживающего там населения, а также созданию социально-культурных предпосылок для привлечения населения с других территорий России и СНГ, проведению рациональной миграционной политики.

Потенциал сотрудничества Востока РФ со странами АТР очевиден хотя бы с точки зрения взаимодополняемости таких важнейших секторов экономики, как энергетика и транспорт, а также обоюдной заинтересованности в крупных инфраструктурных проектах. Однако, как это часто бывает, потенциальные возможности граничат с очевидными проблемами, препятствиями, а порой и прямо из них вытекают.

Так, по причине односторонней ориентации России на Запад, имевшей место в 1990-е годы, произошло резкое ослабление экономических позиций России в Китае, Индии, Японии, Вьетнаме, Монголии, КНДР, странах АСЕАН; были утрачены ценные формы сотрудничества, ранее сложившиеся в отношениях с этими государствами. Вследствие этого, а также в силу распыления экономической мощи, возможности РФ по участию в интеграционных процессах в АТР к началу XXI века оказались ограниченными. В результате нашей стране до сих пор приходится преодолевать представление о себе как о малопривлекательном партнере не только у стран с крупными экономиками (Япония, КНР, Республика Корея), других государств и территорий АТР с высоким инвестиционным потенциалом (Сянган – Гонконг, Тайвань, Сингапур), но даже и у бывших друзей СССР (Вьетнам, КНДР, Монголия).

За последнее десятилетие во многих странах СВА произошел значительный скачок в экономическом развитии. В то же

время Дальневосточный регион России по ряду причин, прежде всего из-за недостаточности федеральных инвестиций, транспортной удаленности от центральных районов России, *нерациональной тарифной политики на транспорте*, неразвитости социально-экономической сферы и слабой заселенности оказался в положении автаркии и отставания. И как следствие этого – Россия и поныне теряет существенные возможности для развития своего внешнеторгового, а в итоге – и общего экономического потенциала, лишается рынков и важных источников инвестиций для хозяйственного развития Сибири и Дальнего Востока.

В силу указанных выше обстоятельств российское руководство, осознавая необходимость сотрудничества РФ, особенно ее восточных регионов, с СВА и АТР в целом, с начала 2000-х годов предпринимает важные шаги по ликвидации экономического отставания Дальнего Востока РФ и Сибири от европейской части страны и повышению их потенциала международного сотрудничества. В частности, большое внимание уделяется поискам и разработке комплексной рациональной стратегии развития Востока России. Немаловажную роль здесь сыграли обсуждения и аналитические «штурмы», предпринятые в рамках Байкальского экономического форума (БЭФ), встречи которого проходят в Иркутске.

Первый БЭФ состоялся в 2000 г. Он положил начало многостороннему и многоплановому диалогу центральных и федеральных властей, бизнес-элит, ученых, иностранных партнеров РФ, диалогу, направленному на осмысление процессов экономической глобализации, тех шансов и вызовов, которые она предоставляет России и выдвигает перед ней. Главным достижением первого Байкальского экономического форума стало признание того, что развитие Сибири и Дальнего Востока занимает ключевое место в стратегии России в отношении АТР, ибо в перспективе подъем и вовлечение интеллектуальных, природных и экономических ресурсов этого огромного мирового региона в российскую экономику и экономику Восточной Азии окажет колоссальное влияние на все цивилизационные процессы не только в самом АТР, но и в глобальном масштабе. По значению это сопоставимо с теми последствиями, к которым в свое время привело освоение Запада в США. Кажется, всем ясно, что без Сибири и Дальнего Востока Россия – это не Россия. Вместе с тем очевидно, что развитие Сибири и Дальнего Востока невозможно без интеграции

этих российских регионов в экономическое пространство Восточной Азии и АТР в целом.

На БЭФ было выдвинуто много конструктивных идей и предложений, нацеленных на то, чтобы с пользой для всей России найти наиболее адекватные пути адаптации экономики Сибири и Дальнего Востока к реалиям экономической глобализации и азиатско-тихоокеанской регионализации. В выступлениях многих российских губернаторов – участников БЭФ присутствовало стремление осмыслить место, роль и перспективы управляемых ими субъектов Федерации в процессах развития экономики, культуры, науки всей России, а также в глобальных экономических процессах.

Проведение первого БЭФ, вопреки замалчиванию со стороны СМИ и неблагоприятным прорицаниям некоторых чиновников из Центра, не стало поводом для выкачивания дополнительных ресурсов из федерального бюджета, а послужило примером серьезного разговора о том, как жить внеевропейским регионам России в новых геополитических и геоэкономических условиях, как максимально мобилизовать и сконцентрировать собственные ресурсы. Один высокопоставленный представитель из Москвы, выступая с трибуны первого БЭФ, с удивлением констатировал, что, направляясь в Иркутск, он готовился услышать одни жалобы и просьбы о помощи и льготах, а на деле стал свидетелем глубокого, ориентированного в будущее обсуждения путей сотрудничества Сибири и Дальнего Востока с экономикой США и АТР в целом.

Примечательно и то, что политические, экономические лидеры и интеллектуалы сибирских и дальневосточных регионов России, справедливо констатируя сырьевую направленность взаимодействия с АТР, не уставали повторять, что эти российские регионы, как и вся Россия, обладают огромным научным потенциалом, который по объективному его качеству может быть востребован в США и АТР. Задача состоит в том, чтобы найти пути сочетания научного потенциала Сибири и Дальнего Востока с внедренческими возможностями стран США, АСЕАН и других субрегионов и партнерских объединений в АТР, пути создания благоприятного инвестиционного климата и надежной правовой защиты для национального и зарубежного предпринимательства.

На втором БЭФ (2002 г.) начатый многоплановый разговор о путях интеграции России – через ее сибирские и дальневосточные регионы – в АТР получил продолжение и развитие. Наряду

с дальнейшим осмыслением глобальных и региональных изменений в политике и экономике был сделан новый шаг вперед: принята попытка стать ближе к практическим делам и наметить пути перехода от правильных и хороших слов к правильным и полезным делам.

Поиски и исследовательские наработки, осуществленные на протяжении последовавших лет, позволили осуществить более взвешенный и объективный анализ «*Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. (далее именуется – Программа)*», явившейся первым документом новой России, поднявшим на государственный уровень соответствующие вопросы ее развития. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что два главных недостатка этого документа, по всей видимости, состояли в том, что, во-первых, Программа весьма традиционно подходила к роли внешнего фактора. Ставка делалась на привлечение иностранных инвестиций в экспортные отрасли и защиту отечественного товаропроизводителя. Вопросы интеграции и взаимодействия России с СВА в Программе не ставились. Тому, наверное, были и есть объективные причины: Россия в момент принятия Программы еще не была членом АТЭС, интеграционные процессы в СВА еще не воспринимались как имеющие жизненно важное значение для России.

Во-вторых, Программа опускала главнейший вопрос стратегии РФ в СВА – вопрос *адаптации внутренней экономической политики России к вызовам и требованиям региональной интеграции*. В прописанных в Программе направлениях сотрудничества «Россия–Азия» Российская Федерация как бы оставалась вне рамок Азиатско-Тихоокеанского региона, строя с ним отношения с позиций *внешнего* для СВА и в целом для АТР партнера, а не в качестве *составной части* азиатско-тихоокеанского экономического пространства.

После решения Совета Федерации по итогам первого Байкальского форума наметился *поворот в подходах России к АТР и к СВА*, к пониманию своего места в развивающихся здесь экономических процессах. Стала более четко вырисовываться азиатско-тихоокеанская стратегия России, суть которой сводится к следующему:

– России как евразийской державе жизненно важно участвовать в процессах азиатско-тихоокеанской интеграции в интересах поднятия экономики Сибири и Дальнего Востока и комплексного развития хозяйственного комплекса в целом;

– В целях обеспечения национальной и региональной безопасности России целесообразно развивать военно-политические и стратегические отношения с партнерами по региону по принципу «безопасность через партнерство и соразвитие»;

– России необходимо адаптировать свою экономическую и финансовую политику к параллельному многоуровневому сотрудничеству с двумя интеграционными группировками – ЕС и СВА.

На фоне разработки новой стратегии России в АТР в конце 2001 – начале 2002 г. разгорелась острая дискуссия по поводу проведенной в 2002 г. корректировки «Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья» на период до 2013 г. Российские ученые-дальневосточники критиковали скорректированный вариант за неучет внешних факторов развития Дальнего Востока РФ. Была предложена иная версия этого важного документа, предусматривающая экономическую ориентацию Дальнего Востока России на сотрудничество с СВА и на превращение Дальневосточного региона РФ в «открытую экономику», главной задачей которой стало бы содействие интеграции России в АТР и СВА через дальневосточные территории нашей страны.

Здесь следует отметить, что одна из существенных причин неудачи всех предшествующих программ подъема Сибири и Дальнего Востока, как свидетельствует опыт, в принципе заключается в том, что эти программы не отказались от изоляционистского взгляда на пути подъема названных российских регионов и явно недооценивали, а то и вовсе не учитывали роли и потенциала сотрудничества с нашими соседями в решении стоящих перед РФ задач развития.

Поэтому, в целом поддерживая свободную от указанного недостатка концептуальную позицию ученых-дальневосточников, важно подчеркнуть, что для практической реализации этого подхода требуется *концептуальная корректировка также и стратегии экономического развития всей России*. Надо учитывать, что используемые в европейской части России и ориентированной на нее Западной Сибири методы финансового, фискального и экономического управления далеко не всегда срабатывают в специфических условиях Сибири и Дальнего Востока или же действуют как факторы стагнации.

Суть отличий между европейской и сибирской и дальневосточной частями российской экономики состоит в том, что в пер-

вом случае мы имеем дело с весьма хозяйственно развитой территорией, характеризующейся достаточно высокой демографической компактностью, относительно широким потребительским спросом и инвестиционными возможностями, а значит – являющейся более подготовленной к полномасштабным рыночным отношениям. Тогда как во втором случае возможности внедрения «чисто» рыночных принципов и механизмов хозяйствования остаются ограниченными.

Для примера возьмем транспорт и энергетику. С точки зрения логики функционирования рыночных механизмов эти отрасли не могут быть рентабельны на Востоке России. Стремление добиться от них прибыльности при работе по «чисто» рыночным законам приведет лишь к росту цен, сокращению спроса на результаты их деятельности и, в конечном счете, к остановке производства и оттоку населения. Ведь у потребителя просто нет денег, чтобы оплатить транспортные и энергетические услуги по тем ценам, которые обеспечивают покрытие всех издержек, к тому же завышаемых производителем-монополистом. Согласно «чисто» рыночной логике, работа транспорта и энергосистемы просто должна прекратиться. Применительно к России это означает еще больший отрыв наших сибирских и дальневосточных земель от центральной части страны и отказ от их освоения.

Для того чтобы обеспечить на Востоке России доступные частному бизнесу и потребителю энергоснабжение и транспортные услуги и одновременно компенсировать затраты на их производство, необходимы государственные дотации или иностранные кредиты. Компенсироваться и погашаться они могут косвенным путем – через активизацию работы российского и иностранного частного бизнеса. Тем самым будет обеспечиваться общее развитие региональной экономики при сохранении убыточности региональной инфраструктуры, которая (убыточность), впрочем, будет на макроуровне нивелироваться ростом налоговых поступлений от предпринимательства. Такое видение перспектив развития восточных регионов начинает получать понимание в правящих кругах и у ведущих российских ведомств, о чем свидетельствовали выступления председателя Совета Федерации С.М. Миронова и ряда министров российского правительства на БЭФ.

При разработке *стратегии России в отношении СВА и АТР*, исходя из требований экономической глобализации, важно учитывать геополитическую реальность: Россия – это *евразийское государство*, геоэкономически расположенное между ЕС и СВА.

Россия не может игнорировать эту объективно сложившуюся европейско-азиатскую «бинаправленность» своего развития.

Чтобы не ошибиться, определяя место России в глобальной экономике, нужно учитывать еще одну ее «амбивалентность», а именно – *двухуровневость* российской экономики. Это означает, во-первых, необходимость определить место России как единого целого в качестве участника общемировых экономических процессов, а во-вторых, взглянуть на Россию в ее трех основных геоэкономических «ипостасях» – европейская часть РФ, Сибирь и Дальний Восток (включая Север). При этом европейская часть российской экономики объективно тяготеет к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Западная Сибирь с ее топливно-энергетическим, сырьевым и металлургическим комплексами также больше обращена на Запад – на европейскую часть РФ и на ЕС, тогда как Забайкалье и Дальний Восток геоэкономически ближе к США.

Такой «бифокальный» взгляд на место России в современном мире позволяет, на наш взгляд, единственно верным образом увидеть в двух измерениях место России в АТР как *глобальной* экономики и как экономики *региональной*. Европейская часть российской экономики и в значительной степени Сибирь представлены в АТР как составные части глобальной российской экономики. К сожалению, пока глобальный характер экономики РФ ограничен рынками нефти, газа, редкоземельных металлов и весьма ограниченным набором высоких технологий (оборудование для АЭС, космические услуги, современные военные технологии и технологии двойного назначения).

Дальневосточная экономика России в отличие от европейской части РФ и Западной Сибири, напротив, предстает в АТР как экономика региональная. Отсюда вывод: России нужна такая политика в АТР, которая бы обеспечивала *региональную* интерпретацию общегосударственных *глобальных* российских интересов и общегосударственное *глобальное* прочтение *региональных* интересов субъектов РФ при учете их специфики.

При этом корректировку экономической стратегии было бы малополезным ограничить лишь учреждением новых министерств или выделением дальневосточникам дополнительных финансовых средств. Речь необходимо вести о создании на Востоке России таких *особых условий хозяйствования*, которые бы позволили этому региону эффективно адаптироваться к интеграционным процессам в США и АТР, имеющим свою *специфику* по сравнению с развитием западноевропейской интеграции.

С точки зрения долгосрочной стратегии, России важно участвовать в азиатско-тихоокеанской интеграции на всех уровнях: региональном – в рамках АТЭС, субрегиональном – Восточно-азиатский форум, межрегиональном – путем вступления в АСЕМ, на уровне двусторонних отношений и на уровне приграничного сотрудничества российских регионов.

Подключение России к интеграционным начинаниям в СВА возможно на первых порах в рамках концепции «специальной таможенной территории», предоставляющей дальневосточной экономике России больше стратегической тарифной и налоговой автономии. В перспективе интеграция западной и восточной частей российской экономики, соответственно, с ЕС и СВА, как раз и поможет РФ стать связующим звеном между западноевропейским и восточноазиатским интеграционными пространствами.

У России есть возможность, как это показывает опыт Китая, оговорить для нашего Дальнего Востока в ходе переговоров по присоединению к ВТО статус специальной таможенной территории, в принципе предусмотренный уставом ВТО.

Показателен пример Сянгана (Гонконга) – политически части КНР, экономически – особой территории и в таком качестве – члена ВТО. Противники такой точки зрения могут сказать, что Сянган – это особый случай и с этим замечанием нельзя не согласиться. Однако от этого чисто юридически картина не меняется: особый административный район КНР Сянган имеет статус специальной таможенной территории в рамках ВТО. Аналогичные идеи предоставления статуса специальной таможенной территории Северной Корее после ее объединения с Южной рассматриваются и южнокорейскими учеными.

Концепция «специальной таможенной территории» для российского Дальнего Востока имеет то преимущество, что позволяет избежать возможных коллизий стратегии России, направленной на создание единого экономического пространства с ЕС, с другой, пока не сформулированной, но объективно назревшей цели вхождения в единое экономическое пространство СВА.

Как представляется, углубленная дискуссия по вопросу о том, как учесть в единой стратегии экономического развития России требования создания единого экономического пространства РФ и ЕС и единого экономического пространства России и СВА, должна стать одной из приоритетных в практических поисках нашим правительством всеобъемлющей, то есть учитывающей геоэкономическую специфику Сибири и Дальнего Вос-

тока, стратегии экономического подъема РФ. Это бы и стало тем шагом от слов к делу, о важности которого уже говорилось выше.

Нужно при этом осознавать, что успех в этом деле вряд ли придет автоматически, поскольку полномасштабному использованию потенциала российского сотрудничества со странами АТР в настоящее время мешает целый ряд не только объективных, но и субъективных факторов:

1) отдаленность и отчужденность Центра и его властных структур от региона; 2) отсутствие крупных банков и надежных механизмов банковских взаиморасчетов, страхования и кредитования торговых операций, гарантирования взаимных расчетов и репатриации прибыли; 3) неотлаженная система рассмотрения споров в арбитраже; 4) сохраняющиеся в России внеправовые препятствия на ввоз иностранного капитала в страну (имеются в виду препятствия бюрократического и криминального свойства); 5) слабая развитость транспортных сетей.

В последние годы российским руководством предпринимаются правильные меры по большей интеграции Востока РФ в экономическую жизнь всей России, а также по его подключению к сотрудничеству с США. Так, осуществляются решения о диверсификации трубопроводных маршрутов и развитии восточного направления энергетического экспорта страны, в рамках которых основное значение придается реализации крупного инфраструктурного проекта нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) от станции Тайшет до бухты Перевозная. После долгих проволочек в последнее время здесь, наконец, началось ускоренное строительство первой очереди – от Тайшета до Сковородино, где к осени 2007 г. пройдено свыше 1100 км, и в 2008 г. стало вероятным введение этого участка в эксплуатацию.

В случае успешной реализации проекта ВСТО в деле развития масштабного сотрудничества России со странами АТР откроются новые серьезные возможности. По оценкам Института геологии нефти и газа СО РАН, добыча нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке к 2020 г. может составить 90 млн т. Оптимистичны и прогнозы по перспективам добычи природного газа: в 2015–2020 гг. РФ, по этим же оценкам, будет способна экспортировать в АТР 100–140 млрд куб. м газа в год.

Вот почему развитие крупномасштабных российских проектов по поставкам нефти и газа в Северо-Восточную Азию может в значительной степени решить не только вопросы диверсифика-

ции энергетического экспорта, но и дать толчок экономическому развитию районов Дальнего Востока и Сибири в целом, поскольку будет эффективно содействовать привлечению иностранных инвестиций.

Следует особо подчеркнуть, что, реализуя свою новую экспортную энергетическую стратегию, Россия не может позволить себе упустить время. Да, на энергетический потенциал России в АТР возлагаются надежды. Но за последние годы Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона пытаются проводить широкую – многовекторную – политику энергообеспечения. В случае с КНР речь идет не только о мобилизации внутренних ресурсов на примере строительства гидроэлектростанции Санься на реке Янцзы, сооружения газопровода «Запад–Восток» из Синьцзяна в Шанхай, но и о поиске альтернативных внешних источников. Упомянем в этой связи нефтепровод «Атасу–Алашанькоу» из Казахстана в Синьцзян, активные действия Китая по закупке нефти в различных странах Африки (Ангола, Нигерия, Судан) и в Латинской Америке (Венесуэла), подписание соглашения о поставках природного газа из Туркменистана в Китай с последующей перспективой строительства газопровода в КНР через Узбекистан.

В этом контексте особое значение имеет налаживание хозяйственного, в частности энергетического, сотрудничества *России с Китаем*, поскольку оно способно кардинальным образом активизировать экономическую стратегию РФ в отношении СВА и АТР в целом, а также поднять стратегическое взаимодействие и партнерство РФ и КНР на новую высоту. Всестороннее углубление российско-китайского добрососедства и многопрофильного экономического взаимодействия, включая и начинания инфраструктурного характера, может придать долгожданный мощный импульс подъему Сибири и Дальнего Востока, а также эффективно содействовать объявленной в КНР программе подъема Северо-Востока и Запада КНР, позитивно сказаться на общем климате сотрудничества в АТР.

Для развития сотрудничества двух стран, в том числе и на «трансграничном» направлении, существуют объективные, научно выверенные предпосылки. Так, ученые ИДВ РАН и Института экономических стратегий РАН сначала раздельно, а потом и сообща провели углубленные системные комплексные исследования становления и роста совокупной мощи Китая и России на основе оригинальной девятифакторной методологии определения совокупной мощи страны, предложенной членом-корреспонден-

том РАН Б.Н. Кузыком, директором Института экономических стратегий РАН. Эти девять факторов, которые подробно проанализированы выше, таковы: 1) управление, 2) территория, 3) природные ресурсы, 4) народонаселение, 5) экономика, 6) культура и религия, 7) наука и образование, 8) вооруженные силы, 9) внешняя политика.

В течение 2005–2006 гг. на основе этой методологии было проведено сравнительное изучение внутренних и внешних факторов, благоприятствующих или препятствующих мирному подъему каждой из двух стран. Результаты исследования нашли свое выражение в совместной монографии двух институтов «Китай – Россия 2050: стратегия соразвития». В 2007 г. работа была переведена и издана и в КНР. Главный вывод, который вытекает из этого комплексного исследования, таков: стратегия решения задач мирного развития и подъема как Китая, так и России при адекватном понимании важнейших внутренних и внешних факторов такого развития в глобализирующемся мире *требует координации и долговременного сотрудничества на основе стратегии соразвития.*

Разумеется, эволюция событий по такому оптимальному – кооперационному – варианту не является автоматически гарантированной. Дальнейшая неизменно поступательная динамика в двусторонних отношениях требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, компромиссов и учета интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыткам внешних и внутренних сил играть на реальных и мнимых трудностях и естественно возникающих противоречиях между нашими странами. Однако такая работа воздастся сторицей, поскольку отвечает коренным интересам внутреннего развития России и Китая, а также упрочения их международных позиций, в том числе в таком бурно развивающемся регионе мира, как АТР. Широкое сотрудничество и разностороннее взаимодействие двух великих государств, демонстрирующих модель подлинно миролюбивых двусторонних и многосторонних отношений, – значимый фактор укрепления международного мира и безопасности.

На настоящем этапе особую важность для развития российско-китайского экономического сотрудничества имеет активизация взаимодействия двух стран *в энергетической сфере.* Принципиальное значение здесь имеет вопрос о строительстве нефтепроводов из России в Китай. В марте 2006 г. во время визита

президента РФ В.В. Путина в КНР был заключен ряд соглашений о развитии российско-китайского сотрудничества в области энергетики. В частности, были подписаны протоколы об ускоренном изучении вопроса о строительстве ответвления «Сковородино-Дацин» от уже упоминавшегося нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО), о сооружении двух газопроводов – из Западной Сибири через Алтай на запад КНР и из Восточной Сибири на Дацин, а также о поставках в Китай электроэнергии из Восточной Сибири.

Существуют два пути углубления сотрудничества РФ и КНР в развитии нефтегазовой промышленности Китая. Первый путь – это оказание помощи Китаю в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений страны по контрактам, что позволит трудоустроить большую часть российских геологоразведчиков и обеспечить безбедное существование российским научно-исследовательским институтам нефти и газа. Другой путь – решение проблемы за счет существенного роста поставок в КНР нефти из РФ, что позволит обеспечить до 1/3 объема китайского нефтяного импорта. Однако при отсутствии нефтепровода и наличии лишь одного пункта погранперехода на пути нефти из РФ в КНР по железной дороге (Забайкальск–Маньчжурия) существенно увеличить объем экспорта в Китай пока представляется затруднительным. Поэтому-то вопрос о строительстве нефтепроводов из РФ в КНР имеет принципиальное значение.

В свое время было подписано соглашение о разработке ТЭО нефтепровода «Россия–Китай» с возможным выходом в сопредельные страны. По нему в КНР за 30 лет эксплуатации должно быть поставлено около 700 млн т нефти. Идет разработка ряда проектов в сфере поставки газа в Китай из Западной Сибири, прежде всего на базе Ковыктинского газоконденсатного месторождения с последующим выходом на Корейский полуостров и Японию. По оценкам экспертов, реализация нефтегазовых проектов способна дать в ближайшие годы многомиллиардную прибавку товарообороту между Россией и Китаем. Центрально-азиатский вариант российско-китайской «нефтетрубы» предусматривает транспортировку российской нефти в Синьцзян через небольшой транзитный участок по казахстанской территории.

Значение всех этих проектов состоит в том, что они будут содействовать формированию новой, более эффективной конфигурации энергетических связей в СВА, которые позволят обеспечить быстро растущую потребность стран Азии в энергетическом

сырье, прежде всего в высокоэффективных, экологически чистых его видах, каким является природный газ, уменьшить зависимость азиатских государств от поставок из нестабильного региона – Ближнего Востока. И ряд стран спешит воспользоваться этой возможностью. Еще в 2002 г. был поднят вопрос о поставках в Японию российской нефти. Ряд обозревателей указал на возможность соперничества Китая и Японии за российские энергоресурсы. Однако хотелось бы поставить вопрос в иной плоскости: следует думать и предпринимать шаги в направлении создания единой энергосистемы в СВА в интересах всех стран региона. В перспективе к ней могли бы подключиться и другие азиатские страны.

Вопрос о строительстве нефтепроводов из России в Китай приобретает не просто растущее значение, а становится гарантией углубления стратегического партнерства двух стран, ибо РФ могла бы оказать реальную помощь КНР в решении проблемы ее нефтяной безопасности, столь остро стоящей перед этой дружественной страной. Это, в свою очередь, позволило бы углубить сотрудничество с КНР на основе взаимовыгоды и соразвития в подъеме экономики и социальной сферы Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, и Северо-Востока и западных районов Китая – с другой. Причем речь идет не только об упоминавшемся ответвлении от нитки строящегося нефтепровода ВСТО. Весьма перспективным является маршрут из Западной Сибири (проект «Томск–Карамай»), пролегающий на запад Китая в Синьцзян через перевал Канас на Алтае.

Кроме того, в аспекте энергетического сотрудничества подписаны соглашения об увеличении поставок электроэнергии из Сибири в Китай.

Шансы, предоставляемые на восточном направлении энергетического экспорта с их узловым пунктом – реализацией намеченных программ российско-китайского сотрудничества – не должны быть упущены. В случае своего успешного осуществления проекты российско-китайского энергетического взаимодействия могут стать положительным примером и для других стран АТР, остро нуждающихся в импорте углеводородного сырья, а также послужить своего рода мостом на другие рынки региона. С учетом того, что рынок нефти и нефтепродуктов СВА в ближайшие десятилетия будет расти в основном за счет Китая, именно китайское направление может рассматриваться как основное с точки зрения перспектив роста российского нефтегазового экспорта.

Российско-китайское сотрудничество в области транспорта. Серьезные возможности и перспективы, в том числе с точки зрения общего подъема дальневосточных регионов, приобретает взаимодействие РФ и КНР в такой структурообразующей отрасли, как железнодорожный и автомобильный транспорт. Российско-китайские инфраструктурные проекты объединяет идея создания Единой системы транспортных коридоров на евро-азиатском континенте с участием России, Китая и центральноазиатских государств.

Взаимодействие в данной сфере важно и потому, что в настоящее время состояние российских транспортных магистралей и пропускная способность погранпереходов являются одним из факторов, которые сдерживают дальнейшее развитие двусторонних торгово-экономических отношений. Конкретным примером является отсутствие моста через реку Амур в районе Благовещенск – Хэйхэ, что делает этот важный погранпереход слабым звеном в сопоставлении с переходами Суйфэньхэ–Гродеково, Забайкальск–Маньчжурия и даже новым КПП Хуньчунь в провинции Цзилинь на границе с Южным Приморьем. Кроме того, именно дефект этого звена не позволяет «замкнуть» единое железнодорожное транспортное кольцо между российским Дальним Востоком, Северо-Востоком КНР и КНДР с выходом на крупные промышленные центры Южной Кореи, хотя ведь создание единого транспортного кольца вполне реально с учетом потенциала уже имеющейся дорожной сети в этих районах.

Строительство моста на погранпереходе Благовещенск–Хэйхэ приобретает особую актуальность в свете реализации проекта *Транссибирского контейнерного моста «Европа – АТР»*, в рамках которого возможности данного участка могли бы играть серьезную и все возрастающую роль. Потенциальное значение Транссибирского моста с позиций интересов обеих сторон трудно переоценить. Для Китая Трансиб (равно как и появление нового эффективного выхода на него через Хэйхэ) имеет большое значение не только с точки зрения расширения торговли с европейской частью России и Восточной Сибирью, но и с позиций дальнейшего наращивания китайского товарооборота со странами Восточной Европы и Финляндией.

Модернизация Транссиба, подключение Транскорейской магистрали позволят говорить о создании высокоэффективного Евразийского транспортного коридора, который вдвое сократит время поставки грузов из Восточной Азии в Европу по сравнению

с морским путем, а также удешевит транспортировку. Россия же получила бы дополнительные возможности по полномасштабному использованию преимуществ своего географического положения как трансконтинентального моста между Европой и Азией. По мнению ученых Сибири и Дальнего Востока, привлечение иностранных перевозчиков, и прежде всего задействование контейнеров для работы на Транссибе позволили бы не только «торговать пространством» с ощутимой для себя выгодой, но и снизить тарифы при перевозке отечественных грузов. Для того чтобы имеющиеся возможности обрели реальность, необходимо строительство моста и решение еще целого ряда насущных проблем: о гарантированных сроках доставки, о конкурентоспособных тарифах, страховых гарантиях, сервисном обслуживании, а также проблем по другим базовым направлениям в рамках требований схем современной логистики.

Говоря в целом, сотрудничество в железнодорожной сфере стало основой российско-китайского взаимодействия в области транспорта. В настоящее время на железные дороги приходится 65% всего объема грузооборота между Россией и КНР. В частности, пока не построен трубопровод из РФ в Китай, железные дороги будут продолжать нести основную нагрузку по транспортировке в КНР российской экспортной нефти. Так, в 2006 г. реальный объем таких поставок составил порядка 9 млн т при задаче довести его до 15–20 млн т. В последнее время состоялись межправительственные переговоры о дальнейшем расширении сотрудничества между нашими странами в области поставок углеводородов железнодорожным путем.

Другой проект – развитие Байкало-Амурской магистрали позволит приблизить имеющиеся месторождения полезных ископаемых в Бурятии, Якутии, Читинской и Амурской областях и Хабаровском крае к имеющимся транспортным путям, в частности, к Транссибу и морским портам (Владивосток, Находка, Совгавань, Ванино) и к погранпереходам с КНР, КНДР и Монголией.

Большое значение в развитии межрегионального сотрудничества в АТР имеет *автомобильный транспорт*. В настоящее время прорабатываются вопросы транзитных перевозок китайских грузов в порты на Дальнем Востоке России. В Китае уже давно готовы к такому развитию событий. В частности, там планируется открыть автомагистрали класса «экспресс-вэй» из Даляня в Хэйхэ, из Маньчжурии в Суйфэньхэ и из Муданьцзяна в Хуньчунь. Однако реализация программы развития транспортной сети

на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье пока далека от своего завершения. Строительство и реконструкция автодорог идет медленными темпами, а сооружение погранпереходов заключается лишь в увеличении таможенных постов на российской стороне, но не в расширении дорог и увеличении дорожных полос. В результате, низкая пропускная способность дорог в значительной мере сдерживает не только развитие приграничного межрегионального сотрудничества, но и общую динамику торгово-экономических отношений как с КНР, так и с другими странами региона. Наибольшие шансы быть построенной в относительно сжатые сроки существуют у автодороги, которая должна связать Россию и Китай в Алтайском регионе. Однако и у этого проекта, не говоря уже о проектах газопровода и железной дороги через Алтайский коридор, существует немало противников среди региональных экологов и политиков, которые опасаются разрушения уникальной природной среды и «диффузного» проникновения китайцев на территорию РФ.

Тем не менее активизация сотрудничества в сфере дорожного строительства, сооружения мостов, общего развития транспортной инфраструктуры (наряду с энергетической) позволит дать толчок экономическому развитию регионов российского Дальнего Востока и Сибири, создать новые рабочие места, привлечь новые инвестиции как из европейской части России, так и из-за рубежа, создать условия для миграции в регион рабочей силы из перенаселенной европейской части РФ.

Огромные резервы сотрудничества таятся в сфере развития *авиасообщения* между регионами России и Китая, а также технического оснащения и/или обслуживания авиатранспорта, авиастроения, а также в освоении космоса.

Благодаря принятию китайским правительством в августе 2003 г. стратегического решения о превращении Северо-Восточного Китая (Дунбэя) в четвертый быстро развивающийся регион в КНР, открылись дополнительные перспективы для комплексного развития экономических связей КНР и российского Дальнего Востока и Сибири.

В последние десятилетия экономика Дунбэя испытывала значительные сложности, вызванные стечением ряда неблагоприятных обстоятельств. Для интенсификации развития этого региона китайским правительством начата модернизация здесь ряда важных отраслей, в том числе энергетики, нефтехимии, автомобилестроения, металлургии, судостроения и ВПК. Думается, что это

те сферы, где Россия может продемонстрировать ценный опыт и стать компетентным партнером для Китая.

В связи с новой комплексной программой подъема старых промышленных баз для каждой из трех провинций Дунбэя определены основные направления развития.

В провинции Цзилинь долгое время доминировала тяжелая индустрия, и вследствие сложившейся диспропорции основные усилия реформирования будут направлены на развитие автомобилестроения, электроники, информатики, фармацевтики и пищевой промышленности.

Провинция Ляонин сосредоточит главные усилия на развитии машиностроения, электроники и информатики, производства стройматериалов, отрасли высоких и новых технологий, индустрии услуг, переработке сельхозпродукции и др.

Главным торговым партнером российского Дальнего Востока на протяжении длительного периода является провинция Хэйлунцзян. К основным направлениям экономической политики провинции в новых условиях относятся следующие:

- интенсификация развития транспортной инфраструктуры;
- оптимизация структуры российско-китайской торговли;
- углубление научно-технических исследований и разработок для создания собственных китайских технологий и продукции;
- внедрение и освоение технологий совместно с крупнейшими предприятиями России и других стран СНГ в опоре на пять китайско-российских центров научно-технического обмена, сотрудничества и индустриализации, созданных Академией наук провинции Хэйлунцзян при Хэйлунцзянской провинциальной академии сельскохозяйственных наук и некоторых других НИИ и вузах;
- поощрение и поддержание участия российских предприятий в перестройке промышленных объектов провинции;
- активизация связей с северным соседом путем укрепления производственно-хозяйственной интеграции с южными регионами страны;
- привлечение российских высококвалифицированных специалистов;
- стимулирование притока иностранного капитала в целях содействия развитию сельского хозяйства;
- оптимизация структуры и повышение качества промышленной продукции;
- расширение сотрудничества с Россией в сфере освоения ее природных ресурсов.

Усилия других провинций Северо-Востока КНР во многом аналогичны тем направлениям, по которым работает провинция Хэйлунцзян, но степень интенсивности этой деятельности варьируется в зависимости от экономических интересов и возможностей каждой из Северо-Восточных провинций Китая.

В силу изложенных выше обстоятельств в начале XXI века в Дунбэе получают развитие: высокотехнологичные наукоемкие отрасли и производства; транспортная инфраструктура; разветвленная система транспорта углеводородов; агропромышленный комплекс; туристическая инфраструктура.

Понятно, что для того, чтобы быть плодотворным и взаимовыгодным, российско-китайское сотрудничество должно строиться с учетом соответствующих планов китайского правительства по развитию Северо-Востока КНР («Программа освоения западных районов Китая до 2050 г.») и, конечно же, исходя из установок российской «Программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья (до 2010 г.)». Наличие этих двух созвучных программ является *внутренней предпосылкой* для успешной активизации нового вектора российско-китайского экономического взаимодействия.

«Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья» делает акцент на усилении экспортного потенциала российских регионов за счет следующих отраслей:

– Топливо-энергетический комплекс. Начиная с 2007–2008 гг. регион должен превратиться в крупного экспортера нефти, природного газа, угля и электроэнергии.

– Рыбная промышленность. В указанные «Программой» сроки намечается осуществить строительство ряда новых рыбопроизводных заводов и развить береговые рыбообрабатывающие производства.

– Лесная промышленность. Предполагается, что объемы переработки древесного сырья будут расти в 1,6–3,3 раза быстрее объемов его заготовки.

«Программой» предполагается активное формирование инфраструктуры международного энергетического сотрудничества, основанного на разработке углеводородных ресурсов Дальнего Востока и Восточной Сибири. Наибольшие выгоды обеспечат проекты передачи природного газа и электроэнергии. В области передачи природного газа предполагается реализация нефтегазовых проектов на шельфе Сахалина, в «треугольнике» Сибирской платформы, на месторождениях Западной Сибири. Суммарный экспорт

природного газа может составить до 60–65 млрд куб. м в год. Электроэнергетические мосты в перспективе должны позволить экспортировать на основных направлениях до 6 млрд кВт/ч в год.

Эти задачи созвучны задачам «Программы освоения западных районов Китая», делающей акцент на преимущественное развитие энергетики, добывающей промышленности, разветвленной транспортной инфраструктуры, металлообработки. Конкретизирующая этот генеральный документ целевая «Программа-2010» намечает создание в КНР до 2010 г. шести региональных экономических зон, куда входили бы территории Китая и прилегающие районы стран-соседей, в том числе российского Дальнего Востока и Забайкалья.

С учетом указанных факторов и обстоятельств приоритет в российско-китайском сотрудничестве будет отдан:

- развитию рыбохозяйственного комплекса, воспроизводству водных биологических ресурсов в естественных водоемах Сибири и Дальнего Востока;

- возрождению агропромышленного комплекса. В дальнейшем растениеводство Сибири предполагается специализировать на товарном производстве продовольственного зерна с высокими технологическими свойствами и хлебопекарными качествами (Западная Сибирь) и картофеля (устойчивый внутренний рынок сбыта – Дальний Восток);

- созданию разветвленной туристической и социально-бытовой инфраструктуры;

- на основе полученных от государственных экологических служб заключений – созданию на базе естественных экосистем природных ландшафтов и комплексов типа «Сафари-парков», а также «Памятников природы под открытым небом» с развитым гостиничным хозяйством;

- организации русских культурных центров в провинциях Дунбэя, а также Северо-Западного Китая для углубления изучения русского языка, истории и культуры России, и китайских культурных центров – в российских регионах.

Несмотря на то, что Программа возрождения экономики Дунбэя делает только первые шаги, у российских областей в ходе экономических реформ уже сложились с этим регионом тесные производственные, торгово-экономические, научные и другие связи, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные. В начале XXI века объем приграничной торговли регионов Российской Федерации с китайскими провинциями Хэйлуцзян, Ляонин, Цзилинь, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский авто-

номный район (СУАР), устойчиво составлял порядка 40% товарооборота между Россией и Китаем, или более 80% всей приграничной торговли КНР с сопредельными государствами.

Продолжающийся экономический рост в Китае обуславливает потребность в стабильных и возрастающих год от года поставках ряда российских товаров. Хотя удельный вес России в совокупном импорте КНР был и остается относительно небольшим (2,2%), однако по ряду товаров данный показатель многократно выше. В частности, за счет российских поставок в начале 2000-х годов удовлетворялись импортные потребности Китая: в деловой древесине – более чем на 60%, в бумаге и целлюлозе, а также в черных металлах – порядка 20, удобрениях – более 40, в рыбе и морепродуктах – около 60, в сырой нефти – более чем на 4%. Россия остается источником получения Китаем ряда передовых технологий.

Наиболее важным и полезным для российской стороны является сотрудничество по вопросам создания совместных технопарков и зон освоения высоких технологий. Так, провинция Ляонин намерена выделить в технопарках Шэньяна, Даляня и Аньшаня специальные зоны для использования высоких и новых технологий из России. Местные власти готовы предоставить российским предприятиям налоговые льготы. Основные направления сотрудничества – биоинженерия, информатика, новые материалы, охрана окружающей среды и т.п. Перспективным является продвижение на мировой рынок своих разработок «хай-тек», в связи с этим следует активизировать торговлю технологиями. Основные направления здесь: ядерная энергетика, космонавтика, электроника. Китайские технологии экспортируются в Россию в небольшом количестве и в основном сконцентрированы в таких областях, как электроника, связь и др.

Немаловажным стимулятором роста объемов и качества двусторонних межрегиональных отношений продолжают оставаться проводимые в приграничных регионах двусторонние и многосторонние выставки и ярмарки. Так, в 2004 г. и в 2007 г. в Москве состоялись крупные комплексные китайские выставки, в частности, машин, оборудования и технологий, призванные продемонстрировать возможности расширения взаимовыгодного сотрудничества во многих сферах промышленности и материального производства, а также в области создания и внедрения технологий для малого и среднего бизнеса.

Совпадающими факторами, учитываемыми и в китайской, и российской программах, являются малая населенность (особен-

но в России и относительно малая в случае Китая) сопредельных провинций и областей двух стран и, соответственно, ограниченные возможности внутреннего накопления на этих территориях, большая потребность в государственной финансовой поддержке и в привлечении внешних факторов экономического роста. По подсчетам ученых-дальневосточников, при реализации «Программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья (до 2010 г.)» ожидаемые валовые иностранные инвестиции в период 2002–2010 гг. по программным объектам составят более 8 млрд долл. Значительная часть этих средств будет инвестирована по линии проектов «Сахалин», «транспортные коридоры» и «энергомост». Задача специалистов и политиков двух стран состоит в координации и синхронизации российской и китайской программ экономического развития, чтобы избежать негативных последствий конкуренции за иностранные инвестиции и выявить новые варианты расширения взаимной кооперации.

При наличии определенных достижений в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве все же остаются сферы, в которых взаимодействие развивается медленно. К ним следует отнести финансово-банковское сотрудничество. Хотя представителя Внешэкономбанка, Внешторгбанка, Росбанка, а также Московского Народного банка и действуют на территории КНР, а в Москве с апреля 1994 г. функционирует банк «Элос» (отделение Банка Китая), однако основной объем расчетов двусторонней торговли по-прежнему ведется через банки третьих стран (в первую очередь США).

Конечно, за последние годы положительные сдвиги отмечены и в этой области, но, видимо, далеко не все бизнесмены оповещены о них или заинтересованы в их результатах. Так, в 2003 г. Строительный банк Китая и Сберегательный банк РФ подписали соглашение о сотрудничестве в ведении расчетов в национальных валютах в сфере приграничной торговли. Банки уполномочили свои филиалы в г. Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) и Благовещенске открывать счета в юанях и рублях, однако среди деловых людей обеих стран данная услуга пока не столь популярна, как это можно было ожидать.

Серьезным препятствием на пути укрепления доверия российской общественности, делового мира РФ и администраций российских регионов к экономическому партнерству с Китаем является отсутствие серьезной динамики и активности КНР в области инвестиционного сотрудничества с Россией даже в тех сферах, где

Китай серьезно заинтересован в получении той или иной продукции или сырья из РФ. Мизерный объем и короткий сиюминутный характер китайских инвестиций, сумма которых, по нашим оценкам, не достигает 1 млрд долл., не создают условий для развития долговременного взаимодействия и порождают недоверие к китайским партнерам.

В контексте экономического сотрудничества РФ с другими районами АТР для некоторых районов российского Дальнего Востока, таких, как Чукотка, Магаданская область, Камчатка, является приоритетным *взаимодействие с США и Канадой*. Признавая всю значимость и полезность сотрудничества восточных регионов РФ с Китаем, следует отметить, что диалог с этими североамериканскими странами может быть целесообразен для российского Дальнего Востока при необходимости создания противовеса чрезмерной ориентации внешнеэкономических связей некоторых его областей на страны СВА. В свою очередь, для США и Канады сотрудничество с восточной частью России дает возможность сделать их экономическую политику в Азии более сбалансированной.

Можно сделать вывод, что *полноценное включение азиатской части России, и прежде всего Дальнего Востока и Сибири в систему мирохозяйственных связей представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития этих российских регионов и государства в целом, устойчивого наращивания экономического потенциала и укрепления позиций РФ в мировой экономике*. При этом азиатско-тихоокеанское направление естественным образом должно обрести ключевое значение в стратегии встраивания российского Дальнего Востока в мировое хозяйство. Именно эта идея еще несколько лет назад подчеркивалась в докладе Института Дальнего Востока РАН на первом Байкальском экономическом форуме в Иркутске (сентябрь 2000 г.). Эти предложения были включены в аналитический доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Стратегия развития России в АТР в XXI веке» и доложены руководству страны. В докладе Совета Федерации отмечалось также «первостепенное значение» создания международной транспортной инфраструктуры и международной топливно-энергетической системы СВА, охватывающей Сибирь, Дальний Восток и наших соседей по региону.

Очевидно, что без существенной активизации экономической политики центрального и местных правительств, ускоренного расширения сотрудничества между внутрироссийскими и иност-

ранними инвесторами, поэтапной интеграции в экономику США и АТР, коренного перелома в миграционной политике и скорейшего создания условий для привлечения значительных масс внутренних и внешних мигрантов Россия не сможет ни решить внутренние задачи по ускорению развития этих богатейших регионов, ни мобилизовать для этих целей внешние ресурсы экономического и инвестиционного сотрудничества.

Проблема, однако, в том, что США является относительно новым для федеральных властей России субъектом глобальной экономики. Несмотря на имеющиеся большие возможности взаимодействия РФ и США, у российского правительства и администраций восточных регионов страны пока нет цельной эффективной стратегии включения РФ и ее сибирских и дальневосточных регионов в интеграционные процессы в США.

В этих условиях особое значение имеет вопрос о выработке реалистичной и взвешенной политики и стратегии включения дальневосточных районов РФ в систему мирохозяйственных связей. Такая стратегия должна формироваться с учетом потребностей, возможностей и интересов восточных регионов и России в целом, строиться на базе анализа доминирующих тенденций в наиболее важных для нас сегментах мирового рынка, а также перспектив развития экономических (внешнеэкономических) комплексов основных стран АТР – партнеров РФ, и прежде всего, – КНР. Наличие такой стратегии позволит заметно уменьшить потери от несогласованности действий российских экспортеров на внешних рынках, будет содействовать улучшению инвестиционного климата в регионе.

В концептуальном плане в основе экономической деятельности РФ в АТР могла бы быть политика «регулируемой открытости», которая должна состоять из следующих основных компонентов:

- признание объективного характера интеграционного процесса в АТР, необходимость постоянного анализа его движения под углом зрения обеспечения российских интересов;

- признание роли государства как основного регулятора темпов, сроков, хозяйственных сфер, предназначенных для открытия вовне;

- опора на экономические методы и механизмы регулирования интеграционного процесса – кредиты, налогообложение, уровень учетных и кредитных ставок, размер пошлин и т.п., при минимальном (только в крайнем случае) использовании административных рычагов;

– активное государственное содействие адаптации частных компаний к новым условиям внешнеэкономической деятельности, порожденных процессами глобализации и регионализации.

Одним из ключевых принципов плодотворной внешнеэкономической политики должно быть *взаимодействие государства и предпринимателей в достижении стратегических целей на региональном и глобальном уровнях*. Для этого представляется целесообразным провести ревизию существующих мер государственной поддержки предпринимательства, предоставить ему льготное финансирование, щадящий таможенный режим, но при этом государство должно иметь безусловное право контролировать и определять экономическими методами объемы и основные направления торговой и инвестиционной деятельности частного капитала.

Основным критерием целесообразности финансирования из Центра соответствующих программ должно быть повышение эффективности основных отраслей экономики Дальневосточного региона, имеющих общероссийское значение (транспорт, оборона страны, добыча и переработка полезных ископаемых, создание зон отдыха и туризма).

Как уже говорилось, существуют различные формы и проекты международной региональной интеграции, применимые в условиях российского Дальнего Востока и Сибири. Они включают как практические шаги по созданию особых экономических зон на границе с соседними странами, особенно с Китаем, транснациональные проекты «Кольцо Японского моря» и т.п., так и реализацию крупных международных транспортных начинаний (модернизация Транскорейской железнодорожной магистрали и соединение ее с Транссибом, развитие инфраструктуры БАМа, обновление и строительство новых морских портов, сооружение нефте- и газопроводов, ЛЭП и т.д.).

На наш взгляд, в нынешних условиях рациональным путем к достижению целей дальнейшего социально-экономического подъема Востока РФ является, как говорят в Китае, курс «идти на двух ногах». Это означает, с одной стороны, подключение России к двусторонним и многосторонним проектам, прежде всего с КНР, Японией, Индией, Монголией, Вьетнамом, Северной и Южной Кореей. С другой стороны – это деятельность России в рамках различных экономических и политических региональных организаций, а параллельно и непосредственно с этим – решение вопросов социально-экономического подъема прилегающих российских областей.

Губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев, руководители других краев и областей восточных регионов, авторитетные представители деловых кругов, ученые Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, ученые ИДВ РАН многократно в течение последних 15 лет выдвигали целый ряд взвешенных и посильных для реализации предложений и проектов. Однако дело движется далеко не теми темпами и не в тех масштабах, которых настоятельно требует жизнь.

Особое значение имеет практическое решение проблем, связанных с обеспечением роли России как трансконтинентального транспортного моста между Восточной Азией и Европой. Здесь необходимо найти разумное разделение труда и базу для кооперации с конкурирующими китайскими проектами этого моста «Ляньюнган–Урумчи–Алашанькоу–Дружба» с выходом на Иран и Турцию.

Представляется перспективным сотрудничество России и Китая в дифференцированном и целевом привлечении иностранной рабочей силы для освоения малонаселенных российских дальневосточных районов при безусловном соблюдении норм иммиграционного законодательства и контролирующем сотрудничестве со странами–экспортерами рабочей силы (в пользу этого неоднократно высказывалось китайское руководство).

Серьезного внимания заслуживает и другой актуальный вопрос. Одним из важнейших факторов, определяющих создание благоприятного инвестиционного климата в регионе, является развитие *межбанковского сотрудничества*. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в соответствующей области, о которых упоминалось выше, в настоящее время российские региональные банки слишком маломощны, их банковские активы не позволяют обеспечивать необходимые финансовые гарантии для привлечения иностранных инвестиций на цели реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов на территории российского Дальнего Востока. Поэтому, на наш взгляд, заслуживает всестороннего обсуждения идея создания совместными усилиями заинтересованных стран (Китай, Россия, Япония, РК с участием США) Международного банка развития Северо-Восточной Азии. Идея его создания возникла еще в 1990 г., и вплоть до 2002 г. этот проект оставался единственным предложением по созданию институциональной структуры, которая могла бы привлекать необходимые средства на развитие инфраструктуры в СВА. Основной задачей этого банка должно быть привлечение средств на созда-

ние инфраструктуры в России, КНР, Монголии и КНДР. Однако и по сей день в СВА отсутствует какая-либо финансовая структура, занятая поиском капиталов для развития энергетического, транспортного и сырьевого потенциала стран СВА. Отсутствует в регионе и надлежащая координация различных научно-исследовательских, общественных, экономических и иных организаций в различных сферах сотрудничества.

Следует также иметь в виду опыт российско-китайских межбанковских связей. До последнего времени в Китае хотя действовали представительства различных российских банков – Внешэкономбанка, Внешторгбанка, Росбанка, однако ни один из них не имел права вести хозяйственную деятельность, так как для этого, по китайскому законодательству, требуется наличие банковских активов не менее 20 млрд долл. Этому требованию среди российских банков соответствовал Сбербанк. Лишь недавно открылся в Шанхае филиал Внешторгбанка. В результате такого положения почти вся российско-китайская торговля ведется через банки третьих стран, в первую очередь США. Из-за слабости и разобщенности банковской системы Россия теряет не только упущенную выгоду, но и прямую в своих торгово-экономических отношениях со странами СВА.

В этих условиях было бы более оправданным создать одну мощную банковскую структуру на Дальнем Востоке или в Забайкалье с банковскими активами не менее 20 млрд долл., чтобы можно было работать на китайском рынке в соответствии с финансовым законодательством КНР – наподобие Русско-Азиатского банка в Иркутске, через который проходило финансирование проекта строительства Транссиба в конце XIX – начале XX века. Для работы с иностранными инвесторами на территории Сибири и Дальнего Востока целесообразно создать специализированный региональный Российско-Азиатский банк в Москве с филиалами в Иркутске, Хабаровске, Владивостоке и Новосибирске, в функции которого будет входить работа по привлечению иностранных инвестиций из стран АТР, кредитование крупных инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока и Сибири, а также российских инвестиционных проектов в странах АТР, работа с региональными, отраслевыми и коммерческими банками, предоставление кредитов под крупные торговые сделки на уровне межгосударственных соглашений и совместных региональных проектов, включая проекты по линии приграничной торговли и др.

Примечательно, что, развивая в последние годы практику взаимного обмена депозитами в национальной валюте в целях обеспечения финансовой стабильности на случай обвала валютных рынков, центробанки стран СВА (за исключением России) уже начали накапливать опыт позитивного сотрудничества.

В целях обеспечения силами самой России финансирования проектов социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока необходимо реализовать рекомендации Байкальско-го экономического форума о создании в РФ крупного Инвестиционного банка развития Сибири и Дальнего Востока как смешанного государственно-коммерческого инвестиционного банка при поддержке Центрального банка России или же с контрольным пакетом у ЦБ России и правительства. Этот банк смог бы сконцентрировать федеральные и все еще распыленные средства регионов.

Кроме того, для повышения покупательной способности населения Востока России было бы целесообразно учреждение межрегионального российско-китайского банка, ориентированного на кредитование населения.

Создание финансовой инфраструктуры российско-китайского экономического сотрудничества позволит развивать его в выгодном для обеих стран направлении. Россия заинтересована в китайских инвестициях в перерабатывающую промышленность Дальнего Востока и Восточной Сибири. Китай заинтересован в командировании в эти регионы своей рабочей силы. Эти две заинтересованности создают хорошую основу для обмена. Использование на прозрачной легальной основе китайской рабочей силы для развития перерабатывающих отраслей российской экономики к востоку от Урала поможет индустриализировать сырьевую структуру российского экспорта в Китай.

Равноправное инвестиционное, транспортное, энергетическое, научно-техническое, информационное и прочее взаимодействие с КНР следует строить так, чтобы не только привлекать китайский капитал в Россию, но и *способствовать выходу российского бизнеса на китайский рынок*, прежде всего, на Северо-Востоке и Северо-Западе КНР. В интересах России всячески содействовать реализации объявленных Пекином программ ускоренного развития этих китайских регионов. Поскольку плотность населения в них ниже, чем в среднем по КНР, то осуществление этих программ снизит «миграционный нажим» на российскую территорию, а освоение неразработанного природного потенциала этих

территорий поможет ослабить избыточное давление на природные ресурсы сопредельной России.

В предыдущих разделах достаточно подробно говорилось о проблеме *китайской миграции*. Следует вновь подчеркнуть, что единственный путь противостоять невыгодному для РФ сценарию развития этого вопроса заключается в укреплении экономической инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, причем в существенной мере именно за счет всемерного продвижения сотрудничества с Китаем и эффективного использования китайской рабочей силы. В свою очередь, меры по увеличению притока китайских инвестиций, увеличению плотности населения в приграничных областях РФ должны сопровождаться совершенствованием законодательной базы, регламентирующей миграционные процессы. В царской России около 20% населения городов Дальнего Востока составляли китайцы и корейцы, которые нанимались на работу в различные отрасли народного хозяйства – сельское хозяйство, промышленность, транспорт, в сферу услуг. В настоящее время в случае дефицита рабочей силы целесообразно привлекать рабочую силу из-за рубежа по заявкам регионов, составленным на основе потребностей предприятий. При этом должны предусматриваться экономические и другие механизмы, ограничивающие приток неквалифицированной рабочей силы.

На Дальнем Востоке рабочей силы недостаточно для освоения территории и природных ресурсов. В 2002 г. численность населения российского Дальнего Востока составляла 7,0 млн человек (4,9% общей численности населения России), плотность населения – 1,1 человека на 1 кв. км по сравнению с плотностью населения 8,4 человека на 1 кв. км в среднем по России. Происходит быстрое старение населения российского Дальнего Востока. Экономический и энергетический кризисы еще больше обостряют дефицит рабочей силы и ускоряют ее отток с Дальнего Востока. Несомненно, что придется платить большую цену за перемещение вновь рабочей силы на Дальний Восток.

В настоящее время, исходя из демографической ситуации в странах СВА решить проблему нехватки рабочей силы можно только за счет импорта рабочей силы из КНР и частично из КНДР, Вьетнама, Индии. В Японии и Республике Корея, а также на Тайване из-за старения населения также постепенно наступает дефицит рабочей силы, и они уже становятся конкурентами России на рынке рабочей силы, причем не только неквалифицированной или малоквалифицированной – рабочие по контракту из

КНР, но и высококвалифицированной – ученые, инженеры и техники из трудодефицитной России из-за низкого уровня оплаты труда.

Хотелось бы привлечь внимание к тому, что для России в деле импорта китайской рабочей силы из Северо-Восточных регионов КНР появился еще один сильный конкурент – быстро растущие приморские регионы Китая и крупные мегаполисы – Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу, которые в последние годы испытывают особую нехватку рабочей силы, например, Пекин и Шанхай – более 480 тыс. человек. Это побудило руководство этих регионов изменить закон о регулировании рождаемости, семьям разрешено иметь по 2 ребенка. Пекин и Шанхай ведут активную вербовку рабочей силы в Дунбэе. В 2004 г. Пекин привлек из провинции Хэйлунцзян более 120 тыс. рабочих.

Экспорт трудовых услуг из Китая в Россию является взаимовыгодным. Для Китая Россия – один из крупнейших рынков экспорта рабочей силы, а для провинции Хэйлунцзян – единственный рынок. Для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из КНР решает проблему нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве, которая сохраняется даже в условиях безработицы. В принципе добрососедство, интенсивное экономическое сотрудничество предполагают и требуют интенсивной миграции в приграничных районах обеих стран. Однако пока существенного роста импорта рабочей силы из Китая в Россию ожидать не приходится из-за застоя в российской экономике. Направление по плану избыточной рабочей силы в Россию из трех провинций Северо-Востока Китая сможет не только смягчить напряженность с рабочей силой в них, но и решить проблему дефицита рабочей силы на российском Дальнем Востоке, поскольку он не может быть компенсирован ни за счет внутренней миграции, ни за счет миграции из стран СНГ.

В дальнейшем расширение торгово-экономических связей с Китаем, которое важно для РФ и особенно для ее азиатской части, приведет к увеличению китайской диаспоры на территории России. О демографической «китайской угрозе» для нашей страны имеет смысл говорить только в случае правовой и административной бездеятельности или неорганизованности российской стороны. Разумеется, мы должны внимательно отслеживать ситуацию, которая может сложиться здесь, когда большая разность потенциалов относительной плотности населения на сопредельных территориях будет провоцировать демографическую экспан-

сию в той или иной форме со стороны перенаселенных пограничных регионов Китая. Для решения всех связанных с этим проблем самое эффективное средство – создание экономически сильной России и наращивание экономического потенциала на восточных территориях России – Дальнем Востоке и Сибири.

Мировой и отечественный опыт решения крупномасштабных задач, аналогичных задаче интенсификации экономического развития Дальнего Востока РФ и Сибири, говорит о том, что, помимо важных экономических и социально-культурных аспектов, особое значение в подготовке и реализации такого рода начинаний имеет *создание благоприятного, привлекательного идеологического и морально-политического облика этой задачи*. К сожалению, настойчивое распространение через СМИ крайне пессимистических, очернительских сценариев истории, состояния и перспектив этих регионов создавали весьма непривлекательную, порой отталкивающую картину, последствия чего сказываются до сих пор. В результате даже укоренившаяся здесь часть россиян порой утрачивает уверенность в будущем. Стоит ли говорить о привлечении сюда переселенцев из обжитых районов. Резко негативную роль, надо прямо сказать, сыграло и продолжает играть распространение всякого рода «ужастика» о некой «китайской экспансии», «китайской угрозе». Необходима позитивная пропаганда опыта развития Дальнего Востока и Сибири.

Возможные пути создания институциональной базы и механизмов для превращения Сибири и Дальнего Востока в *стратегическую базу интеграции* России в АТР видятся таковыми:

Учреждение субрегионального института, ответственного за формирование ресурсной и транспортной компоненты интеграции, работающего в координации с Банком развития СВА, а именно – Международного Совета по развитию транспорта и природных ресурсов СВА, о чем подробнее говорилось выше в настоящем разделе. Аналогично мог бы быть сформирован Совет СВА по субрегиональной научно-технической политике и Совет по координации макроэкономической и финансовой политики стран региона.

Для обеспечения совместного использования такого фактора производства, как рабочая сила, необходима скоординированная в рамках СВА миграционная политика. Для ее институализации может быть создан региональный Совет по управлению трудовыми ресурсами региона. Совет выработывал бы правила и квоты миграции рабочей силы в рамках СВА и осуществлял соответ-

вующий контроль с тем, чтобы не допускать случаев нелегальной миграции. В этих целях в рамках Совета могли бы быть сформированы единые многосторонние силы миграционной полиции. Финансирование работы Совета могло бы осуществляться за счет единого для стран СВА налога на ВВП.

Институционализация многостороннего сотрудничества в СВА выводит на идею формирования «Восточно-азиатского союза» как единого интеграционного объединения в Северо-Восточной Азии, аналогичного ЕС. Принципом его деятельности мог бы стать принцип «открытого регионализма», подразумевающий мобилизацию глобальных ресурсов для решения региональных проблем. Этот принцип исключает возможность превращения данной группировки в замкнутый альянс, ущемляющий интересы других участников глобальной экономики.

Все сказанное выше может кое-кому показаться утопичным. Однако, как говорил Нильс Бор, часто наиболее реалистичными и истинными оказываются именно безумные идеи. Эти идеи и проекты сегодня начинают активно обсуждаться в научных и деловых кругах СВА. России важно присоединиться к дискуссиям и сказать свое веское слово.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что решение задачи по плодотворному включению Востока России и всей РФ в систему международного разделения труда в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет стратегическое значение для жизнеобеспечения целостности и стабильного будущего нашей страны. Такое решение требует большой концентрации политической воли, широкой общественной поддержки, тесного взаимодействия и взаимопонимания законодательной и исполнительной ветвей власти как федерального, так и местного уровней. Необходимо также резкое повышение координирующей роли федерального правительства в дальневосточных и сибирских областях РФ, которое в том числе должно содействовать развитию там кредитно-финансового дела и устранению необоснованных препятствий на пути иностранных инвестиций, обеспечить государственное регулирование цен, рационально и результативно распределить взаимные обязательства между Центром и регионами.

Китай решает задачу «мирного возвышения», Россия – динамичного экономического возрождения. На наш взгляд, это создает предпосылки для координации планов двух стран. РФ заинтересована в стыковке планов развития Сибири и Дальнего Востока с китайскими проектами возрождения старого индустриального района на

Северо-Востоке КНР, где десятки крупнейших предприятий создавались в 1950–1960 гг. на основе советских технологий. Наше участие в их модернизации создаст России новые рабочие места и оживит простаивающие производства. РФ необходима также реалистичная политика по привлечению рабочей силы из Китая, включая сдачу объектов в долговременную концессию. При необходимом правовом обеспечении такое сотрудничество позволит строить дороги, жилье и социально-культурные объекты на востоке России.

И наконец, объективные реалии таковы, что Китай является одним из основных, если не основным каналом вхождения России в интеграционное поле в Восточной Азии и АТР в целом. Поэтому не будет лишним еще раз подчеркнуть, что *подлинная интеграция нашей страны в АТР и социально-экономический подъем Сибири и Дальнего Востока невозможны без тесного сотрудничества с огромным восточным соседом*. Содействие КНР в выдвижении России на интеграционное поле АТР весьма важно для реализации долгосрочных интересов нашей страны не только на региональном, но и на планетарном уровнях.

Сегодня мир переживает непростой период перемен и формирования новой архитектуры международных отношений. Процессы глобализации, борьба с международным терроризмом, распространением ядерного и других видов оружия массового уничтожения, наркотрафиком, незаконной торговлей оружием и другими так называемыми нетрадиционными угрозами сделали безальтернативной необходимость активизации широкого сотрудничества всех участников международного сообщества.

В коренных национальных интересах РФ – уметь вести диалог и сотрудничество не только с Западом, но и с Востоком, и в этом – гарантия достойного места России в мире.

Активное и всестороннее участие РФ в процессах экономической интеграции в АТР, прежде всего сотрудничество с нашими дальневосточными соседями, относится к числу актуальнейших общенациональных приоритетов, является неотъемлемым условием решения задачи экономического подъема не только Сибири и Дальнего Востока, но и страны в целом. Эта не имеющая альтернативы важнейшая задача обладает благоприятным потенциалом решения, поскольку она встречает со стороны КНР, АСЕАН, Республики Корея, Японии, Индии и других стран региона растущее понимание и готовность к целенаправленному взаимодействию. Такое взаимовыгодное сотрудничество можно действительно осуществлять на путях продуманной интеграции и реали-

зации взаимовыгодных инфраструктурных проектов, в том числе в энергетической и транспортной сферах.

Реализуя стратегию «экономического выхода в АТР», России необходимо тщательно использовать весь потенциал развития сотрудничества – от двустороннего (с КНР и с другими странами региона) до многостороннего, активно подключаться к перспективным интеграционным проектам, в частности, в рамках АТЭС, членом которого РФ, как известно, является с 1998 г.

В целях придания линии России на подключение к азиатско-тихоокеанской интеграции официального и научно обоснованного характера представляется целесообразной совместная разработка МЭРТ и НИИ РАН концепции по оптимизации российского участия в соответствующих процессах, которая предусматривала бы комплексный, всесторонний подход, координацию действий всех российских участников, взаимосвязь внешних и внутренних факторов интеграции. Такие разработки давно ведутся в Институте Дальнего Востока РАН, в Институте экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск), но пока эти исследования не востребованы руководством МЭРТ.

Высказанные выше соображения, естественно, нуждаются в дальнейшей проработке российскими, китайскими специалистами, а также объективными экспертами из других стран. В этом, наверное, и заключается смысл научных контактов и публикаций – обращать внимание не только на достижения, но и на проблемы, а еще – искать новые подходы и ставить новые вопросы, а затем снова и снова искать на них ответы. Искать сообща. Искать в интересах наших стран, наших экономик, наших людей.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И АСЕАН

Упрочение позиций России в формирующемся едином экономическом пространстве в СВА создаст предпосылку для подключения РФ к механизмам интеграции типа «АСЕАН+Китай», «АСЕАН+Япония» или «АСЕАН+3».

Следует с удовлетворением отметить, что руководство Российской Федерации не только осознает важность процессов интеграции в Азии, но и предпринимает активные шаги по подключению России к этим процессам. Естественный интерес при этом

проявляется к сотрудничеству с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Эта организация играет весьма заметную роль в создании многосторонних кооперационных механизмов в АТР. В последнее время ее справедливо называют «ядром региональной интеграции».

Роль АСЕАН – одной из старейших (создана в 1967 г.) и по своему уникальных региональных группировок в системе международных отношений – быстро растет, что предопределило взаимный интерес этой организации, с одной стороны, и крупных внерегиональных стран – с другой, к поискам путей установления диалога. В 1980-х годах сформировался механизм регулярных политических консультаций между АСЕАН и США, Японией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Республикой Корея, а также ЕС. В 1990-х годах к этому механизму присоединились Россия, Китай, Индия – сначала в качестве наблюдателей, а с 1996 г. – в роли полноправных «партнеров по диалогу». Сложилась гибкая система переговорных механизмов – «АСЕАН+10», «АСЕАН+1» (отдельно с каждым партнером по диалогу), «АСЕАН+3» (с КНР, Японией и РК).

В конечном счете, многоплановость тем, обсуждаемых на таких консультациях, и их регулярный характер постепенно сделали многосторонний политический диалог в рамках АСЕАН притягательным и действенным международным переговорным механизмом, на котором стороны-участницы имеют возможность не только обсуждать актуальные проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона, но и намечать контуры взаимопонимания по узловым ситуационным реалиям АТР. Неслучайно с 1994 г. ежегодно на свои пленарные заседания собирается АСЕАНовский региональный форум (АРФ) по вопросам безопасности, в котором помимо 10 стран АСЕАН и такого же числа их устоявшихся «партнеров по диалогу», участвуют и проводят дискуссии по актуальным проблемам поддержания регионального мира и стабильности Новая Гвинея, Монголия и КНДР. А в декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре в рамках очередной сессии АСЕАН был запущен схожий региональный механизм – на этот раз, главным образом, уже в экономической сфере: состоялся первый (учредительный) саммит Восточно-Азиатского сообщества (ВАС) с участием десяти стран Ассоциации, а также КНР, Японии, РК, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Гостем форума, нацеленного в итоге на формирование в регионе системы сотрудничества по типу ЕС, был и президент России, который выступил с краткой речью. РФ,

как предполагается, может стать полноправным участником сообщества в ближайшем будущем.

Характерно, что история стран АСЕАН знала периоды двусторонних конфликтов и напряженности. Внутри организации постоянно существует и даже углубляется размежевание по идеологическим признакам (в группировку входят монархии, социалистические страны, исламские республики), по уровню экономического развития (на одной стороне, например, – индустриальные Сингапур и Малайзия, на другой – Лаос и Камбоджа, входящие в число беднейших стран мира), по несхожести взглядов по ряду направлений внешней политики, по борьбе за лидерство в Ассоциации (соперничество между Индонезией, Вьетнамом и Таиландом) и т.д.

Тем не менее эти различия отнюдь не нарушают единства действий АСЕАН в решении основополагающих задач ее деятельности как внутри самой организации, так и на международной арене. Более того, оказались несостоятельными прогнозы некоторых политологов о том, что после окончания «холодной войны» АСЕАН утратит свою жизнеспособность, как это фактически произошло с Движением неприсоединения. На деле имело место обратное. Здоровый политический прагматизм, взвешенность решений и действий, приверженность сугубо переговорным способам разрешения проблем выразились в том, что АСЕАН пополнилась большим числом новых членов и еще больше активизировала свою региональную и международную деятельность в качестве эффективного межгосударственного политического объединения.

Растущее год от года усиление роли и значения АТР в развитии мировой экономики – уже давно устоявшаяся тенденция, признаваемая многими экономистами и политологами. Представляется, что АСЕАН – мощная, авторитетная региональная группировка – будет играть в процессе постепенного превращения АТР в один из ведущих экономических, а возможно, и политических центров мира самую активную роль.

Властным кругам России все еще предстоит определиться по вопросу о взаимоотношениях с новыми региональными образованиями АТР – «АСЕАН+3», Восточноазиатская «большая» тройка. В политическом плане Москва позитивно оценила их возникновение, но все еще не ясен практический формат взаимодействия с ними. Одним из вариантов может быть следование прецеденту АСЕАНовских «постминистерских встреч», когда участни-

ки группировки по окончании встречи ведут консультации по отдельности с представителями заинтересованных стран региона.

Начав в 1994 г. переговорный процесс с АСЕАН в качестве «консультативного партнера», а через два года обретя полномасштабный статус «партнера по диалогу» в форматах «АСЕАН+10» и «АСЕАН+1», в настоящее время Россия имеет прочные отношения политического и делового сотрудничества с АСЕАН. Между двумя сторонами подписано большое число важных документов: Совместная декларация о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в АТР (Пномпень, 2003 г.), Декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом (Джакарта, 2004 г.), Декларация о присоединении России к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (Вьентьян, 2004 г.), Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем партнерстве и Комплексная программа действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на 2005–2015 гг. (Куала-Лумпур, 2005 г.).

Особое значение имеют два последних документа. В них впервые четко определены жизненно важные положения о характере отношений между двумя сторонами – Россией и АСЕАН и их взаимодействия в АТР и на мировой арене в целом. В частности, достойны внимания следующие положения: Россия и АСЕАН привержены дальнейшему развитию между ними многостороннего взаимодействия и сотрудничества; стороны придают большое значение укреплению взаимодействия в решении проблем не только АТР, но и задач глобального характера; подходы сторон по наиболее важным мировым и региональным проблемам близки или совпадают; Россия рассматривает АСЕАН как движущую силу интеграционных процессов в АТР. АСЕАН же считает Россию неотъемлемой частью АТР и выражает готовность содействовать более полной интеграции России в систему многостороннего регионального взаимодействия.

Наконец, самое главное: АСЕАН подтверждает заинтересованность в расширении и качественном углублении торгово-экономических связей с Россией на основе Соглашения о сотрудничестве в области экономики и развития, подписанном в ходе первого «исторического саммита» (так в тексте Совместной декларации) России и АСЕАН (Куала-Лумпур, 2005 г.). Россия и АСЕАН отмечают наличие огромного потенциала для сотрудничества в различных областях промышленности, особенно энергетическом машиностроении, сельском хозяйстве, транспорте, энергетиче-

ке, а также науки и технологий, включая информационно-коммуникационные технологии и т. п.

Однако если в политико-дипломатической составляющей отношений РФ с АСЕАН достигнут большой прогресс, то в торгово-экономической области достижения пока носят достаточно скромный характер. Двусторонний товарооборот между Россией и странами АСЕАН составляет всего порядка 5 млрд долл. – 0,4% от общего товарооборота АСЕАН. (Для сравнения: в 2005 г. товарооборот АСЕАН, к примеру, с США составил 150 млрд долл., с Республикой Корея – свыше 50 млрд долл., а с Индией – более 22 млрд долл.)

Экономические отношения РФ с Ассоциацией в пострановом формате отличаются неравномерностью: половина российского товарооборота приходится всего на две страны – Таиланд и Малайзию. Еще хуже обстоят дела с инвестиционным сотрудничеством. Если не считать такого гиганта российско-вьетнамского сотрудничества, как Совместное предприятие по добыче нефти и газа на шельфе Вьетнама «Вьетсовпетро», который ежегодно приносит российской казне 300–500 млн долл., то надо признать, что общее количество и суммарный объем инвестиционных проектов как России в странах АСЕАН, так и стран АСЕАН в России находятся на весьма низком уровне, далеко не отвечающем имеющимся потенциалам обеих сторон.

Между тем у России для активизации взаимодействия со странами региона имеются весомые козыри, которые мы можем и должны максимально и эффективно использовать. Так, большинство стран АСЕАН испытывают к России благожелательность и доверие. Кроме того, страны АСЕАН искренне заинтересованы в возможно более широком сотрудничестве с РФ, чтобы использовать его в качестве противовеса военно-политическому и экономическому давлению со стороны США, Японии, а также соседней Австралии.

Для ряда стран АСЕАН жизненное значение имеет военнотехническое сотрудничество с Россией, прежде всего регулярные закупки в РФ боевых самолетов, бронетанковой техники, зенитно-ракетных комплексов, запчастей. Речь идет, прежде всего, об Индонезии, которая оказалась в сложном положении из-за эмбарго на поставки военной техники, введенной США, и о Вьетнаме, вооруженные силы которого, по известным причинам, на 85–90% оснащены оружием и военнотехническими средствами советского и российского производства. При этом нельзя не

учитывать тот важный факт, что военно-техническое сотрудничество со странами АСЕАН резко усиливает политические и экономические позиции России в этом важном регионе.

Что конкретно мешает осуществить прорыв в сотрудничестве и придать ему воистину масштабный многоплановый и объемный характер? Различных препятствий и ограничителей много, и среди наиболее серьезных, узловых моментов, играющих сдерживающую роль, можно назвать следующие:

– Несовершенство механизма двустороннего взаимодействия с каждой из стран АСЕАН, а также бюрократические издержки в деятельности российских органов госуправления, ответственных за экономическое сотрудничество со странами ЮВА. Создается впечатление, что эти органы до сих пор находятся под гипнозом привычных стереотипов и устаревших схем торгово-экономических связей, оставшихся в наследство от советского периода, и предпринимают мало усилий в поисках новых, «прорывных» форм торгово-экономического диалога, соответствующих основным рыночным принципам и отвечающих требованиям быстро меняющейся обстановки.

– Отсутствие у бизнес-сообществ как России, так и АСЕАН полной и достоверной информации о взаимных торгово-экономических возможностях и потребностях, которая, как известно, является основой успешной предпринимательской деятельности.

– Недооценка такого серьезного фактора, как жесткая конкуренция, а то и прямое противодействие со стороны экономических гигантов – США, Японии, Китая, а также транснациональных корпораций, с чем сегодня сталкивается российский бизнес в различных областях сотрудничества во всех без исключения странах АСЕАН.

– Крайняя недостаточность системы межбанковского общения со многими странами АСЕАН, что, естественно, значительно ослабляет возможности финансового обеспечения и гарантирования крупных торговых сделок и взаимных инвестиционных проектов.

– В отличие от государственных компаний и предприятий, частный российский капитал действует в странах ЮВА все еще робко, неуверенно и порой неумело, не учитывает региональную специфику. Как правило, основной причиной этого является финансовая неустойчивость российских частных инвесторов, которая порождается незавершенностью процессов передела собственности и лабильностью финансовой ситуации в РФ. В этой связи российскими специалистами высказываются предложения: нельзя ли России использовать часть крупных задолженностей нашей стра-

не со стороны ряда стран АСЕАН (Индонезии, Вьетнама и др.) для предоставления максимально льготных кредитов тем действующим в этих странах совместным предприятиям или отдельным российским инвесторам, у которых возникают временные финансовые затруднения?

Наконец, требуется окончательно изжить еще бытующие кое-где представления о том, что экономический потенциал АСЕАН якобы несоизмерим с огромными потребностями России, прежде всего районов Сибири и Дальнего Востока, и что поэтому страны АСЕАН не могут представлять стратегической значимости для российских экономических интересов. Сухая статистика свидетельствует как раз об обратном:

1. Валовой общественный продукт АСЕАН соизмерим с ВВП России.

2. По объему товарооборота АСЕАН занимает 4-е место в мире после ЕС, Японии, США.

3. По объему полученных иностранных капиталовложений АСЕАН превосходит все остальные развивающиеся регионы мира, вместе взятые.

В этой связи нельзя не солидаризироваться с заявлением полпреда президента РФ на Дальнем Востоке К.Исхакова, сделанным им владивостокским журналистам: «Нам Дальний Восток не поднять, если мы не сможем наладить хороший климат, в том числе и инвестиционный, со странами АСЕАН. Это очень сильный экономический блок».

В целом ЮВА сегодня представляет собой обширный рынок для российской высокотехнологичной продукции гражданского и особенно военного назначения.

Большие перспективы обещает сотрудничество с АСЕАН в области энергетики, так как практически все ее страны-участницы нуждаются в строительстве ГЭС, ТЭС и объектов атомной энергетики. Наконец, страны АСЕАН проявляют большую заинтересованность в передовых, наукоемких и в то же время сравнительно недорогих российских технологиях.

Как представляется, сегодня созданы все необходимые условия для осуществления решающего прорыва в сфере торгово-экономического диалога РФ с АСЕАН. Работает механизм взаимодействия, включая Совместный комитет сотрудничества (СКС), совместный планово-распорядительный комитет (СПРК), рабочие группы СКС по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и ряд других переговорных структур.

Подписан такой фундаментальный, основополагающий документ, как отмечается выше, «Комплексная программа действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на 2005–2015 гг.». Чтобы придать этому соглашению практическое наполнение, с 2007 г. предусмотрено функционирование совместного Финансового фонда поддержки диалога «Россия – АСЕАН». Стороны договорились сделать все, чтобы все процедуры, необходимые для начала работы этого фонда, были бы вовремя завершены. Создан и действует Деловой совет «РФ – АСЕАН» при российской Торгово-промышленной палате.

Наконец, очень полезную, направляющую и мобилизующую роль призвана сыграть созданная по инициативе Совета Федерации РФ неправительственная организация Международное общественное движение «Восточное измерение», которая провозгласила целью своей деятельности содействие углублению диалога между Россией и странами АСЕАН по различным направлениям всестороннего сотрудничества.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И АТЭС

Нарастающие интеграционные процессы в Азии открывают новые возможности и одновременно несут в себе новые вызовы и для России, и для Китая. Постановка вопроса об активизации участия России в интеграционных процессах в АТР, в том числе в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) представляется весьма актуальной, во-первых, потому, что для дальнейшего расширения сотрудничества РФ с АТЭС имеются объективные предпосылки международно-политического плана. Основная из них – это нежелание ряда азиатских стран–членов АТЭС (в основном из состава АСЕАН) подчиняться, в их понимании, «экономическому диктату мировых и региональных лидеров», что заставляет азиатские государства искать альтернативные варианты регионального и международного сотрудничества, в том числе и на российском направлении. Данный поиск осложняется тем, что намеченная торговая и инвестиционная либерализация в АТЭС (2010–2020 гг.) отстает по срокам от либерализации в АСЕАН, и это затрудняет координацию политики экономического соразвития стран АТЭС с соседями по

АТР. К тому же ряд стран АТЭС (Япония, Австралия) предпочитает выносить обсуждение вопросов экономического сотрудничества на уровень ВТО, отводя АТЭС лишь совещательную роль. Так или иначе, но в силу того, что роль в АТЭС американской экономики, НАФТА (North American Free Trade Agreement) (в будущем – Зоны свободной торговли всего американского континента) порой чрезмерно велика, азиатские страны, сохраняя АТЭС как своего рода мост для контактов с Америкой, продолжают изыскание новых, так сказать «не американской направленности» ответов на вызовы глобализирующейся экономики АТР.

Два *главных* направления этого поиска таковы:

Во-первых, стремление стран АТЭС выйти из зависимости от США может быть реализовано через наведение мостов и связей с Европой в формате европейско-азиатского форума АСЕМ, существующего с 1996 г.

Во-вторых, ввиду того, что получает развитие феномен *азиатского субрегионализма*, с позиций сегодняшнего дня именно он представляется наиболее реальным вариантом углубления интеграционных процессов в АТР, альтернативных вынужденному экономическому альянсу с США. Интеграционное взаимодействие государств на субрегиональном уровне «раскручивается» по трем направлениям: в Юго-Восточной Азии – вокруг АСЕАН, в Северо-Восточной – вокруг японо-корейско-китайской оси. И наконец, вокруг прибрежной китайской экономики (в качестве связующего ЮВА и СВА звена), на которую приходится более половины ВВП КНР и к которой можно отнести экономики Сянган (Гонконга) и Тайваня. Одним из вариантов такого регионализма является и подключение возможностей европейского экономического пространства, объединяющего РФ и некоторые страны СНГ, а также ШОС. России следует умело использовать феномен азиатского регионализма для обеспечения собственных интересов в АТР.

В конце второго десятилетия своей деятельности Форум АТЭС подошел в качестве представительной, влиятельной организации экономического сотрудничества АТР, определившей своей стратегической целью формирование в регионе системы свободной и открытой торговли и инвестиций (для развитых стран – к 2010 г. и для развивающихся государств – к 2020 г.). Членство России в этой организации, в которую входит 21 страна и территория с населением более 2,5 млрд человек и с ВВП, составляющим порядка 55% от мирового, торговлей, достигающей

половины мирового товарооборота, подтверждает статус РФ как крупной азиатской державы.

Активная деятельность в рамках АТЭС позволяет России принимать непосредственное участие в дальнейшей разработке основных принципов торгово-экономического сотрудничества в регионе с учетом собственных интересов. Это особенно важно, ибо в настоящее время закладываются материально-экономические основы нового политического порядка в АТР.

В рабочих органах АТЭС исследуются актуальные для российских реформ и устойчивого развития проблемы, такие как управление макроэкономическими процессами и структурными преобразованиями в экономике, совершенствование налоговой и таможенной систем, оптимизация финансовых структур и систем социальной поддержки, рассматриваются проблемы сотрудничества в сферах энергетики, транспорта, информационных технологий и экологии, наращивания потенциала людских ресурсов, содействия предпринимательству, прежде всего малому и среднему.

Интенсификация участия России в интеграционных процессах в АТЭС может оказать определенное содействие социально-экономическому развитию регионов Дальнего Востока и Сибири, в том числе и на базе модели, рационально сочетающей импортозамещение с экспортной ориентацией при приоритетном участии во внутрироссийском разделении труда.

Во внешнеполитическом плане активизация деятельности России в АТЭС является важным компонентом поворота российской внешней политики в сторону АТР, провозглашенного и реализуемого президентом РФ В.В. Путиным. Расширение взаимодействия с АТЭС будет способствовать сбалансированию «европейского крена» в российской внешнеторговой, внешнеэкономической деятельности, отвечать объективным потребностям геостратегического положения России в качестве евразийской державы.

Будучи полноправным членом АТЭС, Россия располагает механизмом регулярных консультаций на высшем и высоком уровнях со всеми государствами АТР, включая ведущую «тройку» – США, Китай, Японию. Принятие антитеррористической декларации на саммите АТЭС в Шанхае в 2001 г., повторение этого прецедента в Лос-Кабосе в 2002 г. означает, что таким образом был сделан новый шаг в постановке политических проблем на повестку дня этой организации.

Интересам России отвечает концептуальная база, основной принцип и характер деятельности АТЭС, прежде всего положен-

ная в фундамент его работы концепция «открытого регионализма». АТЭС является консультационным органом, принимает решения на основе консенсуса, и опыт участия в этой организации стран АСЕАН позволяет говорить о ее практике учета подходов и позиций всех заинтересованных сторон.

Соответствует интересам России и превалирование в АТЭС линии на постепенную, «мягкую» либерализацию торговой и инвестиционной деятельности в регионе, акцент на вопросах технического и экономического сотрудничества. Принимая во внимание реалии нынешнего экономического положения страны, Россия может выступать за более поздние сроки (2020 г.) присоединения к процессам либерализации торговли и инвестиций в регионе. Вместе с тем обозначенный в последнее время акцент на программах экономической и технической помощи (ЭКО-ТЕК), решение о составлении Индивидуальных планов действий по реализации соответствующих проектов ставят вопрос о том, в каком качестве Россия мыслит себя в рамках сотрудничества – донором или же реципиентом технико-экономической помощи и содействия.

Традиционные задачи АТЭС в области либерализации торговли и режимов привлечения иностранных инвестиций сейчас дополняются планами преодоления информационно-технологических разрывов между странами, идеями создания субрегиональных зон свободной торговли, в том числе в аспекте формирования Восточно-азиатского форума с участием Японии, Республики Корея и стратегического партнера России – Китая.

Участие в АТЭС создает более благоприятный климат для решения вопроса о вхождении России в ВТО. В документах Ханойской встречи АТЭС 2006 г. содержится позитивная оценка продвижения России по пути присоединения к этой организации.

К настоящему времени можно говорить о том, что создан политический фундамент и функциональная инфраструктура российского участия в АТЭС. Россия в качестве полноправного участника принимает участие в саммитах АТЭС, на последних из них она была представлена президентом страны. При этом российское участие в саммитах АТЭС носит все более четко выраженный предметный характер. В выступлении В.В. Путина на Деловом саммите АТЭС в Шанхае перед представителями свыше 500 крупнейших компаний, действующих либо имеющих интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, были намечены стратегиче-

ские направления по вхождению России в мировое и региональное экономическое сообщество, а именно сотрудничество в создании новой конфигурации в АТР в области энергетической, транспортной, информационно-технологической путем использования сравнительных преимуществ России, достижений в сфере фундаментальной науки. В случае реализации проектов многостороннего сотрудничества России со странами АТР бюджет АТЭС мог бы стать источником финансирования на конкурсной основе этих совместных начинаний.

Создан государственный механизм участия в работе АТЭС – Комиссия правительства по вопросам участия в форуме АТЭС, в состав которой входят представители примерно 25 федеральных органов исполнительной власти, ряда субъектов Федерации, науки. Под эгидой Комиссии действует Деловой клуб АТЭС, в который входят около 40 крупнейших компаний и банков России, занятых в широком круге областей – энергетике, телекоммуникациях, передовых технологиях, финансовых услугах, торговле. Ряд руководителей крупных российских компаний, кандидатуры которых утверждаются президентом, представляют отечественный бизнес в Деловом консультативном совете АТЭС. В 2001 г. впервые прошло его заседание в столице России.

Россия все более активно проводит АТЭСовские мероприятия на своей земле. Так, в Москве прошли Форум по деловому сотрудничеству в сфере инновационного предпринимательства и заседание рабочей группы по телекоммуникациям, а во Владивостоке состоялись инвестиционный симпозиум и масштабная инвестиционная ярмарка, совещание по современным подходам к оценке влияния загрязняющих соединений на морские организмы. На 2012 год запланировано проведение саммита АТЭС в России.

Можно отметить возросшую активность российских представителей в отраслевых министерских встречах и заседаниях рабочих групп по вопросам торговли, финансов, науки и техники, информационных технологий, малого и среднего бизнеса, образования, рыболовства, стандартизации, равно как в совещаниях старших должностных лиц, семинарах и выставках.

Главная проблема – считаю возможным повторить – это низкий уровень российской вовлеченности в международную экономическую жизнь региона, асимметрия в экономических отношениях России со странами–членами АТЭС. Доля России во внешне-торговых операциях стран АТР составляет всего 1%, ее инвести-

ции в экономики этих государств незначительны. В связи с этим, нет почвы для обсуждения с российскими представителями в рабочих органах АТЭС конкретных, подчас сугубо технико-экономических, вопросов, которые, однако, представляют для РФ практический интерес, таких как тарифный режим в некоторых отраслях, конкретные положения регулирования торговли услугами, «электронной торговли», передвижения рабочей силы.

В то же время доля стран АТЭС во внешнеторговых, прежде всего экспортных, операциях России сравнительно высока (выше 15%), что превышает объем экспорта РФ в страны СНГ и сопоставимо с аналогичными показателями для стран Центральной и Восточной Европы, которые относительно недавно были тесно интегрированы с экономикой России. Иными словами, РФ в большей мере зависит от торгово-экономических связей со странами АТЭС, чем последние от российских рынков и сфер приложения капитала.

До тех пор, пока российские компании, российский капитал во взаимодействии с государством не выйдут представительным образом на рынки АТР, будет трудно говорить о реальных процессах интеграции России в экономическое пространство этого региона. Равно как неуютным и неполноценным будет самочувствие российских представителей в рабочих органах АТЭС.

В последнее время можно говорить о некоторых позитивных, хотя и скромных, сдвигах в этом направлении. Крупные российские транснациональные компании более внимательно смотрят в сторону азиатских рынков. Этому способствует ряд факторов – насыщение товарами и услугами рынков Западной Европы, рост капитализации российских компаний, что расширяет потенциал зарубежного инвестирования, возросшее понимание возможностей выгодного предпринимательства в странах АТР.

При оценке положительных и проблемных сторон дальнейшей вовлеченности России в интеграционные процессы в АТЭС и в АТР в целом, видимо, следует исходить из того, что эти процессы, организационной кульминацией которых в настоящее время выступает АТЭС, имеют характер объективного явления, подготовленного глубинными реалиями экономического развития региона, особенностями формирования международного разделения труда на базе развития производительных сил стран АТР. Они будут идти и дальше с возможными подъемами и спадами, независимо от субъективной политической воли и желаний, оставляя на обочине тех, кто выпадает из этих процессов.

Принимая во внимание российские возможности, целесообразно определить иерархию приоритетов участия в рабочих группах АТЭС, которая соответствовала бы основным направлениям вхождения России в азиатско-тихоокеанское интеграционное поле. Актуальна проблема достижения внутригосударственного консенсуса по принципиальному вопросу о самой необходимости участия России в АТЭС, разъяснения и оповещения российской общественности о его преимуществах и проблемах. Да и чего греха таить, определенная часть политической элиты страны также нуждается в подобных разъяснениях на основе научных разработок.

Участие российского президента в АТЭСовских саммитах, одобрение им в ноябре 2000 г. Концепции участия России в форуме АТЭС свидетельствуют о том, что высшее руководство страны определилось по соответствующей проблеме, хотя и склонно жестко ставить вопрос о рентабельности российского участия в этой организации. Однако в политических и академических кругах нередко делаются заявления, ставящие под вопрос целесообразность активности в названном направлении. Общественность, гражданское население мало что знают о существовании и деятельности АТЭС, о процессах многостороннего экономического сотрудничества в сопредельных странах Восточной Азии, не имеют информации о пользе как для государства, так и для простого гражданина от участия в работе этого форума.

Применительно к вопросу об активизации участия России в АТЭС представляется заслуживающим внимания опыт широко-масштабного обсуждения проблемы присоединения страны к ВТО, а также выяснение интересов, позиций предпринимательского корпуса, профсоюзных организаций, региональной элиты по этому вопросу, а заодно и разъяснение, пропагандирование точки зрения правительственных кругов по соответствующей тематике.

Немало предстоит сделать в целях обеспечения домашнего «тыла» для дальнейшего развертывания деятельности России на АТЭСовском направлении. Все еще актуальна проблема достижения общенационального понимания такого принципиального вопроса, как необходимость участия России в АТЭС, информирования и разъяснения на основе разработок научной общественности, да и определенной части политической элиты страны преимуществ и проблем российской деятельности в АТЭС.

Участие президента России в саммитах АТЭС свидетельствует, что высшее руководство страны «определилось» по этому вопросу, хотя и склонно более жестко ставить вопрос о возможной

практической отдаче от российского участия в этой организации. Вместе с тем в политических и академических кругах нередко встречаются заявления, ставящие под вопрос целесообразность нашей активности в этой сфере. Общественные круги, население недостаточно знают о существовании и деятельности АТЭС, о пользе как государственной, так и их личной от участия страны в организации, процессах многостороннего экономического сотрудничества в сопредельных странах Восточной Азии.

Представляется важным отметить, что усиление взаимодействия с региональным и мировым рынками, в том числе предстоящее вступление в ВТО и деятельность в АТЭС, потребует принятия определенных обязательств и практических шагов по либерализации торговли, создания условий для притока инвестиций и расширения доступа на рынок России. В связи с этим возникает необходимость внесения корректив в российское законодательство для регулирования и управления внешнеэкономической деятельностью страны.

В целом можно сказать, что интересам России отвечает более энергичное, заинтересованное участие в деятельности АТЭС, более полное использование открывающихся в этом случае возможностей.

В недалекой перспективе было бы полезным проведение слушаний в Государственной Думе по проблемам участия России в интеграционных процессах в АТР, прежде всего в АТЭС.

В связи с вышесказанным приобретает новый смысл бывшее ранее традиционным проведение ИДВ РАН и МИД РФ научно-практических конференций по проблемам участия России в АТЭС, которые являли собой уникальный сплав теоретической, исследовательской мысли и практического опыта, что ведет к взаимному обогащению обеих сторон. На будущее, в целях повышения эффективности данных встреч, увеличения весомости практических рекомендаций, представляется целесообразной концентрация внимания на направлениях, на которых можно ожидать «прорыва» России в азиатско-тихоокеанское интеграционное поле.

Даже при строгом учете проблемных «узлов» представляется очевидным то, что энергичное, заинтересованное участие в деятельности АТЭС, более полное использование открывающихся в этом случае возможностей полностью соответствуют интересам России.

В этом направлении были предприняты определенные, упоминавшиеся выше, усилия. Однако значительная работа еще впереди, тяжелая, изнурительная, скрупулезная деятельность по «обшивке»

конкретным содержанием и реальными делами «каркаса» концепций, деклараций и заявлений о намерениях, относящихся к вопросу активизации российской деятельности в АТЭС и сделанных на различных уровнях. Это можно осуществить только усилиями заинтересованных представителей всех слоев российского общества – предпринимателей, государственных деятелей, ученых, средств массовой информации и, наконец, гражданского населения.

КИТАЙ В АТР: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

В последнее время наблюдается новый восходящий виток политической и экономической активности КНР в АТР. РФ внимательно следит за развитием ситуации в регионе, где к югу от российско-китайской границы до северного побережья Австралии создается громадная зона свободной торговли с населением около 2 млрд человек и общим ВВП порядка 20 трлн долл., со своим режимом и правилами, вне которых пока находится Россия.

И РФ, и Китай осознают всю важность того, чтобы в АТР не появлялись «разделительные полосы» как в целом, так и в его отдельных сегментах, чтобы любые спорные ситуации решались мирными средствами, путем переговоров, чтобы здесь прочно утверждалась атмосфера дружбы, взаимопонимания, взаимодействия и конструктивности. Такая направленность внешнеполитического курса, присущая России и Китаю, получила в Пекине наименование политики «гармонизации мира».

Между РФ и Китаем достигнуто понимание в том, что Пекин будет содействовать Москве в установлении отношений сотрудничества с вновь возникающими структурами в АТР, однако основная работа здесь только начинается – это определение конкретных направлений и форм такого взаимодействия.

Особым полем сотрудничества между Россией и Китаем с учетом интересов других стран может стать (и уже становится), координация подходов к процессам участия в региональных экономических организациях восточно-азиатского сектора АТР – «АСЕАН+3» (АСЕАН+КНР–Япония–Республика Корея), складывающийся Восточно-азиатский форум в составе КНР–Япония–Республика Корея, «Чиангмайская инициатива» по сотрудничеству в поддержке валют по схеме «своп» между странами Восточной Азии.

В них Китаю принадлежит инициативная роль. В целом Россия позитивно относится к этим процессам, в частности, инициативам экономической группировки «АСЕАН+3», что встречает понимание и поддержку со стороны Китая. В настоящее время предстоит решить, какую форму примет возможная кооперация России с соответствующей группой государств.

Важным аспектом взаимодействия России и Китая, реально и потенциально влияющим на проблемы безопасности в Азии, по всей видимости, является практическое развитие экономической составляющей концепции «безопасность через сотрудничество», в том числе и в АТР.

Для выяснения потенциала влияния Китая в АТР и, следовательно, его возможностей по содействию РФ в ее стремлении достойно войти в кооперационное пространство названного региона представляется полезным охарактеризовать современные позиции Китая в АТР, а также направления его сотрудничества с азиатско-тихоокеанскими партнерами. Полностью признавая значимость дипломатической активности КНР в Азии и на Тихом океане, видимо, следует отметить весомое, если не решающее значение экономического фактора в укреплении позиций и влияния Китая в регионе. Характеристика военно-политической роли КНР в АТР будет содействовать, хотя бы в самом общем плане, осознанию значимости комплексной государственной мощи Китая для развития ситуации к югу и юго-востоку от российских рубежей.

Процесс уплотнения ткани политических контактов и связей Китая со странами АТР на различных, прежде всего на высшем и высоком, уровнях в настоящее время идет весьма интенсивно.

Пекин рассматривает участие в интеграционных процессах в АТР в качестве одного из важных перспективных направлений китайской внешней политики и намерен проводить активную линию в отношении объединительных явлений в этом регионе. Обращаясь к главам государств, прибывшим на саммит АТЭС в Шанхае в 2001 г., Цзян Цзэминь подчеркнул: «Китай будет принимать более активное участие в региональном и глобальном экономическом и техническом сотрудничестве».

На XVI съезде КПК «политика открытости» получила развитие и дополнение благодаря тезису о «выходе за рубеж», или «выходе вовне», что ознаменовало собой новую фазу эволюции курса на открытость внешнему миру. Эта линия означает новый этап вовлеченности КНР в процесс глобализации и предусматривает

включение экономики Китая в международное экономическое и техническое сотрудничество во все более крупных масштабах, более широких сферах, более интенсивно и на более высоком уровне. Составной частью этой программы, наряду с оптимизацией традиционных форм экономического сотрудничества – внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций, определено «активное участие в региональном экономическом обмене и сотрудничестве».

На XVII съезде КПК руководством КНР подтверждено, что Китай будет и впредь «неустанно претворять в жизнь взаимовыгодную и взаимовыигрышную стратегию открытости».

Переход к новому этапу открытости внешнему миру вызван не только необходимостью адаптации и использования в национальных интересах объективных процессов экономической глобализации и регионализации, но и в связи с новой ситуацией, складывающейся после вступления Китая в ВТО.

В настоящее время создана солидная материальная основа для активного участия КНР в экономических процессах в АТР как на двусторонней, так и на многосторонней основах. С начала XXI века доля стран региона во внешнеторговом обороте КНР составляет порядка 70%. Из общего числа освоенных Китаем прямых иностранных инвестиций на страны региона также приходится свыше 70% общего объема вложений. (В конце XX века наблюдалось известное снижение этих показателей за счет диверсификации внешней торговли и источников привлечения капитала.) По мере углубления участия в международном разделении труда в АТР, перехода все большего числа предприятий к внутриотраслевой специализации, Китай оказывался все более глубоко встроеным в региональную производственную сеть.

Опираясь на растущий экономический потенциал, и прежде всего, на свои сравнительные преимущества в международном разделении труда (огромный массив дешевой рабочей силы и сырья, солидная база НИР и промышленности), практикуя торговые уступки развивающимся странам в случае, если это отвечает его интересам, Китай активно расширяет коммерческие и иные экономические связи с соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону, особенно восточной его частью, создавая базу для роста своего экономического и политического влияния на этом пространстве.

Большую роль в укреплении позиции КНР в СВА и ЮВА в свое время сыграло то, что, вновь напомним, Пекин во время валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. не поддавался соблазну де-

вальвировать юань, что привело бы к обвалу экономики стран ЮВА. Хотя в те годы КНР понесла, по некоторым оценкам, убытки более чем в 50 млрд долл. и ее товарооборот упал примерно на 1%, зато после кризиса издержки были компенсированы с лихвой. Товарооборот КНР в 2002 г. вырос до 620,8 млрд долл. (рост на 21,2%). Торговля КНР со странами региона в 2001 г. по сравнению с 1995 г. выросла почти вдвое и составила 363 млрд долл.

Принимая во внимание высокий потенциал промышленного производства Китая товаров массового спроса, наблюдатели говорят о превращении Китая в «мировую фабрику», а некоторые отмечают зарождение китайской «торговой империи» в Восточной Азии, что бросает вызов традиционным экономическим «тяжеловесам» в этом районе – США и Японии.

Что касается импортных потребностей КНР в отношении стран региона, то следует отметить, что Китай стал вторым после Японии импортером персональных компьютеров из стран АТР. В 2000 г. китайский рынок поглотил свыше 7 млн ПК, что составило свыше 45% общего объема продаж в регионе, в два раза больше продаж в Республике Корея и в четыре раза больше аналогичного показателя в Австралии. Крупные сингапурские строительные компании активно эксплуатируют быстро растущий рынок недвижимости Шанхая. В последние годы значительно растет популярность китайского юаня в азиатских странах и территориях, что свидетельствует об их уверенности в устойчивости китайской экономики. По данным экспертов Народного банка Китая, в настоящее время за границей в обращении находится более 30 млрд юаней.

Важным компонентом интеграционных построений Китая в Восточной Азии, как уже упоминалось, являются его усилия стать одной из вершин «треугольника» Восточно-азиатского форума в составе Китая, Японии и Южной Кореи.

КНР и Япония – ведущие восточно-азиатские державы – выходят на рубеж качественно новых, усложнившихся отношений, которые определяются возросшим экономическим и военным потенциалом Китая, упрочением его положения в мировой и региональной политике. Вместе с тем умножение китайско-японских связей происходит в атмосфере сохраняющихся и временами обостряющихся политических разногласий, роста торговой конкуренции и соперничества за влияние в Восточной Азии. Напряженность политических отношений определялась в основном давними противоречиями – темой войны Японии в Китае в 30–40-е гг.

XX века, различиями подходов КНР и Японии к проблеме Тайваня. Однако развитие и углубление экономических связей, рост взаимозависимости экономик двух стран, видимо, будет преобладающей тенденцией.

Реализация кооперационных начинаний в рамках Китай-АТР идет достаточно уверенно, хотя и не без проблем. Создан достаточно разветвленный механизм претворения в жизнь идей сотрудничества, представленный встречами соответствующих министров, старших должностных лиц, различными программами и рабочими группами. Определены основные направления взаимодействия – в области информационных технологий; развития человеческих ресурсов; претворения в жизнь «Чиангмайской инициативы» по поддержке валют стран-участниц путем создания в банках резервных фондов, а также использования потенциала сотрудничества в области сельского хозяйства и туризма, развитие ресурсов бассейна реки Меконг. В целях недопущения повторения событий финансового кризиса в Восточной Азии 1997–1998 гг. Китай активно участвует в инициативе по взаимной поддержке валют между странами Восточной Азии и уже подписал соответствующие соглашения с рядом стран. КНР также поддержала идею тогдашнего премьера Таиланда Таксина Чиновата о создании фонда ценных бумаг Азии.

Китай выступил инициатором созыва крупного Боаоского форума на о. Хайнань по проблемам сотрудничества стран Азии, который призван стать аналогом крупнейших мировых форумов.

В целом можно говорить о создании объемной зоны соразвития в Восточной Азии при инициативной роли КНР, с чем практически соглашается большинство стран региона, прежде всего развивающиеся государства. Политические деятели Китая подчеркивают, что создание такого рода образования находится в русле общемировых тенденций экономической глобализации и регионализации и способствует как использованию позитивных аспектов этих явлений, так и противостоянию их негативным последствиям. По оценке ученых Института Северо-Восточной Азии Цзиньиньского университета, формирование экономического сообщества в Восточной Азии послужит ускорению темпов хозяйственного развития Китая и других стран этого региона, значительно увеличит объем торгово-экономических связей между ними. Наблюдатели отмечают и политическую сторону этого явления. Характерной его чертой является создание чисто азиатской модели интенсивного сотрудничества стран региона при ведущей роли

Пекина, что не может не оказать существенного влияния на процессы формирования новой архитектуры международных отношений регионального и глобального значения.

В двойственном положении находится Япония, которая принимает участие в формировании интеграционного пространства в Восточной Азии, подчас инициативное – достаточно вспомнить предложение Токио в середине 1990-х гг. о создании Азиатского валютного фонда, «зарубленное» ВМФ с подачи США. Своего рода противовесом китайским инициативам является предложение Токио о формировании более широкой зоны экономического взаимодействия с участием Австралии и Новой Зеландии. Однако в этой идее много неясного. Сможет ли Япония «потянуть» эту ношу, учитывая нынешнее экономическое положение страны? Против расширенного, «неазиатского» состава этой организации выступает Малайзия. Будет ли создаваемая под эгидой Японии структура конкурировать, существовать параллельно или же взаимодействовать (и в какой мере) с китайской зоной соразвития, учитывая во многом совпадающий состав этих объединений?

В силу постоянных экономических проблем, недовольства со стороны стран АСЕАН ролью Японии в финансовом кризисе 1997–1998 гг. Токио все труднее отстаивать прежние позиции в развитии интеграционных процессов в регионе. Все чаще при решении возникающих проблем страны АТР, включая АСЕАН, смотрят в сторону Китая.

Тем не менее активный выход Китая на АТРовское экономическое пространство не свободен от проблем. Многие страны опасаются вытеснения конкурентоспособными китайскими товарами национальной продукции с местных рынков, отвлечения Китаем иностранных инвестиций в ущерб объемам зарубежных вложений в другие страны Азии. Выход из этого положения новые индустриальные страны ЮВА видят в переходе на производство товаров с более высокой добавленной стоимостью, оставляя за китайскими производителями нишу товаров трудоемкого и среднего уровней.

Официальные представители КНР неоднократно подчеркивали, что китайская экономическая «экспансия» отвечает интересам не только Китая, но и стран ЮВА, способствуя повышению экономического потенциала обеих сторон путем расширения кооперации даже в производстве однотипной продукции, в частности, на базе горизонтального разделения труда.

Китайские и зарубежные экономисты отмечают, что вступление КНР в ВТО открывает новые возможности для расшире-

ния экономического сотрудничества между Китаем и государствами Азии, хотя бы вследствие либерализации таможенных режимов, стандартизации правил торговых и инвестиционных транзакций.

Руководство КНР видит серьезные трудности на пути достижения к 2010–2020 гг. требуемой ВТО либерализации торговых потоков, но не склонно драматизировать и/или форсировать события. Оно рассчитывает в ближайшие 10–15 лет завершить основные преобразования с тем, чтобы в оставшееся до крайнего срока время обеспечить более благоприятные условия перехода на либеральные «правила игры» с промышленно развитыми странами АТЭС, если такой переход все-таки состоится.

Видя известную «рыхлость» АТЭС, необязательность принимаемых им решений, Пекин считает более перспективным формирование под своей эгидой интеграционного торгово-экономического пространства в Восточной Азии, действуя в этих целях по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Отдавая должное экономическим связям со странами АТР на двусторонней основе, китайское руководство акцентирует значение коллективного сотрудничества. Показательным примером успешной эволюции связей с государствами региона на многостороннем уровне является динамика становления и развития отношений между КНР и АСЕАН.

Пекин считает, что региональное сотрудничество является необратимой тенденцией в мировой экономике и эволюции современных международных отношений. Как «крупнейшая развивающаяся страна» АТР, Китай намерен содействовать региональному экономическому взаимодействию и активно участвовать в нем. Только таким образом Китай сможет извлечь выгоды от кооперации и направлять потоки капиталов, технологий и товаров в направлении, благоприятном для развития КНР. В Пекине надеются оказывать влияние на организации регионального сотрудничества и одновременно противодействовать враждебным блокам и структурам. Поэтому-то Китай активно сотрудничает с АСЕАН.

Как известно, АСЕАН была создана 1967 г., когда в Китае находилась в разгаре так называемая «культурная революция». Перегибы этого периода, в том числе во внешнеполитической сфере, не могли не сказаться на отношениях КНР с ее азиатскими соседями. Связи Китая со странами ЮВА, в частности с АСЕАН, зачастую носили в эти годы неоднозначный и противоречивый характер.

Сотрудничеству КНР с АСЕАН как организацией предшествовали восстановление в августе 1990 г. дипломатических отношений с Индонезией (замороженных в 1967 г.), установление официальных связей с Сингапуром в октябре того же года, с Брунеем – в сентябре 1991 г., нормализация межпартийных и межгосударственных отношений с Вьетнамом – в ноябре 1991 г. В июле 1991 г. министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь был приглашен на церемонию открытия 24-го заседания министров иностранных дел АСЕАН. Это был первый официальный контакт Китая с Ассоциацией. С тех пор глава МИД Китая участвует в ежегодных «постминистерских» встречах, организуемых после совещания министров иностранных дел стран АСЕАН.

В июле 1994 г. Китай в качестве «партнера по диалогу» принял участие в первом заседании Регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ) в Бангкоке, где вице-премьер Госсовета КНР, министр иностранных дел Цянь Цичэнь выдвинул пять принципов сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В апреле 1995 г. в Ханчжоу состоялись первые консультации официальных представителей Китая и АСЕАН (на уровне заместителей министров иностранных дел). В июле 1996 г. на 6-м заседании постоянного комитета АСЕАН 29-го созыва Китаю был предоставлен статус полноправного партнера по всестороннему диалогу с АСЕАН. В декабре 1997 г. Китай впервые принял участие в неформальном заседании лидеров АСЕАН, Китая, Японии и Республики Корея («10+3»). На заседании состоялся заинтересованный и углубленный обмен мнениями по перспективам развития и сотрудничества в Восточной Азии в XXI веке, было достигнуто единство мнений по широкому кругу вопросов. Председатель КНР Цзян Цзэминь выступил с речью «Сотрудничать рука об руку, совместно создать блестящие перспективы». На первом неформальном совещании лидеров «АСЕАН–Китай» («10+1»), которое состоялось тогда же, Цзян Цзэминь выступил с речью «Создать ориентированные в XXI век добрососедские отношения партнерства и взаимного доверия». В последующие годы Китай регулярно принимал участие во всех неформальных заседаниях лидеров в форматах «10+3» и «10+1».

25 ноября 2000 г. в Сингапуре состоялся 4-й саммит «10+1», на котором премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи положительно оценил двусторонние отношения Китая и АСЕАН и выдвинул конкретные предложения по расширению сотрудничества в об-

ласти политики, развития людских ресурсов, укрепления инфраструктуры в бассейне реки Меконг, развития высоких и новейших технологий, сельского хозяйства, торговли и инвестиций. В 1999–2000 гг. Китай подписал со всеми государствами ЮВА рамочные соглашения о двустороннем сотрудничестве в XXI веке, которые служат основой дальнейшего развития отношений дружбы и конструктивного взаимодействия между Китаем и АСЕАН.

Одной из главных составных частей экономической политики КНР в отношении АСЕАН являются шаги в направлении создания взаимной зоны свободной торговли (ЗСТ). В ноябре 2001 г. на 5-м саммите «10+1» на Брунее стороны единодушно высказались за создание в предстоящие 10 лет ЗСТ «Китай – АСЕАН».

Ровно через год в Пномпене на основании рекомендации специально созданной рабочей группы на высшем уровне было подписано Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве между КНР и АСЕАН, которое заложило фундаментальные основы формирования зоны свободной торговли и явилось важной вехой в развитии всеобъемлющих экономических связей между обеими сторонами. Это ознаменовало собой формальное начало процесса создания зоны свободной торговли «Китай–АСЕАН», которая охватит крупнейший в мире рынок с 2 млрд потребителей.

29 апреля 2003 г. в Бангкоке прошло специальное заседание «Китай–АСЕАН» в верхах по проблеме борьбы с атипичной пневмонией. На нем обсуждались вопросы укрепления взаимодействия в регионе и принятия надлежащих мер в борьбе с этим опасным явлением. В заседании принял участие премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. В тот же день в Сиенмреапе прошло совещание представителей АСЕАН, Китая, Японии и Республики Корея на высоком уровне. Состоялись консультации по таким региональным и международным вопросам, как борьба с терроризмом, послевоенная ситуация в Ираке и ситуация на Корейском полуострове, а также присоединение Китая к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, которое состоялось в октябре 2003 г. на о. Бали (Индонезия) во время встречи в формате «10+1».

В ноябре 2004 г. во Вьентьяне АСЕАН и Китай подписали новые документы относительно создания зоны свободной торговли. К 2010 г. все таможенные тарифы стран–участниц соглашения должны быть обнулены. Торговые споры между АСЕАН и Китаем будут разрешаться специальным советом из трех независимых

экспертов. В рамках достигнутых договоренностей предусматривается сотрудничество в подготовке военных кадров, обеспечении информационной безопасности компьютерных систем, а также в развитии туризма. К 2007 г. должна была быть построена автотрасса от города Куньмин на юго-западе Китая до тайландской столицы Бангкок. Новая железная дорога свяжет также Куньмин и столицу Мьянмы Янгон (Рангун). В дополнение к этому планируется разработка ТЭО другой железнодорожной ветки – от Куньмина до Сингапура через Малайзию, Таиланд и Мьянму. Стороны также собираются создать систему раннего предупреждения о распространении опасных инфекционных заболеваний, в частности, атипичной пневмонии и птичьего гриппа.

Итак, очевидно, что важнейшим направлением сотрудничества КНР с АСЕАН является развитие торгово-экономических связей. Следует иметь в виду, что динамичное развитие отношений Китая и стран АСЕАН объясняется не только стремлением КНР расширять взаимодействие со своими южными соседями, но ответным желанием стран АСЕАН наращивать связи с Китаем. У АСЕАН были свои причины искать нового крупного торгового партнера для своей зоны свободной торговли АФТА. Прежняя модель развития стран Ассоциации по типу «стаи летящих гусей», где Япония выступала как локомотив экономического роста благодаря значительным объемам ее прямых инвестиций в экономику стран АСЕАН, с начала 1990-х годов потеряла динамизм ввиду спада в японской экономике. США и Европейский союз обеспечивали альтернативные рынки до тех пор, пока финансовый кризис 1997–1998 гг. не подорвал доверие американских и европейских инвесторов к субрегиону. В силу этого в конце XX – начале XXI века в АСЕАН настало время Китая.

Диалог «Китай-АСЕАН» в последнее 15 лет развивался высокими темпами благодаря динамичному развитию экономик, либерализации режимов торговли и инвестирования, изменениям структуры торговли. Движение в сторону начавшейся интеграции экономик двух сторон стимулировали также вступление Китая в ВТО и рост объемов торговли и инвестиций между Китаем и членами АСЕАН.

Быстрое развитие Китая, успешное проведение им экономической реформы содействовали превращению его в двигатель хозяйственного подъема ЮВА. Неслучайно на встрече высших должностных лиц КНР и АСЕАН в 2003 г. в китайском городе Гуйлине представитель Ассоциации подчеркнул, что «единствен-

ная возможность не отстать от развивающейся экономики Китая – это стать его партнером».

Китай рассматривает страны Восточной Азии, прежде всего АСЕАН, в качестве емкого рынка для своей промышленной продукции среднего уровня, а также источника технологичной продукции. Пекин принимает во внимание растущую мощь транснациональных компаний ряда новых индустриальных стран, зачастую одерживающих верх в соревновании с заокеанскими экономическими монстрами. В частности, аналитики считают, что заявивший в свое время о банкротстве легендарный немецкий производитель электроники «Грюндиг» не выдержал конкуренции в первую очередь азиатских компаний, которые предлагают продукцию достаточно высокого качества по сравнительно низким ценам.

Страны АСЕАН также видят в Китае обширный, быстро растущий рынок для своей технологичной продукции, что позволит ослабить их чрезмерную зависимость от американского и японского рынков тем более тогда, когда экономика США и Японии переживает далеко не лучшие времена. Китай уже превратился в важный экспортный рынок для стран АСЕАН. Ныне по объему товарооборота АСЕАН является четвертым по значению внешнеторговым партнером КНР (после ЕС, США и Японии). Столь же весомо место КНР в списке внешнеторговых партнеров Ассоциации. Согласно статистике, среднегодовые темпы прироста товарооборота между Китаем и АСЕАН в 1993–2006 гг. составили порядка 25%. Впечатляют абсолютные цифры товарооборота: 160,8 млрд долл. в 2006 г., что более чем в 3 раза больше в сравнении с показателем 2002 г. При этом высокая внешнеторговая динамика сохраняется: в 2006 г. товарооборот между КНР и АСЕАН по сравнению с 2005 г. вырос более чем на 23 %.

Значительны и объемы инвестиционного сотрудничества: страны АСЕАН инвестировали в экономику КНР порядка 40 млрд долл., ответные инвестиции китайской стороны также набирают темпы. О готовности китайского бизнеса вложить 10 млрд долл. в различные проекты АСЕАН летом 2005 г. заявил председатель КНР Ху Цзиньтао.

В настоящее время, по словам замминистра экономики КНР И Сяочжуна, выступившего на встрече Ассоциации в январе 2006 г. в Куала-Лумпуре, «торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и десятью странами АСЕАН вступило в новый период, для которого характерно всестороннее развитие». Речь идет о начале практических шагов по реализации соглашений 2002 г. о стро-

ительстве зоны свободной торговли «КНР–АСЕАН», всеобъемлющий старт которому был дан в июле 2005 г. Уже начался процесс снижения таможенных пошлин, успешно выполняются соглашения о торговле услугами и об инвестициях, идет дальнейшее углубление сотрудничества в других сферах. К 2010 г., когда зона свободной торговли начнет работать в полном объеме, товарооборот Китая с АСЕАН должен составить 200 млрд долл. Думается, что эта цифра может быть превышена.

Итак, признавая возросшую роль стран – членов АСЕАН в региональных и глобальных делах, Китай ведет активный диалог с ними по проблемам обеспечения стабильности и безопасности в Юго-Восточной, Восточной Азии в рамках Регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), «постминистерских встреч» глав ведомств иностранных дел АСЕАН. На высшем уровне было заявлено о намерении подписать протокол о создании безъядерной зоны в ЮВА. Пекин выразил также готовность обеспечивать путем диалога и консультаций стабильность в Южно-Китайском море, ряд островов которого являются объектом территориального спора между Китаем и четырьмя странами Юго-Восточной Азии.

Особое значение придается укреплению и расширению взаимодействия в рамках структуры «АСЕАН+3» (АСЕАН+КНР–Япония–РК), которая, по мнению китайского руководства, должна превратиться в «основной канал региональной кооперации» в Восточной Азии. Конечной целью этого построения, как уже отмечалось, является создание зоны свободной торговли в Восточной Азии.

За последние 15 лет между КНР и АСЕАН сложился механизм всестороннего экономического сотрудничества, включающий консультации на уровне высокопоставленных представителей, совет по торговле, комиссию по совместному сотрудничеству, совместную торгово-экономическую комиссию и совместную комиссию по науке. В силу вышеизложенного можно сказать, что объективно идет процесс формирования весомого экономического объединения вокруг Китая, что в перспективе способно оказать существенное воздействие на расстановку сил в регионе, конфигурацию и характер международных структур, и даже на формирование самих основ нового международного порядка в АТР, а при определенных обстоятельствах – и за его пределами.

Признание Китаем неправомерности военных действий США в Ираке, выступления в пользу политического решения

«иракской проблемы», подчеркивание верховенства ООН в выборе «превентивных мер» были созвучны волне антивоенных акций, прокатившейся по странам АТР и АСЕАН, в частности. Позиция Пекина, сочетающая твердость в определении противоправности американских военных акций в Ираке с нецелесообразностью вступать в открытую конфронтацию с Вашингтоном, была отмечена рядом стран региона, которые в последнюю минуту пошли в основном на моральную поддержку американских действий в силу, прежде всего, экономической зависимости от США.

Что касается борьбы с международным терроризмом, то Китай, полностью признавая ее необходимость, выступает против расширительного, двойного ее толкования. КНР призывает сделать здесь акцент на экономических методах противостояния этой угрозе, равно как обратить внимание на искоренение фундаментальной основы этого явления – нищеты и отсталости стран развивающегося мира.

Развитию гуманитарных контактов с АСЕАН в КНР также придается большое значение. В 2006 г., в год 15-летия установления с Ассоциацией отношений партнеров по диалогу, в Китае отмечался Год дружбы и сотрудничества Китая и АСЕАН. Стимулируются туристические обмены – в 2005 г. страны Ассоциации приняли 3 млн китайских туристов, а в КНР побывало свыше 300 тыс. граждан стран АСЕАН.

По мнению китайского руководства, образцом регионально-экономического сотрудничества в Азии становится двустороннее взаимодействие Китая с Камбоджей, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом, в котором, благодаря содействию Азиатского банка развития, отмечен ощутимый прогресс. За последние 15 лет в таком формате реализованы более 100 проектов сотрудничества. В 2006 г. товарооборот Китая с этими странами превысил 40 млрд долл.

Опираясь на свой укрепляющийся экономический потенциал и растущую роль в экономике и политике АТР, а также учитывая рост значения этого региона во внешних и внутренних процессах развития страны, Китай, не выдвигая претензий на роль лидера, стремится оказывать большое воздействие на продвижение объединительных процессов в регионе, создание новых интеграционных структур.

Связи Китая с АСЕАН являются органичной составной частью общего комплекса внешнеполитической активности КНР.

В ходе осуществления экономической реформы и «политики открытости» внешнему миру Китай стремится обеспечить благоприятные международные условия для успешного развития мировой ситуации в целом и вблизи собственных границ, в частности. Вот почему стратегия Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе заключается в поддержании стабильности в соседних странах и превращении их в партнеров по развитию.

Диалог КНР с важной составной частью азиатско-тихоокеанского сообщества – АСЕАН – являет собой показательный пример успешного развития сотрудничества, достаточный для того, чтобы китайский опыт был расценен как полезный, а также оказался востребованным соответствующими структурами РФ в таких областях, как институционализация и функционирование действенных механизмов по реализации принимаемых соглашений, в том числе в сфере материально-финансового обеспечения совместных проектов, опыт взаимного инвестирования, опыт развития гуманитарных связей и т.п.

Важно и то, что в рамках структур АСЕАН появляются дополнительные возможности российско-китайского взаимодействия, в том числе в экономической области, значимость углубления которого неоднократно подчеркивалась в ходе двусторонних переговоров руководителей обеих стран. Неслучайно Китай поддержал идею присоединения России к саммиту Восточно-азиатского сообщества (ВАС) – прообразу экономического сообщества стран региона по типу ЕС, учредительное заседание которого прошло в декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре. Вслед за главой МИД Малайзии, руководителем Постоянного комитета АСЕАН Сайедом Хамидом Акбаром, одобрившим перспективу вступления России, министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин также заявил по этому вопросу, что «если Россия хочет присоединиться к ВАС – мы приветствуем это».

Россия, осознавая рост влияния своего стратегического партнера – КНР – в АТР, наряду с собственными усилиями по выходу на политико-экономическое пространство региона предпринимает шаги, направленные на перспективное привлечение опыта и кооперационных наработок Китая в целях расширения российского присутствия в регионе. Симптоматично совпадение новых инициатив по формированию валютно-финансовой системы в Восточной Азии с неоднократно выдвигавшимися предложениями экспертов ИДВ РАН о создании Банка развития для стран этого региона с участием России и Сибирско-Дальневосточного

инвестиционного банка РФ в целях финансовой поддержки программ развития этой части Азии.

Говоря о военно-стратегическом факторе и его влиянии на оборонно-политическую роль КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в мире в целом, следует учитывать, что названный фактор – это лишь один из элементов комплексной государственной мощи (КГМ) государства, хотя и весьма существенный. И только в комплексе с другими компонентами, как считают в Китае, военно-стратегический фактор может определять роль и место страны на мировой арене. КНР обладает необходимым потенциалом и стремится к тому, чтобы стать одним из «полюсов» в многополярном мире и занять в нем достойные Китая позиции, в том числе на региональном уровне. Процесс реализации этого потенциала идет успешно, но и проблем и вызовов на его пути немало.

Китай является крупной континентальной и морской державой и занимает выгодное положение в АТР. В военно-стратегическом отношении он на протяжении всей своей истории выступал как сухопутная страна, что особенно проявилось в период китайско-советской конфронтации. Определенная переориентировка военной организации КНР и вектора ее оборонной стратегии началась после прекращения периода конфронтации и выдвижения в качестве приоритетных планов *экономического возрождения Китая*, а также задач «великого возрождения китайской нации». Об этом свидетельствует упоминавшаяся цель удвоить к 2010 г. объем ВВП по сравнению с 2000 г., выйти к 2020 г. на второе место в мире после США, а к 2050 г. выполнить программу «четырех модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, науки и техники) в полном объеме.

Решению названной задачи подчинено и военное строительство в КНР. В статье 4 части 1 («Основные установки») Закона о национальной обороне указывается: *«Государство, концентрируя свои усилия на задаче экономического развития, одновременно должно активизировать свою деятельность по строительству национальной обороны и добиваться сбалансированного развития национальной обороны и экономики».*

XVII съезд КПК поставил задачу достичь комплексного укрепления НОАК за счет внедрения в ВС новейших достижений науки и техники, что находится в полном соответствии с линией КПК на развитие Китая в опоре на «экономику знаний».

С дезинтеграцией СССР и улучшением отношений с Россией тезис о «военной угрозе с Севера» для Китая утратил актуаль-

ность, что способствовало созданию благоприятной внешней обстановки для собственного развития КНР. Темпы экономического развития страны стали быстро нарастать, особенно в приморских провинциях. Здесь образовались основные промышленные центры, которые играют роль «локомотива» экономического развития КНР. Этот процесс сопровождается ростом потребностей страны в сырьевых и энергетических ресурсах и ее зависимости от их ввоза, прежде всего морем. По некоторым данным, к 2020 г. потребности КНР в импорте нефти будут составлять около 200 млн т в год¹.

Важную роль в использовании прогрессивных методов в экономическом строительстве, достижений передовой науки, технологии и менеджмента играет опыт Сянган (Гонконга) и Тайваня. Представляется, что экономические интересы в большой степени обуславливают политику КНР по вопросам объединения Родины и так называемых спорных территорий в прилегающих к Китаю морях.

Повышение интереса Пекина к спорным территориям далеко неслучайно. Имеются признаки того, что в прибрежной акватории Китая могут находиться значительные природные ресурсы. В 1968 г. появились первые сообщения об обнаружении запасов нефти на шельфе островов Сенкаку* (китайское название Дяоюйдао). По сообщениям японской прессы, в 1999 г. китайские суда приступили к геологоразведочным работам на шельфе этих островов². Разведанные запасы шельфовой нефти и газа в Южно-Китайском море составляют соответственно более 1,5 млрд т и 320 млрд куб. м³. В условиях зависимости Китая от импорта нефти это немаловажный фактор.

Но есть и другие причины, по которым КНР будет наращивать военное присутствие в АТР. Одна из них, по нашему мнению, состоит в том, что Пекин стремится усилить военно-морской потенциал для обеспечения безопасности своего судоходства в Малаккском проливе, через который транспортируется более половины импортируемой Китаем нефти⁴. Здесь же курсируют военные корабли США, Японии, других стран из Индийского океана в Тихий и наоборот.

Названными экономическими, политическими и военно-стратегическими факторами во многом обусловлено стремление Китая к усилению военно-политической роли и военно-стратегических позиций в АТР, и прежде всего в его морской акватории.

О твердом стремлении Китая обеспечить защиту своего суверенитета и естественных ресурсов неоднократно подтверждал бывший министр обороны КНР Чи Хаотянь. В свое время он заявлял, что Китай будет всей мощью «защищать суверенитет своей национальной территории, воздушного пространства, территориальных вод и свои морские интересы»⁵. Министр также дал понять, что при формулировании морских интересов КНР всегда учитываются и Тайвань, и другие острова, ранее принадлежавшие Китаю.

Повышению влияния Пекина будет способствовать, несомненно, и использование им весьма значительного патриотического потенциала этнических китайцев, проживающих в странах региона. В КНР не забывают, что общие активы 500 ведущих из принадлежащих китайской диаспоре компаний в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Джакарте, на о. Маврикий составляют ныне около 540 млрд долл.⁶ Этот ресурс позволит Китаю усилить свою роль в регионе и оказывать значительное влияние на развитие обстановки во всем мире.

Источники угрозы своим интересам КНР связывает, прежде всего, со странами, которые могут реально помешать реализации поставленных целей политики реформ и модернизации. К ним в первую очередь относятся:

– двойственная позиция США в отношении Тайваня; США помогают Тайбэю усилить его военный потенциал и готовы оказать военную поддержку в случае попыток Пекина силовым путем «объединить родину»;

– Япония, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Индонезия и Республика Корея, также претендующие на морские акватории и острова в морях Восточной Азии;

– в качестве одной из реальных угроз своим национальным интересам в Пекине рассматривают возможность обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове; сепаратистские движения в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных округах и оказание им поддержки другими странами; религиозные экстремистские движения национальных меньшинств, инспирируемые «исламскими» фундаменталистами Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Турции.

В военно-доктринальном плане китайские власти не исключают возможность применения или угрозы применения военной силы для достижения политических целей и защиты национальных интересов как внутри страны (пример тому – решительное

пресечение антиправительственных выступлений в Тибете, в том числе в марте 2008 г., а также в Пекине), так и вне ее. Показательными в этом плане являются декларации Пекина о готовности к военно-силовому решению проблемы Тайваня, если его руководство заявит о суверенитете этой провинции Китая, а также попытка силового установления контроля над архипелагом Спратли (вооруженное столкновение китайских и вьетнамских кораблей в марте 1988 г.). Вместе с тем, из военно-силовых методов наиболее предпочтительной считается «неосложненная» демонстрация военной мощи в той или иной форме, как это было, например, в Тайваньском проливе в 1996 и 2001 гг. Вариант военных действий, при котором пришлось бы использовать весь военно-экономический потенциал государства и свернуть намеченные программы модернизации страны, считается нежелательным.

Китайское командование, воспользовавшись заявлениями о необходимости подготовки к силовому варианту решения проблемы «объединения родины» со стороны политического руководства страны, смогло добиться его согласия на ускорение процесса технической модернизации НОАК. Правительство начиная с 2000 г. стало выделять дополнительные средства на развитие ВПК и активизацию НИОКР военного назначения. Так, военные расходы страны с 1990 по 2000 г. выросли в три раза (по данным СИПРИ – Stockholm International Peace Research Institute), за последние годы произошло их более серьезное увеличение⁷. Предусматривается дальнейшее расширение закупок за рубежом современного вооружения, техники «двойного назначения» и технологий их производства.

В целом техническая модернизация армии Китая направлена на придание ВС страны способности успешно осуществлять адекватными методами выдвигаемые политические и экономические цели и задачи в региональном масштабе за счет постепенного наращивания боевого потенциала. При этом повышается способность НОАК оперативно реагировать на внезапные изменения военно-политической обстановки по периметру границ КНР и ее готовность к ведению локальных войн с применением высокотехнологичных средств вооруженной борьбы. Особое внимание уделяется созданию и подготовке мобильных сил, в состав которых включены часть сухопутных войск, в том числе воздушно-десантные, а также авиация и ВМС.

Возрастание внимания к океану со стороны военно-политического руководства КНР и смещение, по его мнению, основной ча-

сти угроз интересам Китая на восток и юг страны нашли свое отражение и в содержании программ не только модернизации вооруженных сил, но и их дислокации. Еще в 90-е годы XX века в ВМС КНР была принята стратегическая концепция «активной прибрежной обороны»⁸. В ней ставилась задача в течение ближайших 15 лет получить возможность «эффективно контролировать морское пространство в пределах первой цепи островов», то есть акваторию Тайваньского пролива и Южно-Китайского моря. В начале 1996 г., накануне выборов главы тайваньской администрации, Китай провел масштабную демонстрацию военной силы в районе о. Тайвань.

Курс на активизацию морской стратегии подтверждается обновлением группировки ВМС Китая. По данным российского Центра оборонной информации, только за 1992–2002 гг. КНР закупила в России 10 подводных лодок, 4 эскадренных миноносца, 2 зенитно-ракетные системы (ЗРС) корабельного базирования С-300Ф и 24 противокорабельные ракеты «Москит» (вероятнее всего, для эсминцев), а также 12 палубных вертолетов Ка-28 и 28 морских многоцелевых истребителя Су-30МКК⁹.

В результате выполнения первого этапа долгосрочного плана модернизации ВМС Китая военный флот страны приобретает возможность «проекции силы» на всю акваторию Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в пределах Филиппинских островов и архипелага островов Рюкю (так называемая первая линия островов)¹⁰. Этим решается задача защиты богатых нефтью и газом спорных островов и морских коммуникаций, что стратегически важно для ускоренно развивающей свою экономику страны, учитывая ограниченность ее ресурсов.

Особое значение для оценки дальнейших планов военного строительства и направленности морской стратегии КНР имеет информация о закупке высокоэффективных ЗРС С-300Ф. По своей сути, она свидетельствует о начале качественно нового, второго этапа в развитии китайского флота, рассчитанного на период до 2020 г. Очевидно, что китайские ВМС предпринимают первые шаги для выхода в среднюю океанскую зону, что невозможно без создания мощной современной ПВО корабельных соединений. По иностранным оценкам, это означает начало строительства первых элементов океанского флота¹¹.

Повышение роли КНР в АТР и в мире в целом китайское руководство связывает также с определенным качественным наращиванием ядерного потенциала страны. Это объясняет тот факт,

что Китай, выступая официально за ядерное разоружение, на практике оговаривает свое участие в этом процессе большим количеством предварительных условий. Главное из них – снижение другими ядерными державами своего стратегического наступательного потенциала до уровня китайского.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что при всей ее комплексности военно-политическая линия Китая в целом предсказуема и нацелена на стратегический выигрыш во времени, предназначенный для накопления сил и, в конечном счете, на превращение КНР в региональную, а затем и в мировую державу первого ранга. Конкретные цели Пекина состоят в достижении безусловного признания мировым сообществом территориальной целостности Китая и его юрисдикции над Тайванем, Тибетом и Синьцзяном, а также особых прав КНР в акватории Южно-Китайского моря; в достижении согласия стран-соседей с китайскими подходами в спорах с США и Западом в целом; а также отказа других государств от участия в антикитайских коалициях и от военного противостояния Китаю.

Представляется маловероятным, чтобы для достижения этих целей Китай прибегнул к военной экспансии. Нынешнее его поведение – вполне миролюбиво. Геостратегические цели в современных условиях достигаются не в открытых военных столкновениях, которые в случае применения оружия массового поражения могут привести к глобальной катастрофе, а в многоходовых и многолетних политических комбинациях и комплексных операциях дипломатии и спецслужб. Поражение СССР в противоборстве с Соединенными Штатами стало хорошим уроком для Китая. По мнению многих аналитиков, Пекин будет стремиться выигрывать, не ввязываясь в открытую борьбу, разделять потенциальных конкурентов, не вступая в сковывающие его самого жесткие союзы. Это один из важнейших принципов китайской политической и военной стратегии, сформулированный еще Сунь-цзы в конце VI в. до н.э. Коренные интересы развития и безопасности Китая имеют безусловный и абсолютный приоритет в глазах руководства КНР. Используя в качестве основного инструмента внешней политики и дипломатии экономическую мощь, Пекин, в случае необходимости вполне способен применить военную силу или угрозу силой. Для этого и куется «комплексная мощь государства».

В китайском обществе ведутся дискуссии относительно будущей роли Китая. С одной стороны, в КНР не отрицают, что стра-

на становится региональным лидером и одним из основных полюсов в эволюционирующем мире. С другой стороны – роль лидера принципиально противоречит традиционно проводимой Китаем политике антигегемонизма.

Говоря о стремлении Китая усилить свою роль на международной арене, нельзя не отметить того, что Пекин искренне заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в регионе. Важнейшими факторами в этом Китай считает развитие добрососедства со всеми странами, в первую очередь с Россией, и сохранение отношений сотрудничества, а также соперничества без конфронтации с США, Японией и Индией. Нередко на Западе, в Японии, да и в некоторых российских СМИ склонны рассматривать КНР как «главную угрозу плавному и стабильному экономическому подъему региона». Активно муссируется тезис о «китайской угрозе». Даже выдвигаются идеи сдерживания Китая¹². Уже сейчас, по оценкам К. Райс, КНР является не «державой статус-кво», а государством, которое стремится изменить в свою пользу баланс сил в Азии, что превращает его не в партнера США, а в их конкурента¹³, чего Китай, надо признать, избегает. Поэтому КНР будет заинтересована в строительстве региональной системы безопасности, разумеется, с ее активным участием. «Мань цзоу» – говорят китайцы, что адекватно русскому «тише едешь – дальше будешь». Само собой разумеется, что экономическая и военная мощь КНР, по мере ее роста, будет вестественным образом служить повышению военно-политической роли страны не только в региональном, но и в международном масштабе. Если использовать термины юриспруденции, «де-юре» Китай не стремится к региональному лидерству в военно-политическом отношении, но «де-факто» он становится таким лидером, что не может не учитываться Россией.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Создание по инициативе КНР и РФ Шанхайской организации сотрудничества – ШОС – явилось значительным достижением российско-китайского взаимодействия в Азии.

Следует заметить, что ЦАР, территория которого составляет основу ареала деятельности ШОС, имеет все возможности для того, чтобы в будущем стать одним из влиятельных экономических центров мира. Он обладает огромными ресурсами – от трудовых до запасов углеводородного сырья, урана, золота, цветных и редкоземельных элементов, другими полезными ископаемыми, удобными направлениями для прокладки международных коммуникаций – все это плюс весьма выгодное геостратегическое положение привлекает в ЦАР многие развитые государства. Имеется внушительный интеллектуальный потенциал, в наличии все возможности для рентабельного сельскохозяйственного производства и одновременно огромный рынок для его продуктов.

Истоки ШОС берут свое начало еще в 1989 г., когда после нормализации двусторонних отношений СССР и КНР перешли к созданию нынешней модели добрососедства, дружбы и стратегического взаимодействия и партнерства через реализацию целого ряда серьезных совместных мер по укреплению доверия в различных областях, в том числе и в военной сфере. В 1990 г. было подписано соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в районе советско-китайской границы.

В 1996 г. уже после распада Советского Союза вместе с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном Россия заключила с Китаем соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. В следующем, 1997 г. было подписано соглашение о мерах доверия и сокращения вооружений в районе границы. Именно этот процесс создал благоприятные условия, которые позволили России, Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану найти с Китаем взаимоприемлемое решение вопроса о границе.

В ходе реализации упомянутых соглашений в 1996 г. сформировалась Шанхайская «пятерка», а в 2001 г. с подключением к ней Узбекистана возникла Шанхайская организация сотрудничества.

После урегулирования проблемы границ основным побудительным мотивом развития ШОС стало другое, не менее, если не более важное обстоятельство.

После распада Советского Союза в регионе усилилось влияние конфликтогенных факторов. Между различными политическими объединениями и группировками обострилась борьба за власть. Как и в других регионах Азии, в 1990-е годы здесь на новый виток вышел «исламский» экстремизм в ваххабитском идеологическом облачении. Внутриафганский конфликт подогревал гражданскую войну в Таджикистане, подстрекал исламистских боевиков от Синьцзяна до Чечни. Именно в эти годы «исламский» терроризм приобрел системный характер, расползаясь по всем странам региона. Транзит наркотиков из Афганистана через Центральную Азию, Россию на Запад стал бездонным финансовым источником агрессивной и жесткой «исламизации» в регионе.

Становились известными немало фактов подпитки местных националистов и экстремистов из некоторых мусульманских стран. Международное сообщество оказалось перед фактом расширения зоны нестабильности, протянувшейся от Балкан через Кавказ, Ближний и Средний Восток в Центральную Азию и далее в направлении Юго-Восточной Азии.

Укрепление исламистских фундаменталистских организаций, расширение их связей с международным терроризмом было чревато продолжением и даже наращиванием масштабов террористических атак в различных частях континента, включая регионы России. Имели место массовые выступления в ряде исламских государств, сопровождаемые погромами посольств западных стран, попытки афганских талибов объединить свои усилия с Аль-Кайдой и создать некое государственное образование на границе Афганистана и Пакистана. Эти угрозы бросили вызов странам Центральной Азии и побудили их, а также Россию, Китай, Индию и ряд других государств, включая Пакистан, Иран, безопасность которых связана с положением в регионе, искать пути и средства по противодействию «трем злам»: терроризму, экстремизму и сепаратизму. Значение создания Организации состоит в том, что она была призвана заполнить политический «вакуум» в критический момент жизни стран Центральной Азии после распада СССР.

Обеспокоенность Китая обострением ситуации в Центральной Азии в связи с нарастанием террористической угрозы стимулировала его активность в рамках ШОС. В конце апреля 2002 г. глава китайского МИД Тан Цзясюань высказался за то, чтобы ШОС «являлся не клубом для пустых дискуссий, а дееспособной организацией, способной внести весомый вклад в дело борьбы с терроризмом и развитие экономического сотрудничества в регионе».

После подписания в июне 2002 г. главами государств – членов ШОС Хартии этой организации, Соглашения о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) можно было говорить об институциональном и правовом оформлении в центре Евразии нового динамичного объединения, охватывающего почти четверть населения земного шара.

Россия и Китай рассматривают ШОС как важную региональную организацию борьбы против «трех зол» – национализма, религиозного экстремизма и сепаратизма и одновременно как эффективный геополитический инструмент реализации стратегических интересов на глобальном и региональном уровне. ШОС формируется как один из центров в многополярном мире. Своей целью она ставит налаживание контактов и диалога не только с ООН и ЕС, но и с НАТО, АСЕАН и другими политическими и военно-политическими организациями.

Российская сторона позитивно оценивает инициативные шаги Китая по развитию нового экономического пространства в зоне ответственности ШОС – от Тихого океана до Европы. Необходимо постоянно осуществлять меры по устранению всех таможенных и тарифных барьеров на пути движения товаров и услуг на экономическом пространстве Организации. Конечно, эта работа будет осуществляться постепенно, по мере готовности каждой из сторон принять в ней посильное участие.

Самым важным в этом плане является то, что как и механизмы ШОС, так и вся работа Организации базируются на принципах взаимоуважения, свободного выбора каждой из сторон, невмешательства во внутренние дела и конструктивном междивизиационном диалоге на базе уважения культурно-мировоззренческого многообразия этого региона. Такие принципы деятельности ШОС вызывают позитивную реакцию в соседних странах. Именно это привлекло внимание Индии, Пакистана, Ирана и Монголии, ставших наблюдателями в этой организации. ШОС – открытая структура. Вместе с тем основатели Организации исходят из того, что *ныне необходимо прежде всего добиваться не расширения ареала дей-*

ствия ШОС, а укрепления ее внутренних основ, наладить эффективное взаимодействие между структурными элементами Шанхайской группы и каждой страной – участницей Организации.

В рамках ШОС осуществляется стратегическое партнерство, соглашения о котором достигнуты между всеми государствами – участниками Организации. Под стратегическим партнерством здесь понимается форма совместной деятельности государств в основных сферах, рассчитанная на долгосрочную прогнозируемую перспективу, основанная на юридическом признании, уважении и соблюдении взаимных интересов, равных прав, обязанностей, выгод и ответственности и направленная на достижение общих стратегических целей.

Важной ключевой проблемой деятельности ШОС продолжает оставаться укрепление региональной безопасности. Организация создавалась исходя из общего для государств-основателей осознания угроз их стабильности, проистекающих от международного терроризма, этнического сепаратизма и религиозного экстремизма. Однако считается, что ШОС не является военным союзом и в отличие от НАТО не имеет обязательств по взаимной обороне. ШОС не намерена противостоять США и Североатлантическому альянсу. Поэтому военная составляющая активности ШОС, по определению учредителей Организации, заключается лишь в работе РАТС и проведении совместных учений по противостоянию террористическим атакам.

Все это так. Но если оценить складывающуюся в регионе и вокруг него ситуацию, в том числе вокруг Ирака, Ирана, Афганистана, и учесть при этом подспудную борьбу за ресурсы региона, то мы вынуждены делать несколько иные выводы. Уместно будет заметить, что обострение борьбы в мире за энергоресурсы неизбежно скажется в ближайшие годы на ходе событий на пространстве ШОС. Неслучайно американский сенатор Р. Лугар во время ноябрьского 2006 г. саммита НАТО в Риге заявил, что «в предстоящие десятилетия наиболее вероятным источником вооруженного конфликта на Европейском театре и в окружающих регионах будет недостаток энергии и манипуляции с нею».

Центральная Азия объективно становится одной из основных арен экономического, геополитического и военного соперничества ведущих мировых держав. В связи с этим на организованных в ИДВ РАН семинарах неоднократно звучали предложения уделить особое внимание повышению роли Организации в обеспечении обороны и безопасности ее учредителей. Перефразируя изве-

стные слова, можно сказать, что *всякая организация лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищать себя и своих участников*. Военная составляющая Организации – это, прежде всего, решение задачи сдерживания, предотвращения развития ситуации по опасному для безопасности участников ШОС сценарию.

Наличие общих для государств – членов ШОС угроз безопасности придает особую значимость их сотрудничеству в военно-политической сфере.

По вопросу о сотрудничестве в оборонной сфере Россия и Китай придерживаются нового понимания безопасности, стержнем которого являются:

- усиление доверия между различными государствами;
- снижение уровня вооружений;
- учет интересов и озабоченности всех вовлеченных в ситуацию сторон;
- обязательство не применять силу первыми, не угрожать ее применением.

Обе страны выступают за создание международно-политической системы, способной реагировать на новые вызовы всеобщей безопасности, ядром которой является ООН. При этом оба государства придерживаются оборонительного курса военной стратегии и проводят самостоятельную внешнюю политику.

В Министерстве обороны России считают, что «в случае дальнейшего укрепления политического и военно-политического потенциала ШОС сформируется зона мира и стабильности на Юго-Восточном и Дальневосточном направлениях, исключающая возникновение крупномасштабной военной угрозы. Если произойдет полная или частичная ренационализация политики в области безопасности государств региона, Россия вынуждена будет рассматривать регион как потенциальный источник этнических конфликтов, пограничных споров и общей военно-политической нестабильности» со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для народов соответствующих стран¹⁴. Поэтому одной из наиболее важных задач сегодня становится наполнение практическим содержанием стратегического партнерства в военно-политической сфере между КНР и РФ. Как заявил в свое время начальник Генерального штаба Российских вооруженных сил, в Китай из России поставляются преимущественно тактические комплексы вооружения и оборонительные системы оружия.

Более продвинутой сферой сотрудничества в настоящее время становится сотрудничество между армиями наших стран.

Для его углубления предлагается модифицировать военные обмены, расширять сотрудничество в деле профессиональной подготовки офицеров и обмена военно-научной информацией, наращивать в рамках ШОС усилия по взаимодействию в сфере подготовки армий обеих стран к борьбе с терроризмом.

Проведение в 2005 и 2007 гг. совместных российско-китайских военных учений – новый важный аспект в развитии стратегического партнерства России и Китая в рамках ШОС. Совместные учения продемонстрировали новое направление взаимодействия России и Китая. Выражено стремление сторон скоординировать свои усилия для реального противодействия общим вызовам со стороны имевших место терроризма и нестандартных угроз. Поэтому озабоченности, высказывавшиеся в связи с учениями в Японии и США, на наш взгляд, являются необоснованными и преувеличенными.

В дальнейшем одна из общих целей может состоять в том, чтобы создать в рамках ШОС вооруженные силы, способные вести совместные действия при решении более широкого круга задач, в первую очередь связанных с миротворчеством. Из всего этого вытекает потребность обеспечения оперативной совместимости войск, их способности эффективно действовать при выполнении общих задач. На это и направлены совместные учения, практика проведения которых, как мы видим, в последние годы расширяется.

В целом же сотрудничество между вооруженными силами соответствует интересам не только России и Китая, но и всех входящих в ШОС стран. Оно закладывает основу для обеспечения региональной и национальной безопасности. Следует отметить и то, что военное сотрудничество РФ и КНР для нашего государства не является исчерпывающим. В российской концепции внешней политики заложен принцип многовекторности.

Актуальность вопроса о развитии сотрудничества Китая и РФ в сфере безопасности в рамках ШОС обусловлена тем, что обе страны, будучи наиболее развитыми государствами-членами Организации, чувствуют свою особую ответственность за противостояние силам терроризма в зоне ее деятельности. Россия и Китай выступают с общих позиций в вопросах искоренения международного терроризма, полагая, что интересы поддержания региональной и глобальной стратегической стабильности требуют активного противостояния этому злу.

Было бы ошибкой полагать, что международный терроризм открыто проявляет себя лишь в военных формах, как это имело

место в Афганистане. Международный терроризм, особенно осуществляемый на государственном уровне, действует и в сфере политики, и в сфере экономики, и в сфере культуры, в духовной жизни народа. Имеются в виду акции, направленные на подрыв валюты стран–объектов террора, действия, расшатывающие морально-политическое единство народов этих государств, зомбирующие население, деформирующие его национальное самосознание. Сегодня вряд ли какая-нибудь страна в состоянии справиться с международным терроризмом в одиночку, и тем более важным является российско-китайское партнерство на этом направлении.

Обеим странам представляется важным, чтобы противодействие терроризму, который не имеет конкретной национальной или конфессиональной принадлежности, не отождествлялось с борьбой против какой-либо религии, отдельных стран и этнических групп. КНР и РФ полагают, что при обеспечении борьбы с терроризмом на всех уровнях – глобальном, региональном и национальном, следует следить за тем, чтобы эта политика была лишена тенденциозности и «двойных стандартов».

Кроме того, и Китай, и РФ озабочены американским военным присутствием в ЦАР и вокруг него. Как известно, в результате антитеррористической операции США в Афганистане кардинально изменилась геополитическая ситуация в целом. С момента дезинтеграции Советского Союза Соединенные Штаты предпринимали все возможное для включения стран Центральной Азии с их богатыми природными ресурсами в орбиту своего экономического и политического влияния, формируя их прозападную ориентацию и нейтрализуя исторически сложившиеся позиции России и Китая в этом регионе. В 1999 г. конгресс США одобрил предложенный сенатором С. Браунбаком «Акт о стратегии шелкового пути», определившей стратегические интересы США в Центральноазиатском регионе.

Вступив после известных событий 11 сентября 2001 г. в антитеррористический альянс с США, Россия фактически поддержала заключение военно-технических соглашений между США и правительствами новых центральноазиатских стран. Государства ЦАР–члены ШОС тогда с пониманием отнеслись к усилиям по сохранению региональной стабильности, предпринятыми другими странами, включая США. Поэтому они также поддержали проведение на территории Афганистана контртеррористической операции вооруженными силами США и их союзников по НАТО. Для этого некоторые страны ЦАР предоставили свои территории

для временного размещения военных баз коалиции, а также аэродромы для проведения воздушных операций против талибов и мирились с американским военным присутствием в регионе на протяжении ряда лет.

К настоящему времени контртеррористическая операция в части, касающейся разгрома основных группировок вооруженных сил талибов (во многом благодаря войскам Северного альянса Афганистана, поддержанным в материальном и техническом отношении Россией), в основном завершена. И хотя до необходимой стабильности в Афганистане еще далеко, масштабные боевые действия там уже не ведутся. Однако страны временной коалиции во главе с США не проявляют намерения полностью вывести свой военный контингент из Центральной Азии.

Ожидания России и других участников ШОС в отношении того, что коалиция окажет им содействие в борьбе с наркотрафиком и контрабандой оружия, в пресечении попыток вооруженных отрядов исламистов проникать на территорию центральноазиатских государств, не оправдались. Более того, объемы наркотрафика из Афганистана увеличились почти вдвое. США через свои неправительственные организации стали оказывать поддержку экстремистским организациям в проведении «цветных революций».

Совершенно очевидно, что попытки усиления американского военно-политического влияния в постсоветском центральноазиатском пространстве были продиктованы не только стремлением противостоять там традиционному влиянию России, но и желанием создать плацдарм, предназначенный для контроля над растущим влиянием Китая. Если исходить из особенностей эволюции баланса интересов, то, с точки зрения Америки, один только быстрый рост комплексной мощи Китая уже делает его главным американским конкурентом. Поэтому США в отношении КНР придерживаются стратегии бдительности и сдерживания.

Попытки закрепления США в Центральной Азии вызвали двойственную реакцию в РФ и КНР. С одной стороны, и Китай, и Россия абсолютно не заинтересованы в ухудшении отношений с США и создании антиамериканского союза, но с другой – они хорошо осознают опасность разбалансировки сил во всем евразийском геополитическом пространстве и возникновения возможных трений с США. Решение о размещении военных баз США и НАТО не было в ШОС единодушным. С большой осторожностью к нему отнесся Китай. Заместитель начальника Генерального штаба НОАК Сюн Гуанкай, в свое время посетивший Казах-

стан, сделал официальное заявление о том, что Китай «не может оставлять без внимания» вопрос присутствия в Центральной Азии вооруженных сил международной антитеррористической коалиции. Однако новая ситуация позволила Китаю квалифицировать свою борьбу с синьцзянскими сепаратистами в общем контексте мировой борьбы с терроризмом.

Как Москва, так и Пекин полагают, что обеспечению стратегической стабильности на любом уровне не может способствовать долгосрочное пребывание вооруженных сил внерегиональных держав в Центральной Азии и Закавказье. Взаимодействие России и Китая по вопросу дислокации американских войск в ЦАР во многом способствовало выводу американского военного контингента из Казахстана и Узбекистана после 2005 г. Пока американцы смогли закрепиться только на авиабазе Манас (Кыргызстан). С оперативно-стратегической точки зрения это выгодный аэродром, позволяющий взять под контроль весь Центральноазиатский регион. Кыргызстан до сих пор получает финансовые средства за сдачу своей авиабазы в аренду ВС США. В свое время велись переговоры о создании в Ташкенте предприятия по сборке американских военных самолетов, планировалось также с помощью США развернуть единую интегрированную систему связи и приступить к разработке новой системы противовоздушной обороны.

Присутствие США в Центральной Азии (Кыргызстан) было бы оправданным, если бы оно работало на программы политического, экономического и социального развития региона. Однако в действиях американцев чрезмерный упор делается на военной составляющей. Во многом сходная картина и в Закавказье, прежде всего в Грузии, куда идет проникновение США под лозунгами борьбы с международным терроризмом и поддержки демократических преобразований. В декабре 2001 г. в Комитете по международным отношениям Сената США был создан специальный подкомитет по Центральной Азии и Кавказу, на открытии которого помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс заявила, что США «намерены поддержать страны региона в их реформах, так же как эти страны, в свою очередь, поддержали США в борьбе с терроризмом»¹⁵. У стран ЦАР, захоти они отказаться от линии на приоритетное развитие сотрудничества с РФ и ШОС в целом, остаются основания рассчитывать на серьезные финансовые вливания и от США и других западных стран.

Итак, с одной стороны, имеется заинтересованность стран ШОС во взаимодействии с США, поскольку с позиций противо-

действия угрожающим ЦАР терроризму, религиозному экстремизму, сепаратизму, наркоторговле и борьбы с ними интересы России, Китая и США в известной мере совпадают, как совпадают они и с интересами правящих в государствах региона режимов. С другой стороны, политика США в регионе порождает немало причин для обеспокоенности и недоверия.

В позиции США, в силу геополитических амбиций этой страны, присутствует явный упор на превосходство в экономической и стратегической мощи. Более того, американский партнер демонстрирует конфронтационный подход. В 2005 г. во время своего центральноазиатского турне госсекретарь США К. Райс выдвинула идею «Большой Центральной Азии», объединенной с Афганистаном, но отделенной от Китая и России. Вследствие этого подходы США к сотрудничеству с партнерами в ЦАР по антитеррористической коалиции нередко воспринимаются в странах региона как попытки американского давления и диктата. Нельзя не учитывать и влияния в регионе такого фактора, как стремление стран ЕС реализовать свои интересы и закрепиться на новом перспективном энергетическом рынке.

Вместе с тем и Москве, и Пекину представляется неправомерным проведение линии США на то, чтобы использовать борьбу с терроризмом в качестве средства по приобретению односторонних преимуществ и выгод. В этой связи РФ и КНР считают необходимым не допустить растяжимого, расплывчатого толкования понятия международного терроризма и недопущения двойных стандартов в практике борьбы с этим деструктивным явлением.

Тем не менее и Москва, и Пекин отдают себе отчет, что обеспечение стратегической стабильности, которое, прежде всего, предусматривает устранение угрозы с применением ядерного оружия, практически не возможно без взаимодействия с США. Борьба с международным терроризмом, распространением ядерного и других видов оружия массового уничтожения, наркотрафиком, незаконной торговлей оружием и другими так называемыми нетрадиционными угрозами, принимающими глобальный масштаб, делают безальтернативной необходимостью сотрудничество Запада и Востока, взаимодействие США и их союзников с такими странами, как Россия, Китай, Индия, развивающиеся государства Азии, Латинской Америки и Африки.

В экономическом плане для Китая США являются емким рынком сбыта его товаров, крупным источником инвестиций и инновационных технологий. Поэтому в случае равноправного, взаимовы-

годного диалога по актуальным проблемам региональной и глобальной безопасности и экономического сотрудничества КНР, а также РФ считают объективной данностью взаимодействие с США. Политика Китая в отношении США, по словам видного китайского политолога Мэнь Хунхуа, сводится к следующей формуле: «Учиться у США, использовать США, догонять США».

К сожалению, на Западе не все понимают особенности ситуации в Центральноазиатском регионе и вокруг него. В условиях высокой активности международных террористических и религиозно-экстремистских групп, пересекающихся геополитических и экономических интересов любые попытки экспорта революций в страны ЦАР приведут к разрастанию конфликтов. Рискованные геополитические игры под прикрытием «продвижения демократии» могут обернуться превращением региона в «горячую зону», и восстановить стабильность будет непросто.

Так или иначе, но объективная реальность сейчас такова, что Азия, особенно центральная ее часть, становится одной из главных сфер геополитических интересов России, Китая и США, что обусловлено особенностями стратегических интересов трех стран и складывающейся международной обстановкой.

Не только США, но и Россия, и Китай усматривают смысл в маркетизации и демократизации региона. Однако нынешние политические системы в странах ЦАР, которые можно условно отнести к переходным, представляются двум странам более надежной защитой от «исламизации» Центральной Азии, чем демократические институты североамериканского и европейского типа, которые могут и не устоять под давлением исламистов. Это в достаточной степени подтвердил диаметрально противоположный исход попыток свержения конституционной власти весной 2005 г. в Узбекистане и Кыргызстане.

Вплоть до недавнего времени существовала вероятность сохранения за Центральной Азией на долгие годы печального ореола «горячей точки» планеты, а также плацдарма прямого противостояния разных цивилизаций. В интересах России и Китая было найти наиболее эффективные формы внешнеполитической кооперации в целях экономического прогресса и поддержания безопасности в новом ее прочтении: «безопасности через развитие», а не «безопасности через подчинение», предлагаемой США. И к настоящему времени многое на этом пути уже сделано.

Если в начальный период своей деятельности основное внимание ШОС уделяла, да и продолжает уделять, вопросам укрепле-

ния региональной безопасности, военно-политическим компонентам взаимодействия, противостоянию угрозам терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и организованной преступности, то впоследствии эти приоритетные направления были дополнены новыми сферами активности – интенсификацией сотрудничества в экономической и гуманитарной областях. Данная сторона деятельности ШОС рассматривается государствами-членами в качестве задачи особой значимости. Члены Организации понимают, что именно экономическое сотрудничество должно добавить «мяса» декларациям и заявлениям ШОС при всей их важности, стать цементирующим фактором в деле ее укрепления и дать населению стран–участниц ШОС почувствовать зримую отдачу от участия в этой Организации. Поэтому, по мнению многих экспертов, в настоящее время одной из важнейших задач ШОС является привлечение ее возможностей для содействия социально-экономическому прогрессу и стабильности в центрально-азиатских государствах – участницах Шанхайской группы.

Страны ЦАР связывают с работой ШОС также и перспективы комплексного, коллективного сотрудничества. Новая политико-экономическая ситуация повышает значение Организации в этом плане. В ШОС наиболее мощной и динамично развивающейся экономикой обладает Китай. Соответственно этому он проводит свою линию в Организации, отличающуюся инициативностью и напористостью. КНР является наиболее активным сторонником ускорения процесса экономической интеграции в рамках ШОС. Ее стратегической целью является освоение экономического пространства Организации через создание здесь зоны свободной торговли. Однако на данный момент китайская сторона принимает во внимание то, что национальные хозяйства других государств – членов ШОС еще не созрели до такого шага, и поэтому не форсирует события.

Китай сейчас располагает всеми возможностями, чтобы заинтересовать страны Центральной Азии в сотрудничестве с ним как покупателем нефти и газа и инвестором в их экономику. Тем самым он стремится убедить их не уповать на валютные вливания от других стран, в том числе США, чем бы они ни мотивировались. Пекин ведет вполне понятный поиск своей «ниши» на рынках ЦАР, прежде всего в энергетической сфере. Китайское правительство проявило инициативу, достойную подражания. В 2004 г. оно выделило почти 1 млрд долл. для реализации экономических проектов в странах ШОС.

Особенно велико значение экономического сотрудничества ШОС в формате совместных проектов по освоению нефтяных месторождений. Итогом проведенного в сентябре 2001 г. казахстанского саммита Организации стало подписание совместного меморандума «О региональном экономическом сотрудничестве». Стороны подчеркнули необходимость создания условий для экономической интеграции шести государств, прокладки транспортных коридоров, снижения таможенных барьеров и пр. Встал также вопрос о расширении географических рамок и состава участников ШОС, о возможности ее выхода за пределы Центральной Азии с превращением в своеобразный противовес НАТО.

В настоящее время уже действуют Программа многостороннего экономического сотрудничества в формате ШОС и Комплексный план по ее реализации, в рамках которого определены 127 проектов, охватывающих энергетику, транспорт, торговлю, телекоммуникации, экологию, сельское хозяйство, научные исследования и другие области. Сложился механизм политического взаимодействия.

Геополитическая борьба за влияние в Центральной Азии во многом сводится к проблеме транспортных коридоров. Из транспортных объектов, представляющих общий интерес для стран региона, в первую очередь следует назвать евроазиатскую трансконтинентальную железную дорогу от китайского порта Ляньюньган на Тихом океане до нидерландского порта Роттердам, общей протяженностью 10,8 тыс. км, которая преподносится в рекламных целях как результат возрождения древнего «Шелкового пути». Днем рождения этой новой магистрали можно считать 12 сентября 1990 г., когда состоялась стыковка железных дорог Китая и СССР в пограничном пункте Алашанькоу–Дружба. Первоначально китайско-казахстанская железная дорога предназначалась для сокращения торгового пути между Китаем и СССР, сейчас этот путь получает международное значение, сокращая примерно на 1100 км путь из Европы в Азию по сравнению с первым трансконтинентальным мостом, каким является Транссибирская магистраль. По китайским оценкам, перевозка грузов по новой железной дороге между конечными пунктами обойдется вдвое дешевле, чем при транспортировке грузов морем и на 12% дешевле, чем по Транссибирской железной дороге.

В роли конкурента магистрали «Европа–Россия–Казахстан–Азия» выступает еще один трансконтинентальный транспортный коридор – ТРАСЕКА, сооружение которого было инициировано

ЕС для организации перевозки грузов между европейскими и азиатскими странами в обход территории России. Вопрос об экономической эффективности ТРАСЕКА остается открытым.

Весной 2007 г. прошли очередные заседания Советов министров иностранных дел, а также министров обороны, летом состоялась встреча глав государств ШОС в Бишкеке, осенью в Ташкенте собрались главы правительств государств – членов Организации. Предметом работы этих Советов и стало рассмотрение экономических программ, планов и проектов. Все они привлекательны, во-первых, с точки зрения «снятия» социальной напряженности в государствах Центральной Азии, обладающих большой прослойкой безработного и бедного населения, и, во-вторых, с точки зрения перспектив сотрудничества с соседними государствами, в том числе с государствами-наблюдателями (Индия, Иран, Монголия и Пакистан), а также с такими государствами, как Азербайджан и Туркменистан – крупными производителями углеводородов.

Следует отметить, что, несмотря на всю позитивность создания ШОС и специфику этой организации как наиболее удачного международного проекта последнего десятилетия, перспективы сотрудничества здесь не безоблачны. По мнению ряда экспертов, расширение ШОС привело к некоторой ее стагнации. Ряд государств – членов Шанхайской группы пытаются продвигать свои узконациональные интересы, не всегда разделяемые другими участниками Организации или даже явно противоречащие им. Между центральноазиатскими странами-членами Организации сохраняются точки напряженности, в частности, связанные с проблемой неурегулированности линии границ. Внешне эти противоречия выглядят как межнациональные, поскольку спорные участки границ пролегают в местах соседства различных этносов. Но в их основе чаще всего лежит борьба за ресурсы и главным образом – за воду¹⁶. К тому же деятельность структур ШОС, относящихся к сфере гуманитарного сотрудничества, пока не носит регулярного и систематического характера. Сохраняется возможность обострения гуманитарной обстановки в приграничных Китаю районах в связи с отводом китайцами воды из Иртыша вследствие сооружения канала «Иртыш–Карамай» и строительства водохранилища на Черном Иртыше.

Проблема доступа к жизнеобеспечивающим ресурсам (плодородной земле, воде) неразрывно связана с перенаселенностью в относительно благоприятных в экологическом плане территориях региона. Еще более обостряют ее высокие темпы прироста

населения в регионе (стабильно 3% в год)¹⁷ на фоне ухудшения экологической обстановки, вывода из хозяйственного оборота водных источников из-за их чрезмерной минерализации, а также земель по причине опустынивания и засоления почв на большей части Казахстана, Туркменистана и Узбекистана¹⁸. Именно поэтому вероятность межэтнических конфликтов в ЦАР по-прежнему остается высокой.

Даже при составлении списка террористических организаций, дестабилизирующих обстановку во всем регионе, странам ЦАР трудно прийти к согласованным позициям, поскольку некоторые государства стараются включить в эти списки все оппозиционные существующим режимам структуры.

В отношениях между странами ШОС актуальна и проблема миграции, включая нелегальную.

В силу вышеизложенного, можно сказать, что партнерство в ШОС сопровождается определенной конкуренцией. Конечно, такое явление не уникально. Многие межгосударственные объединения страдают этим: и ЕС, и АСЕАН, и АТЭС. Но вопрос заключается в том, что является преобладающим в деятельности как самой организации, так и каждой из стран – ее участниц: согласование интересов или же односторонний подход? Является ли ШОС зоной общих интересов в плане достижения совместной безопасности и развития или же каждый будет бороться за себя сам? Пока однозначный ответ дать трудно.

Отдельно следует сказать несколько слов о взаимодействии ШОС с ОДКБ и ЕврАзЭС. Подобное партнерство не лишено смысла, однако одновременное участие стран СНГ в этих организациях приводит остальных партнеров (например, китайских) к мысли о том, что «ШОСовские» страны СНГ отдельно договариваются между собой и отдельно – с Китаем. Понятно, что обязательства, которые страны-участницы берут на себя в рамках ОДКБ и ЕврАзЭС, накладывают определенный отпечаток на их позиции в ШОС. Понятно и то, что формат сотрудничества ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС воспринимается Китаем как некая защитная конструкция от его излишней активности. В этих условиях создать зону совместной ответственности и развития в рамках ШОС будет затруднительно. Поэтому здесь требуется особая деликатность, необходимо углубленное взаимное доверие, чтобы это противоречие не приобрело характер антагонизма.

В деятельности ШОС возникает немало и других, требующих совместного решения вопросов и противоречий. Одно из наибо-

лее важных из них – нестыковка провозглашенных принципов «внутришосовского» взаимодействия с принципами взаимодействия с другими организациями и странами вне пределов ШОС, но с которыми так или иначе заинтересованы сотрудничать государства Шанхайской группы.

Например, контакты ШОС с США, даже в рамках элементарных консультаций, пока отсутствуют. Но на этом фоне заметен крен в сторону Запада некоторых центральноазиатских стран, например, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, что настораживает Россию и Китай. В свою очередь, двусторонние российско-американские и китайско-американские переговоры и консультации вызывают настороженность у центральноазиатских государств. Это с одной стороны. А с другой – такой подход к партнерству с США и НАТО затрудняет реализацию декларируемого ШОС принципа корпоративности и консенсуса.

Весьма важным представляется и то, что ситуация в Афганистане ухудшается (известно, что талибы уже контролируют почти 70% территории страны) и, как представляется, в интересах ШОС было бы начать консультации с американцами по данному вопросу. Тем более что Вашингтон проявляет заинтересованность в контактах с ШОС.

Особняком стоит проблема приема новых членов в Организацию. Думается, что вряд ли кто-то будет против вхождения в нее таких стран, как Индия, Пакистан и Иран. Но важен вопрос, *с какими намерениями они хотели бы стать участниками ШОС?* Формально признавая Хартию, уставные и программные документы ШОС, готовы ли эти страны к проекту реального создания зоны совместной ответственности?

Требуется совершенствование и экономическое сотрудничество. Еще в 2004 г. в Бишкеке участники ШОС договорились о совместной работе по шести приоритетным направлениям: транспорт, энергетика, связь, сельское хозяйство, производство бытовой техники, легкая и текстильная промышленность. Принята Программа торгово-экономического сотрудничества до 2020 г. Совершенно очевидно, что все эти направления являются важными прежде всего для центральноазиатских стран. Однако следует признать, что дальнейшее их продвижение натывается на противоречия и несогласованность позиций стран – участниц ШОС.

Если проследить динамику развития сотрудничества от намерений до реализации, то заметен переход от доминирования общих интересов на «этапе намерений» к доминированию узкообра-

новых подходов ближе к «этапу реализации». Для одних первоочередными видятся проблемы сельского хозяйства и водных ресурсов, для других – электроэнергетика, для третьих – добыча и транспортировка углеводородов и т.д. Но при этом проблема финансирования совместных экономических начинаний остро стоит для всех.

В целях нивелирования трудностей на пути экономического сотрудничества ШОС, учитывая масштабность и высокую затратность существующих инфраструктурных и энергетических проектов, отсутствие в отличие от, например, США, крупных инвесторов и емких рынков, сопоставимых с Японией и Южной Кореей, представляется целесообразным, исходя из принципов открытого регионализма, создать инвестиционный Банк развития Центральной Азии, акционерами которого могли бы стать правительства стран – членов ШОС при желательном участии США, ЕС, Японии и других заинтересованных сторон. Функции Банка могли бы быть такими же, что и у упоминавшейся ранее кредитно-финансовой структуры – Банка развития США: эмиссия ценных бумаг для обращения на мировых финансовых рынках и заимствования капиталов, которые затем инвестировались бы в Центральную Азию. Участие в Банке авторитетных в мировых финансовых кругах правительственных структур обусловливало бы привлекательность для международных инвесторов выпускаемых этим Банком ценных бумаг. У российского и китайского нефтяного и газового бизнеса тем самым появилась бы возможность участвовать в тех энергетических и инфраструктурных проектах в Центральной Азии, которые в одиночку реализовать невозможно.

Кроме того, поскольку на пространстве ШОС остро стоит проблема миграции, думается, что Организация могла бы выступить механизмом согласования деятельности национальных служб по делам мигрантов.

Итак, можно сказать, что генеральной задачей ШОС является углубление сотрудничества в вопросах обеспечения мира и достижения международного политического и экономического порядка на принципах демократии, справедливости, многополярности и хозяйственного соразвития. Речь идет о становлении новой культуры межгосударственного общения, причем не только в зоне ответственности Организации, но и в сопредельном регионе – АТР, а также в мире в целом.

Перспективной площадкой развития диалога между странами-членами ШОС и АТР может стать намечающееся *взаимодей-*

ствие между Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской группой.

Как известно, Организация, в которой Россия наряду с Китаем играет ключевую роль, выступает за конструктивное сотрудничество всех региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в интересах мира, стабильности и процветания. Аналогичные цели провозглашаются и в программных документах АСЕАН.

И ШОС, и АСЕАН заинтересованы в укреплении безопасности в АТР и налаживании взаимовыгодного сотрудничества между ними. Одной из своих главных задач стороны считают содействие взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству. Они также стремятся к выработке в рамках ШОС и АСЕАН единых подходов к отражению террористических угроз и новых глобальных вызовов. ШОС и АСЕАН выступают за развитие многостороннего сотрудничества и взаимодействия в рамках ООН. Они стремятся при этом, говоря словами бывшего исполнительного секретаря ШОС Чжан Дэгуана, к «установлению порядка, который соответствовал бы национальным особенностям и традициям каждого государства». К тому же страны – члены ШОС и АСЕАН связывают географическая близость, наличие общих интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому можно сказать, что точки соприкосновения между двумя Организациями носят естественный характер.

В апреле 2005 г. был подписан меморандум «О взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом АСЕАН». Установлены, таким образом, первые официальные контакты между исполнительными структурами двух региональных Организаций. Церемония прошла в джакартской штаб-квартире АСЕАН, где расположен постоянный секретариат АСЕАНовской «десятки».

Следует сказать, что взаимодействие с АСЕАН рассматривается в ШОС как важное направление деятельности Шанхайской группы в русле той инициативы, с которой страны ШОС выступили по итогам своего саммита в 2004 г. в Ташкенте. Главы государств России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана обратились тогда к действующим в АТР международным организациям и форумам с предложением приступить к постепенному созданию партнерской сети многосторонних объединений путем заключения между ними соответствующих соглашений, включая предоставление друг другу на взаимной основе статуса наблюдателей.

Лидеры стран–участниц ШОС заявили, что реализация этой инициативы, по их мнению, содействовала бы «формированию в АТР кооперативной системы общерегиональной безопасности и сотрудничества, действующей в рамках Устава ООН и международного права, в равной степени учитывающей интересы всех участников». Приоритетными в развитии двусторонних и межрегиональных контактов будут такие сферы, как «борьба с транснациональной преступностью и терроризмом, экономика, финансы, экология, туризм». В этой связи Меморандум, подписанный в апреле 2005 г. в Джакарте, как, в частности, отмечал глава Секретариата ШОС, стал еще одним «важным шагом в деле реализации решений Ташкентского саммита ШОС о создании в Азии партнерской сети многосторонних объединений». Отметим, что ранее в 2005 г. аналогичный документ был подписан между секретариатами ШОС и СНГ. На имя глав государств–членов ШОС и ее исполнительного секретаря поступили обращения и со стороны ряда крупных государств о предоставлении им статуса наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества.

Строго говоря, встреча в столице Индонезии была уже не первой в контактах руководителей двух региональных организаций. Еще в ходе работы регионального форума АСЕАН 1997 г. в Куала-Лумпуре участники заседания с большим вниманием отнеслись к документам, принятым к тому времени в рамках тогда еще «шанхайской пятерки», расценив их как важный пример решения пограничных проблем и установления мер доверия, как возможную модель урегулирования аналогичных вопросов в других регионах, в том числе в зоне АСЕАН. В 2003 г. между странами ШОС и АСЕАН наметилась перспектива антитеррористического сотрудничества как по линии двусторонних отношений, так и на уровне региональных антитеррористических структур, в том числе в рамках форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). Начало рабочим консультациям между двумя Организациями было положено в апреле 2004 г. в Шанхае. Новый импульс отношения между ШОС и АСЕАН получили в результате переговоров между тогдашним исполнительным секретарем ШОС Чжан Дэгуаном и генсеком АСЕАН Онг Кенг Йонгом, состоявшихся в июле 2004 г. в Секретариате ШОС в Пекине.

Как следует из упоминавшихся переговоров в Джакарте (апрель 2005 г.), перспективными сферами взаимодействия ШОС (а значит, и России) с АСЕАН являются борьба с новыми вызовами и угрозами, включая незаконный оборот оружия и боеприпасов,

взрывчатых, отравляющих, ядовитых и радиоактивных веществ, вопросы, связанные с борьбой против транснациональной преступности, а также наемничества.

Показательно, что в ходе контактов двух организаций стороны уделяют особое внимание вопросам, касающимся различных форм и механизмов взаимодействия в рамках АСЕАН в экономической сфере, в области образования и науки. 40-летний опыт соответствующего сотрудничества в рамках Ассоциации стран ЮВА вполне может быть востребован в ШОС. Так, в принятом в Джакарте меморандуме «ШОС – АСЕАН», были определены такие перспективные сферы экономического взаимодействия, как финансы, туризм, охрана окружающей среды, использование природных ресурсов, социальное развитие, сотрудничество в области энергетики и др. Обе стороны выражают намерение продолжать и развивать взаимовыгодный диалог, осуществлять обмен информацией, консультации между экспертами обеих организаций.

Важно, что руководители секретариатов ШОС и АСЕАН определили список ответственных должностных лиц, которые будут осуществлять регулярные рабочие контакты. Стороны путем консультаций и переговоров выработают конкретные формы, методы и механизмы взаимодействия. Как неоднократно подчеркивали руководители двух организаций, меморандум «ШОС-АСЕАН» открывает новые возможности в условиях процессов глобализации для расширения и углубления взаимовыгодного сотрудничества между двумя секретариатами в интересах государств – членов обеих международных структур.

Особое значение связей с международными организациями, в том числе с АСЕАН, не раз подчеркивалось в документах ШОС, в частности, принятых на саммите в июле 2005 г. в Астане, а также на юбилейном саммите ШОС в июне 2006 г. в Шанхае. Определяя в своем шанхайском выступлении приоритетные задачи Организации, президент РФ В.В.Путин отметил, что «важная задача – интенсификация всего комплекса связей с международными организациями. В первую очередь с ООН, АСЕАН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС»¹⁹.

Принимая во внимание рост международного авторитета ШОС, Россия как активный участник Организации вполне может использовать связанные с этим возможности для интенсификации собственных связей со странами АСЕАН и других международных объединений.

Подводя итог теме ШОС, хотелось бы *подчеркнуть следующее*. Очевиден рост международного авторитета ШОС, открытой к сотрудничеству со всеми заинтересованными государствами. Об Организации уже говорят как о влиятельной дееспособной структуре, которая намерена и готова дать ответы на непростые вызовы азиатской и мировой современности. ШОС воспринимается как состоявшаяся геополитическая реальность, и интерес к ее деятельности проявляют многие страны, а также международные организации.

Однако в ряде западных государств расширение и активизация деятельности ШОС воспринимаются как покушение Организации на весьма расширительно понимаемые национальные интересы этих стран. Соединенные Штаты, например, открыто претендуют на то, чтобы превратить Центральную Азию в зону их стратегического влияния. Американский аналитик Ариэль Коэн заявил, что в деятельности ШОС, дескать, проявляются происки «китайских гегемонистов» и «российских неоимпериалистов». По его словам, Шанхайская организация сотрудничества – это инструмент, с помощью которого Китай и Россия увеличивают свое влияние в Центральной Азии. Эта структура пока препятствует тому, чтобы США принимали участие в ее работе даже на уровне наблюдателя, хотя подобные права получили Пакистан, Индия и Иран. Возможно, что Пекин, Москва и Тегеран будут стремиться если не выдавливать США, то, по крайней мере, не позволять Вашингтону расширять свое присутствие в регионе.

В своей позиции в отношении США ШОС исходит из того, что для Вашингтона центральноазиатский регион сегодня – это, прежде всего, одна из важных баз силовой поддержки конструируемого им режима в Афганистане и новая зона закрепления в этой богатой энергетическими ресурсами и удобной в геополитическом плане части Азии, а в перспективе – благоприятная зона для контроля над тыловыми районами набирающего мощь Китая. Декларируемые же США задачи борьбы с экстремизмом и наркотрафиком фактически отходят на второй план.

В ШОС, однако, понимают, что реализация цели Шанхайской группы по созданию условий стабильности и безопасности в ЦАР без привлечения внерегиональных стран и структур – очень сложная задача. Говоря о повышении роли ШОС в обеспечении региональной безопасности, следует отметить один общеизвестный сегодня аспект. Практика свидетельствует: ни в рамках одного государства, ни в рамках отдельно взятого региона проблему борь-

бы, например, с международным терроризмом решить не удастся. *Нужно использовать потенциал международного сотрудничества на двусторонней, многосторонней и межблоковой основе.* Поэтому ШОС в принципе не отвергает возможность поддержания взаимодействия с США по вопросам антитеррористической борьбы в ЦАР, но не приемлет вмешательства во внутренние дела стран–членов Организации, в частности, путем экспорта так называемых «цветных революций».

На наш взгляд, нельзя также не учитывать и того, что еще одним важным фактором надежной защиты от экстремизма, терроризма и сопутствующих им иных нетрадиционных угроз может стать вовлечение в систему безопасности других заинтересованных государств, в том числе обладающих конфликтным потенциалом. Имеются в виду, прежде всего, прилегающие к Центральной Азии Афганистан, Индия, Иран, Пакистан, Монголия, которые получили статус наблюдателя при ШОС, а также другие страны. Но для этого Центральная Азия должна стать не полем столкновения интересов Запада, России и Китая, а своеобразным полигоном для обкатки механизма взаимодействия между всеми заинтересованными государствами по нейтрализации новых угроз безопасности. При этом следует иметь в виду и более широкую задачу: создание «*дуги стабильности*», в противовес «*дуге нестабильности*», протянувшейся от Европы до Юго-Восточной Азии. Шанхайская организация сотрудничества при условии дальнейшего расширения ее возможностей вполне способна стать элементом такой дуги и связующим звеном между системами безопасности Европы и АТР.

Следует признать, что все ведущие «игроки» в ЦАР и вокруг него руководствуются, в первую очередь, собственными интересами и хорошо, когда они совпадают с устремлениями контрагентов. Если говорить о различиях, то они кроются в приоритетах, расставленных во внешнеполитической линии каждого из основных акторов в регионе, приоритетах, способных в определенных обстоятельствах осложнять практическую выработку общего курса на совместную борьбу с новыми угрозами.

Для Китая на первом месте сейчас стоят задачи борьбы с «исламским» экстремизмом, несущим угрозу стабильности и территориальной целостности Северо-Западного Китая. КНР (как и Россия, а также лидеры стран Центральной Азии) озабочена планами США экспортировать под флагом демократии «цветные революции» в страны ЦАР. К тому же, по признанию китайских

политологов, основное значение Центральной Азии для Китая сейчас заключается в экономической сфере. Поэтому особым интересом в ЦАР для КНР ныне является активное наращивание хозяйственного сотрудничества с партнерами по ШОС, особенно в нефтегазовом и гидроэнергетическом его кластере. При этом Китай, следуя традиционным установкам Дэн Сяопина «реагировать сдержанно и дожидаться своего часа», стремится избегать противоречий, тем более – прямой конфронтации, стимулируя тесное взаимодействие с Россией в ШОС.

Главные интересы России в Организации связаны с вопросами безопасности: перекрытием наркотрасс и каналов связи между террористами в ЦАР и их единомышленниками на Северном Кавказе. Важным для нее также является сохранение своих традиционных политико-экономических позиций в Центральной Азии и ограничение влияния там внерегиональных недружественных сил.

И все же, несмотря на различие приоритетов, существует база для взаимных компромиссов, ибо в стратегическом плане интересам России, Китая, государств ЦАР и даже США отвечает целевая установка на формирование в регионе нормального рыночно-демократического пространства. Причем все стороны признают, что политика конфронтации была бы контрпродуктивна для каждого из партнеров. Однако такой компромисс, понятно, возможен только в условиях стабильной обстановки и доброй воли всех сторон, при недопущении ими политического или экономического диктата в межгосударственных отношениях (к сожалению, практикуемого США).

Так или иначе, но глобальные и региональные аспекты стратегического взаимодействия в рамках ШОС являются важным фактором обеспечения мира и стабильности не только в Азии, но и в мире в целом. Это сотрудничество, вопреки утверждению некоторых политиков в Вашингтоне, не преследует конфронтационных целей в отношении третьих стран. ШОС постепенно становится мощным международным центром силы, что полностью укладывается в концепцию многополярного мира, которую последовательно отстаивают Россия и Китай.

Большое значение для ШОС имеет развитие не только коллективного, но и двустороннего сотрудничества, особенно на российско-китайском направлении. Необходимость взаимной поддержки и координации политико-экономических стратегий Китая и России в Центральноазиатском регионе как зоне ответственно-

сти ШОС была обусловлена особенностями развития ситуации в ЦАР и вокруг него. *Развитие российско-китайского взаимодействия*, при активизации двустороннего диалога РФ и Китая с другими государствами – членами ШОС, способствует дальнейшему расширению рамок сотрудничества с двустороннего уровня до многостороннего формата в рамках всей Шанхайской группы.

Можно сказать, что от эффективности сотрудничества России и Китая во многом зависит дееспособность ШОС. По мнению экспертов, в том числе и ИДВ РАН, сотрудничество между Россией и Китаем при решении задачи обеспечения региональной безопасности, равно как и их сотрудничество с другими центральноазиатскими государствами, является ключевым. Близость и совпадение коренных интересов РФ и КНР создают прочную основу для дальнейшего развития стратегического партнерства двух стран, в том числе в рамках ШОС. Возникающие трудности и проблемы в этих отношениях могут решаться и решаются политическими средствами на взаимоприемлемой компромиссной основе. Для этого есть правовая база и наработан значительный опыт.

Именно на основе обобщения опыта российско-китайского сотрудничества сложились принципы «Шанхайского духа»: «Взаимное доверие, взаимовыгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур и стремление к соразвитию». По-китайски – это дух 20 иероглифов.

С другой стороны, именно рамки Шанхайской организации сотрудничества наглядно демонстрируют эффективность, направления и особенности стратегического партнерства России и Китая, оказывающего позитивное влияние прежде всего на обстановку в таком важном районе, как Центральная Азия.

ШОС, как уникальная организация многопрофильного сотрудничества, в своем становлении идет непроторенным путем. Многие проблемы решаются методом «проб и ошибок». Сократить число ошибок можно лишь, уделяя внимание исследованию ситуации и перспектив возможностей развития ШОС. В России, которая призвана играть одну из ключевых ролей в Организации, этому вопросу уделяется не так уж много внимания, а также и ресурсов, в отличие, например, от Китая. Чем раньше мы примем меры к исправлению этого перекоса, тем эффективнее РФ сможет реализовать свою ведущую роль в Шанхайской группе. Прежде всего, необходимо содействовать утверждению среди политической элиты России понимания стратегического значения сотрудничества с ШОС для нашей страны.

Для совершенствования деятельности Шанхайской организации сотрудничества и повышения ее дееспособности в решении тех задач, которые предусмотрены Уставом Организации, крайне важным представляется достижение успеха по следующим четырём направлениям:

расширение политического сотрудничества в формате Организации в свете реалий международно-политической ситуации в Центральноазиатском регионе;

углубление сотрудничества участников ШОС в сфере практического обеспечения региональной безопасности (уровень РАТС);

развитие сотрудничества в социально-экономической сфере; сотрудничество ШОС со странами-наблюдателями.

Важны и другие направления работы. И если мы не озаботимся разработкой общей стратегии деятельности, охватывающей все сферы, предусмотренные Хартией ШОС, – не только политическую и экономическую, но и гуманитарную и оборонную, причем на коллективной основе, то ШОС не станет эффективной Организацией. В этом случае Шанхайская организация сотрудничества может разделить судьбу Содружества Независимых Государств. Каждое государство-участник должно видеть и чувствовать конкретную выгоду от своего пребывания в Организации, иначе это пребывание утрачивает смысл, а также учитывать обостренное чувство национального достоинства стран-партнеров.

Острой проблемой является кадровое обеспечение работы ШОС и его аппарата. Необходимо решение Минобразования и МИД о расширенной подготовке специалистов по Китаю и странам Центральной Азии, а также Индии, Ирану, Пакистану и Монголии. Это, видимо, должен быть специальный государственный проект поддержки научных академических исследований и воспитания кадров.

Для Шанхайской организации сотрудничества 2007 год был ознаменован рядом важных политических событий. После нескольких лет организационного становления ШОС приступила к тому, для чего она создавалась, – строительству крупнейшей в мире системы регионального сотрудничества нового типа на принципах соразвития. При этом главными приоритетами в ее деятельности по-прежнему остаются гарантии политической стабильности, укрепление безопасности и расширение экономического сотрудничества в Центральноазиатском регионе.

Создание и деятельность ШОС способны оказать позитивное воздействие не только на ее полноправных участников, но и на другие государства, в первую очередь на страны-наблюдатели. Это обусловлено тем, что ШОС может послужить примером и источником опыта конструктивного сотрудничества межгосударственного, регионального и межрегионального уровней по общим проблемам безопасности и экономического соразвития. Симптоматично, что сам поиск подходов к решению этих проблем имеет объединяющую тенденцию.

Опыт ШОС полезен в создании региональной системы безопасности в Восточной Азии, поскольку Организация демонстрирует уникальный пример равноправного, консенсусного общения между великими (Россия и Китай) и средними странами (государства Центральной Азии) при полном учете интересов последних, что актуально для Азии, где соседствуют большие, средние и малые государства, а также для решения спорных пограничных вопросов, которыми изобилует азиатский континент.

Следует также подчеркнуть значение сотрудничества РФ с Китаем, странами Центральной Азии и государствами-наблюдателями в рамках ШОС как особого, самоценного механизма интеграции России в АТР.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА – АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В июне 2006 г. ШОС исполнилось 5 лет. О физико-географических масштабах этой организации говорит то, что территория ее стран-участниц охватывает 80% евразийского континента с населением, составляющим половину всех жителей Земли, то есть около 3 млрд человек. Среди государств-членов ШОС – два постоянных члена Совета Безопасности ООН, обладающих современным ракетно-ядерным оружием. На западе и юго-западе пространство ШОС граничит с ЕС и НАТО, а на востоке и юго-востоке – с АТР (АСЕАН).

Юбилейная встреча на высшем уровне стран – участниц Организации, состоявшаяся 17 июня 2006 г. в Пекине, явилась новым шагом на пути ускорения формирования всех структур ШОС, развертывания их эффективной деятельности.

Для более полного раскрытия темы представляется необходимым охарактеризовать позиции и интересы РФ в Центральной Азии – основном поле и объекте взаимодействия стран–членов ШОС.

Официальная программа действий нашей страны в отношении Центральной Азии определяется основополагающими внешнеполитическими документами – Указом президента РФ «О стратегическом курсе России с государствами–участниками СНГ» и «Концепцией внешней политики РФ».

Согласно этим документам, главной целью политики России в отношении СНГ и, соответственно, в отношении центральноазиатских стран является создание интегрированного экономического и политического объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе. Кроме этого, Россия заинтересована, во-первых, в защите прав российских граждан и соотечественников за рубежом, содействии позитивному восприятию России в мире, популяризации русского языка и культуры народов РФ и, во-вторых, в формировании пояса добрососедства по периметру российских границ, в содействии устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к России регионах.

Вполне понятно при этом, что немаловажное значение для РФ имеют и двусторонние отношения с государствами Центральной Азии, которые связаны с нашей страной давними историческими и культурными узами. На этом аспекте российской политики, видимо, уместно остановиться подробнее.

В двусторонних отношениях с южными соседями руководство России учитывает их экономическую и военно-политическую значимость, стратегическую ориентацию, степень готовности считаться с законными интересами безопасности России, положением проживающих там российских соотечественников.

Многоплановый и динамичный характер носят *отношения с Республикой Казахстан*, которая является единственным государством Центральной Азии, граничащим с Россией. По словам президента Казахстана Н. Назарбаева, «вопреки известной формуле о вечных друзьях и вечных интересах, Казахстан и Россия – страны, которым суждено быть вечными друзьями самой историей». У России с Казахстаном решены все пограничные вопросы. Сегодня более семи тысяч километров казахстано-российской границы – это километры дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. РФ – основной торговый партнер Казахстана. Во внешних связях

России со странами СНГ доля РК составляет 15% (третье место после Украины и Белоруссии). На ее долю приходится треть всего внешнеторгового оборота Казахстана. В 2007 г. товарооборот между двумя странами приблизился к отметке в 16 млрд долл.

Динамично развивается инвестиционное сотрудничество. Сохранен и успешно функционирует в интересах двух стран и мировой науки уникальный научно-технический комплекс «Байконур». В июне 2006 г. осуществлен запуск первого казахстанского спутника связи и вещания «KAZSAT», созданного в России. Получают дальнейшее развитие наши многогранные культурно-гуманитарные связи.

Опыт казахстано-российского сотрудничества в освоении Северного Каспия показывает, что при наличии доброй воли, учете взаимных интересов, готовности к компромиссам можно найти взаимоприемлемое решение любых вопросов.

Отношения с Кыргызской Республикой отличаются взаимопониманием и близостью подходов к актуальным вопросам международной политики, тесным двусторонним взаимодействием. Поддерживается интенсивный политический диалог, в том числе на уровне президентов (в рамках мероприятий в СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ШОС, регулярных телефонных переговоров). Осуществляются активные рабочие контакты глав правительств, руководителей внешнеполитических ведомств и силовых структур двух стран. Координируются усилия в противодействии международному терроризму и экстремизму. В Кыргызстане функционирует российская авиационная база, обеспечивающая интересы безопасности всех стран региона. Укрепляются связи по линии парламентов двух стран. Приняты решения по более эффективному использованию имеющегося потенциала сотрудничества, прежде всего в приоритетных отраслях – добыча и переработка минерального сырья, электроэнергетика, машиностроение, аграрно-промышленный комплекс.

Бишкек проявляет готовность усилить внимание обеспечению прав русскоязычного населения, составляющего 570 тыс. человек (поток выезжающих ежегодно в Россию граждан достигает около 20 тыс. человек и продолжает расти). Приняв в 2000 г. закон о придании русскому языку статуса официального, кыргызское руководство в декабре 2001 г. закрепило это положение и в Конституции страны.

Динамичный характер носят *российско-таджикстанские отношения*. Как отметил президент Э. Рахмонов в Послании пар-

ламенту Республики Таджикистан (РТ), «всесторонние связи с Россией в результате активных усилий обеих сторон превратились в стратегическое партнерство, имеющее сбалансированный характер и содержание, охватывающее долгосрочные национальные интересы обеих стран». Это подтверждается высоким уровнем политических контактов. Они способствуют более тесному сотрудничеству в сфере политики, безопасности, военных вопросах и области информации.

Россия является важным экономическим и торговым партнером РТ. Настоящий прорыв в сотрудничестве Таджикистана с Российской Федерацией произошел во время официального визита президента России В.В. Путина в РТ в 2004 г., в ходе которого были подписаны документы, имеющие важное значение для укрепления двусторонних отношений в экономической, социальной и в военно-технической областях – соглашения о строительстве гидроэлектростанций «Рогун» и «Сангтуда-1», алюминиевых заводов. В целом в течение пяти лет предусмотрено вложение российских инвестиций в экономику Таджикистана в объеме более 2 млрд долл. США.

Постепенно возрождаются и гуманитарные связи, крепнет сотрудничество в области науки, образования и культуры. Дни культуры Таджикистана в России в 2005 г. стали поистине историческим событием и настоящим праздником культуры.

Таджикистан – одна из немногих стран, на территории которых находятся российские войска и военные объекты. Наша политика в военной сфере направлена на налаживание тесного сотрудничества со всеми государствами, заинтересованными в упрочении мира и безопасности в Центральной Азии. Но на территории Таджикистана российские войска и военные объекты выполняют вполне определенные функции по защите интересов всех государств ОДКБ и их безопасности на южных рубежах. Российское военное присутствие в Таджикистане имеет полноценное международно-правовое оформление. Кроме того, Таджикистан передал России военно-стратегический объект «Окно». Эта система космического слежения позволяет фиксировать запуск каждой ракеты с любого полигона мира, опознавая ее траекторию и цель.

Особое значение имеют тесное взаимодействие России и Таджикистана в коллективных антитеррористических усилиях и совместное участие в международной гуманитарной операции по оказанию помощи населению Афганистана. Военное и погранич-

ное сотрудничество двух стран нацелено на борьбу с международным терроризмом, экстремизмом и наркоагрессией, обеспечение безопасности в Центральноазиатском регионе (ЦАР).

Главными вехами *российско-туркменистанских отношений* являются контакты на высшем уровне. Усилия российской стороны сосредоточены на активизации экономического взаимодействия с Туркменистаном (не являющимся членом ШОС) прежде всего в топливно-энергетической сфере. Подписано долгосрочное соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли, предусматривающее одновременное заключение контракта на поставку туркменского газа в Россию на период 2002–2012 гг. с доведением ежегодных объемов поставок с 2 до 80 млрд куб. м. В декабре 2007 г. тремя странами – РФ, Казахстаном и Туркменией – на высшем уровне подписано соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода, который позволит в перспективе доставлять туркменский газ потребителям в Европе. Растет российско-туркменистанский товарооборот.

Узбекистан после некоторого периода охлаждения отношений со своими центральноазиатскими соседями и Россией, имевшего место в начале нового столетия, перешел к более тесному сотрудничеству с ними. Он вступил в ШОС, в ЕврАзЭС, восстановил членство в ОДКБ. Существенный импульс российско-узбекским отношениям придал заключенный в 2004 г. Договор о стратегическом партнерстве, который стал программным документом, определяющим характер взаимодействия двух государств на долгосрочную перспективу. В нем подтвержден курс на наращивание взаимодействия, расширение взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

На долю России приходится около 20% объема внешней торговли Узбекистана. Важным аспектом двусторонних отношений является сотрудничество в гуманитарной сфере. В Узбекистане функционируют более 670 школ с обучением на русском языке, в которых получают знания более четверти миллиона детей.

На политику России в Центральной Азии также оказывают влияние такие обстоятельства, как ее стремление усилить свои позиции в рамках ОДКБ и ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), расширить сферы сотрудничества с Китаем на центральноазиатском кооперационном пространстве в рамках ШОС.

Следует подчеркнуть, что, строя свои двусторонние и многосторонние отношения со странами региона, Россия полностью осознает, что три составляющие сотрудничества – экономика, по-

литика и безопасность – могут иметь разную соотносительную конфигурацию, разное количество стран-участников. Очевидно, что никому нельзя ничего навязывать. Каждое государство должно позиционировать себя на мировой арене в точном соответствии со своими национальными интересами, исключать догматические установки, уходить от шаблонных конструкций. Неслучайно положение таково, что, поддерживая тесные связи с Россией, страны Центральной Азии реально проводят политику многостороннего взаимодействия, о чем можно наглядно судить по приводимой ниже таблице.

Внешнеполитические векторы сотрудничества стран Центральной Азии²⁰

Страна	Сферы и партнеры	Внешнеполитические приоритеты	Участие в региональных организациях
Казахстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, СНГ, США. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США (Каспий).	1. Многовекторная политика. 2. Общие интеграционные проекты с Россией. 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем. 4. Американский нефтегазовый бизнес.	ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, ЕЭП, СНГ. Акцент на интеграцию.
Узбекистан	Экономическая сфера – Россия и Китай. Военно-политическая сфера – Россия и Китай.	1. Трения с США и ЕС. Игра на геополитической конкуренции. 2. Заинтересованность в российских и китайских инвестициях. 3. Борьба с терроризмом. 4. Минимальные требования со стороны Пекина и Москвы к демократическому развитию.	ЕврАзЭС, ШОС, ОДКБ, СНГ. Акцент на двусторонние отношения.
Кыргызстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, США, ЕС, Казахстан. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США.	1. Заинтересованность в инвестициях. 2. Борьба с терроризмом. 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию. 4. Военные базы.	ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, СНГ. Акцент на интеграцию.
Таджикистан	Экономическая сфера – Россия, Китай, США, Казахстан, Иран.	1. Заинтересованность в инвестициях. 2. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию. 3. Военная база.	ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, СНГ. Акцент на интеграцию.
Туркменистан	Экономическая сфера – Россия, Украина, Иран, Афганистан, Пакистан, Турция.	1. Газовая зависимость от России. 2. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа.	СНГ (асс. член). Акцент на двусторонние отношения.

Высокую оценку состоянию и перспективам развития российско-китайских отношений, включая и центральноазиатское направление, дал президент России В.В. Путин в беседе с иностранными представителями 9 сентября 2006 г. в международном дискуссионном клубе «Валдай»²¹.

Примечания

- ¹ Интервью В.Калужного, заместителя министра иностранных дел, аналитической программе «Постскриптум» от 13.04.2003 г.
- ² Иомииури симбун. 20.05.1999.
- ³ *Fesharaki F.* Energy and the Asian Security Nexus // *Journal of International Affairs.* 1999. Vol. 53, № 1. P. 92.
- ⁴ *British Petroleum.* Statistical Review of World Energy. 2000. P. 1.
- ⁵ Асагумо симбун. 12.02.1998.
- ⁶ Россия и Китай в системе международных отношений. М., 2002. С. 114. (Информ. материалы. Сер. Б / РАН. Ин-т Дал. Востока; Вып. 10).
- ⁷ *Чи Хаотянь.* Выступление перед участниками международной конференции «Проблемы безопасности в АТР», Пекин, декабрь 2002.
- ⁸ *Крупяно М.* Япония после «холодной войны». М., 2001. С. 34.
- ⁹ См.: *Макиенко К.* Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М., 2002.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Певцов Д.* Китай стремится в океан // *Независимое военное обозрение.* 28.03.2003.
- ¹¹ См.: *Фолкнер К.* Боевые корабли / Под ред. Р.Хатчинсона. М., 2002.
- ¹² *Титаренко М.* Россия. Безопасность через сотрудничество: Восточно-азиатский вектор. М., 2003. С. 183.
- ¹³ Цит. по: *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 09.04.2001.
- ¹⁴ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. М., 2003. С. 43.
- ¹⁵ Цит. по: *Независимая газета.* 09.04.2002.
- ¹⁶ См.: *Куртов А.* Проблемы обеспечения водой государств Центральной Азии: позиция Кыргызстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/2004-06-rus/14.kurprimfu.shtml>.
- ¹⁷ *Джекиенкулов А.* Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000. С. 86.
- ¹⁸ *Водные проблемы Центральной Азии /* Под ред. К.Л. Валентини и др. Бишкек, 2004. С. 82.
- ¹⁹ Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appers/2006/06/151040_type63377_107105.shtml.
- ²⁰ *Независимая газета.* Приложение «Дипкурьер». 27.03.2006.
- ²¹ http://www.kremlin.ru/appers/2006/09/09/1930_type63377type63381_111114.shtml.

РАЗДЕЛ V

РОССИЯ - ИНДИЯ - КИТАЙ

О ПЕРСПЕКТИВАХ ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Становление и развитие мирового рынка, растущее доминирование транснациональных корпораций в ведущих отраслях мировой экономики и их огромное влияние на международные отношения привели к тому, что мировая экономика и сообщество государств все более выступают как некое взаимосвязанное единое глобальное целое, интегрирующее региональные экономики целых континентов и крупнейших государств мира. Этот процесс получил название глобализации. Локомотивом этого экономического и политического процесса являются высокоразвитые страны во главе с США.

Глобализация развивается не только стихийно, но и направляется целой системой влиятельнейших международных финансово-экономических, торговых, политических организаций. Среди них ведущую роль играют Международный банк развития, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, специализированные экономические и культурно-цивилизационные структуры ООН: ЭСКАТО, ЮНИДО, ЮНЕСКО и т.д. Практическим воплощением этой тенденции являются Европейский союз, НАФТА в Америке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии, АТЭС, СТЭС и другие организации. Объективно к этим же структурам стремятся приблизиться по характеру и целям своей деятельности и экономические организации в рамках СНГ: Евразийский экономический союз, объединяющий Россию, Беларусь и новые государства Центральной Азии. Аналогичные тенденции просматриваются и в целях, которые выдвигают шесть стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС): Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан.

Эти реалии подтверждают мысль о том, что процесс экономического объединения, сближения мира и взаимопроникновения экономик и взаимозависимость стран действительно приобретает общемировой глобальный характер. Этим и определяется прежде всего содержание термина «глобализация». Однако неравномерность экономического развития современного мира, разрыв в уровнях развитых государств Севера и развивающихся и слабо-развитых стран Юга ставят различные региональные экономики в крайне неравное положение. Как говорится, одним достаются вершки, а другим – корешки, то есть полноценные плоды глобализации. Неслучайно поэтому, что руководители ряда стран, в частности России и Китая, призывают к тому, чтобы выгоды и издержки процесса глобализации распределялись более справедливо между высокоразвитыми и развивающимися странами.

Объективно процесс глобализации предоставляет наибольшие выгоды высокоразвитым державам, обладающим мощным экономическим, финансовым и ресурсным потенциалом. Вместе с тем необходимо признать, что и для развивающихся стран, и стран с переходной реформируемой экономикой, таких как Россия, Китай, Индия, глобализация не только «бросает» вызовы, но и предоставляет определенные шансы для ускорения развития, модернизации экономики и финансовой системы. Такое противоречивое положение вызывает различное отношение к процессу глобализации среди общественности как России, Китая и Индии, так и большинства развивающихся стран.

Возникновение в европейских государствах и в США движения антиглобализма также свидетельствует о том, что и в высокоразвитых странах процесс глобализации вызывает к жизни немалые социально-экономические и цивилизационные проблемы (размывание культурно-нравственных национальных ценностей, разрушение традиционного уклада жизни и национальных ремесел, насаждение усредненных «ценностей» потребительской массовой культуры и т.д.). Однако особенно остро, жестко процесс вестернизации, насаждения европейско-американских стандартов в экономике, политике и культуре идет в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Естественно, все это не может не вызывать острого противодействия в странах мусульманской, конфуцианской, индийской и евразийской цивилизационных систем ценностей, которые хотя и имеют немало общих черт с западноевропейской (романо-германской) и американской цивилизациями, вместе с тем обладают значительными специфическими особенностями.

ми, накладывающими отпечаток на национальное самосознание, на весь общественный уклад, политику, культуру, экономику народов этих государств.

Особенность нынешнего этапа глобализации заключается в том, что после распада Советского Союза ушла в прошлое и прежняя биполярная структура международных отношений. Процесс глобализации развивается в настоящее время фактически в условиях доминирования Соединенных Штатов Америки, которые стремятся всячески препятствовать объективной тенденции становления многополярной, полицентричной структуры мира, основой которого могут стать крупные региональные группировки стран, объединенных теснейшими экономическими и цивилизационными связями.

Россия, Китай и Индия в этом плане оказываются перед лицом сходных возможностей и вызовов глобализации. Каждое из этих государств субъективно стремится играть более или менее самостоятельную роль в мировом экономическом и цивилизационном процессах. Каждое имеет как экономические, так и политические и цивилизационные предпосылки играть роль одного из центров мировой политики. Именно это создает условия для углубления их взаимопонимания и сотрудничества в эпоху глобализации и для противодействия негативным тенденциям, ущемляющим национальные интересы и чувства населения этих стран. Эти же факторы выступают некоей первоосновой взаимовыгодного, взаимодополняемого сотрудничества, более того, соразвития.

Особенность такого сотрудничества заключается в том, что оно может плодотворно развиваться на базе принципов мирного сосуществования, принципов «Панча шила». Общая основа сотрудничества, выраженная в принципах мирного сосуществования и принципах «трех не» (неприсоединение, неконфронтационность и ненаправленность против третьих стран), учитывает реальное положение в мире и позволяет адаптировать интересы каждой из сторон к этим реалиям. Речь, прежде всего, идет об объективной заинтересованности трех стран развивать сотрудничество с ведущими высокоразвитыми державами Севера, в том числе с самой мощной экономической и военной державой современного мира – Соединенными Штатами Америки.

Государственные деятели и ученые России, Индии и Китая, проявляя реализм, пытаются прагматически определить рамки максимального использования возможностей процесса глобализации для развития каждой из своих стран и нейтрализации нега-

тивных аспектов этого процесса. И Китай, и Индия, и Россия стремятся сохранить отношения сотрудничества с США, поскольку они заинтересованы в американском рынке, в получении инвестиций и научно-технических «ноу-хау». Вместе с тем каждое из этих государств сталкивается с гегемонистскими тенденциями в политике своих американских партнеров, их стремлением доминировать, выдвигать жесткие политические условия развития экономического сотрудничества, навязывать свою волю и откровенно вмешиваться во внутренние дела каждой из этих стран. Естественно, это побуждает Россию, Индию и Китай, действуя самостоятельно, не создавая каких-либо союзов и альянсов, противостоять грубому диктату извне.

Особенности подходов России, Китая и Индии к процессам глобализации. Общим для большинства экспертов трех стран является определение глобализации в качестве объективного экономического процесса, развивающегося независимо от субъективных страновых позиций, признание этой мировой тенденции, которая создает как шансы для развития, так и таит в себе опасные вызовы.

В российском общественном мнении нет единого понимания процесса глобализации. Трактовка глобализации носит противоречивый, порой крайне идеологизированный характер. Одни считают процесс глобализации позитивной тенденцией, ведущей к формированию единой мировой экономики и даже создающей предпосылки образования единого «мирового правительства». С их точки зрения, глобализация дает России некий шанс «войти в мировую цивилизацию», полностью интегрироваться с высокоразвитым Западом и окончательно порвать с некой «азиатчиной» и тем самым «преодолеть» евразийскую природу российской, особенно русской, цивилизации, обусловленную геополитическим положением России на стыке великих культур Европы и Азии. Представители левой оппозиции рассматривают глобализацию как новый этап социально-экономического развития капиталистической системы – сверхимпериализм и новый неоколониализм высокоразвитых держав. Таковы два полярных подхода к глобализации в России.

Наибольшие опасения противников глобализации в России, Китае, Индии и в развивающихся странах вызывает тот факт, что процесс интеграции экономик и углубление их взаимозависимости действительно требуют самоограничения государствами своего суверенитета и на деле действительно создают условия для усиления американского доминирования в мире.

Как бы мы ни относились к глобализации, этот объективный процесс ставит перед российской экономикой задачи адаптации к реалиям мира и выработки конкретных путей использования фактора интеграции в мировое экономическое пространство для ее дальнейшего развития и модернизации, внедрения новейших технологий, создания благоприятных условий для российского национального бизнеса и продвижения российской продукции на мировые рынки. Адаптация России к процессу глобализации в Азиатско-Тихоокеанском регионе приобретает особую актуальность в связи с крайней насущностью решения задачи скорейшего социально-экономического подъема районов Сибири и Дальнего Востока на основе взаимовыгодного сотрудничества с такими высокоразвитыми государствами, как США и Япония, а также Китаем, двумя корейскими государствами, с Индией, странами АСЕАН. Борьба России за место на мировых рынках может быть эффективной только при активном участии в процессе глобализации и учете его особенностей, а не самоизоляции от него. Таковы жесткие реалии современного мира, которые РФ не может не учитывать.

Отличительная особенность *китайского подхода* к глобализации заключается в четком разделении политических и экономических факторов. Такой подход и опыт его реализации не может не вызывать интереса в развивающихся странах. В экономическом плане КНР стремится использовать глобализацию мировой экономики для стимулирования модернизации своего народного хозяйства и подъема благосостояния населения. Китай вступил в ВТО и активно интегрируется в мировую экономику. Он с размахом вышел на мировые товарные рынки развитых и развивающихся стран, получил широкий доступ к капиталам и современным технологиям. Такая политика позволила КНР за годы реформ создать благоприятный инвестиционный климат и привлечь почти 600 млрд долл. внешних инвестиций. В целом же география источников инвестиций в Китай охватывает более 170 стран и регионов. На ведущие 10 стран-инвесторов приходится 97% вложенных в китайскую экономику средств¹.

Одновременно Китай в сотрудничестве с развивающимися странами, в том числе с Индией, рассматривает глобализацию как шанс и реальную возможность задействовать дополнительные резервы для национального развития, добившись перераспределения научно-технических, экономических ресурсов и дивидендов развитых государств от глобализации в свою пользу.

Таким образом, КНР, критикуя негативные политические аспекты глобализации, отвергая идеологию вестернизации и твердо отстаивая свои цивилизационные ценности, в экономическом плане фактически уже стала активным соучастником мировых экономических глобализационных процессов с точки зрения движения капиталов, товаров, трудовых ресурсов и специализации экономики.

С политической и идеологической точек зрения Китай подвергает критике попытки ведущих государств Запада вмешиваться в его внутренние дела, навязывать ему западные стандарты демократии и прав человека. Особую озабоченность у Пекина вызывает поддержка Западом сепаратистских тенденций на Тайване, в Тибете, Синьцзяне, политических и идеологических движений типа религиозной секты фалуньгун и т.п. В идеологическом плане западный политический глобализм в Китае рассматривается как разновидность гегемонизма.

Подход к глобализации в Индии имеет как сходные с китайским подходом аспекты, так и свои национальные особенности. Индийская позиция в отношении к глобализации, прежде всего, отличается прагматизмом, стремлением воспользоваться плодами глобализации в интересах ускорения развития национальной экономики и национального бизнеса, но при этом сохранить протекционистскую политику в отношении традиционных сфер индийской экономики, особенно ремесел. В Индии даже в большей степени, чем в Китае, вызывает озабоченность то, что процесс глобализации в сфере культурно-цивилизационного развития ведет к размыванию цивилизационных особенностей индийской культуры, что стимулирует рост индуистского коммунизма и других форм национализма. В международном плане Индия так же, как Китай и Россия, выступает за формирование полицентричного мира. При этом имеется в виду, что Индия располагает экономическими, демографическими, культурными и цивилизационными предпосылками стать в XXI веке самостоятельным крупным мировым экономическим, политическим и цивилизационным центром.

Из вышеизложенного, на наш взгляд, довольно четко просматривается сфера совпадения интересов и позиций России, Индии и Китая, которые создают условия для конструктивного диалога и развития трехстороннего сотрудничества в международных делах, а также в области экономики, культуры, науки и техники. Общность подхода и интересов трех стран предопределяют следующие факторы и обстоятельства:

1. Первостепенное значение для каждой из трех стран имеет решение задачи развития и модернизации экономики, культуры, образования, науки, техники, повышение благосостояния народа, искоренение бедности и отсталости.

2. Обеспечение суверенитета, территориальной целостности и единства; совместное скоординированное противодействие международному терроризму и наркобизнесу, с учетом того, что Россия, Китай и Индия уже в течение ряда лет являются объектами агрессии сил международного терроризма и экстремизма.

3. Стремление занять достойное место в международном сообществе, отвечающее историческим особенностям и богатству цивилизаций каждой из стран.

4. Стремление сохранить самобытность национальных культур в условиях углубляющегося сотрудничества и диалога цивилизаций, противодействовать попыткам спровоцировать конфликт между восточной и западной цивилизациями.

5. Заинтересованность в создании многополярного полицентричного мира, укреплении международных институтов сотрудничества, прежде всего ООН.

6. Заинтересованность в формировании нового справедливо-го демократического международного порядка, обеспечивающего уважение интересов всех государств и народов, исключающего гегемонизм и диктат в международных отношениях.

7. Развитию трехстороннего сотрудничества в различных сферах благоприятствует то, что оно может опираться на богатейшие традиции китайской, индийской и российской цивилизаций, многовековой опыт их межкультурного диалога, получивший наиболее полное и яркое воплощение в евразийских особенностях российской культуры.

Цивилизации Китая, России и Индии на протяжении многих столетий накопили огромный опыт гуманизации, гармонизации и одухотворения окружающего мира. Именно поэтому представители трех великих культур выступают за равноправный диалог, сотрудничество, взаимообогащение культур Востока и Запада. Китайская, индийская и российская цивилизации, отдавая приоритет духовным, нравственным ценностям, подчеркивают стремление человека поддерживать гармоничные отношения с природой и воспитывать у него умение терпеливо переносить жизненные невзгоды, быть духовно счастливым и физически здоровым, ограничиваясь исключительно необходимым для жизни и духовного развития. Это является важным фактором

сдерживания наступления технократизма, потребительской масс-культуры, угрожающей существованию здоровой экологической, нравственной и культурной среды обитания и развития человечества.

Углубление взаимодействия трех великих цивилизаций Евразии имеет огромное значение для обеспечения плодотворного междивизиационного диалога и сохранения культурного многообразия в условиях глобализации.

8. С середины 1990-х годов в общественном мнении России, Индии и Китая углубляется понимание общности интересов и важности расширения сотрудничества между ними, в национальном самосознании уже сформировалось или формируется представление о каждой из стран как великих державах XXI века.

9. Каждая из этих стран имеет сходные проблемы в отношениях с мусульманским миром и заинтересована в сотрудничестве, в противодействии исламскому экстремизму и в поддержании региональной стабильности и безопасности.

10. Каждая из трех стран осуществляет свою собственную политику в отношении США и развитых держав Запада, но важным является то, что именно укрепление трехстороннего сотрудничества, взаимодействия и взаимопонимания позволяет им активнее развивать конструктивное сотрудничество с США, избегая разыгрывания «политических карт» в отношениях друг с другом и с США. Экс-министр иностранных дел Индии Джасвант Сингха в одном из выступлений подчеркивал в свое время, что «интересы и позиции трех великих мировых держав – России, Индии и Китая – совпадают. Например, все три стороны осудили бомбардировки Югославии странами НАТО». При этом, по его мнению, особое значение имеет то, что «эта единая позиция не была результатом консультаций: определение позиций каждой из сторон было самостоятельным».

Осознание общей угрозы со стороны международного терроризма и тот факт, что Россия, Индия и Китай активно включились вместе с США в борьбу с терроризмом, стимулировали развитие политического диалога каждой из трех стран с США.

Вместе с тем в общественном мнении Китая и России сохраняется настороженное отношение к стремлению США использовать борьбу против терроризма для укрепления своих военно-политических и экономических позиций в Центральной Азии и наращивания своего военного присутствия в различных регионах мира, попытки игнорировать роль ООН.

Нынешняя ситуация создала особо благоприятные условия для развития индийско-американских и индийско-китайских отношений, что открыло для Индии возможность легализации национальной ракетно-ядерной программы и признания ее де-факто ядерной державой. Этот фактор имеет особую политико-психологическую роль в преодолении существующих в индийском общественном мнении предубеждений.

О перспективах трехстороннего сотрудничества. Укрепление сотрудничества между тремя великими евразийскими державами, совпадение и близость их позиций по проблемам строительства нового международного порядка являются одним из важных факторов укрепления стабильности не только в азиатском регионе, но и во всем мире. В отличие от времен «холодной войны», нынешняя дружба и сотрудничество трех стран порывают с тенденциями того периода, когда «дружили» обязательно против какой-либо третьей страны или группы стран. Двустороннее сотрудничество между Россией и Китаем, Россией и Индией, Индией и Китаем имеет самоценностное значение. Придание этому сотрудничеству трехстороннего характера значительно повысит его ценность и роль для укрепления стабильности в мире.

Перспективы трехстороннего сотрудничества на основе совпадения и общности интересов имеют достаточно широкий характер. В политическом плане параллельные действия трех стран и их выступления за создание полицентричного многополярного мира не только укрепляют морально-политический авторитет политики России, Китая и Индии на мировой арене, но позволяют в определенной мере компенсировать политическими средствами временно более слабую, чем в высокоразвитых государствах, экономическую составляющую комплексной мощи каждой из трех стран, повышает их роль в политическом диалоге по глобальным и региональным проблемам безопасности.

Что касается вопросов экономического сотрудничества, то здесь также имеются большие стратегические перспективы, которые пока слабо задействованы. На проходящих в России, Китае и Индии научных конференциях специалисты особое внимание обращают на громадные трансконтинентальные проекты строительства железных и шоссейных дорог, нефте- и газопроводов, соединяющих Центральную, Северо-Восточную и Южную Азию. Позитивную роль играет опыт сотрудничества России и Индии в освоении месторождений нефти на Сахалине. Важное место в укреплении стабильности в регионе имеет оборонное со-

трудничество России с Китаем, Индией, а также с отдельными государствами – членами АСЕАН. Большой потенциал сотрудничества имеется в научно-технической сфере. Бурное развитие информационных технологий в Китае и Индии, перспективы использования китайской и индийской рабочей силы для развития российского Дальнего Востока и Сибири – важные проблемы для обсуждения представителей бизнеса и правительств трех стран.

Одним из цементирующих факторов развития российско-китайского партнерства и позитивного влияния его на процессы сотрудничества с Индией и странами – членами АТЭС является налаживание эффективного экономического взаимодействия в ШОС. Субъектами такого «расширенного» сотрудничества также являются Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), формирующийся таможенный союз АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея). Индия выступает ведущим членом Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC – South Asia Association for Regional Cooperation). Все вышеизложенное означает, что сотрудничество Индии, Китая и России не ограничивается трехсторонними рамками, а имеет общерегиональное значение, поскольку каждая из стран взаимодействует с другими государствами и другими экономическими организациями, расположенными в Центральной и Южной Азии, в АТР в целом. Таким образом, этот трехсторонний диалог выступает как фактор, стимулирующий развитие более широкого диалога между такими региональными экономическими организациями, как СААРК и АТЭС, СААРК и ШОС, СААРК и ЕврАзЭС.

Разумеется, создание инфраструктурных основ трехсторонней интеграции и углубление экономического взаимодействия каждой из трех стран с региональными экономическими структурами потребуют привлечения средств и внешних инвестиций. По нашему мнению, в свою очередь это делает актуальным обсуждение и реализацию идеи о создании Банка развития Южной и Центральной Азии как банка, дополняющего и расширяющего сферу финансовой деятельности Азиатского банка развития. Это позволит аккумулировать мировые финансовые ресурсы для использования их на конкретных субрегиональных направлениях, в которых участвуют Россия, Китай и Индия.

Учредителями Банка развития СВА и Банка развития Центральной и Южной Азии могли бы стать, помимо России, Китая и Индии, также США, Япония, страны ЕС, АСЕАН. Пока же осуществление сотрудничества между Россией, Индией и Китаем

развивается прежде всего по двусторонним схемам, а также каждая сторона взаимодействует с другими региональными экономическими структурами.

О факторах-ограничителях трехстороннего российско-китайско-индийского сотрудничества. Оценивая реалистически ситуацию вокруг перспектив трехстороннего сотрудничества, нельзя не видеть и тех факторов, которые мешают ему. Среди них, прежде всего, следует назвать сохранение инерции и преудбеждений времен «холодной войны».

В китайской и индийской печати порой сильны еще отзвуки прошлого противостояния. Они проявляются и в заявлениях отдельных официальных лиц. В свое время в КНР вызвало протест заявление министра обороны Индии Фернандеса о том, что ядерные испытания Индии якобы продиктованы необходимостью противодействовать китайской угрозе. Такое заявление, естественно, не могло не обострить тогдашнюю реакцию Пекина на индийские ядерные испытания. У части индийской общественности по-прежнему вызывает озабоченность особый характер отношений между Китаем и Пакистаном, имевшее место широкое военное сотрудничество между двумя странами в годы «холодной войны». Индийские политики с крайней настороженностью относятся к китайско-пакистанским отношениям. Одним из серьезных факторов, сдерживающих углубление китайско-индийского сотрудничества, остается нерешенность погранично-территориальной проблемы.

Вместе с тем следует признать, что за последние 10 лет обе стороны приложили значительные усилия для взаимного сокращения численности войск на индийско-китайской границе, особенно на восточном участке, создания условий, чтобы решить эту унаследованную историей проблему политическими средствами путем консультаций и взаимной уступчивости. В России с удовлетворением отмечают, что между Индией и Китаем верх берет тенденция решения пограничной проблемы путем мирных и дружественных консультаций.

Заявления высших руководителей Китая о том, что КНР не заинтересована в сохранении конфронтации между Индией и Пакистаном, что китайско-пакистанское сотрудничество не направлено против Индии, изменение позиции Пекина в отношении проблем территориальной целостности Индии и принадлежности территорий штатов Джамму и Кашмир, а также индийские заверения о признании суверенитета Китая над Тибетом и четкая позиция по тайваньскому вопросу, соответствующая интересам

КНР, создают новые благоприятные стимулы для укрепления двустороннего китайско-индийского сотрудничества, а также взаимодействия в рамках Россия–Индия–Китай.

Таким образом, совпадение и близость национальных интересов трех стран создают реальные условия для развития взаимодействия и диалога между Индией, Китаем и Россией на основе принципов «панча-шила», принципов неприсоединения, неконфронтации и ненаправленности сотрудничества против интересов третьих стран. Это свидетельствует о том, что трехстороннее сотрудничество России, Китая и Индии имеет самоценностное значение, поэтому, несмотря на объективные и субъективные ограничители этого процесса, оно неизбежно будет развиваться.

Накапливаемый опыт трехстороннего диалога обогащает практику международных отношений и создает предпосылки для углубления взаимодействия каждой из сторон с третьими странами, и прежде всего с высокоразвитыми странами – США, ЕС, Японией, странами – членами АСЕАН и развивающимися государствами. Разумеется, такое сотрудничество на трехсторонней основе требует взвешенного подхода, и оно будет развиваться поэтапно и постепенно. Важной предпосылкой для его успешного развития, на наш взгляд, является снятие исторических наслоений недоверия, выявление общности интересов и создание постоянных каналов диалога на разных уровнях. Хороший путь к трехстороннему сотрудничеству – апробированная мировой практикой схема постепенного продвижения от диалога между учеными и дипломатами (по схеме Трек-3), через расширение состава участников до варианта Трек-2, предусматривающего привлечение экспертов из министерств иностранных дел и обороны, до возникновения условий для трехстороннего диалога в формате Трек-1 на уровне официальных лиц третьих стран. Избранный в свое время такой подход, как показала практика, оказался оправданным.

ПОД ФЛАГОМ «ПАНЧА ШИЛА»

Развитие отношений России, Индии и Китая происходит на фоне объективного, весьма противоречивого процесса экономической и политической глобализации, который развитые страны пытаются полностью подчинить реализации своих гегемонистских целей, становление же многополярности в этих условиях

происходит зигзагообразно и трудно. Оно сталкивается с откровенными попытками утвердить силовыми методами абсолютное доминирование одной своей державы, а функционирование НАТО сделать орудием защиты многополярности и интересов «золотого миллиарда». Однако интересы борьбы против международного терроризма и других нетрадиционных вызовов побуждают США и другие развитые страны уделять большее внимание вопросам международного сотрудничества с другими странами и вынудили их несколько пересмотреть первоначальные односторонние силовые действия в обход ООН, Совета Безопасности, декларировать создание антитеррористической коалиции.

В этом плане высокий международный авторитет России, Китая и Индии, их сотрудничество в Организации Объединенных Наций являются серьезным правовым, политическим и моральным препятствием на пути политики с позиций силы, игнорирования международного права.

Три страны продолжают расширять и углублять многоплановый, конструктивный партнерский диалог, значение которого постоянно растет. Это сотрудничество не имеет направленности против третьих стран, оно ставит своей высшей целью утверждение авторитета международного права, принципов справедливости и, прежде всего, принципов мирного сосуществования.

Развитие нынешних событий в мире подтверждает актуальность и практическую значимость великих принципов «панча шила». При этом трехстороннее сотрудничество как раз является своеобразной формой практической реализации этих принципов, уважения не только собственных интересов и интересов друг друга, но и интересов других стран, стремления найти общую базу для широкого сотрудничества и взаимодействия, не прибегая к конфронтации – эти фундаментальные политические и правовые основы лишней раз свидетельствуют о значении принципов «панча шила», которые были сформулированы в известном Соглашении между Индией и КНР «О торговле и связях между Индией и Тибетским районом Китая». Этот документ, подписанный 29 апреля 1954 г. премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и премьером Госсовета КНР Чжоу Энляем, стал важным событием в истории не только двусторонних отношений, но и в истории международных отношений и в целом в истории развития международного права. Соглашение было подписано в сложный для Индии и Китая период становления их государственности и территориальной целостности, формирования границ, разработки путей ре-

шения внутривосточных проблем, поисков моделей социально-экономического развития и ресурсов для их реализации².

В преамбуле Соглашения и были впервые сформулированы пять принципов мирного сосуществования, которые широко известны под санскритским названием «Панча шила» (пять нравственных добродетелей):

1. взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
2. взаимное ненападение;
3. взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга;
4. равенство и взаимная выгода;
5. мирное сосуществование.

Эти принципы вошли в практику международных отношений как основа взаимодействия государств, относящихся к различным социальным системам. Они были положены в основу деятельности Движения неприсоединения; по существу, на этих же принципах базировалась и политика мирного сосуществования, провозглашенная ранее Советским Союзом.

Идеология «Панча шила» разрабатывалась, исходя, прежде всего, из представления о естественной близости двух великих цивилизаций Азии – индийской и китайской, предопределялась схожестью судеб и длительной зависимостью от европейских держав. Обе стороны выразили стремление руководствоваться принципами «Панча шила» в подходах ко всем проблемам международных отношений, чтобы они стали прочной основой мира и безопасности.

Идеи «Панча шила» встретили широкий положительный отклик, прежде всего у молодых государств Азии, лишь несколькими годами ранее сбросивших путы колониализма и стремившихся утвердить свою независимую роль в международных делах. Такой отклик был закономерен, ибо принципы мирного сосуществования являли собой действенную альтернативу тогдашней линии США и их союзников на сколачивание в Азии военных блоков: в 1954 г. появился СЕАТО, а в 1955 г. – Багдадский пакт. Процесс становления внешней политики молодых государств был простым, порою противоречивым, и «Панча шила» для многих из них стали общим ориентиром в выработке самостоятельного внешнеполитического курса, отвечающего национальным интересам. Соблюдение этих принципов предоставляло независимым азиатским государствам возможность реализовать стремление к миру, к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества и преодолению

противоречий и недоверия, иными словами, всего того, что сдерживало, а то и деформировало их полноправное вхождение в систему международных отношений.

Советский Союз приветствовал закрепление принципов «панча шила» в индийско-китайских документах и всячески содействовал их широкому международному одобрению. В феврале 1955 г., обращаясь к парламентам всех стран, Верховный Совет СССР призвал строить межгосударственные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования. Советское руководство в дипломатических контактах с лидерами стран Азии и Африки неизменно выражало решимость содействовать развитию международных отношений на этой основе.

Такая поддержка способствовала превращению пяти принципов в норму международного права. По инициативе СССР XII сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила резолюцию о мирном сосуществовании, тем самым фактически подтвердив необходимость руководствоваться в международном общении принципами «Панча шила».

Знаменательным событием с точки зрения роста международного признания «Панча шила» стала состоявшаяся в 1955 г. в индонезийском городе Бандунге конференция стран Азии и Африки. Принятая конференцией «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству» из семи пунктов фактически развила пять принципов мирного сосуществования, дополнив их, в частности, такими положениями, как уважение основных прав человека и соблюдение Устава ООН, признание равенства всех наций, урегулирование споров мирным путем, уважение международных обязательств. Превалировало понимание того, что задача преодоления отсталости, унаследованной от периода колониального владычества, может быть решена лишь в условиях прочного мира и безопасности.

Бандунгские решения нацелили страны–участницы конференции на совместные внешнеполитические акции в защиту суверенитета каждой из них на основе совместных усилий по обеспечению и укреплению мира и безопасности не только в Азии и Африке, но и во всем мире. Тем самым была подготовлена основа для Движения неприсоединения, организационно оформившегося в 1961 г. Важнейшая цель Движения неприсоединения была определена как «неучастие в военных блоках и защита мира». Неприсоединившиеся страны признали, что мирное сосуществование – единственный путь укрепления всеобщего мира, ос-

нованного на принципах национальной свободы, равенства и справедливости.

Принципы «Панча шила» сослужили хорошую службу в борьбе против расизма и колониализма, вошли в международно-правовой лексикон и стали внедряться в практику межгосударственных отношений. Это произошло в период, когда мир был разделен на два противостоящих лагеря – «Восток» и «Запад».

За пятьдесят с лишним лет, прошедших после провозглашения принципов «Панча шила», произошло много событий, которые могут расцениваться как следование этим принципам, так и вопиющее их нарушение. Идеи «Панча шила» подвергались суровым испытаниям, однако они сохранили актуальность и сегодня, когда после длительного периода «холодной войны» и конфронтации принципы разрядки международной напряженности, развития всестороннего сотрудничества между странами на основе взаимного уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга принимаются подавляющим числом стран в качестве основополагающих принципов их внешней политики. В то же время устранение «железного занавеса» и окончание «холодной войны» сами по себе не сняли международную напряженность, остроту конфликтных ситуаций и не открыли путь к безопасному миропорядку.

Прежние вызовы человечеству оказались дополнены новыми и не менее угрожающими – со стороны международного терроризма, религиозного экстремизма, воинствующего шовинизма, наркобизнеса, организованной преступности.

Международный терроризм полностью противоречит принципам «Панча шила» и, по существу, нарушает все пять принципов мирного сосуществования. Государства, которые используют различные террористические группировки в качестве инструмента для достижения своих геополитических целей, демонстрируют полное неуважение территориальной целостности и суверенитета других государств. Они осуществляют фактическое нападение на их территорию, вмешиваясь в их внутренние дела. Разумеется, само понятие терроризма не может ассоциироваться с представлением о взаимной выгоде. Таким образом, террористическая деятельность по форме и по существу противоречит принципам мирного сосуществования.

На рубеже тысячелетий оба автора идей «Панча шила» – Китай и Индия – стали весомыми самостоятельными факторами в мировой политике. Оживились попытки других стран Азиатско-

Тихоокеанского региона искать новые формы и механизмы взаимодействия.

На азиатском пространстве появляются возможности для принципиально новых региональных структурных и диалоговых объединений, таких как Шанхайская организация сотрудничества и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Основные принципы деятельности ШОС представляют собой творческую интерпретацию идей «Панча шила» в соответствии с новыми реалиями.

Фактически в АТР созданы необходимые предпосылки для формирования многополюсной системы региональной безопасности и сотрудничества, основанной на взаимном доверии. Разветвленная и гибкая сеть общерегионального взаимодействия базируется на принципе равноправия и направлена на обеспечение общей безопасности и создание условий для процветания каждого государства региона. Как раз на реализацию подобных задач были нацелены принципы «Панча шила».

В концепции «Панча шила» заложены не только идеалы, но и здравый смысл, основанный на опыте цивилизаций, существующих уже не одну тысячу лет. Естественно, что меняющиеся реалии международной жизни требуют нового понимания принципов «Панча шила», однако фундаментальная основа этих принципов остается неизменной.

Весомый вклад в создание многополюсного равноправного и демократического миропорядка, основанного на принципах мирного сосуществования, призвано внести крепнущее взаимодействие трех мировых гигантов – России, Китая и Индии, внешняя политика которых сегодня представляет последовательное претворение принципов «Панча шила» в жизнь. Базовые параметры такого взаимодействия – приоритет международного права, многосторонние механизмы решения насущных проблем современности, таких как борьба с международным терроризмом и урегулирование региональных конфликтов при центральной роли ООН, недопущение доминирования в мировых делах одной страны или группы государств, преодоление негативных аспектов глобализации.

Принципы мирного сосуществования «Панча шила» сохраняют свой высокий международный правовой и моральный авторитет. Эти принципы получили практическое применение и развитие в современных международных отношениях. Примером тому является формирование новой формы несоюзнических отношений стратегического партнерства и стратегического взаимодей-

вия. Именно эти категории определяют отношения между тремя странами на двустороннем уровне, что нашло свое выражение в совместных документах между Россией и Китаем, Россией и Индией, Индией и Китаем. В 2001 г. Россия и Китай сделали новый шаг в плане правового оформления своих отношений как отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества и стратегического партнерства и взаимодействия. Факт подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в июле 2001 г. является важным событием в истории международных отношений в целом.

Россия последовательно укрепляет взаимодействие с Китаем и Индией. Внешнеполитический курс России созвучен проверенным временем и практикой принципам «Панча шила», несущим в себе большой гуманистический заряд. Имеющее большие перспективы трехстороннее взаимодействие России, Китая и Индии, наверное, самый наглядный образец жизнестойкости идей «Панча шила». Таким образом, принципы «Панча шила» сохраняют свое значение и сегодня, когда мировое сообщество противостоит новым вызовам XXI века. Они являются ориентиром при анализе и поиске путей решения сложнейших международных проблем.

Таких проблем сегодня в мире немало. Важнейшей остается иракская проблема. Развитие событий в Ираке отчетливо продемонстрировало всю пагубность и опасность односторонних, не легитимных, с точки зрения международного права, действий при решении крупных международных вопросов. Очевидно, что ни одно государство мира не в состоянии в одиночку справиться с вызовами и угрозами безопасности, тем более посредством военной силы. Единственно приемлемый подход к обеспечению международной, региональной и национальной безопасности – многосторонняя кооперация и поиск взаимоприемлемых компромиссных решений.

Как известно, Россия, как Китай и Индия, наряду со многими другими странами последовательно выступала за политическое решение иракского вопроса и предупреждала о неизбежных негативных последствиях военных действий без санкций Совета Безопасности ООН. Ныне полностью несостоятельными оказались мотивы военной операции США: не были обнаружены ни оружие массового уничтожения, ни связи Багдада с «Аль-Каидой».

Результатом же стал очевидный факт, что после войны Ирак действительно превратился в один из плацдармов международного терроризма, где оккупационным армиям противостоит тот

самый противник, который нанес удары 11 сентября 2001 г. Следствие всего этого – возникновение серьезной угрозы дестабилизации во всем и без того беспокойном регионе Ближнего и Среднего Востока. Нельзя пройти мимо и таких последствий иракского кризиса, как резкое ухудшение экономического положения страны, несравнимое даже с периодом международных санкций, нестабильность на мировых сырьевых и финансовых рынках. Наконец, крайнюю озабоченность вызывает гуманитарный аспект проблемы – гибель людей и захваты заложников. И это не полный перечень негативных итогов иракских событий, которые, пусть и не всегда напрямую, затрагивают интересы многих стран, в том числе России, Китая и Индии.

Однако допустимый в таких случаях политический оптимизм позволяет надеяться, что дорогую цену за эти итоги мир сегодня платит не совсем зря.

Столкнувшись с серьезными трудностями в Ираке, США начали отступать от первоначальной линии на единоличное решение иракских проблем. Были приняты три резолюции Совета Безопасности ООН по вопросу послевоенного обустройства в Ираке, которые, не перечеркивая оккупационный режим, тем не менее усиливают роль ООН в решении не только гуманитарных, но и политических проблем в этой стране. Фактом голосования «за» при прохождении этих резолюций Вашингтон практически впервые признал поражение своей ранее открыто провозглашенной политики односторонности, а сама такая линия продемонстрировала свою полную несостоятельность.

Твердая позиция международного сообщества, в том числе принципиальная позиция России, Китая и Индии по проблеме Ирака, настаивающих на строгом соблюдении норм международного права, в числе прочих факторов сегодня привела к тому, что возник реальный шанс возврата этого вопроса в русло многосторонних политических усилий в рамках ООН.

В данном контексте вполне уместно сказать и о следующем. Обсуждая в свое время роль американского фактора в проблеме трехстороннего взаимодействия России, Китая и Индии, экспертное сообщество трех стран пришло к общему пониманию, что оно не только не направлено против США или любой иной третьей стороны, но и, среди прочего, базируется на четком признании факта заинтересованности каждой из трех стран в широком развитии отношений с Вашингтоном. Вместе с тем в ходе дискуссий на эту тему был очевиден консенсус относительно того, что одной из целей по-

литического сотрудничества России, Китая и Индии должно стать стремление убедить американских партнеров в бесперспективности политики односторонности, отказ от которой отвечал бы интересам не только мирового сообщества, но и самих США. Учитывая, что в ходе неформальных встреч министров иностранных дел в трехстороннем формате, которые регулярно проходят начиная с 2002 г., тема Ирака является одной из главных, не будет слишком смелым преувеличением сказать, что мы движемся в верном направлении, а консолидированная позиция наших стран способна сыграть не последнюю роль. Причем не только в иракской проблеме.

Многополярный мир. Другой важный вывод, проистекающий из событий в Ираке и прямо связанный с ведущими мировыми тенденциями, – неуклонное движение в сторону многополярного, полицентричного устройства мира, твердыми сторонниками которого неизменно выступают Россия, Индия и Китай. Понятно, что признаки этого движения видятся не только в продолжающемся вызревании новых «полюсов» за пределами «центра силы», руководимого США. Они обнаруживаются в явной уязвимости однополюсного построения, что проявилось не только в последствиях войны в Ираке, но и в появлении целого ряда новых глобальных угроз (терроризм, наркотрафик, трансграничная преступность и т. д.), требующих коллективного реагирования если одновременно не всех членов международного сообщества, то, по крайней мере, всех основных держав.

Зависимость мира от США, пусть далеко не семимильными шагами, но сокращается (к слову, по прогнозу, совокупный ВВП России, Китая и Индии к 2015 г. приблизится к 30% мирового).

Думается, что в не столь отдаленной мировой повестке дня – необходимость создания и отработки механизмов регулирования отношений между формирующимися мировыми «полюсами», внедрение в эти отношения справедливых, гарантирующих международный мир и стабильность принципов международного общения. Представляется, что свое место среди этих принципов могли бы найти и принципы «Панча шила», и проверенные временем нормы из практики ООН.

ООН: иракский импульс. Прямым отзвуком событий в Ираке стало в последнее время явное изменение тональности в давно ведущихся дискуссиях о роли и месте ООН в современном мире. Стало очевидным, что все разговоры и опасения по поводу «провала» и «конца» ООН были явно необоснованными. Напротив, осознание актуальности интенсификации деятельности этой орга-

низации в современном мире только укрепилось. Как четко отметил в одном из своих выступлений президент РФ В.В. Путин, главный урок «школы ООН» состоит в том, что другой альтернативы, как сообща строить более безопасный, справедливый и благополучный мир, у человечества нет³.

Определенный поворот в сторону отказа от попыток принизить роль ООН, сохранение прежнего центрального места этой Организации не означает, однако, что она не нуждается в совершенствовании и модернизации. Россия, так же как и Китай, и Индия, выступает за максимально эффективную адаптацию ООН к новым международным реалиям. Намечившиеся при этом направления поиска, основанные на понимании необходимости обеспечения более представительного состава членов Совета Безопасности, более гибкой системы принятия решений, которая сочетала бы консенсус и компромиссы, должны исходить из главного критерия – добиться максимальной отдачи от функционирования механизмов организации. Твердая позиция России относительно кандидатуры Индии как сильного претендента на место в СБ хорошо известна.

Хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что создавшаяся ситуация возврата к признанию центральной роли ООН не снижает, а увеличивает актуальность координации усилий России, Китая и Индии в деле обеспечения эффективности этой универсальной структуры.

Терроризм. Тема противодействия терроризму является одной из важных в трехстороннем сотрудничестве, что косвенно находит отражение в целом ряде двусторонних документов, в частности российско-китайских и российско-индийских.

Антитеррористическое сотрудничество России, Китая и Индии уже накопило определенный опыт, в том числе по линии двусторонних групп по борьбе с терроризмом. Возможный путь усиления эффективности их деятельности – более решительные шаги в направлении сотрудничества в трехстороннем формате. Столь же актуальной продолжает оставаться тема координации антитеррористических инициатив трех стран в рамках ООН и Контртеррористического комитета Совета Безопасности, взаимодействие в продвижении таких важных документов, как индийский проект всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом и предложенная Россией конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма.

Двусторонние отношения. В заключение несколько слов о двусторонних отношениях. Прежде всего, как позитивный факт

надо подчеркнуть, что отношения между тремя странами развиваются на высоком политическом уровне, планомерно осуществляются намеченные в совместных документах цели и идеи.

При этом, в частности, Россия с пониманием и заинтересованностью наблюдает за нормализацией индийско-пакистанских отношений, которые имеют важнейшее значение для будущего сотрудничества в регионе.

Растут показатели двусторонней торговли по всем линиям двусторонних связей, причем весьма ощутимый прирост наблюдается в товарообороте между Китаем и Индией. Как и прежде, двусторонние отношения продолжают оставаться надежной базой трехстороннего сотрудничества.

У этого сотрудничества хорошие перспективы. Но нужны продуманные, целенаправленные и действенные шаги и идеи. Как отмечал президент РФ В.В. Путин: «Мы не должны забегать вперед, действовать в каких-то неподготовленных областях. Все должно развиваться последовательно и гармонично. Но двигаться вперед в направлении развития отношений между нашими государствами, конечно же, надо»⁴.

ТРЕХСТОРОННЕЕ ПАРТНЕРСТВО: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Мир в наступившем столетии продолжает переживать непростой период перемен и формирования новой архитектуры международных отношений. В условиях нарастающей глобализации и ослабления масштабной мировой конфронтации продолжается подспудное противоборство между силами, выступающими за многополярное видение мира и коллективный подход к решению проблем, и теми влиятельными кругами, которые часто предпочитают оставаться в тени, но на протяжении вот уже полутора десятилетий ратуют за монополярное право единолично определять судьбы международного сообщества. При этом идеи многополярности продолжают, на наш взгляд, постепенно крепнуть и накапливать позитивный потенциал.

Отдельной темой международной жизни продолжают оставаться вопросы соблюдения норм международного права, сохранения решающей роли ООН в международных делах. По-прежнему

му актуальны проблемы борьбы с международным терроризмом, поиска адекватных ответов на другие современные вызовы и угрозы, в том числе угрозу распространения оружия массового уничтожения: все они каждодневно требуют поиска адекватных ответов.

Знаменем времени стали интенсивные политические контакты и торговые обмены между Россией, Китаем и Индией, прежде всего на двустороннем уровне. Крупным событием стала первая специально созванная трехсторонняя встреча министров иностранных дел Индии, Китая и России во Владивостоке 2 июня 2005 г., которая, по словам главы МИД Китая, «увенчалась полным успехом».

В совместном коммюнике по итогам встречи подчеркивается, что стратегическое сотрудничество трех стран не направлено против какой-либо другой страны. Как образно прокомментировала характер этого сотрудничества китайская сторона, Россия, Китай и Индия ставят своей целью добиться путем «взаимовыгодного сотрудничества двойного выигрыша».

Состоявшийся во Владивостоке широкий обмен мнениями глав дипломатических служб трех стран показал, что «Россия, Индия и Китай разделяют общий подход к основным вопросам мирового развития в XXI веке и высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности»⁵.

Новым важным шагом в трехстороннем взаимодействии является постепенный переход к формированию трехсторонних структур сотрудничества. Крупным шагом в этом направлении можно считать инициативу Индии о проведении встречи бизнесменов трех стран. Как отмечается в совместном коммюнике встречи во Владивостоке, «это открывает возможность для выхода трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая на качественно новый уровень».

Отрадно отметить, что в этом контексте продолжают находить подтверждение многие выводы, которые в целях научного обеспечения трехстороннего сотрудничества выдвигают эксперты трех стран, ежегодно проводящие свои конференции. При этом речь идет не только об оценках мировых и региональных проблем, но и о тех широких предпосылках, об объективной

близости, параллелизме международных подходов и национальных интересов России, Китая и Индии, которые лежат в основе понимания целесообразности, важности и взаимовыгодного характера внеблокового взаимодействия наших стран.

Ирак: консервация нестабильности. Находящаяся в последнее время в центре внимания мировой общественности тема положения в Ираке является своего рода лакмусовой бумажкой основных мировых противоречий.

Согласование позиций России, Китая и Индии по ситуации в Ираке продолжает в этой связи оставаться тем потенциалом, который способен оказывать серьезное стабилизирующее воздействие. Цель такого воздействия – на основе широких коллективных усилий мирового сообщества обеспечить надежные пути к возрождению этой страны, создать условия для развития внутрииракского диалога, сориентированного на достижение общенационального консенсуса по будущему Ирака. Динамику процессам в этом направлении могло бы придать проведение международной конференции по иракскому вопросу, о чем, в частности, говорится в совместной декларации, принятой по итогам последнего российско-китайского саммита.

За коллективные действия. Не будет, видимо, лишним еще раз напомнить, что за такого рода инициативами стоит задача свести на нет урон международным отношениям, нанесенный односторонней силовой акцией в Ираке. Между тем определенные тревожные ассоциации с подходом, сделавшим такую акцию возможной, продолжают давать о себе знать, когда речь заходит сегодня о ряде других точек планеты. В официальных речах наших американских партнеров едва ли не лейтмотивом остается тема «распространения свободы», «избавления» тех или иных народов от «тирании», что преподносится как эффективный путь обеспечения национальных интересов США, в частности в борьбе с международным терроризмом. Известно, что правомерность такого видения является предметом весьма жесткой полемики и в США⁶. Но похоже, влияние сторонников тезиса о полной оправданности «экспорта демократии» остается в кругах американской элиты весьма ощутимым. По-прежнему из Вашингтона раздаются декларации о намерении «способствовать продвижению свободы» и «распространять» демократию «от Дамаска до Тегерана». Налицо прежняя уверенность в доказанности «вины» тех или иных режимов, равно как и готовность к решительным действиям, пусть с оговорками о «коалиционном подходе» и «дипломатических средствах»⁷.

В этом же ряду беспокоящих обстоятельств находятся и такие акции, как видимое недовольство, которое демонстрируют США по поводу индийско-иранского энергетического сотрудничества, сходные по духу претензии к российско-иранским связям, а также все более частые напоминания о «небеспредельности терпения» и «несомненных возможностях» Вашингтона в отношении северокорейской проблемы⁸.

И Россия, и Индия, и Китай продолжают выдерживать твердую линию на поиск эффективных путей развития конструктивного партнерства с Соединенными Штатами. Тезис о целесообразности согласованных действий трех стран с целью убеждать американских партнеров воздерживаться от рецидивов односторонней политики, особенно в их опасном «превентивно-силовом» варианте, по-прежнему, как представляется, не теряет своей актуальности. Кстати сказать, принципиальная позиция, продемонстрированная ответственными силами мирового сообщества, в том числе Россией, Китаем и Индией, осудившими одностороннюю акцию в Ираке, думается, не была бесследной: неслучайно Вашингтон, по меньшей мере на уровне риторики, стал демонстрировать заметно большую приверженность коллективным действиям.

Любой контекст темы трехстороннего сотрудничества предполагает анализ взаимодействия трех стран в ООН. Проблема укрепления ведущей роли ООН, справедливого реформирования этой Организации на принципах наиболее полного учета интересов максимально большего числа членов мирового сообщества, как уже отмечалось, является по-прежнему злободневной, и ее решение отвечает общим интересам трех стран.

Россия, равно как Индия и Китай, продолжает исходить из того, что центральная роль в объединении усилий мирового сообщества в решении ключевых проблем должна принадлежать ООН. Укрепление партнерства России, Китая и Индии в этой универсальной Организации, в том числе и по проблемам ее реформирования, остается важным и глубоким резервом взаимопольного сотрудничества. К формам взаимодействия (вспомним российско-индийские и российско-китайские проекты резолюций по терроризму и космосу) здесь мог бы добавиться согласованный подход к разрабатываемой под эгидой ООН глобальной стратегии противодействия современным угрозам и вызовам, а также к работе, проводимой в рамках созданной Генеральным секретарем ООН Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам.

Не будет лишним повторить, что фактором, который, безусловно, укрепляет возможности такого взаимодействия, является поддержка Индии в качестве претендента на место в числе постоянных членов Совета Безопасности со стороны и Москвы, и Пекина.

Борьба с терроризмом: общая философия. Знакомые со злом терроризма не понаслышке Россия, Китай и Индия уже не первый год плодотворно сотрудничают в сфере противодействия этой угрозе на двустороннем уровне, активно действуют в рамках различных международных и региональных организаций. Борьба с международным терроризмом уже неоднократно являлась темой обсуждений в ходе встреч министров иностранных дел трех стран. Особенно отраднo, что вопросы борьбы с терроризмом все чаще включаются в повестку дня продолжающихся укрепляться индийско-китайских связей.

И Россия, и Китай, и Индия демонстрируют сходство подходов, исповедуют своего рода одинаковую «философию контртерроризма», в которой нет места элементам «двойной бухгалтерии» и делению террористов на «хороших» и «плохих», на «борцов за свободу» и «жестоких убийц».

С антитеррористическими задачами каждой из трех стран тесно соприкасается взаимная заинтересованность в борьбе с наркотрафиком, контрабандой оружия и другими видами транснациональной преступности.

Центральная Азия: неопределенности остаются. Широким полем трехстороннего взаимодействия становятся региональные проблемы, связанные с Центральной Азией и Афганистаном – регионом, который непосредственно примыкает к рубежам каждой из трех стран.

Стабильность в этом регионе, которая жизненно необходима каждой из трех стран, как хорошо известно, в последние годы не раз подвергалась испытаниям. Причем это было связано не только с действиями режима афганских талибов, но и с деятельностью ряда движений экстремистского толка, такими как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб-ут-Тахрир» и др. Не секрет, что в комплексе причин, обусловивших экстремистскую активность, немалое место занимали и продолжают занимать сложные социально-экономические проблемы, переживаемые странами региона. Содействие экономическому подъему в центрально-азиатских государствах, обеспечению здесь занятости и подъему жизненного уровня населения – через взаимовыгодное сотрудни-

чество как двустороннего, так и многостороннего характера – остаются в этой связи задачей, отвечающей, в конечном счете, интересам стабильности у границ России, Китая и Индии.

В этой связи вновь нельзя не сказать о потенциале пока слабо задействованной Шанхайской организации сотрудничества. При этом речь идет о возможностях, которые в рамках ШОС заложены не только в борьбе с экстремизмом и терроризмом, но и на направлении экономического сотрудничества. В этом контексте обращают на себя внимание документы, принятые, в частности, на саммите ШОС в Ташкенте, а также на встрече глав правительств стран ШОС в Бишкеке. Среди них – План мероприятий по выполнению долгосрочной Программы многостороннего экономического сотрудничества, принятой, как известно, в 2003 г. в Пекине. В руководстве ШОС озвучена идея Фонда развития и Делового Совета ШОС. Это – серьезная заявка на формирование на пространстве ШОС зоны серьезного экономического сотрудничества. В этой связи решение правительства КНР о выделении 1 млрд долл. на экономические проекты в рамках ШОС нельзя не оценить как важное и своевременное начинание.

Несомненно также значение, прежде всего с точки зрения антитеррористических задач, заработавшего механизма встреч секретарей Советов Безопасности.

Важными сторонами в работе ШОС последнего периода стали шаги по налаживанию сотрудничества с другими странами и международными организациями. Примером этому стал Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполкомом Содружества независимых государств⁹. В этом контексте весьма важным представляется участие в ШОС Индии, которая после саммита в Астане обрела статус наблюдателя.

Индия не раз заявляла о своем конструктивном интересе к работе ШОС. С точки зрения обозначенных общих задач по сохранению стабильности в Центральноазиатском регионе, такое сотрудничество, конечно, могло бы быть позитивным.

Но не секрет, что вопросы стабильности в регионе после событий 11 сентября 2001 г. часто рассматриваются с учетом еще одной проблемы, связанной с появлением в регионе военного присутствия США. Как хорошо известно, такое присутствие явилось результатом договоренностей в рамках широких совместных задач международной коалиции по борьбе с терроризмом. До сих пор факт наличия американских баз, как минимум, не вхо-

дил в противоречие с обеспечением стабильности в регионе, хотя некая нервность, связанная с конкуренцией в стремлении получить от США те или иные преференции, здесь все же появилась.

Как будут развиваться события в дальнейшем, сказать пока сложно. Ряд прогнозов говорит о том, что в ситуацию может быть внесен существенный элемент неопределенности. В частности, речь идет о некоторых акциях Вашингтона и их союзников в последнее время.

Как известно, еще на стамбульском саммите НАТО летом 2004 г. сфера ответственности этой организации официально включила в себя кавказско-каспийский регион – по сути, часть района, охватываемого географическим понятием «Центральная Азия». В регионе Пентагоном зондировалась возможность запуска так называемой программы «Каспийский страж», которая предусматривает создание на Каспии сил специального назначения и американских баз с официальной целью «борьбы с ядерными устремлениями стран-изгоев».

При этом нельзя не видеть, что наращивание «военно-технического сотрудничества» со странами региона в трактовке США сопровождается выдвиганием на первый план лозунгов «борьбы против тоталитаризма», «борьбы за демократию» и т.д. Это не может не вызывать озабоченность на фоне, к примеру, периодически обостряющихся кризисных явлений во внутренней жизни Кыргызстана и Узбекистана.

Какой в этом контексте может быть позиция России, Китая и Индии?

Очевидно, что общие интересы поддержания стабильности диктуют необходимость постоянно анализировать перемены в ситуации и, по мере надобности, напоминать нашим американским партнерам о данных ими в свое время обязательствах не выводить свою деятельность в Центральной Азии за пределы задач анти-террористической борьбы. Речь, в частности, идет об обещании США вывести отсюда свои воинские контингенты после окончания «активной фазы» войны с афганскими талибами. Узбекистан, отказавший США в продлении пребывания военных подразделений на своей территории, уже предпринял практические шаги в этом направлении.

Двусторонние отношения. Уже не раз говорилось, что «несущую конструкцию» трехстороннего взаимодействия составляют двусторонние отношения в «треугольнике» Россия–Ин-

дия–Китай. Отрадно, что накопление ощутимых конструктивных заделов происходит на каждом из трех направлений.

Так, по линии *российско-китайских* отношений в последние годы значительным событием стал блок договоренностей по вопросу о границе. Подписание соответствующих документов означает окончательное согласование и юридическое оформление всей общей границы. По оценке российского президента, напомнившего известное изречение Дэн Сяопина, удалось «закрыть прошлое», поскольку «речь идет об окончательном урегулировании пограничной проблематики». Трудно не согласиться и с оценкой международного значения этого события. Как сказано, к примеру, в Совместной российско-китайской декларации от 14 октября 2004 г., сбалансированный характер принятого решения «является успешным примером разрешения приграничных споров для всех государств мира»¹⁰.

В наступившем столетии серьезно увеличился рост объемов двусторонней торговли.

Совершенно естественно, что в двусторонней повестке присутствуют и вопросы, еще ждущие решений. Важно, что стороны подходят к ним в духе конструктивности и взаимопонимания.

Успешно развиваются и *российско-индийские* отношения, где также не первый год действуют многопрофильные и многоуровневые механизмы двусторонних связей. Конечно, отношения двух стран не свободны от некоторых проблем. Одной из них является необходимость решительного прорыва в торгово-экономическом сотрудничестве. Ведь ни Россию, ни Индию не может устраивать положение, когда объем двусторонней торговли не превышает полутора процента от общего внешнеторгового оборота каждой из стран. Оба государства готовы серьезно корректировать ситуацию, причем резервы стороны видят, в частности, в расширении масштабов инвестиционного сотрудничества, в реализации крупных стратегических проектов. Прогрессу в двусторонних экономических отношениях будет способствовать и то, что, как ранее и Пекин, официальный Дели заявил о признании России страной с рыночной экономикой, а также о поддержке вступления России в ВТО.

Особое удовлетворение вызывает происходящее дальнейшее укрепление *китайско-индийских* отношений, что, несомненно, в важной степени отвечает и интересам трехстороннего партнерства. Повестка дня индийско-китайских связей в новом столетии весьма многообразна. Однако в ней особое место занимают итоги

состоявшегося в апреле 2005 г. визита в Индию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Среди главных результатов – подписание соглашения с целью «справедливого взаимоприемлемого урегулирования спорных пограничных вопросов» в возможно короткие сроки с учетом интересов двух стран. Кроме того, в ходе визита стороны фактически закрыли «сиккимский вопрос»¹¹. Итоги визита в целом позволили говорить о признаках нового этапа двустороннего диалога.

Во-первых, стороны впервые заявили о решении «вступить в стратегическое партнерство с целью, выходящей за рамки собственно двусторонних отношений», а именно – «обеспечить мир и процветание в Азии». Как подчеркнул Вэнь Цзябао, «Китай и Индия совместно могут придать новые очертания мировому порядку»¹².

Во-вторых, в ходе переговоров китайская сторона впервые столь четко поддержала кандидатуру Индии в качестве постоянного члена в расширенном составе Совета Безопасности ООН. «Мы целиком и полностью понимаем и поддерживаем желание Индии играть большую роль в международных делах и, в частности, в ООН», – заявил премьер Госсовета КНР¹³.

В-третьих, как уже отмечалось, сделан важный шаг в поиске решения пограничных проблем. По словам министра иностранных дел КНР, стороны обнародовали «первый за 20 лет политический документ по вопросу о границе, что заложило хорошую основу для справедливого и разумного решения»¹⁴.

Наконец, как никогда четко высказана позитивная оценка благоприятных перспектив внеблокового взаимодействия Китая, Индии и России, которое, говоря словами Вэнь Цзябао, «будет способствовать более четкой координации усилий на всех направлениях, а также всестороннему сотрудничеству»¹⁵.

Поступательное развитие. Иными словами, дальнейшее укрепление двусторонних отношений между Москвой, Пекином и Дели, в частности серьезные шаги по наращиванию китайско-индийского партнерства свидетельствуют о росте потенциала трехстороннего сотрудничества.

Неслучайно в ходе двусторонних контактов, помимо премьера Госсовета КНР, о важности налаживания трехстороннего взаимодействия и делового сотрудничества в интересах «глобальной стабильности» и «социально-экономического развития» каждой из трех стран вновь заявил российский президент¹⁶. С аналогичной оценкой выступил и кабинет индийского премьер-мини-

стра, особо выделив при этом факт «успешных встреч» министров иностранных дел трех стран¹⁷.

Все приведенные факты, их беспристрастный анализ, прежде всего в связи с прочным выходом контактов в формате Россия–Китай–Индия на уровень серьезных государственных структур – свидетельство пусть внешне неброского, но неуклонно поступательного развития идеи трехстороннего сотрудничества.

Действительно, осознание общности интересов Индии, Китая и России буквально за несколько лет расширилось и укрепилось, стало предметом осмысления не только узкой группы ученых и политиков, но и достоянием основной части высших эшелонов власти каждой из трех стран. Понимание необходимости в условиях глобалистского цунами адаптации к новым реалиям в мире и сохранения независимости и достоинства, сохранения цивилизационной самобытности, несмотря на мощное давление потока сплошной вестернизации и американизации, становится убеждением всех честных, патриотических настроенных национальных деятелей каждой из стран.

Три страны решают сходные задачи развития, подъема совокупной мощи каждой из них, повышения благосостояния граждан, роста их культуры, решения проблем обеспечения прав человека по высшим стандартам в рамках самобытных цивилизационных традиций. Все это неизбежно порождает немало вопросов и внутри, и вне наших стран.

Чаще всего эти вопросы сводятся к тому, как понимать развитие и утверждение национального достоинства и достойного места в мировом сообществе. В этой связи, естественно, возникает патриотическая идея утверждения национального величия, подъема национального самосознания. Недоброжелатели наших стран дают узкополитическую и узконационалистическую трактовку этим идеям, сводя их к национализму, гегемонизму, мифам о той или иной «угрозе» соседям и даже миру в целом. Например, некоторые именно так превратно толкуют идеи роста могущества и процветания Китая и Индии, возрождения России: слышны рассуждения о некоей «китайской угрозе», «индийской угрозе», «китайско-русском шовинизме» и даже «фашизме».

Думается, что нам надо соблюдать благоразумие и спокойствие и вместе с тем аргументированно разоблачать такие тезисы, показывать, что все эти «угрозы» фабрикуются в различных центрах, но по единому шаблону. Они призваны подорвать доверие и развитие добрососедских отношений, в том числе между тремя

странами, чтобы отвлечь внимание от подлинных угроз миру, от подлинного гегемонизма и произвола, от насаждения права «силы кулака». Известно, откуда эти угрозы исходят, и кто является истинным дирижером и содержателем штата «красителей и цветочников» всех так называемых цветных революций.

Хотелось бы в этой связи обратиться к историческому примеру утверждения национального величия Франции, примеру генерала Шарля де Голля, который дал блестящий урок реализма в решении этой деликатной и сложной проблемы. Размышляя о судьбах России, Индии и Китая и о том огромном прессинге вестернизации, которому подвергаются их культуры в ходе углубляющейся глобализации, вспомнить о великом французе более чем уместно, поскольку то, как он в условиях «холодной войны» в конце 1950-х – начале 1960-х годов добивался сохранения величия Франции – яркая иллюстрация данной темы.

Исследователи наследия Шарля де Голля особое внимание обращают на то, какое место в его внешнеполитических концепциях занимал вопрос о роли Франции в мире. «Франция “без величия”, – утверждал Шарль де Голль, – не является Францией». Противники генерала вопрошали: «Как Франция может оставаться в первом ряду, когда существует Америка и Советская Россия?.. Франция не может находиться в одном ряду с этими двумя гигантами, располагающими каждый целым континентом»¹⁸. В ответ на эти вопросы Шарль де Голль дал свое разъяснение понятию «величия» и показал способ, как его обеспечить.

По мнению де Голля, главное средство и способ обеспечить величие страны – это сохранить ее независимость в принятии решений по защите национальных интересов и в оценке событий в мировой политике. «Независимость не требует беспредельного могущества... Что такое независимость? Это, безусловно, не самоизоляция, не узко понятый национализм. Страна может быть частью такого альянса, как Атлантический, и при этом оставаться независимой. ...Быть независимой страной – значит не быть подчиненной иностранной державе»¹⁹. Касаясь будущего развития Европы, он писал: «Пусть Франция будет Францией, Европа будет Европой». Он подчеркивал: «Речь идет не о том, чтобы разрывать с американцами, а о том, чтобы строить Европу независимо от них»²⁰. Разумеется, США не были в восторге от этих рассуждений Шарля де Голля, и они приложили, как ныне стало известно, немало усилий, чтобы использовать студенческие волнения 1968 г. для дискредитации Шарля де Голля, добившись его ухода в отставку.

Эти рассуждения Шарля де Голля в немалой степени корреспондируются с размышлениями и поисками разумной линии углубления российско-индийско-китайского сотрудничества, суть которого заключается в отстаивании сходных национальных интересов, не скатываясь при этом к политическому альянсу против какой-либо третьей страны, не вступая на путь конфронтации с США даже в условиях, когда политика Вашингтона прямо противоречит этим интересам.

С учетом новых задач и достигнутого уровня взаимопонимания между Россией, Индией и Китаем экспертное сообщество трех стран могло бы, как представляется, уделить внимание следующему кругу вопросов:

1. С учетом возникших изменений военно-политической, экономической ситуации и межцивилизационных отношений необходимо попытаться согласовать среднесрочный (до 2020 г.) и долгосрочный (до 2050 г.) прогнозы развития ситуации в регионе.

2. На основе выработки совместных прогностических оценок развития ситуации попытаться выявить наиболее продуктивные формы и направления сотрудничества в различных сферах, продвижения двусторонних и многосторонних форм взаимодействия. Особое внимание стоило бы обратить на выявление негативных моментов и факторов, которые могут стать препятствиями на пути дальнейшего углубления сотрудничества и взаимодействия наших стран и выработки рекомендаций по преодолению и нейтрализации этих факторов.

Разумеется, разработка и практическая реализация этих предложений – вопрос не простой. Требуется последовательный и взвешенный подход. Это особенно важно, поскольку, говоря словами В.В. Путина, трехстороннее сотрудничество «приобретает все более целенаправленный и предметный характер», и Россия намерена «поддерживать этот процесс». Важным здесь представляется осознание взаимовыгодного характера нашего сотрудничества, выделение приоритетных направлений, где более всего возможна своего рода «естественная конвергенция интересов» каждой из стран.

ВО ИМЯ МИРА, СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ

Константой общих приоритетов России, Китая и Индии на международной арене справедливо считается стремление к многополярности, неприятие политики односторонних действий, приверженность необходимости твердо следовать Уставу ООН и решениям ее Совета Безопасности, решительное отстаивание принципов международного права. Действия в этом направлении, нацеленные на установление рационального мирового порядка с учетом интересов как можно большего числа участников международного сообщества, на коллективистские начала при решении проблем, продолжают отличать внешнеполитический курс России, Китая и Индии и в ходе глобальных и региональных событий последнего времени.

В числе ключевых пунктов мировой повестки дня сегодня остаются проблемы борьбы с терроризмом, события на Ближнем Востоке и в Западной Азии в целом, включая обстановку в Ираке и Афганистане, ядерные проблемы Ирана и Корейского полуострова, вопросы энергетической безопасности.

Анализ позиций России, Индии и Китая применительно к развитию событий вокруг этих проблем показывает как общность, так и особенности подходов и одновременно демонстрирует большой позитивный потенциал международного сотрудничества трех держав.

Если вновь обратиться в этой связи к *обстановке в Ираке*, то будет нелишним еще раз отметить, что нелегитимная с точки зрения основ международного права военная акция США и некоторых их союзников в этой стране, к тому же не подкрепленная достоверными аргументами, привела к тяжелым последствиям – столкновениям внутри иракского общества, созданию здесь благоприятной почвы для действий террористических сил, общему обострению обстановки в регионе. Это служит лишним уроком предостережения от действий, продиктованных лишь своими интересами и своим видением ситуации, вновь подтверждает важность, а главное, безальтернативность коллективных подходов, прежде всего в рамках механизмов ООН, на чем в связи с ирак-

ской проблемой вместе с другими авторитетными членами мирового сообщества, в частности с Германией и Францией, настаивали Россия, Китай и Индия.

Существует определенная надежда полагать, что эту важность начинают яснее понимать и наши американские партнеры. Другое дело, что заданные с самого начала в одностороннем порядке рамки политического урегулирования в Ираке, несмотря на существенные изъяны, не претерпели с тех пор существенных изменений. Этим объясняется положение, когда подавляющее большинство ведущих стран региона и мира не в состоянии реально влиять на ход событий, как бы им ни хотелось помочь выправить ситуацию. Не в последнюю очередь это касается Китая и Индии. Между тем, как подчеркивал российский министр иностранных дел С.В. Лавров, «нет сомнений, что обе эти великие державы будут готовы внести свой вклад в подлинно коллективные и равноправные усилия по урегулированию, скажем, в случае созыва международной конференции по Ираку, актуальность которой возрастает»²¹.

Говоря о проблемах Ближневосточного региона в целом, отметим, что Москва, Пекин и Дели неоднократно демонстрировали свою приверженность обеспечению здесь мира и стабильности, в пределах всех имеющихся возможностей постоянно действуют в этом направлении. В ходе контактов, в частности двусторонних встреч на высшем уровне, стороны регулярно «сверяют часы», в том числе и по обстановке в этом взрывоопасном районе. Справедливое урегулирование арабо-израильского конфликта, говорится, к примеру, в Совместной российско-китайской декларации, подписанной в марте 2006 г. в Пекине, «возможно лишь переговорным путем на признанной международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции СБ ООН, а также принцип “территории в обмен на мир”²². Аналогичные принципы провозглашаются Индией. Как подчеркивал в обращении к индийскому парламенту премьер-министр М. Сингх, «на смену насилию в регионе безотлагательно должна прийти дипломатия, которой, чтобы быть успешной, необходимо иметь долговременный характер, учитывать законные интересы всех региональных сторон, вести к всеобъемлющему урегулированию путем переговоров»²³.

Три стороны занимают схожие позиции и по другим ключевым аспектам урегулирования – таким, в частности, как поддержка соответствующих резолюций ООН по Ливану, уваже-

ние прав палестинского народа и одновременно необходимость признания государства Израиль всеми участниками конфликта.

Дипломатические усилия каждой из трех стран вносят свой вклад в поиски регионального мира. Одним из характерных примеров могут служить действия в ходе обострения обстановки в Ливане в 2006 г. В Израиле, Палестине, Египте и Иордании с миротворческой миссией побывал в тот период специальный представитель КНР по ближневосточному урегулированию. В составе стабилизационных сил ООН в Ливане действовал контингент военнослужащих КНР численностью до 1 тыс. человек, а китайская гуманитарная помощь Ливану превысила 5 млн долл. С начала миротворческой операции ООН в Ливане в ней приняли участие индийские подразделения, которые уже к концу августа 2006 г. насчитывали свыше 770 человек. Тремя месяцами ранее в условиях прекращения западной помощи Индия в ответ на просьбу правительства ХАМАС выделила 2 млн долл. на оказание поддержки палестинскому населению. Пострадавшему от войны Ливану, в котором проживают до 12 тыс. индийских граждан, правительство Индии предоставило значительную финансовую помощь (также около 2 млн долл.)²⁴. В Ливане действовал и саперный батальон Вооруженных сил России, задачей которого явилось возведение жизненно важных разрушенных мостов. Как член «четверки» международных посредников Россия регулярно вела переговоры с конфликтующими сторонами. Министр иностранных дел России неоднократно совершал посредническое турне по странам региона.

Наиболее оптимальные пути развязки ближневосточного узла Россия, учитывая сложное переплетение и взаимосвязь присущих региону проблем, видит в комплексном разрешении наиболее актуальных из них, включая палестинскую, ливанскую, сирийскую, с привлечением и с согласия всех заинтересованных сторон. Именно такое всеобъемлющее урегулирование – в рамках представительной конференции, поэтапного форума под эгидой ООН либо другой авторитетной структуры (например, Движения неприсоединения, о котором в этом качестве говорил премьер-министр Индии в сентябре 2006 г. на саммите неприсоединения в Гаване) – было бы способно поставить точку в конфликтах²⁵. Не последнюю роль в этом могло бы сыграть и обращение, наконец, к потенциалу межцивилизационного согласия, взаимоуважительного диалога, отказа от конфронтации – тем принципам, ко-

торые в своей политике стремятся, в частности, отстаивать Россия, Китай и Индия.

К ближневосточной проблеме тесно примыкает и вопрос *вокруг ядерной программы Ирана*. Подходы России, Китая и Индии к данной проблеме, как в целом к отношениям с этой важной страной региона, также отличаются схожестью, общностью основных принципов. Каждую из трех стран связывают с Ираном отношения сотрудничества, продиктованные и экономическими интересами, и соображениями региональной безопасности. Россия участвует в строительстве атомной электростанции в Бушере, Китай получает из Ирана около 13 % импортируемой нефти, немалые надежды в связи иранскими нефтегазовыми месторождениями питает Индия. Иран – страна-наблюдатель в Шанхайской организации сотрудничества.

Суть общего для трех стран подхода к иранской теме в ее сегодняшнем звучании укладывается в краткую формулу – режим ядерного нераспространения подлежит дальнейшему укреплению; урегулирование вокруг ядерной проблемы Ирана должно осуществляться мирными, политико-дипломатическими средствами. Именно об этом идет речь в упоминавшейся уже российско-китайской декларации от 21 марта 2006 г., в которой отмечается намерение РФ и КНР продолжать взаимодействие в данном направлении.

Такую же позицию демонстрирует и правительство Индии. В ходе индийско-иранских контактов на высоком правительственном уровне Дели, выражая готовность к дальнейшему углублению и расширению сотрудничества с Ираном, твердо высказывается за необходимость мирного урегулирования противостояния Ирана с Западом, а также соблюдения принципов Договора о нераспространении ядерного оружия.

Российская дипломатия прилагала и прилагает немалые усилия к недопущению ухода иранской ядерной темы в политический тупик. Россия настояла на подписании с Ираном дополнительного протокола по возврату отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере, что является дополнительной гарантией соблюдения режима нераспространения. Кстати, не будет преувеличением сказать, что именно такое качество российско-иранского сотрудничества в ядерной области является существенным ограничителем, который сдерживает выход Ирана за рамки этого режима.

Принятая 31 июля 2006 г. резолюция 1696 СБ ООН по Ирану содержит предложение о возможностях рассмотреть меры эконо-

мического воздействия на Иран, как это предусмотрено ст. 41 Устава ООН, в случае отсутствия прогресса в усилиях по возобновлению переговоров с Тегераном. В России исходят из того, что с применением положений этой статьи требуется особая деликатность и терпение, не говоря уже о ст. 42, предусматривающей применение силы, на которой настаивают американские представители в ООН. Сходными, в этом смысле, выглядят китайские и индийские подходы. Резкие, порой, высказывания иранских лидеров выглядят контрпродуктивно. Но столь же контрпродуктивным был бы разговор с Тегераном на языке ультиматумов. Хотя, разумеется, без накопления элементов ответного конструктивизма с иранской стороны здесь не обойтись.

Тем не менее резервы мирного исхода не исчерпаны. В коренных интересах иранского народа – найти переговорное решение, в частности, дать позитивный ответ в рамках переговорного процесса с «шестеркой» (Германия, Франция, США, Китай, Великобритания, Россия). Вместе с тем общая цель мирового сообщества – не допустить появления в Иране ядерного оружия. Тегеран неоднократно заявлял, что такой цели не ставит. Задача состоит в том, чтобы достоверно убедиться, что эти слова не расходятся с делом. Необходимо гарантированно определить, в том числе на основе докладов инспекторов МАГАТЭ, насколько реально угроза миру и безопасности, есть ли такая угроза? И лишь затем принимать взвешенные решения. Думается, что такие подходы отвечают интересам как России, так и Китая, и Индии. А скоординированные действия в этом русле – в структурах ООН и в рамках ШОС – способны приблизить мирный выход из кризиса.

Корея, ШОС, проблемы энергетики. Столь же важным полем внешнеполитического взаимодействия, актуальным для регионального и глобального мира, является (сходная с иранской) проблема безопасности на Корейском полуострове.

К сожалению, события 9 октября 2006 г., когда КНДР, невзирая на предостережения международного сообщества, заявила «об успешном проведении подземного ядерного испытания», серьезно осложнили решение этой проблемы, стержнем которой, так же как в случае с Ираном, является недопущение нарушений режима ядерного нераспространения.

В этот же день внешнеполитические ведомства трех стран выступили с осуждением действий КНДР. Как было подчеркнуто в заявлении МИД России, «подобный шаг, какими бы причинами

он ни мотивировался, способен лишь привести к обострению существующих на Корейском полуострове проблем, чреват угрозой миру, безопасности и стабильности в регионе, подрывом режима ядерного нераспространения»²⁶.

Китайское правительство, самым решительным образом выступив против акции КНДР, потребовало от нее «быть верной своим обещаниям обеспечить безъядерный статус Корейского полуострова, прекратить любые действия, которые могут привести к дальнейшему ухудшению ситуации» и «вернуться на путь шестисторонних переговоров»²⁷.

«Мы крайне озабочены сообщением о ядерном испытании, проведенном в КНДР», - подчеркивалось в заявлении официального представителя индийского МИД, который расценил этот шаг как нарушение международных обязательств КНДР, как действия, «несущие опасность миру, стабильности и безопасности» на полуострове и в регионе, как «угрозу» режиму нераспространения²⁸.

В приведенных заявлениях неслучайно упоминается шестисторонний формат переговоров, который, как показала практика, по-прежнему является наиболее реальным путем поиска выхода из тупика по ядерной проблеме полуострова. Россия и Китай, как непосредственные субъекты этого процесса, призывают всех участников проявлять терпение, гибкость, в конструктивном ключе продолжать продвигать шестисторонние переговоры с тем, чтобы, несмотря на серьезные осложнения, в конечном итоге реализовать цель денуклеаризации Корейского полуострова, разрешить проблемы, связанные с ядерной программой КНДР, поддержать мир и стабильность на полуострове и в регионе в целом.

Индия, которая стоит на схожих позициях и выступает за соблюдение положений Договора о ядерном нераспространении, также неоднократно демонстрировала готовность внести свой вклад в решение проблемы.

Ныне перспектива мирного, переговорного решения проблемы, недопущения дальнейшего роста напряженности в решающей степени зависит от политической выдержки стран-участниц процесса, от разумного и позитивного ответа КНДР на справедливые требования международного сообщества. Важно предотвратить сваливание обстановки к опасной конфронтации. Ведь, помимо прочего, худшим развитием событий был бы вариант «принципа домино», распространение кризиса в северокорейском вопросе и на подходы к решению иранской ядерной проблемы.

Говоря о перспективах сотрудничества трех стран, нельзя хотя бы кратко не остановиться на теме ШОС. Эта организация стала самобытным фактором международных отношений. Она обладает значительными возможностями в деле эффективного противодействия новым вызовам и угрозам, имеющим трансграничный характер. Вот почему Россия, Китай, а также Индия, получившая в Организации статус наблюдателя, предпринимают активные усилия с тем, чтобы практическое сотрудничество в рамках ШОС в сфере безопасности, экономики и других областях непрерывно углублялось и развивалось. Прошедший в июне 2006 г. саммит ШОС в Шанхае придал новый импульс дальнейшему укреплению и развитию Организации в соответствии с задачами и принципами, заложенными государствами-учредителями в Хартии ШОС. Особое внимание обращено на достижение договоренностей по конкретным проектам сотрудничества в сферах экономики, борьбы с терроризмом, а также на активизацию форм и методов расширения взаимодействия государств-членов ШОС на международной арене. Как подчеркивалось в Совместном коммюнике по итогам саммита, ШОС будет активно использовать такие формы и методы «для проведения консультаций на регулярной основе с государствами-наблюдателями при ШОС»²⁹. Это в полной мере относится, в частности к созданной и начавшей свою работу Контактной группе ШОС–Афганистан и, конечно, – в числе других стран-наблюдателей – к Индии.

Наконец, нельзя обойти молчанием и состоявшийся в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге саммит «Большой восьмерки», в числе гостей которого были руководители Китая и Индии. Саммит в числе главных вопросов рассмотрел, как известно, вопросы глобальной энергетической безопасности. Россия, как страна-учредитель этого саммита, вынесла эти вопросы в центр повестки дня. Ведь сегодня устойчивое энергоснабжение – это одно из условий международной стабильности в целом, а сбалансированное энергоснабжение – по сути, один из факторов глобальной безопасности. В этой связи Россия выступает за объединение усилий всего мирового сообщества для солидарного решения энергетических задач. Прежде всего, речь идет, во-первых, о надежном обеспечении мировой экономики традиционными видами топлива, причем на условиях, приемлемых как для государств-производителей, так и для потребителей, а, во-вторых – о диверсификации путей и источников, а также безопасности энергоснабжения. Не будет лишним в данной связи напомнить, что сотрудничество в энергетической сфере справедли-

во считается одним из наиболее перспективных направлений экономического взаимодействия России, Китая и Индии.

Однако саммит в Санкт-Петербурге помимо ряда важных обсуждений был ознаменован еще одним важным событием, – *впервые трехсторонняя встреча в формате «Россия–Китай–Индия» состоялась на высшем уровне*. В ходе встречи председатель КНР, президент России и премьер-министр Индии были едины в позитивной оценке трехстороннего сотрудничества. Как отмечалось во время обмена мнениями, укрепление такого сотрудничества служит решению мировых и региональных проблем и делу углубления дружественных отношений, способно внести свой вклад в обеспечение мира и стабильности в АТР и на планете в целом, содействует и стимулирует экономическое развитие трех стран. Председатель КНР призвал полностью использовать механизм встреч руководителей внешнеполитических ведомств трех стран для продвижения делового сотрудничества по всем направлениям, активизировать координацию позиций по международным и региональным проблемам. По словам премьер-министра Индии, стороны уделили особое внимание перспективам трехстороннего взаимодействия в ряде экономических сфер, включая энергетику, гражданскую авиацию, биотехнологии, информационные технологии, фармацевтику и финансы³⁰.

Выход трехстороннего диалога на высший уровень, внимание, проявляемое к совершенствованию механизма сотрудничества, обещает ему хорошие перспективы. Дело – за исполнительными структурами. А ученые-страноведы будут и впредь работать над дальнейшим выявлением стимулов, определением взаимовыгодных ориентиров такого сотрудничества.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Взаимодействие России, Индии и Китая, которое еще на рубеже XX и XXI столетий рассматривалось не более чем сугубо теоретическая идея, шаг за шагом набирает обороты, пусть не слишком резко, но неизменно поступательно продвигается к формату скоординированных подходов в решении общих задач.

Таких задач, прямо связанных с национальными интересами каждой из трех стран, немало. Развитие событий на международной арене в новом тысячелетии по-прежнему происходит неоднородно. Имеют место как позитивные явления, связанные, с более равномерным распределением ресурсов влияния в результате нарастающей глобализации, так и негативные тенденции. К числу последних, которые вызывают, естественно, особую озабоченность, относятся рецидивы политики доминирования, расширение конфликтного пространства, выпадение проблематики разоружения и контроля над вооружениями из глобальной повестки дня.

Вместе с тем становление международной системы продолжает объективно испытывать императив коллективных действий, импульсы к созданию такой международной архитектуры, в которой не было бы места политике гегемонии и диктата. Неслучайно в кругах американской внешнеполитической элиты на фоне неудач в Ираке возникла и продолжает разрабатываться известная теория «концерта держав», в которой (при всей условности ее западного прочтения) нельзя не увидеть признаки тактических перестроений в рядах тех сил, которые еще недавно присваивали себе безраздельное право на односторонние действия.

Не будет преувеличением сказать, что в немалой степени такие тенденции связаны с последовательным ростом международного влияния и авторитета России, Китая, Индии. И это неслучайно. Принципиальные позиции каждой из трех стран по отстаиванию приоритетов многополярного мира, формированию международной системы, которая максимально учитывала бы интересы как можно большего числа участников международного сообщества, хорошо известны. При этом практически полное совпадение их узловых подходов было в очередной раз подтверждено итогами второй и третьей специальных трехсторонних встреч министров иностранных дел в феврале 2007 г. в Дели и в ноябре того же года в Харбине.

Без обращения к позициям, мнению и потенциальному вкладу каждой из трех стран сегодня уже трудно представить обсуждение сколько-нибудь значимой международной проблемы – идет ли речь о реформе ООН, безъядерной Корее, иранской проблеме, глобальной энергетической безопасности или глобальном потеплении климата. Одно из многих свидетельств тому – становящийся уже традиционным расширенный формат саммитов «Большой восьмерки», где равное место России дополнено до-

стойным участием ряда авторитетных стран, прежде всего – Китая и Индии.

Растущее влияние и роль трех стран наряду с общностью или схожестью подходов к глобальным и многим региональным проблемам, прежде всего проблеме демократизации мировой политической архитектуры, сходство или параллелизм озабоченностей, связанных не только с современными угрозами, но и с вызовами переменчивой обстановки, с необходимостью дальнейшего отстаивания принципов самостоятельной и суверенной внешней политики – вот главные черты того международно-политического контекста, который определяет как возможности, так и направления их трехстороннего внешнеполитического взаимодействия.

Рассматривая эти, становящиеся уже традиционными, направления (мироустройство, терроризм, ООН, региональные проблемы), остановимся на развитии некоторых прежних и новых тенденций.

Проблемы миростроительства. Важнейшим направлением международного сотрудничества России, Китая и Индии продолжают оставаться вопросы справедливого и демократического мироустройства.

Чем в данной связи характеризуются наиболее крупные международные процессы последнего времени? Остановимся на наиболее важных.

Нет нужды доказывать, что базовый принцип истинно демократических международных отношений – это коллективный способ решения проблем. На основе опыта последних 15 лет в мире укореняется понимание безальтернативности многосторонней дипломатии как основного метода регулирования международных отношений на глобальном и региональном уровнях.

Главным и общепризнанным элементом такой дипломатии является ООН, которая остается универсальным форумом, наделенным уникальной легитимностью, сохраняет роль несущей конструкции международной системы коллективной безопасности. Принципиальный выбор России, Китая и Индии в пользу коллективного образа действий мирового сообщества предполагает укрепление центральной роли этой всемирной организации во всех сферах международной жизни.

Именно сейчас, после окончания «холодной войны», может быть полностью раскрыт потенциал Организации. Разумеется, требуется ее комплексная адаптация к современным условиям,

на что и нацелены положения принятого единогласно Итогового документа «Саммита-2005». Добротная основа, включая основополагающие принципы Устава ООН, имеется. И если ООН удавалось служить интересам мирового сообщества в худшие времена, то тем более Организация в состоянии эффективно делать это сейчас – при наличии доброй воли всех государств.

Как уже неоднократно подчеркивалось в согласованных выводах экспертного сообщества трех стран, их активное и скоординированное участие в деятельности ООН позволяет эффективно воздействовать на мировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, через самое широкое международное сотрудничество реализовывать национальные интересы каждой из них.

Стоит напомнить и о том, что Россия, Китай и Индия демонстрируют сходство в понимании необходимости реформ. Оно выражается в солидарном видении такого вектора перемен, который, учитывая возросшую роль ряда стран, сохранял бы эту Организацию в качестве главного международного механизма в коллективном противодействии угрозам безопасности и вызовам устойчивому развитию. В реформенной сфере с участием России, Китая и Индии уже имеются конкретные достижения: создана Комиссия по миростроительству, учрежден Совет по правам человека, одобрена Глобальная контртеррористическая стратегия, приняты решения по активизации работы Генассамблеи ООН.

Ключевой элемент реформирования ООН – вопрос расширения Совета Безопасности. Россия исходит здесь из своих принципиальных подходов: сохранить максимально компактный и работоспособный состав СБ, повысить (разумеется, без ущемления собственного статуса) его представительность, в том числе за счет влиятельных развивающихся стран. В этой связи руководство РФ на самом высоком уровне неоднократно высказывало свою поддержку Индии как одному из наиболее достойных кандидатов на место в расширенном СБ. Аналогичной позиции, как известно, придерживается и Китай.

Координация и согласованность действий трех стран в структурах ООН, в том числе в Комиссии по миростроительству, Совете по правам человека, в формате миротворческих и гуманитарных операций способны усилить эффективное воздействие на мировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, политического урегулирования кризисов и конфликтов, поддержания стабильности

в различных регионах мира, а также борьбы с новыми угрозами и вызовами.

Говоря о глобальной повестке дня трехстороннего сотрудничества, вновь упомянем появившуюся новую площадку – встречи и дискуссии в расширенном формате «Большой восьмерки». Не будет преувеличением сказать, что при председательстве России, проводившей саммит в Санкт-Петербурге, были сделаны крупные шаги в направлении обеспечения большей открытости и демократичности работы «восьмерки», включая формат диалога с приглашенными странами – Китаем, Индией, Бразилией, Мексикой и ЮАР, а также рядом крупнейших международных организаций и межгосударственных объединений. Уже тогда, в 2006 г. их представители активно участвовали в выработке ряда документов на профильных встречах министерского и экспертного уровня. Эта практика была продолжена на встрече «Большой восьмерки» в июне 2007 г. на германском курорте Хайлигендамм, завершившейся, как известно, подписанием 12 документов. Ряд из них, в том числе итоговый документ по вопросам мирового экономического роста и связанных с ним проблем, лидеры «Группы восьми» обсуждали при участии руководителей пяти приглашенных стран – Бразилии, Индии, Китая, Мексики и ЮАР³¹.

«Группа восьми» с вступлением в нее России и появлением формата приглашенных стран, в том числе Китая и Индии, говорит о качественных изменениях: из эксклюзивного «клуба западных держав» она превращается в более представительный механизм. *Расширенный формат «Большой восьмерки» создает дополнительные возможности для скоординированных действий трех стран*, направленных как на продвижение к большей открытости и дальнейшей демократизации «восьмерки», так и на использование этого вовсе не подменяющего центральную роль ООН, однако важного неформального диалога мировых лидеров в целях отстаивания общих для каждой из них задач. Но, принимая во внимание транспарентный и внеблоковый характер трехстороннего взаимодействия России, Китая и Индии, а также уровень представительства и важность затрагиваемых вопросов, перспективность этой переговорной площадки трудно переоценить и по другому важному поводу. Не будем забывать, что *именно поля встречи «Большой восьмерки» стали в 2006 г. местом проведения первой российско-китайско-индийской встречи на высшем уровне.*

Создание справедливого миропорядка и установление подлинно демократической системы международных отношений актуализирует проблему урегулирования ряда опасных конфликтов, предполагает снижение напряженности в зонах их многолетнего действия, предотвращение новых «горячих точек».

География таких зон хорошо известна. Это Ближний Восток, где не прекращаются внутренние столкновения в Палестине. Это тлеющая напряженность вокруг Ирана и Кореи. Это положение в Ираке, в Афганистане и его приграничье. Анализ развития событий в этих конфликтных точках лишний раз показывает, что политико-дипломатическое урегулирование кризисных ситуаций, в особенности на Ближнем и Среднем Востоке, не имеет разумной альтернативы. *Разделяя такие подходы к конфликтным зонам, Россия, Китай и Индия придерживаются схожих позиций*, в основе которых необходимость достижения мирных компромиссов. Разумеется, любые компромиссы должны быть в рамках правового поля, без ущерба для международной безопасности, при уважении обязательств по международным договоренностям, включая режимы нераспространения ОМУ. Одновременно нельзя считать приемлемыми ультиматумы, которые всех загоняют в тупик, создают новые кризисы в уже серьезно дестабилизированном регионе, наносят удар по авторитету Совета Безопасности ООН. Применение силы в целях принуждения к миру должно быть исключительной мерой, к которой международное сообщество может прибегнуть в строгом соответствии с Уставом ООН, если все другие возможности урегулирования конфликта исчерпаны.

Учитывая взрывоопасность упомянутых ситуаций и важность их урегулирования, три страны способны внести свой весомый вклад в поиск разумных решений.

Центральная Азия как региональное направление сотрудничества. В поведенческих принципах трех стран по вопросам кризисных ситуаций в тех или иных районах мира отражаются их подходы к проблемам региональной политики в целом. Россия, Китай и Индия позитивно воспринимают многие региональные интеграционные процессы, основываются на принципах отказа от конфронтации и мирного решения возникающих проблем, выступают за обеспечение региональной стабильности и развития. К числу наиболее важных для всех трех стран региональных вопросов относится положение в Центральной Азии и Афганистане – регионе, который непосредственно прилегает к их границам

и прямо связан с безопасностью и другими национальными интересами России, Китая и Индии. Центральная Азия, где имеют место объективные социально-экономические трудности процесса становления молодых по историческим меркам независимых государств, является районом потенциальной, а иногда и реальной активности сил экстремизма и религиозного радикализма. Здесь ощутимы действия и некоторых внерегиональных сил, которые, пользуясь известным инструментарием «цветных революций», ставят своей целью смещение существующих официальных режимов и стремятся обрести, таким образом, собственный контроль над процессами в регионе, обеспечить доступ к его богатому энергетическому потенциалу. Испытывая в данной связи общие озабоченности, Россия, Китай и Индия проводят политику, направленную на противодействие вызовам регионального экстремизма, радикализма, сепаратизма и дестабилизирующего внешнего вмешательства, на основе принципов уважения суверенитета всемерно развивают с государствами ЦАР отношения многопрофильного сотрудничества. Вновь следует подчеркнуть, что действенным механизмом решения проблем ЦАР призвана стать Шанхайская организация сотрудничества и созданная в ее рамках Региональная антитеррористическая структура (РАТС), которая уже ныне координирует работу по борьбе с международным террором, наркотрафиком и преступностью. Россия, Китай и Индия, являющаяся страной-наблюдателем в ШОС, исходя из того, что многостороннее взаимодействие в рамках этой организации, в том числе экономического характера, способствует социально-экономическому подъему центральноазиатских государств, который, в свою очередь, обеспечивая рабочие места и рост уровня жизни, ведет к устранению социальных условий и корней экстремизма. *Использование богатого и пока нереализованного потенциала такого взаимодействия в ЦАР – важная сфера трехстороннего сотрудничества.*

Помимо сугубо международных аспектов трехстороннего сотрудничества, нельзя хотя бы кратко не упомянуть о его второй важнейшей составляющей – *взаимодействии в целях и интересах развития внутренних экономических и социально-гуманитарных комплексов каждой из стран.* Относительно направлений и сфер такого взаимодействия на протяжении ряда лет проводился подробный экспертный анализ, итоги которого были закреплены на встрече высших руководителей трех стран в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге, а также в документах совме-

стных встреч глав трех внешнеполитических ведомств в июне 2005 г. во Владивостоке и в феврале 2007 г. Перспективными областями сотрудничества признаны энергетика, транспорт и транспортная инфраструктура, наука и техника, космос, высокие технологии, включая информационные и биотехнологии, здравоохранение и медицина. Важной названа также сфера культуры и гуманитарных контактов, сотрудничество в которой служит важной задаче – укреплению широкой социальной базы трехстороннего взаимодействия. Кроме того, обсуждались также возможности координации действий по созданию оптимальных международных торговых режимов, сотрудничеству в сферах сельского хозяйства, охраны окружающей среды. В данном ряду особого внимания заслуживают возможности кооперации в энергетической области³².

Однако для перевода разнообразных потенциальных возможностей в практическую плоскость предстоит решить ряд обозначившихся проблем, прежде всего связанных с необходимостью реализации конкретных экономических проектов. В этом смысле можно назвать этапными те договоренности, которые были достигнуты в ходе встречи министров иностранных дел трех стран в октябре 2007 г. в Харбине. Как подчеркивалось в Совместном коммюнике по итогам харбинских переговоров, стороны намерены создать координационный механизм по линии МИДов трех стран и аналогичные механизмы сотрудничества по линии министерств сельского хозяйства, по чрезвычайным ситуациям и здравоохранения³³.

В целом же следует подчеркнуть, что трехстороннее сотрудничество России, Индии и Китая – это, применяя образные мерки, еще совсем молодой организм, который переживает лишь начальные шаги адаптации к реалиям меняющегося мира. Многие еще предстоит сделать. Но этот организм востребован, ибо естественно порожден этими реалиями. Хорошее подтверждение тому – документы состоявшихся в 2007 г. очередных российско-индийских и российско-китайских встреч на высшем уровне, на которых говорилось: *«Стороны выступают за расширение сотрудничества в формате Россия–Индия–Китай... Оно способствует развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества между тремя странами, укрепляет координацию в вопросах противодействия новым вызовам и угрозам, в особенности международному терроризму, вносит свой вклад в дело укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире»*³⁴ (выделено мною. – М.Т.).

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ФАКТОР США

Обсуждая вопросы формирования и развития трехстороннего сотрудничества РФ, КНР и Индии, мы неизменно подчеркиваем, что оно, во-первых, не противоречит коренным интересам ни одной из трех стран, во-вторых, не направлено против каких-либо других государств и, в-третьих, не наносит ущерба отношениям любого из наших государств с третьими странами.

Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что трехстороннее сотрудничество будет существовать не в международном вакууме, что оно не может не учитывать и неизбежно будет испытывать воздействие многочисленных факторов мировой политики.

Вполне очевидно, что одним из главных таких факторов является фактор США. Это определяется, во-первых, тем, что ныне США представляют собой самую мощную в экономическом и военном отношении державу, вышедшую после крушения Советского Союза на положение единственной супердержавы. Во-вторых, это в немалой степени связано и с тем, что каждая из наших стран поддерживает с США широкомасштабные отношения в самых различных областях.

Вместе с тем фактор США нельзя оставить вне рассмотрения и по причинам более широкого плана. Поскольку каждая из трех стран также играет крупную роль в мировой политике, а тем более велика потенциальная роль в ней российско-китайско-индийского сотрудничества, то взаимосвязи между данным трехсторонним форматом и США становятся важнейшей сферой глобальной мировой политики. От взаимоотношений этих суперсубъектов международного сообщества в огромной мере будет зависеть международный климат и решение важнейших проблем современности.

На первый взгляд, на этом можно было бы и остановиться в характеристике фактора США. Однако в действительности ска-

занного совершенно недостаточно для уяснения тех свойств и особенностей этого феномена, учет которых имеет первостепенное значение для жизнедеятельности российско-китайско-индийского сотрудничества. Прежде всего, здесь необходимо учитывать как особенности политики США в отношении каждой из трех стран, так и особенности внешнеполитической доктрины Вашингтона.

Особенностью американского фактора является, как уже было отмечено выше, то, что США выступают на мировой арене в *двух ипостасях*. С одной стороны, они представляют собой пусть и самую экономически высокоразвитую и мощную страну, но страну, тем не менее заинтересованную в рынках других государств и источниках энергетического сырья, тем более что они потребляют 40% добываемого сырья в мире. Одновременно США проявляют заинтересованность в сотрудничестве с другими субъектами мировой политики в борьбе против международного терроризма.

С другой стороны, США объявили весь мир зоной своих национальных интересов и проявляют явную склонность добиваться своих целей в одностороннем порядке, в обход ООН и игнорируя мнение даже своих союзников и партнеров. Таким образом, США хотят добиваться своих целей и навязывать свою волю мировому сообществу, опираясь на свою военную и экономическую мощь методами диктата и «силовой дипломатии».

Заинтересованность США в сотрудничестве с другими странами, которая сопровождается тем не менее демонстрацией силы и стремлением навязывать свои ценности, не в последнюю очередь связана, на наш взгляд, и с тем, что, как отметил академик Н.А. Симония: «Во-первых, США приходится мучительно адаптироваться к происходящему переходу из своей сверхдержавности к статусу обычной великой державы... В экономическом плане это наглядно иллюстрируется снижением удельного веса США в мировом валовом продукте и неуклонным ростом удельного веса других держав»³⁵. По прогнозу ИМЭМО РАН, доля США в 2015 г. составит 8,6%, доля Китая и Индии в совокупности приблизится к этому уровню. Во-вторых, отмечает Н.А. Симония, США уже давно превратились в самого крупного должника в мире – «...его внутренняя и внешняя накопленная задолженность составляет около 6 трлн долл. (для сравнения: вся экономика США стоит около 8 трлн долл.)»³⁶.

Развитые страны, а также такие страны, как Китай, Россия и Индия, своими огромными инвестициями и потоками утекаю-

щих из их стран капиталов поддерживают жизненный тонус американской экономики, требующей для своего нормального функционирования до 1 млрд долл. инвестиций ежедневно. Элемент взаимозависимости между экономикой США и мировой экономикой усиливается фактором глобализации и дает США определенные весьма ощутимые преимущества, которые они также стремятся использовать односторонне.

Политика Вашингтона на Ближнем Востоке, и прежде всего в отношении Ирака, имеет очень сильный запах нефти. Объяснение этого достаточно простое: США, став самым крупным потребителем энергоресурсов в мире, попали в сильную зависимость от поставок нефти из Саудовской Аравии и группы стран Латинской Америки.

Чтобы обеспечить энергетическую безопасность своей страны в условиях проведения односторонне ориентированной гегемонистской политики, США стремятся поставить под контроль не только крупнейшие в мире запасы нефти в Саудовской Аравии, но и Ирака, нефтяные запасы которого в 2 раза больше, чем в России, и в 4 раза больше, чем в Китае³⁷. Хотя некоторые российские политологи объясняют стремление США закрепиться в районе Каспийского моря и Центральной Азии мотивами, связанными с борьбой с исламским фундаментализмом, но реалистический анализ действий Вашингтона в этом регионе вполне очевидно выявляет многоцелевой стратегический характер этого шага США, также весьма сильно пахнущего все той же нефтью. Одновременно США получили дополнительный рычаг влияния на ситуацию не только в Центральной Азии, но и на Кавказе, Прикаспии и пограничных с Китаем и Индией районах.

От того, какая из двух тенденций в политике США будет доминировать – стремление к сотрудничеству и партнерству или к одностороннему доминированию и гегемонизму, – будет во многом зависеть характер отношений США со странами региона, включая отношения с Россией, Китаем и Индией.

Жизненная актуальность развития и углубления трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии на взаимоприемлемой основе принципов мирного сосуществования и стратегического партнерства диктуется тем, что только это сотрудничество может помочь преодолеть «комплекс всемогущества» США и в соответствии с собственными интересами преимущественно придерживаться курса на взаимовыгодное сотрудничество с каждой из трех стран.

Вполне естественно, что каждая из трех стран заинтересована в развитии делового сотрудничества с США, выступающими в их первой ипостаси, то есть как с государством, способным внести ценный вклад в решение задач экономического развития наших стран.

Бросим беглый взгляд на наиболее явственно видимые показатели сотрудничества каждой из трех стран с США, прежде всего в торгово-экономической сфере³⁸.

Наиболее далеко продвинулась в сотрудничестве с США в торгово-экономической, научно-технической сферах и в области образования Китайская Народная Республика. Ныне США являются первым по значению торговым партнером КНР: общий объем двустороннего товарооборота превысил в последние годы 300 млрд долл. Еще в ноябре 1999 г. Пекин и Вашингтон подписали двустороннее соглашение о вступлении КНР в ВТО, что, по оценке китайского руководства, ознаменовало крупный шаг по пути развития делового партнерства между КНР и США. США служат одним из основных источников иностранных инвестиций в КНР.

Складывается впечатление, что влияние вышеназванных двух тенденций в политике США в отношении каждой из трех стран привносит в эти отношения как элемент сотрудничества, так и элементы политической борьбы, соперничества и конкуренции.

Российско-американские отношения в значительной мере концентрируются в дипломатической и военно-политической сферах. Что касается российско-американской торговли, то она просто несопоставима с товарооборотом между КНР и США. Со стороны США в отношении России действуют жесткие ограничения экспортного контроля на поставки высокотехнологичной продукции, в первую очередь суперкомпьютеров. Зачастую получает распространение дискриминационная практика финансовых учреждений США в отношении российских банков, осуществляемая под предлогом отсутствия в России действенных механизмов борьбы с «отмыванием денег».

Под надуманными предлогами, в том числе прикрываясь знаменем борьбы с терроризмом, США воздвигают преграды на пути экспорта российской высокотехнологичной продукции, нередко выступают с обвинениями в адрес России в том, что она якобы поставляет военную продукцию странам, которые числятся в списке «спонсоров терроризма».

Что касается российско-китайской торговли, то, несмотря на существенный рост в последние годы, она все еще не превышает 15% от объема торговли между КНР и США. Широкие торгово-экономические отношения связывают США и Индию. Соединенные Штаты стали крупным партнером Индии в сфере торговли и инвестиций. Так, уже в 2005 г. объем двусторонней торговли приблизился к 25 млрд долл., что почти вдвое больше показателя 1999 г. Расширяется индийско-американское сотрудничество в области энергетики, которое включает частные инвестиции в энергетические проекты, совместные проекты в области исследований и развития технологий, передачи опыта в создании систем управления энергетическим комплексом и т.д.

К сожалению, значительно отстают от сотрудничества Индии с США ее торгово-экономические связи с Россией. Индийско-российский товарооборот сегодня не превышает даже тот максимальный уровень, который был достигнут Советским Союзом еще в 1990 г. (5,5 млрд долл.). РФ экспортирует в Индию минеральные удобрения, цветные и черные металлы, газетную бумагу, химические продукты и сырьевые товары. Доля машин, оборудования и транспортных средств (авиатехника, металлорежущие станки, электротехника) сокращается. Основные статьи импорта РФ из Индии составляют чай, кофе, табак, соевый шрот, специи, фармацевтические и парфюмерные товары, текстильные изделия, кожгалантерея, изделия из пластмасс. На сельскохозяйственную продукцию приходится около 40% стоимости импорта, машинотехническое оборудование – 6%, фармацевтическую продукцию – 8%.

Развитие торговых связей осложняется индийским антидемпинговым законодательством и антидемпинговыми расследованиями, которые затрагивают многие товары российского экспорта (в основном сталь, трубы, стальной прокат различного профиля, а также продукцию химической промышленности).

На незначительном уровне находится российско-индийское инвестиционное сотрудничество. Объем взаимных инвестиций невелик. Крупнейшим объектом российско-индийского экономического сотрудничества является строительство в Индии АЭС «Куданкулам», общая сумма контракта – около 2 млрд долл.

В последние годы неуклонно растут объемы китайско-индийской торговли, превысившие в 2006 г. 25 млрд долл. Важную роль в китайско-индийских торгово-экономических связях играет Сянганский особый административный район КНР (СОАР).

Среди факторов взаимного сближения руководители Китая и Индии указывают на общность задач экономического развития в условиях глобализации. Это в последние годы служит стимулом к постепенному и устойчивому росту китайско-индийских экономических связей.

В целом можно констатировать, что торгово-экономические отношения каждой из трех стран с США в большинстве случаев существенно превосходят по своему объему и качеству аналогичные связи между странами «треугольника». Такое положение объясняется объективными обстоятельствами, прежде всего огромным торгово-экономическим потенциалом США, который открывает широкие возможности для развития сотрудничества этой страны с другими государствами. Достаточно сказать, что США являются главным источником получения высокой современной технологии и крупных финансовых инвестиций. Нет сомнения, что Россия, Китай и Индия будут и впредь стремиться к расширению торгово-экономических связей с США.

Вместе с тем нельзя не признать явную неоправданность все еще достаточно скромного объема торгово-экономических отношений между тремя странами. Такое положение настоятельно требует дальнейшего исправления. *Речь, конечно же, не идет о том, чтобы противопоставлять одно направление торгово-экономической политики другому, а о том, чтобы устранить в ней исторически сложившиеся перекосы.* При этом следует исходить из того, что активизация торгово-экономического сотрудничества в рамках «треугольника» РФ – КНР – Индия не только не нанесет ущерб сотрудничеству каждой из них с США, но и будет способствовать его расширению, поднимет его ценность и значимость в глазах американского бизнеса, лишит США положения монополиста, которое они занимают сейчас в ряде вопросов.

Необходимость усиления сотрудничества между тремя странами – не только торгово-экономического, но и по самому широкому спектру взаимоотношений – диктуется не одними лишь экономическими соображениями. Каждая из стран сталкивается также с вызовами односторонних гегемонистских действий США. В какой степени возможны совместные или параллельные действия по нейтрализации гегемонизма, посягающего на наши интересы?

Ныне Соединенным Штатам Америки нет равного по мощи государства. Более того, США не только многократно сильнее

любой другой страны, но и превосходят по мощи своей военной машины все страны мира, вместе взятые. В этих условиях трехстороннее сотрудничество России, Китая и Индии может стать нейтрализующим, сдерживающим фактором, фактором международной стабильности и справедливости.

С начала XXI века, после того, как закончилась эпоха двухполюсного мира, развитие международной обстановки характеризуется борьбой двух основных линий – линии на создание многополярного мира и линии на утверждение однополярного мира.

Кстати, в начале своего вторжения в Афганистан Вашингтон среди прочего оправдывал это необходимостью уничтожения там плацдарма производства и распространения наркотиков. Но что мы видим сегодня? При наличии американского контроля над территорией Афганистана там остаются нетронутыми и продолжают давать свою смертоносную продукцию 40 тыс. гектаров посевов опиийного мака. Ни на йоту не сократился и поток наркотиков из Афганистана в другие страны, в том числе в Россию. В настоящее время доходы мирового наркобизнеса приближаются по своему объему к доходам от продажи нефти.

Но еще более важным, даже по сравнению с названными обстоятельствами, является то, что Вашингтон, воспользовавшись конъюнктурой, сложившейся в результате событий 11 сентября 2001 г., под флагом борьбы с международным терроризмом фактически добился от международного сообщества безропотного или почти безропотного признания Соединенных Штатов Америки единственным и неоспоримым мировым лидером. Зоной жизненных национальных интересов США теперь объявляется вся планета.

Особую озабоченность вызывает то, что Вашингтон фактически нивелирует роль ООН, являющуюся краеугольным камнем современного международного устройства. Тем самым обесцениваются правовые нормы и правила, закрепленные в Уставе ООН, предпринимается попытка утвердить «закон большого кулака». Важно и другое: США стремятся пересмотреть соглашения по разоружению и одновременно присваивают себе право нанесения превентивных ударов, как только почувствуют, что та или иная страна начнет приближаться по мощи к Соединенным Штатам.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что все более явственно вырисовывается и *другая черта развития международной об-*

становки после 11 сентября 2001 г. Даже ближайшие союзники, в том числе Германия, Франция, Япония, США не только испытывают нарастающее беспокойство по поводу односторонней политики Вашингтона, но и в ряде случаев встают в определенную оппозицию ему.

Вполне очевидно, что на фоне вышесказанного реализация потенциала российско-китайско-индийского сотрудничества имеет огромное значение не только для обеспечения национальных интересов трех стран, но может стать глобальным морально-политическим фактором строительства справедливого международного порядка без ущерба для интересов больших и малых государств, фактором, обеспечивающим уважение международного права.

Представляется очевидным, что прежде всего сотрудничество России, Китая и Индии должно основываться на тех принципиальных положениях, которые выработаны в ходе развития двусторонних отношений между нашими государствами и закреплены в соответствующих документах. В частности, это:

– Декларация Российской Федерации и Республики Индии о глобальных вызовах и угрозах международной безопасности и стабильности (Принята президентом России В. Путиным и премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджпай в Москве 12 ноября 2003 г.)³⁹.

– Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке (подписана в Москве 1 июля 2005 г. Президентом России В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао)⁴⁰.

– Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (принята Президентом России В. Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 г. в Пекине)⁴¹.

– Совместное заявление по итогам официального визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Индия (принято Президентом Российской Федерации В. Путиным и премьер-министром Республики Индия Манмоханом Сингхом 25 января 2007 г. в Нью-Дели)⁴².

Отдельного упоминания заслуживают Совместные коммюнике по итогам встреч министров иностранных дел трех стран во Владивостоке (2005 г.), а также в Дели и Харбине (2007 г.).

Как документ, скрепляющий и оформляющий многосторонние связи в рамках Шанхайской организации сотрудничества, за-

служивает внимания *Хартия ШОС*, которая была принята на встрече глав государств ШОС в Санкт-Петербурге в июне 2002 г. В ней зафиксированы такие, например, принципы, цели и задачи, имеющие первостепенное значение для формирования сотрудничества России, Китая и Индии:

– равноправие всех государств-членов, поиск совместных точек зрения на основе взаимопонимания и уважения мнений каждого из них;

– поэтапное осуществление совместных действий в сферах общего интереса;

– недопущение любых противоправных действий, направленных против интересов государств-членов;

– координация подходов при интеграции в мировую экономику;

– расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма;

– поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах;

– совместный поиск решения проблем, которые возникнут в XXI веке.

В плане практических шагов, направленных на активизацию процесса становления трехстороннего сотрудничества, следовало бы разнообразить отвечающие этой цели контакты. Особо важна роль регулярных встреч министров иностранных дел и министров экономики и торговли РФ, КНР и Индии, имея в виду в перспективе превращение этих встреч в постоянно функционирующие Советы глав дипломатических и торгово-экономических ведомств, а также ведомств по делам образования и культуры. Целесообразно использовать межпарламентские связи, задействовать контакты по линии торговых палат трех стран, различных правительственных ведомств, других соответствующих учреждений. Широкими возможностями для активизации сотрудничества располагают культурные организации, ассоциации писателей, художников, кинематографистов, музыкантов и т.п.

Примечания

¹ <http://www.china.polpred.ru/tom4/p58.htm>.

² См. : Принципы «Панча шила» в современном мире / Ин-т востоковедения РАН. М., 2005. С. 4–26; Волохова А.А. Основы китайской дипломатии. М., 2007.

³ Путин В.В. Выступление на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25.09.2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/09/52784.shtml>.
- 4 http://www.kremlin.ru/appears/2002/11/28/1800_type63379_29599.shtml.
- 5 Сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/nsrasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/82c50ee1fb402b09c325712c0039bc84?OpenDocument>; Пробл. Дал. Востока. 2005. № 4. С. 15.
- 6 См.: *Ананьева Е.* For who we are?» или «For what we do?»: Внешнеполитическая полемика в США // *Междунар. жизнь*. 2005. № 2. С. 18–32.
- 7 См.: *Компас*. 2005. № 6. С. 9–15.
- 8 См.: Там же. 2005. № 13. С. 7–10.
- 9 Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sectsco.org/html/00501/html>.
- 10 Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // *Пробл. Дал. Востока*. 2004. № 6. С. 8.
- 11 <http://www.rian.ru/world/20050412/39653072/html>.
- 12 <<Жэньминь жибао>> он-лайн. 13.04.2005; <http://wissan.people.com.cn/31520/3313302.html>.
- 13 <http://www.rian.ru/world/200594122/39653091.html>.
- 14 Синьхуа. 13.04/2005.
- 15 <http://www.rian.ru/world/20050412/39653072.html>.
- 16 http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_type63376type63377_80609.shtml.
- 17 Премьер-министр Индии во время пресс-конференции в Москве в декабре 2005 г. отмечал: «Индия, Россия и Китай – страны с очень быстро развивающимися экономиками. Поэтому мы считаем, что есть огромные возможности для расширения сфер сотрудничества и на двусторонней, и на трехсторонней основах. Мы должны рассмотреть возможности наиболее эффективного использования существующего огромного потенциала для расширения сотрудничества как на двусторонней, так и на трехсторонней основе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/trx/appears/2005/12/98531/shtml>.
- 18 Цит. по: *Гусев В.* Три формулы Европы. Де Голль: геополитика против блоков // *Наш современник*. 2005. № 6. С. 217.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 218.
- 21 См.: *Лавров С.В.* Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России // *Россия в глобальной политике*. № 2. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5570.html>.
- 22 <http://www.kremlin.ru/events/articles/2006/03/103278/154587.shtml>; Пробл. Дал. Востока. 2006. № 3. С. 13.
- 23 Suo-Motu statement by prime minister Dr. Manmohan Singh in parliament regarding the situation in Lebanon. 27.07.2006. New Delhi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.indianembassy.ru/ru/ru_hp_win_ms_direct.html.
- 24 Там же.
- 25 Сайт премьер-министра Индии. Statement by the PM at the XIV NAM summit. September 15, 2006. Havana, Cuba [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pmindia.nic.in/speeches.htm>.
- 26 Сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/FOZZ9388B4881F34C3257202002F2AA1.
- 27 Сайт МИД КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmpr.gov.cn/rus/xwfwlfyfyrth/Ixjzhzdhd/t276006>.
- 28 Сайт МИД Индии. Remarks by official spokesperson on the reported nuclear test by DPRK. 09.10.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meaindia.nic.in/>.
- 29 ИТАР-ТАСС. 15.06.2006.
- 30 Синьхуа. 17.07.2006.
- 31 Сайт президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/mages/Darfu.doc>.
- 32 См.: О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народ-

- ной Республики (Владивосток, 2 июня 2005 г.) // Российская газета. 03.06.2005; Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая (Нью-Дели, 14 февраля 2007) // Пробл. Дал. Востока. 2007. № 2. С. 17–18.
- ³³ Совместное коммюнике о встрече министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики (Харбин, 24 октября 2007) // Пробл. Дал. Востока. 2008. № 1. С. 8–10.
- ³⁴ Сайт «Президент России». Совместное заявление по итогам официального визита Президента Российской Федерации В.В.Путина в Республику Индия. Принято Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным и Премьер-Министром Республики Индия Манмоханом Сингхом 25 января 2007 года в Нью-Дели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/interdocs/2007/01/25/1911_type72067_117277.shtml?type=72067; Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики: (Подписана Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 26 марта 2007 года в Москве) // Пробл. Дал. Востока. 2007. № 3. С. 6–13.
- ³⁵ Деловые люди. 2002. № 139. С. 30.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 117.
- ³⁸ Приведенные ниже статистические данные см.: Китайская Народная Республика в 2004-2005 гг.: Политика, экономика, культура. М., 2005; Китайская Народная Республика в 2006 г.: Политика, экономика, культура. М., 2007, а также материалы веб-сайтов <http://www.india.polpred.ru/tom1/13htm> и www.kremlin.ru.
- ³⁹ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2003/11/55479.shtml>.
- ⁴⁰ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/07/90623.shtml>; Пробл. Дал. Востока. 2005. № 4. С. 11–15.
- ⁴¹ http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/03/21/1851_type72067_103421.shtml?type=72067; Пробл. Дал. Востока. 2006. № 3. С. 7–13.
- ⁴² http://www.kremlin.ru/interdocs/2007/01/25/1911_type72067_117277.shtml?type=72067.

РАЗДЕЛ VI

РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

ПРОБЛЕМЫ КОРЕИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

Анализ ситуации на Корейском полуострове, перспектив взаимоотношений двух корейских государств и роли великих держав в этом регионе чрезвычайно актуален, что хорошо показывают события, происходившие в мире на рубеже столетий. Для России ситуация на Корейском полуострове, сама корейская проблема – это проблема неизбывная, потому что два корейских государства – соседи РФ. Попытки некоторых политиков закрыть глаза на корейскую ситуацию, полагая, будто Корея для нас никакого значения не имеет и все, что там происходит, нас не касается, – это недальновидный и, можно сказать, безответственный подход, который нанес большой и невосполнимый ущерб интересам российского государства, его отношениям с Севером и Югом Кореи.

Правда, ситуация с началом нового столетия в этом смысле стала меняться в лучшую сторону. В российском руководстве формируется понимание того, что безопасность нашей страны, ее дальневосточных рубежей неразрывно связана с ситуацией на Корейском полуострове. Подписание Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и КНДР от 9 февраля 2000 г.¹, визиты президента РФ В.В.Путина в КНДР (июль 2000 г.) и Республику Корея (февраль 2001 г.)² обозначили намерение России серьезно отнестись к ситуации на Корейском полуострове, закрепить присутствие российского государства и обеспечить национальные интересы России в этом регионе.

К сожалению, на первых порах этот прорыв оказался недостаточно оцененным и не нашел всеобщей поддержки в нашем обществе. Среди сторонников нового курса, как известно, были

подразделения МИД и ряда научных центров РАН, которые сыграли определенную роль в его продвижении. Научное обоснование не идеологизированной, прагматической политики России на Корейском полуострове неоднократно было предметом исследований на конференциях корееведов. Поэтому можно с удовлетворением сказать, что такая работа велась не зря, если мысли и аргументы, которые вызревали в этом процессе, материализовались в практическую политику.

Однако период подъема активности российского государства как политического и экономического субъекта в СВА совпал по времени с ухудшением общей обстановки в мире. США использовали события 11 сентября 2001 г. для того, чтобы узаконить военно-политические и дипломатические механизмы однополярного мира и обеспечить себе абсолютную гегемонию в современном мире. Это серьезно осложнило, в частности, надежды на развитие российско-северокорейских отношений, которые появились в результате визита президента В.В. Путина в КНДР и ответного визита Ким Чен Ира в Россию в июле–августе 2001 г. Между тем негативные тенденции в развитии событий на полуострове придают корейской проблеме еще большую остроту, превращают полуостров в один из опасных очагов международной напряженности.

Заявление президента Дж. Буша после событий 11 сентября и последующие действия американской администрации в отношении КНДР отправили под откос все договоренности, достигнутые между США и КНДР президентом Б. Клинтонем. Северная Корея была причислена к «оси зла» и стала объектом возможной «антитеррористической акции». Одновременно просочилась информация о том, что стратегические планы Соединенных Штатов Америки предусматривают возможность ядерных атак на объекты не только Ирака, Ирана, Ливии и Сирии, но и России, Китая и КНДР. Однако, независимо от такого рода информационных вбрасываний, становится очевидным, что Вашингтон намерен увязать корейскую проблему с комплексом глобальных конфликтов и перевести ее в опасное русло.

Думаю, здесь нет смысла говорить о подлинной цене заверений и обязательств, которые на уровне деклараций взяли на себя Соединенные Штаты Америки в отношении России – о сохранении баланса ядерных вооружений, о ненацеливании ядерного оружия друг на друга и т.д. О том, что лидеры США слишком вольно относятся к выполнению своих международных обязательств и обещаний, свидетельствует и последний лидер СССР М.С. Гор-

бачев. Как сообщили «Ведомости» 7 мая 2008 г., М.С. Горбачев в интервью британской «Daily Telegraph» 6 мая 2008 г. заявил, что обещаниям руководства США доверять нельзя. Американцы обещали, что НАТО не выйдет за границы Германии после «холодной войны», а теперь половина Центральной и Восточной Европы являются членами [альянса]. Так что же случилось с их обещаниями? Это показывает, что им нельзя доверять». В данном случае мы имеем дело с полным произволом в отношении международного права и игнорированием мирового общественного мнения. Естественно, американские заявления вызвали резко негативную реакцию в Китае и в КНДР.

Перечитывая А.С.Пушкина, можно вспомнить его рассуждения по поводу того, что опасные ситуации в мировом развитии повторяются и народы не должны терять бдительности. Представляется, что наблюдаемая нынешним поколением наигранная умиротворенность, готовность прогнуться перед режимом силы – это одна из самых опасных тенденций нынешней ситуации в мире. Вот что писал поэт:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками да бич³.

Если посмотреть на позицию Северной Кореи с точки зрения приоритета собственных интересов и безопасности страны, то она выглядит не такой уж непонятной или авантюристической. Скорее всего, мы имеем дело с намерениями (или с декларацией о наличии намерений), суть которых – отстоять свое национальное достоинство и честь, пусть даже с помощью крайних средств. В противном случае, как, вероятно, считают в Пхеньяне, существует опасность встать на путь игнорирования национальных интересов.

Важно уяснить роль, и роль, как можно надеяться, конструктивную, которую в корейском урегулировании способна сыграть Россия. В этом же контексте нужно осознать значение сотрудничества и стратегического партнерства России с Китаем, значение Договора, подписанного Россией с КНДР. Существует также Договор о сотрудничестве между Россией и РК, который создает оп-

ределенную правовую базу для сохранения позитивной миссии России на Корейском полуострове.

Одной из важнейших задач, которая требует к себе повышенного внимания, является прогноз возможных вариантов развития ситуации на Корейском полуострове. Речь идет о выявлении факторов, которые ведут к кризисному сценарию, а также факторов, которые могли бы предотвратить опасное развитие событий.

В первую очередь, необходимо проанализировать возможности России позитивно влиять на обстановку на полуострове, воздействовать на политику Соединенных Штатов Америки, посмотреть, как можно было бы использовать в этих целях потенциал наших отношений с Китаем, Японией, двумя корейскими государствами. При этом важно помнить, что, невзирая на трудности, Россия не исчезла, она живет, и у нее есть огромный потенциал воздействия на мировую ситуацию. Если бы это было не так, то для известных кругов элиты некоторых стран вряд ли был бы смысл тратить столько сил и энергии для того, чтобы игнорировать Россию, принижать возможности ее международного влияния, а порой и действовать так, чтобы покончить с ними навсегда.

Значение российско-китайского стратегического партнерства, в том числе с точки зрения влияния на события на полуострове, трудно переоценить. Это действительно важный аспект регионального и мирового развития. Вместе с тем нужно подумать и о том, как может меняться позиция Китая относительно Кореи в будущем. Нынешнее руководство КНР понимает, что всякие уступки Западу по корейской проблеме, подобные уступкам Горбачева в Германии, нанесут существенный ущерб безопасности Китая. Однако не исключено, что в случае перемен в китайском руководстве внешняя политика Пекина может подвергнуться определенной корректировке, что потенциально способно повлечь изменения в отношении Китая к Северной Корее. Такие гипотетические сценарии следует иметь в виду.

Важным представляется также исследование возможностей сотрудничества России с двумя корейскими государствами. Очевидно, что стороны располагают большим потенциалом сотрудничества. Однако если мы примем во внимание существующую тенденцию к сокращению товарооборота между Южной Кореей и Россией, а также к снижению объема южнокорейских инвестиций в российскую экономику, то, естественно, возникает потребность разобраться в причинах несоответствия между потенциалом и реальным состоянием дел. Существуют вполне обоснован-

ные опасения, что такая же судьба ожидает и проект соединения корейских железных дорог с Транссибирской магистралью.

Кажется вполне актуальным, чтобы процесс экономической интеграции России с нашими дальневосточными соседями – Китаем, Японией, Соединенными Штатами Америки, обоими корейскими государствами – учитывал бы, в первую очередь, интересы безопасности Дальнего Востока России, стимулировал социально-экономический подъем наших дальневосточных регионов.

На фоне негативных тенденций, которые получили широкое распространение в обществоведении в 1990-е годы, когда РФ так много потеряла, научный потенциал российского корееведения тем не менее заметно вырос. Особо примечательна эффективность научного сотрудничества и взаимопонимания, существующего между корееведами разных научных центров Российской академии наук, университетов, а также работающих в государственных структурах. Эта научная солидарность и взаимопонимание, а также взаимопомощь являются важным фактором, который помогает добиваться практических результатов, решать серьезные научные проблемы, которые имеют не только фундаментальное научное, но и большое прикладное значение для обоснования разумной внешней политики российского государства в корейском направлении.

БЕЗОПАСНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ НА ПОЛУОСТРОВЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Северо-Восточная Азия является стратегически важным для России регионом как с точки зрения обеспечения ее безопасности и территориальной целостности, так и с точки зрения ускорения развития Сибири в сотрудничестве с нашими дальневосточными соседями.

В дипломатическом плане, естественно, основное внимание Россия уделяет развитию ситуации на Корейском полуострове. Именно с этим связан ряд острых проблем, усиливающих напряженность в Северо-Восточной Азии.

Впрочем, проблемы рассматриваемого региона есть во многом отражение проблем общемировых. Они – следствие, в том числе и того, что ряд стран начали действовать в одностороннем

порядке, игнорируя принятые в международном сообществе правила игры, то есть нормы международного права, разрывая или прекращая действие ранее достигнутых важных международных соглашений. Роль ООН и ее Совета Безопасности принижалась или вовсе игнорировалась. Форсированно внедрялась модель однополярного мира с Америкой в качестве безусловного мирового гегемона, для которой никакие законы и нормы значения не имеют.

Войны в Югославии, Ираке создали прецедент, когда объектом агрессии может стать любая суверенная страна, в чем-либо разделяющая «западные», прежде всего американские, взгляды и «ценности».

Одновременно Соединенные Штаты пытаются плотно оседлать процесс глобализации и поставить его на службу интересам реализации стратегии глобального доминирования. При этом Вашингтон добивается двух важных стратегических целей. Во-первых, чем больше отдельная страна включается в процессы глобализации, тем больше она отдает часть своего суверенитета в военной, экономической или политической сфере зависящим от США международным организациям, которые в рамках «координационного процесса» накладывают на страну многообразные обязательства. Во-вторых, такая глобализация направлена на разрушение региональных цивилизационных ценностных систем и замену их американской поп-культурой.

На текущий момент у Соединенных Штатов нет адекватного соперника, способного или готовящегося оказывать Америке противодействие в мировом масштабе. Китай, занятый решением грандиозных планов модернизации своей страны и подъема уровня жизни населения, прежде всего заинтересован в сотрудничестве с США, в американском рынке, американских инвестициях и технологиях. Поэтому КНР всячески избегает конфронтации с США, вступая лишь в идеологическую конкуренцию с американскими «общечеловеческими ценностями», противопоставляя им традиционные религиозно-этические ценности, базирующиеся на конфуцианской культуре.

Некоторые специалисты прогнозируют вероятность серьезного столкновения США и КНР в ближайшем десятилетии, когда Китай завершит свои военные программы и односторонние силовые действия США создадут им весьма негативный статус в мире. Думается, что это поспешные выводы. В Пекине, разумеется, знают и понимают стратегические замыслы США в отношении Китая. Там видят, как грамотно «обкладывают» Китай с несколь-

ких сторон. С точки зрения Пекина, главный стратегический успех операций в Афганистане заключается в том, что США получили возможность размещать свои войска в Центральной Азии, как собственно в Афганистане, так и на территории постсоветского пространства среднеазиатских республик. С аэродрома близ Бишкека американская авиация может угрожать центральным областям России, западному и юго-западному Китаю, особенно с учетом того, что на данных направлениях в силу прежней геополитической раскладки практически отсутствуют серьезные заграждения ПВО.

Корея является значимым стратегическим плацдармом на восточных рубежах КНР. Особенно Северная Корея, имеющая с Китаем протяженную границу (не следует забывать, что идеи наступления на Китай с этого направления были в США в ходу еще во время Корейской войны 1950–1953 гг.). Присутствие на Корейском полуострове американского контингента должно быть, однако, оправдано, и поэтому Вашингтон объективно заинтересован, чтобы ситуация на Корейском полуострове оставалась острой. США выгодно не окончательное решение корейской проблемы (после которой необходимость в американском щите как бы отпадает), а ее эскалация как плацдарм для будущего силового решения конфликта. Если США попытаются в одностороннем порядке взять под контроль Северную Корею, то это очень сильно подорвет стратегические позиции Китая в регионе и фактически стимулирует суверенизацию Тайваня, чего КНР не может допустить. Пекин проявляет огромную сдержанность в отношении порой безрассудных действий США ради недопущения обострения ситуации и американо-китайской конфронтации.

Китай испытывает раздражение в отношении односторонних действий Пхеньяна. Вместе с тем там пытаются оправдать его поведение примерами из собственной истории борьбы КНР с «бумажным тигром», выдвиганием сотен «самых серьезных предупреждений».

Теперь собственно о России. Главная цель российской внешней политики в любом регионе – обеспечение своей безопасности и своих национальных интересов. Россия не стремится к конфронтации с США, однако она не может поддержать планы США по насаждению в мире своей гегемонии и монополярного миропорядка.

Конечно, Россия, учитывая ее реальные возможности, крайне не заинтересована в углублении конфликта на Корейском полуос-

трове, который чреват гуманитарной катастрофой на границах российского Дальнего Востока, осложнением здесь экологической ситуации вследствие разрушения предполагаемых ядерных объектов на Севере и многочисленных АЭС на Юге. Присутствие крупной военной группировки и военных баз США вблизи наших границ потребует от России приведения в готовность стратегических сил сдерживания, включая ПРО. То же самое будет вынужден сделать Китай. Трудно представить, какая взрывоопасная обстановка сложится в мире, когда три крупнейшие ядерные державы окажутся в полной готовности к ядерному конфликту.

Общее направление политики РФ можно охарактеризовать как дружелюбно-оборонительное. Стремясь укрепить свои контакты со всеми странами региона (изгоев для нас в нем нет), Россия не претендует на статус региональной сверхдержавы, навязывающей свою волю соседям. Главное для нее – защита своих интересов и поддержание своей безопасности.

Опыт четырехсторонних переговоров без участия России показал, что без России, которая может оказаться очень полезным участником игры на фоне зыбкого баланса многосторонних интриг, решать существующие проблемы трудно. Москва против дальнейшей эскалации ситуации на Корейском полуострове. Она выступает за возвращение Северной Кореи в Договор о нераспространении ядерного оружия, но одновременно не против развития мирных программ северокорейской атомной энергетики как способа решения тяжелейшего энергетического кризиса, в котором находится страна.

Какой бы ни была оценка политики Пхеньяна, очевидно, что северокорейское руководство последовательно ее осуществляет. Оно стоит на позиции, что только последовательное отстаивание своей линии без всякой «слабины» заставит американцев воспринимать КНДР как партнера, которого нельзя «сломать» прямым давлением и с которым придется действительно договариваться, а главное – выполнять достигнутые договоренности.

В регионе сложилась ситуация, когда с точки зрения логики политической борьбы, видимо, не так уж важно, обладает ли действительно КНДР ядерным оружием. Для США гораздо важнее наличие факта «ядерной проблемы», под прикрытием которой решались бы их геостратегические задачи. При этом Вашингтон рассчитывает на то, что в случае применения силы Москва займет сдержанную позицию, как это она делала при бомбардировках Югославии. Однако для Москвы все же выгоднее проявить твер-

дость в защите собственных интересов, поскольку нашу позицию разделяет Китай, а также в какой-то мере Япония и Южная Корея. В любом случае российское влияние на Пхеньян, оказываемое самостоятельно или в рамках коалиции заинтересованных государств, не должно вести к уничтожению Северной Кореи, которая является своего рода буфером между четырьмя державами.

В силу значительного совпадения интересов безопасности для РФ крайне важна координация действий с КНР. И такая координация осуществляется. Общность позиций двух стран подтверждается словами председателя КНР Ху Цзиньтао, который, к примеру, в телефонном разговоре с Дж. Бушем в апреле 2003 г. подчеркнул: «Свободный от ядерного оружия полуостров способствует миру и стабильности в регионе и соответствует интересам всех сторон. В то же время вопросы безопасности Северной Кореи и ее опасения должны быть решены. Понимая комплексность проблемы, *выход постепенно можно найти* при условии, что каждая из сторон обладает искренностью и будет настаивать на диалоге и консультациях» (выделено мною. – М.Т.)⁴. В этих словах содержится и поиск общей позиции с США, РК, и недвусмысленный совет Китая своему северокорейскому союзнику вести себя искренне, осмотрительно и стремиться решить проблему в ходе диалога и консультаций.

Пекин признает, что КНДР в нынешних условиях столкнулась с беспрецедентными дипломатическими, политическими и экономическими трудностями, что она *«не способна выжить без внешней помощи»*. Один из ее главных в прошлом союзников – СССР, распался, а второй – КНР из-за перехода к рынку с определенных пор уже не мог оказывать КНДР помощь в том же объеме, что прежде⁵. Китай понимает, что КНДР, испытывая постоянное давление извне, была вынуждена прибегнуть к развитию атомной промышленности и наращивать усилия по созданию ядерного оружия. Вот как это трактует китайский автор: «В условиях военного присутствия США владение ядерным оружием позволяет КНДР обладать необходимой силой и использовать эту карту для попытки заключить сделку на переговорах. Кроме этого, атомная промышленность позволит решить энергетическую проблему. Поэтому ядерный вопрос всегда занимал важное место в американо-северокорейском противостоянии»⁶. Особую остроту эта проблема приобрела после того, как администрация Дж. Буша отказалась от согласованного с Пхеньяном при Б. Клинтоне «пакетного подхода» и перешла к «прямому давлению» и угрозам.

Китайские аналитики не без основания утверждают, что современный кризис представляет собой одно из последствий политики Дж. Буша, направленной на реализацию его стратегии глобального доминирования, в то время как КНДР имеет намерение развивать отношения с США (видимо, по примеру Китая. – *М.Т.*) с тем, чтобы создать позитивную среду для экономического развития⁷.

В сложившейся ситуации Россия не должна выступать дополнительным рычагом внешнего давления. В этом смысле интересно обратить внимание на точку зрения, которую высказывал в беседе с руководством ИДВ известный южнокорейский политолог Ким Хан Гю. Он полагает, что Россия должна помочь в урегулировании этого кризиса, иначе пострадают все страны региона. РФ, по его мнению, способна это сделать, поскольку: а) обладает большей информацией о северокорейской ядерной программе, чем США или РК, и б) может «поспособствовать» смягчению позиции Пхеньяна.

Проблема, однако, не только в том, как выйти из кризиса, но и в том, как предотвратить его повторение в будущем. Характер действий Соединенных Штатов свидетельствует, что мирное политическое решение проблемы не является приоритетом Вашингтона. Высказывания президента Дж.Буша и его приближенных о Северной Корее часто напоминают поведение древнего римского сенатора, который каждое выступление по любому вопросу завершал фразой: «Карфаген, я полагаю, должен быть разрушен!»

Вместе с тем Россию, разумеется, не могут не беспокоить и определенные тенденции в политике КНДР. Понимая, что действительная интеграция в международное сообщество невозможна без улучшения отношений с Соединенными Штатами, Пхеньян пытается наладить прямой диалог с Америкой, игнорируя Пекин, Москву, не говоря уже о Сеуле, тем самым как бы увеличивая присутствие США в регионе и подчеркивая их значимость. Неслучайно, пока руководители КНДР верили в возможность решения проблемы (пусть даже путем торга) дипломатическими способами, они настаивали на двусторонних переговорах. Многосторонний формат был избран тогда, когда неконструктивность американской позиции стала очевидной.

Вероятно, Пхеньян рассчитывает переждать президентство Буша и добиться продолжения той политики, которую вел в отношении Северной Кореи Клинтон. В этом случае руководство

КНДР смогло бы лавировать между США и Китаем, обеспечивая таким образом себе пространство для маневра. Эта тактика похожа на лавирование между Советским Союзом и Китаем, которого придерживался Ким Ир Сен. Однако такая перспектива маловероятна, и Россия вряд ли в ней заинтересована.

Применительно к проблемам Корейского полуострова Россия, на наш взгляд, с одной стороны, будет отстаивать свои интересы в уже существующих международных организациях, прежде всего в ООН и ее Совете Безопасности, а с другой – поощрять создание и развитие тех региональных организаций и связей, которые готовы действовать в рамках Устава ООН, и содействовать созданию многополярного мира.

Что касается США, то РФ готова к максимально широкому сотрудничеству с ними на основе равноправия и международного права. Именно поэтому в России позитивно оценивают проект переговорного механизма «Большой шестерки», возлагают надежды на активизацию Шанхайской организации сотрудничества, в конечном счете рассчитывая на то, что коллективный разум международного сообщества преодолет негативные тенденции и положение на Корейском полуострове не станет причиной нового кризиса, способного охватить весь мир и существенно изменить к худшему его геополитическую карту.

О СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ

К истории вопроса. После прихода в Белый дом в 2001 г. президент США Дж. Буш отказался продолжать политику «вовлечения» КНДР в международное сообщество, выдвинутую в свое время Б. Клинтон, и перешел к тактике прямого силового давления. КНДР была объявлена частью «оси зла». США фактически стали бойкотировать выполнение Рамочного соглашения 1994 г. Гарантии безопасности КНДР, которые предоставил в письменном виде президент Клинтон, повисли в воздухе. Сроки пуска реакторов на «легкой воде» (2003 г.) были сорваны. Поставки мазута в качестве компенсации за остановку северокорейских графитогазовых реакторов, способных накапливать ружейный плутоний, прекращены. Поводом к окончательному развалу соглашения послужили утверждения США, будто КНДР занимает

сы обогащением урана с целью создания ядерного оружия и не отрицает этого.

В ответ северокорейцы предупредили Вашингтон, что они могут выйти из режима моратория на испытания баллистических ракет и из Соглашения о перемирии в Корее 1953 г., а также нанести удар по американским военным объектам, если американцы решатся на превентивный удар по их территории. 10 января 2003 г. КНДР заявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)⁸.

Важным событием, связанным с кризисом, были переговоры в Пекине в апреле 2002 г., на которых, по мнению США, «была предпринята новая попытка ядерного шантажа». КНДР, в свою очередь заявила тогда, что сделала новое «смелое предложение», однако содержание этой инициативы раскрыто не было⁹.

В чем суть проблемы. Прежде всего, необходимо серьезно рассмотреть два вопроса. Во-первых, действительно ли Северная Корея обладает ядерным оружием и, во-вторых, существует ли реальная возможность применения ядерного оружия Северной Кореей, если она им действительно обладает.

В 1993 г. спецслужбы России и ряда других стран пришли к заключению, что КНДР способна создать простейшие ядерные устройства, но пока они не испытаны, нет оснований рассматривать их как ядерное оружие. Они представляют угрозу лишь с точки зрения радиоактивного загрязнения местности. Если бы северокорейцы действительно хотели поставить мир перед фактом безусловного наличия у них бомбы, они бы представили ясные вещественные доказательства. Американские эксперты предполагают, что в КНДР имеется несколько примитивных ядерных устройств. Японский бизнесмен корейского происхождения Ким Мён Чхоль, выступающий в качестве неофициального канала информации из КНДР, утверждает, что Северная Корея якобы имеет около сотни ядерных зарядов. Эта информация представляется малодостоверной, в то время как данные о том, что обычные испытания ядерного оружия в КНДР были или заменены компьютерными тестами, или осуществлены по просьбе Пхеньяна правительством Пакистана, вполне могут быть приняты на веру.

Для КНДР атомная бомба прежде всего инструмент политической игры, а не военного сдерживания.

Исследуя оборонный потенциал Северной Кореи, следует принимать во внимание как опутывающую его завесу секретности, дающую повод для самых разнообразных домыслов, так

и объективные факторы существования Северной Кореи в условиях жестокой экономической разрухи. Завеса тайны, с одной стороны, позволяет КНДР скрывать данные о действительном положении дел с ее боеготовностью, а с другой – существенно менее удачно позволяет опровергать ту часть домыслов, которые выгодны ее стратегическим противникам.

Объективные же условия говорят о том, что в ситуации кризиса, особенно в топливно-энергетической сфере, боеготовность армии снижается, так как в большинстве родов войск боеготовность требует проведения постоянных учений, которые, естественно, съедают и средства, и энергию. Возможно, повышенное внимание к частям специального назначения в КНДР связано с тем, что подготовка высококлассного бойца-диверсанта может осуществляться без проведения крупномасштабных учений и задействования большого количества техники.

Северная Корея, невзирая на кризис ресурсов, готова к затяжной оборонительной войне образца XX века. Однако война века XXI начинает строиться по иным принципам. В результате преимущество в живой силе, танках и т.п. может быть нивелировано длительными бомбардировками с применением «высокоточного» оружия, многие виды которого, по сути, относятся к оружию массового поражения.

В результате, похоже, что руководство Пхеньяна, не будучи уверенным в том, что северокорейская армия готова к бесконтактной войне, форсировало действия по отпугиванию американцев от перспективы войны с КНДР вообще.

Представляется, что *Северная Корея не может ставить перед собой агрессивных целей*. Несмотря на то, что ситуация вокруг нее является нестабильной, *сама КНДР не является источником прямой военной угрозы*. От действий, которые могли бы быть рассмотрены как террористические, Северная Корея под давлением СССР отказалась достаточно давно, еще в конце 1980-х годов, накануне Сеульской олимпиады. Что касается «присоединения» Юга, то в руководстве Пхеньяна хорошо понимают, что у Северной Кореи нет ни международной поддержки, необходимой для начала любой войны, ни сил и средств для того, чтобы вторгнуться в РК и удерживать ее в случае, если вторжение увенчается успехом. Не строит она агрессивные планы и по отношению к Японии. Поэтому заявления Соединенных Штатов о том, что Северная Корея угрожает миру, есть пропагандистская уловка, рассчитанная на подготовку общественного

мнения к возможным односторонним силовым ситуациям против КНДР.

Теперь об агрессивных заявлениях, которые США представляют главным доказательством опасности КНДР. Понятно, что Северная Корея считает своим долгом отвечать на каждый политический шаг США обычно жестким по тону заявлением. Такой тон является, скорее, особенностью северокорейской политической культуры. Риторика этих заявлений ориентирована на внутреннюю аудиторию и поддержание мифа о том, что КНДР является сильным, независимым государством, способным противостоять агрессии со стороны США. Воспринимать подобные тексты как реальную угрозу – значит совершать серьезную политическую ошибку или намеренно использовать ситуацию в своих целях.

Истинные цели и мотивы США. На текущий момент у Соединенных Штатов как сверхдержавы нет адекватного соперника. Однако Вашингтон предпринимает усилия, чтобы на региональном уровне выдвинуть Китай на роль потенциальной угрозы интересам США в АТР.

Сдерживание Китая – стратегическая цель США. Корейский полуостров является значимым стратегическим плацдармом на восточных рубежах КНР, да и России. Присутствие на Корейском полуострове американского контингента, по мысли вашингтонских стратегов, должно быть оправдано. С точки зрения гегемонистских интересов США выгодно не окончательное решение корейской проблемы (после которой необходимость в американском щите как бы отпадает), а ее эскалация для будущего силового решения конфликта.

Кроме этого, в действиях США просматриваются и цели тактического плана.

Во-первых, добившись успеха в Ираке, США полагают, что настало время показать Китаю и России, кто является хозяином и в этом стратегическом районе Азии. Внедряясь в дела КНДР, которая входит в «китайский культурный регион», они пытаются «чинить суд» там, где формально никто, кроме Китая, это делать не имеет права. Это – удар по его престижу.

Во-вторых, эскалация проблемы ломает растущую тенденцию к сближению между Севером и Югом Кореи, которая ставит под сомнение целесообразность присутствия военной группировки США на полуострове.

Таким образом, для США северокорейский ядерный кризис есть хороший повод утвердиться в чрезвычайно стратегически

выгодной точке, влияние в которой будет очень важно в свете вероятного американско-китайского соперничества или противостояния. Очевидно также, что для американской администрации шум о северокорейской ядерной угрозе является удобным способом оправдания наращивания расходов на военные нужды.

Мотивы поведения КНДР. Власти Северной Кореи хорошо понимают, что в условиях американской гегемонии безопасность нынешнего режима и позитивное отношение к Пхеньяну со стороны мирового сообщества (от которого зависит развитие внешних экономических связей КНДР) во многом диктуется отношением к Пхеньяну со стороны США. С одной стороны, Северная Корея хочет получать экономическую помощь, а с другой – избегать сопутствующей этой помощи экономической и политической зависимости от Запада.

Однако для того, чтобы навязать Америке диалог на более благоприятных для себя условиях, требуются «некие» козыри. Пугая США своей атомной бомбой, КНДР пытается «втянуть» американцев в переговорный процесс. В ходе переговоров Пхеньян намерен сделать свою ядерную и ракетную программы предметом торга. Очевидно, что Северная Корея будет искать средства предотвращения иракского варианта развития событий вокруг их страны. Можно сказать, что акция США против Ирака подталкивает «пороговые» страны к работе над получением ядерного оружия, владение которым как бы переводит эти страны в «высшую лигу».

Игра, которую затеяли власти КНДР, достаточно опасна, поскольку существует неприятный вариант, при котором Соединенные Штаты не просто принимают на веру утверждения Пхеньяна, но используют их для окончательной демонизации этого своего противника, обосновывая вероятную агрессию против КНДР заявлениями о том, что, дескать, действовать нужно как можно быстрее, пока угрожающая миру ядерным оружием Северная Корея не перешла от слов к делу.

Полагаю целесообразным отметить еще один важный момент. Объявив себя ядерной державой, КНДР фактически инициирует не очень приятные для региона процессы. Если Северная Корея действительно обретет ядерное оружие, в ответ на это атомные бомбы как средство сдерживания очень скоро появятся и у Южной Кореи и у Японии. В этом случае безопасность на Корейском полуострове будет «обеспечиваться» по системе старого советско-американского противостояния, когда у всех сторон

есть ядерное оружие и все прекрасно понимают, что в случае глобального конфликта победителей не будет.

КНДР такая ситуация устраивает, ибо обеспечивает безопасность режима. Более того, она ослабляет позиции США, так как имеющие свою бомбу и способные защитить себя Япония и РК уже не будут нуждаться в защитниках из-за океана.

Вариант с новыми ядерными державами, безусловно, не нравится не только Америке, но и России, и особенно Китаю. Но северяне рассчитывают, что РФ и КНР не будут активно препятствовать такому положению – для Китая, например, наличие американских войск на своих северо-восточных границах гораздо хуже зло, чем ядерная бомба у Северной Кореи.

Позиция и роль Китая. С одной стороны, КНР, формально являясь союзником КНДР, воспринимает ее как страну, входящую в зону его прямых интересов. С другой стороны, в китайско-северокорейских взаимоотношениях немало противоречий. Вместе с тем Пекин не может отказаться и от роли главного арбитра, уступив ее кому-то еще. Однако пока Китай не намерен рисковать своим благополучием и ссориться с США. Это важно, так как, в отличие от прежних времен, Китай не выступает однозначно «на стороне» Северной Кореи, а напротив, готов к диалогу с США, Россией, Японией и Южной Кореей по выработке многосторонних совместных подходов к КНДР, которые бы избавили США от любых видов угроз – ядерной, ракетной и гуманитарной.

Обратим внимание на то, что на первом этапе нынешнего ядерного кризиса официальный Китай практически не делал какие-либо заявления. Полагаю, что это было связано с тем, что, даже не имея полной информации о том, есть ли у Северной Кореи бомба или нет, Пекин хорошо понимает причины, заставляющие КНДР придерживаться подобной тактики.

Худой мир для КНР лучше доброй ссоры. Поэтому Китай намерен способствовать переговорному процессу, одновременно отводя от Пхеньяна наиболее резкие выпады. Согласно неофициальной информации, в свое время китайцы не проголосовали против военных действий в Ираке в обмен на то, что Америка не будет трогать КНДР. В ответ по просьбе США Китай надавил на Северную Корею, заставив ее заявить о своей готовности к переговорам.

Переговоры, однако, производили странное впечатление из-за невысокого статуса представителей стран-участников (так, Северную Корею представлял заместитель главы американского

департамента) и завершились при первой возможности без попыток искать дальнейший консенсус. Похоже, что КНР ожидала именно такого конца, получив при этом необходимую выгоду: поспособствовав в их организации, Китай, с одной стороны, не ухудшил отношения с США, а с другой борясь за сохранение мира в АТР, укрепил собственную репутацию миротворца и свои позиции в качестве посредника, без которого переговоры бы не состоялись.

Возможна ли военная акция США против КНДР. Американцы утверждают, что вариант военной интервенции против Северной Кореи ими не рассматривается. Тем не менее они считают, что, если Пхеньян не проявит достаточной гибкости, необходимой для дипломатического решения, военная операция может оказаться реальной.

Безусловно, в чистом виде ни югославский, ни иракский сценарии в Корее не пройдут, и попытка прибегнуть к ним чрезвычайно опасна. Несмотря на свои проблемы, КНДР остается куда более серьезным противником, чем раздерганная на враждующие фракции Югославия или Ирак, который при всей своей внешней мощи последние 12 лет существовал фактически в условиях ограниченного суверенитета.

Во-первых, высока вероятность перерастания локального конфликта в Корее в войну большего масштаба. Во-вторых, Северная Корея готова к затяжной оборонительной войне, и пока режим будет существовать, вражеская агрессия только сплотит народ против внешнего врага.

Понятно, что американцы, возможно, были бы и рады вести себя в Корее, как в Ираке, контролируя развитие страны посредством бомбардировок стратегических объектов или иных форм нанесения «превентивного удара», однако этому тоже препятствует целый ряд факторов. Во-первых, высокая завеса секретности и хорошая фортификационная подготовка в КНДР снижают вероятность того, что предполагаемые цели будут поражены. Во-вторых, существует вероятность ответного удара: хотя его мишенью будет, скорее всего, не территория США, а американские базы в Японии и РК, что заставляет правительства этих стран выступать против силового варианта, при котором они однозначно оказываются потерпевшей стороной. В-третьих, такой акт агрессии может вызвать противодействие со стороны Китая и России хотя бы потому, что высокоточное оружие может оказаться не настолько «высокоточным», а вероятная экологическая катастрофа, которая станет по-

следствием разрушения ядерных объектов в ходе бомбардировок, может охватить и территории соседних с КНДР государств.

Позиция Японии. Токио ужесточает свой подход к КНДР и фактически обесценивает сенсационные итоги визита премьера Дз. Коидзуми в Пхеньян в 2002 г. Япония решила установить собственный постоянный контроль из космоса за северокорейскими ракетными объектами и заявила о готовности нанести превентивный удар по ним в случае, если Пхеньян примет решение о запуске баллистической ракеты. Жесткая позиция Токио связана с тем, что в случае корейско-американского конфликта Япония не должна попасть под удар северокорейских ракет. С точки зрения Токио, превентивный удар оправдан, поскольку в случае успеха такого удара безопасность Японии будет сохранена, а дальнейшее развитие конфликта между КНДР и США волнует ее в меньшей степени. Но пока нет полной уверенности в успехе такого превентивного удара, власти Японии будут выступать против силового решения проблемы.

В то же время Токио разделяет существующее в регионе мнение о том, что необходимо сохранить безъядерный статус Корейского полуострова, побудить Северную Корею к рыночным переменам, причем желательно мирными средствами, и не допустить превращения северокорейской проблемы в «яблоко раздора» в Северо-Восточной Азии.

О позиции Южной Кореи. Республика Корея в еще большей степени, чем Япония, отдает себе отчет в том, что в случае начала конфликта между США и КНДР она автоматически в него вовлекается.

Подход Республики Корея к северокорейской ядерной проблеме заметно отличается от американского. Он отвергает силовые методы ее решения и настаивает на переговорном процессе между Пхеньяном и Вашингтоном. Влиятельные деятели в Сеуле считают, что лучше иметь соседом ядерную КНДР, чем стать свидетелями развала северокорейского режима. Очевидно, Южная Корея не желает потерять то, что ей удалось сделать в межкорейских отношениях за последние годы. Поддержав США в Ираке, Южная Корея продемонстрировала свое согласие с курсом американской администрации, но попробовала как бы переключить внимание Америки с Корейского полуострова на Ирак: мы помогаем вам там, но вы не трогаете нас тут.

Два корейских государства явно не хотят воевать, но не все от них зависит. В случае опасного развития кризиса Север и Юг против

своей воли могут оказаться втянутыми в военный конфликт друг с другом. По крайней мере, для Сеула не совсем простой является, например, проблема определения, когда РК окажется в состоянии войны с Севером: когда США нанесут превентивный удар по ядерным объектам КНДР или когда Север ответит запуском своих ракет по американским военным базам в Южной Корее. Сеул, таким образом, оказался в роли «обреченного заложника» американской политики, что, пожалуй, и удерживает США от военных акций.

Из всего этого напрашиваются довольно пессимистические выводы: а) любая военная акция против Северной Кореи приведет к войне между Севером и Югом; б) вторая война в Корее обернется трагедией для корейцев и надолго исключит возможность возобновления межкорейского диалога.

Позиция России и пути урегулирования кризиса. Позиция России может быть сведена к следующему. Москва против дальнейшей эскалации кризиса на Корейском полуострове, который неминуемо приведет к превращению КНДР в ядерную державу. Мы за возвращение Северной Кореи в Договор о нераспространении ядерного оружия с тем, чтобы в рамках прописанных в этом Договоре процедур в КНДР могли бы работать представители МАГАТЭ. Одновременно Россия вместе с Китаем выступает за то, чтобы Корейский полуостров сохранил безъядерный статус. Однако мы не против развития северокорейской атомной энергетики как способа решения тяжелейшего энергетического кризиса, в котором находится страна.

Россия непосредственно граничит с Северной Кореей, поэтому любые военные действия здесь, затрудняющие обеспечение Россией собственной безопасности, следует рассматривать как ущемление наших законных прав и интересов. Война в Корее неприемлема для нас, поскольку она приведет к разрушению не только ядерных объектов в Северной Корее, но и многочисленных АЭС в Южной Корее, что может крайне осложнить экологическую ситуацию на Дальнем Востоке России.

Даже если эти опасения окажутся преувеличенными, то уничтожение КНДР в результате военных действий будет означать выход вооруженных сил США на 1400-километровую сухопутную границу с Китаем и 17-километровую границу с Россией у Владивостока. Это приведет к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в регионе и в АТР в целом.

В России понимают, что наше давление на Пхеньян не должно вести к уничтожению Северной Кореи, играющей роль свое-

образного буфера между четырьмя державами. Конечно, в более благоприятных для нас условиях можно было бы говорить о Северной Корее как о зоне исключительных интересов России. Но у РФ теперь с ней другие отношения.

Во-первых, мы не являемся гарантом ее безопасности и сколько-нибудь значимым экономическим партнером. Отсюда очевидно, что наши возможности влиять на политику Северной Кореи ограничены.

Во-вторых, КНДР географически и политически ближе к Китаю и с точки зрения безопасности более важна для Пекина, чем для Москвы. Поэтому для Москвы важно знать, станет ли Пекин рисковать своими отношениями с Вашингтоном из-за Кореи, а если станет, то где предел этого риска? Следовательно, наша позиция должна в какой-то мере учитывать позицию Китая. С точки зрения тактики нам выгодно не торопиться реагировать на события в Корее, оставляя какие-то резервы для маневра, пока Пекин более-менее четко не заявит о своих приоритетах на полуострове.

В-третьих, мы до сих пор не знаем о том, существует ли в КНДР программа создания ядерного оружия, а если существует, то как это может повлиять на безопасность дальневосточных регионов России. Поэтому реакция РФ на события в Северной Корее должна быть сопоставимой с уровнем осведомленности о намерениях партнера. Вряд ли имеет смысл предлагать северо-корейцам посреднические услуги или консультации, создавать у них впечатление, будто безопасность КНДР беспокоит нас больше, чем их самих.

В-четвертых, Россия внесла позитивный вклад в урегулирование кризиса, предложив решать проблему возвращения КНДР в ДНЯО одновременно с предоставлением ей гарантий безопасности. Однако реальность такова, что договориться об этом в двустороннем формате США–КНДР без участия других заинтересованных государств вряд ли удастся.

Следовательно, нам не надо исключать и последовательный, поэтапный характер урегулирования по схеме: КНДР возвращается в ДНЯО, а все остальное, в том числе и гарантии безопасности, решается отдельно. При этом может быть использована заинтересованность Южной Кореи в том, чтобы разрешить кризис мирно и без угрозы применения силы. Что же касается вопроса о гарантиях безопасности, то было бы логично рассматривать это на многосторонней основе. Главное – преодолеть острую фазу кризиса и запустить механизм многосторонних консультаций.

Проблема, однако, не только в том, как выйти из кризиса, но и в том, как предотвратить его повторение в будущем.

В заключение хочется выразить надежду на то, что коллективный разум международного сообщества преодолает негативные тенденции, и положение на Корейском полуострове не станет причиной нового кризиса, способного охватить весь мир и существенно изменить к худшему его геополитическую карту.

КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

При всей избитости формулировок о том, что Россия имеет с Корейским полуостровом давние и тесные связи, что с КНДР у нас общая граница, что превращение Корейского полуострова в горячую точку больно ударит по российским интересам, наверное, многократность повторений говорит прежде всего об актуальности проблем Корейского полуострова.

С точки зрения внутреннего устройства Северо-Восточную Азию можно сравнить со сложной самоорганизующейся системой, имеющей значительное количество противоречий, сдержек и противовесов. Во многом именно поэтому Корейский полуостров, занимающий буферное положение между четырьмя, как говорят корейцы, «большими странами» (Китай, Япония, США, Россия), играет в этом «оркестре» не последнюю роль. Обстановка там продолжает оставаться сложной, изобилуя, на первый взгляд, непредсказуемыми переменами, которые, однако, при ближайшем рассмотрении являются проявлением хорошо знакомых тенденций. Причем эти тенденции прямо влияют на положение дел в Северо-Восточной Азии и, следовательно, на безопасность России, «радуя» специалистов поворотами, которые нередко кажутся непредсказуемыми, но на деле являются проявлением знакомых тенденций, влияющих на напряженность в Северо-Восточной Азии и, следовательно, на безопасность России.

Каким может быть прогноз развития ситуации на Корейском полуострове? Каковы рекомендации о наиболее адекватных подходах России к развитию ее отношений с двумя корейскими государствами и другими заинтересованными сторонами?

Ответы на эти вопросы требуют анализа ряда проблем. Первая из них связана с ощутимой напряженностью в регионе, вызванной так называемым ядерным кризисом в КНДР. Международные переговоры по этой проблеме, с одной стороны, демонстрируют стремление стран региона к дальнейшему сотрудничеству, с другой – пока не приносят существенного результата. И дело здесь не только в «упрямстве» Северной Кореи, но и, мягко говоря, в негибкой позиции США, чья делегация нередко явно стремится жестко навязать остальным участникам свою позицию. Тем не менее желание продолжать переговоры присутствует, пожалуй, у всех его участников. Этот процесс Россия приветствует и надеется на дальнейшее укрепление мирных и добрососедских отношений между всеми странами региона.

Другая проблема, требующая пристального внимания, – это положение в КНДР, а также образ этой страны, который сложился в мире. Международная пропаганда старательно создавала имидж Северной Кореи как некоего врага, образ «идеальной антиутопии», в результате чего страна оказалась практически в полной политической и экономической изоляции, что в сочетании с политикой ее руководства негативно отразилось на положении внутри КНДР.

Мы внимательно наблюдаем за ситуацией в Северной Корее, воздерживаясь от демонизирующих клише и пытаюсь разобраться в том, что скрывается за ее стереотипным фасадом. После смерти Ким Ир Сена северокорейское общество, безусловно, претерпевает изменения, однако насколько велик их масштаб и насколько они способны подтолкнуть руководство страны к определенным структурным сдвигам, политологам еще предстоит осознать.

Третья проблема касается положения в РК, особенностей внешней и внутренней политики Сеула. Политические процессы в стране характеризуются достаточной сложностью. Примером может служить ситуация начала 2004 г., когда решение парламента об импичменте Ро Му Хёну поставило страну на грань серьезного внутривнутриполитического кризиса, обнажившего целый ряд противоречий между внедренными демократическими институтами и пониманием их содержания в рамках конфуцианской традиции. Ясно, что внутренние пружины и последствия подобных явлений требуют пристального изучения.

В последние годы, однако, российско-южнокорейские контакты развиваются, одним из проявлений этого процесса был визит в феврале 2004 г. российских военных кораблей в порт Ин-

чхон. Конечно, на пути сотрудничества в данной сфере еще немало проблем, но закладку памятника «Варягу» в этом порту можно расценить как важный симптом укрепления отношений между нашими странами¹⁰.

Еще одна проблема связана с присутствием на Корейском полуострове значительного контингента вооруженных сил США, с революцией в военном деле, а также с тем, какие формы будет принимать в дальнейшем американо-южнокорейское военное сотрудничество.

Теперь, собственно, о российской политике. Главная цель внешней политики государства в любом регионе – обеспечение своей безопасности и создание благоприятных внешних условий для развития страны. России, безусловно, невыгодны ни военный конфликт на полуострове, ибо война на наших границах и связанные с ней гуманитарная катастрофа и обострение экологической ситуации могут всерьез ударить по российскому Дальнему Востоку, ни резкое ухудшение взаимоотношений между двумя Кореями, ни их внутренняя нестабильность. Представляется, что сегодня наиболее приемлемым для РФ вариантом является мирное сосуществование двух корейских государств, признающих друг друга и постепенно налаживающих конструктивный диалог.

Главная задача для России – добиться такой ситуации, при которой у большинства сторон, вовлеченных в эту проблему, желание ее решить конструктивным способом взяло бы верх над стремлением использовать ее в абсолютно иных целях. Как неоднократно подчеркивалось, Россия выступает за возвращение Северной Кореи в Договор о нераспространении ядерного оружия с тем, чтобы в рамках прописанных в этом Договоре процедур в КНДР могли бы работать представители МАГАТЭ. Одновременно Россия не против развития северокорейской атомной энергетики как способа решения тяжелейшего энергетического кризиса, в котором находится страна.

Вместе с тем Россию беспокоят и определенные тенденции в политике КНДР, связанные с лавированием и игрой на противоречиях между крупными странами.

Стремясь укрепить контакты со странами региона, Россия стремится учесть разумные интересы всех стран и не навязывает свою волю соседям. В современных российско-китайских или российско-японских отношениях, конечно, есть определенные противоречия, но перед лицом более серьезных проблем они могут отойти на второй план.

По этому поводу хочется отметить роль международных сообществ. В настоящее время наблюдается тенденция замены ООН, которая формально выражает интересы стран всего мира, неформальными, элитарными клубами привилегированных стран вроде «Большой восьмерки» или «шестерки», которая пока нацелена на урегулирование северокорейской «ядерной проблемы», но тенденция переложить на нее функции ООН в дальневосточном регионе видна. Поэтому Россия должна, с одной стороны, отстаивать свои интересы в уже существующих международных организациях, а с другой – поощрять создание и развитие тех региональных организаций и связей, которые появляются сейчас в качестве противовеса американскому курсу.

Эти направления российской политики явственно видны в ряде заявлений президента РФ В.В. Путина, который четко дал понять, что внешнеполитические приоритеты России заключаются не в имперской политике, а в обеспечении благоприятных условий для развития России. Президент пообещал, что будет следовать многовекторному внешнеполитическому курсу, взаимодействуя и с США, и с азиатскими государствами¹¹.

Представляется, что изменения в составе правительства и кадровые перестановки в МИДе в начале 2004 г. стали свидетельством, что российская позиция по проблемам АТР будет ориентированной на последовательное отстаивание национальных интересов России и поиск взаимоприемлемых решений по вопросам, вызывающим напряженности и разногласия.

Если мастерство политика, согласно определению Черчилля, заключается в том, чтобы подробно описать, что будет завтра, а на завтра подробно объяснить, почему так не произошло, то задача российских ученых – уметь действительно предсказывать ситуацию. В этом – их вклад в дело разрядки на Корейском полуострове.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Общее положение дел в регионе. Крайне жесткая позиция США в ходе диалога шести стран по корейской проблематике, видимо, определяется завышенной самооценкой, которая подпитывается тем, что на текущий момент у Соединенных Штатов нет адекватного соперника в мировом масштабе. После-

военная система международного права на фоне односторонних действий США распадается. События в Ираке и на Тайване показали, что лишь Китай и Россия способны оказывать сдерживающее влияние в отношении односторонних действий Вашингтона.

Достаточно опасным оружием в руках Америки является реинтерпретированные Вашингтоном понятия глобализации, интеграции и так называемых общечеловеческих ценностей, представляющих собой средства навязывания выгодных США целостных систем и поведенческих паттернов. На этом фоне следует подчеркнуть, что глубокая укорененность конфуцианских традиций, которые определяют место человека в обществе, а также многие аспекты взаимоотношений между людьми и между государствами служат средством противостояния шаблонам западных интерпретаций глобализации, попыткам навязать сплошную вестернизацию, смену жизненной философии, разрушив тем самым традиционные системы духовных и нравственных ценностей. Это важно понимать, так как после распада Советского Союза конфуцианство и определяемая им модель социума оказались чуть ли не единственным серьезным конкурентом системе потребительского общества и низкопробной западной попсовой масс-культуры.

Москва и Пекин с большой озабоченностью следят за кризисом в междивизационном диалоге Запада и Востока и вместе пытаются найти выход из кризиса.

Между тем многие западные аналитики уже всерьез заговорили о формировании в Восточной Азии китайской «сферы влияния» или «сферы уважения» – района, где первым задаваемым в столицах находящихся на этой территории стран в случае возникновения любой проблемы является вопрос: «Что думает по этому поводу Пекин»? Ни одна серьезная проблема в США не может быть решена без непосредственного участия КНР. Примером тому является проблема «ядерного кризиса» на Корейском полуострове. Корейский полуостров оказывается точкой пересечения американских и китайских геополитических интересов.

Ставки высоки. Если Америка будет контролировать Северную Корею, то это сильно подорвет способность Китая оказывать влияние на страны региона и фактически лишит его надежды на присоединение Тайваня. Наоборот, если по каким-либо причинам американские войска уйдут из Кореи, это будет большим успехом китайской дипломатии.

Неясно, насколько в КНР могут согласиться и согласятся ли вообще на то, чтобы объединение Севера и Юга совершилось на условиях Сеула. При отсутствии войск США, можно полагать, обе части Кореи будут так или иначе инкорпорированы в китайский регион влияния в рамках единого экономического рыночного пространства.

Еще один виток противоречий связан с тем, что страна, которую Соединенные Штаты объявили главным виновником всех региональных бед, а именно эту роль предписывает Вашингтон КНДР, не хочет превращаться в «козла отпущения», ни играть по правилам, навязываемым извне. Лишившись гарантии безусловной поддержки со стороны своих прежних стратегических союзников, Северная Корея стремится защищать себя сама всеми возможными способами. Хотя шум вокруг «ядерной программы» КНДР во многом создан искусственно, и гипотетическая ядерная мощь Северной Кореи не является серьезным военным фактором, аура страха, сопровождающая образ ядерного оружия со времен Хиросимы, меняет внешнеполитическую раскладку сил.

В результате соседи КНДР вынуждены выбирать из двух неприятностей меньшую: или ядерная КНДР, что разрушает сложившуюся систему регионального баланса, или американские войска на границах. Оба варианта приближают момент жесткого столкновения американских и китайских интересов, в то время как Пекину выгодно отсрочить этот момент с тем, чтобы подойти к нему более подготовленным. Борясь за сохранение мира в СВА, Китай укрепляет свою собственную репутацию ведущего гаранта стабильности и все более активно играет роль не только региональной, но и глобальной державы.

Таким образом, складывается ситуация, при которой Россия и Китай оказываются партнерами для совместного сдерживания общих угроз.

Корейский полуостров имеет очень важное для наших стран геополитическое значение, поскольку оба государства имеют с полуостровом общую границу и в КНР и в РФ весьма многочисленна корейская диаспора. Например, корейцев в Китае более миллиона человек. Кроме того, Корейский полуостров – это территория, где интересы Китая и России пересекаются с интересами других держав. Корейский полуостров всегда представлял собой очень удобный плацдарм для агрессии, и потому ни одна из держав-соседей не хотела бы, чтобы полуостров контролировал

кто-то еще. В результате полуостров (особенно его северная часть) служит своего рода буферной зоной между потенциальными противниками.

Россия и КНР воспринимают КНДР одновременно и как бремя, и как объект необходимой поддержки. Сохранение КНДР и стабилизация статус-кво на полуострове выгодны им для защиты своих стратегических интересов в регионе. По этой же причине Пекин и Москва предпочитают не акцентировать внимание на политических и идеологических особенностях северокорейского общества, полагая, что стабильность в стране – главный приоритет.

С появлением новых центров геополитических сил и распадом прежней системы Пекин был вынужден пересмотреть свою политику с более прагматических позиций, но перекрестное признание двух Корей не внесло серьезных перемен в расклад политических сил на полуострове.

Интересы РФ и КНР в Корее можно разделить на два направления: активная защита своих интересов на территории Кореи, укрепление влияния на полуострове и пассивные меры, направленные на то, чтобы изменения на Корейском полуострове не изменили в худшую сторону существующий миропорядок. Понятно, что первое направление является приоритетным для Пекина, в то время как для Москвы, чьи возможности влиять на ситуацию ослаблены, приоритетным стало второе направление.

Кроме того, Корея является фигурой в той игре, которую КНР и Россия ведут с иными державами. Так, для Китая борьба за влияние на полуострове – одно из направлений его политической игры с Америкой. Помимо этого существуют не менее важный вопрос, связанный с Тайванем, проблемы китайской диаспоры в США и т.п. К этому перечню можно добавить еще несколько узлов, имеющих меньший приоритет. Это защита экономических интересов Китая в Корее; противодействие попыткам РК включить корейцев, проживающих в КНР, в свою сферу влияния; использование корейской проблемы не на двустороннем, а на многостороннем уровне: КНР стремится использовать «северокорейскую карту» в своем противостоянии и с США, и с Японией.

О сходстве позиций. Теперь обратимся к тому, какие общие интересы связывают Москву и Пекин на Корейском полуострове.

И РФ, и КНР проходят сходный процесс переориентации внешней политики в сторону большого прагматизма. Как и ны-

нешняя Россия, современный Китай не является страной, в которой идеологические установки берут верх над соображениями логики и разума. В результате Москва и Пекин стремятся поддерживать отношения с обоими корейскими государствами.

И Россия, и Китай ранее обладали рычагами влияния на КНДР, а с учетом закрытости северокорейского общества выполняли также роль стран-посредников, через которых международное сообщество могло доносить до Пхеньяна свои предложения. Сейчас Северная Корея стала более открытой, возможности России влиять на КНДР существенно сократились, но тем не менее, Россия и Китай по-прежнему являются в глазах мира теми странами, мнение которых является для КНДР авторитетным и не подлежащим игнорированию.

И Китай, и Россия являются своего рода заложниками корейского конфликта. Всякая форма нестабильности на Корейском полуострове, будь то война или гуманитарная катастрофа, сопровождающаяся потоками беженцев, невыгодна странам, имеющим с ним общие границы. Особенности физической географии полуострова и местного климата указывают на то, что в случае начала на полуострове крупномасштабной войны (особенно в случае применения оружия массового поражения) примыкающие к зоне конфликта территории РФ и КНР окажутся районом гуманитарной и экологической катастрофы (в случае разрушения АЭС и других ядерных объектов на полуострове).

Не будем также забывать, что уничтожение КНДР в результате военных действий будет означать выход вооруженных сил США на границу с Китаем и с Россией. Развитие ситуации по этому сценарию, безусловно, приведет к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в регионе и в АТР в целом – далеко не в лучшую сторону. Между тем Китай и Россия остаются государствами, потенциально способными бросить вызов США.

И Россия, и Китай имеют ядерное оружие. При этом военно-стратегическая доктрина обеих стран не ориентирована на появление в регионе новых ядерных держав, которые могут стать испуганными слухами о северокорейской ядерной бомбе РК и особенно Япония, которую Пхеньян в этом уже обвинил. Попытка создать в регионе модель «вооруженного нейтралитета», основанного на наличии у всех участников возможного конфликта ядерного оружия, применение которого как бы обесценивает вероятную выгоду, не в интересах Москвы и Пекина. Во-первых, это провоцирует новый виток гонки вооружений, безусловно,

тормозящий экономический рост. Во-вторых, растет вероятность технической ошибки, когда конфликт может начаться из-за случайного сбоя.

Поэтому в вопросе о ядерной программе Пхеньяна Россия и Китай во многом выступают единым фронтом. Поддерживая право этой страны на наличие мирного атома, Россия и Китай ищут способ создать такую международную обстановку, при которой стремление КНДР обрести безопасность обеспечивалось бы и без ядерного оружия. Пекин активно потворствует переговорному процессу, что видно и из предпринимаемой китайскими властями «челночной дипломатии», и из того, что именно столица КНР является местом проведения шестисторонних переговоров. Можно обратить внимание и на то, как повлиял на интенсификацию переговорного процесса визит в 2004 г. Ким Чен Ира в Китай¹².

Москва и Пекин, отстаивая роль ООН, активизируют свои усилия по созданию региональных организаций, переговорные процессы за пределами ООН. Действуя в рамках шестисторонней группы, изначально созданной для решения проблемы северо-корейского ядерного оружия, РФ и КНР видят тенденцию превращения этой группы в общерегиональный форум, обсуждающий не только эту проблему. Понятно, что внутри «северо-восточной шестерки» нет ни единства, ни четко выраженных блоков, хотя классическим считается расклад 3+2+1. Соединенные Штаты в той или иной степени влияют на позицию Японии и РК. С приходом к власти Ро Му Хёна позиция РК в рамках союза с США стала более сильной, более самостоятельной и в чем-то похожей на позицию КНДР в отношении Китая и России. При таком раскладе сил от единства позиции России и Китая зависит многое. Их совместные усилия способны нейтрализовать давление США. Кроме того, хотя обе страны защищают не только КНДР, но и свои собственные интересы безопасности, Россия и Китай обладают большим опытом переговоров с Америкой, которым они могут поделиться с Пхеньяном хотя бы для роста взаимопонимания.

После парламентских выборов 2004 г. некоторые аналитики заговорили о возможности ослабления влияния США на Южную Корею и даже о том, что Сеул постепенно якобы уплывает из-под «американского зонта». Эти рассуждения нам представляются нереалистичными и спекулятивными. Вместе с тем нельзя исключать укрепления в Сеуле тенденции к большей самостоятельности при сохранении тесного сотрудничества с США.

О проблемах. Опыт сотрудничества по вопросу Корейского полуострова у России и Китая есть. Следует отметить, что в тот период, когда между Советским Союзом и КНР не было напряжения, к мнению КНР по региональным вопросам, особенно по корейскому, в СССР часто прислушивались.

Тем не менее, говоря о стратегическом партнерстве с Китаем, следует помнить, что установление настоящего партнерства и взаимодействия – процесс достаточно длительный. В укреплении российско-китайского стратегического взаимодействия могут возникать те или иные проблемы. Интерпретация этого партнерства, как не направленного против третьих стран, лимитирует сферу сотрудничества.

Сотрудничество Москвы и Пекина в процессе диалога между Востоком и Западом также имеет свои трудности, включая психологический барьер. Большинство российских политиков – люди европейской ментальности, привыкшие считать Россию европейской страной и автоматически связывающие, например, такие категории, как «просвещение» и «цивилизация», именно с Западом. Языком международного общения для них служит английский, а не китайский. Эти люди могут любить или не любить Америку, но, будучи пропитаны европейской культурой, понимают ее глубже, чем восточную культуру. Это серьезно ослабляет и размывает евразийскую идентичность России, нередко придавая ее политике односторонне западнический характер.

Политикам старой формации трудно преодолеть сложившиеся штампы в отношении к Китаю, поверить в то, что страна, которую привыкли считать в 1960–1980-е годы бедной, да еще и агрессивной, похоже, повторяет тот рывок, который сделала в свое время Япония. Образ китайца в хлопчатобумажном кителе, в кепке и с цитатником в руках коренным образом изменился. Но что этот образ представляет собой теперь, пока не ясно, и потому возникает чувство опасности: среди человеческих страхов опасения перед неизвестным и непонятым – одни из наиболее сильных.

Кроме того, алармистов пугает демографическая ситуация, связанная с оттоком российского населения с Дальнего Востока и оседанием там жителей КНР. Указываемое в официальных документах число «скрытых китайцев» плавно возрастает по мере продвижения от Владивостока к Москве (речь идет о своего рода приписках). Главной аргументацией алармистов является то, что перенаселение может стать для Китая мотивом наступательных действий в отношении Российской Федерации. С такой точкой зрения

можно спорить, обращая внимание и на то, пригодны ли для освоения площади, что велики и внутри КНР, но подсознательный страх перед миллиардом китайцев остается заметным фактором.

Много неоднозначных моментов и в позиции Китая. Ранее большинство политологов анализировало положение на полуострове, исходя из аксиомы, что КНР всегда (особенно в случае военного конфликта) будет поддерживать Север, так как наличие стратегического буфера для Пекина важнее, чем другие проблемы отношений КНР и КНДР. Однако сейчас набирает вес другая точка зрения, согласно которой КНР не будет в любом случае безоговорочно и сразу защищать Северную Корею.

Сейчас КНР отходит от идеологических принципов и защищает свои национальные интересы, главными из которых являются повышение экономического и оборонного потенциала. Соответственно, отношения со странами-союзниками строятся с точки зрения того, чем они могут помочь Китаю в осуществлении его целей. Условно говоря, Китаю важно не столько защитить КНДР в ее нынешнем виде, сколько продемонстрировать, кто в регионе хозяин. До корейской стороны четко доведена позиция Пекина, согласно которой договоренность о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1961 г. не действует «чисто автоматически».

Сейчас в печати США и аналитических обзорах американских ученых активно муссируется тема о характере нынешнего китайского руководства, которое, якобы будучи заинтересованным в отсутствии преград для экономического развития своей страны, проявит готовность поддерживать дружеские отношения с Америкой. При этом указывается на то, что на фоне растущего прагматизма и не очень-то удачных попыток Пекина заставить Пхеньян идти по китайскому пути реформ, Северная Корея становится для Китая менее важным партнером, поддержку которого можно и сократить в обмен на приобретение выгоды «на других участках фронта», будь то укрепление экономических связей, получение американских «ноу-хау» или сокращение американской поддержки Тайваня. В этих и других заявлениях содержится своего рода намек китайскому руководству на то, что ему надо делать, и Пхеньяну на то, что поддержка Китая не может быть вечной, и Вашингтону есть что предложить Пекину взамен.

Пока непонятно, насколько такая тенденция действительно присутствует в линии китайского руководства, но ряд событий, особенно итоги визита Ким Чен Ира в 2004 г. в Китай, скорее оп-

ровергают ту точку зрения, что новое китайское руководство соблазнится на обещания Америки «отдать Тайвань в обмен на Корею». Лица, готовые отдать Северную Корею за Тайвань, в китайском руководстве могут и появиться, но их мнение, как представляется, едва ли сможет получить статус официальной государственной политики.

Место России в партнерских отношениях. Противодействуя планам США по насаждению в мире монополярного миропорядка, Россия ищет партнеров, желая укрепить свои контакты со всеми странами региона, не принимая концепцию так называемых стран-изгоев. В этой ситуации Пекин оказывается для нас хорошим партнером и в деле взаимодействия в конфликтных точках, и в сотрудничестве в экономической сфере. Россия не претендует на статус региональной сверхдержавы, навязывающей свою волю соседям и не стремится усилить свое влияние в Корею для того, чтобы подчинить то или иное государство своему влиянию. Скорее, ее интересует мир и стабильность на своих границах. Тем не менее возможности России влиять на ситуацию на Корейском полуострове нельзя недооценивать. Мы должны хорошо понимать и ту цену, которую платит Китай за поддержание региональной стабильности: так, за согласие Пхеньяна на участие во втором раунде переговоров Пекин заплатил 500 тыс. т риса и столько же топлива. Россия играет самостоятельную роль, ни под кого не подстраиваясь, но открыта к сотрудничеству. Однако, извлекая уроки из прошлого, Москва не будет пытаться, образно говоря, бежать впереди паровоза. Координация действий крайне важна. С точки зрения тактики нам выгодно не торопиться реагировать на события в Корею, оставляя какие-то резервы для маневра, пока КНР более-менее четко не заявит о своей позиции.

Выводы. В отношении корейских проблем и межкорейского сближения политика Китая в целом идентична политике России. Мотивация такой политики также во многом сходна, хотя изменения в обстановке на полуострове воспринимаются в Пекине более остро, чем в Москве. Раскачивание ситуации на полуострове невыгодно ни нам, ни китайцам.

Отстаивая совместную позицию, Россия и Китай должны интенсифицировать свою деятельность в рамках шестисторонней группы, понимая, что такой формат обсуждения насущных проблем (на данный момент такой проблемой является Пхеньянская ядерная программа) может стать будущей моделью форума по вопросам безопасности в СВА вообще.

О РОЛИ КОРЕИ В СУДЬБАХ АЗИИ

Хотелось бы затронуть три аспекта этой широкой темы. Во-первых, геополитическое место и роль Корейского полуострова на карте Северо-Восточной Азии. Во-вторых, уроки, которые азиатский мир может извлечь из прошлой и настоящей драматической истории Кореи. В-третьих, перспективы развития Корейского полуострова в XXI веке, вопрос о возможностях корейской нации окончательно стать хозяином своей судьбы.

Корейский полуостров с точки зрения геополитики. Геополитическое положение Корейского полуострова таково, что он издревле находился на пересечении интересов окружающих его держав. В различные исторические периоды Корея выступала как культурный мост между Китаем и Японией и «дорога к господству над ойкуменой» в трактовке Тоётоми Хидэёси или «кинжал, направленный в сердце Японии», с точки зрения милитаристов более позднего времени.

Такое место Корея заняла после того, как произошедшее в VII веке объединение страны государством Силла, с одной стороны, закрепило целостность корейской нации в том виде, в каком мы ее знаем, с другой – оформило вхождение Кореи в конфуцианский культурный ареал, определивший развитие этой страны в парадигме конфуцианской системы ценностей. Геополитическая ситуация обусловила для Кореи только одно направление территориального развития – полуостров, получивший название Корейского. К XV веку формирование территории Кореи завершилось в нынешних границах, включающих территории современных РК и КНДР.

Здесь, конечно, можно рассмотреть гипотетические альтернативы развития истории страны, связанные с историей Когурё (37 г. до н.э. – 668 г.). С точки зрения ряда корейских историков объединение трех государств под его эгидой вполне могло привести к созданию государства, занимающего гораздо большую территорию, шире включающего в себя степной/кочевой компонент и менее тесно связанного с Китаем с идеологической точки зрения. Возможно, именно поэтому стремление определенных сил в Китае считать Когурё частью своей, а не корейской истории вы-

зывает бурный протест и в Пхеньяне, и в Сеуле. Однако мы обсуждаем то, что случилось, а не то, что могло бы произойти.

Вместе с тем следует отметить и такой важный факт. На Корейском полуострове нет запасов стратегических полезных ископаемых (как сказал один из российских ученых, если бы на Корейском полуострове были запасы нефти и газа, его история развивалась бы совсем иначе), а характерные для него рельеф и климат делают там сельское хозяйство требующим существенных сил и средств.

Таким образом, оказавшийся на пересечении геополитических стратагем окружающих его великих держав, Корейский полуостров как бы изначально обладал определенной политической уязвимостью. Именно это наложило важный отпечаток на историю Кореи в конце XIX – XX веке и отчасти определило характер тех уроков, которые преподала миру история страны.

Положение «на пересечении интересов» крупных держав изначально отводило Корейскому полуострову несколько вариантов его роли и функций на геополитической карте мира. Первый сводился к превращению полуострова в некий укрепленный форпост, который должен был бы служить плацдармом для дальнейшей агрессии в направлении остальных окружающих его стран или точкой сдерживания их устремлений. Контроль над Корейским полуостровом позволяет создавать важную стратегическую угрозу КНР и приморским территориям России, позволяя в определенном смысле блокировать действия российского Тихоокеанского флота. Он действительно может служить неплохим плацдармом при нападении на Японию, а потеря Соединенными Штатами возможности размещать там войска снижает влияние Америки в данном регионе, даже несмотря на новые элементы в развитии военного дела, нашедшие отражение в доктрине «Места вместо баз».

Понятно, что важность контроля над Корейским полуостровом для каждой сверхдержавы была различной, и стоит отметить, что Россия проявляла здесь наименьшую заинтересованность хотя бы потому, что с точки зрения ее влияния на Китай или Японию Корейский полуостров ключевой точкой не был. Значение форпоста он, пожалуй, приобрел только на этапе «холодной войны», когда граница между Севером (его поддерживали СССР и КНР) и Югом (его поддерживали Япония и США) представлялась наиболее зримой линией вооруженного противостояния между «социалистическим» и «демократическим» лагерями.

Нередко полуостров становился неким буфером между сферами влияния крупных держав. На его территории пытались со-

здать лояльное государство, которое бы самим фактом своего существования отделяло территорию сверхдержавы от ее потенциальных противников. Продуктом такой стратегии стало разделение полуострова на Север и Юг, однако прообраз такой политики виден и в действиях цинского Китая.

Новые веяния в международной политике периодически поднимают вопрос об изменении статуса Корейского полуострова в сторону нейтрального. Теоретически это может быть достигнуто двумя способами. Как посредством системы международных гарантий, предполагающих нейтралитет Кореи по швейцарскому образцу и невмешательство окружающих в ее дела, так и путем превращения Кореи в сильную и независимую державу, способную самостоятельно решать свои проблемы и относительно на равных условиях разговаривать со своими ближайшими соседями.

Исторические уроки. История корейского государства содержит немало уроков, причем порой достаточно горьких. Изучение и правильное их понимание может иметь судьбоносное значение для региона. Прежде всего речь идет о предотвращении новой конфронтации.

Первый урок вытекает из решения исторического вопроса о соотношении патриотизма (как желания сохранить национальные корни и следовать им) с «прогрессивным влиянием демократии». Со времени «открытия» страны в середине XIX века в корейской истории начался процесс, в результате которого демократы и патриоты оказались в разных лагерях. Сторонники «срединного пути» были достаточно немногочисленными и подвергались критике с обеих сторон.

Те, для кого на первом месте были патриотизм и национальный суверенитет, под влиянием конфуцианской политической культуры связывали их с безусловным следованием традиции, часто скатываясь на позиции ретроградов. Те же, кто хотел для Кореи мирного расцвета цивилизации путем форсированной модернизации, не видели возможности самостоятельного развития страны и полагали, что этого можно достичь только с помощью влиятельной сверхдержавы, будь то Америка, Советский Союз, Япония или Китай. Просветительство понималось ими как простое копирование западных обычаев. «Демократы» спорили в основном вокруг того, какая именно из сверхдержав должна навести в Корею порядок и привести страну к цивилизации.

Эта тенденция продолжилась и потом, когда принцип служения старшему был перенесен с Китая на европейские страны. Ле-

вые националисты так же слепо ориентировались на СССР, как правые – на Америку. Кстати, эта ситуация привела и к тому, что вытесненные за пределы Кореи представители национально-освободительного движения действовали на чужой территории и опирались на предоставленные третьей стороной силы и ресурсы. В итоге они оказывались в сфере влияния той или иной державы.

Настоящее соединение демократической и патриотической тенденций происходит в Республике Корея только в последнее время. Особенно здесь следовало бы указать на старания президентов Ким Дэ Чжуна и Ро Му Хёна.

Второй урок, тесно связанный с установлением в Корее Второй Республики, состоит в том, что заимствование внешних признаков демократического государства не означает автоматического внедрения демократических ценностей в жизнь. Даже абсолютная готовность к демократии ограниченной группы интеллигенции, которая обычно инициирует процесс реформ, не предполагает, что все остальные слои общества находятся на том же уровне и немедленно перестроят свое сознание под новые стереотипы. Демократические институты есть форма, которая наполняется соответствующим содержанием далеко не сразу. Кроме внешних факторов, преподносящих демократию как идеальную модель общественного устройства, в широких слоях населения должно вызреть соответствующее демократическим ценностям общественное сознание. Обычно для этого требуется время, и немалое.

К тому же попытки поспешного перехода от жесткого авторитаризма к демократии часто сопровождаются своего рода «перегибами»: чем жестче «хватка» предшествующего режима, тем большим бывает «рывок маятника» в противоположную сторону. Это ведет к тому, что свободу начинают путать с вседозволенностью, власть народа – с властью толпы, а разгром тоталитарного наследия – с разрушением всех предыдущих структур власти. Правильное понимание демократии немислимо без существования гражданского общества, а оно, как и соответствующий вид политической культуры, начало формироваться на юге Корейского полуострова только в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Еще один урок, который можно вынести из корейской истории, – это опасность фракционной борьбы, разъедающей государство и приносящей его в жертву амбициозности «заинтересованных групп». После освобождения страны представители разных фракций настолько отличались исходной ориентацией и региональными корнями, что даже не будь «холодной войны», серь-

езное внутреннее напряжение все равно бы возникло. Соперничество сверхдержав питало соперничество лидеров Ким Ир Сена и Ли Сын Мана, что усугубило тенденцию, ведущую к расколу.

Возвращаясь к вопросу сохранения исторических корней, можно извлечь важный урок и из эволюции корейского национализма, так как попытки найти «свой» путь или хотя бы избежать внешнего доминирования, предпринимались и на Севере, и на Юге. Ким Ир Сен был в такой же степени «марионеткой» Кремля, в какой Ли Сын Ман и особенно Пак Чжон Хи были марионетками Вашингтона. На самом деле в обоих случаях отношения между корейским правителем и его «сюзереном» были куда более острыми и не лишены подводных камней, чем это представлялось «с враждебной стороны». Более того, и Ким, и Пак практически одновременно пытались внедрить концепцию так называемого национального субъективизма, нашедшую свое отражение в лозунгах северокорейского *чучхэ* и южнокорейского *чучхэсон*, которые можно рассматривать как попытку, разыграв национальную карту, создать идеологию опоры на собственные силы, которая помогла бы стране повисить свой суверенитет.

Особо хотелось бы отметить внимание к патриотическому воспитанию и борьбе за неискаженную интерпретацию истории. Несмотря на то, что в этой области порой наблюдаются перегибы, многое в корейском опыте – с точки зрения бережного отношения к прошлому, внимания к своей истории и борьбы с ее фальсификацией в учебниках других стран – является важным уроком для государств региона. Можно по-разному оценивать тот факт, что тема борьбы с искажениями истории (в частности, по вопросу Когурё) всплывала в речах корейских представителей даже на тех мероприятиях, которые совершенно не имели отношения к указанной теме. Однако в условиях, когда в преддверии 60-летия победы во Второй мировой войне, которая для России стала Великой Отечественной, целый ряд российских (и не российских) «демократических историков» сделали все, чтобы вытеснить из массового сознания великий подвиг советского народа и заменить его картинками ужасов сталинского режима, демонстрация корейцами своей гражданской позиции не может не заслуживать уважения.

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что буквальное копирование корейского опыта, применимого к мононациональной стране, в условиях Китая или такой поликультурной страны, как Россия, чревато излишним пестованием национализма. Однако

если к корейскому опыту подойти творчески, можно найти в нем много полезного. Можно обратить внимание на то, что процесс национальной самоидентификации человека не обязательно идентичен его этнической принадлежности – достаточно вспомнить такое понятие, как «советский народ».

Кое-чему, как ни странно на первый взгляд это может звучать, стоит поучиться и у Севера. В первую очередь – умению отстаивать свой суверенитет в условиях более чем жесткого давления США и поддерживающих Америку международных организаций, противостоять неоглобализму неоконсерваторов Вашингтона. Беспристрастный анализ и свободный от поспешных эмоциональных оценок северокорейского феномена, существующей в КНДР государственной структуры, поиск в ней элементов политической культуры прошлого, изучение влияния элементов традиционного менталитета на политическую и общественную жизнь таят в себе много интересных открытий.

Не менее интересным может стать и то, как будет выглядеть северокорейская перестройка в дальнейшем. Если Ким Чен Ир удастся избежать тех проблем, которые сопутствовали этому процессу в России, северокорейский опыт может оказаться очень любопытным уроком.

Собственно, здесь мы переходим к следующему уроку – ответу на вопрос о том, всегда ли авторитаризм плох. Распространенная в последнее время точка зрения вообще отказывает этому варианту построения общества в праве на существование. Между тем корейский опыт дает важный пример соотношения демократии и модернизации: мы не можем уйти от признания того факта, что стремительный прорыв из бедности и развала к стабильности и процветанию был невозможен без «мобилизации нации» и связанного с ней усиления роли государства, неизбежно сопровождающегося ограничением свобод отдельных граждан. Вообще говоря, форсированное продвижение страны к светлому будущему, связанное с выводом ее из кризиса, нередко влечет за собой ужесточение системы, когда государство решает проблемы страны за счет ограничения прав и возможностей составляющих его личностей. Деятельность Пак Чжон Хи на посту президента РК хорошо иллюстрирует этот тезис.

Исследование темы традиционной политической культуры в современном корейском обществе, или, если угодно, места пережитков тоталитарной системы в современной общественной и политической жизни, дает неоднозначный ответ и на вопрос

о сочетаемости западной демократии с особенностями конфуцианского культурного региона, о том, насколько народные массы Кореи готовы воспринять идеи демократии в понимании людей европейской культуры. Можно заметить, что набор так называемых азиатских ценностей был одним из составных элементов экономического прорыва, охватившего не только Корею, но и иные «новые индустриальные страны и территории» (Гонконг, Тайвань, Сингапур), в каждой из которых конфуцианский субстрат развит достаточно сильно. А опыт изменения авторитарной системы, предпринятый в иных странах Азии, в частности в Китае и Вьетнаме, вообще позволяет поставить чрезвычайно важный вопрос о том, возможно ли воплощение западной демократии в полном объеме в странах конфуцианского культурного региона и является ли эта демократия универсальной системой, показанной к применению на всех континентах вне зависимости от региональных реалий.

Опыт Южной Кореи (которая, возможно, является наиболее вестернизированной страной региона) и преодоления ею тех социально-психологических проблем, которые возникают там сейчас, может оказаться важным предметным уроком того, к чему может привести недостаточно критичное стремление в кратчайший срок внедрить у себя ценности западной цивилизации, и того, как власти страны решают связанные с этим проблемы и насколько успешным оказались подобные решения.

Перспективы Кореи в XXI веке. Несмотря на то, что Корея кажется относительно небольшой страной, в XX веке она сыграла немалую роль в формировании миропорядка в Северо-Восточной Азии в том виде, в каком он существует в первом десятилетии нового века. И теперь следует поразмыслить над тем, какова будет роль Кореи в XXI веке.

Вопрос о будущей роли Кореи в азиатском миропорядке следует изучать, акцентируя внимание на двух направлениях. Первое связано с вопросом о том, как скоро и насколько безболезненно произойдет объединение страны. Второе касается того, насколько динамично развивающаяся Корея (объединенная или нет) сможет стать равным игроком на геополитической карте АТР наряду с Россией, Японией и Китаем и обеспечить себе действительную независимость за счет роста собственного суверенитета и прекращения практики «служения» какому бы то ни было «старшему». Последнее очень важно, так как в этом случае у корейского народа появляется шанс окончательно стать хозяином своей судьбы.

Вопросы эти достаточно сильно связаны между собой. Что касается объединения Кореи, то оно представляется не скорым, но неизбежным. Запас прочности, вложенный в систему КНДР Ким Ир Сенем, истекает. Пхеньянское руководство ищет новые пути развития. Именно такая оценка была дана Северной Корее президентом РФ В.В. Путиным, который в интервью телеканалу «СBS» назвал Ким Чен Ира «человеком, который хочет изменений для своей страны в лучшую сторону»¹³.

И в Пхеньяне, и в Сеуле понимают, что объединение неминуемо, но ускорение этого процесса повлечет за собой целый комплекс проблем – от экономических (даже сегодня у Южной Кореи нет средств на то, чтобы осуществить объединение без резкого падения уровня жизни ее граждан) до социально-психологических. Учитывая оставленный в памяти нескольких поколений шрам от Корейской войны 1950–1953 гг., объединение страны фактически еще при жизни ее свидетелей повлечет за собой куда больший уровень конфликтов по сравнению с теми, которые возникли после объединения Германии.

Однако постепенно взаимоотношения Севера и Юга движутся к модели «внутреннего протектората», учитывающей как изменение ситуации на Юге, так и то, что сейчас происходит на Севере. В рамках этого плана, рассчитанного на 20–30 лет, Южная Корея постепенно прибирает к рукам северокорейскую экономику, а также получает возможность мониторинга процесса принятия политических решений. Ким Чен Иру остается ограниченный суверенитет и своего рода «золотой мост». Такое положение может продлиться достаточно долго, вплоть до срока жизни одного поколения. К этому времени Север будет относительно «подтянут» до уровня Юга, большинство противников объединения состарится и умрет, а то поколение, которое придет на смену, будет иметь уже иной набор ценностей. В этих условиях процесс объединения де-факто может ускориться.

Именно поэтому сегодня нас значительно больше интересует второй вопрос, поскольку вне зависимости от того, сколько потенциальной выгоды принесет Корее объединение, первые годы в своем новом качестве страна, возможно (как и любое государство в процессе глобальной реформы), будет слабее, чем до перемен. По выкладкам американских экономистов, объединение будет стоить 1,5 трлн долл., что составляет валовой национальный продукт РК за три года. Понятно, что сейчас такие расходы страна не вынесет и неясно, сколько еще лет потребует для того,

чтобы подобную сумму можно было бы выделить из бюджета Юга без серьезных внутренних потрясений и резкого снижения уровня жизни. Это означает риск того, что слабостью страны могут воспользоваться.

Представляется, что свою «большую суверенность» РК может обеспечить в основном двумя путями. Первый заключается в усилении экономической мощи и реализации высказанного президентом Ро Му Хёном желания ввести Корею в первую десятку экономически развитых стран, вплоть до примерно восьмого места в этом списке. Такая возможность, как кажется, у страны есть, однако следует помнить, что тот набор рычагов, благодаря которым РК осуществила экономический рывок во время правления Пак Чжон Хи, к настоящему времени во многом себя исчерпал. Современные корейцы, проникнутые культурой глобализации, имеют уже иное представление о своих правах и мере вмешательства государства в их частную жизнь и экономическую деятельность.

Второй путь заключается в активизации дипломатической деятельности и попытках вести равноудаленную политику. В этом смысле можно приветствовать желание Ро Му Хёна превратить Корею в «региональный балансир», или «ступицу азиатского колеса», хотя пока желание остается желанием. Страна, претендующая на роль третейского судьи, должна быть достаточно влиятельной, чтобы не поддаваться чужому давлению, и достаточно равноудаленной от региональных заинтересованных групп с тем, чтобы не выглядеть ангажированной. Возможно, когда Южная Корея выйдет на восьмое место в мире по уровню экономического развития, она сможет претендовать на подобную роль, однако пока даже военное командование корейских и американских войск в стране все еще общее, и в случае войны все вооруженные силы РК будут находиться в подчинении у американцев.

Желание Кореи стать самостоятельной силой во многом тормозится и особенностями существующего миропорядка, связанными с ее геополитическим положением. Ряд российских демократических историков всюду выступает с идеями нейтралитета Кореи, гарантированного международным сообществом, однако авторы этого проекта не отвечают на очень важный вопрос: «А будет ли желание у мирового сообщества, особенно у его гегемонов, гарантировать такой нейтралитет?» Историческая роль «моста» или «кинжала», скорее, способствует превращению этой территории в стратегический плацдарм. В лучшем случае, речь

может идти о создании буферной зоны, но никто не пойдет на то, чтобы сделать регион совершенно нейтральным, полностью изъяс оттуда свои интересы и свое влияние: где гарантия того, что после того, как оттуда уйдешь, другие там не останутся?

Сейчас РК еще не может претендовать на роль общерегионального посредника или третейского судьи, однако ее роль как силы, способной склонить исход голосования в ту или иную сторону, постепенно возрастает. Место Кореи на весах глобальной политики напоминает маленькую гирику, которая пока не может оказывать самостоятельное влияние, но, будучи положена на одну из чаш весов, обеспечивает перевес/победу той стороне, которой она помогла, внося, таким образом, существенный вклад в общее дело. Это очень хорошо видно на примере ситуации в межкорейском диалоге, в котором в недавнее время произошел ряд важных событий.

Можно отметить и процесс регионализации, который связан с определенным увеличением экономических и культурных связей между странами СВА. Уже сейчас ряд экспертов говорит об «азиатизации массовой культуры» и сокращении американского культурного влияния в пользу регионального. Более того, сегодня примерно 2/3 корейцев выступают за идею создания регионального сообщества, аналогичного Евросоюзу. При этом 78% опрошенных выступают против того, чтобы в этой организации принимали участие США.

Подобные изменения в массовом сознании должны приниматься во внимание. Традиционализм, консерватизм и антикоммунизм уже не являются абсолютно доминирующими настроениями в обществе, хотя на пути выработки регионального консенсуса также достаточно много препятствий экономического и культурного плана. По целому ряду вопросов Китаю, Корее и Японии будет трудно найти общий язык.

Надо, однако, отметить и опасения, связанные с тем, что увеличение роли Кореи в судьбах Азии может быть сопряжено со снижением роли иных стран. Многие начинают думать над тем, что рост влияния Кореи может произойти за счет РФ. Возникает пугающий соседей вопрос о том, не приведет ли развитие сильного корейского государства к тому, что оно начнет предъявлять территориальные претензии к соседним странам. Однако есть и иная точка зрения, которая учитывает как процессы регионализации, направленные на определенное вытеснение из региона американского влияния, так и развитие экономики и новых техно-

логий, позволяющее, если можно так выразиться, «увеличить размер пирога».

Поэтому можно сказать, что современная политика России в отношении Корейского полуострова направлена на терпеливое возвращение тех тенденций, которые, возможно, проявятся через десятилетия – в те времена, когда роль Кореи в судьбах Азии будет гораздо важнее, чем сегодня. Мы приветствуем желание властей РК проводить курс, выгодный в первую очередь интересам корейской нации, и надеемся, что сотрудничество между нашими странами станет одним из важных этапов на этом пути.

ОТНОШЕНИЯ РФ И КНДР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В ходе победоносного завершения Второй мировой войны усилиями народов России, других стран антигитлеровской коалиции и героической борьбой поработанных народов в 1945 г. были окончательно сокрушены силы зла – германский фашизм и японский милитаризм. 40-летний период колониального господства Японии был трагедией для корейского народа. Японские колонизаторы пытались лишить корейцев не только государственности, национальной самобытности, но и стремились уничтожить многотысячелетнюю культуру этого древнего и гордого народа и даже его язык. Однако тяжелые испытания не сломили свободолюбивый народ.

В августе 1945 г. Красная Армия, выполняя свои союзнические обязательства перед другими участниками антигитлеровской коалиции, разгромила самые крупные вооруженные группировки Японии, основной базой которых были Маньчжурия и Корейский полуостров.

Не умаляя заслуг остальных участников победы над Японией и, как следствие, освобождения Кореи, отметим знаменательный исторический факт: только Вооруженные Силы СССР воевали непосредственно в Корее. В КНДР в центре Пхеньяна высится монумент в честь освобождения Кореи (Хэбантхап), на котором по-корейски и по-русски начертано: «Вечная слава Советской Армии, освободившей корейский народ от ига японских империалистов и открывшей ему путь к свободе и независимости».

Казалось, что после освобождения не только природа, но и сама жизнь страны станет соответствовать смыслу названия

Кореи – Чосон («Страна утренней свежести»). Патриотические силы корейского народа при активной поддержке Советского Союза делали все возможное, чтобы появилось единое демократическое государство. К сожалению, в южной части полуострова, где находились войска США, события развивались таким образом, что становился неизбежным раскол страны.

СССР первым признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения, что отвечало сокровенным желанием корейского народа. После образования Корейской Народно-Демократической Республики Советский Союз заключил с КНДР важное Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Квалифицированные советские специалисты щедро делились с корейскими друзьями своим опытом и знаниями. Они помогали готовить национальные кадры, строить электростанции, заводы и шахты, объекты социальной инфраструктуры. При разносторонней помощи СССР на Севере Кореи начались стабилизация и подъем во всех сферах экономики. В 1949 г. КНДР уже превосходила уровень 1946 г. по производству промышленной продукции в 3,3 раза, предметов потребления – в 2,8 раза, сельскохозяйственной продукции – в 1,5 раза.

В 1950–1953 гг. страна была разрушена войной. Но после войны на Севере Кореи стремительно восстанавливались города и села, начали бурно развиваться экономика, культура, социальная сфера. Быстрыми темпами осуществлялись индустриализация страны, научно-техническая и культурная революция. КНДР стала одной из самых быстрорастущих и комплексно развивающихся молодых государств мира¹⁴.

К началу 1990-х годов КНДР ежегодно производила 54 млрд кВт/ч электроэнергии, добывала 83 млн т угля, производила 6,9 млн т стали, более 5 млн т химических удобрений и 13 млн т цемента, 850 млн метров ткани, 4 млн т морских продуктов. Быстро набирала темпы машиностроительная отрасль. К началу 1990-х годов объем продукции в этой отрасли возрос против 1946 г. в 1690 раз. За счет внутреннего производства в 1980-е годы она обеспечивала 98% потребностей народного хозяйства страны в машинах и оборудовании.

Не менее значительными являются достижения КНДР в развитии национальной культуры, образования и науки. Фактически с нуля была создана совершенная система школьного, среднетехнического и высшего образования. В стране, где до освобождения лишь 35% детей посещали школы, к 1949 г. была ликвидирована

неграмотность. В 1956 г., когда уровень экономики достиг довоенного, была введена система обязательного начального образования. Позднее появились обязательное среднее образование, а с 1959 г. – профессионально-техническое. Ныне в КНДР успешно работают 300 вузов, 460 техникумов, 4886 полных средних школ и 4792 начальные школы. Создана система дошкольного образования через двухгодичные детские сады, обучение в которых ведется за счет государства. Знаменательны успехи в создании и развитии системы народного здравоохранения. На 10 тыс. населения в Северной Корее приходится 29 врачей и 136 больничных коек.

КНДР одна из первых среди развивающихся стран Азии создала комплексную систему социального обеспечения населения. Рабочие, служащие и крестьяне получают оплачиваемый отпуск на 14–28 дней в год, женщинам предоставляется пятимесячный оплачиваемый отпуск до и после родов. Женщины более чем с тремя детьми получают пособия от государства. Квартирная плата в КНДР составляет примерно 3% от месячной зарплаты.

Новый этап российско-корейских отношений. До конца 1980-х годов СССР признавал только одно из корейских государств – КНДР. После известных перемен во внешней и внутренней политике СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов произошло сокращение связей с КНДР. Начался пересмотр двустороннего договора 1961 г., который представлял собой одну из ключевых опор архитектуры безопасности в этом регионе. Такой курс привел к существенному ослаблению позиции России в Северо-Восточной Азии. Череда внешнеполитических зигзагов подтолкнула российское политическое руководство к поиску более рациональной и сбалансированной политики в Корее. Главным было восстановление взаимовыгодного сотрудничества с КНДР. Для преодоления возникшего отчуждения потребовалась вся вторая половина 1990-х годов.

Новый этап в развитии двусторонних отношений, как известно, наступил в 2000 г., когда по приглашению председателя Комитета обороны КНДР Ким Чен Ира президент Российской Федерации В.В. Путин посетил Корейскую Народно-Демократическую Республику. Состоявшиеся в Пхеньяне встречи и переговоры стали крупным рубежным событием в истории двусторонних отношений.

Успеху визита способствовало оздоровление правовой основы наших отношений. В этом контексте трудно переоценить значение

подписанного в феврале 2000 г. в Пхеньяне Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и КНДР. Документ продемонстрировал обоюдное стремление укреплять государственные связи, добрососедство, взаимное доверие и разностороннее сотрудничество. Российская Федерация и КНДР обязались уважать цели и принципы Устава ООН, добиваться обеспечения международной безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии и в мире в целом. Важно подчеркнуть, что согласно Договору, в случае возникновения ситуации, угрожающей миру, а также в случае, когда необходимы межгосударственные консультации, Москва и Пхеньян выразили готовность незамедлительно вступить в контакт друг с другом. Было также отмечено, что стороны будут воздерживаться от участия в каких-либо действиях, мероприятиях или союзах, направленных против суверенитета, независимости, территориальной целостности друг друга.

В Договоре указано, что Россия и КНДР будут активно развивать двусторонние торгово-экономические и научно-технические связи, создавая для этого благоприятные правовые, финансово-экономические условия, углублять связи между законодательными органами, структурами государственной власти и общественными организациями двух стран.

Событиями особого значения в истории российско-корейских дружественных отношений стали визиты председателя Государственного комитета обороны Ким Чен Ира в Москву¹⁵ и на Дальний Восток¹⁶ – в августе 2001 г. Состоявшиеся переговоры позволили руководителям двух стран провести дополнительный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и широкому кругу международных проблем. В совместном заявлении руководители России и КНДР заявили о намерении содействовать формированию новой справедливой системы мироустройства, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, взаимовыгодного сотрудничества в интересах сохранения глобальной стабильности, обеспечения надежной безопасности каждого члена мирового сообщества в политической, экономической, социальной, культурной, информационной и других областях¹⁷.

Наши страны выступают за объединение усилий международного сообщества по противодействию угрозе распространения международного терроризма и воинствующего сепаратизма. Россия и КНДР выразили убежденность в том, что международный терроризм и сепаратизм во всех его формах, религиозный экстре-

мизм, а также трансграничная преступная деятельность создают угрозу для безопасности суверенных государств, для международного мира в целом. Исходя из этого, стороны считают необходимым взаимодействовать в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, в том числе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и морского судоходства, незаконным оборотом наркотиков, оружия, культурных и исторических ценностей.

В ходе саммита в Москве в 2001 г. корейская сторона заверила, что ракетная программа КНДР носит мирный характер и не представляет угрозы для любой страны, с уважением относящейся к суверенитету КНДР. В Москве приветствуют эту позицию КНДР.

Торгово-экономическое сотрудничество России с КНДР. В начале 1990-х годов торгово-экономическое сотрудничество России с КНДР было практически свернуто вследствие внутривнутрихозяйственных трудностей и дефицита валютных средств у обеих стран. В итоге РФ утратила роль ведущего экономического партнера КНДР. Доля России в общем объеме северокорейской внешней торговли составляла меньше половины уровня начала 1990-х годов.

После визита президента Российской Федерации В.В.Путина в Пхеньян в июле 2000 г. и ответного визита в Москву руководителя КНДР Ким Чен Ира торгово-экономические связи несколько стабилизировались и приобрели определенную положительную динамику. К примеру, в 2000–2004 гг. ежегодный объем взаимной торговли увеличился со 105 млн до 130 млн долл. (рост – 24%). Основными статьями российского экспорта в КНДР являются нефтепродукты, черные металлы и изделия из стали, машины, оборудование и запчасти, древесина и целлюлоза, азотные удобрения; российского импорта – морепродукты, реэкспортные товары японского и китайского происхождения, синтетические ткани, лекарственные растения.

В 2001–2003 гг. представители министерств финансов двух стран провели переговоры по урегулированию задолженности КНДР по кредитам, предоставленным ей в прошлом. В принципиальном плане сторонам удалось выйти на взаимоприемлемые решения.

В последние годы КНДР проявляет повышенный интерес к развитию торгово-экономических связей с российскими регионами. Она заметно активизировала поиск новых торговых партнеров на российском Дальнем Востоке и в Сибири. Наблюдается

стабильное развитие межрегиональных связей, на которые уже приходится до 90% российско-северокорейского товарооборота.

К политическому взаимодействию, естественно, примыкают контакты в военной сфере. Позиция России по данной проблематике хорошо известна: существующая напряженность на Корейском полуострове должна быть снята мирными средствами с предоставлением Пхеньяну соответствующих гарантий безопасности.

В июле 2004 г. в Москве в очередной раз было подписано двухгодичное соглашение между Российской академией наук и Академией наук КНДР о сотрудничестве в научно-технической области. Академические институты РАН, в частности Институт Дальнего Востока РАН, активно выступают за расширение контактов общественных деятелей двух стран.

На всех этапах отношений между двумя странами большое внимание уделялось сотрудничеству и взаимным обменам в культурной сфере. В России хорошо известны успехи корейской кинематографии, высокопрофессиональное творчество музыкальных и хореографических коллективов, мастеров циркового искусства, творческие достижения прозаиков и поэтов. Активные культурные связи всегда были показателем большого интереса наших народов друг к другу, их высокого нравственного и интеллектуального потенциалов.

В Москве приветствуют позитивные изменения ситуации на Корейском полуострове. Историческое значение имела Пхеньянская встреча лидеров КНДР и Республики Корея в июне 2000 г.¹⁸. Совместная декларация председателя Госкомитета обороны КНДР Ким Чен Ира и президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуня ознаменовала новую страницу в истории разделенной нации, стала уроком национального примирения, консолидации, выражением стремления Севера и Юга решать проблему объединения самостоятельно, без внешнего вмешательства. Патриотически настроенные корейцы на Севере и Юге приветствуют и поддерживают дух Совместной декларации. Стремясь оправдать свое военное присутствие на территории Кореи как часть стратегии передового базирования, США всячески препятствовали и препятствуют претворению в жизнь этого документа.

Все это говорит о той сложной борьбе, которая идет вокруг корейской проблемы, а ядерный кризис является лишь следствием этой борьбы.

Оправдались ли надежды сторон, возникшие после Пхеньянского саммита? Во всяком случае, можно отметить возрастание

в несколько раз объемов двусторонней торговли, регулярными стали встречи многочисленных разделенных семей. В конце 2004 г. выпущена первая продукция в промышленной зоне «Кэсон», создаваемой Севером и Югом Кореи. Этот проект может внести значительный вклад в формирование взаимопонимания, сближения и объединения двух корейских государств.

Позиция Москвы в отношении межкорейского сближения и его возможных результатов определяется национальными интересами России, которым отвечает ликвидация очага напряженности у ее дальневосточных границ и появление в перспективе единой Кореи, готовой поддерживать с Россией отношения дружбы, добрососедства и сотрудничества. Для Москвы также важна максимальная предсказуемость конечного результата процесса воссоединения. Очевидно, продолжение пребывания войск США в Южной Корее – это анахронизм периода «холодной войны». Нормализация отношений между КНДР и РК и развитие межкорейского сотрудничества могут способствовать налаживанию экономического сотрудничества РФ с обеими частями Кореи.

Стыковка российского Транссиба с корейскими железнодорожными магистралями, как отмечал В.В.Путин, «не только открывает новые возможности для делового сотрудничества и экономической интеграции на евразийском континенте, но и послужит укреплению доверия, мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹⁹.

В Москве считают, что в области трехстороннего экономического сотрудничества существуют значительные незадействованные резервы и возможности. Реализация совместных нефтегазовых проектов и поставок на Корейский полуостров энергоносителей с российского Дальнего Востока в КНДР и РК даст не только экономическую, но и политическую выгоду, будет содействовать стабилизации обстановки и в регионе в целом.

Россия и ядерная проблема в Корее. Россия настойчиво добивается урегулирования существующих на Корейском полуострове проблем политико-дипломатическими методами, выступает за должный учет законных интересов безопасности всех расположенных в этом регионе государств. Москва последовательно выступает за сохранение безъядерного статуса полуострова, соблюдение режима нераспространения ядерного оружия в Корее. Мы придаем большое значение шестисторонним переговорам по этим вопросам и рассчитываем, что они выведут в конце концов на создание системы надежной безопасности в этом регионе. Для успе-

ха переговоров ключевое значение будет иметь ответ на вопрос, чего же намерены в конечном счете добиться США. Ограничат ли они свои требования «нераспространенческой» тематикой или попытаются использовать переговоры для создания предпосылок для вмешательства во внутренние дела КНДР?

Сохраняющееся между КНДР и США глубокое недоверие, видимо, не оставляет другого пути к решению проблемы, кроме реализации целой серии тщательно увязанных и синхронизированных шагов, призванных поэтапно и одновременно снижать уровень их озабоченности действиями и политикой друг друга. Такой подход начинает получать поддержку даже союзников США, например, Южной Кореи.

В июле 2005 г. в Пекине были возобновлены шестисторонние переговоры, на которые возлагаются серьезные надежды по поиску взаимоприемлемого решения проблемы денуклеаризации Корейского полуострова.

Разрешение ядерных проблем на Корейском полуострове стало одним из важных направлений во внешнеполитических контактах России, в том числе на высшем уровне, как с обоими корейскими государствами, так и с другими непосредственно заинтересованными странами – КНР, США и Японией. Активные и настойчивые усилия Москвы с целью мирного разрешения ядерных проблем в Корее свидетельствуют о том, что российская политика является важным фактором обеспечения мира и стабильности на полуострове и создания новой архитектуры безопасности в регионе.

КУРСОМ МИРА И СБАЛАНСИРОВАННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

С началом XXI века произошли важные события, которые открыли новую страницу в российско-корейских отношениях, хотя предшествующее десятилетие, к сожалению, не было столь уж благополучным из-за отсутствия должного взаимопонимания в политической сфере, сохраняющегося низкого уровня торгово-экономического сотрудничества. Прекратил свое существование заключенный в 1961 г. между СССР и КНДР двусторонний базовый договор. Односторонне прозападный курс Ельцина–Козырева в корейском вопросе привел в начале 1990-х годов не только

к стагнации отношений РФ с КНДР, но и к существенному ослаблению позиций России в Северо-Восточной Азии.

Американцы, а вслед за ними Южная Корея, Япония и страны ЕЭС полагали, что Россия безвозвратно утратила свои позиции в прилегающем к ее границе регионе. Расчеты «московских западников» на то, что установление дипломатических отношений с Южной Кореей укрепит позиции РФ в Северо-Восточной Азии, оказались призрачными. Именно по инициативе южнокорейского руководства Россия на протяжении ряда лет была исключена из переговорного процесса по корейской проблеме.

Жизнь побудила Россию уточнить свои взгляды по вопросам развития этого региона. Однако процесс переосмысления шел трудно и медленно. Прозрение ускорило только тогда, когда широким потоком пошла информация о повторяющихся попытках Запада «освоить» северную половину Корейского полуострова и попытаться развернуть там «преобразования» по так называемым либерально-демократическим образцам.

К началу нового столетия здравый смысл подтолкнул российское политическое руководство к поиску более сбалансированной политики в Корее с упором на восстановление взаимопонимания и нормальных двусторонних государственных связей с КНДР и дальнейшее развитие равноправного сотрудничества.

Для преодоления возникшего отчуждения сторонам потребовалось приложить немало усилий. С началом нового столетия такой разворот оказался весьма своевременным, особенно с учетом того, что на рубеже веков корейская проблема вновь оказалась в фокусе мировой политики. В отличие от прошлого, внимание к развитию связей с КНДР и РК не явилось производным от наших отношений, скажем, с Китаем, США или Японией. Для администрации президента В.В.Путина Корейский полуостров приобрел самостоятельную значимость. Как следствие, поднялся и укрепился рейтинг КНДР в структуре внешних связей России. Идеологические различия и недовольство США не помешали активизации наших политических контактов с Пхеньяном, тем более что контактам с другими странами это ощутимого ущерба не нанесло. Роль России в регионе постоянно возрастает, и она носит конструктивный характер. Это выражается в активном участии РФ в шестисторонних переговорах по ядерной проблеме и безъядерной зоне на Корейском полуострове. Это выражается в исключительно интенсивном развитии связи России с Китаем.

Нынешние подходы России к корейской ситуации базируются на осознании своих национальных интересов и законных интересов наших партнеров, прогнозе мирового развития в XXI веке. Сформировалась выверенная линия, которая отличается как от одностороннего идеологизированного подхода прошлых времен, так и идеалистического и конъюнктурного курса первых лет «демократизации» в РФ. С учетом этого следует напомнить главные ориентиры российской политики на корейском направлении:

- содействие обеспечению мира и стабильности в Корее, выработка политико-дипломатическими средствами режима безопасности, учитывающего интересы всех заинтересованных государств;

- поддержка национального примирения, диалога и сотрудничества Севера и Юга с перспективой появления дружественного России единого корейского государства;

- недопущение распространения в регионе оружия массового поражения, чрезмерной милитаризации полуострова (сверх уровня оборонной достаточности);

- создание условий для взаимовыгодного экономического сотрудничества, в том числе на трехсторонней (Россия, КНДР, Южная Корея) и многосторонней основе;

- решение социальных и гуманитарных проблем региона, содействие гармоничному социально-экономическому прогрессу Дальнего Востока России и сопредельных государств и территорий.

В рамках такой платформы было необходимо на фоне развития отношений с Южной Кореей «подтянуть» отношения с КНДР. Эта сложная задача успешно решалась. В результате трех встреч на высшем уровне в 2000–2002 гг. и возникшего понимания между политическим руководством двух стран прошлое было закрыто: Москва и Пхеньян договорились выработать новую модель сотрудничества в XXI веке, основанную на уважении, взаимной выгоде, невмешательстве и прагматизме. Фундаментальное значение при этом имело подписание 9 февраля 2000 г. в Пхеньяне Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и КНДР.

Российская сторона уверена, что в решении проблем безопасности на Корейском полуострове политические переговорные средства куда более результативны, чем нажимные подходы «с позиции силы», в том числе, когда речь идет об ограничениях на распространение ракетных технологий и производство ОМУ. Именно

в рамках дипломатического маневрирования удалось значительно оздоровить ситуацию на полуострове в 2001–2002 гг., в частности, в том, что касается «ракетной проблемы». Россия последовательно содействовала внедрению в практику именно таких стандартов в своих усилиях по решению корейской проблемы.

Следует отметить также и то, что развитие и углубление стратегического взаимодействия и партнерства между РФ и Китаем создают и для КНДР более благоприятный международный фон в борьбе против американского диктата. РФ и КНР в целом занимают согласованную позицию по корейской проблеме и активно выступают против односторонних, дискриминационных подходов США, отстаивают суверенные права, независимость и безопасность КНДР, ее право продолжать исследования в области использования атомной энергии в мирных целях.

Россия предложила новаторскую по нынешним временам модель многостороннего сотрудничества с учетом интересов обоих корейских государств. Их реализация имела бы не только серьезный экономический, но и политический стабилизационный эффект. Наиболее известным примером такого подхода является проект воссоединения Транскорейской магистрали с Транссибом. Российская дипломатия также предложила идею трехстороннего сотрудничества в модернизации энергетики (и в целом промышленного потенциала) КНДР по формуле: северокорейские объекты – российские технологии и специалисты – южнокорейские финансы. Пока что, однако, ни северяне, ни южане не готовы столь резко сломать устоявшиеся стереотипы и «образ врага». Однако это не означает, что у идеи трехстороннего сотрудничества нет будущего.

Российские подходы по обеспечению безъядерного характера Корейского полуострова и развитию сотрудничества с обоими корейскими государствами подверглись серьезным испытаниям. Речь идет, прежде всего, о жесткой линии команды американского президента Дж. Буша. Официальный Вашингтон не оставляет назидательного тона и надежд на изменение строя Северной Кореи, что вряд ли создает благоприятную атмосферу для равноправного диалога, в том числе в рамках шестисторонних переговоров в Пекине. В американо-северокорейских дискуссиях мы считаем возможным и единственно допустимым компромиссное, переговорное решение.

Что касается российской стороны, то наиболее динамичным «сектором» российской политики в отношении полуострова оста-

ется развитие отношений с КНДР, что неудивительно после десятилетней паузы. Актуальность поддержания постоянного контакта и доверительной работы с Пхеньяном в интересах обеспечения безопасности еще более возросла в связи с ужесточением американских подходов к корейской ситуации.

Особенно интенсивно проходит политический диалог, налажены его постоянные каналы. На двусторонней основе идет регулярный обмен политической информацией и обмен мнениями, в том числе по линии посольств в Пхеньяне и Москве. Ежегодно по случаю Дня Победы в Пхеньяне проводится церемония возложения венков к Монументу освобождения – памятнику советским воинам, павшим при освобождении Кореи. Это мероприятие традиционно в российско-северокорейских отношениях. В 2005 г. – в год 60-летнего юбилея – оно было проведено с особой тщательностью и торжественностью²⁰. К слову сказать, признанная роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, в отличие от многих недоброжелателей нынешней России, у Пхеньяна не вызывает сомнений.

После трех российско-северокорейских саммитов, которые состоялись в 2000–2002 гг., стал регулярным обмен представительными делегациями, в том числе по линиям парламентов, регионального руководства, а также внешнеполитических ведомств двух стран. Эти контакты способствуют развитию взаимопонимания, четкому проявлению позиций, в частности, по проблемам Корейского полуострова. Так, в КНДР с одобрением восприняли предложенный Россией «пакетный подход», согласно которому необходимо увязывать все три составляющие конечных договоренностей – денуклеаризацию, гарантии безопасности и экономическую помощь Северной Корее, позитивно оценили мнение Москвы относительно того, что КНДР, как любое суверенное государство, имеет право развивать мирную ядерную энергетику²¹.

Уменьшение расхождений в политической области позволило сторонам положительно решить некоторые вопросы в практических областях сотрудничества. Так, в течение многих лет шли сложные переговоры по пограничным вопросам в треугольнике, где сходятся границы России, КНДР и Китая. В 2004 г. они были завершены, подписаны соответствующие официальные документы. Годом позже дополнительно отрегулированы разграничительные линии между РФ и КНДР в устье р. Туманган (Туманная) и их продолжение в прибрежных водах. Таким образом, открыта дорога к окончательной демаркации и делимитации границы.

В Приморском крае продолжено сооружение дамбовых конструкций и шлюза для регулирования течения пограничной реки, закрепления российско-корейской границы и предотвращения наводнений в южном районе края.

Процесс развития отношений РФ и КНДР является составной частью курса Москвы на продвижение отношений с обоими корейскими государствами. Активные усилия Москва предпринимает в целях разрешения ядерных проблем в Корее. Это отвечает интересам безопасности как самой России, так и целям укрепления регионального мира и взаимопонимания, обеспечения стабильного развития непосредственно на самом полуострове.

Возвращаясь к общим аспектам корейской проблематики, уместно обратить внимание на ряд проявившихся особенностей.

Во-первых, произошли определенные подвижки в решении ядерной проблемы полуострова. Переговоры идут по данному кругу вопросов трудно, не исключены даже откаты назад, но надежда на то, что ситуация может быть конструктивно разрешена, сохраняется. Модель урегулирования во многом повторяет принципы Рамочного соглашения тринадцатилетней давности, но на сей раз его многосторонний формат, будем надеяться, существенно снизит риск развития неприятной ситуации, при которой изменившаяся политика одной из стран-участниц может торпедировать процесс и отбросить его назад.

Во-вторых, 2007 год – год президентских выборов в Республике Корея, определивших политику этой страны как минимум на пять лет вперед. Острых вопросов, по которым шла дискуссия, в стране достаточно, однако уже сейчас видно, что процесс межкорейского диалога, начатый еще президентом Ким Дэ Чжуном, похоже, становится необратимым. «Холод» в отношениях между Севером и Югом не забудет «солнечное тепло».

В-третьих, яснее проявились тенденции и черты нового миропорядка, постепенно заменяющего тот, что сложился после Второй мировой в период «холодной войны» и после ее окончания. Эти черты видны в изменениях политики США, иллюстрирующих отсутствие единой политики по корейскому вопросу и отражающих растущие сложности курса неоконсерваторов на «принесение всему миру демократии на кончиках ракет». Эти черты проявляются и в растущей роли Китая, который очень скоро займет место «мастерской мира», обеспечивая своим статусом региональной сверхдержавы новый тип мировой политической архитектуры, основанной на принципах гармонизации (*хэсе*). Расту-

щая вовлеченность КНР в дела Корейского полуострова – очень важный признак нового мира. Нельзя не отметить и «новый ревизионизм Японии» – многостороннюю и в чем-то опасную тенденцию, которая устремлена не в прошлое, а в будущее. Ослабление роли ООН и определенный кризис системы международного права вызвал появление целого ряда «неформальных» структур, к которым можно отнести не только «Большую восьмерку», но и сообщество, складывающееся в связи с шестисторонними переговорами. Как представляется, региональная структура в перспективе способна стать новым механизмом решения проблем в рамках СВА. 15 лет назад РК и РФ выдвигали инициативы о налаживании переговорного процесса именно в этом формате.

В-четвертых, прорабатываются важные вопросы в сфере сотрудничества России со странами Корейского полуострова. Это – подготовка торговых соглашений и создание базы для развития инфраструктуры в энергетике, в том числе речь идет о реализации договоренностей, достигнутых в ходе визита В.В. Путина в Республику Корея в ноябре 2005 г.²² Последнее достаточно важно, так как диверсификация торговой и энергетической политики нашей страны и ее «взгляд, обращенный на Дальний Восток», являются значительным элементом будущего российского экономического роста.

В-пятых, есть основания отметить растущий престиж Республики Корея на международной арене и ее конструктивный вклад в работу шестисторонней конференции.

Хотелось бы отметить ту работу, которую в целях более глубокого и научнообоснованного понимания процессов на Корейском полуострове прodelывают отечественные и зарубежные кореееды. Заслуживает поддержки намерение многих из них о воссоздании корееведческого сообщества в форме Ассоциации корееведов как добровольной научно-общественной и практической организации.

Это может содействовать не только укреплению межрегиональных связей между учеными, но и консолидации и наращиванию сил, чтобы лучше делать наше дело – выстраивать четкие научные ориентиры для политической практики, внося тем самым свой вклад в дело мирной стабильной и процветающей Кореи.

МЕСТО КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

«Северокорейская ядерная проблема» высветила целый ряд действительных угроз, могущих существенно поколебать ту модель миропорядка, которая была установлена в мире после Второй мировой войны.

В первую очередь, это тенденция к расширению числа стран-членов ядерного клуба, подрывающая не только режим нераспространения ядерного оружия, но и ситуацию, при которой это оружие «разрешалось» иметь только странам-победителям. Обретение ядерного статуса начинает восприниматься как гарантия защиты от прямой американской агрессии. Может сработать и «принцип домино», если ситуация сложится так, что Пхеньян не увидит альтернативы обеспечения своей безопасности, кроме как за счет наличия ядерного оружия, это может достаточно быстро, возможно, даже в течение двух-трех лет, привести к появлению ядерного оружия у Японии и Республики Корея.

Во-вторых, речь идет об определенном кризисе системы международного права. Эта тема достаточно сложная сама по себе. Можно обратить внимание хотя бы на то, что Индия и Пакистан, которые не подписывали ДНЯО, оказались под меньшими санкциями и в меньшей международной изоляции, чем КНДР, которая этот договор подписала. В результате получается, что проще не подписывать конвенции, чем быть наказанными за их нарушение. Кроме того, из-за двойных стандартов у страны, обвиненной в пособничестве терроризму или записанной в «аванпосты тирании», нет возможности защитить себя в правовом поле и уверенности в том, что обязательства международного права по отношению к ней будут соблюдены. Отсюда – понятное желание защищать себя «внеправовыми методами», в том числе и посредством обретения ядерного оружия. Это особенно касается КНДР, которая уже имела печальный опыт отношений с США, которые не выполнили свою часть Рамочного соглашения.

По сути дела, стремление Северной Кореи стать ядерной державой можно рассматривать как развитие этой тенденции и ситу-

ацию, когда, почувствовав, что ни Россия, ни Китай не смогут защитить ее от возможной агрессии, Северная Корея решила обрести свое радикальное средство сдерживания, преодолеть «заброшенность» и зависимость от СССР и КНР.

Кроме того, указанная ситуация позволяет облегчить использование ядерной проблемы для удовлетворения собственных амбиций в другой сфере. «Северокорейская ядерная проблема» оказывается весьма выгодным поводом для определенных контрмер. Точнее, для того, что позиционируется как контрмеры, а на деле имеет совсем иные цели. Это касается и американской системы ПРО, и японских сторонников милитаризации своей страны.

В-третьих, это системный кризис ООН, которая все более и более утрачивает роль высшего арбитра в межгосударственных спорах и организации, определяющей основную стратегию развития человечества. По целому комплексу причин ООН теряет доверие стран-членов Организации и воспринимается порой лишь как инструмент навязывания ангажированных решений, в то время как выработка стратегий развития постепенно переходит от нее к неформальным организациям типа «Большой восьмерки», не имеющим, как минимум, того юридического статуса, которым обладает ООН. Это, заметим, подтверждает и тот факт, что решение «северокорейской ядерной проблемы» проходит в рамках шестисторонних переговоров, а не в специально созданной для решения этого вопроса комиссии ООН.

Второй блок проблем связан с «тенью прошлого» в отношениях между двумя корейскими государствами. Напомним, что еще 20 лет назад и Север, и Юг воспринимали друг друга как «диктаторский марионеточный режим», в отношении которого может проводиться только одна политика, политика, направленная в той или иной мере на сокрушение второго корейского государства и объединение страны путем его поглощения или военного захвата. К нынешнему времени многое изменилось, но и сейчас как на Севере, так и на Юге по-прежнему существуют определенные прослойки, которые в силу идеологической зашоренности или карьерных соображений усматривают в сохранении напряженности в отношениях между КНДР и РК выгоду для себя.

Надо, однако, сказать, что в диалоге, а не в его саботировании или имитации, заинтересованы в первую очередь прагматики и сторонники стабильности в регионе. При этом неконструктивный курс характерен и для тех, кто выступает против диалога в любых его проявлениях, и для тех, кто желает объединения не-

медленно или в кратчайшие сроки. Поэтому можно обратить внимание на то, что в настоящий момент в Корее взят курс не на объединение в ближайшее время, а на «мирное сосуществование», которое должно постепенно создать разумную и прочную основу для того, чтобы выгоды от объединения, безусловно, перевесили комплекс связанных с ним проблем.

Впрочем, курс на конструктивный диалог, постепенное вовлечение Северной Кореи в международные процессы и все то, что Ким Дэ Чжун вкладывал в понятие «солнечного тепла», показали свою продуктивность и запустили процесс, остановить который будет достаточно сложно и болезненно. Понятно, что растапливание льда недоверия, накопившегося за десятилетия «холодной войны», – процесс очень долгий и очень сложный, тем более что наряду с теми, кто пытается растапливать лед, есть и те, кто своими действиями активно пытается его подморозивать.

При этом речь идет не столько о чаяниях объединения, сколько о прагматической защите собственных интересов. Южная Корея сама внутренне находится в достаточно сложном положении, и дестабилизация ситуации на Севере очень серьезно подорвет темпы ее экономического развития, что может привести к усилению ее зависимости от других стран региона.

Повторим, что чрезвычайно важно не только объединение само по себе, но и то, в чьих интересах и на какой основе оно произойдет. В свое время у Запада были опасения «потерять» Корею, которая могла стать коммунистическим режимом, и он выступал против такого развития событий, сделав все, чтобы это не произошло. Поэтому если в результате объединения получится экономически слабое и политически проблемное государство с американскими войсками на границе с Китаем и Россией и при этом исповедующее идеологию агрессивного национализма, сопредельные страны вряд ли устроит такой вариант и они, разумеется, будут стремиться не допустить такого развития ситуации.

Отдельного внимания, как уже говорилось, заслуживает положение в КНДР и тот образ, который имеет эта страна на международной арене. Созданный международной пропагандой «северокорейский образ врага» негативно сказался на положении внутри страны. С одной стороны, КНДР сумела преодолеть тяжелейший продовольственный кризис без социального взрыва, которым такой кризис был бы чреват в условиях иной политической системы. С другой – в глазах международной общественности она остается «агрессивной диктатурой», сам факт наличия ко-

торой оправдывает целый комплекс оборонных приготовлений. Хотя способна ли КНДР вести наступательную войну в условиях экономического кризиса – большой вопрос. И именно в этом смысле следует рассматривать проблему «северокорейской ядерной программы» как способ окончательно получить статус самостоятельного субъекта, а не объекта в отношениях с великими державами.

Что же касается внутреннего положения в стране, то запас прочности, вложенный в систему КНДР Ким Ир Сенем, видимо, иссякает. Ясно, что пока страной руководит Ким Чен Ир, он будет обеспечивать стабильность и консенсус до последнего вздоха. Однако сможет ли его гипотетический преемник обладать таким же сочетанием легитимности, лидерских качеств и достоинств управленца?

Другая важная тенденция связана с изменением массового сознания в КНДР. После серии природных катаклизмов, находясь в сложном экономическом положении, руководство КНДР было вынуждено пойти на определенные шаги, которые можно назвать подвижками в сторону открытости. К ним можно отнести и «государственные мероприятия» 2002 г., и определенную проницаемость границы с КНР, на которую власти смотрели сквозь пальцы. Сегодня, когда, с точки зрения властей, положение страны стабилизировалось, она начинает медленно закручивать гайки, двигаясь к возвращению прежнего положения. В эту политику укладывается целый ряд мероприятий – от попыток восстановить карточную систему до укрепления границы и комплекса мер по борьбе с «отходниками» (против наплыва которых выступает и Китай). Однако надо учесть, что под влиянием как голода и лишений, так и частичного разрушения системы информационного контроля в сознании населения, особенно приграничных территорий и, в меньшей степени, больших городов, произошли определенные изменения, и прежним народ уже не будет.

Что касается присутствия на Корейском полуострове значительного контингента вооруженных сил США и американо-южнокорейского военного сотрудничества, то понятно, что, находясь в Корее, американские войска не столько защищают РК от вероятной агрессии с Севера, сколько служат своим интересам – Корейский полуостров является очень удобным стратегическим объектом, с которого американцы могут контролировать всю Северо-Восточную Азию. Естественно, по доброй воле они оттуда не уйдут, а в случае прирастания Южной Кореи Севером появят-

ся и там, что позволит им сковать действия *российского Тихоокеанского флота, а также ВМФ Китая и обеспечить свое прочное господство на море в этом регионе.*

Надо обратить внимание и на «китайский фактор», поскольку КНР является весьма активным игроком в этом регионе. Речь идет и об экономическом росте страны, делающем Китай одной из ведущих держав мира, что может рассматриваться Западом как нарушение принятого миропорядка; и о его экономическом проникновении как на Север, так и на Юг; и о том, что Пекин обладает наибольшими по сравнению с другими странами рычагами давления на КНДР, да и на РК. КНР, правда, «сбросила» бремя КНДР, когда нормализовались отношения с СССР. Поэтому китайскую заинтересованность в Пхеньяне не стоит преувеличивать.

Не простым является и современное положение РК. Она стремится окончательно «выйти из второй лиги», став полноценным и влиятельным «игроком» на поле политики в США. Ясно, что сделать это невозможно без последовательного проведения независимой политики и отказа от принципа *«садэчжуйи»* (служения старшему) в отношении любой сверхдержавы. И хотя эта тенденция сдерживается внешним давлением со стороны тех, кто хотел бы видеть Республику Корея своим безмолвным союзником, готовым принести свои национальные интересы в жертву «общему благу», изменить движение РК в этом направлении маловероятно. Сегодня РК отличают экономический прогресс и рост конкурентоспособности. Южнокорейские рынки и инвестиции представляют для США, Китая, Японии, а также нашей страны немалый интерес.

В политической сфере РК еще не может претендовать на роль общерегионального посредника или третьей стороны, однако ее роль как силы, способной склонить исход голосования в ту или иную сторону, заметно возрастает. Однако следует помнить, что тот набор рычагов, благодаря которым РК осуществила экономический рывок во время правления Пак Чжон Хи, к настоящему времени во многом исчерпал себя. Современные корейцы, проникнутые культурой глобализации, имеют уже иное представление о своих правах и о мере вмешательства государства в их частную жизнь и экономическую деятельность.

Естественно, все эти проблемы не могут остаться без внимания России, которая является непосредственным соседом Кореи и наиболее приемлемым вариантом для которой сегодня является

мирное сосуществование двух корейских государств, признающих друг друга и постепенно налаживающих прямой конструктивный диалог друг с другом.

В этом вопросе наша страна действует вместе со всеми основными силами, которых устраивает именно такое развитие событий. В первую очередь, это КНР, позиция которой во многом совпадает с российской, но похожей точки зрения придерживается ряд политиков Южной Кореи и остального мира. Даже в США есть политические деятели, ученые и дипломаты, которые полагают, что урегулирование корейского кризиса более выгодно для международного статус-кво, чем «раскачивание лодки». Во многом именно благодаря скоординированной позиции России, КНР и РК на шестисторонних переговорах удалось существенно снизить уровень противостояния КНДР – США и осуществить ряд важных практических шагов по урегулированию кризиса.

Грядущие перспективы. История российской политики на корейском направлении заслуживает отдельного рассмотрения, и в рамках данной статьи отметим только то, что, как уже говорилось, в свое время российское руководство совершило большую стратегическую ошибку, практически прекратив отношения с КНДР и сбросив ее со счетов. Благодаря дипломатии прозападных политиков в МИД России наши позиции не только в Северной Корее, но и во всем регионе были существенно подорваны и ослаблены. Первая попытка вернуть утраченные позиции произошла в конце 1990-х годов с приходом к руководству правительством РФ Е.М. Примакова. Но всерьез ориентированную на оба корейских государства политику Россия начала вести при В.В. Путине, первом руководителе России, который посетил Пхеньян. Однако пока сотрудничество нашей страны с РК и КНДР еще не настолько активное, как того бы хотелось. Тем не менее сейчас наша страна уделяет большое внимание Корейскому полуострову и двум его странам как партнерам в области безопасности и в связи с экономическим развитием российского Дальнего Востока.

Ход шестисторонних переговоров создает видимую надежду на то, что так называемый второй виток северокорейского ядерного кризиса может быть конструктивно разрешен. Для России очень важно, что на сей раз выход из тупика обеспечивается координированными усилиями международного сообщества, и в первую очередь – усилиями дипломатов КНР, РФ и РК, и неслучайно в регионе уже озвучиваются предположения о том, что такой формат

международных консультаций может стать основой для создания региональной организации, подобной АСЕАН или ШОС.

Что касается процесса межкорейского диалога, то он, похоже, необратим. Несмотря на то, что формально власть на Юге сменилась, и в этой связи, исходя хотя бы из логики фракционной борьбы, могут последовать некоторые задержки в процессе диалога и частичный пересмотр приоритетов в сторону более прагматичного подхода к нему, сам процесс будет продолжаться.

В этом смысле очень важным моментом является прошедшая в начале октября 2007 г. встреча лидеров двух Корей²³. Помимо целого ряда важных договоренностей, ослабляющих напряженность и стимулирующих межкорейский диалог, саммит показал, что представители двух корейских государств вполне способны вести переговоры друг с другом самостоятельно, не прибегая к помощи третьих сил, формально выступающих посредниками, а на деле стремящихся навязывать сторонам свою точку зрения на решение проблем на Корейском полуострове. Этот процесс Россия приветствует и встреча лидеров двух Корей «не была похожа на телешоу». Следует надеяться на дальнейшее укрепление мирных и добрососедских отношений между всеми странами региона. Определенные надежды можно возложить на начало железнодорожного сообщения между КНДР и РК.

Для углубления сотрудничества России со странами Корейского полуострова, усиления взаимопонимания перед российскими учеными стоит целый ряд задач. Это разработки схемы и моделей сотрудничества со странами СВА в освоении Сибири и Дальнего Востока. Это проведение консультаций в целях развития сотрудничества «по второй и третьей дорожкам». Это внимательное изучение эволюции идеологии Севера и Юга, а также корейской культуры, в том числе – возможное издание антологий древнекорейских философов и произведений литературы и искусства.

Примечания

- 1 Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 4. С. 51–53.
- 2 См.: К визиту В.В.Путина в КНДР (19–20 июля 2000 г.). ИДВ РАН. Материалы электронного банка данных ИНФО-ТАСС. Выпуск – 00.101. Новости АТР, а также материалы сайта Президент России. Официальный визит в КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/detal/2000/07/125179.shtml>.

- ³ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 16.
- ⁴ Синьхуа. 27.04.2003.
- ⁵ Лу Гуангэ. Чаосянь хэ вэньти: цзун нэн чжаодао цзецзюэ баньфа [Ядерная проблема КНДР: выход постепенно может быть найден] // Гоцзи чжаньлюэ яньцзю [Международные стратегические исследования]. Пекин, 2003. № 3. С. 35.
- ⁶ Там же. С. 37
- ⁷ Там же. С. 38
- ⁸ Синьхуа. 11.01.2003.
- ⁹ См.: Торкунов А.В. Корейский вопрос // Междунар. жизнь. 2003. № 5. С. 61–74.
- ¹⁰ Информационный канал ТВ «Вести» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc/.doc.html?id=4240&tid=19923>.
- ¹¹ Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России 15 марта 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2004/03/15/0321_type63380_61835.shtml.
- ¹² Неофициальный визит Ким Чен Ира в Китай // «Жэньминь жибао» онлайн. 22.04.2004.
- ¹³ <http://www.kremlin.ru/text/ahhears/2005/05/87802.shtml>.
- ¹⁴ Подробнее об экономике КНДР в 1990-е годы см.: Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006. С. 138–151.
- ¹⁵ Визит Ким Чен Ира в Россию. ИДВ. Материалы электронного банка данных ИНФО-ИАСС. 2001. Выпуск – 1.050. Новости АТР, а также материалы сайта «Президент России». Состоялись переговоры Владимира Путина и Председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/news/2001/08/149745.shtml>.
- ¹⁶ Рабочая поездка в Приморский край [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/interdocs/2001/08/04/1706_tere72067_141932.SHTMLТЕРЕ+72067.
- ¹⁷ Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики. 04.08.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2001/08/141932.shtml>
- ¹⁸ Межкорейский саммит (13–15 2000 г.). ИДВ РАН. Материалы электронного банка данных ИНФО-ТАСС. 2000. Выпуск – 00.083. Новости АТР, а также: В Пхеньяне стартовал первый за семь лет саммит лидеров двух Корей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2007/10/03/korea/>.
- ¹⁹ <http://www.kremlin.ru/text/psmes/2002/07/33351.shtml>.
- ²⁰ ИТАР-ТАСС-ИНОТАСС. 09.05.2005.
- ²¹ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В.Ларова на пресс-конференции по итогам визита в Корейскую Народно-Демократическую Республику, Пхеньян, 5 июля 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bpr_4nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/51ae4b74d77463e3c3256ec9002c5d46?Open-Document.
- ²² Визит В.Путина в Республику Корея (18–19 ноября 2005 г.). ИДВ РАН. Материалы электронного банка данных ИНФО-ТАСС. 2005. Выпуск 05.035. Новости АТР, а также: Встреча глав государств и правительств стран–членов форума АТЭС. Рабочий визит в Республику Корея. Пусан. 18–19 ноября 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/detail/2005/11/97292.shtml>.
- ²³ РИА Новости. Встреча лидеров двух Корей «не была похожа на телешоу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/world/asia/20071004/82397131.html>.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

- Агафонов Г.Д.* Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М., 2004.
- Александрова М.В.* Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003.
- Александрова М.В.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. М., 2005.
- Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1988.
- Андреева Н.В.* Перспективы экономической интеграции Китая и АСЕАН. М., 2006.
- Арбатов А.Г.* Безопасность: российский выбор. М., 1999.
- АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы / Фонд сотрудничества Россия–АСЕАН. М., 2002.
- Бажанов Е.П.* Китай : от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007.
- Бажанов Е.П.* Современный мир : избранные труды. М., 2004.
- Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М., 1991.
- Балакин В.И.* Инвестиционная стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР. М., 2002.
- Безопасность России. XXI век / отв. ред. А.В. Загорский. М., 2000.
- Бек У.* Что такое глобализация?: Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
- Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И.* Экологические проблемы КНР: опыт правового регулирования. М., 2005.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Болятко А.В.* Дальний Восток в поисках стратегической стабильности: проблемы национальной безопасности России на Дальнем Востоке и стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2003.
- Борисов О.Б.* Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы : политический очерк. М., 1982.
- Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян

- Чичао : теория обновления народа. М., 2001.
- Быстрицкий С.П., Заусаев В.К.* Россия – Северо-Восточная Азия : дальневосточный экономический мост на рубеже эпох. М., 2007.
- В.И. Вернадский : pro et contra : Антология литературы о В.И.Вернадском за сто лет (1898–1998) / Сост. А.В. Лапо. СПб., 2000.
- Валаянский С., Калужный Д.* Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир? М., 2002.
- Ван Хайдун, Цян Сяюнь.* Российско-китайские отношения и проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии (90-е годы XX века). Орел, 2004.
- Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии : звенья русской культуры. М., 2005.
- Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления : [Материалы 1-й и 2-й конф. политологов России, Индии и Китая]: в 2 т. / РАН. Ин-т Дал. Востока; сост. и авт. предисл. С.В. Уянаев. М., 2004.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации : поиски новой идентичности. М., 2005.
- Внешняя политика России, 1991 – 2000. Ч. 2. М., 2001.
- Военная мощь КНР : (Доклад Министерства обороны США). М., 2005. (Экспресс-информ / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 11).
- Военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке и в АТР : история формирования и современное состояние. М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 10).
- Волохова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007.
- Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия» : мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии : историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004.
- Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М., 2004.
- Восток – Запад – Россия : К 70-летию акад. Н.А. Симония. М., 2002.
- Восток – Россия – Запад : исторические и культурологические исследования: К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М., 2001.
- Восточная Азия между регионализмом и глобализмом / Г.И. Чуфрин и др. М., 2004.
- Второй Российско-Китайский форум по общественным наукам «Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая», Москва, 9-10 окт. 2007 г. М., 2007.
- Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе : взгляд из России и США / редкол. : А.Л. Лукин (отв. ред.) и др. Владивосток, 2006.
- Вызовы и угрозы национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе / РАН. Ин-т Дал. Востока; рук. проекта М.Л. Титаренко, А.В. Болятко. М., 2001.
- Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао : социальная гармония в Китае. М., 2006.
- Галенович Ю.М.* Китайские метаморфозы : Китай на пороге XXI века. М., 2006.
- Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэминя : (принципы внешней и оборонной политики современного Китая). М., 2003.
- Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке : граница. М., 2001.
- Ганишин В.Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007.
- Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001.
- Генеральная Ассамблея. Резолюция 56/3. Год диалога между цивилизациями под

- эгидой Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2001.
- Генеральная Ассамблея. Резолюция 56/6. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. Нью-Йорк, 2001.
- Глобализация экономики Китая / РАН. Ин-т Дал. Востока; под ред. В.В. Михеева. М., 2003.
- Горелый И.О.* Корея : концепции объединения. М., 1997.
- Границы Китая : история формирования / РАН. Ин-т Дал. Востока; под общ. ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. М., 2001.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии : эпохи и цивилизации. М., 2004.
- Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества. М., 1979.
- Дальневосточный международный экономический конгресс : материалы конференции, Хабаровск, 27–28 сент. 2005 г. : в 8 т. Владивосток; Хабаровск, 2006.
- Дальневосточный международный экономический форум, Хабаровск, 5–6 окт. 2006: материалы : в 8 т. Хабаровск, 2006.
- Делюсин Л.П.* Китай : полвека – две эпохи. М., 2001.
- Делюсин Л.П.* Китай в поисках путей развития. М., 2004.
- Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987). Пекин, 1988.
- Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 2002.
- Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007.
- Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006 - . Т. 1. Философия; 2006. Т. 2. Мифология. Религия. 2007.
- Дэн Сяопин.* Избранное (1975–1982). Пекин, 1985.
- Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой : статьи и выступления. М., 2002.
- Ерасов Б.С.* Цивилизации : универсалии и самобытность. М., 2002.
- Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006.
- Забровская Л.В.* Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ : (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.). Владивосток, 2000.
- Забровская Л.В.* Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации : от затворничества к открытости. Владивосток, 2006.
- Забровская Л.В.* Россия и КНДР : опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток, 1998.
- Забровская Л.В.* Россия и Республика Корея : от конфронтации к сотрудничеству (1970–1990-е гг.). Владивосток, 1996.
- Запесоцкий А.С.* Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007.
- Зиновьев А.А.* Запад : феномен западнизма. М., 1995.
- Зиновьев Г.В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. 2-е изд., испр. Томск, 2007.
- Ивасита А.* 4000 километров проблем: российско-китайская граница. М., 2006.
- Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России : статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М., 1993.
- Ильин И.А.* О грядущей России: избранные статьи. М., 1993.
- Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды: информ.-библиогр. справочник / редкол. : М.Л. Титаренко (отв. ред.) и др. М., 2006.
- История отечественного востоковедения до середины XIX в. / отв. ред.

- Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М., 1990.
История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / Редкол.: А.А. Вигасин и др. М., 1997.
История Российской духовной миссии в Китае / редкол.: С.Л. Тихвинский и др. М., 1997.
Ишаев В.И. Россия в Восточной Азии: сотрудничество, проблемы, перспективы. М., 2005.
К.Н. Леонтьев: pro et contra: личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология : в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1: ...1891–1917; Кн. 2:.. после 1917 г.
Как управляется Китай : эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI века / Р.М. Асланов и др.; под ред. М.Л. Титаренко. 2-е изд., доп. и обновл. М., 2004.
Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007.
Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992.
Ким Чен Ир. За торжество дела социализма. М., 2000.
Ким Чен Ир. Избранные сочинения [1964–1972]: в 2 т. Пхеньян, 1992–1995.
Кимура Х. Курильская проблема: история японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996.
Киреев Г.В. Россия – Китай: неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?: К дипломатии для XXI века. М., 2002.
Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 3).
Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Моск. центр Карнеги; отв. ред. В.В. Михеев. М., 2005.
Китай: что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен и др. М., 2007.
Китай: шансы и вызовы глобализации: Тез. докл. XIV Междунар. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы». М., 2003.
Китай : экономика и безопасность. М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 1).
Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2007.
Китай в диалоге цивилизаций : К 70-летию акад. М.Л. Титаренко / РАН. Ин-т Дал. Востока; гл. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2004.
Китай в мировой и региональной политике : [ежегодник] / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2001–2007.
Китай в мировой политике / МГИМО (У); отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.
Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
Китай – Россия: отголоски прошлых противоречий. М., 2006. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 10).
Китай – Япония : конкуренция за лидерство / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М., 2007.
Китайская Народная Республика в ...[1973–2007 гг.]: Политика, экономика, культура : [Ежегодник] / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 1975–2008.

- Китайские аналитики о новых моментах в развитии китайско-американских отношений. М., 2006. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 9).
- Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М., 2005. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 5).
- Китайские политологи о войне в Ираке и корейском ядерном кризисе. М., 2004. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 5).
- Китайские политологи о международном терроризме и его отражении в современных международных отношениях. М., 2003. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 3).
- КНР: итоги социально-экономического развития в 2006 году и перспективы 2007 года: (Материалы 5-й сессии ВСНП 10-го созыва, Пекин, 5-16 марта 2007 года). М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 4).
- КНР перед XVII съездом КПК: (материалы ежегодной конф. Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН, январь 2007). М., 2008. (Информ. материалы. Сер. В / РАН. Ин-т Дал. Востока; вып. 22).
- КНР: Проблемы построения общества *сяокан*. М., 2005. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 8).
- КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М., 2004.
- Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества : становление новой реальности М., 2005.
- Коммунистическая партия Китая : история и современные проблемы / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2001.
- Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. М., 2006.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток: статьи. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1972.
- Конрад Н.И., Тойнби А.* Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби // *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 397-432.
- Корейский полуостров и вызовы глобализации: доклады, представленные на X науч. конф. корееведов России и стран СНГ... / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2006.
- Корея : взгляд из России : доклады, представленные на XI науч. конф. корееведов России и стран СНГ... / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2007.
- Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г.* Восточная Азия после «холодной войны» : зона конфронтации или сотрудничества? М., 2006.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва. 2-е изд., доп. М., 2005.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации : теория, история, диалог, будущее : в 2 т. М., 2006.
- Кузьмина Е.М.* Геополитика Центральной Азии. М., 2007.
- Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол : причины и последствия. М., 2000.
- Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1994.
- Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
- Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона : российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.
- Ли Вл. Ф. (Ли У Хё).* Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX в.). М., 2000.
- Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун: Пер. с кит. Пекин, 2004.
- Ли Син Ук.* Российско-южнокорейские политические отношения (конец XX –

- начало XXI века). М., 2005.
- Ли Теин.* Поиски направлений реформы и политики открытости: в 2 т. Пекин, 2003.
- Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001.
- Ловушки либерализации: (Китай и ВТО) / отв. ред. М.А. Потапов; общ. ред. и предисл. В.В. Михеева. М., 2001.
- Лозанский Э.Д.* Россия между Америкой и Китаем. М., 2007.
- Ломоносов М.* Записки по русской истории. М., 2003.
- Лу Юнсян.* Инновация и будущее – государственная инновационная система перед лицом эпохи экономики знаний. Пекин, 1998.
- Лужков Ю.М.* Возобновление истории // Человечество в XXI веке и будущее России. М., 2002.
- Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина : возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
- Люди и идеи: [К 50-летию ИДВ РАН] / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. А.В. Островский. М., 2006.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001.
- Мао Цзэдун.* Выдержки из произведений. Пекин, 1966.
- Мао Цзэдун.* Избранные произведения: В 5 т. Пекин, 1969–1977.
- Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае: статьи и выступления. М., 2002.
- Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995.
- Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001.
- Менгес К.* Китай : нарастающая угроза. М., 2006.
- Меркулов В.И., Швец Н.Н.* Военно-космическая политика государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Тверь, 2006.
- Минакир П.А.* Экономика регионов : Дальний Восток. М., 2006.
- Мировая экономика: прогноз до 2020 года / РАН. ИМЭМО; под ред. А.А. Дынкина. М., 2007.
- Михеев В.В.* Глобализация и азиатский регионализм : вызовы для России. М., 2001.
- Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации: путь разума. М., 2000.
- Московско-шанхайская модель миропорядка XXI века / МГУ. Социол. фак.; под общ. ред. В.Н. Кузнецова. М., 2006.
- Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. М., 1996.
- Мясников В.С.* Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. Lewiston (N.Y.) etc., 2001.
- Назарбаев Н.А.* Мы строим новое государство: труды и речи. М., 2000.
- Назарбаев Н.А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994–1997. М., 1997.
- Наумов И.Н.* Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2001.
- Нефтяное производство в КНР: состояние и перспективы. М., 2003. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 7).
- Николаев М.Е.* Россия – Китай: от разногласий к гармоничному будущему. М., 2007.
- Образ Китая в современной России: Некоторые проблемы китайской истории и

- современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / РАН. Ин-т Дал. Востока; Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2007.
- Осинов Г.В.* Парадигма нового мирового порядка и Россия. М., 1999.
- Осинов Ю.С.* Наука и общество. М., 2006.
- Основные документы и материалы по Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001 – февраль 2005 гг.). М., 2005. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 6).
- Основы евразийства / Полит. партия Евразия; сост. Н. Агамалян и др. М., 2002.
- Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007.
- Ощепков В.П.* Россия и Китай в зеркале региональной геополитики. М., 1998.
- Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
- Панченко М.Ю.* Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР. М., 2005.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
- Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй»: Исслед., пер. с кит., коммент.; Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 1998.
- Перспективы российско-корейского сотрудничества в условиях глобализации / Дипломат. акад. МИД России; отв. ред. А.Н. Панов. М., 2007.
- Песков Ю.С.* СССР – КНР : от конфронтации к партнерству. 2-е доп. изд. М., 2007.
- Петровский В.Е.* Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны» : эволюция, перспективы российского участия. М., 1998.
- Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М., 2006.
- Позиции России в АТР / под ред. Н.П. Малетина и др. М., 2007.
- Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; отв. ред. Г.Д. Толорая, А.Н. Федоровский, Ли Ен Че. М., 2003.
- Политика Китая в АТР на рубеже столетий : материалы науч. конф., июнь 2004 г. / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2004.
- Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны [XVII в. – 1917 г.]. М., 2004.
- Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М., 2006.
- Потапов М.А.* Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М., 2004.
- Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В.* Возрождение Азии : горизонты модернизации. М., 2007.
- Примаков Е.* Минное поле политики. М., 2006.
- Проблемы безопасности в Азии / РАН. Ин-т востоковедения; отв. ред. А.М. Хазанов. М., 2001.
- Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. А.В. Болятко. М., 2005.
- Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР / РАН. Ин-т Дал. Востока; сост. П.Б. Каменнов. М., 2007.

- Рахманин О.Б.* К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке: обзор и анализ основных событий. Изд. 3-е, доп. М., 2002.
- Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М., 2005.
- Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: политика, экономика, безопасность / под ред. М.Ю. Шинковского. Владивосток, 2005.
- Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы: Материалы междунар. науч. и науч.-практ. конф., 22 марта 2006 г. Владивосток, 2006.
- Российский Дальний Восток и страны АТР: проблемы устойчивого развития в условиях глобализации: Материалы междунар. науч. конф., 10–12 октября 2007 г. Владивосток, 2007.
- Российско-китайские отношения: состояние и перспективы / Науч. рук. проекта и авт. коллектива М.Л.Титаренко; отв. ред. В.И. Шабалин. М., 2005.
- Российско-китайские отношения глазами американцев / под ред. Д. Тренина. М., 1997.
- Россия в Азии: проблемы взаимодействия / Рос. ин-т стратег. исслед.; под общ. ред. К.А. Кокарева. М., 2006.
- Россия в АТЭС и АТР: материалы 3-й науч.-практ. конф. «Россия в АТЭС и АТР», Москва, 25 апр. 2001 г. / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. И.Д. Иванов; М.Л. Титаренко. М., 2001.
- Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях: материалы 2-й науч.-практ. конф. «Россия в АТЭС и АТР», Москва, 20 июня 2000 г. / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. И.Д. Иванов, М.Л. Титаренко. М., 2000.
- Россия в пространстве и времени: (история будущего) / рук. авт. коллектива Б.Н. Кузык. М., 2004.
- Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие: [вып. 1–3] / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. А.В. Болятко. М., 2001–2003.
- Россия и глобализация: международные аспекты / РАН. Отд-ние обществ. наук; отв. ред. М.Г. Носов. М., 2006.
- Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации / Науч. рук. проекта и авт. коллектива М.Л. Титаренко; отв. ред. В.И. Шабалин. М., 2005.
- Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. А.В. Болятко. М., 2006.
- Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее): Тез. докл. XVI междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы»... / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2006.
- Россия и Корея: проблемы улучшения отношений России и государств Корейского полуострова : Доклады, представленные на науч. конф. корееведов, Москва, 29 нояб. 2007 г. / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2008.
- Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы, новые возможности / РАН. Отд-ние обществ. наук; отв. ред. Н.А. Симония. М., 2007.
- Россия и мировая цивилизация: к 70-летию чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова. М., 2000.
- Рубан Л.С., Катаева Е.Г., Хегай В.К.* Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке. М., 2006.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: сборник трудов евразийцев / сост., вступ. ст. и примеч. С. Ключникова; послесл. В. Кожина. М., 1997.
- Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Салицкий А.И.* Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001.

- Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 / Ред. комис.: Г.Б. Карасин и др. М., 1999.
- Сборник российско-китайских документов, 1999–2007 / Ред. комис. А.П. Лосюков и др. М., 2007.
- Селищев А.С., Селищев Н.А.* Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004.
- Семин А.В.* Внешнеполитические ориентиры Японии и Китая. М., 2001.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник нормативных актов / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2004.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
- Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.
- Становление новоевразийской цивилизации в постиндустриальную эпоху: духовные истоки и ноосферно-человеческий смысл. Т. 1. (Россия, Китай и Центральная Азия / РАЕН; Ин-т Дал. Востока РАН. М., 2008.
- Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007.
- Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на тихоокеанском региональном направлении / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. Г.Д. Агафонов. М., 2005.
- Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Азии / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. Г.Д. Агафонов. М., 2007.
- Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050) / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2002.
- Стровский Л.Е., Цзян Цзин.* Китай после вступления в ВТО: адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства. М., 2007.
- Султанов К.В.* Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб, 2001.
- Суй Чжимин.* Практика и поиски. М., 2007.
- Телегина Е.А., Студеникина Л.А.* Энергетическая безопасность и энергетическая интеграция в Евразии в XXI: азиатский профиль. М., 2006.
- Тенденции развития обстановки на Корейском полуострове и возможные альтернативы российской политики / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. В.П. Ткаченко. М., 1999.
- Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
- Титаренко М.Л.* Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения // Пробл. Дал. Востока. 2002. № 1. С. 6–22.
- Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
- Титаренко М.Л.* Новое евразийство: азиатский аспект // Россия – Восток – Запад / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1998. С.108–129; Вост. коллекция. 1999. № 1/3. С. 20–33.
- Титаренко М.Л.* Новоевразийская геополитика России : восточный вектор // Становление новоевразийской цивилизации в постиндустриальную эпоху: Духовные истоки и ноосферно-человеческий смысл. М., 2008. Т. 1. С. 306–344.
- Титаренко М.Л.* О значении взаимодействия России, Китая и Индии на фоне

- нынешних глобальных и региональных перемен // Пробл. Дал. Востока. 2005. № 5. С.12–21.
- Титаренко М.Л.* Общепланетарный кризис и глобальные вызовы // Вызовы XXI века : Альманах : (Форум междисциплинар. исслед. и дебатов) / РАН. Ин-т экономики, Ин-т Европы. М., 2007. Вып. 3 : На переломе. С. 16–32.
- Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия : Вопросы международных и междивизиационных отношений. М., 1994.
- Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- Титаренко М.Л.* Россия. Безопасность через сотрудничество: Восточно-азиатский вектор. М., 2003.
- Титаренко М.Л.* Формирование азиатской политики России в первой половине XXI века и идеология нового евразийства // Евразия: Народы. Культуры. Религии. 2005. № 1/2. С. 75–81.
- Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1988.
- Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1989–1949. М., 1996.
- Тихвинский С.Л.* XX век. Взгляд с близкого расстояния. М., 2004.
- Тихвинский С.Л.* Век стремительных перемен. М., 2005.
- Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: в 5 кн. М., 2006.
- Ткаченко В.П.* Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.
- Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
- Тойнби А., Икеда Д.* Диалог Тойнби–Икеда : человек должен выбрать сам. М., 1998.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. 3-е изд. М., 2006.
- Тренин Д.* Китайская проблема России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998.
- Троекурова И.* Торгово-экономическое сотрудничество в интеграционном пространстве АТЭС. Саратов, 2006.
- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.
- Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста и коммент. В.М. Живова; вступ. статьи Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева. М., 1995.
- Ушаков И.В.* Экологический лабиринт : социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М., 2008.
- Филатов Л.В.* Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю, 1949–1966. М., 1980.
- Фишмен Т.* Китай inc.: восход сверхмощного глобального конкурента. М., 2007.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2007.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой: сборник высказываний по темам: в 3 т. М., 2002–2004.
- Цзян Цзэминь.* Реформа, развитие, стабильность: статьи и выступления. М., 2002.
- Цянь Цичэнь.* Десять дипломатических событий. Пекин, 2005.
- Чжан Юн, Халлидей Дж.* Неизвестный Мао. М., 2007.
- Чжоу Биндэ.* Мой дядя Чжоу Эньлай: Пер. с кит. Пекин, 2008.
- Чжу Минь.* Мой отец Чжу Дэ: Пер. с кит. Пекин, 2006.
- Чэнь Юнь.* Избранное (1926–1949). Пекин. 1987.
- Шабалин В.И.* Жизнь прожить. Очерки. Размышления. М., 2008.
- Шанхайская организация сотрудничества: документы и материалы (март 2005 – август 2007 гг.). М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 12).
- Шанхайская организация сотрудничества и современный мир: материалы Учредительного заседания Форума ШОС и междунар. науч. конф. «ШОС и

- соврем. мир», 22–23 мая 2006 г., Москва) / МГИМО(У); под ред. А.В. Лукина. М., 2007.
- Шафаревич И.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2005.
- Шин В.А.* Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М., 1998.
- Шлык Н.Л., Шлык Е.В.* Дальний Восток России: проблемы включения в интеграционные процессы в рамках АТЭС. Владивосток, 2005.
- ШОС и ситуация в Центральной Азии (в освещении научной печати КНР). М., 2005. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 9).
- Шенглер О.* Закат Европы : очерки морфологии мировой истории. М., 1998.
- Шэнь Вэйле, Лу Цзюньюань.* География национальной безопасности Китая : [реферат]. М., 2007. (Экспресс-информ. / РАН. Ин-т Дал. Востока; № 7).
- Экономика Китая вступает в XXI век / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. и авт. предисл. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Экономическая реформа в КНР на рубеже веков / РАН. Ин-т Дал. Востока; сост. П.Б. Каменнов. М., 2008.
- Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / МГИМО(У); под общ. ред. и рук. А.В. Торкунова. М., 2007.
- Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / МГИМО(У); сост. В.Я. Белокреницкий, М.А. Сапронова. М., 2005.
- Яковлев А.Г.* Россия, Китай и мир. М., 2002
- Япония и мировое сообщество: социально-психологические аспекты интернационализации / Е.Ю. Архипов и др.; отв. ред. Д.В. Петров. М., 1994.

На китайском языке

- 1996–2050 нянь Чжунго цзинци шэхуэй фачжань чжаньлюэ цзоусян сяньдайхуа дэ гоусян [Стратегия социально-экономического развития Китая в 1996–2050 годах : взгляд на путь к модернизации]. Пекин, 1997.
- 2004 нянь Чжунго дэ чисуй фачжань чжаньлюэ баогао [Доклад о стратегии устойчивого развития Китая, 2004]. Пекин, 2004.
- 2006 нянь : шицзе шэхуэйчжуй гэньцзун яньцзю баогао – це тин ди гу синь чао шэн чжи сань [2006 год: мировой социализм : Доклад, подготовленный на основе отслеживания и изучения материалов – пока на дне ущелья слышен шум нового потока]. Пекин, 2007.
- 2008 нянь Чжунго цзинци синши фэнси юй юйцэ [Анализ и прогноз экономического положения Китая, 2008 г.]. Пекин, 2007.
- Вэнь Хайянь.* Лянши аньцюань [Продовольственная безопасность]. Пекин, 2006.
- Вэнь Цзябао.* [Выступление 8 декабря 2003 года на приеме у госсекретаря США Пауэлла] // Наньфан чжоубао. 2004. 2 января.
- Гао Ман.* Во хуа Элосы [Я рисую Россию]. Пекин, 2006.
- Гоцзи кунбучжуй юй фанькунбу доучжэн, 2006 нянь [Международный терроризм и борьба против терроризма, 2006 : ежегодник]. Пекин, 2007.
- Гоцзя нэньюань чжаньлюэ чжэнцэ цзинци фэньси [Анализ сценариев энергетической стратегии и политики государства]. Пекин, 2003.
- Дин Инфань.* Мэйго пипань [Критика США]. Пекин, 2006.
- Дэн Сяопин вэньсюань [Избранные произведения Дэн Сяопина]: В 3 т. Пекин, 1993.
- Дэн Сяопин юй гайгэ кайфан дэ цибу [Дэн Сяопин и начало реформ и открытости]. Пекин, 2005.

- Е Цзычэн.* Чжунго да чжаньлюэ [Большая стратегия Китая]. Пекин, 2003.
- Жусюэ юй дандай вэньминь [Конфуцианство и современная цивилизация] / Ред. Чжан Сюэчжи. Пекин, 2005.
- Ли Минбинь.* Чжун – Э вэньхуа цзяолю саньбай нянь [300 лет культурному обмену между Россией и Китаем]. Пекин, 2006.
- Ли Сянъян.* Шуй лай вэй 21 шици Чжунго цзяю? [Кто обеспечит Китай нефтью в 21 веке?] Пекин, 2005.
- Ли Хуа.* Бэйцзин юй Моськэ : цземэн, дуйкан, хэцзо [Пекин – Москва : союз, противостояние, сотрудничество]. Пекин, 2007.
- Ли Хуэймин.* Чжиши цзинци цюаньцюхуа цюйши [Тенденции глобализации экономики знаний]. Пекин, 2000.
- Ли Чжуншэн.* Чжунгодэ жэнькоу юй цзинци фачжань [Население Китая и экономическое развитие]. Пекин, 2004.
- Ли Чжэньмин.* Чжунго хэпин фачжань юй гоцзи чжаньлюэ [Мирное развитие Китая и международная стратегия]. Пекин, 2007.
- Ли Шэньмин цзысюаньци [Избранные произведения Ли Шэньмина]. Пекин, 2007.
- Ли Шэньмин.* Чжунго хэпин фачжань юй гоцзи чжаньлюэ [Мирное развитие Китая и международная стратегия]. Пекин, 2007.
- Лиши дэ фэн – Чжунго сюэчжэ лунь Сулянь цзети хэ дуй Сулянь лиши дэ пинцзя [Ветры истории : как китайские ученые оценивают распад СССР и историю СССР]. Пекин, 2007.
- Лю Цзэчэн.* Мао Цзэдун юй Сыдалинь [Мао Цзэдун и Сталин]. Пекин, 1993.
- «Сань гэ дайбяо» чжунгяо сысян юй Чжунго гэсэ шэхуэйчжуй [Важность идеологии «трех представительств» и социализм с китайской спецификой] / Гл. ред. Ли Шэньмин и др. Пекин, 2004.
- Синь шици дэ Чжун Э гуаньси [Китайско-российские отношения в новом столетии]. Пекин, 2007.
- Ся Липин, Цзян Сиюань.* Чжунго хэпин цзюэци [Мирное возвышение Китая]. Пекин, 2004.
- Сян Ланьсин.* Чуаньтун юй дуйвай гуаньси : цзянь пин чжунмэй гуаньси дэ иши синтай [Традиции и внешние связи : идеологический фон китайско-американских отношений]. Пекин, 2007.
- Тянься гуй жэнь : Кунцзы моулюэ цзунхэн [Поднебесная возвращается к человеколюбию : изречения Конфуция во всем их многообразии]. Пекин, 1997.
- У Цзяньхуа.* Дунгя сяндайхуа юй Чжунго [Модернизация Восточной Азии и Китай]. Пекин, 2004.
- Ху Аньган.* Чжунго : синь фа чжаньгуань [Китай : новая стратегия развития]. Ханчжоу, 2004.
- Хуан Цзиньюань.* Цюаньцюхуа шидай : даго дэ аньцюань [Эра глобализации: безопасность великих держав]. Пекин, 2007.
- Хэпин цзюэци лунь – Чжунго чунсу даго чжи лу [Теория мирного возвышения – путь, позволяющий Китаю вновь стать великой державой] / Гл. ред. Пэн Пэн. Гуанчжоу, 2005.
- Хэсе шэхуэй : лилунь юй цзингянь [Гармоничное общество : теория и практика] / Ред. Се У. Пекин, 2006.
- Хэ эр бутун шань лин гу го [Жить в согласии при сохранении различий : Добрые соседи укрепляют государство]. Пекин, 2006.
- Цай Фан.* Жэнькоу юй лаодун люйпиншу [Зеленая книга : население и труд]. Пекин, 2007.

- Цзинь Синь, Сюй Сяопин.* Чжунго вэньти баогао : синь шицзи Чжунго мяньлинь дэ яньцзюнь тяочжань. 2002 нянь цюаньсинь сюдинбань [Доклад о проблемах Китая : серьезные вызовы, стоящие перед Китаем в новом веке]. Новое изд. Пекин, 2002.
- Цзинцзи ланьпишу, 2008 нянь : Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ [Голубая книга по экономике : анализ и прогноз экономического положения Китая, 2008 г.]. Пекин, 2007.
- Цзинцзи синьси люйпишу, 2008 нянь : Чжунго юй шицзе цзинцзи фачжань баогао [Зеленая книга по экономике и информатике : Доклад о развитии экономики Китая и мира, 2008 г.]. Пекин, 2008.
- Цзоу сян 21 шицзи дэ Чжунго цзинцзи [Экономика Китая на пути в XXI век] / Гл. ред. Ли Цзинвэнь. Пекин, 1995.
- Цзюэци?! Чжунго вэйлай 10 нянь цзинцзи фачжань дэ ян чжун кэнэн [Подъем?! : Два возможных варианта экономического развития Китая в предстоящие 10 лет]. Пекин, 2007.
- Цзян Цзэминь вэньсюань [Избранные произведения Цзян Цзэминя] : в 3 т. Пекин, 2006.
- Цзян Цзэминь лунь юй Чжунго тэсэ шэхуэйчжуй «чжуань ти чжай бьянь» [Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой : Сборник высказываний по темам]. Пекин, 2002.
- Цзян Цзэминь.* Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуэйчжуй шиэ синь цзюймянь – цзай Чжунго гунчаньдан ди шилюцы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао [Всесторонне строить общество малой зажиточности, создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой : Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК]. Пекин, 2002.
- Чжан Бочун.* Сулянь цзишу сян Чжунго дэ чжуань (1949–1966) [Передача технологий Советским Союзом Китаю]. Цзинань, 2004.
- Чжан Нин.* Шанхай хэцзо цзучжи дэ цзинцзи чжинэн [Экономические функции ШОС]. Цзилинь, 2006.
- Чжан Юньлин, Лань Цзяньсюэ.* Мяньсян вайлайдэ чжун э инь хэцзо [Обращение в будущее : сотрудничество Китая, России и Индии]. Пекин, 2007.
- Чжоу Вэйпин.* Байнянь Чжун Инь гуаньси [Сто лет отношений между Китаем и Индией]. Пекин, 2006.
- Чжун Инь да тун : лисян юй сяньши [Великое единение Китая и Индии : идеал и реальность]. Иньчуань, 2007.
- Чжун Су гуаньси цыдянь (Китайско-российские отношения : словарь). Далянь, 1990.
- Чжунго вайцзяо [Китайская дипломатия]. Пекин, 1996.
- Чжунго гунгэ юаньцюй фачжань чжаньлюэ [Стратегия развития промышленных парков Китая] / Чэн Гун и др. Пекин, 2006.
- Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь [Материалы XVII съезда КПК]. Пекин, 2007.
- Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь [Докменты XVII съезда КПК]. Пекин, 2007.
- Чжунго даго цзюэци [Китай : возвышение великой страны]. Ханчжоу, 2004.
- Чжунго дуйвай цзинцзи маои байпишу, 2003 [Белая книга по внешнеэкономическим связям Китая, 2003]. Пекин, 2003.
- Чжунго кэи шо бу : лэньчжань хоу шидай дэ чжэнчжи юй цингань цзюэцэ [Китай может сказать «нет» : политический и эмоциональный выбор в эпоху после «холодной войны»]. Пекин, 1996.
- Чжунго кэчисоу фачжань цзунган [Обзор устойчивого развития Китая] : в 20 т.

- Пекин, 2007.
- Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэньси юй юйцэ, 2006- 2007 нянь [Анализ и прогноз развития экономики китайской деревни в 2006-2007 гг.]. Пекин, 2007.
- Чжунго сяньдайхуа баогао, 2004 [Доклад о модернизации Китая, 2004]. Пекин, 2004.
- Чжунго тунцзи няньцзянь, 2005 [Статистический ежегодник Китая за 2005 г.]. Пекин, 2005
- Чжунго тунцзи няньцзянь, 2006 [Статистический ежегодник Китая за 2006 г.]. Пекин, 2006.
- Чжунго тунцзи няньцзянь, 2007 [Статистический ежегодник Китая за 2007 г.]. Пекин, 2007.
- Чжунго фачжань яньцзю : гоуюань фачжань яньцзю чжунсинь яньцзю баогао [Исследования развития Китая : Сборник докладов Центра исследований развития при Госсовете КНР]. Пекин, 2003.
- Чжунго цзюньши динхо юй цайгоу [Военные закупки и заказы в Китае] / Ред. Чжу Чжиган. Пекин, 2007.
- Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо [Материалы переписи населения Китая 2000 года] : в 3 т. Пекин, 2003.
- Чжунго 21 шицзи ичэн: Чжунго 21 шицзи жэнькоу, хуаньцзин юй фачжань байпишу [Повестка дня для Китая на XXI век : Белая книга по вопросам народонаселения, окружающей среды и развития Китая в XXI веке]. Пекин, 1994.
- Чжунго юй цюаньцюхуа [Китай и глобализация] / Ред. Хуан Пин, Цуй Чжюань. Пекин, 2006.
- Чжунго юй шицзе цзинцзи фачжань баогао (2004 нянь) [Китай и развитие мировой экономики, 2004 год]. Пекин, 2003.
- Чжун су гуаньси шиган [Очерки истории китайско-советских отношений]. Пекин, 2007.
- Чжэгэ шицзе хуэй хао ма : Лян Шумин ваньянь коушу [Есть ли будущее у этого мира : рассуждения Лян Шумина в последние годы его жизни]. Шанхай, 2006.
- Чэн Вэнхай. Чжун – Э нэнъюань хэцзо : чжаньлюэ юй дуйцэ [Китайско-российское сотрудничество в энергетике : стратегия и контрмеры]. Пекин, 2005.
- Чэнчжан дэ Чжунго : дандай чжунго циннянь дэ гоцзя миньцзу иши яньцзю [Растущий Китай : исследование национального сознания современной китайской молодежи] / Фан Нин и др. Пекин, 2002.
- Чэнь Кэшоу, Сан Чжэ. Мо сюэ юй дандай шэхуэй [Учение Мо-цзы и современное общество]. Пекин, 2007.
- Чэнь Юнь вэньсюань [Избранные произведения Чэнь Юня]. Пекин, 1986.
- Чэнь Юнь няньпу [Биография Чэнь Юня]. Пекин. 2006.
- Шисянь юй таньсу – Сюй Чжиминь вэньсюань. [Реальность и поиск : Избранные произведения Сюй Чжиминя]. Сянган, 2005.
- Шэн Хун. Вэй шэммо сифан вэньмин бу нэн цзю шицзе [Почему западная цивилизация не может спасти мир] // Гайгэ нэйцань. 1995. № 19.
- Шэнь Чжихуа. Сулянь чжуаньцзя цзай Чжунго (1948–1960) [Советские специалисты в Китае, 1948–1960 годы]. Пекин, 2003.
- Шэхуэй ланьпишу, 2008 нянь: Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцэ [Голубая книга. 2008 год : анализ и прогноз социальной обстановки в Китае]. Пекин, 2008.
- Юань Синьхуа. Элосы дэ нэнъюань чжаньлюэ юй вайцзю [Энергетическая

- стратегия и дипломатия России]. Шанхай, 2007.
- Юань Фухуа.* Чжунго цзинцзи цзэнчжан : цянъли фэньси [Анализ потенциала роста китайской экономики]. Пекин, 2007.
- Юй Кэпин.* Цюаньцюхуа юй чжэнчжи фачжань [Глобализация и политическое развитие]. 2-е изд. Пекин, 2005.
- Юй Суй, Сюй Синь, Фань Дэли.* Пуцзин : нэн ши Элосы чжэньсин ма? [В.В.Путин : можно ли возродить Россию?]. Наньцзин, 2000.
- Янь Годун.* Эго ханьсюэ ши (ци юй 1917 нянь) [История российского китаеведения до 1917 г.]. Пекин, 2006.
- Янь Годун.* Элосы ханьсюэ саньбай нянь [300 лет российскому китаеведению]. Пекин, 2007.

На английском языке

- Advancing East Asian regionalism / Ed. by M.G. Curley, N. Thomas. London; New York, 2007.
- As China meets the world : China's changing position in the international community / Ed. by S. Weigelin-Schwiedrzik. Wien, 2006.
- Braddick C.W.* Japan and the Sino-Soviet alliance, 1950–1964 : in the shadow of the monolith. Houndmills etc., 2004.
- China in a globalizing world. N.Y.; Geneva, 2005.
- China's foreign affairs, 2004. Beijing, 2004; То же, 2005. Beijing, 2005.
- Cumings B.* North Korea : another country. N.Y.; L., 2004.
- Fukuyama F.* The end of history and the last man. N.Y., 1992.
- Globalization in the Asian region: impacts and consequences. Cheltenham (UK) etc., 2004.
- Growth of new technology ventures in China's emerging market. Cheltenham (UK) etc., 2006.
- Guthrie D.* China and globalization: The social, economic and political transformation of Chinese society. N.Y., 2006.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of world order. N.Y., 1996.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations? // Foreign affairs. 1993. Vol. 72, № 3. P. 22-49.
- Proceedings of the eleventh Amaldi conference on problems of global security, November 18-20, 1998, Moscow. Moscow, 1999.
- Rozman G.* Northeast Asia's stunted regionalism: Bilateral distrust in the shadow of globalization. Cambridge, 2004.
- Shenkar O.* The Chinese century : the rising Chinese economy and its impact on the global economy, the balance of power, and your job. Upper Saddle River (N.J.), 2006.
- Siberia and the Russian Far East in the 21st century : partners in the "Community of Asia": [Proceed. of an intern. symp. ... , Sapporo, July 14–16, 2004] : in 2 vol. / Ed. by Akihiro Iwashita. Sapporo, 2005.
- Sutter R.G.* China's rise in Asia : promises and perils. Lanham etc., 2005.
- What they said in Boao : speeches from Boao forum for Asia annual conference. 2005. [Boao, 2005].
- Yahuda M.* The international politics of the Asia-Pacific. L.; N.Y., 2004.
- Zhu Zhiqun.* US-China relations in the 21st century : power transition and peace. L.; N.Y., 2006.

Периодические издания

- Бэйцзин циннянь бао.
Вэньхуэй бао.
Гайгэ юй лилунь.
Гоцзи цзиньжун бао.
Гуанмин жибао.
Жэньминь жибао.
Ляован. Пекин.
Нунминь жибао.
Синчэнь цзай сянь.
Синдао ван.
Синьхуа шэ.
Хайгуань тунци.
Цайцзин жибао.
Цзинцзи жибао.
Чжунго циннань бао.
Чжунго цзинцзи шибао.
Чжунго цзиньжун шибао.
Чжунгун яньцзю.
Чжунхуа гуншан шибао.
Шицзе цзинцзи даобао.
21 шицзи цзинцзи баодао.
Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ).
Военно-промышленный курьер.
Время новостей.
Нью-Йорк Таймс (рус. изд.). Москва.
Проблемы Дальнего Востока.
VOFIT Weekly / Bank of Finland. Institute for Economies in Transition.
China Daily.
China Quarterly.
Kanwa Defense Review.
South China Morning Post. Internet edition.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Ай Цин348
Александр Невский192
Алексеев В.М.90, 92, 94, 95
Алексеев М.В.100
Андреев А.А.345
Аннан К.57
Антонов В.И.353
Архипов И.В.345
Асланов Р.М.353, 502
Астафьев Г.В.345
Атал Бихари Ваджпай531
Ахматова А.96
- Бавыкин О.М.353
Балакирев М.А.351, 354
Барышников В.Н.353
Басманов М.И.345
Белинский В.Г.41, 79
Бетховен Л. ван90
Бичурин Н.Я. 41, 71, 75, 81, 82, 89, 96,
100
Бо Цзюйи94
Бокщанин А.А.354
Борозденков В.В.354
Браунбак С.450
Брежнев Л.И.80
Будда17
Бунин В.Н.313
Буров В.Г.95
Бутов В.П.354
Буш Дж.536, 543, 544, 545, 587
- Ван Мэн94, 348
Васильев В.П.81, 82, 89, 100
Васков О.В.353
Веретенников И.Б.354
Верещагин Б.Н.353
Вернадский В.И.106
- Воскресенский Д.Н.353, 600
Вэнь Цзябао 33, 137, 138, 148, 164, 174,
179, 213, 235, 239, 431, 505, 610
Вяткин Р.В.94, 345
- Гагарин Ю.А.350
Галенович Ю.М.354, 600, 601
Галушко Н.И.12
Ганшин В.Г.11, 601
Гао Ман349, 610
Гареев М.А.10
Гвоздевич В.Д.354
Георг III69
Герасимов С.А.345
Гиренко А.Н.354
Глунин В.И.94, 313, 345
Глэдстон Дж.159
Го Можо94, 348
Голль Ш. де507
Горбачев М.С.537, 538
Горбунова С.А.354
Горемыкин Б.В.354
Горький М.71
Григоров И.В.354
Григорьев А.М.313, 354
Грызлов Б.В.307
Гумилев Л.3, 54, 197, 601
Гэ Баоцзоань348
- Данилевский Н.Я.54, 608
Данилов В.И.345
Демченко М.В.11
Джоунс Э.452
Димитров Г.269
Дин Линь348
Доронин Б.Т.354
Ду Фу94, 348
Дэн Сяожун348

- Дэн Сюэпин 38, 41, 63, 73, 125, 137, 138, 145, 149, 150, 153, 158, 161, 171, 172, 174, 175, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 210, 212, 250, 253, 267, 300, 311, 316, 329, 333, 334, 348, 466, 504, 601, 604, 610
- Ельцин Б.Н. 584
Ефимов Г.В. 345
- Жуков В.И.** 349, 354
Жуков В.С. 354
Журавлева В.П. 11
Жэнь Цзюй 349
- Зверев 269
Зоеллик Р. 362
- Иванов В.И.** 353
Иванов Ю.Н. 354
Игнатъева О.А. 354
Иисус Христос 65
Ипатова А.С. 353
Ишаев В.И. 400, 602
- Калягин А.Я.** 345
Кан Цзинюань 350
Кан Ювэй 97, 180
Канси 89, 180
Капица М.С. 94, 345
Кармен Р.Л. 345
Карнеев А.Н. 354
Карсавин Л.П. 196
Картунова А.И. 354
Кафаров П.И. 81, 89, 100
Ким Дэ Чжун . 570, 582, 589, 593, 602
Ким Ир Сен 545, 556, 571, 574, 594, 602
Ким Мён Чхоль 546
Ким Хан Гю 544
Ким Чен Ир 536, 563, 565, 572, 574, 579, 580, 581, 582, 594, 598, 602
Киссинджер Г. 157, 602
Клинтон Б. 536, 543, 544, 545
Ковалев Е.Ф. 345
Кодин М.И. 354
Козлов А.А. 354
Козырев А. 584
Койдзуми Дз. 552
Колоколов В.С. 345
- Комарова Л.Н. 354
Коновалов Е.А. 94
Конрад Н.И. 94, 96, 603
Конфуций 48, 65, 67, 75, 90, 91, 103, 107, 108, 113, 208, 316, 321, 348, 600, 605, 610
Косачев К.И. 267
Космодемьянская З. 350
Космодемьянский А. 350
Коэн А. 464
Кривцов В.А. 94, 345
Круглова З.М. 354
Крушанов М.С. 345
Крючкова К.Ф. 353
Кузык Б.Н. 44, 321, 386, 603, 604, 606
Кулик Б.Т. 94, 313, 345, 604
Куликова Г.В. 353
Къеза Дж. 9, 10
- Лавров С.В.** 510
Лазарева Т.В. 354
Лао Шэ 94, 348
Лао-цзы 65, 68, 88, 90, 108, 114, 316, 321
Лапшина Е.А. 354
Лебедев Ю. 298
Ледовский А.М. 313
Ленин В.И. . 92, 104, 135, 193, 196, 331
Леонтьев А.Л. 81, 89
Ли Бо 94, 348
Ли Дачжао 348
Ли Минбин 349
Ли Минь 348, 604
Ли Сын Ман 571
Ли Сяньнянь 330
Ли Теин 133, 333, 349, 604
Ли Фучунь 311, 348
Ли Цзинвэнь 349, 611
Ли Цзинцзе 194, 196, 349
Ли Цинчжао 348
Ли Чжаосин 436
Линь Бяо 328
Ломоносов М.В. 5, 13, 41, 95, 604
Лу Айчжэн 350
Лу Синь 72, 92, 94, 348
Лу Сюэн 161
Лу Юнсян 300, 301, 349, 604
Лю Гогуан 349
Лю Гучан 351
Лю Чжэн 203

- Лю Шаоци 311, 346, 348
 Лю Шу 350
- Ма**
 Ма Иньчу 201
 Макартней 69
 Малеева В.А. 354
 Мамаева Н.Л. 354
 Мао Дунь 94, 348
 Мао Цзэдун 63, 64, 65, 72, 80, 87, 93, 94,
 104, 125, 149, 158, 170, 171, 173, 186,
 194, 199, 215, 218, 219, 253, 296, 312,
 316, 328, 329, 337, 338, 348, 604, 607,
 611
 Маркова С.Д. 345
 Маркс К. 104, 193, 195, 208
 Матросов А. 350
 Медведев Д.А. 254, 315
 Меликсетов А.В. 94, 345
 Менгес К. 281
 Менделеев Д.И. 6, 41, 43, 60, 61, 77
 Мировицкая Р.А. 353
 Миронов С.М. 307, 381
 Мо Ди 64, 68, 86, 90, 94, 109, 110, 118,
 218, 316, 321, 608, 613
 Моисеев И. 316
 Моисеев Н.Н. 197
 Москалев А.А. 94
 Мо-цзы см. Мо Ди
 Мухаммед 65
 Мэй Ланьфань 72, 92, 345, 348
 Мэн-цзы 67, 68, 321
 Мясников В.С. 94, 97, 313, 601, 605
- Назарбаев Н.** 470
Наумов И.Н. 313
Немировский М.Л. 354
Неру Дж. 488
Никифоров В.Н. 94, 97
Новгородский Ю.В. 345
Нью Инли 350
- Онг Кенг Йонг** 462
Осипов Ю.С. 133, 290, 605
Островский Н. 349–351
Островский А.В. 354
Ошанин И.М. 95, 345
Пак Чжон Хи 571, 572, 575, 595
Панасюк В.А. 95
Панюшкин А.С. 345
- Пастернак Б.** 96
Перевертяйло А.С. 345
Переломов А.С. 313
Переломов Л.С. 95, 354
Петр I 59, 88
Петров А.А. 94
Петров В.В. 345
Плошкина С.Ю. 12
Позднеева Л.Д. 94, 95, 345
Поло Марко 75
Попов П.С. 81
Попова И.Ф. 354
Попова Н.В. 354
Портяков В.Я. 354, 606
Примаков Е.М. 596, 606
Пу Сунлин 95, 316
Путин В.В. 7, 8, 13, 19, 22, 24, 25, 31, 33,
 46, 133, 232, 235, 242, 264, 266, 272,
 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 297,
 307, 312, 314, 315, 317, 351, 359, 387,
 418, 463, 472, 475, 496, 497, 508, 531,
 532, 534, 535, 536, 558, 574, 579, 581,
 583, 585, 590, 596, 597, 598, 604, 613
Пушкин А.И. 345
Пушкин А.С. 41, 71, 350, 537, 598
Пэн Дэхуай 348
- Райс К.** 443, 453
Рахманин О.Б. 353
Рахмонов Э. 471
Рифтин Б.Л. 95
Ро Му Хён 556, 563, 570, 575
Рогачев А.П. 94, 95, 345
Рогачев И.А. 353, 606
Рогов В.Н. 92, 94, 345
Романов В.В. 354
Россохин И.К. 89
Румянцев Е.Н. 11
- Садеков Р.** 298
Сайед Хамид Акбар 436
Сапожников Г.А. 304
Сафронова Е.И. 11
Семенова О.Н. 354
Сервис Дж. 328
Сидихменов В.Я. 94
Силин К.С. 345
Симония Н.А. 525, 600, 601
Симонов К. 96

- Симоновская Л.В. 345
Син Гуанчэн 349
Сингх Дж. 483
Сингх М. 510, 531
Скачков П.Е. 96, 97
Сладковский М.И. 94
Смирнов А.Н. 354
Смирнов Д.А. 354
Солнцев В.М. 345
Солнцев М.В. 345
Сорокин В.Ф. 313, 353
Сорокин П. 54, 57
Спешнев Н.А. 354
Сталин И.В. 337
Степанов Е.Д. 313
Степанова Г.А. 354
Стражева И.В. 345
Сун Цинлин 345, 346, 348
Сунь Ятсен 94, 97, 118, 155, 180, 215, 311, 348
Сунь-цзы 94, 96, 316, 321, 442
Сурков А. 96
Сыма Цянь 94, 111, 316
Сюй Бэйхун 92, 345, 348
Сюй Куй 349
Сюнь Гуанкай 451
Сяо Гунцинь 190
- Таксин Чиноват 427
Тан Шипин 190, 245
Тао Юаньмин 94, 95
Терешкова В.В. 350, 354
Титаренко М.Л. 321, 600-603, 606, 608, 609
Титов А.С. 345
Тихвинский С.Л. 94, 95, 97, 313, 314, 321, 346, 350, 353, 602, 608
Тихонов Н.С. 345
Ткаченко В.П. 313
Тойнби А. 54, 603, 608
Толстой Л.Н. 71, 90, 110, 350
Торопцев С.А. 354
Троян Н.В. 353
Трубецкой Н.С. 79, 196, 609
Тургенев А.И. 79
Турчак Т.М. 354
- У И 254, 315
- Уланова Г.С. 345
Уянаев С.В. 11
Фань Ичжи 87
Федоренко Н.Т. 94, 96
Феокистов В.Ф. 94
Фернандес 486
Филонова Ю.И. 354
Фукуяма Ф. 55, 85
Фулбрайт Дж. 328
- Хайдеггер М. 58
Хантингтон С. 55, 56, 85
Хань Фэйцзы 321
Хидэёси Т. 567
Храбровицкая Г.И. 354
Хрущев Н.С. 64, 72, 312
Ху Аньган 129, 159, 161, 238, 349
Ху Дэпин 348
Ху Цзиньтао 114, 124, 126, 138, 145, 146, 157, 161, 170, 174, 175, 179, 181, 197, 212, 213, 216, 225, 234, 264, 266, 281, 290, 305, 315, 316, 317, 318, 349, 351, 433, 531, 534, 543, 600, 606
Ху Яобан 73, 333, 348
Хуан Сяодун 349
Хэ Фан 349
- Цай Чан 348
Цао Цзиньхуа 348
Цао Чжи 119
Царев М.И. 345
Цзоу Янь 111
Цзян Цзинго 311
Цзян Цзэминь 68, 124, 125, 128, 133, 134, 149, 155-158, 161, 169, 172, 176, 196, 197, 315, 339, 340, 424, 430, 609, 611
Ци Байши 348
Циолковский К.Э. 196
Цюй Вэй 349
Цюй Цюбо 72, 348
Цяньлун 69, 180
- Чаадаев П.Я. 79
Чайковский П.И. 350
Чан Кайши 81, 311, 346
Черепанов А.И. 345
Черкасов И.А. 354
Чернышевский Н.Г. 41

- Черчилль У. 558
Чжан Бин 282
Чжан Дэгуан 461
Чжао Цзыян 172, 333
Чжоу Эньлай 97, 328, 348, 488
Чжу Дэ 348, 609
Чжу Жунци 127, 430
Чжу Минь 348, 609
Чжу Цзяму 349, 350
Чжуан-цзы 101, 321
Чжэн Бицзянь 151, 181, 182
Чжэн Чжэндо 348
Чи Хаотянь 439, 475
Чингисхан 180
Чуйков В.И. 345
Чэнь И 348
Чэнь Куйюань 290, 349
Чэнь Лэй 350
Чэнь Хаосу 348, 349, 350
Чэнь Юань 348
Чэнь Юнь 73, 348
- Шабалин В.И. ... 11, 313, 606, 607, 609
Шан Янь 95, 321
Швецова С.И. 354
Шевелев К.В. 345
Шекспир В. 90
Шудло Т.Г. 354
Эйдлин Л.З. 94, 95, 345
Энгельс Ф. 193, 195
Эренбург Г.Б. 345
- Юань Кэ 95
Юнчжэн 180
Юрьев М.Ф. 94, 345
Якобсон Р. 79
Яковлев А.Г. 94
- Ян Фу 180
Ян Хиншун 94
Ян Цзечи 234
Ян Чжу 106
Ян Шанкунь 348
Ян Шаомин 348

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОСНОВЕ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АТР. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ МОСКВЫ В РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА	13
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА	30
О ПЕРСПЕКТИВАХ И ФОРМАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СОРАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ	43
РОССИЯ И КИТАЙ В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ	54
КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	84
РОЛЬ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ В РАЗВИТИИ И УГЛУБЛЕНИИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЕМ	88
ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ	99

РАЗДЕЛ II О МИРНОМ РАЗВИТИИ И ВОЗВЫШЕНИИ КИТАЯ

ХУ ЦЗИНЬТАО: С НОВОЙ КОМАНДОЙ ПО НЕИЗВЕДАННОМУ ПУТИ	124
РУКОВОДСТВО КНР: ПЕРВЫЙ ГОД НА НОВЫХ ПОСТАХ	134
КИТАЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ	142
ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ КНР	155

НОВЫЙ ЭТАП РЕФОРМ. КУДА ИДЕТ КИТАЙ?	162
О КОНЦЕПЦИИ УСИЛЕНИЯ МОЩИ, ВОЗВЫШЕНИЯ И МИРНОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ	176
О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ	188
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КНР И ВОПРОСЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ	199
XVII СЪЕЗД КПК – «ПЕРСПЕКТИВЫ СВЕТЛЫЕ, НО ПУТЬ ИЗВИЛИСТЫЙ»	208
ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО	223

РАЗДЕЛ III РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ И СОРАЗВИТИЯ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПРОЧНАЯ БАЗА, БЛАГОПРИЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	232
ЧТО ТАКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО?	256
К ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ	261
ДОГОВОР 2001 ГОДА – ПРОЧНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	269
НОВЫЙ ЭТАП И НОВЫЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ	275
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ	280
РАЗВИТИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ РОССИЙСКО- КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	289
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	293
О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	305
УКРЕПЛЯТЬ ДОБРОСОСЕДСТВО И ДРУЖБУ С КИТАЕМ	311
ВАЖНЫЕ ШАГИ УГЛУБЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	315
ФАКТОР США В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	322

РОССИЯ И ТАЙВАНЬ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	337
СЛАВНЫЕ ЮБИЛЕИ	344

РАЗДЕЛ IV РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

РОССИЯ И КИТАЙ НА ИНТЕГРАЦИОННОМ ПОЛЕ АТР: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	356
СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК – СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ИНТЕГРАЦИИ РФ В АТР	371
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И АСЕАН	408
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И АТЭС	415
КИТАЙ В АТР: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ	423
ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	444
ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА – АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	469

РАЗДЕЛ V РОССИЯ–ИНДИЯ–КИТАЙ

О ПЕРСПЕКТИВАХ ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	476
ПОД ФЛАГОМ «ПАНЧА ШИЛА»	487
ТРЕХСТОРОННЕЕ ПАРТНЕРСТВО: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	497
ВО ИМЯ МИРА, СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ	509
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	516
РОССИЙСКО-ИНДИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ФАКТОР США	524

РАЗДЕЛ VI РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

ПРОБЛЕМЫ КОРЕИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ	535
БЕЗОПАСНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ НА ПОЛУОСТРОВЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	539

О СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ	545
КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	555
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ	558
О РОЛИ КОРЕИ В СУДЬБАХ АЗИИ	567
ОТНОШЕНИЯ РФ И КНДР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	577
КУРСОМ МИРА И СБАЛАНСИРОВАННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	584
МЕСТО КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	591
БИБЛИОГРАФИЯ	599
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	615

Научное издание

Михаил Леонтьевич Титаренко

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЯ, КИТАЙ И ДРУГИЕ СТРАНЫ АЗИИ**

Редактор
Демченко М.В.

Компьютерный набор
Галушко Н.И.

Корректор
Рынькова Г.Н.

Издательство
“Памятники исторической мысли”
115597, Россия, Москва, ул. Воронежская, 38-334
Подписано в печать 14.10.08. Формат 60X90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 39,4. Усл. печ. л. 39
Тираж 1000 экз.
Заказ №

